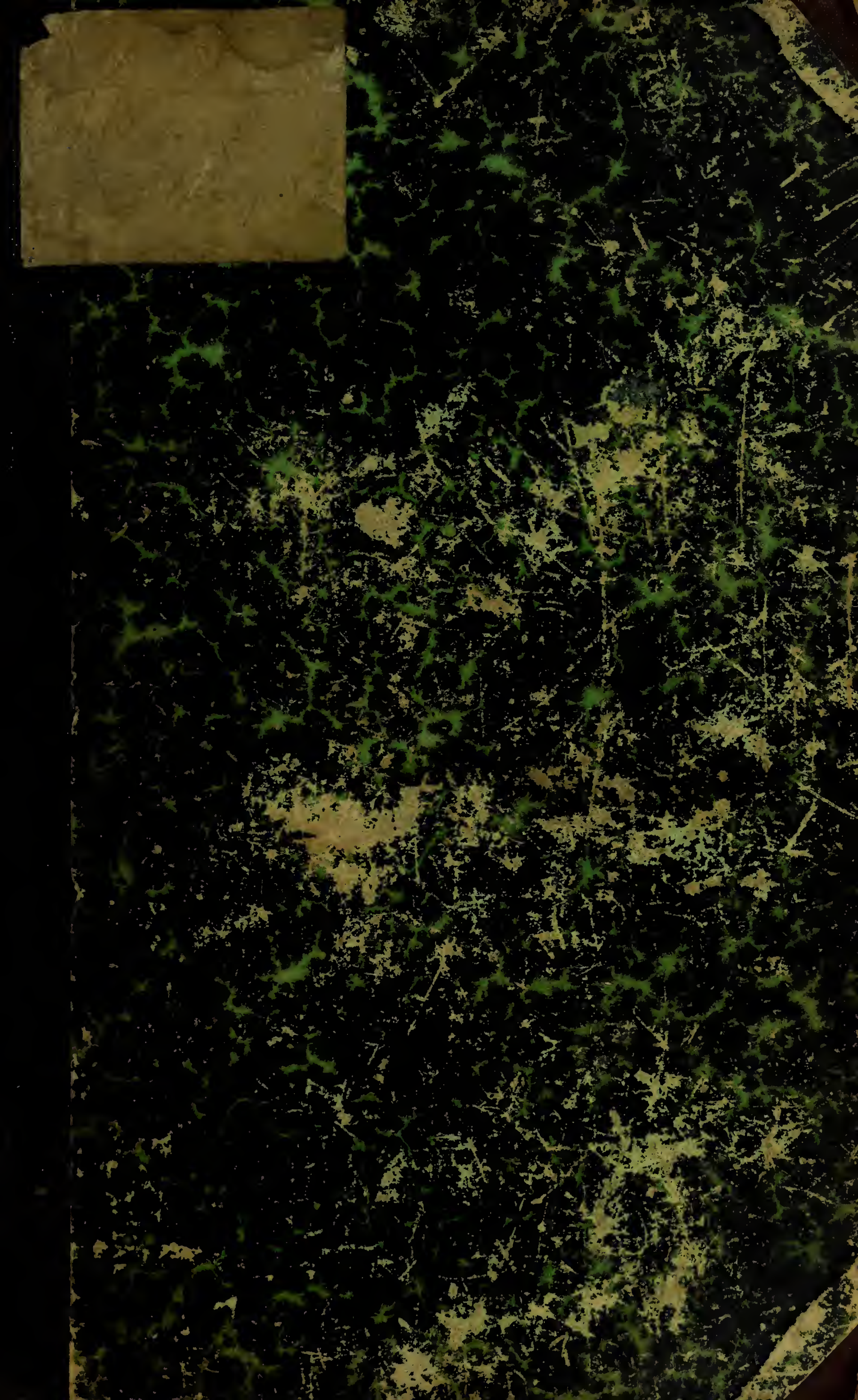


Для свѣдѣнія читателей-членовъ

ВЯТСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ 1908 г.

§§ 80, 81, 82, 83 Уст.

№ .... полученъ съ почты „ ...." .... 191 г.

Назначенъ къ отпуску для чтенія на дому (безъ штрафа):

1) **на 5 дней** — въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ:

„ ......" .... *191 г.*

2) **на 15 дней** — въ послѣдующіе мѣс., до конца года,

3) **до одного мѣсяца** — по прошествіи года.

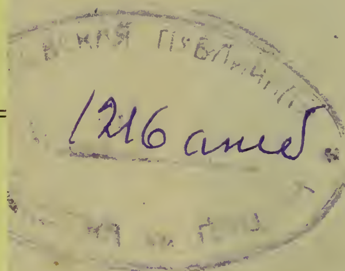
Размѣръ штрафа

за каждый лишній день удержанія:

1) первой категоріи . . . . . 15 коп.,

2) второй категоріи . . . . . 10 коп.,

3) третьей категоріи . . . . . 5 коп.



ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

МАЙ, 1915 Г

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАИ 1915 г.

(См. слѣд. стран.).

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КУГУШЕВЪ.

ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ третьяго февраля французское правительство извѣстило о слѣдующемъ: сильныя снѣжныя метели нѣсколько разъ въ теченіе дня 23-го февраля препятствовали возобновленію операцій. Утромъ непріятель пытался отнять у насъ лѣсной участокъ, взятый французами 22-го февраля на западѣ отъ Перта. Германцы были здѣсь отбиты, а затѣмъ контръ-атакой французамъ удалось продвинутьсн въ сѣверномъ и восточномъ направленіяхъ, захвативъ при этомъ плѣнныхъ. Продвиженіе это продолжалось и усилилось послѣ полудня. Въ районѣ Перта французы заняли болѣе 500 метровъ непріятельскихъ траншей. Между Менилемъ и Босежуромъ они уступили нѣсколько метровъ занятыхъ ими 22-го февраля траншей на хребтѣ возвышенности къ сѣверо-востоку отъ Мениля. Въ районѣ Сентъ-Міэля, лѣса Брюлэ и Апремонскаго лѣса, французы утвердились въ траншеѣ германцевъ, въ которой нашли большое количество запасовъ. У Лепретрскаго лѣса, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона, германцы пытались повести атаку, которая, однако, была остановлена въ самомъ началѣ. Въ мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ Бадонвилье, французы продолжали продвигаться впередъ. Въ Эльзасѣ, на Рейхаккеркопфѣ, французскія войска отбили непріятельскую контръ-атаку.

22-го февраля 4 французскихъ броненосца «Суффренъ», «Голуа», «Шарлемэнь» и «Буве» и два англійскихъ «Агамемнонъ» и «Лордъ Нельсонъ», вошли въ Дарданельскій проливъ. Въ то время, какъ англійскія суда бомбардировали съ большого разстоянія форты узкой части пролива, отдѣляющей Канакъ-Кале отъ Килидъ-Бара, французскіе броненосцы прикрывали ихъ, обстрѣливая батареи Дардана и Суандерэ, а также скрытыя батареи, каковыя были приве-

дены къ молчанію. Форты Румеліэ, Меджидіэ и Табіа на европейскомъ берегу и Хамидіэ-Табіа на азіатскомъ берегу отвѣчали на огонь англійскихъ броненосцевъ, но были также разрушены.

24-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на всемъ фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой боевыя дѣйствія 23-го февраля имѣли весьма упорный характеръ. Наша конница захватила часть непріятельскаго обоза, отходившаго къ с. Сейны. На августовскомъ направленіи бой ведется въ двухъ верстахъ отъ станціи Августовъ. У Оссовца крѣпостная артиллерія успѣшно борется съ осадными батареями. Германская атака на путяхъ отъ Кольно къ Ломжѣ отбита. Къ югу отъ Хоржеле непріятель вводитъ въ бой значительныя силы. Германцы, наступавшіе къ югу отъ Дробина, отброшены назадъ съ большими потерями. На лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Пилицы, наши и непріятельскія атаки чередуются; нами захвачены плѣнные и пулеметы. Въ Карпатахъ, на балигродскомъ направленіи, несмотря на неисчислимыя потери, атаки австрійцевъ продолжаются. Близъ селенія Студене непріятелю удалось захватить передовые окопы двухъ нашихъ батальоновъ. На ужокскомъ и мункачскомъ направленіяхъ непріятель также велъ атаки, въ общемъ безуспѣшныя. Послѣ ожесточеннаго боя непріятеля 22-го февраля захватилъ большую часть высоты 992, у Козювки, но уже къ утру 23-го февраля наша контръ-атака увѣнчалась здѣсь успѣхомъ, и непріятель былъ выбитъ изъ всѣхъ нашихъ окоповъ, захваченныхъ имъ на этой высотѣ. Къ сѣверо-востоку отъ Клауссе намъ сдался остатокъ обошедшей нашъ флангъ австрійской колонны. Въ Зачорохскомъ районѣ наши войска съ боемъ заняли важный пунктъ, отбросивъ турокъ къ юго-западу и нанеся имъ большія потери.

24-го февраля французское правительство офиціально увѣдомило о слѣдующемъ:

23-го февраля вечеромъ непріятель до ночи усиленно бомбардировалъ районъ къ востоку отъ Стенстратэ, на югѣ отъ Диксмюде. Произведенная непріятелемъ попытка повести атаку не удалась. У Рейхаккеркопфа нѣсколько предпринятыхъ непріятелемъ атакъ были съ легкостью отражены.

На сѣверъ отъ Арраса, у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ бой происходилъ цѣлый день, не измѣнивъ расположенія противника. Въ Шампани происходили весьма упорные бои, благопріятные для французовъ. Между Суэномъ и Пертомъ, въ лѣсу, въ которомъ французы укрѣпились три дня назади, мы отбили двѣ контръ-атаки и добились новыхъ успѣховъ. Равнымъ образомъ французы продвинулись впередъ въ лѣсу на востокѣ въ непосредственной близости отъ Перта. Къ сѣверу отъ той же деревни непріятельская атака была отбита. На возвышенности къ сѣверо-востоку отъ Мениля продвиженіе французовъ 23-го февраля, которое равнялось 450 метрамъ, увеличилось еще на 200 метровъ. Французы заняли нѣмецкое укрѣпленіе и захватили картечницу, 3 пулемета и взяли плѣнныхъ. Укрѣпленія противника была чрезвычайно сильны. Они состояли изъ прикрытій и блиндажей съ картечницами и изъ весьма глубокихъ подземныхъ помѣщеній. Наконецъ къ сѣверу отъ Мениля французы взяли обратно нѣсколько метровъ траншей. Въ Аргоннахъ, между Фуръ-де-Пари и Болантдомъ

французы произвели атаку, которая дала имъ возможность завладѣть полевой германской линіей на 200 метровъ.

24-го февраля фельдмаршалъ Френчъ сообщилъ: «Положеніе на британскомъ фронтѣ безъ перемѣнъ. Мы попрежнему успѣшно боролись съ лучшими непріятельскими стрѣлками близъ Лабассэ. Подобные же результаты достигнуты на другихъ частяхъ фронта, въ особенности въ районѣ Ипра. Въ ночь съ 20-го на 21-ое февраля въ германскомъ окопѣ къ юго-востоку отъ Ипра взорвалась мина. Воронка мины временно занята нами. На нѣкоторыхъ секторахъ непріятельская артиллерія проявила болѣе активную дѣятельность, но результатъ этой дѣятельности представляется несущественнымъ».

24-го февраля были получены слѣдующія офиціальныя извѣстія о бомбардировкѣ Дарданеллъ.

«Днемъ 23-го февраля броненосецъ «Queen Elisabeth», поддержанный четырьмя другими броненосцами, вошелъ въ Дарданеллы и бомбардировалъ тяжелой артиллеріей форты Румели, Меджидіэ и Табіа, расположенные на южной стрѣлкѣ Килидъ-Бара. Дурная погода помѣшала операціямъ.

«Британскія потери въ Дарданеллахъ въ теченіе 19-го февраля составляютъ: 25 убитыхъ, 28 раненыхъ и 9 пропавшихъ безъ вѣсти».

24-го февраля англійское адмиралтейство сообщило, что германская подводная лодка «U 20» была протаранена и потоплена контръ-миноносцемъ «Ariel». Экипажъ сдался.

У Скарборо миною былъ потопленъ британскій пароходъ «Tangistan»; изъ 38 человѣкъ команды спасенъ одинъ. У Гастингса миной потопленъ пароходъ «Blackvood»; команда въ составѣ 17 человѣкъ спасена. У Ливерпуля потопленъ пароходъ «Princess Victoria», команда въ числѣ 34 спасена.

25-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ сувалковскомъ районѣ мы продолжаемъ успѣшно наступать. Наша конница близъ Сейнъ и Краснополя взяла въ плѣнъ до 200 германскихъ пѣхотинцевъ. По Оссовцу 23 и 24 февраля непріятель выпустилъ большое количество 12-дюймовыхъ бомбъ. На всемъ фронтѣ на правомъ берегу Нарева ведется сильный огневой бой, отъ Хоржеле къ Праснышу и вдоль рѣки Оржицъ непріятель наступаетъ значительными силами, полученными путемъ перегруппировки за счетъ гродненскаго района, а также вновь подвезенными изъ внутреннихъ областей Германіи. На лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Пилицы, наши контръ-атаки, несмотря на встрѣчаемое сильное противодѣйствіе, имѣютъ успѣхъ, мы постепенно продвигаемся впередъ и захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ и пулеметы. У Лопушно нами отбиты дневныя и ночныя атаки, которыя велись германцами въ густыхъ строяхъ. На Дунайцѣ продолжался сильный артиллерійскій огонь. Въ Карпатахъ австрійцы вели многочисленныя атаки на всемъ фронтѣ отъ Горлице до ужокскаго направленія, но были отброшены съ большими потерями. Въ Восточной Галиціи положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ зачорохскомъ районѣ продолжались бои.

25-го февраля французское правительство опубликовало слѣдующее офиціальное объявленіе:

«Комиссія по установленію нарушеній международнаго права, совершенныхъ германцами, публикуетъ отчетъ, въ которомъ приводятся заявленія гражданскихъ лицъ, задержанныхъ въ Германіи, вопреки международному праву, и недавно вернувшихся на родину. Всѣ заявленія согласуются въ слѣдующихъ пунктахъ:

«Семьи разлучались, и, въ частности, дѣти отдѣлялись отъ матерей. Заложниковъ заставляли дѣлать утомительные переходы пѣшкомъ и затѣмъ цѣлыми днями перевозили ихъ въ вагонахъ для скота, не давая пищи. Въ германскихъ лагеряхъ помѣщеніе плѣнниковъ представлялось крайне несовершеннымъ. Приспособленія для ночлега были недостаточны и состояли обыкновенно изъ тюфяка, набитаго стружками, и двухъ одѣялъ, часто же просто разстилалась на землѣ солома, которую никогда не мѣняли. Результаты въ смыслѣ чистоты и гигіены представлялись плачевными. Изобиловали насѣкомыя. Пища была плохая и крайне скудная, почти всегда безъ мяса, а хлѣбъ былъ похожъ на мастику. Большая часть плѣнниковъ доходила до полнаго почти истощенія. Дисциплина въ общемъ была весьма строгая. Санитарное состояніе плачевное, а смертность значительная, такъ какъ ухода почти не имѣлось. Особенно часты были бронхитъ и воспаленіе легкихъ. Вслѣдствіе такого режима возвратившіеся на родину оказались въ крайне слабомъ состояніи, и здоровье ихъ совершенно разстроилось.

«Германія, претендовавшая на самую видную роль въ борьбѣ съ туберкулезомъ, на самомъ дѣлѣ подготовила распространеніе его во Франціи».

Въ Бельгіи германцы ожесточенно бомбардировали городъ Ньюпоръ изъ орудій 42-сантиметроваго калибра. Между рѣкой Лиссомъ и каналомъ Лабассэ англійскія войска, поддерживаемыя французской тяжелой артиллеріей, имѣли существенный успѣхъ; они взяли селеніе Невъ-Шапель, находящееся къ востоку отъ дороги изъ Эстеръ на Лабассэ, и продвинулись впередъ къ сѣверо-востоку отъ этого селенія въ направленіи Обера и къ юго-востоку отъ него въ направленіи Ріезскаго лѣса. Англичане взяли здѣсь около 1.000 человѣкъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ, захвативъ, кромѣ того, пулеметы. Потери германцевъ убитыми и ранеными были очень велики. Въ Шампани непріятель произвелъ нѣсколько ожесточенныхъ атакъ въ ночь съ 24-го на 25-ое и днемъ 25-го февраля, но не былъ въ состояніи отнять у французовъ ни пяди земли. Французскія войска усилили и расширили свои позиціи на возвышенностяхъ, которыми они завладѣли, нанеся нападавшимъ сильный уронъ. На правомъ берегу Мааса французская артиллерія совершенно разрушила нѣсколько непріятельскихъ траншей.

26-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что между Нѣманомъ и Вислой особенно упорные бои происходили 25-го февраля въ районѣ Симно, въ долинахъ Омулева и Оржица и на праснышсокмъ направленіи. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Въ Карпатахъ всѣ непріятельскія атаки отражены, причемъ у Горлице нашей контръ-атакой уничтожены австрійскія части, пытавшіяся, послѣ неуспѣшной ночной атаки, окопаться предъ нашимъ фронтомъ. Въ Восточной Галиціи, въ югу отъ Нижніова мы потѣснили германцевъ.

24-го февраля нашими войсками въ Зачорохскомъ краѣ отбито у турокъ два орудія. Въ бою подъ Дильманомъ на азербейджанскомъ направленіи захвачено нами одно турецкое орудіе съ тремя зарядными ящиками.

26-го февраля французское правительство извѣстило о слѣдующемъ: «Въ теченіе атаки 25-го февраля англичане заняли участокъ непріятельскихъ траншей протяженіемъ въ 2,500 метровъ у селенія Невъ-Шапель, а также и селеніе;

затѣмъ англійскія войска продвинулись далѣе въ направленіи Обера до Ріетрской мельницы и въ юго-восточномъ направленіи до сѣверной границы Біезскаго лѣса, т. е. приблизительно на два километра отъ Невъ-Шапель. Огонь германской артиллеріи былъ слабъ. Густой туманъ на многихъ пунктахъ фронта значительно стѣснялъ операціи. Въ Бельгіи небольшая англійская эскадра

Генералъ-отъ-инфантеріи А. Н. Селивановъ.
Герой войны.

успѣшно бомбардировала Вестенде. На ипрскомъ участкѣ французы отбили двѣ атаки близъ Зандсворде. Въ районѣ Невъ-Шапель англійскія войска отбили двѣ непріятельскія контръ-атаки, нанеся Германцамъ значительный уронъ.

«Въ Шампани французы значительно продвинулись впередъ въ лѣсу къ западу отъ Перта, гдѣ они утвердились пять дней назадъ. Непріятель защищался здѣсь съ ожесточеніемъ. Невзирая на сильный артиллерійскій огонь и нѣсколько контръ-атакъ непріятеля, французы удержали за собою занятыя позиціи.

На Аргонской возвышенности, въ районѣ Фуръ-де-Пари и Болантъ, во время боевъ французы захватили одинъ бомбометъ и одинъ пулеметъ. Въ Вогезахъ мы отбили одну контръ-атаку на Рейхаккеркопфѣ».

Далѣе въ донесеніи мы читаемъ слѣдующее: «Военными дѣйствіями, развивавшимися въ Шампани въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль, вполнѣ достигнута намѣченная цѣль. Послѣдняя была двоякаго свойства: мѣстнаго и общаго. Мѣстные результаты сводятся къ непрерывному продвиженію нашихъ войскъ; успѣхи наши здѣсь выражаются въ отнятіи у непріятеля съ конца декабря площади, имѣющей протяженіе по франту въ 7 километровъ, въ глубину же отъ 2 до 3 километровъ. Въ настоящій моментъ мы господствуемъ надъ линіей возвышенностей, представляющихъ благопріятную базу для дальнѣйшаго наступленія. Потери германцевъ были здѣсь чрезвычайно велики: 2 гвардейскихъ полка почти совершенно уничтожены; 2-й и 5-й ротъ второго гвардейскаго полка больше не существуетъ, 1-я, 6-я и 7-я роты того же полка соединены въ одну. Количество вводившихся непріятелемъ въ дѣло войскъ колебалось между четырьмя и пятью съ половиною корпусами. На поляхъ сраженій нами найдено 10,000 германскихъ труповъ. Въ плѣнъ нами взято 2.000 человѣкъ, принадлежащихъ къ 5 различнымъ корпусамъ; кромѣ того, мы захватили скорострѣльныя орудія и много пулеметовъ. Настроеніе плѣнныхъ весьма подавленное; въ германскихъ частяхъ, которыя вынуждены были держаться въ траншеяхъ, вырываемыхъ по мѣрѣ нашего продвиженія, наблюдались случаи помѣшательства. Цѣлью общаго характера, притомъ главной цѣлью военныхъ дѣйствій въ Шампани съ 3-го февраля было задержать возможно большее число германскихъ войскъ, принудить ихъ къ расходованію большаго количества снарядовъ и воспрепятствовать перевозкѣ войскъ на русскій фронтъ. Цѣль эта была вполнѣ достигнута. Въ Шампани у германцевъ къ 3-му февраля было 119 батальоновъ, 31 эскадронъ, 64 полевыхъ батареи и 20 батарей тяжелыхъ орудій. Въ промежутокъ времени съ 3-го по 25-ое февраля германцы ввели въ дѣло еще 20 батальоновъ, изъ нихъ 6 гвардейскихъ, 2 гвардейскія батареи тяжелыхъ орудій, 1 полкъ полевой артиллеріи, то есть въ общемъ приблизительно одинъ корпусъ. Однако, несмотря на эти подкрѣпленія, германцамъ не удалось одержать верхъ и, кромѣ того, они были лишены возможности перебросить войска на восточный фронтъ. Этимъ способомъ была облегчена блестящая побѣда, одержанная съ 12-го по 18-ое февраля русскими войсками, и было обусловлено поспѣшное отступленіе германцевъ, сопровождавшееся взятіемъ 10,000 германцевъ въ плѣнъ и большого количества орудій и пулеметовъ. Значительная часть германскихъ войскъ, отправленныхъ въ Шампань между 24-го января и 25-го февраля, была доставлена изъ сѣвернаго района, гдѣ англійская армія 25-го февраля одержала впервые успѣхъ. Такимъ образомъ, лишній разъ на пользу союзныхъ армій проявилась ихъ тѣсная солидарность въ военныхъ операціяхъ».

26-го февраля англійское военное министерство увѣдомило:

«25-го февраля четвертый и индійскій корпуса продвинулись впередъ приблизительно на три четверти мили на фронтѣ протяженіемъ въ 4,000 ярдовъ, овладѣвъ всѣми находившимися на пути позиціями и траншеями непріятеля и захвативъ свыше 700 плѣнныхъ. Англійскіе аэропланы принимали участіе въ

дѣйствіяхъ, причемъ имъ удалось разрушить соединенія желѣзныхъ дорогъ въ Куртрэ и Мененѣ».

27-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Сувалкскомъ районѣ непріятель, продолжая удерживать Симно и Августовъ, перешелъ въ наступленіе на городъ Сейны, въ районѣ котораго происходилъ бой. На правомъ берегу Нарева сильный артиллерійскій огонь. На фронтѣ между Омулевымъ и Оржицомъ и на праснышскомъ направленіи наступленіе непріятеля сдерживается нашими войсками. На лѣвомъ берегу Вислы безъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ, на фронтѣ между Горлице и Лупковскимъ переваломъ, мы произвели рядъ энергичныхъ контръ-атакъ. Къ югу отъ Горлице непріятельскія части, перешедшія Сенкувку и пытавшіяся укрѣпиться на ея правомъ берегу, были переколоты. Наши развѣдчики окружили три выдвинутыя впередъ въ различныхъ мѣстахъ австрійскія роты, сдавшіяся намъ полностью.

Наибольшій успѣхъ имѣлъ нашъ фланговый ударъ въ районѣ главной австрійской атаки, гдѣ нами взяты селенія Лупковъ и Смольникъ съ окружающими высотами и захвачены двѣ тяжелыя гаубицы, два полевыхъ орудія, 7 пулеметовъ, перевязочные пункты съ врачами, всего плѣнныхъ взято до 4,000 съ 70 офицерами.

Въ районахъ Раббе и Козювки непріятель вновь производилъ безуспѣшныя яростныя атаки, доблестно повсюду отраженныя нашими войсками, съ огромными потерями для непріятеля.

Въ Восточной Галиціи у сел. Незвиска на Днѣстрѣ донскіе казаки уничтожили цѣликомъ 3 эскадрона прусскихъ гусаръ. Уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ, въ числѣ 10 офицеровъ и 25 гусаръ.

На фронтѣ кавказской арміи за 25-ое февраля серьезныхъ боевыхъ столкновеній не было. Въ Зачорохскомъ краѣ перестрѣлки продолжались.

На западно-европейскомъ фронтѣ, по офиціальному сообщенію французскаго правительства отъ 28-го февраля, положеніе военныхъ дѣлъ было слѣдующее:

У излучины Изера бельгійцы закрѣпили и увеличили достигнутые ими передъ тѣмъ результаты. Англійская войска, продолжая продвигаться впередъ, перешли ручей Лэ (Layes), идущій параллельно дорогѣ Невъ-Шапелль—Флербэ и находящійся между этой дорогой и Оберомъ. Здѣсь англійскими войсками занято нѣсколько непріятельскихъ траншей, а къ концу дня англичане достигли такъ называемой «Адской улицы», идущей отъ сѣверо-запада къ юго-востоку по направленію къ Оберу и обслуживающей предмѣстье Обера. Къ юго-востоку отъ Пьетра англійскія войска овладѣли нѣсколькими группами домовъ, приведенными германцами въ оборонительное состояніе. Въ теченіе дня англичанами захвачено около тысячи плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. По лѣвую и по правую сторону англійской арміи французскія войска поддерживали операціи англичанъ интенсивнымъ артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ Шампани французскія войска продолжали продвигаться впередъ и къ концу дня на сѣверныхъ склонахъ хребта и къ сѣверо-востоку отъ Мениля захватили 150 плѣнныхъ. У Рейхаккеркопфа непріятель послѣ ожесточенной бомбардировки пы-

тался произвести атаку, которая была остановлена французскими войсками. Послѣ энергичныхъ столкновеній предыдущихъ дней установилось почти полное спокойствіе съ обѣихъ сторонъ на всемъ протяженіи фронта. День 28-го февраля былъ отмѣченъ только нѣсколькими артиллерійскими боями. Французы вездѣ упрочили за собою свои позиціи. Во время очищенія оставшагося за ними поля сраженія и сбора оружія, французы обнаружили два германскихъ пулемета, такъ что общее число потерянныхъ непріятелемъ въ этомъ пунктѣ пулеметовъ достигаетъ четырехъ. Въ лѣсу Лепретръ французы рѣшительно отразили попытку германцевъ произвести атаку.

28-го февраля фельдмаршалъ Френчъ сообщилъ слѣдующее:

«Седьмая дивизія сегодня нѣсколько продвинулась впередъ по направленію къ Оберу. Бой отличался особымъ упорствомъ, такъ какъ непріятель получилъ сильныя подкрѣпленія и выступилъ сегодня противъ моего праваго фланга силами не менѣе двухъ дивизій. Англійскими войсками захвачено 612 плѣнныхъ; прибываютъ новые плѣнные. Военные летчики проявляютъ большую дѣятельность и сегодня прервали связь между Дономъ и Дуэ».

Великобританское адмиралтейство того же 28 февраля увѣдомило о томъ, что еще 7 британскихъ судовъ, вмѣстимостью отъ 1795 до 4658 тоннъ, подверглись нападеніямъ германскихъ подводныхъ лодокъ въ періодъ времени съ 25-го февраля. Эти случаи произошли въ Ламаншѣ, Бристольскомъ каналѣ и Ирландскомъ каналѣ. Пять изъ этихъ судовъ были потоплены.

Германскій крейсеръ «Kronprinz Wilhelm» потопилъ пароходъ «Guadeloupe». Германскій посолъ въ Вашингтонѣ выступилъ на защиту вспомогательнаго крейсера «Prinz Eitel Friedrich», потопившаго американскій пароходъ «William Frye». Шведскій пароходъ «Hanna» по выходѣ изъ Скарборо потопленъ подводной лодкой.

Продолжалась бомбардировка Дарданеллъ, фортовъ Намазіе, Гамидіе и Чанакъ. Мины выловлены на протяженіи трехъ миль отъ Суандора.

1-го марта Государь Императоръ прибылъ въ дѣйствующую армію.

1-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что между Нѣманомъ и Вислой бои ведутся лишь въ долинахъ Омулева, Оржица и на праснышскомъ направленіи, въ общемъ на фронтѣ около пятидесяти верстъ. Попытки непріятеля продвинуться были всюду отражены. Наши войска, перейдя 28-го февраля въ контръ-атаку, овладѣли нѣсколькими селеніями. Въ прочихъ районахъ праваго берега Бобра и Нарева и лѣваго берега Вислы велся только огневой бой.

Въ Карпатахъ происходила сильная вьюга. Въ районѣ Лупковскаго перевала мы продвинулись впередъ и взяли свыше 600 плѣнныхъ, при 14 офицерахъ и 6 пулеметахъ. На фронтѣ Раббе—Радзѣевъ—Студенне австрійцы продолжали попытки прорвать нашъ фронтъ, но понесли тяжелыя потери. Въ районѣ Козювки и Рожанки германцы вновь вели непрерывныя яростныя атаки на наши позиціи. Атаки эти, однако, повсюду отражены съ громаднымъ для непріятеля урономъ. При контръ-атакѣ нами захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Въ Восточной Галиціи мы легко отбили повторныя атаки непріятеля близъ селенія Незвиска на Днѣпрѣ. При этомъ одинъ австрійскій батальонъ былъ

совершенно разсѣянъ нашей контръ-атакой. Подъ Перемышлемъ мы овладѣли непріятельскими позиціями у сел. Малковице. Занимавшій эти позиціи австрійскій батальонъ взятъ въ плѣнъ.

27-го февраля бой въ Зачорохскомъ районѣ происходилъ на широкомъ фронтѣ. Турки повсюду были отбиты. Въ Алашкертской долинѣ наши войска послѣ столкновенія съ курдами отбросили ихъ къ югу.

Генералъ-лейтенантъ Д. Г. Щербачевъ.
Герой войны.

1-го марта французское офиціальное сообщеніе гласило:

«Бельгійскія войска продолжали продвигаться въ излучинѣ Изера. Ихъ артиллерія, опираясь на нашу тяжелую артиллерію, разрушила опорный пунктъ, устроенный германцами на кладбищѣ въ Диксмюде. Непріятель бомбордировалъ Ипръ, здѣсь было нѣсколько жертвъ среди гражданскаго населенія. Германцы также бомбрадировали соборъ въ Суассонѣ и сосѣдній квар-

талъ. На сѣверѣ отъ Реймса напротивъ Люксембургскаго лѣса непріятель пытался овладѣть одной изъ нашихъ передовыхъ траншей, но былъ отраженъ. Послѣ этого Реймсъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Шампани мы къ вечеру съ 28-го февраля отбили всѣ контръ-атаки и, преслѣдуя непріятеля, отняли нѣсколько траншей. Въ одной изъ нихъ мы нашли около 100 труповъ и снаряженіе. Въ Аргоннахъ у Фуръ-де-Пари атака, направлявшаяся противъ нашихъ линій, была рѣшительнымъ образомъ остановлена. Въ Лотарингіи наши патрули заняли Эмбермениль. Въ Вогезахъ артиллерійскій бой».

«Небольшая англійская эскадра бомбардировала Вестенде; результаты бомбардировки были удовлетворительны. У Невъ-Шапель англичане имѣли рѣшительный успѣхъ; они продвинулись здѣсь на 1,200—1,500 метровъ на фронтѣ приблизительно въ три километра, причемъ заняли послѣдовательно три линіи траншей и сильно укрѣпленный пунктъ къ югу отъ Невъ-Шапель.

«Ожесточенныя контръ-атаки германцевъ были всѣ отбиты, причемъ непріятель понесъ серьезныя потери и оставилъ англичанамъ плѣнныхъ въ количествѣ, значительно превышающемъ сообщенную сначала цифру. Полевая и тяжелая англійская артиллерія весьма успѣшно подготовила бой и поддержала стремительную атаку пѣхоты.

«Въ Шампани мы упрочили нашу новую линію фронта, продвинувшись на нѣкоторыхъ пунктахъ; кромѣ того, мы обезпечили наше расположеніе на линіи возвышенностей, отнятыхъ у непріятеля. На Аргонской возвышенности, между Фуръ-де-Пари и Болантъ, мы заняли 300 метровъ траншей и взяли плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находились офицеры.

«Непріятель въ теченіе того же дня произвелъ двѣ контръ-атаки, но былъ окончательно отброшенъ. На правомъ берегу Мааса, у Эпаржа, германцы пытались повести атаку, которая, однако, была въ самомъ началѣ остановлена нашимъ огнемъ. То же произошло и у Шамуа, къ сѣверу отъ Бадонвиллье».

1-го марта великобританское военное министерство сообщило, что произведенная 28-го февраля послѣ полудня непріятелемъ ожесточенная контръ-атака, равно какъ и нѣсколько менѣе значительныхъ контръ-атакъ были всѣ отбиты нами. Судя по количеству труповъ, найденныхъ на разныхъ участкахъ поля сраженія, и по разсказамъ плѣнныхъ, число которыхъ нынѣ достигло 1.720 человѣкъ, потери непріятеля въ этихъ бояхъ, несомнѣнно, весьма велики и за три дня составляютъ немногимъ менѣе 10,000 человѣкъ. Утромъ 1-го марта нашимъ аэропланомъ былъ взорванъ поѣздъ на станціи Донъ.

2-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ праснышскомъ районѣ мы на всемъ фронтѣ отъ желѣзной дороги на Млаву до рѣки Оржица и на лѣвомъ ея берегу съ боемъ продвинулись впередъ. Контръ-атаки греманцевъ были повсюду отражены. Артилерія Оссовца подбила нѣсколько тяжелыхъ орудій на осадныхъ батареяхъ, находящихся на дистанціи дѣйствительнаго огня отъ крѣпости. На лѣвомъ берегу Вислы боевъ не было.

Въ Карпатахъ въ общемъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Атаки австрійцевъ на балигродскомъ направленіи и германцевъ на высоту 992 у Козювки были отражены. Въ Восточной Галиціи наши войска оттѣснили непріятеля въ районѣ къ сѣверу отъ Обертыня.

Подъ Перемышлемъ происходилъ артиллерійскій бой.

28-го февраля въ Зачорохскомъ краѣ наши войска, закрѣпивъ за собой Дзансульскій заводъ и перевалъ съ путями отъ завода на Хопу, настойчиво продвигались впередъ, сбивая турокъ съ занимаемыхъ ими позицій. Попытки турокъ на нѣкоторыхъ направленіяхъ къ переходу къ частичному наступленію были отбиты нашими войсками.

2-го марта французское правительство сообщило слѣдующее

«Бельгійская армія продолжала продвигаться въ излучинѣ Изера и къ югу отъ Диксмюде. Британскія войска подверглись ожесточеннымъ атакамъ вчера вечеромъ у Сентъ-Элуа къ югу отъ Ипра и сначала нѣсколько отступили, но затѣмъ, перейдя въ контръ-атаку, отбили часть уступленнаго пространства. Сраженіе продолжается. Въ районѣ Невъ-Шапель не произошло никакихъ измѣненій. Въ Аргоннахъ непріятель днемъ 1-го марта произвелъ въ третій разъ ожесточенную контръ-атаку съ цѣлью отбить траншеи, занятыя нами между Фуръ-де-Пари и Болантомъ. Эта атака, подобно предыдущимъ, была отражена.

«День 2-го марта отмѣчается многими благопріятными для насъ дѣйствіями. Въ области Ломбартзиде наша артиллерія успѣшно бомбардировала укрѣпленія непріятеля. Германцы пытались отбить у насъ небольшое укрѣпленіе, взятое нами въ ночь съ 27-го на 28-е февраля, но были отражены, оставивъ на мѣстѣ 50 убитыхъ; наши потери были незначительны. Къ югу отъ Ипра британская армія, которую атака германцевъ заставила вчера отойти за Сентъ-Элуа, вновь заняла это селеніе и почти всѣ сосѣднія траншеи, несмотря на нѣсколько непріятельскихъ атакъ.

«Къ сѣверу отъ Арраса блестящей атакой нашей пѣхоты намъ удалось однимъ ударомъ занять три линіи траншей на выступѣ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ и достигнуть края горнаго плато. Въ этомъ бою мы взяли въ плѣнъ около ста человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, уничтожили два пулемета и взорвали складъ военныхъ припасовъ.

«Далѣе къ югу, въ районѣ Экюри и Рокленкура, близъ дороги на Лилль, мы взорвали нѣсколько германскихъ траншей и помѣшали непріятелю возстановить ихъ. Въ районѣ Альбера близъ Карнуа германцы взорвали мину подъ нашими траншеями и заняли воронку, но мы выбили ихъ оттуда. Вслѣдъ за этимъ они вновь заняли ее, но новой контръ-атакой намъ удалось отбить у нихъ эту позицію. Съ этого момента мы удерживаемся здѣсь, причемъ намъ удалось возстановить всѣ наши оборонительныя сооруженія. Въ долинѣ рѣки Эна, близъ Вассана, къ сѣверо-западу отъ Нуврона, мы захватили въ плѣнъ двѣ германскія роты, понесшія весьма тяжелыя потери отъ нашего огня. Въ Шампани мы вновь имѣли успѣхъ и продвинулись впередъ въ лѣсу къ сѣверо-востоку отъ Суэна и къ сѣверо-западу отъ Перта. У возвышенности «196», къ сѣверо-востоку отъ Мениля, мы отразили двѣ контръ-атаки непріятеля и расширили наши позиціи на этомъ участкѣ, причемъ захватили плѣнныхъ и бомбометы.

«На Аргонской возвышенности бой со вчерашняго дня достигъ большого развитія. Въ районѣ Багатель мы отбили двѣ непріятельскія контръ-атаки,

разрушили одинъ блокгаузъ, заняли его и удержались въ этомъ пунктѣ. Между Фуръ-де-Пари и Болантомъ непріятель пытался произвести двѣ новыя контръ-атаки, окончившіяся, какъ и предшествовавшія три, неудачей. У Вокуа наша пѣхота повела атаку, въ результатѣ которой она заняла западную часть этого селенія, причемъ мы взяли значительное количество плѣнныхъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона, германцы взорвали миной четыре выдвинутыхъ впередъ траншеи, которыя были совершенно разрушены. Непріятель занялъ эти траншеи послѣ взрыва, однако мы отбили у него двѣ первыя траншеи и половину третьей. Между Лепретрскимъ лѣсомъ и Понтъ-а-Муссономъ непріятель произвелъ атаку, отбитую нами. 1-го марта военный министръ посѣтилъ генерала Монури, съ которымъ бесѣдовалъ нѣсколько минутъ; затѣмъ онъ отправился къ генералу Вилларэ, которому отъ имени президента республики вручилъ командорскій крестъ ордена почетнаго легіона».

2-го марта британское адмиралтейство сообщило, что англійскіе крейсера «Glasgow», «Orama» и «Kent» застигли врасплохъ германскій крейсеръ «Dresden» близъ Хуанъ-Фернандеца [1]). Послѣ пятиминутнаго боя «Dresden» спустилъ флагъ и сдался. Германскій крейсеръ былъ сильно поврежденъ и горѣлъ. Послѣ происшедшаго взрыва въ пороховыхъ погребахъ крейсеръ затонулъ; экипажъ его спасенъ. Съ англійской стороны никакихъ потерь не было.

Союзный флотъ бомбардировалъ форты Смирны и позиціи у Булаира въ Дарданеллахъ.

3-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на лѣвомъ берегу Нѣмана мы выбили передовыя части непріятеля изъ Копціово. Наступленіе нашихъ войскъ по обамъ берегамъ рѣки Оржицъ продолжалось успѣшно. Послѣ крайне упорнаго боя наши войска взяли селенія Стегна и Еднорожецъ и отбили яростную контръ-атаку германцевъ. При этомъ нами было захвачено у нѣмцевъ одно тяжелое и три легкихъ орудія, семь пулеметовъ и до 500 плѣнныхъ. Къ сѣверу отъ линіи Праснышъ—Грудускъ наши войска также одержали частные успѣхи. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель усилилъ артиллерійскій огонь по нашимъ укрѣпленіямъ на Бзурѣ и безрезультатно пытался наступать въ районѣ Пилицы.

Въ Карпатахъ наши войска несмотря на глубокій снѣгъ, вьюгу и сильный морозъ успѣшно продолжали наступленіе въ районѣ Смольника и, захвативъ дальнѣйшія непріятельскія позиціи, взяли 2,400 плѣнныхъ съ 36 офицерами и 17 пулеметами. Этотъ успѣхъ, одержанный нами въ районѣ главной австрійской атаки, вынудилъ непріятеля къ отходу на нѣкоторыхъ участкахъ балигродскаго направленія. На ужокскомъ направленіи близъ Яблонки мы также овладѣли непріятельскими окопами. Въ районѣ Завадки и Рожанки непріятельскія атаки продолжаются. Въ Восточной Галиціи бои развивались къ востоку отъ желѣзной дороги Станиславовъ—Коломыя. На разсвѣтѣ 1-го марта, идя въ атаку по грудь въ снѣгу, наша пѣхота овладѣла непріятельскими укрѣпленіями близъ Тарновице—Польно, причемъ было захвачено свыше 2,000

---

[1]) Островъ Хуанъ-Фернандецъ принадлежитъ Чили и находится на разстояніи 400 англійскихъ миль отъ Вальпараизо въ Тихомъ океанѣ.

плѣнныхъ съ 20 офицерами и 7 пулеметовъ. Подъ Перемышлемъ происходила артилерійская стрѣльба. Наши войска на сѣверномъ фронтѣ заняли высоты на ружейномъ выстрѣлѣ отъ фортовъ.

3-го марта французское правительство увѣдомило о слѣдующемъ:

«Бельгійскія войска упрочили за въ предшествующіе дни. Англійская армія, взявъ обратно Сентъ-Элуа, заняла вновь и траншеи къ юго-западу отъ этого селенія, заставивъ непріятеля очистить траншеи, расположенныя къ юго-востоку и совершенно изрытыя. Въ Шампани мы вновь продвинулись впередъ на сѣверо-востокѣ отъ Суэна. Въ Лепретрскомъ лѣсу мы отняли у Германцевъ остальную часть занятыхъ ими вчера утромъ траншей или, точнѣе, пространство, занятое этими траншеями, такъ какъ оборонительныя сооруженія были приведены въ полную негодность взрывами минъ. На склонахъ Большого Рейхаккеркопфа непріятель вчера утромъ атакой отнялъ у насъ одну траншею, но мы вновь заняли ее, захвативъ при этомъ плѣнныхъ. Въ ночь съ 2-го на 3-е марта непріятель пытался отнять траншеи, потерянныя имъ на выступѣ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, но былъ отбитъ, причемъ мы взяли плѣнныхъ. Въ Шампани, въ районѣ Перта, мы утромъ взорвали фугасъ и заняли воронку, вокругъ которой завязался упорный бой; воронка осталась въ нашихъ рукахъ. Къ сѣверу отъ Босежура мы немного продвинулись впередъ. На Аргонской возвышенности въ теченіе ночи съ 2-го на 3-е марта Германцы произвели контръ-атаку между Фуръ-де-Пари и Болантомъ, а также у Вокуа. Всѣ контръ-атаки были отбиты Троекратныя попытки непріятеля перейти въ наступленіе въ Лепретрскомъ лѣсу были безъ труда остановлены въ самомъ началѣ».

4-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что наше наступленіе по обоимъ берегамъ рѣки Оржица продолжало развиваться, несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля. Число взятыхъ нами плѣнныхъ возрастаетъ. У Еднорожеца за два боя нами были захвачено у Германцевъ 17 орудій.

Въ Карпатахъ въ районѣ Раббе наше наступленіе также продолжалось, атаки германцевъ и австрійцевъ на направленіи Стрый—Мункачъ вновь отбиты.

1-го марта на фронтѣ кавказской арміи происходили частичныя столкновенія передовыхъ частей обѣихъ сторонъ. Наши войска успѣшно потѣснили турокъ. Наши войска на приморскомъ направленіи овладѣли селеніемъ Архаве и заняли Верховъ—Яреди—Архаве. На Ардануческомъ и Ольтинскомъ направленіяхъ турки были также сильно потѣснены.

Правительства Даніи, Норвегіи и Швеціи передали Англіи и Франціи тождественныя предоставленія по поводу объявленной Германіей блокады. Австрія и Сербія согласились произвести обмѣнъ плѣнныхъ, задержанныхъ съ начала войны. Между болгарской четой и греческими войсками на греческой границѣ около Драмы произошло столкновеніе.

4-го марта офиціальное сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Бельгійская армія имѣла дальнѣйшій успѣхъ на р. Изерѣ и отбила контръ-атаку германцевъ. На фронтѣ англійскихъ войскъ происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка. Къ сѣверу отъ Арраса непріятель тщетно пытался къ концу дня произвести новую контръ-атаку на траншеи, расположен-

ныя на выступѣ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Суассонъ и Реймсъ подверглись бомбардировкѣ, причемъ два снаряда попали въ Реймсскій соборъ. Въ Шампани, къ сѣверу отъ Мениля и къ западу отъ возвышенности «196», мы захватили находившійся въ рукахъ непріятеля и имѣющій важное значеніе горный гребень на фронтѣ, приблизительно въ 500 метровъ. На Аргонской возвышенности мы отбили нѣсколько контръ-атакъ между Болантомъ и Фуръ-де-Пари. Въ Веврѣ происходилъ артиллерійскій бой. Французскій летчикъ сбросилъ бомбы на казармы въ Кольмарѣ».

«Къ сѣверу отъ Арраса, несмотря на третью контръ-атаку, произведенную непріятелемъ въ ночь съ 3-го на 4-е марта, мы удержались въ траншеяхъ, отнятыхъ у германцевъ на склонахъ возвышенности Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Въ районѣ Альбера происходили ожесточенные бои за обладаніе воронкой, образованной 2-го марта взрывомъ мины; мы заняли воронку и укрѣпили ея края. Въ Шампани мы имѣли блестящій успѣхъ; непріятель, несмотря на всѣ усилія, ни на одномъ пунктѣ не былъ въ состояніи отбить у насъ хотя бы часть занятаго нами пространства.

«Въ районѣ Перта, несмотря на три непріятельскія контръ-атаки, направленныя противъ занятыхъ нами траншей вдоль дороги Пертъ-Таюръ, мы продолжали продвигаться впередъ. Занятая нами 3-го марта къ сѣверу отъ Мениля позиція оказалась болѣе обширной, чѣмъ на это указывало предшествовавшее сообщеніе. Дѣйствительно, мы захватили горный гребень протяженіемъ въ 800 метровъ къ западу отъ возвышенности «196», а также площадь къ югу отъ нея глубиной въ 400 метровъ. Это продвиженіе не только расширяетъ занятыя нами позиціи, но открываетъ намъ поле зрѣнія на сѣверные склоны большой возвышенности, простирающейся отъ Перта до Мезонъ-де-Шампань. Непріятель прекрасно понялъ важность этой позиціи, ибо утромъ пытался отбить у насъ утерянное пространство. Контръ-атака его носила крайне ожесточенный характеръ. Въ бою участвовалъ одинъ полкъ ландштурма, поддержанный съ фланговъ гвардейскими частями. Германцы были совершенно уничтожены нашими пулеметами, лишь немногіе вернулись въ свои траншеи, преслѣдуемые нашимъ огнемъ. Такимъ образомъ попытки непріятеля отбить потерянныя позиціи имѣли для него послѣдствіемъ лишь значительныя потери.

«На Аргонской возвышенности и въ районѣ Вокуа происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка; пѣхотныхъ боевъ не было. Всѣ ранѣе занятыя нами позиціи были нами упрочены. Въ Лепретрскомъ лѣсу группы германцевъ, которыя еще держались близъ нашихъ траншей въ воронкахъ, произведенныхъ взрывомъ 3-го марта, были окончательно вытѣснены».

5-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на фронтѣ между рѣками Шква и Оржицемъ, въ районѣ селеній Серафинъ-Тартакъ-Вахъ-Зіомекъ, а также въ районѣ къ сѣверу отъ Прасныша, продолжаются бои, имѣвшіе частный характеръ. Мы овладѣли нѣсколькими деревнями и возвышенностями, причемъ взяли 5 орудій, 42 пулемета, зарядные ящики и нѣсколько сотъ плѣнныхъ нѣмцевъ. На правомъ берегу Нѣмана велся бой у Таурогена и на германской территоріи, на путяхъ отъ Горжды къ Мемелю. Нами было захвачено здѣсь 2 орудія, четыре пулемета, два грузовыхъ автомобиля съ

боевыми припасами, а также взяты плѣнные. На лѣвомъ берегу Вислы сильный артиллерійскій огонь. На Бзурѣ и въ районѣ Пилицы, у Богуславы, что западнѣе Опочно, и у Лопушно двинувшіяся въ атаку непріятельскія войска были разсѣяны нашимъ огнемъ.

Въ Карпатахъ и Восточной Галиціи положеніе оставалось безъ перемѣнъ. У Оравчика мы уничтожили три атаковавшія насъ германскія роты, причемъ уцѣлѣвшіе послѣ штыковой атаки нѣмцы въ числѣ трехъ офицеровъ и 93 нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ.

5-го марта французское правительственное сообщеніе гласило:

«Бельгійская армія продолжала продвигаться впередъ на р. Изерѣ; ея артиллерія обстрѣляла непріятельскій транспортъ на дорогѣ изъ Диксмюде на Эссенъ. На пространствѣ между р.р. Лисомъ и Уазой происходилъ артиллерійскій бой; непріятель бомбардировалъ главнымъ образомъ выступъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, а также селенія Карнуа и Марикуръ. Въ Шампани не произошло ничего новаго. Въ Лотарингіи происходила артиллерійская перестрѣлка. Одинъ изъ нашихъ летчиковъ бомбардировалъ желѣзнодорожную станцію въ Конфланѣ».

«Германскій цеппелинъ сбросилъ бомбы на Кале. Онъ мѣтилъ въ вокзалъ, но не причинилъ никакихъ серьезныхъ разрушеній, убивъ, однако, семь служащихъ. Въ Шампани мы имѣли значительный успѣхъ въ направленіяхъ къ западу, сѣверу и востоку отъ возвышенности «196» и къ сѣверо-востоку отъ Мениля. Непріятельская контръ-атака была отбита. Наше продвиженіе впередъ продолжалось въ восточномъ направленіи въ оврагѣ, который идетъ отъ возвышенности «196» къ Босежуру. Въ лѣсу Консанвуа, на сѣверо-востокъ отъ Вердена, мы заняли двѣ германскія траншеи и захватили плѣнныхъ. У Гартмансвейлеркопфа мы еще нѣсколько продвинулись впередъ. Потери непріятеля здѣсь были весьма велики; его траншеи переполнены трупами».

6-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на лѣвомъ берегу Нѣмана мы заняли съ боемъ Вейсее. Наша конница преслѣдовала отходившихъ на Сейны Германцевъ. На праснышскомъ и остроленкскомъ направленіяхъ продолжались частные бои за отдѣльныя селенія и возвышенности. Въ Карпатахъ 5-го марта непріятель безуспѣшно велъ атаки на наши позиціи. на фронтѣ Цѣнжковище—Горлице—Ропица-Русская и на направленіи Мункачъ—Стрый.

6-го марта великобританское адмиралтейство извѣстило о томъ, что англійскіе броненосцы «Irresistible» и «Ocean», а также французскій броненосецъ «Bouvet» потоплены минами въ Дарданеллахъ. Потери людьми у англичанъ незначительны; экипажъ же французскаго броненосца почти весь погибъ.

Послѣ того, какъ за послѣдніе десять дней союзныя морскія силы неустанно вылавливали мины внутри проливовъ, 5-го марта въ 10 час. 45 мин. утра англійскій и французскій флоты начали общую атаку укрѣпленій и въ узкомъ проходѣ Дарданеллъ. «Queen Elisabeth», «Inflexible», «Agamemnon» и «Lord Nelson» бомбардировали форты Килидъ-Баръ и Чанакъ-Келеси, въ то же время, какъ «Triumph» и «Prince George» открыли огонь по батареямъ укрѣпленій Дардановъ. Непріятельскія гаубицы и полевыя орудія открыли сильный огонь по судамъ.

Въ 12 час. 22 мин. французская эскадра, состоящая изъ судовъ «Suffren», «Gaulois», «Charlemagne» и «Bouvet», продвинулась глубже въ проливъ и атаковала форты въ близкомъ разстояніи. Форты Килидъ-Баръ и Намазіе отвѣчали сильнымъ огнемъ, однако они приведены къ молчанію десятью броненосцами, находившимися внутри проливовъ; всѣ суда потерпѣли нѣсколько поврежденій въ теченіе этого фазиса боя.

Въ 1 часъ 25 минутъ дня всѣ форты прекратили огонь; тогда суда «Vengeance», «Irresistible», «Albion», «Ocean», «Swiftsure» и «Majestic» подошли, чтобы смѣнить шесть броненосцевъ внутри проливовъ. Въ тотъ моментъ, когда французская эскадра, блестяще атаковавшая форты, направлялась къ выходу изъ проливовъ, броненосецъ «Bouvet» былъ взорванъ плывшей по теченію миною и затонулъ менѣе чѣмъ въ три минуты на глубинѣ 36 саженъ къ сѣверу отъ селенія Аренъ. Въ 2 ч. 36 мин. подошедшіе на смѣну броненосцы возобновили атаку фортовъ, которые вновь открыли огонь. Атака фортовъ продолжалась и одновременно съ этимъ происходило вылавливаніе минъ. Въ 4 ч. 9 мин. броненосецъ «Irresistible» вышелъ изъ боевой линіи съ сильнымъ креномъ и затонулъ въ 5 час. 50 мин. дня, наткнувшись, по всей вѣроятности, на плывшую по теченію мину. Въ 6 час. 5 мин. дня броненосецъ «Ocean» также наткнулся на мину; оба судна затонули на глубокомъ мѣстѣ. Экипажи съ этихъ судавъ почти въ полномъ составѣ благополучно сняты подъ огнемъ непріятельской артиллеріи.

Броненосецъ «Gaulois» поврежденъ артиллерійскимъ огнемъ. На броненосцѣ «Inflexible» крупнымъ снарядомъ поврежденъ передній мостикъ. Судно это требуетъ починки. Бомбардировка фортовъ и вылавливаніе минъ были прекращены по наступленіи сумерекъ. Размѣры поврежденій, причиненныхъ фортамъ продолжительнымъ и прямымъ огнемъ большихъ морскихъ силъ, еще не выяснены; объ этомъ послѣдуютъ дальнѣйшія донесенія. Гибель судовъ была вызвана минами, плывшими по теченію и встрѣченными въ зонахъ, которыя до этого были совершенно очищены отъ нихъ. Эта опасность потребуетъ особыхъ мѣръ. Потери людьми на англійскихъ судахъ незначительны, если принять въ соображеніе размѣръ операцій. Зато весь экипажъ броненосца «Bouvet» погибъ вмѣстѣ съ судномъ; по всей вѣроятности, взрывомъ мины былъ вызванъ взрывъ внутри судна.

Суда «Queen» и «Implacable», которыя были отправлены изъ Англіи для смѣны потерпѣвшихъ судовъ, въ предвидѣніи происшедшаго нынѣ боя, должны явиться на мѣсто немедленно; съ ихъ прибытіемъ британскому флоту возвратится его прежняя сила. Операція продолжаются, такъ какъ у союзниковъ на мѣстѣ имѣются большія морскія силы».

Французское морское министерство 6-го марта сообщило слѣдующее о положеніи дѣлъ въ Дарданеллахъ:

«Во время операцій въ Дарданеллахъ 5-го марта морскія силы союзниковъ подверглись крайне сильному артиллерійскому огню и, кромѣ того, нѣкоторыя суда наткнулись на пловучія мины въ проливѣ. Французскіе и англійскіе броненосцы подвергли сильной бомбардировкѣ форты Килидъ-Баръ, Чанакъ-Келеси, Суандерэ, Дарданосъ и мысъ Кефесъ. Достигнутые въ теченіе этого жаркаго дня результаты стоили союзникамъ значительныхъ потерь; такъ, броненосецъ «Bouvet» затонулъ отъ взрыва минъ, «Gaulois» выбылъ на время изъ строя

вслѣдствіе аварій, причиненныхъ непріятельскимъ огнемъ. Англійскій флотъ точно также понесъ потери; два изъ его броненосцевъ потоплены минами. Однако, какъ бы ни были тяжелы эти потери, онѣ не остановятъ хода военныхъ дѣйствій. Немедленно по полученіи извѣстій о случившемся съ броненосцемъ -Bouvet» морской министръ телеграфировалъ командиру броненосца «Henri «uatre», находящемуся у береговъ Сиріи, заступить его мѣсто.

Генералъ-маіоръ М. Д. Бончъ-Бруевичъ.
Герой войны.

На сухопутномъ заподно-европейскомъ фронтѣ положеніе дѣлъ, согласно сообщенію французскаго правительства отъ 6-го марта, было слѣдующее:

«Въ долинѣ рѣки Эна происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой. Въ Шампани, у возвышенности «96», къ сѣверо-востоку отъ Меniля, непріятель послѣ предварительнаго сильнаго артиллерійскаго обстрѣла нашей позиціи, произвелъ пѣхотную атаку, которая была отбита нами съ большими для него потерями».

«У Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ мы завладѣли соединительными ходами, спускавшимися отъ траншей на гребнѣ возвышенности, взятыхъ нами уже ранѣе, къ селенію Аблэнъ; перебивъ и прогнавъ часть находившихся въ нихъ германцевъ и взявъ въ плѣнъ остальныхъ, мы уничтожили эти ходы. На Аргонской возвышенности, между Болантомъ и Фуръ-де-Пари, послѣ весьма ожесточеннаго боя мы продвинулись приблизительно на 150 метровъ. Въ лѣсу Консанвуа мы прошлою ночью отбили контръ-атаку германцевъ и удержались на позиціи, занятой нами 5-го марта. У Эпаржа мы захватили восточный выступъ германской позиціи, на которой непріятелю удавалось держаться со времени боевъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Здѣсь мы отбили двѣ контръ-атаки въ теченіе дня и третью въ теченіе ночи».

7-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго оповѣстилъ о томъ, что на правомъ берегу Нѣмана германцы послѣ боя отброшены изъ Таурогена за нашу границу. Другой нашъ отрядъ стремительнымъ наступленіемъ достигъ Мемеля въ 8 часовъ вечера 5-го марта и послѣ уличнаго боя, въ которомъ приняли участіе и жители, овладѣлъ городомъ.

На лѣвомъ берегу Нѣмана боями послѣднихъ дней непріятель былъ вынужденъ очистить посадъ Пильвишки и мѣстность къ востоку отъ линіи Озеро—Дуся—Копціово. На правомъ берегу Нарева бои сохраняютъ частный характеръ. Атака, предпринятая германцами отъ Мышница въ направленіи на Кадзидло, окончилась для нихъ полной неудачей. Германцы вели наступленіе густыми колоннами и понесли огромныя потери. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ, по дополнительнымъ донесеніямъ за 5 марта, при нашей контръ-атакѣ въ районѣ къ югу отъ Цѣнжковице, мы нанесли жестокое пораженіе 39-й гонведной дивизіи. Въ районѣ къ югу отъ Горлицы, перейдя въ контръ-атаку противъ наиболѣе энергично атаковавшихъ австрійскихъ частей, мы взяли свыше 800 плѣнныхъ. Близъ Молдавско мы захватили укрѣпленную непріятелемъ высоту. Контръ-атаки непріятеля, равно какъ и повторныя его атаки въ районѣ Рожанки остались безуспѣшными.

Въ Восточной Галиціи бой шелъ къ сѣверу отъ Надворной. Противникъ занималъ сильно укрѣпленную позицію.

Подъ Перемышлемъ съ утра 5-го марта непріятель открылъ огонь по нашимъ позиціямъ и продолжалъ его съ огромнымъ небывалымъ еще до настоящаго времени расходомъ боевыхъ припасовъ въ теченіе всей ночи. Въ 5 часовъ утра 6-го марта большія силы гарнизона предприняли рѣшительную вылазку въ восточномъ направленіи на фронтъ Медыка—Быковъ—Плешовице. Къ 2 часамъ дня, не достигнувъ нашихъ окоповъ и понеся подъ нашимъ огнемъ огромныя потери, непріятель былъ отброшенъ на линію фортовъ. Нами было взято до 3,000 плѣнныхъ съ 78 офицерами и 7 пулеметами, принадлежащихъ къ составу 23-й гонведной дивизіи, образующей ядро гарнизона. По дополнительно поступившимъ даннымъ вылазка изъ Перемышля 6-го марта была произведена всей 23-й гонведной дивизіей въ составѣ 2, 5, 7 и 8 полковъ. При отбитіи вылазки нами взято въ плѣнъ 107 офицеровъ, въ томъ числѣ командиръ 2-го гонведнаго полка, и 3,954 нижнихъ чина; кромѣ того, захвачено 16 пулеметовъ. Потери названной

гонведной дивизіи убитыми и ранеными, по показанію всѣхъ плѣнныхъ, огромны.

7-го марта пришли извѣстія съ австро-сербскаго театра войны. Здѣсь 3-го марта утромъ происходилъ близъ Бѣлграда краткій артиллерійскій бой, въ которомъ и на этотъ разъ сербская артиллерія доказала свое превосходство. Стрѣльба непріятельской артиллеріи осталась безрезультатной, хотя непріятель и пользовался орудіями крупнаго калибра. Въ то же время происходилъ артиллерійскій бой въ направленіи Оршавы, гдѣ сербская артиллерія разрушила большое количество судовъ, собранныхъ въ гавани Ада-Кале, гдѣ затонулъ понтонъ. Въ тотъ же день, около 8 часовъ вечера, въ направленіи Смедерева начался артиллерійскій поединокъ, но непріятельская артиллерія вскорѣ была приведена къ молчанію, благодаря точности стрѣльбы сербовъ.

На сербскій постъ Раянцы напала чета изъ 30 человѣкъ и, захвативъ имущество и одного плѣннаго, перешла границу. Австрійцы организуютъ покушенія и одѣляютъ четниковъ оружіемъ и деньгами.

7-го марта французское правительство офиціально сообщило о слѣдующемъ:

«У Лабуассель, къ сѣверо-востоку отъ Альбера, германцы послѣ сильной бомбардировки пытались произвести ночную атаку, которая была отбита нами съ нанесеніемъ непріятелю значительныхъ потерь. Въ Шампани непріятель произвелъ контръ-атаку на западѣ отъ Перта, но былъ отбитъ. Наша артиллерія обстрѣляла скопленіе германскихъ войскъ, которыя понесли большія потери. На Аргонской возвышенности, въ направленіи Боланта, происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой, но пѣхота атакъ не производила. У Эпаржа мы продолжали продвигаться впередъ. Отбивъ здѣсь двѣ контръ-атаки, мы захватили большую часть германской позиціи, изъ-за которой въ послѣдніе два дня происходили бои. Непріятель трижды ходилъ въ контръ-атаку, но не добился никакихъ результатовъ, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ. Мы захватили плѣнныхъ. Къ югу отъ Эпаржа, въ Бушотскомъ лѣсу, мы отбили непріятельскую контръ-атаку. Въ Веврѣ, въ Мормарскомъ лѣсу, огнемъ нашей артиллеріи разрушенъ блокгаузъ и взорваны нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и складовъ боевыхъ припасовъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу мы нѣсколько продвинулись впередъ.

«Морской министръ отправилъ командующему морской дивизіей въ Дарданеллахъ адміралу Гепратту телеграмму, въ которой онъ отъ своего имени и отъ имени правительства поздравляетъ его и находящихся подъ его начальствомъ офицеровъ и матросовъ съ проявленнымъ ими мужествомъ, и соболѣзнуетъ по случаю потерь, понесенныхъ въ славномъ бою. Министръ высказываетъ свое твердое убѣжденіе въ конечномъ успѣхѣ, благодаря энергіи и усиліямъ штабовъ и экипажей».

8-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что къ западу отъ Средняго Нѣмана наше наступленіе продолжается успѣшно.

На остальныхъ фронтахъ праваго и лѣваго берега Вислы и въ Восточной Галиціи безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ значительный успѣхъ одержанъ нашими войсками въ районѣ Свидника и Смольника, гдѣ мы овладѣли нѣкоторыми участками главной не-

пріятельской позиціи, причемъ нами взято 2.400 плѣнныхъ съ 46 офицерами и захвачены два орудія и пять пулеметовъ.

Всѣ атаки непріятеля на ужокскомъ и мункачскомъ направленіяхъ нами успѣшны отражены.

Подъ Перемышлемъ продолжается энергичный артиллерійскій бой. На западномъ фронтѣ нами занято селеніе Красичинъ. На всемъ обводѣ крѣпости гарнизонъ оттѣсненъ на линію фортовъ.

8-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующія объявленія:

I.

Въ офиціальномъ сообщеніи германской главной квартиры отъ 6-го марта о движеніи русскихъ войскъ къ Мемелю заключается угроза репрессіями по отношенію къ занятымъ непріятелемъ русскимъ городамъ и селеніямъ за убытки, которые можетъ понести населеніе района Мемеля.

Объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что городъ Мемель непосредственно оборонялся вооруженной силой непріятеля и на улицахъ его велся бой. Въ этомъ бою приняло участіе и гражданское населеніе города, чѣмъ наши войска были вынуждены примѣнить соотвѣтственные способы воздѣйствія. Такимъ образомъ, если германскія войска приведутъ въ исполненіе свои угрозы по отношенію къ мирному населенію занимаемыхъ ими русскихъ областей, то дѣйствія германскихъ войскъ будетъ надлежать разсматривать не какъ репрессію, а какъ самостоятельные поступки, нравственная отвѣтственность за послѣдствія коихъ будетъ лежать на германцахъ.

II.

Съ начала войны принятъ рядъ мѣръ для сохраненія въ тайнѣ всѣхъ свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Но для того, чтобы эти мѣры были возможно болѣе дѣйствительны, необходимо, чтобы само общество шло навстрѣчу предъявляемымъ къ арміи и народу требованіямъ о сохраненіи военной тайны. Весьма возможно, что много свѣдѣній съ театра военныхъ дѣйствій, оглашеніе которыхъ нежелательно, несмотря на всѣ цензурныя и другія мѣры, все же дѣлается достояніемъ семьи и общества изъ писемъ, разсказовъ раненыхъ и пріѣзжающихъ, а равно другими путями, и при неосторожномъ и неосмотрительномъ отношеніи свѣдѣнія эти затѣмъ легко могутъ распространяться во всеобщее свѣдѣніе. Всѣмъ чинамъ дѣйствующей арміи строжайше предписано быть сдержанными и осторожными въ своихъ письмахъ и разговорахъ, теперь же представляется необходимымъ обратиться съ просьбой о томъ же и къ обществу, ибо только благожелательное отношеніе самого общества можетъ содѣйствовать сохраненію военной тайны въ полной мѣрѣ.

Жены, сестры, матери, отцы, братья, родные и знакомые нашихъ доблестныхъ воиновъ приглашаются избѣгать всякихъ письменныхъ сообщеній, разговоровъ по телефону, въ трамваяхъ и общественныхъ мѣстахъ о расположеніи нашихъ войскъ, нашихъ боевыхъ дѣйствіяхъ и вообще о тѣхъ свѣдѣніяхъ изъ дѣйствующей арміи, которыми они располагаютъ помимо печати, памятуя, что всякая неосторожность въ этомъ отношеніи грозитъ лишними жертвами и тормозитъ ту великую работу, которую въ сознаніи своего долга исполняетъ наша армія. Надо слѣдить не только за собой, но и другъ за другомъ, удерживая легкомысленныхъ отъ излишней откровенности, которая, переходя извѣстныя границы, является уже преступленіемъ противъ государства, подлежащимъ отвѣтственности по закону

8-го марта британское адмиралтейство извѣстило о томъ, что неблагопріятная погода прервала операціи въ Дарданеллахъ; производство развѣдокъ гид-

ропланами сдѣлалось невозможнымъ, вслѣдствіе чего нельзя еще опредѣлить размѣры поврежденій, причиненныхъ фортамъ бомбардировкой 5-го марта. Во всякомъ случаѣ нельзя возлагать большія надежды на результаты боя, такъ какъ вслѣдствіе потерь, причиненныхъ пловучими минами, союзники не прилагали усилій къ доведенію боя до конца. Повидимому, вновь флотъ доведенъ до состава, который дастъ ему возможность одолѣть укрѣпленія превосходствомъ силы своего артиллерійскаго огня. Флоту приходится преодолѣвать еще другія затрудненія и опасности, но во всякомъ случаѣ не произошло ничего такого, что могло бы дать поводъ къ предположенію, что потери, вызванныя операціями, превосходятъ сообщенные размѣры. Съ англійской стороны потери людьми составляютъ 60 человѣкъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. Адмиралъ Робекъ отзывается съ большой похвалой о блестящихъ дѣйствіяхъ французской эскадры, которую, невзирая на тяжелыя потери, адмиралъ Гепраттъ доблестно повелъ въ бой на близкомъ растояніи.

8-го марта сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Непріятель вновь бомбардировалъ соборъ въ Суассонѣ, выпустивъ по немъ 27 снарядовъ. Соборъ сильно пострадалъ; на немъ, вопреки утвержденіямъ германцевъ, не былъ устроенъ наблюдательный пунктъ и не вывѣшивался флагъ Краснаго Креста.

«Въ Шампани вечеромъ 7-го марта мы нѣсколько продвинулись впередъ къ востоку отъ возвышенности 196, къ сѣверу-востоку отъ Мениля. Въ теченіе 8-го марта происходила лишь артиллерійская перестрѣлка. На Аргонской возвышенности въ теченіе всего дня происходила ружейная перестрѣлка; пѣхота въ атаку не ходила.

«У Эпаржа мы удержали за собой занятыя нами вчера позиціи, несмотря на двѣ ожесточенныя атаки непріятеля, отбитыя нами съ тяжелымъ урономъ для германцевъ. Въ Вогезахъ, уступивъ за вчерашній день Большой и Малый Рейхаккеркопфъ, мы вновь заняли второй и повели контръ-атаку съ цѣлью отбить первый. Бой продолжался.

«Германскіе цеппелины въ числѣ четырехъ показались надъ Парижемъ между 1 ч. 15 мин. и 3 ч. утра. Цепеллины летѣли въ направленіи отъ Компьена вдоль долины рѣки Уазы. Два изъ нихъ были вынуждены, не долетѣвъ еще до Парижа, свернуть въ сторону, остальные же два, атакованные артиллеріей укрѣпленій, успѣли пролетѣть лишь надъ сѣверо-западными окраинами Парижа и мѣстностью, прилегающей къ пригородамъ. Дирижабли удалились, сбросивъ около 12 бомбъ, изъ коихъ нѣкоторыя не взорвались. Причиненныя ими разрушенія незначительны; 7 или 8 человѣкъ были ранены, причемъ лишь одно лицо серьезно. Съ нѣсколькихъ постовъ защиты отъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ былъ открытъ огонь по цеппелинамъ, непрерывно освѣщавшимся прожекторами. Повидимому, одинъ изъ цеппелиновъ получилъ поврежденія. Поднявшемуся для преслѣдованія непріятеля отряду аэроплановъ туманъ помѣшалъ настигнуть цеппелины. Такимъ образомъ, набѣгъ цеппелиновъ на Парижъ окончился полной неудачей и далъ возможность убѣдиться въ безукоризненномъ функціонированіи всей организаціи защиты столицы. Населеніе города обнаружило полное спокойствіе во время полета дирижаблей. На обратномъ пути цеп-

пелины сбросили надъ Компьеномъ 12 бомбъ, причинившихъ лишь незначительныя матеріальныя поврежденія. Три другія бомбы упали въ Рибекуръ и Дросленкуръ, къ сѣверу отъ Компьена, но не причинили никакого вреда».

9-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго обрадовалъ Россію давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшеюся вѣстью о взятіи нами доблестными войсками Перемышля:

«Сегодня утромъ 9-го марта крѣпость Перемышль сдалась нашимъ войскамъ. На ставкѣ въ присутствіи Его Величества, верховнаго главнокомандующаго и всего штаба отслужено благодарственное молебствіе.

«Государь Императоръ 9-го сего марта Высочайше соизволилъ пожаловать по случаю радостнаго событія сдачи крѣпости Перемышль нашимъ войскамъ Верховному Главнокомандующему его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу орденъ св. Георгія 2-й степени и командующему арміей генералу-отъ-инфантеріи Селиванову орденъ св. Георгія 3-й степени».

Утромъ въ ставкѣ верховнаго главнокомандующаго получено было извѣстіе о взятіи нашими доблестными войсками долго сопротивлявшагося Перемышля. Быстро разнеслась въ ставкѣ эта давно жданная радостная вѣсть. Въ два часа дня было назначено въ походной церкви благодарственное молебствіе. У входа въ церковь ожидали прибытія Государя Императора верховный главнокомандующій, великіе князья Петръ Николаевичъ и Георгій Михайловичъ и весь штабъ верховнаго главнокомандующаго. Показался царскій автомобиль. Дружное ура вырвалось у всѣхъ присутствовавшихъ при видѣ своего Верховнаго Вождя. Государь Императоръ былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи казачьяго Своего Имени полка, въ шинели солдатскаго сукна. Его Величество милостиво отвѣчалъ на привѣтствія. Протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Шавельскій встрѣтилъ Государя Императора крестомъ и святой водой и привѣтствовалъ Его Величество словомъ, посвященнымъ радостному событію. Горячо молились всѣ. При пѣніи «Вѣчная память» павшимъ героямъ Государь Императоръ, великіе князья и вся церковь опустились на колѣни. Его Величество приложился къ чудотворной иконѣ Явленіе Божіей Матери преподобному Сергію, сопровождавшей русскія войска во всѣхъ военныхъ походахъ со временъ царя Алексѣя Михайловича. Кончилась служба. Между тѣмъ вдоль царскаго проѣзда построились шпалерами при офицерахъ нижніе чины воинскихъ частей, находящихся въ ставкѣ. Государь Императоръ съ верховнымъ главнокомандующимъ, великими князьями, свитою и высшими чинами штаба, выйдя изъ церкви, прошелъ пѣшкомъ въ поѣздъ при восторженныхъ кликахъ ура.

На имя его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Государь Императоръ направилъ слѣдующій высокомилостивый рескриптъ:

«Ваше императорское высочество. Сегодня, 9-го марта, первоклассная австрійская крѣпость Перемышль, осажденная нашими славными войсками, пала. Гарнизонъ ея, въ составѣ 9 генераловъ, 2,593 штабъ- и оберъ-офицеровъ и болѣе 117,000 нижнихъ чиновъ, сдался, принявъ всѣ поставленныя ему условія.

«Такой блестящій результатъ, при самыхъ ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны, достигнутъ нашими войсками, благодаря вашему общему, сообра-

женному со всей обстановкой руководительству, исключительной энергіи, непоколебимой твердости и мужеству вашего императорскаго высочества.

«Высоко цѣня ваши плодотворные труды какъ верховнаго главнокомандующаго, пожаловали Мы васъ, въ ознаменованіе столь радостнаго событія и въ знакъ особаго благоволенія къ Нашей славной арміи, руководимой вашимъ императорскимъ высочествомъ, кавалеромъ Императорскаго военнаго ордена Нашего святого великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

«Пребываемъ къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонны.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

«9-го марта 1915 года. Ставка».

На другихъ фронтахъ, по сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 9-го марта, положеніе дѣлъ было слѣдующее:

Отъ Нѣмана до Вислы и на лѣвомъ берегу названной рѣки безъ существенныхъ перемѣнъ. Наши войска, наступавшія отъ Таурогена, овладѣли съ боемъ Лаукзаргеномъ, гдѣ захватили плѣнныхъ, а равно складъ боевыхъ припасовъ и инженернаго имущества.

Въ Карпатахъ продолжались упорные бои на путяхъ къ Бартфельду въ долинахъ Ондавы, Лаборчи, близъ Лупковскаго перевала и на лѣвомъ берегу Верхняго Сана. Наши войска успѣшно продвигаются впередъ, прокладывая себѣ дорогу огнемъ и штыками. За сутки нами было взято 2,500 плѣнныхъ съ 50 офицерами и 4 пулеметами. На мункачскомъ направленіи густыя колонны германцевъ атаковали наши позиціи у Росохача, Оравчика и Козювки, но повсюду были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками. При этомъ германцы понесли жестокія потери. Въ Восточной Галиціи свирѣпствовала снѣжная метель.

На Кавказскомъ фронтѣ 7-го марта наши войска съ успѣхомъ отразили попытки турокъ въ Приморскомъ районѣ перейти въ наступленіе. На Чорохѣ послѣ боя турки были отброшены къ Артвину. Въ районѣ между Арданучемъ и Ольтами турецкія части значительно потѣснены къ западу. Въ Алашкертской долинѣ также происходило столкновеніе между нашими и турецкими войсками, причемъ наши войска съ боемъ заняли два важныхъ пункта, обративъ турокъ въ бѣгство.

Въ Петроградѣ, Москвѣ и во всей Россіи имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ восторженныхъ патріотическихъ манифестацій по поводу взятія Перемышля.

9-го марта французское правительственное сообщеніе гласило слѣдующее:

«На возвышенности Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ въ нашихъ рукахъ находится нынѣ вся линія траншей, изъ-за которой за послѣдніе дни происходили бои, за исключеніемъ участка въ десять метровъ, еще занятаго Германцами. У Эпаржа непріятель пять разъ ходилъ въ контръ-атаку, стремясь отнять у насъ занятыя нами позиціи, но потерпѣлъ полную неудачу. Къ сѣверу отъ Бадонвилера мы продвинулись впередъ. Вслѣдствіе своихъ неудачъ у Лабуассель

германцы обстрѣливали гражданскій госпиталь въ Альберѣ, несмотря на то, что надъ зданіемъ его развѣвался флагъ Краснаго Креста. Ихъ артиллерія открыла огонь послѣ того, какъ аэропланъ произвелъ развѣдку. Въ госпиталь попало нѣсколько снарядовъ; убито пять стариковъ и нѣсколько ранено; завѣдующая госпиталемъ тяжело ранена.

«Французскія воздушныя силы энергично и съ успѣхомъ отвѣтили на набѣгъ цепелиновъ на Парижъ въ ночь съ 7-го на 8-ое марта. Такъ, въ Бельгіи въ воскресенье было сброшено 20 бомбъ на аэродромъ, расположенный у желѣзнодорожной линіи и на станціи Лихтерфельде и Эссенъ. Одинъ изъ летчиковъ преслѣдовался ружейными выстрѣлами вплоть до Рулера. На вокзалы въ Меркенѣ и въ Вифврегѣ было сброшено десять бомбъ 90-миллиметроваго калибра. Далѣе къ югу, близъ Лабассэ, была устроена погоня за двумя непріятельскими аэропланами, которые были вынуждены вернуться въ линію расположенія германскихъ войскъ. Мы успѣшно бомбардировали вокзалъ въ Руа. Въ долинѣ рѣки Эна одинъ летчикъ былъ обращенъ въ бѣгство двумя нашими аэропланами. Въ Шампани было выпущено 500 стрѣлъ въ германскій привязной шаръ; кромѣ того, было сброшено нѣсколько снарядовъ на вокзалъ въ Базенкуръ и на непріятельскія батареи у Бримона и Вельи. Германскій летчикъ подвергся преслѣдованію на сѣверѣ отъ Реймса. Въ Эльзасѣ пилотъ сержантъ Фальзъ и подпоручикъ Моро сбили аэропланъ на желѣзной дорогѣ къ западу отъ Кольмара. Шесть бомбъ было сброшено на вокзалъ въ Сернэ. Казарма въ Мюльгеймѣ и вокзалъ въ Альткирхѣ были успѣшно бомбардированы съ аэроплановъ.

«Въ Бельгіи наши летчики бомбардировали вокзалъ въ Стаденѣ близъ Рулера и нѣсколько лагерныхъ расположеній. Нѣсколько бомбъ было удачно сброшено на аэродромъ въ Брюкетто близъ Валансьена. Въ районѣ рѣки Эна наши летчики причинили поврежденія казармѣ въ Лафетъ и зданіямъ вокзаловъ въ Анизи, Шони, Тернье и Куси-ле-Шато.

«Въ Шампани аэродромъ и склады боевыхъ припасовъ въ Понтъ-Фавержъ повреждены нѣсколькими снарядами 90-миллиметроваго калибра, сброшенными въ теченіе дня и ночи. На вокзалъ въ Конфланъ-Жарни и сосѣднія желѣзнодорожныя линіи было сброшено 40 снарядовъ, причемъ здѣсь удалось удостовѣриться въ успѣшныхъ результатахъ бомбардировки.

«Въ казармы и въ вокзалъ во Фрейбургѣ (Freiburg im Breisgau) попало восемь снарядовъ. 9-го марта, въ 8 часовъ 50 минутъ вечера было сброшено три бомбы на Вилеркотерэ; въ то же время здѣсь былъ усмотрѣнъ цеппелинъ, направлявшійся къ западу; немедленно объ этомъ былъ сообщено въ Парижъ, гдѣ были приняты надлежащія мѣры.

«По городу Реймсу было выпущено непріятелемъ около 50 снарядовъ. На Аргонской возвышенности мы нанесли непріятелю два пораженія. Такъ, близъ Багатель мы взорвали три мины, послѣ чего двѣ роты взяли приступомъ германскія траншеи, въ которыхъ удержались, несмотря на сильную контръ-атаку. Въ 50 метрахъ отъ этого мѣста непріятель взорвалъ двѣ мины, подвергъ наши траншеи бомбардировкѣ и затѣмъ бросился въ атаку на фронтѣ въ 250 метровъ. Послѣ ожесточеннаго рукопашнаго боя нападавшіе были отброшены, несмотря

на полученное ими подкрѣпленіе. При отступленіи германцы попали подъ огонь нашей артиллеріи, нанесшей имъ весьма тяжелыя потери».

10-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что нашъ отрядъ, произведшій поиски на Мемель, отошелъ на нашу территорію. На лѣвомъ берегу Нѣмана въ районѣ Маріамполя мы отразили атаку германцевъ съ большими для нихъ потерями. На шоссе Кальварія—Сувалки близъ Шиплишки наша конница, воспользовавшись темнотой и снѣжной метелью, врубилась въ германскій обозъ, уничтожила часть прикрытія, захвативъ остат-

Вице-адмиралъ Буэ-де-Лапейреръ, командующій морскими силами союзниковъ въ Средиземномъ морѣ.

ки послѣдняго въ плѣнъ. Нами взято было большое количество повозокъ съ провіантомъ.

Артиллерія Оссовца достигла существенныхъ результатовъ. Огонь германскихъ батарей по крѣпости значительно ослабѣлъ. На прочихъ участкахъ на правомъ берегу Нарева и на лѣвомъ берегу Вислы безъ особыхъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ наши войска продолжали успѣшно продвигаться на фронтѣ отъ Дуклинскихъ проходовъ до Верхняго Сана, причемъ нами взято до 3.500 плѣнныхъ съ 16 пулеметами и три орудія. Атаки непріятеля на Ужокскомъ направленіи отражены.

Комендантъ крѣпости Перемышля, генералъ Кусманекъ, согласился на наше требованіе о безусловной сдачѣ крѣпости и гарнизона. По его даннымъ, составъ сдавшагося гарнизона опредѣляется въ 9 генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2.500 оберъ-офицеровъ и чиновниковъ и 117.000 нижнихъ чиновъ. Наши войска были введены въ крѣпость и заняли укрѣпленія. Приступлено къ пріему и провѣркѣ плѣнныхъ, а также выясненію перешедшей въ наши руки артиллеріи и прочаго имущества.

8-го марта шелъ бой между нашими и турецкими войсками въ Зачорохскомъ краѣ и въ Алашкертской долинѣ.

10-го марта французское правительство увѣдомило о томъ, что нѣмцы бомбардировали Реймсъ, причемъ германскіе авіаторы сбрасывали бомбы, которыми убито трое гражданъ. Въ Шампани французы слегка продвинулись впередъ на востокъ отъ возвышенности «196». Въ Шампани непріятель бомбардировалъ взятыя французами за послѣдніе дни позиціи, но въ атаку не ходилъ. Въ Аргоннахъ около Багателль, непріятель произвелъ дважды ожесточенныя контръ-атаки въ цѣляхъ вернуть обратно потерянное имъ передъ тѣмъ пространство. Атаки эти были успѣшно отражены французами.

Въ Бельгіи, въ районѣ Ньюпорта, огнемъ французской артиллеріи уничтожено было нѣсколько наблюдательныхъ постовъ и опорныхъ пунктовъ непріятеля; было видно, какъ занимавшіе эти пункты германцы убѣгали. Къ сѣверо-западу отъ Арраса, у Каранси, французы заняли одну германскую траншею и уничтожили ее, взявъ плѣнныхъ.

У Суассона непріятель сдѣлалъ вновь попытку бомбардировать городъ, но былъ тотчасъ же остановленъ нашей артиллеріей.

Въ Вокуа, близъ церкви, германцы обдали одну изъ французскихъ траншей горячей жидкостью; здѣсь мы отошли на 15 метровъ. У Эпаржа непріятель произвелъ двѣ атаки, которыя были тотчасъ же остановлены. На Гартмансвейлеркопфѣ французы заняли нѣсколько линій траншей и одинъ блокгаузъ.

10-го марта великобританское правительство оповѣстило о томъ, что на зарѣ 9-го марта одинъ изъ англійскихъ патрулей обнаружилъ небольшой отрядъ непріятеля близъ Эль-Кубрійскаго поста, противъ Суэца. Произошла краткая перестрѣлка; летчики опредѣлили численность отряда въ 1.000 человѣкъ; онъ состоялъ изъ пѣхоты и артиллеріи. Конныя батареи, расположенныя у Эль-Кубри, открыли огонь и нанесли уронъ непріятелю, который отошелъ и расположился лагеремъ въ восьми миляхъ къ востоку отъ Суэцкаго канала. Рано утромъ 9-го марта отрядъ подъ командою генерала Іонгхезбенда напалъ на непріятеля и разбилъ его; непріятельскія войска поспѣшно отступили. Взятые въ плѣнъ сообщили, что турецкій отрядъ подошелъ непосредственно отъ Биръ-Эль-Саба, причемъ былъ въ пути двѣнадцать дней; его сопровождали генералъ фонъ-Траумеръ и три другихъ германскихъ офицера.

Военные корабли союзниковъ вошли въ Дарданеллы въ сопровожденіи большого количества судовъ для вылавливанія минъ.

Турки спѣшно начали посылать подкрѣпленія въ Смирну, гдѣ ожидается высадка союзныхъ войскъ.

Извѣстіе о взятіи Перемышля встрѣчено съ восторгомъ въ Черногоріи. Ко-

ролевичъ Данило, обнявъ генерала Потапова передъ его домомъ, лично объявилъ народу радостную вѣсть. Въ Нишѣ извѣстіе о русской побѣдѣ вызвало необычайную радость. Печать посвятила теплыя статьи русской арміи.

Въ другихъ союзныхъ намъ странахъ взятіе Перемышля было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ, и печать посвятила этому событію цѣлый рядъ прочувствованныхъ статей.

11-го марта Государь Императоръ возвратился въ Царское Село.

11-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о слѣдующемъ:

На правомъ берегу Нарева, на фронтѣ отъ Шквы до Оржица, включая и его правый берегъ, бои за отдѣльные опорные пункты пріобрѣли болѣе общій и крайне ожесточенный характеръ. Германцы, получившіе здѣсь существенныя подкрѣпленія за счетъ другихъ фронтовъ, упорно защищали занятыя ими позиціи, вели ураганный огонь и производили значительными свѣжими силами энергичныя контръ-атаки. Наши войска, однако, медленно продвигались впередъ, овладѣвая окопами и возвышенностями. Заслуживаютъ быть отмѣченными крупныя рукопашныя схватки у Ваха, Караски и Еднорожеца, въ которыхъ наши войска, атаковавшія съ беззавѣтнымъ мужествомъ, одержали верхъ надъ непріятелемъ. Нами было захвачено около 300 плѣнныхъ съ 8 пулеметами и двумя минометами.

На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Германцы были вынуждены оставить господскій дворъ на Доманевице, что на Пилицѣ, въ коемъ мы упрочились, произведенныя въ этомъ районѣ контръ-атаки непріятеля отбиты.

Въ Карпатахъ наши войска продвигались впередъ и овладѣли за минувшія сутки нѣсколькими укрѣпленными высотами па фронтѣ между направленіями на Бартфельдъ и Ужокъ. Повсюду непріятель велъ встрѣчныя атаки, но безъ успѣха. Нами было захвачено за сутки свыше 4.000 плѣнныхъ, одно орудіе и нѣсколько десятковъ пулеметовъ. Германцы 9-го марта вновь безуспѣшно атаковали высоту «992» у Козювки.

Послѣ двухдневнаго боя у Зейдекяна въ Алашкертской долинѣ турки 9-го марта были отброшены къ Даяру, причемъ нашими войсками захвачено было въ плѣнъ три роты турокъ и значительное количество боевыхъ припасовъ.

Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени командующему кавказскою дивизіею, свиты Его Величества генералъ-майору его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу за то, что, командуя отрядомъ въ періодъ январскихъ боевъ за обладаніе проходами въ Карпатахъ, подвергая свою жизнь явной опасности и будучи подъ шрапнельнымъ огнемъ противника примѣромъ личной храбрости и мужества воодушевлялъ и ободрялъ войска своего отряда, причемъ выдержалъ съ 14-го по 25-е января натискъ превосходныхъ силъ противника, прикрывъ весьма важное направленіе на Ломна—Старое Мѣсто, а затѣмъ при переходѣ въ наступленіе активными дѣйствіями содѣйствовалъ успѣшному его развитію.

11-го марта великобританское адмиралтейство опубликовало слѣдующее:

Сегодня два англійскихъ летчика бросили восемь бомбъ на строящіяся въ Гобокенѣ, близъ Антверпена, германскія подводныя лодки. Полагаютъ, что двѣ лодки значительно повреждены. Былъ замѣченъ огонь на элингахъ, въ которыхъ находились пять подводныхъ лодокъ. Третій летчикъ вынужденъ былъ спуститься въ Голландіи.

Англійскій крейсеръ привелъ въ Квинстоунъ большое судно «Stromma» съ грузомъ льняного сѣмени. Въ составѣ команды находились четыре германскихъ подданныхъ. Союзный флотъ вмѣстѣ съ тралерами вновь вошелъ въ Дарданеллы. Начался десантъ союзныхъ войскъ въ Саросской бухтѣ.

11-го марта французское правительство сообщило слѣдующее:

Одна бельгійская дивизія продвинулась впередъ на правомъ берегу Изера, другая заняла германскую траншею на лѣвомъ берегу этой рѣки. У Гартмансвейлеркопфа, вслѣдъ за занятіемъ первой линіи траншей, о которомъ упоминалось въ предшествующемъ сообщеніи, мы захватили вторую линію на фронтѣ, занятомъ тремя ротами. За этой второй линіей наши войска окапываются въ близкомъ разстояніи отъ вершины горы. Мы захватили плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

Въ ночь на 10-е марта къ сѣверу отъ Арраса германцы пытались произвести двѣ атаки на выступъ у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Германцы потерпѣли полную неудачу. Въ Шампани ночью германцы пытались атаковать укрѣпленіе Боссежуръ, но также были отражены..

12-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на фронтѣ къ западу отъ Средняго Нѣмана мы продолжали продвигаться. На правомъ берегу Нарева и на лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ наше наступленіе на фронтѣ между направленіями на Бартфельдъ и на Ужокъ развивался вполнѣ успѣшно. Наши войска одержали въ чрезвычайно трудныхъ условіяхъ рѣшительный и важный успѣхъ въ районѣ Лупковскаго перевала, гдѣ нами взята приступомъ важнѣйшая австрійская позиція на главномъ хребтѣ Бескидскихъ горъ. Преодолѣвъ лѣса, перепутанные колючей проволокой, и нѣсколько ярусовъ окоповъ, наша пѣхота подтянулась къ главной непріятельской позиціи и послѣ обстрѣла ея орудіями, вытащенными на рукахъ на дистанцію 600 шаговъ, прорвалась черезъ глубокіе рвы съ палисадами и захватила укрѣпленія, оборудованныя прочными блиндажами и имѣвшія внутреннюю оборону. Австрійцы произвели нѣсколько яростныхъ контръ-атакъ въ густыхъ колоннахъ, которыя частью разсѣяны, частью уничтожены нашимъ огнемъ и штыками. Къ утру 11 го марта обозначился на нѣсколько позиціяхъ отходъ непріятеля. Нами захвачено за сутки до ста офицеровъ и 5.600 плѣнныхъ съ нѣсколькими десятками пулеметовъ.

10-го марта въ Алашкертской долинѣ попытки Турокъ перейти въ наступленіе отбиты нашими войсками. На прочихъ направленіяхъ кавказскаго фронта происходили частичныя столкновенія между нашими и турецкими войсками.

12-го марта французскія офиціальныя сообщенія говорили слѣдующее:

«Въ Шампани происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой; въ районѣ возвышенности «196» мы отбили три атаки непріятеля. На Аргонской

возвышенности атака германцевъ у Фонтенъ-Мадамъ окончилась неудачей. У Эпаржа мы отбили три непріятельскія контръ-атаки».

Великобританское адмиралтейство 12-го марта сообщило слѣдующее:

«Имѣется основаніе предполагать, что германская подводная лодка «U 29» потоплена со всѣмъ экипажемъ».

13-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что наше наступленіе къ западу отъ Средняго Нѣмана 12-го марта было встрѣчено контръ-атаками противника, бои продолжаются. На правомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На фронтѣ между направленіями на Бартфельдъ и Ужокъ, несмотря на полученныя непріятелемъ подкрѣпленія, мы продолжали успѣшно продвигаться: За 11-ое марта нами захвачено 1,700 плѣнныхъ и 2 орудія. На направленіяхъ Мункачъ—Стрый и Хустъ—Долина германцы вновь безуспѣшно атаковали наши позиціи.

11-го марта происходили незначительныя столкновенія въ Зачорохскомъ краѣ и на ольтинскомъ направленіи.

13-го марта французское правительство сообщило слѣдующее:

«День 12-го марта прошелъ въ затишьѣ на большей части фронта; шелъ почти непрерывный дождь. На пространствѣ между рр. Маасомъ и Мозелемъ попытки непріятеля атаковать насъ были безъ труда остановлены въ самомъ началѣ; нами отбиты двѣ атаки въ лѣсахъ Консанвуа и Коръ, къ сѣверу отъ Вердена, три атаки у Эпаржа и двѣ въ Лепретрскомъ лѣсу.

«Въ Бельгіи, въ районѣ Ньюпора, артиллерійскій бой. Болѣе къ югу мы захватили и заняли къ сѣверу отъ Сенъ-Жоржа ферму, расположенную впереди нашихъ линій. Въ Шампани бомбардировка производилась безъ пѣхотныхъ атакъ. Въ Лотарингіи, къ сѣверу отъ Бадонвиллера, мы твердо закрѣпили за собой мѣстность, захваченную съ 9-го марта. Въ Эльзасѣ на Рейхаккерпкопфѣ германцы направили на траншеи горящую жидкость, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

«Шесть нашихъ летчиковъ бомбардировали ангары дирижаблей въ Фраскати и вокзалъ въ Мецѣ, сбросивъ около дюжины снарядовъ. Несмотря на жестокій обстрѣлъ изъ орудій, всѣ летчики благополучно вернулись. Также брошены бомбы въ казармы на востокѣ Страсбурга».

Затонули германскіе пароходы «Bavaria» и «Koenigsberg», шедшіе съ грузомъ руды изъ Швеціи. Германская подводная лодка потопила пароходъ «Delmira». Команда высадилась на о. Уайтъ. Британскія таможенныя власти захватили два шведскихъ парохода, получившіе грузъ риса съ германскаго парохода въ Виго. Въ Голландіи вызвало негодованіе потопленіе германской подводной лодкой голландскаго парохода «Medea».

14-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ, что къ западу отъ Средняго Нѣмана, а также на правомъ берегу Нарева и на лѣвомъ берегу Вислы 12-го марта положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ мы значительно продвинулись на бартфельдскомъ направленіи. Австрійцы, отступая, подожгли селеніе Зборо. На балигродскомъ направленіи мы захватили укрѣпленную высоту къ востоку отъ Яворжеца. У Русске, Дыдюва и Козювки мы успѣшно отразили атаки крупныхъ силъ

непріятеля. За сутки нами взято до 2,500 австрійцевъ съ сорока офицерами и 7 пулеметами. Въ Восточной Галиціи мы отбросили непріятельскій батальонъ, переправившійся черезъ Днѣстръ у Жожавы, нанеся ему большія потери.

12-го марта частичныя столкновенія происходили въ Зачорохскомъ районѣ и на ольтинскомъ направленіи. На прочихъ направленіяхъ кавказскаго фронта было относительно спокойно.

14-го марта французское правительство официально увѣдомило о слѣдующемъ:

«Минувшею ночью непріятель бомбардировалъ Аррасъ снарядами всевозможныхъ калибровъ. Вспыхнувшій было пожаръ быстро погашенъ. Въ Лабуасселѣ минная борьба продолжалась при благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ. Въ Аргоннахъ въ области Багатель артиллерійскій бой безъ пѣхотныхъ атакъ.

«Въ Эльзасѣ, послѣ энергичныхъ операцій, производившихся въ теченіе нѣсколькихъ дней, мы достигли вершины Гартмансвейлеркопфа, которую отбили у непріятеля. Въ то же время мы продвинулись на флангѣ къ сѣверовостоку и юго-востоку отъ хребта, захвативъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. Германцы понесли большія потери убитыми и оставили на полѣ битвы значительное количество военныхъ припасовъ. Наши потери незначительны.

«Германскій авіаторъ сбросилъ нѣсколько бомбъ въ Виллерѣ къ сѣверозападу отъ Танна. Разорвавшимися снарядами убито трое дѣтей. Германскій аэропланъ, сбросившій бомбу въ области Бадонвиллера, былъ сбитъ нашими войсками. Летчикъ и офицеръ-наблюдатель захвачены въ плѣнъ».

15-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Германская печать утверждаетъ, что австрійскій гарнизонъ Перемышля не превосходилъ 25,000 человѣкъ, что пищевыхъ запасовъ въ крѣпости хватило бы надолго, но гарнизонъ долженъ былъ дѣлить свои скудные раціоны съ огромнымъ числомъ русскихъ плѣнныхъ, якобы захваченныхъ при вылазкахъ крѣпости, что паденіе Перемышля никакого военнаго значенія не имѣетъ, что русскіе разрушили въ Галиціи 300 городовъ и мѣстечекъ, причемъ 250 изъ нихъ сравнены съ землей.

«Всѣ означенныя утвержденія представляютъ сплошной и злонамѣренный вымыселъ.

«Въ Перемышлѣ намъ сдалась армія, численностью около 120,000 человѣкъ, подробный составъ этой арміи и фамиліи взятыхъ въ плѣнъ высшихъ начальниковъ будутъ опубликованы немедленно послѣ того, какъ эта работа будетъ закончена подлежащими штабами.

Число освобожденныхъ нами въ Перемышлѣ русскихъ плѣнныхъ, большую часть коихъ составляютъ раненые, достигаетъ всего 1,350.

«Объ истинномъ значеніи, придаваемомъ непріятелемъ Перемышлю, правильнѣе судить по неисчислимымъ жертвамъ, понесеннымъ имъ при попыткахъ выручить эту крѣпость, начатыхъ съ конца ноября 1914 года.

«Ни одинъ городъ или мѣстечко въ Галиціи нами не разрушенъ и не сравненъ съ землей».

15-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что къ западу отъ Нѣмана бои имѣли 14-го марта встрѣчный характеръ. У Оссовца

происходила слабая артиллерiйская перестрѣлка. Въ районѣ рѣкъ Шквы и Омулева, на фронтѣ Тартакъ—Вахъ—Завады, ведутся упорные бои за позицiи нѣмцевъ. За сутки нами взято здѣсь свыше 600 плѣнныхъ съ 5 офицерами и двумя пулеметами.

Въ Карпатахъ 13-го марта наше наступленiе развивалось преимущественно на бартфельдскомъ направленiи, гдѣ мы съ боемъ захватили новую линiю высотъ на фронтѣ около 35 верстъ. Въ штыковомъ бою за высоту «389», восточнѣе селенiя Млинарочъ, мы уничтожили три батальона австрiйцевъ. На направленiяхъ Мункачъ—Стрый непрiятель вновь произвелъ рядъ отбитыхъ нами атакъ, причемъ безуспѣшно пытался забросать наши окопы огромнымъ количествомъ ручныхъ гранатъ.

15-го марта черноморскiй флотъ бомбордировалъ внѣшнiе форты и батареи Босфора на обоихъ берегахъ пролива. По наблюденiямъ съ судовъ и гидроаэроплановъ снаряды ложились хорошо. Наши летчики, летавшiе надъ батареями Босфора, производили развѣдку и успѣшно бросали бомбы. По летчикамъ былъ открытъ сильный артиллерiйскiй и ружейный огонь, оставшiйся безрезультатнымъ. Пытавшiеся войти въ море изъ Босфора непрiятельскiе миноносцы принуждены были нашимъ огнемъ возвратиться въ проливъ. Пытавшiйся прорваться съ моря въ Босфоръ большой четырехмачтовый непрiятельскiй пароходъ былъ нами разстрѣлянъ. Выбросившись на берегъ, онъ взорвался.

12-го марта въ Приморскомъ районѣ турки пытались перейти въ наступленiе, но отброшены на лѣвый берегъ рѣки Архавы. Въ Чорохскомъ ущельи наши части продолжаютъ тѣснить турокъ къ Артвину. На саганлукскомъ направленiи и въ Алашкертской долинѣ частичныя столкновенiя.

15-го марта донесенiе французскаго правительства гласило:

«Бельгiйскiе авiаторы бросили бомбы въ авiацiонный лагерь Гистелль. На востокъ отъ праваго берега Мааса близъ Маршевиля мы отняли у непрiятеля 300 метровъ траншей и отразили двѣ контръ-атаки. У Эпаржа мы продолжали продвигаться впередъ и овладѣли 150 метрами траншей.

«На правомъ берегу Мааса, близъ Маршвиля, мы потеряли часть германской траншеи, взятой нами въ субботу. На Гартмансвейлеркопфѣ мы упрочили свои позицiи. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ нами во время атаки, приведшей къ занятiю нами вершины этой возвышенности, составляютъ: 6 офицеровъ, 34 унтеръ-офицера и 353 нераненыхъ солдатъ, и еще большее число раненыхъ».

Англiйскiй пароходъ «Lizzie» близъ о. Уайтъ потопилъ германскую подводную лодку «U 37».

16-го марта главное управленiе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленiе:

Въ офицiальномъ германскомъ сообщенiи о дѣйствiяхъ подъ Мемелемъ заключается утвержденiе, что наши войска увели изъ города три тысячи гражданскихъ жителей, кои были отбиты германскими войсками у Кретингена. По точному выясненiи оказалось, что бой съ германскими войсками, наступавшими отъ Тильзита, происходилъ какъ въ самомъ Мемелѣ, такъ и на путяхъ Мемель—Горжды и Мемель—

Полангенъ. Жители Мемеля сами бѣжали въ единственно свободное отъ боя пространство между этими двумя направленіями на Кретингенъ, гдѣ выжидали окончанія боевъ».

16-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго оповѣстилъ о томъ, что на фронтѣ къ западу отъ Нѣмана встрѣчное наступленіе германскихъ войскъ повсюду нами остановлено. Батальонъ 21-го германскаго корпуса, прорвавшійся 14-го марта по льду озера Дуся къ намъ въ тылъ, уничтоженъ штыковой атакой близъ деревни Жебржижки.

Подъ Осовцомъ непріятельская артиллерія почти прекратила огонь.

Между Шквой и Оржицемъ боевыя дѣйствія продолжаются. Въ упорнѣйшемъ бою за селеніе Вахъ мы захватили 9 нѣмецкихъ пулеметовъ.

Въ Карпатахъ между Горлице и Бартфельдомъ австрійцы производили 14-го марта настойчивыя, но безуспѣшныя атаки у селеній Гладышева и Регетова.

Въ балигродскомъ направленіи и на лѣвомъ берегу Верхняго Сана на участкѣ Радзеювъ—Полянка—Завой—Яворжецъ, мы продвинулись впередъ и захватили свыше 600 плѣнныхъ и 4 пулемета. У Козювки 14-го марта отбиты новыя атаки германцевъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наши боевыя дѣла развертывались въ слѣдующемъ порядкѣ: 14-го марта въ Чорохскомъ ущельѣ наши войска оттѣснили турокъ въ районѣ Артвина на лѣвый берегъ рѣки. Турки подожгли Артвинъ. На прочихъ направленіяхъ наши войска успѣшно выполняли поставленныя имъ задачи.

16-го марта французское правительство сообщило слѣдующее:

«Въ районѣ Ипра мы взорвали мину подъ германскимъ наблюдательномъ пунктомъ. У Эпаржа непріятель пытался захватить утерянныя имъ 14-го марта траншеи, однако послѣ ожесточеннаго боя мы удержали за собой большую часть занятаго нами пространства. Непріятель захватилъ лишь нѣкоторые участки своихъ прежнихъ траншей, но и мы продвинулись на другихъ пунктахъ. Непріятель подвергъ обстрѣлу городъ Ньюпоръ и морской курортъ Ньюпоръ, причинивъ незначительныя поврежденія мосту черезъ Изеръ. Въ Шампани происходилъ артиллерійскій бой у Босежура. На Аргонской возвышенности происходила артиллерійская перестрѣлка и метаніе бомбъ преимущественно въ районѣ Багатель, гдѣ обѣ стороны проявляютъ большое упорство».

Голландскій пароходъ «Amstel», шедшій изъ Роттердама и Гулль, наткнулся на мину близъ Фламборо и пошелъ ко дну. Экипажъ спасенъ. Пароходъ «Aquila» потопленъ на высотѣ Пемброка германской подводной лодкой, стрѣлявшей по экипажу. Не досчитываются 26 человѣкъ. Потопленъ также пароходъ «Falaba» у Мильфорда. Изъ 260 человѣкъ спасено 137 человѣкъ. Генералъ Клуккъ раненъ гранатою во время объѣзда передовыхъ окоповъ своей арміи.

Турецкія силы, сосредоточенныя въ Дарданеллахъ и окрестностяхъ, образуютъ пятую армію подъ командованіемъ Лимана-фонъ-Сандерса. Союзный флотъ вновь вошелъ въ Дарданеллы.

Броненосецъ союзнаго флота бомбардировалъ позицію Критео, гдѣ обнаружены новыя турецкія траншеи.

Управляющій русской миссіей передалъ въ черногорскій Красный Крестъ 95.000 франковъ отъ русско-черногорскаго общества. Арнауты напали на черногорскую границу, но были отражены съ большими потерями.

17-го марта въ газетахъ появилось слѣдующее полуофиціальное извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ нашего флота:

«Съ приближеніемъ весенняго времени года естественно увеличился интересъ общества къ военной дѣятельности на морскихъ театрахъ сѣвера Европы и къ той обстановкѣ, которая создалась на нихъ черезъ восемь мѣсяцевъ войны. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ обстановкѣ на западномъ театрѣ, гдѣ вліяніе русской морской силы сказывается не прямымъ, а лишь посредственнымъ образомъ, мы полагаемъ своевременнымъ обрисовать теперь въ общихъ чертахъ то положеніе, которое сложилось на морскомъ театрѣ восточномъ. Къ сожалѣнію, еще не наступилъ моментъ для полной откровенности. Многое попрежнему должно оставаться въ тайнѣ. Опытъ войны ясно подтвердилъ необходимость соблюденія секрета при военныхъ операціяхъ въ современныхъ условіяхъ. Особенно при военныхъ операціяхъ на морѣ, и особенно для слабѣйшаго изъ противниковъ, каковымъ безусловно является русскій флотъ по сравненію съ флотомъ Германіи. Тѣмъ не менѣе, сохраняя въ тайнѣ все нужное, мы можемъ въ настоящее время обрисовать въ общемъ видѣ существующую обстановку, для выясненія которой удобнѣе всего будетъ осторожно дать обзоръ происшедшаго на Балтійскомъ морѣ за время войны.

«Въ теченіе перваго мѣсяца войны германскій флотъ ограничивался только наблюденіемъ за нашимъ флотомъ. Германцы не знали, что предпримутъ англичане, и поэтому, боясь нападенія на свой тылъ, не рисковали двинуть на востокъ свои главныя силы. Это обстоятельство дало намъ время привести въ оборонительное положеніе занятый районъ и выдвинуть впередъ линію обороны. Весь районъ дѣйствія флота былъ минированъ и объявленъ закрытымъ для судоходства. Послѣ того, что мы заняли прочное положеніе, нѣкоторыя части нашего флота начали развивать операціи вблизи береговъ противника. Выходившая въ море развѣдка нѣсколько разъ обнаруживала германскія суда. При этомъ легкіе крейсера противника, слабѣйшіе нашихъ по типу, каждый разъ уклонялись отъ боя и уходили, пользуясь превосходствомъ хода. Такъ, 29 іюля одинъ изъ русскихъ развѣдчиковъ встрѣтилъ два непріятельскихъ крейсера и два миноносца на широтѣ острова Готланда. Дѣло было ночью, и германскія суда, увеличивъ ходъ, скрылись въ темнотѣ. 20-го августа «Олегъ» и «Богатырь», находясь къ западу отъ Либавы, пытались преслѣдовать два легкихъ крейсера, но послѣдніе, не допустивъ ихъ на дистанцію огня, скрылись къ югу. Въ августѣ противникъ старался однажды проникнуть за линію нашего охраненія, что ему удалось благодаря туману. Однако этотъ же туманъ послужилъ причиною аваріи одного изъ германскихъ судовъ—крейсеръ «Магдебургъ» въ ту пору, какъ извѣстно, выскочилъ на камни и былъ нами уничтоженъ. Въ этотъ же періодъ происходило нѣсколько безрезультатныхъ стычекъ между нашими судами и противникомъ. Крейсеръ «Аугсбургъ» обстрѣлялъ тралящую партію, которая работала къ юго-западу отъ Ганге съ цѣлью найти и уничтожить германское загражденіе, гдѣ передъ тѣмъ взорвалось два голландскихъ торговыхъ

парохода. «Аугсбургъ» не успѣлъ въ своемъ намѣреніи и прекратилъ стрѣльбу по тральщикамъ, какъ только замѣтилъ дымъ подходившаго миноносца «Войскового»: отходя къ западу, онъ наткнулся на крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ», Благодаря большому ходу «Аугсбургъ» избѣжалъ гибели, но при перестрѣлкѣ, развившейся на очень большой дистанціи, онъ, повидимому, получилъ поврежденіе руля. 24-го августа бывшій въ дозорѣ крейсеръ «Паллада» попалъ подъ обстрѣлъ броненоснаго крейсера «Блюхеръ», однако послѣдній, имѣя значительно болѣе сильное вооруженіе (двѣнадцать 8,2-дюйм. орудій противъ двухъ 8-дюйм. орудій «Паллады») уклонился отъ боя, располагая скоростью ходавъ 25 узловъ противъ 21 узла нашего крейсера, и не подошелъ на дальность огня артиллеріи «Паллады».

«24-го августа впервые появились въ сѣверной части Балтійскаго моря значительныя силы непріятеля въ составѣ 5—7 линейныхъ кораблей стараго типа, трехъ броненосныхъ крейсеровъ, нѣсколькихъ крейсеровъ и двухъ минныхъ флотилій. Силы противника превосходили наши, состоявшія изъ четырехъ линейныхъ кораблей и пяти броненосныхъ крейсеровъ. Суда были высланы на поддержку атакованной «Паллады», но, прокрейсеровавъ въ морѣ около двухъ сутокъ, противника они не обнаружили. Въ это же время крейсеръ «Аугсбургъ» былъ атакованъ нашей подводной лодкой «Акула», но противъ лодки германцы выслали свои миноносцы, и «Акулѣ» пришлось отступить, совершивъ, кстати сказать, переходъ подъ водою при чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ. Германская эскадра ограничилась на сей разъ только разрушеніемъ маяка Богшеръ, а вошедшіе въ Ботническій заливъ легкіе крейсера уничтожили пароходъ «Улеаборгъ».

«Получивъ свѣдѣніе о выходѣ нашихъ силъ, германская эскадра наткнулась ночью на собственные миноносцы и, принявъ ихъ за русскихъ, разстрѣляла, повредивъ при этомъ до восьми своихъ судовъ. Извѣстившись, что противникъ ушелъ въ море на югъ отъ Виндавы, наша эскадра вернулась обратно, такъ какъ бой съ противникомъ вблизи береговъ непріятеля, очевидно, не входилъ въ наши планы; при такихъ условіяхъ легко было бы потерять даже мало поврежденный корабль, которому германцы были въ состояніи отрѣзать возвращеніе къ базѣ. Терять же корабли представлялось весьма нежелательнымъ, принимая во вниманіе слабость нашихъ силъ.

«Въ началѣ сентября обозначился второй моментъ войны. Германскій флотъ приступилъ къ демонстративнымъ дѣйствіямъ у нашего южнаго побережья, причемъ эти дѣйствія носили характеръ приготовленія къ высадкѣ дессанта. Непріятель производилъ промѣры, наблюдалъ за побережьемъ, обстрѣлялъ маяки Стейнортъ и Бакгофенъ. На Бакгофенѣ находился нашъ наблюдательный постъ, который при приближеніи къ нему германскихъ миноносцевъ открылъ огонь; на миноносцѣ былъ убитъ офицеръ и два нижнихъ чина. Встрѣтивъ отпоръ, противникъ быстро удалился, не нанеся намъ существеннаго вреда и легко лишь ранивъ одного нижняго чина. 11-го сентября германцы подошли къ Виндавѣ съ эскадрой, при которой находились уже и транспорты. Къ мѣсту предполагавшейся высадки были посланы наши миноносцы, но главныя силы германцевъ уже удалились и наши миноносцы столкнулись лишь

съ германскими миноносцами, которые уклонились отъ боя и скрылись въ темнотѣ.

«Обнаруживъ, такимъ образомъ, дѣятельность нашего флота въ южной части Балтійскаго моря, противникъ съ конца сентября перемѣнилъ образъ дѣйствій и главное стремленіе сталъ направлять на то, чтобы помѣшать нашей дѣятельности своими подводными лодками.

«Дѣятельность германскихъ подводныхъ лодокъ оказалась далеко не столь успѣшною, какъ многіе это думали вначалѣ. На одну удачную атаку приходится громадное число атакъ не удавшихся. Возьмемъ для примѣра всѣ атаки за два мѣсяца со времени перваго нападенія на «Макарова». 27-го сентября атакованъ «Макаровъ», 28-го сентября—«Паллада», которая погибла. 30-го сентября атакованы наши подводныя лодки. 3-го, 15-го и 21-го производились атаки на наши миноносцы. 21-го лодки напали на «Богатыря». 22-го и 24-го атакованы два миноносца, потомъ группа миноносцевъ, потомъ одинъ миноносецъ. 24-го октября двѣ лодки, наша и германская, безуспѣшно атаковали другъ друга. 4-го ноября лодка пыталась атаковать «Стерегущій», который направился, въ свою очередь, таранить ее. 9-го ноября дважды былъ атакованъ «Инженеръ-механикъ Дмитріевъ», который тоже таранилъ лодку. 24-го ноября дважды атакованъ миноносецъ. 28-го ноября двѣ атаки на крейсеръ «Богатырь», 28-го ноября атакованъ «Бобръ». Такимъ образомъ, за два мѣсяца было 19 атакъ подводными лодками. Изъ нихъ въ девяти случаяхъ мины не достигли цѣли. въ девяти случаяхъ лодки не могли даже выпустить минъ, и только въ одномъ случаѣ атака оказалась удачною. Лодки же пострадали весьма существенно. Одна изъ нихъ была уничтожена артиллеріей «Баяна»; другая, новѣйшаго типа, протаранена миноносцемъ «Летучій»; одна 28-го сентября взорвалась на нашихъ минахъ и на минахъ же, вѣроятно, погибли еще два лодки. Неудача германскихъ подводныхъ операцій тѣмъ болѣе знаменательна, что русскій флотъ, какъ разъ въ это время, закончивъ подготовку района для своихъ операцій на сѣверѣ Балтійскаго поря, интенсивно развивалъ свои операціи у непріятельскихъ береговъ. Такимъ образомъ, оказывается, что борьба противъ лодокъ оказалась вполнѣ возможной при соблюденіи извѣстныхъ выработанныхъ практикой мѣръ. Лодки стѣсняютъ непріятельскій флотъ, но помѣшать ему категорическъ онѣ не могутъ.

«Операціи, предпринятыя русскимъ флотомъ у непріятельскаго побережья, не должны быть пока еще оглашены. Однако можно открыто сказать, что результатъ ихъ не замедлилъ рѣзко отразиться на дѣятельности врага, который понесъ весьма ощутительныя потери въ судовомъ составѣ и увидѣлъ сильно стѣсненнымъ свое передвиженіе вдоль собственныхъ береговъ, ибо онъ потерялъ тутъ нѣсколько транспортовъ съ военнымъ грузомъ.

«Въ заключеніе мы можемъ указать, что за истекшее время русскій флотъ въ значительной мѣрѣ укрѣпилъ и подготовилъ для встрѣчи противника районъ, на который онъ опирается, пріобрѣлъ цѣннѣйшій боевой опытъ для борьбы съ новыми техническими средствами и не только не ослабъ, но, наоборотъ, чрезвычайно усилился въ своемъ составѣ».

17-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что вече-

ромъ 15-го марта германскія суда, подойдя къ Либавѣ, выпустили по городу до 200 снарядовъ. Въ городѣ убитъ одинъ мирный житель и одинъ раненъ. Потерь среди военнослужащихъ нѣтъ.

На фронтѣ къ западу отъ Нѣмана бои продолжались 15-го марта близъ деревни Струмбагловъ, въ двѣнадцати верстахъ къ сѣверо-западу отъ Лодзее, остатокъ германскаго батальона, атакованнаго нами въ штыки, положилъ оружіе въ составѣ 250 человѣкъ. На правомъ берегу Нарева, между Шквой и Омулевомъ, продолжаются боевыя столкновенія за отдѣльныя рощи и возвышенности, непріятель вытѣсненъ нами изъ района селенія Вахъ.

Въ Карпатахъ между бартфельдскимъ и ужокскимъ направленіями, наши дѣйствія развивались вполнѣ благопріятно. Несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля и рядъ яростныхъ контръ-атакъ, мы овладѣли вновь нѣсколькими укрѣпленными позиціями на высотахъ, причемъ за сутки до утра 16-го марта нами взято въ плѣнъ 76 офицеровъ, 5,384 нижнихъ чина и захвачено 5 орудій, 21 пулеметъ, 1 минометъ.

Отрядъ противника, наступавшій отъ Черновцовъ 15-го марта, прорвался черезъ нашу границу и продвинулся на половину разстоянія къ Хотину.

17-го марта сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Германскій аэропланъ сбросилъ двѣ бомбы надъ Реймсомъ; ранены двое; одинъ снарядъ попалъ въ своды надъ алтаремъ собора. Своей мѣткой стрѣльбой наша артилерія заставила непріятеля въ безпорядкѣ очистить селеніе Гедикуръ, къ сѣверо-востоку отъ Сенъ-Міэля».

«Противникъ продолжалъ обстрѣливать безрезультатно мосты въ Ньюпорѣ. 17-го марта обстрѣлъ артилеріею съ перерывами происходилъ по всему фронту отъ моря до рѣки Эна. Въ Шампани, въ окрестностяхъ Перта, Босежуръ Вилль-сюръ-Турбъ артилерійскій бой и минныя атаки увѣнчались успѣхомъ. Въ Аргоннахъ бой продолжается на нѣкоторыхъ пунктахъ оборонительной линіи съ настойчивостью, однако безъ существеннаго результата ни съ той, ни съ другой стороны.

«16-го марта фортъ Домонъ, къ сѣверу отъ Вердена, получилъ нѣсколько снарядовъ 210-миллиметроваго калибра. Наша артиллерія немедленно привела къ молчанію германскую батарею. Фортъ не понесъ никакого вреда. Въ западной части Лепретрскаго лѣса нами занята линія окоповъ, причемъ мы захватили 100 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера и трехъ унтеръ-офицеровъ. Несмотря на яростную контръ-атаку германцевъ, большая часть германскихъ окоповъ осталась въ нашихъ рукахъ.

«Къ западу отъ Понтъ-а-Муссона, по дорогѣ отъ гостиницы въ Сенъ-Пьеръ къ Реньевилль, мы сняли германскій постъ въ ночь съ 16-го на 17-е марта и отбили три контръ-атаки. На полѣ сраженія около Гартмансвейлеркопфа насчитано 700 германскихъ труповъ».

«17-го марта на высотѣ Дьеппа судно, принадлежащее ко второй легкой французской эскадрѣ, замѣтило германскую подводную лодку, шедшую по поверхности моря. Французское судно преслѣдовало ее и заставило погрузиться въ воду, послѣ чего обстрѣляло перископъ и стало маневрировать, чтобы протаранить ее, причемъ прошло надъ мѣстомъ, гдѣ погрузилась подвод-

ная лодка, въ самый моментъ исчезновенія ея перископа. Было установлено появленіе въ этомъ мѣстѣ большого пятна масла».

18-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на фронтѣ къ западу отъ Нѣмана бои продолжались. Наши войска въ окрестностяхъ Краснополя, успѣшно продвигаясь впередъ, заставили германцевъ 17-го марта поспѣшно отойти и при этомъ захватили въ плѣнъ до 200 нижнихъ чиновъ при 2 офицерахъ и взяли 2 пулемета.

Въ Карпатахъ наше наступленіе продолжалось, за минувшія сутки 16-го марта нами вновь взято въ плѣнъ 38 офицеровъ, около 1.750 нижнихъ чиновъ и захвачено 5 пулеметовъ.

Нашъ Черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулдакъ, Козлу, Килимли и Эрегли. Дѣйствія нашей артиллеріи вызвали на берегу рядъ сильныхъ взрывовъ и пожаровъ.

16-го марта на приморскомъ направленіи незначительныя перестрѣлки. Въ артвинскомъ направленіи турки отброшены къ Мело. На лѣвомъ флангѣ сарыкамышскаго направленія наши войска заняли Артвинъ-Делибаба, Карадербентъ, Ешакъ-Киласъ, отбросивъ турокъ къ западу, причемъ одинъ изъ старыхъ кавказскихъ полковъ лихой атакой подъ звуки гимна сбилъ турокъ съ занимаемой ими позиціи.

18-го марта французское правительство сообщило:

«Въ Шампани происходили артиллерійскіе бои въ районѣ Босежура и Вилль-сюръ-Турбъ. На Аргонской возвышенности происходили пѣхотные бои, особенно между Фуръ-де-Пари и Багатель, причемъ подчасъ на столь близкомъ разстояніи, что однажды непріятельскій бомбометъ силою взрыва нашего круппаго снаряда былъ переброшенъ въ наши линіи.

«Въ ночь съ 17-го на 18-е марта мы заняли участокъ траншей въ пятьдесятъ пять метровъ, причемъ захватили плѣнныхъ и два бомбомета. Въ теченіе той же ночи непріятель обстрѣливалъ траншеи, потерянныя имъ 17-го марта въ Лепретрскомъ лѣсу. На разсвѣтѣ германцы силою въ нѣсколько батальоновъ произвели контръ-атаку, причемъ имъ удалось вновь занять западную часть позиціи, однако къ восьми часамъ утра они снова были выбиты изъ нея; такимъ образомъ занятыя нами 17-го марта позиціи цѣликомъ остались въ нашихъ рукахъ причемъ мы захватили плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера.

«Въ районѣ Парруа произошли столкновенія между передовыми отрядами, удачно окончившіяся для насъ.

«Въ теченіе ночныхъ полетовъ, совершенныхъ 17-го марта нашими летчиками, сброшено 24 снаряда надъ желѣзнодорожными станціями и непріятельскими бивуаками въ Веврѣ, Шампани, въ области Суассона и въ Бельгіи. Днемъ 18-го марта мы удачно бомбардировали приморскій вокзалъ въ Брюгге и авіаціонный лагерь въ Житсѣ».

19-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ къ западу отъ Нѣмана нами въ теченіе 18-го марта одержанъ существенный успѣхъ надъ германцами въ районѣ Красна, что къ западу отъ Симно. Здѣсь, подъ упорнымъ натискомъ нашихъ войскъ, противникъ началъ поспѣшно отступать.

Въ Карпатахъ наше наступленіе продолжалось. Весьма существенные результаты достигнуты нами 17-го марта въ районѣ Воли-Миховой и Лутовиска. Въ районѣ Воли-Миховой наши войска, взбираясь по поясъ въ снѣгу по отвѣснымъ почти скатамъ горъ и ведя упорный бой въ лѣсахъ, опутанныхъ проволокой, шагъ за шагомъ выбивали австрійцевъ изъ ихъ окоповъ и овладѣли рядомъ укрѣпленныхъ высотъ главнаго Бескидскаго хребта. На лутовискомъ направленіи, несмотря на сильный огонь непріятеля и глубокій снѣгъ, мы также выбили австрійцевъ съ ряда ихъ позицій западнѣе Насичне и юго-восточнѣе Дверниковъ.

За 17-е марта нами взято въ Карпатахъ въ плѣнъ свыше 80 офицеровъ, 5.600 нижнихъ чиновъ и захвачено 4 орудія и 14 пулеметовъ. На хотинскомъ направленіи нѣсколько австрійскихъ батальоновъ, занимавшихъ укрѣпленную позицію въ районѣ деревень Шиловцы и Малинцы, были нами 17-го марта окружены и частью уничтожены. Остатки этихъ батальоновъ въ числѣ около 1,500 человѣкъ взяты въ плѣнъ.

На приморскомъ направленіи происходили лишь незначительныя перестрѣлки. Въ артвинскомъ районѣ наши войска заняли Црію. Въ артвинскомъ бою нами отбито у турокъ два орудія.

19-го марта сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Минная борьба продолжается на многихъ пунктахъ фронта. Такъ, у Домпьеръ, къ юго-западу отъ Перронъ, мы удачно взорвали четыре мины. Близъ фермы Колера, къ сѣверу отъ Берри-о-Бакъ, мы взорвали мину въ тотъ моментъ, когда непріятель былъ занятъ работами, а вслѣдъ за этимъ открыли по непріятелю сильный огонь изъ орудій 75-миллим. калибра. Наблюдательный постъ германцевъ исчезъ въ воронкѣ. Точное число взятыхъ нами въ плѣнъ въ Лепретрскомъ лѣсу опредѣляется въ 140 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 офицера; всѣ контръ-атаки были здѣсь нами отбиты. Атака непріятеля, направленная противъ нашихъ передовыхъ постовъ въ районѣ Парруа, была, повидимому, произведена однимъ батальономъ ландвера; атака эта окончилась неудачей, причемъ непріятель понесъ тяжелыя потери.

«На различныхъ пунктахъ фронта происходили артиллерійскіе бои. Въ Веврѣ, къ западу отъ Лепретрскаго лѣса, мы заняли селеніе Фэанъ-Гэ и удержались въ немъ, несмотря на нѣсколько контръ-атакъ. Въ Лотарингіи и въ Вогезахъ не произошло ничего существеннаго. Къ югу отъ Диксмюде летчикъ лейтенантъ Гарро пулеметнымъ огнемъ подбилъ германскій аэропланъ. Въ районѣ рѣки Эна другой германскій летчикъ былъ сбитъ летчикомъ Наварръ ружейнымъ огнемъ».

20-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее заявленіе:

I.

12-го марта съ австрійскаго аэроплана были брошены двѣ бомбы въ нашъ лазаретъ, расположенный на станціи Воля-Ржендзиньска въ восьми верстахъ отъ Тарнова, несмотря на флаги Краснаго Креста на всѣхъ лазаретныхъ шатрахъ и особые большіе флаги Краснаго Креста, натянутые на столбахъ спеціально для указанія воздухоплавательнымъ аппаратамъ о расположеніи здѣсь учрежденія для подачи помощи раненымъ.

II.

12-го марта во время обстрѣла бомбами съ германскихъ аэроплановъ станціи Остроленки подверглись обстрѣлу, несмотря на ясно видимые опознательные знаки, госпитали и питательные пункты Краснаго Креста, а также санитарные поѣзда за нумерами 31 и 121. При этомъ часть санитарныхъ вагоновъ была повреждена, а среди медицинскаго персонала оказались пострадавшіе.

III.

При взятіи бывшей австрійской крѣпости Перемышль русскимъ войскамъ сдались въ плѣнъ въ составѣ гарнизона нижеслѣдующіе генералы австро-венгерской арміи:

Комендантъ крѣпости генералъ-отъ-инфантеріи Германъ Кусманекъ; начальникъ 23-й гонведной дивизіи фельдмаршалъ-лейтенантъ Арпадъ Тамаши; фельмаршалъ-лейтенанты: Карлъ Вайцендорферъ и Вильгельмъ Никль; генералъ-майоры: Альфредъ Веберъ, Рудольфъ Зейде, Артуръ Кальтнекеръ, Георгій Комма и Фридрихъ Клойберъ.

20-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

На нѣмецкомъ фронтѣ наши войска, послѣ упорнаго ночного боя 19-го марта продолжая наступленіе, отбросили нѣмцевъ и, нанеся имъ крупныя потери, подошли къ ихъ позиціямъ восточнѣе Пильвишекъ, Маріамполя, Кальваріи, Сувалокъ и Августова.

Въ Карпатахъ 18-го и въ ночь на 19-го марта наше наступленіе продолжалось успѣшно, причемъ нашъ успѣхъ главнымъ образомъ сосредоточился на фронтѣ отъ Воля Михова до ужокскаго направленія.

Преодолѣвая обледенѣлыя кручи подъ сильнымъ огнемъ австрійцевъ, наши войска овладѣли послѣ длительнаго штыкового боя рядомъ важныхъ высотъ и почти всѣми вершинами хребта Полонина, что сѣвернѣе деревень Ветлина и Береги Горные. На этомъ хребтѣ одинъ изъ нашихъ доблестныхъ полковъ взялъ съ боя весьма сильный непріятельскій фортъ, обнесенный двумя рядами проволочныхъ загражденій и засѣкъ. Рядъ контръ-атакъ австрійцевъ въ районѣ къ западу отъ желѣзной дороги Гуменное—Мезо-Лаборчъ, произведенный ими вновь подтянутыми силами, отраженъ съ крупными для непріятели потерями. Въ районъ Козювки нами была взорвана минная галлерея противника подъ его окопомъ, послѣ чего наши войска отбросили его изъ этого окопа и заняли послѣдній. Въ общемъ за минувшія сутки на карпатскомъ фронтѣ взято нами вновь въ плѣнъ 32 офицера и около 2.300 нижнихъ чиновъ, причемъ захвачено пять пулеметовъ. На остальныхъ участкахъ нашего фронта безъ существенныхъ перемѣнъ.

По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ выясняется, что на хотинскомъ направленіи противъ насъ 17-го марта дѣйствовали части 42-й гонведной дивизіи, причемъ число взятыхъ нами здѣсь плѣнныхъ превышаетъ 30 офицеровъ и 2000 нижнихъ чиновъ.

На основаніи полученныхъ свѣдѣній о дѣятельности подполковника Мясоѣдова, занимавшаго должность переводчика при штабѣ 10-й арміи, за нимъ было установлено наблюденіе. Какъ только послѣднее подтвердило предположеніе о преступномъ характерѣ дѣятельности этого штабсъ-офицера, имѣв-

шаго сношенія съ агентами одной изъ воюющихъ съ нами державъ, онъ былъ арестованъ. Въ связи съ нимъ были арестованы и другія заподозрѣнныя въ той же преступной дѣятельности лица, не принадлежащія къ составу арміи. Назначенное надъ Мясоѣдовымъ и его соучастниками слѣдствіе вполнѣ опредѣленно установило несомнѣнную виновность перваго. Въ виду этого Мясоѣдовъ былъ преданъ военно-полевому суду по обвиненію въ шпіонствѣ и мародерствѣ. Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе. Что касается остальныхъ соучастниковъ этого тяжкаго преступленія, то слѣдствіе о нихъ продолжается для исчерпывающаго выясненія всѣхъ сопричастныхъ къ дѣлу лицъ. По мѣрѣ установленія ихъ виновности, они будутъ предаваться соотвѣтственному суду.

20-го марта французское правительство увѣдомило о слѣдующемъ: въ семь часовъ утра къ востоку отъ Суассона германскій аэропланъ былъ сбитъ и принужденъ спуститься въ предѣлахъ нашего расположенія. Французскій воздушный отрядъ сбросилъ 33 бомбы надъ бараками, ангарами и вокзаломъ въ Виньулло (Vignoullos), въ Веврѣ. Большая часть этихъ снарядовъ попала въ цѣль. По французскимъ аэропланамъ былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь на близкомъ разстояніи; три изъ нихъ возвратились съ большими дырами въ крыльяхъ, у двухъ другихъ крылья изрѣшечены шрапнельными пулями. Однако ни одинъ изъ летчиковъ не пострадалъ, и всѣ они благополучно возвратились.

Съ южнаго австро-сербскаго и черногорскаго фронтовъ пришли слѣдующія извѣстія: около часа пополуночи надъ Цетиньемъ показался австрійскій аэропланъ, сбросившій семь бомбъ въ центрѣ города. Двѣ бомбы упали на разстояніи тридцати шаговъ отъ дворца короля Николая, а другія разрушили дома. Было нѣсколько человѣческихъ жертвъ. Король и престолонаслѣдникъ осматривали разрушенные дома и посѣтили пострадавшихъ.

Въ ночь на 18-го марта на австрійскомъ пароходѣ, шедшемъ изъ Землина внизъ по Дунаю, вдругъ произошелъ взрывъ, оттого ли, что пароходъ коснулся мины, или по какой-либо другой причинѣ. Кузовъ и руль оказались поврежденными. Вслѣдъ за тѣмъ пароходъ былъ подхваченъ теченіемъ и отнесенъ къ Ритопеку. Здѣсь сербская артиллерія его обстрѣляла. Въ 11 час. 10 мин., когда пароходъ находился противъ Ритопека, въ него попалъ одинъ изъ сербскихъ снарядовъ. Раздался страшный взрывъ, и одна часть парохода взлетѣла на воздухъ, другая же затонула у сербскаго берега. Берегъ былъ усѣянъ мельчайшими обломками. Изъ экипажа спаслись только два человѣка. Они достигли сербскаго берега вплавь. По словамъ спасшихся, на пароходѣ, кромѣ капитана, находились два спеціальныхъ лоцмана для проводки парохода черезъ Желѣзныя ворота, одинъ морской офицеръ, 25 матросовъ и семь или восемь механиковъ. Этотъ пароходъ назывался «Бѣлградъ» и принадлежалъ венгерской пароходной компаніи. По внѣшнему виду онъ напоминалъ шаланду и могъ принять грузъ въ 65 вагоновъ. На немъ имѣлся большой грузъ боевыхъ припасовъ и другого артиллерійскаго матеріала. По словамъ спасшихся матросовъ, а также по характеру обломковъ, найденныхъ на берегу, пароходъ былъ спе-

ціально блиндированъ въ Землинѣ для этой экспедиціи. Передъ отходомъ судна морской офицеръ обратился къ матросамъ съ рѣчью, указавъ имъ, что они должны исполнить весьма важное порученіе. Каждый изъ матросовъ получилъ экстренное вознагражденіе въ размѣрѣ ста франковъ золотомъ. Есть основаніе предполагать, что грузъ парохода предназначался для турецкой арміи.

21-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что наше наступленіе въ Карпатахъ развивается съ прежнимъ успѣхомъ. Въ теченіе 19-го марта мы продолжали особенно успѣшно продвигаться на участкѣ отъ Воли Миховой до ужокскаго направленія. Несмотря на упорное сопротивленіе австрійцевъ, широкое примѣненіе ими разрывныхъ пуль и настойчивыя контръатаки, наши войска тѣснили непріятеля, забирая плѣнныхъ, пулеметы и бросавшееся австрійцами снаряженіе и повозки. Всего за минувшія сутки 19-го марта въ Карпатахъ нами взято въ плѣнъ до ста офицеровъ, свыше 7.000 нижнихъ чиновъ и захвачено нѣсколько десятковъ пулеметовъ.

21-го марта французское правительство извѣстило о томъ, что въ районѣ рѣки Соммы, у Лабуассель и Домпіеръ минная борьба продолжается успѣшно для французовъ. Общее число взятыхъ ими въ плѣнъ въ Лепретрскомъ лѣсу, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона съ 17-го по 19-ое марта превысило 200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился шесть офицеровъ. Сбитый французскими войсками германскій аэропланъ намѣревался сбросить бомбы надъ Реймсомъ. Аппаратъ загорѣлся и вынужденъ былъ спуститься, причемъ два летчика, оставшихся невредимыми, нами взято въ плѣнъ. У Дампіера, къ юго-западу отъ Перонна, минная работа французовъ продолжала развиваться. Близъ Лассиньи германцы пытались произвести атаку, но были тотчасъ остановлены огнемъ французскихъ войскъ и принуждены вернуться въ свои траншеи. Въ Верхнемъ Эльзасѣ, въ районѣ Верхняго Бурнгаупта, французы отбили двѣ германскія атаки.

22-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

На фронтѣ къ западу отъ Нѣмана бои развиваются для насъ вполнѣ благопріятно. Наша кавалерія у шоссе между Кальваріей и Сувалками, въ районѣ деревни Зеленая-Буда, послѣ упорнаго боя 20-го марта съ германской конницей, поддержанной пѣхотой, лихой атакой въ конномъ строю, изрубивъ много непріятеля и захвативъ плѣнныхъ, выбила нѣмцевъ изъ занимавшагося ими района и преслѣдуетъ ихъ.

Въ Карпатахъ въ теченіе 20-го марта мы одержали значительный успѣхъ на участкѣ къ сѣверу отъ направленія на Бартфельдъ и въ районѣ между мезолаборчскимъ и лутовискимъ направленіями. Въ общемъ за 20-го марта нами взято на карпатскомъ фронтѣ въ плѣнъ свыше 2.100 нижнихъ чиновъ и захвачено три орудія и три пулемета. Въ районѣ Залещиковъ австрійцы пытались переходить въ наступленіе, но всѣ атаки кончились для нихъ полной неудачей. Здѣсь нами взято въ плѣнъ два офицера и около ста нижнихъ чиновъ. На хотинскомъ направленіи австрійцы послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго имъ 17-го марта частями нашей конницы, лихо атаковавшей австрійскій пѣхотный отрядъ въ пѣшемъ строю, очистили нашу территорію и отошли къ своей границѣ, на которой укрѣпляются. Въ этомъ бою 17-го марта наша спѣшенная

конница проявила выдающуюся лихость и отвагу, атаковавъ пѣхотныя части непріятеля въ штыки, шашки и пики.

Въ Черномъ морѣ 21-го марта вечеромъ, въ Одесскомъ заливѣ взорвался на нашей минѣ и затонулъ турецкій крейсеръ, повидимому, «Меджидіе».

Въ районѣ Залещиковъ въ бою въ ночь на 21-ое марта австрійцы послѣ жестокаго обстрѣла огнемъ тяжелыхъ орудій одного изъ нашихъ укрѣпленій, перебивъ огнемъ почти всѣхъ защитниковъ этого укрѣпленія, стремительно ворвались въ него, но почти тотчасъ же были выбиты контръ-атакой подошедшей роты одного изъ нашихъ полковъ. При этой контръ-атакѣ названная рота отбила телефониста своего полка рядового Алексѣя Макуху, надъ которымъ чины австрійской арміи совершили гнусное звѣрство, вырѣзавъ ему языкъ послѣ того, какъ онъ отказался сообщить врагу свѣдѣнія, составляющія военную тайну.

Верховный главнокомандующій соизволилъ удостоить названнаго рядового Алексѣя Мукуху производствомъ въ младшіе унтеръ-офицеры, пожалованіемъ георгіевскаго креста 1-й степени и выраженіемъ ему особой личной благодарности его императорскаго высочества за свято исполненный долгъ и присягу. Вмѣстѣ съ тѣмъ верховный главнокомандующій вошелъ съ особымъ представленіемъ на Высочайшее имя о пожалованіи ему, доблестному воинскому чину россійской арміи, двойной пенсіи противъ установленной для раненыхъ унтеръ-офицеровъ перваго разряда.

20-го и 21-го марта на приморскомъ и артвинскомъ направленіяхъ боевыя столкновенія между нашими и турецкими войсками продолжались.

22-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Германская главная квартира 11-го марта сообщила, что германскія войска при отходѣ нашего отряда отъ Мемеля взяли въ плѣнъ 550 нижнихъ чиновъ у Полангена.

Сообщеніе это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

При отходѣ отъ Мемеля мы потеряли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими всего 149 человѣкъ.

Его Величеству Государю Императору 22-го сего марта благоугодно было послать на имя его императорскаго высочества верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича слѣдующую телеграмму:

«Воистину воскресъ. Горячій пасхальный привѣтъ всѣмъ Моимъ безчисленнымъ героямъ арміи и флота и душевное спасибо за тяжкую, безпримѣрно славную боевую службу».

Подписана: «**НИКОЛАЙ**».

Означенная телеграмма была послана въ отвѣтъ на слѣдующую телеграмму верховнаго главнокомандующаго:

«Христосъ воскресе. Вся армія и флотъ Вашего Величества приносятъ ихъ вѣрноподданное горячее поздравленіе съ великимъ праздникомъ Свѣтло-Христова Воскресенія, твердо вѣря, что въ эти великіе дни Господь намъ особенно поможетъ, дастъ силы и умѣніе побѣдить враговъ на радость вашу и счастіе Россіи».

Подписана: «Генералъ-адъютантъ Николай».

22-го марта французское правительство офиціально извѣстило о томъ, что результаты нападенія, совершеннаго въ Бельгіи 13-го марта англійскими летчиками, слѣдующіе: сильно повреждены ангаръ дирижабля въ Сантъ-Агатѣ, равно какъ дирижабль въ Гобокенѣ. Подожжены антверпенскіе морскіе доки-разрушены двѣ подводныя лодки, третья повреждена: убито 40 германскихъ рабочихъ и 62 ранены.

23-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

На фронтѣ къ западу отъ Нѣмана въ теченіе 22-го марта наши войска продолжали на нѣкоторыхъ участкахъ успѣшно продвигаться впередъ.

Въ Карпатахъ въ теченіе ночи на 21-ое марта и всего послѣдующаго дня въ районѣ къ сѣверу отъ направленія на Бартфельдъ происходилъ упорный огневой и штыковой бой съ австрійцами; здѣсь нами взято въ плѣнъ 20 офицеровъ и свыше 1.200 нижнихъ чиновъ, а также захвачено два пулемета. Въ то же время весьма успѣшно шло наше дальнѣйшее продвиженіе на фронтѣ между мезо-лаборчскимъ и ужокскимъ направленіями; въ этомъ районѣ мы взяли въ плѣнъ за истекшія сутки около 25 офицеровъ и свыше 2.000 нижнихъ чиновъ и захватили три орудія. Занявъ находящуюся въ этомъ районѣ станцію Писна, мы захватили находившіеся на станціи паровозы и вагоны, а также большой складъ огнестрѣльныхъ припасовъ и часть обозовъ. Къ сѣверу отъ Черновцевъ, въ районѣ с. Окна, въ теченіе 21-го и 22-го марта шелъ упорный бой, въ результатѣ котораго австрійцы были вынуждены отступить, оставивъ намъ свыше 1.000 плѣнныхъ

На прочихъ участкахъ нашего общаго фронта положеніе остается безъ существенныхъ перемѣнъ.

21-го марта въ Черномъ морѣ у Крымскаго побережья нашъ флотъ имѣлъ перестрѣлку съ дальняго разстоянія съ крейсерами «Гебенъ» и «Бреслау» и преслѣдовалъ ихъ до темноты. Ночью наши миноносцы нашли и атаковали турецкіе крейсера въ ста миляхъ отъ Босфора, причемъ послѣдніе развили энергичный огонь и уклонились отъ атакъ. Затонувшій на мелководьѣ въ Одесскомъ заливѣ турецкій крейсеръ оказался «Меджидіе».

Изъ авторитетнаго источника намъ сообщили, что ночью на 22-ое марта вблизи Босфора наши миноносцы атаковали «Гебенъ» и «Бреслау», которыхъ до вечера преслѣдовалъ нашъ флотъ. Германскіе крейсера открыли энергичный огонь и вскорѣ скрылись въ темнотѣ. Въ субботу въ Одесскомъ заливѣ турецкій крейсеръ «Меджидіе» наткнулся на мину загражденія, которая взорвалась подъ нимъ, и онъ затонулъ.

Попытка австрійцевъ, перейдя нашу границу, вторгнуться въ предѣлы Россіи въ направленіи на Хотинъ, какъ уже извѣстно, потерпѣла полное крушеніе, и въ бояхъ 17-го марта наступавшій въ этомъ районѣ австрійскій отрядъ былъ разбитъ и частью уничтоженъ, частью взятъ въ плѣнъ.

Подробности этого выдѣляющагося по лихости дѣла слѣдующія: противникъ силою не менѣе дивизіи пѣхоты съ бригадой конницы занималъ укрѣпленную имъ позицію въ районѣ деревень Шиловцы и Малинцы. Двѣ колонны нашей конницы почти равной силы, но въ общей сложности значительно уступавшія силамъ австрійцевъ, повели въ спѣшенномъ строю въ шесть часовъ

утра 17-го марта наступленіе на фронтъ противника, постепенно охватывая его одной колонной съ сѣвера, а другой съ юга. Противникъ весь день оказывалъ упорное сопротивленіе, наши части неоднократно ходили въ штыки, а принимавшіе участіе въ бою спѣшенные казаки въ пики и шашки. Къ вечеру сопротивленіе австрійцевъ было сломлено, наши войска, продолжая свои лихія атаки, окончательно сбросили непріятеля съ занимавшихся имъ возвышенностей между деревнями Шиловцы и Малинцы, заняли эти возвышенности и деревни, а также и находящіяся въ тылу Шиловцовъ деревни Грозницы и Колинковцы. Тѣмъ временемъ на правомъ флангѣ нашихъ колоннъ, верстахъ въ десяти къ сѣверу отъ нихъ у деревни Рухотинъ, занятой батальономъ австрійцевъ съ нѣсколькими эскадронами конницы, велъ бой одинъ изъ нашихъ донскихъ казачьихъ полковъ. Около четырехъ часовъ дня лихой атакой въ пики и шашки полкъ этотъ отбросилъ противника отъ деревни и занялъ ее. Австрійцы стали поспѣшно отходить по всему фронту, а наши ихъ преслѣдовали. Какъ уже извѣстно, за день 17-го марта нами въ этихъ бояхъ взято въ плѣнъ 33 офицера, свыше 2.100 нижнихъ чиновъ и захвачено 40 походныхъ вьючныхъ кухонъ, восемь телеграфныхъ вьюковъ и много ручного оружія. О взятыхъ въ бывшей австрійской крѣпости Перемышль трофеяхъ все время получаются новыя дополнительныя свѣдѣнія. Только что стало извѣстно, что въ числѣ трофеевъ въ наши руки достался крѣпостной кайзеръ-флагъ.

На всемъ западно-европейскомъ фронтѣ въ теченіе 23 марта стоялъ туманъ и шелъ дождь. Въ лѣсу Айи (Ailly), къ юго-востоку отъ Сенъ-Міэля, французы заняли три расположенныя другъ за другомъ линіи траншей. Кромѣ того, французскія войска взяли часть непріятельскаго полевого укрѣпленія къ сѣверо-востоку отъ Раньевилля.

24-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ къ западу отъ Нѣмана въ теченіе 23-го марта происходили въ окрестностяхъ Маріамполя, Людвинова и Кальваріи отдѣльные бои, носившіе частный характеръ.

Въ Карпатахъ 22-го марта наше успѣшное продвиженіе впередъ продолжалось на всемъ фронтѣ отъ района, что сѣвернѣе бартфельдскаго направленія, до ужокскаго направленія включительно. При этомъ особенно значительно мы продвинулись въ районѣ Ростокскаго перевала, въ окрестностяхъ котораго мы захватили весьма значительный участокъ главнаго хребта и перешли передовыми частями на южные склоны таковаго, занявъ деревни Смольникъ и Орошъ-Рушка. Попытка австрійцевъ остановить контръ-атаками на нѣкоторыхъ участкахъ Карпатскаго хребта наше наступленіе успѣха не имѣла, и всѣ атаки противника были отбиты съ большими для него потерями. Отходя, австрійцы поджигаютъ посты и склады продовольствія. За сутки взято въ плѣнъ на Карпатскомъ фронтѣ около 20 офицеровъ и свыше 1.500 нижнихъ чиновъ.

На остальныхъ участкахъ нашего фронта происходила рѣдкая артиллерійская и ружейная перестрѣлка и поиски отдѣльныхъ развѣдывательныхъ партій.

Вывозъ плѣнныхъ изъ Перемышля закончился. Всего эвакуировано во внутренніе районы Россіи 9 генераловъ, 2.307 офицеровъ и 113.890 нижнихъ чи-

новъ. Кромѣ того, временно оставлено въ лечебныхъ заведеніяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій около 6.800 больныхъ и раненыхъ, не могущихъ по состоянію здоровья перенести немедленную перевозку. При этихъ больныхъ и раненыхъ оставлено, въ помощь русскому медицинскому персоналу, 129 австрійскихъ врачей и 100 санитаровъ. Въ наши руки въ Перемышлѣ перешло огромное количество матеріальной части и боевыхъ запасовъ, регистрація которыхъ еще не закончена. До настоящаго времени зарегистрировано свыше 900 орудій, изъ коихъ много вполнѣ годныхъ. Каждый день открываются новыя мѣста складовъ огнестрѣльныхъ припасовъ и матеріальной части. Много орудій, ружей и различныхъ принадлежностей къ нимъ сброшено австрійцами въ рѣку Санъ. Къ извлеченію ихъ принимаются мѣры.

24-го марта французское правительство извѣстило слѣдующее:

На юго-западѣ отъ Вокуа мы заняли непріятельское укрѣпленіе. Во время успѣшнаго дѣла въ лѣсу Айи и на юго-востокѣ отъ Сентъ-Міэля мы захватили много плѣнныхъ и завладѣли пулеметомъ и бомбометомъ. Мы продвинулись въ Буа-Брюлэ на востокѣ отъ лѣса Айи. Мы удержали за собою занятое нами пространство на сѣверо-востокѣ отъ Раньевилля. Къ востоку отъ Вердена мы заняли селеніе Кюссенвилль и возвышенности, господствующія надъ долиной рѣки Орна. Южнѣе этого района мы продвинулись въ направленіи Мезерэ. Въ лѣсахъ Айи и Брюлэ мы удержали за собою занятыя нами позиціи и захватили новыя траншеи. Въ Лепретрскомъ лѣсу мы продвинулись нѣсколько впередъ.

Согласно показаніямъ плѣнныхъ, во время нашихъ послѣднихъ атакъ въ южномъ Веврѣ шесть германскихъ батальоновъ были одинъ за другимъ уничтожены. Къ юго-востоку отъ Гартмансвейлера мы заняли возвышенность, съ которой германскій полковникъ руководилъ дѣйствіями бригады во время боя 13-го марта. Мы продвинулись за линію указанной возвышенности, причемъ захватили плѣнныхъ.

24-го марта великобританское правительство сообщило, что англійскія войска союза вечеромъ 21-го марта заняли Вармбадъ, въ 25 миляхъ къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, не встрѣтивъ сопротивленія. Вармбадъ является южной станціей германской юго-западной африканской желѣзнодорожной сѣти.

24-го марта сербское «Прессъ-Бюро» опубликовало слѣдующее заявленіе:

«Со времени начала военныхъ дѣйствій сформированныя на болгарской территоріи четы комитаджіевъ неоднократно вторгались въ Сербію. 2-го марта сего года двѣ сильныя болгарскія четы, также сформированныя и снаряженныя на болгарской территоріи, ночью вторглись въ предѣлы Сербіи съ цѣлью разрушить желѣзнодорожное полотно и поднять мятежъ среди мирнаго населенія. Четы эти напали на сербскіе посты, охранявшіе желѣзную дорогу, на станціи и нѣсколько селеній, откуда увели въ Болгарію значительное число поселянъ и большое количество скота. Въ виду того, что болгары отрицаютъ фактъ сформированія этихъ четъ въ Болгаріи и упорно продолжаютъ утверждать, будто въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о мятежѣ македонскаго населенія, возставшаго противъ мнимаго угнетенія со стороны сербскихъ властей, союзъ сербскихъ журналистовъ, не имѣя возможности инымъ способомъ доказать, на чьей сто-

ронѣ истипа, обращается къ крупнымъ европейскимъ газетамъ и телеграфнымъ агентствамъ съ просьбой прислать въ Сербію своихъ представителей для выясненія на мѣстахъ степени правдивости утвержденія болгаръ. Союзъ журналистовъ сочтетъ для себя за честь оплатить всѣ расходы по поѣздкѣ въ Сербію и обратно.

25-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ Карпатахъ, несмотря на контръ-таки непріятеля, значительно усилившагося подкрѣпленіями изъ состава германскихъ и австрійскихъ войскъ, наше наступленіе между рѣкой Топла и ужокскимъ направленіемъ продолжается. Всѣ вершины главнаго хребта Бескидъ къ западу отъ района селенія Устржики-Горныя находятся въ нашихъ рукахъ и наши войска постепенно овладѣваютъ ихъ южными отрогами.

За 23-го марта мы захватили до 2.900 плѣнныхъ съ тремя орудіями и нѣсколькими пулеметами.

На остальныхъ участкахъ всего нашего фронта положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ; мелкія стычки, обычная перестрѣлка продолжались.

За 22-ое и 23-е марта всѣ атаки турокъ на нашъ правый флангъ въ Приморскомъ отрядѣ отбиты. На ольтинскомъ направленіи наши войска опрокинули турокъ, занимавшихъ хорошую позицію въ направленіи на Охоръ. Захвачены были плѣнные.

25-го марта официальное сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Германскому отряду удалось переправиться съ тремя пулеметами на лѣвый берегъ Изера къ югу отъ Дриграхтепа; однако онъ былъ атакованъ и захваченъ бельгійскими войсками. Къ востоку отъ Вердена атакой въ направленіи Этена мы завладѣли возвышенностями «219» и 231», а также фермами Гобуа и Лопиталь.

«У Эпаржа мы продвинулись впередъ и удержались на своихъ позиціяхъ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ около 60 человѣкъ, въ числѣ ихъ трехъ офицеровъ. Въ Айискомъ лѣсу и въ лѣсу Бролэ мы отбили контръ-атаку и снова немного продвинулись впередъ такъ же, какъ и въ Лепретрскомъ лѣсу. Въ Бандесантѣ у Фонтенеля мы взорвали минами непріятельское укрѣпленіе. Несмотря на крайне дурную погоду, на пространствѣ между рр. Маасомъ и Мозелемъ происходили значительныя столкновенія; здѣсь мы удержали за собой всѣ занятыя нами позиціи и продвинулись еще немного впередъ.

«Близъ Парейда (Pareid), къ востоку отъ Вердена, мы заняли двѣ непріятельскія траншеи.

«У Эпаржа въ ночь съ 24-го на 25-е марта мы весьма значительно продвинулись впередъ. Въ теченіе всего дня германцы производили ожесточенныя контръ-атаки, но безуспѣшно. При послѣдней ихъ атакѣ, носившей особенно ожесточенный характеръ, германцы были скошены нашимъ огнемъ; то же произошло и въ Айискомъ лѣсу: послѣ нѣсколькихъ контръ-атакъ, отбитыхъ нами, мы удержали за собой занятыя нами вчера позиціи. На этомъ участкѣ фронта мы захватили значительное количество плѣнныхъ. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ районѣ Гартмансвейлера, находятся гвардейскіе солдаты, переведенные германцами въ этотъ районъ послѣ постигшей ихъ здѣсь 13-го марта неудачи».

26-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщалъ слѣдующее:

«Въ Карпатахъ наши войска 24-го марта, наступая длиной Ондавы, выбили австрійцевъ съ участка Стропко—Пучачъ. На мезо-лаборчскомъ направленіи австро-германцы получили значительныя подкрѣпленія и пытались здѣсь развить наступленіе, однако наши войска, занявъ фронтъ Чабалочъ—Щуко, отразили всѣ атаки съ жестокими для непріятеля потерями. Въ районѣ къ сѣверу отъ желѣзной вороги Ужокъ—гр. Березна переходъ нашихъ войскъ черезъ главный хребетъ Карпатъ развивается успѣшно, причемъ на высотахъ южнѣе и сѣвернѣе сел. Волосате нами достигнутъ существенный тактическій успѣхъ. На прочихъ участкахъ всего нашего фронта положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

«Въ ночь на 16-е марта германцы, захвативъ къ сѣверу отъ Мышинца нашего развѣдчика, младшаго унтеръ-офицера Порфирія Панасюка, препроводили его въ одинъ изъ штабовъ, расположенный въ сел. Расогѣ, гдѣ подъ пыткой въ присутствіи десяти германскихъ офицеровъ вынуждали его дать свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ. Мужественно перенося пытку, Панасюкъ упорно отказывался отвѣчать на вопросы германскихъ офицеровъ, которые постепенно отрѣзывали ему ухо и изуродовали лицо. Послѣ пытки Панасюку удалось бѣжать отъ сопровождавшаго его конвоя, и онъ 20-го марта вышелъ на фронтъ нашихъ войскъ. Верховный главнокомандующій за вѣрность присягѣ и мужество пожаловалъ Порфирію Панасюку георгіевскій крестъ 1-й степени и денежное пособіе».

26-го марта сербское правительство сообщило слѣдующее:

«25-го марта, около 6 часовъ вечера, непріятель началъ бомбардировку Бѣлграда съ высотъ Бежаніи, гдѣ была установлена батарея тяжелыхъ орудій. Всего было выпущено по городу 30 снарядовъ. Человѣческихъ жертвъ не было. Матеріальный ущербъ, нанесенный бомбардировкой, незначителенъ. Непріятель прекратилъ бомбардировку Бѣлграда около 7 часовъ вечера, причемъ наша артиллерія привела къ молчанію непріятельскую батарею. Въ тотъ же день непріятель пытался отправить своихъ развѣдчиковъ на островъ Вичанска-Ада на Дунаѣ, но эта попытка окончилась неудачей, благодаря мѣткости стрѣльбы нашей артиллеріи». Австрійцы бомбардировали Бѣлградъ. Повреждены нѣкоторыя зданія. Австрійскій аэропланъ сбросилъ 7 бомбъ въ Подгорицу, которыми на Рыночной площади убито 22 и ранено 62 человѣка, большей частью стариковъ, женщинъ и дѣтей. Командиръ крейсера «Эйтель-Фридрихъ» въ Ньюпортъ-Ньюсѣ заявилъ, что крейсеръ отдастся подъ арестъ, такъ какъ помощь, которую онъ ждалъ, не пришла.

26-го марта французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ Бельгіи, въ долинѣ р. Эна и къ востоку отъ Реймса происходили артиллерійскіе бои. Подтверждаются вчерашнія сообщенія о нашихъ успѣхахъ на пространствѣ между р. Маасомъ и Мозелемъ. Выпавшіе за послѣдніе дни дожди превратили глинистую почву Вогезъ въ глубокую грязь, затрудняющую маневрированіе артиллеріи и мѣшающую снарядамъ взрываться. Наши войска упрочили за собою всѣ занятыя наканунѣ позиціи и удержались на нихъ, невзирая на крайне ожесточенную контръ-атаку.

«У Эпаржа послѣдняя контръ-атака германцевъ, въ которой принимало участіе полтора полка, была рѣшительно отбита нами, причемъ непріятель понесъ громадныя потери; вся мѣстность усѣяна непріятельскими трупами. Выдвинувшійся на короткое время за германскія линіи непріятельскій отрядъ въ 300 человѣкъ былъ скошенъ нашими пулеметами; ни одному человѣку не удалось уйти. Въ лѣсу Брюлэ мы заняли непріятельскую траншею.

«Несмотря на продолжающуюся дурную погоду, мы имѣли нѣсколько удачныхъ дѣлъ въ ночь съ 25-го на 26-е марта и днемъ 26-го марта на пространствѣ между рѣками Маасомъ и Мозелемъ. У Эпаржа атакой мы вновь продвинулись впередъ и удержали за собою занятыя позиціи, несмотря на произведенныя непріятелемъ три ожесточенныя атаки. На полѣ сраженія мы насчитали уже свыше 1.000 германскихъ труповъ. Далѣе къ югу въ Морвильскомъ лѣсу въ упорномъ пѣхотномъ бою мы уничтожили германскую роту, остатки которой, численностью въ десять человѣкъ, взяты нами въ плѣнъ. Въ Айскомъ лѣсу мы взяли новыя траншеи и отбили двѣ контръ-атаки. Въ Мормарскомъ лѣсу, къ сѣверу отъ Флирэ, мы заняли полевое укрѣпленіе непріятеля и удержались въ немъ, несмотря на стараніе непріятеля отнять его у насъ.

«Къ сѣверо-западу отъ этого лѣса у Паннъ нашимъ снарядомъ былъ перерѣзанъ канатъ, на которомъ держался привязной германскій воздушный шаръ, который вѣтромъ отнесло въ наши линіи по направленію къ юго-востоку. Результаты наступательныхъ развѣдокъ и атакъ, производившихся нами съ 22-го марта на пространствѣ между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, представляются въ настоящую минуту въ слѣдующемъ видѣ. Во-первыхъ, на фронтахъ къ сѣверовостоку и къ востоку отъ Вердена мы продвинулись на разстояніи отъ одного до трехъ километровъ по фронтальной линіи протяженіемъ въ двадцать километровъ, захватили возвышенности, господствующія надъ долиной р. Орна, и заняли селенія Куссенвилль и Фромзэ. Во-вторыхъ, на правомъ берегу Мааса, у Эпаржа, мы заняли почти всю укрѣпленную позицію непріятеля на возвышенности, господствующей надъ Комбромъ, и удержали за собою занятое пространство, невзирая на многочисленныя и крайне ожесточенныя контръ-атаки непріятеля. Въ-третьихъ, далѣе къ югу, близъ Сенъ-Міэля, мы заняли весь юго-западный участокъ Айскаго лѣса, въ которомъ Германцы сильно укрѣпились и который имъ не удалось отнять у насъ, несмотря на повторныя атаки. Въ-четвертыхъ, въ южномъ Беврѣ, между Мормарскимъ и Лепретрскимъ лѣсами, мы на фронтѣ протяженіемъ въ 7—8 километровъ продвинулись на три километра, занявъ при этомъ селенія Фэ-анъ-Гэ и Раньевилль. На всѣхъ этихъ пунктахъ германцы понесли огромныя потери, о размѣрахъ которыхъ можно судить по количеству труповъ, найденныхъ у Эпаржа».

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ.

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

А НЕВСКОМЪ кипѣла жизнь. Съ дикими возгласами: «Поди! поди!»—неслись по улицѣ среди обезлиственныхъ деревьевъ, посаженныхъ вдоль тротуаровъ, нарядныя сани, кареты цугомъ и легкія эгоистки. Многочисленныя толпы гуляющихъ медленно двигались отъ самаго адмиралтейства до Гостинаго двора и обратно.

Былъ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ полувесеннихъ дней, которыми иногда такъ прекрасна сѣверная столица въ концѣ февраля и началѣ марта. Снѣгъ еще не сошелъ, но въ воздухѣ уже вѣетъ теплое дыханіе весны. Толпа имѣла праздничный видъ. Въ длинныхъ пальто съ собольими и лисьими воротниками и огромными муфтами въ рукахъ шли дамы, сопровождаемыя ливрейными лакеями; съ лорнетами, въ высокихъ цилиндрахъ, въ узкихъ пальто, съ разрѣзомъ сзади, перехваченныхъ въ тальѣ, гуляли модные франты; изрѣдка мелькали изъ-подъ небрежно накинутыхъ шинелей цвѣтные мундиры офицеровъ.

Особенно много народа толпилось у Гостинаго двора. Модные магазины, носившіе прежде фирмы: «M-me Justine de Paris», «Modes de Paris» и проч., теперь красовались подъ вывѣсками «московскихъ» и «русскихъ» магазиновъ. Эти магазины походили на оса-

жденныя крѣпости, до такой степени рвались въ ихъ двери цѣлой толпой дамы, при помощи ливрейныхъ лакеевъ, прокладывавшихъ имъ путь. Стоялъ невообразимый гомонъ.

Среди нарядныхъ экипажей странное впечатлѣніе производила простая пароконная почтовая бричка съ сидѣвшимъ въ ней офицеромъ. Офицеръ сидѣлъ, плотно закутавшись въ мѣховой плащъ, надвинувъ на глаза треуголку. На него обращали вниманіе.

— Не изъ арміи ли? Курьеръ?—слышались случайно брошенныя фразы, но его сейчасъ же забывали.

А офицеръ сосредоточенно и пытливо смотрѣлъ вокругъ, и въ душѣ его было смутно и тяжко.

Онъ только что совершилъ далекій и трудный путь среди опустошенной Россіи.

Онъ видѣлъ одну пустыню вмѣсто цвѣтущаго края, видѣлъ тысячи не убранныхъ труповъ, валяющихся по дорогѣ и заражающихъ воздухъ своимъ гніеніемъ. Видѣлъ сожженныя деревни, крестьянъ, обратившихся въ бродягъ, живущихъ цѣлыми семьями въ лѣсахъ, подъ открытымъ небомъ, видѣлъ развалины барскихъ усадебъ, и смерть, и голодъ... Только что прошелъ страшный двѣнадцатый годъ, оставя за собой слѣды ужаса и гибели, и вотъ здѣсь, въ столицѣ, все попрежнему, какъ будто ничего не случилось, какъ будто русская истощенная армія не преслѣдуетъ еще врага и не предстоитъ новой, быть можетъ, ужаснѣйшей войны... И новыя жертвы, и новыя опасности для родины...

— Скорѣй!—нервно сказалъ онъ ямщику, плотнѣе закутываясь въ свой плащъ.

На его молодомъ лицѣ съ рѣзкими чертами появилось выраженіе страданія, и онъ ниже опустилъ голову.

Ямщикъ хлестнулъ убогихъ лошадей. Онѣ прибавили ходу. Бричка миновала Невскій проспектъ и свернула на набережную.

— Стой, здѣсь,—проговорилъ офицеръ, указывая на темный особнякъ.

У дверей подъѣзда стоялъ швейцаръ въ ливреѣ, съ огромной булавой въ рукахъ. Онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на молодого офицера, пріѣхавшаго въ такомъ убогомъ экипажѣ.

Офицеръ расплатился съ ямщикомъ, должно быть, очень щедро, судя по поклонамъ и благодарностямъ ямщика, и направился къ подъѣзду.

Рѣшительное выраженіе его лица, увѣренная походка и властный взглядъ заставили швейцара почтительно распахнуть тяжелую, мореннаго дуба дверь и снять шапку съ галунами.

— Князь у себя?—рѣзко спросилъ молодой офицеръ, сбрасывая на руки швейцара свой плащъ.

— Такъ точно,—отвѣтилъ швейцаръ:—ихъ сіятельство у себя.

На молодомъ офицерѣ была форма гвардейскаго кавалерійскаго полка,—красный короткій мундиръ, срѣзанный у пояса, шарфъ, завязанный бантомъ, лосиныя брюки и ботфорты съ золочеными шпорами. На поясной золотой портупеѣ висѣла большая, съ широкимъ эфесомъ сабля.

На одно мгновеніе молодой человѣкъ остановился передъ большимъ венеціанскимъ зеркаломъ въ рамѣ темнаго серебра, оправилъ кокъ и височки. Зеркало отразило холодное, красивое лицо съ правильными чертами, плотно сжатыми, чуть полными губами и большими сѣрыми глазами, оттѣненными черными бровями и рѣсницами.

На красномъ мундирѣ бѣлѣлъ крестикъ.

Лакей въ бѣлыхъ чулкахъ, красныхъ туфляхъ и ливреѣ съ княжескими гербами встрѣтилъ молодого офицера на площадкѣ лѣстницы, уставленной цвѣтами и украшенной статуей императрицы Екатерины во весь ростъ, со скипетромъ въ рукѣ и бюстами императоровъ Павла и Александра.

— Доложи князю,—коротко произнесъ молодой офицеръ:— князь Бахтѣевъ.

На лицѣ лакея промелькнуло выраженіе почтительнаго удивленія. Онъ низко поклонился и произнесъ:

— Прошу ваше сіятельство слѣдовать за мною.

Бахтѣевъ прошелъ въ большую пріемную залу. Тамъ стоялъ другой лакей, которому первый что-то сказалъ. Лакей съ почтительнымъ поклономъ удалился.

Князь Бахтѣевъ подошелъ къ окну. Прямо передъ его глазами была Нева, еще скованная льдомъ. По набережной гуляла праздничная толпа, неслись экипажи—обычная картина холоднаго, равнодушнаго Петербурга...

«А Москва въ развалинахъ», думалъ Бахтѣевъ. И ему невольно рисовался полуразрушенный Кремль, дымящіяся развалины, гніющіе трупы, опустѣлые и ограбленные храмы—все, что онъ видѣлъ, что пережилъ и перечувствовалъ за эти восемь мѣсяцевъ.

Восемь мѣсяцевъ! Только! А кажется, что прошло столѣтіе!

Суровѣе сдвинулись черныя брови.

— Его сіятельство проситъ васъ, — раздался за нимъ голосъ.

Офицеръ очнулся отъ своихъ мыслей, круто повернулся и черезъ анфиладу роскошно убранныхъ комнатъ послѣдовалъ за лакеемъ.

Двери кабинета распахнулись. Два лакея стояли по бокамъ, почтительно склонивъ головы, и князь Бахтѣевъ переступилъ порогъ.

II.

За большимъ столомъ сидѣлъ старикъ въ темно-синемъ бархатномъ халатѣ, съ открытой шеей.

Это былъ князь Никита Арсеньевичъ Бахтѣевъ; его голова поражала своей благородной красотой. Большая, увѣнчанная сѣдыми кудрями, съ широкимъ лбомъ, орлинымъ носомъ и зоркими, яркими глазами подъ не посѣдѣвшими бровями. Что-то львиное видѣлось въ этой головѣ.

Молодой офицеръ быстро шагнулъ впередъ и произнесъ:

— Это я, дядя.

Легкая улыбка скользнула по губамъ старика.

— Левонъ!—воскликнулъ онъ, приподнимаясь.—Наконецъ-то! Ну, иди, иди, дай обнять тебя. Такъ ты еще живъ?—говорилъ старикъ, пока молодой человѣкъ обходилъ столъ.

— Скажи, пожалуйста,—продолжалъ онъ, обнимая племянника:—такъ ты воскресъ изъ мертвыхъ? А мы думали, что ты уже отправился къ праотцамъ.

Въ легкомъ, насмѣшливомъ тонѣ старика слышалось истинное чувство.

— Ну, садись, Левонъ, и разсказывай. Вѣдь больше мѣсяца, какъ я получилъ отъ тебя изъ имѣнія послѣднее извѣстіе, а до той поры считалъ тебя погибшимъ, да и потомъ, ожидая твоего пріѣзда столько времени, уже началъ думать, что тебя и въ живыхъ нѣтъ. Ужъ собирался посылать къ тебѣ.

Левонъ, или, вѣрнѣе сказать, Левъ Кирилловичъ, опустился на стулъ рядомъ съ кресломъ дяди и сказалъ:

— Вы правы, дядюшка, я воскресъ изъ мертвыхъ...

— Да, постой, постой,—перебилъ его старикъ:—вѣдь я твой опекунъ и хотя потерялъ надежду когда-либо увидѣть тебя вновь, все же твое состояніе соблюлъ. Вѣдь тебѣ уже исполнилось двадцать одинъ годъ.

Левъ Кирилловичъ нетерпѣливо передернулъ плечами:

— Потомъ, дядя...

— Ну, какъ знаешь, Левонъ,—равнодушно отвѣтилъ князь.— Все въ порядкѣ. Ну, говори же о себѣ.

— Мой разсказъ коротокъ, дядя,—началъ молодой человѣкъ:— такихъ, какъ я, «безъ вѣсти пропавшихъ», тысячи. Мы давно разстались съ вами.

— Да,—отозвался старый князь:—съ тѣхъ поръ, какъ ты поѣхалъ въ Вильну съ государемъ, чуть-что не наканунѣ вторженія нашего Атиллы, я не видѣлъ тебя, хотя слышалъ о тебѣ. Послѣ Бородина Михаилъ Ларіонычъ писалъ мнѣ о тебѣ, о твоихъ подви-

гахъ,—съ ласковой усмѣшкой закончилъ старикъ:—вѣдь я тоже интересовался тобой.

— Все это вздоръ,—отвѣтилъ, тряхнувъ головой, Левонъ:—я былъ не хуже и не лучше другихъ. Мы всѣ исполнили свой долгъ.

Старикъ кивнулъ головой.

— Отъ князь Бахтѣева,—серьезно сказалъ онъ,—иного нельзя и ждать.

— Ну, такъ вотъ,—продолжалъ молодой князь:—все шло хорошо. Не повезло подъ Краснымъ, 5-го ноября. Тамъ я былъ раненъ. Въ бедро и грудь. Спервоначалу думали, что я убитъ, и бросили меня. Потомъ въ реляціи помѣстили, что убитъ. Потомъ подобрали меня. Мытарили, мытарили,—то въ подвижномъ лазаретѣ, то задумали въ Вязьму отправить, а тутъ мои ополченцы забрали меня, да и свезли въ могилевскую вотчину... Тамъ и валялся... Не знаю, какъ выжилъ. Домъ у насъ уцѣлѣлъ, а кругомъ разруха полная. Безъ памяти валялся. Какъ немного пришелъ въ себя, тотчасъ вамъ о себѣ написалъ.

— По твоему письму я думалъ, что ты совсѣмъ оправился,—сказалъ князь.

— Я самъ такъ думалъ,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—да опять стало хуже. Ежели бы я не узналъ, что врагъ изгнанъ изъ предѣловъ Россіи, я постарался бы выздоровѣть раньше,—съ усмѣшкой добавилъ онъ:—зато теперь предстоитъ новый походъ, я и поправился и пріѣхалъ сюда хлопотать снова о назначеніи въ дѣйствующую армію.

Старый князь слушалъ его, не прерывая.

— Надо, во-первыхъ,—продолжалъ Левонъ,—заявиться, что я живъ, и внести меня вновь въ списки полка. А потомъ поѣхать туда.

— Все это не трудно,—медленно началъ старикъ:—но на какой лядъ ѣхать тебѣ туда?

— Какъ на какой лядъ!—воскликнулъ изумленный Левонъ.—Но вѣдь я же читалъ манифестъ императора,—война переносится за границу.

Старикъ махнулъ рукой.

— Либо будетъ, либо нѣтъ, либо дождикъ, либо снѣгъ,—сказалъ онъ:—война! Какая война? Мнѣ намедни говорилъ графъ Николай Петровичъ,—знаешь, канцлеръ?—все-де вздоръ. Россія потоптана, разорена. Тутъ своего дѣла не оберешься. Чего лѣзть въ ротъ волку. И за что? Развѣ за прекрасные глаза короля прусскаго! Ну, братъ, это дешево стоитъ... Я тебѣ вотъ что скажу,—понижая голосъ, продолжалъ старикъ:—не надо ни крови проливать, ни геройствовать. Бонапартъ пойдетъ на все. Онъ дастъ намъ Польшу, Мемель и, можетъ быть, Данцигъ; Магдебургъ—королю Пруссіи, другу нашего государя,—и всѣ успокоятся. Ей-ей, будь жива матушка Екатерина, никогда того не было бы.

Старикъ всталъ во весь свой высокій ростъ.

— И еще слушай,—торжественно началъ онъ:—союзъ съ Бонапартомъ далъ бы намъ Турцію, Византію, мы бы съ распущенными знаменами вошли въ Константинополь... Мы подѣлили бы съ Бонапартомъ міръ пополамъ. Что намъ нѣмцы? Намъ ли проливать за нихъ кровь!.. Это понимала великая государыня.

Этотъ величественный старикъ со своей гордой львиной головой словно сразу переносилъ Левона въ вѣкъ Екатерины, съ горделивыми мечтаніями свѣтлѣйшаго князя Тавриды о завоеваніи Константинополя, съ ея недовѣрчивостью къ политикѣ кабинета Фридриха Великаго...

Левонъ тоже всталъ.

— Быть можетъ, вы и правы, дядя, но на то и созданы мы, чтобы итти въ бой. Стыдно жить такой жизнью, какъ живутъ у васъ здѣсь, когда самъ императоръ находится во главѣ своихъ войскъ.

Старый князь уже успокоился и съ обычной усмѣшкой опустился въ кресло.

— Ну, что жъ, тогда прогуляйся. Пожалуй, и правы умные люди... Сдѣлайте военную прогулку, пока Бонапартъ не соберетъ новыя полчища, а тамъ все уладится. Я не вѣрю,—уже серьезно добавилъ старикъ:—чтобы государь бросилъ разоренную Россію и платилъ русской кровью за разбитые прусскіе горшки. Поживемъ—увидимъ. А теперь, скажи,—ты вѣдь остановишься у меня?

— Если позволите, дядя,—отвѣтилъ Левонъ.—Я уже велѣлъ своимъ людямъ привезти сюда мое походное имущество. Я разсчитывалъ на ваше гостепріимство.

— Ну, и умница,—сказалъ князь.—Но когда же ты пріѣхалъ?—продолжалъ онъ, окидывая взглядомъ нарядный костюмъ племянника.

Левонъ замѣтилъ этотъ взглядъ и засмѣялся.

— Я пріѣхалъ вчера вечеромъ,—отвѣтилъ онъ:—и остановился у заставы въ гостиницѣ «бригадирши», знаете?

Князь кивнулъ головой.

— Тамъ я выспался. Утромъ почистился, и вотъ я въ полномъ парадѣ.

— Ну, и отлично,—отозвался старый князь.—А теперь и мнѣ надо привести себя въ порядокъ. Ты подожди, я одѣнусь и тогда представлю тебя твоей теткѣ.

На лицѣ Левона отразилось недоумѣніе.

— Теткѣ?—переспросилъ онъ.

— Ахъ, да,—замѣтилъ Никита Арсеньевичъ:—я и забылъ, что ты съ того свѣта. А, впрочемъ, я писалъ тебѣ...

— Я не получалъ вашихъ писемъ,—отозвался Левонъ.

— Я такъ и думалъ,—продолжалъ князь:—я вѣдь женился.

Онъ сказалъ это спокойнымъ голосомъ, между тѣмъ, какъ глаза его пристально слѣдили за выраженьемъ лица племянника, какъ будто онъ ожидалъ насмѣшливаго удивленія или тайнаго осужденія.

Но Левонъ былъ далекъ отъ этого. Его первоначальное удивленіе было вызвано неожиданностью извѣстія—только. А такъ, при взглядѣ на этого красавца-богатыря, крѣпкаго и могучаго, несмотря на семьдесятъ лѣтъ, онъ находилъ вполнѣ естественнымъ самый фактъ женитьбы. Да, этотъ старый левъ, въ обаяніи своего имени, сказочнаго богатства и былой славы, другъ Потемкина и въ свое время любимецъ Екатерины, еще могъ нравиться женщинамъ.

— Поздравляю васъ, дядя,—спокойно произнесъ Левонъ:—я увѣренъ, что вы счастливы.

Никита Арсеньевичъ кивнулъ головой и, вставая, произнесъ:

— Такъ подожди.

Онъ вышелъ изъ кабинета.

Левъ Кирилловичъ былъ послѣдній въ родѣ князей Бахтѣевыхъ. Мать его умерла, когда ему было нѣсколько лѣтъ, а отецъ, младшій братъ Никиты Арсеньевича, погибъ въ 1799 году во время итальянскаго похода Суворова. Онъ умеръ въ Миланѣ отъ острой лихорадки.

По повелѣнію императора Павла, Никита Арсеньевичъ былъ назначенъ опекуномъ семилѣтняго Левушки.

Левонъ получилъ блестящее образованіе подъ непосредственнымъ наблюденіемъ дяди. Онъ свободно владѣлъ тремя языками, прекрасно зналъ французскихъ энциклопедистовъ, обожалъ Вольтера и Руссо.

Шестнадцатилѣтнимъ прапорщикомъ Левъ Кирилловичъ получилъ боевое крещеніе при Прейсишъ-Эйлау.

Потомъ велъ обычную жизнь богатаго гвардейскаго офицера и при началѣ войны двѣнадцатаго года отправился въ дѣйствующую армію.

Тамъ онъ заслужилъ георгіевскій крестъ и чинъ ротмистра.

III.

Левъ Кирилловичъ невольно залюбовался дядей, когда тотъ вышелъ въ кабинетъ; высокій, стройный, въ коричневомъ фракѣ, съ кружевнымъ жабо, въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и черныхъ туфляхъ съ брильянтовыми застежками, съ неизмѣнной золотой табакеркой въ рукѣ.

Эта табакерка, украшенная портретомъ Екатерины, была подарена князю великой императрицей.

Никто не далъ бы этому величественному старику семидесяти лѣтъ.

— Ну, идемъ, Левонъ,—произнесъ онъ.

— Дядя,—сказалъ Левонъ:—вы еще не сказали мнѣ, какъ звать мою тетушку.

— Ахъ, да,—усмѣхнулся князь:—правда. Я женился на дочери Буйносова, знаешь, сенатора, Евстафія Павлыча,—Иринѣ. Ты вѣдь встрѣчался съ нимъ до войны?

— Какъ будто встрѣчался, дядя,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—но не помню хорошо.

— Ну, теперь вспомнишь,—отозвался князь.—Наша свадьба была въ ноябрѣ,—добавилъ онъ.

Они прошли черезъ рядъ парадныхъ комнатъ, на половину княгини.

— Есть кто-нибудь у княгини?—спросилъ князь лакея.

— Такъ точно, ихъ сіятельство сегодня принимаютъ,—отвѣтилъ лакей, подымая тяжелую портьеру, изъ-за которой слышались голоса.

Съ чувствомъ невольнаго любопытства Левъ Кирилловичъ переступилъ порогъ гостиной вслѣдъ за своимъ дядей.

При ихъ появленіи разговоры на мигъ смолкли. Въ гостиной, кромѣ княгини, было еще трое мужчинъ и одна дама.

Отдавъ общій поклонъ, князь прямо направился къ своей женѣ.

— Irène,—началъ онъ:—позвольте представить вамъ вашего племянника Левона Бахтѣева.

И онъ указалъ рукой на стоявшаго за нимъ Льва Кирилловича.

Въ эти короткія мгновенія, пока молодой Бахтѣевъ шелъ отъ порога до кресла княгини, онъ уже успѣлъ и разсмотрѣть свою новую тетушку, и проникнуться восхищеньемъ передъ ней.

Передъ нимъ была совсѣмъ молодая женщина, лѣтъ девятнадцати, чрезвычайно красивая, но съ холоднымъ, надменнымъ лицомъ не русскаго типа.

Словно изъ пѣны, вырисовывалась изъ драгоцѣнныхъ, слегка желтоватыхъ кружевъ небольшая черноволосая головка съ чертами Саломеи или Юдиѳи, съ необыкновенно большими темными глазами, мерцающими безъ блеска. Тонкія ноздри изящно очерченнаго орлинаго носа слегка трепетали, ярко окрашенныя губы были плотно сжаты.

Не выказывая ни удивленія, ни радости, она быстрымъ взглядомъ окинула съ головы до ногъ стройную фигуру «племянника» и протянула ему блѣдную тонкую руку со словами:

— Какая пріятная неожиданность! Князь былъ въ отчаяньи, считая васъ погибшимъ.

— И какая пріятная неожиданность для меня, — отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ, цѣлуя протянутую руку:—воскресши изъ мертвыхъ, найти, кромѣ любимаго дяди, еще очаровательную тетю.

Княгиня легкимъ наклоненіемъ головы, безъ улыбки, поблагодарила за любезную фразу.

— Теперь я познакомлю тебя съ моими милыми гостями,—произнесъ князь.

Прежде всего онъ представилъ племянника пожилой дамѣ съ большимъ токомъ на головѣ—княгинѣ Напраксиной, извѣстной въ высшемъ обществѣ столицы своимъ ханжествомъ, смѣшаннымъ съ мистицизмомъ, вдовѣ полковника, убитаго въ сраженіи при Аустерлицѣ.

Ея домъ былъ вѣчно наполненъ всякими проходимцами: французскими эмигрантами, прикрывавшими свою трусость и свое корыстолюбіе маской преданности «законному» королю Франціи, аббатами и іезуитами, проклинавшими Наполеона за конкордатъ и плѣненіе папы и ловившими рыбу въ мутной водѣ, безграмотными странниками, невѣжественными доморощенными пророками, проповѣдывающими свое извращенное толкованіе евангелія, въ цѣляхъ разврата и корысти.

Говорили, что вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна интересовалась княгиней Напраксиной, что самъ императоръ велъ съ ней не разъ продолжительныя бесѣды.

Княгиня Напраксина не опровергала и не поддерживала этихъ слуховъ.

Но было несомнѣнно, что она пользовалась расположеніемъ вдовствующей императрицы.

Старый князь Бахтѣевъ, скептикъ и вольтерьянецъ, никогда не упускалъ случая какъ-нибудь посмѣяться надъ княгиней.

И теперь, представляя ей своего племянника, онъ сказалъ:

— Обратите его, княгиня, въ свою вѣру; онъ слишкомъ военный. Не сдѣлаете ли вы изъ него пророка или по крайней мѣрѣ апостола? Человѣчество нуждается въ тѣхъ и другихъ. А для нашихъ дамъ, утратившихъ всякую вѣру, они необходимы. Особенно молодые и красивые.

Княгиня бросила на него злобный взглядъ и отвѣтила:

— А для мужчинъ, особенно старыхъ, потерявшихъ вѣру въ Бога, нужны пророчицы, конечно, молодыя и красивыя.

Легкая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ князя Никиты, но онъ съ легкимъ поклономъ возразилъ:

— Клянусь Богомъ, вы правы, княгиня. Насъ, старыхъ грѣшниковъ, можетъ направить на путь истины лишь молодость и красота. Мы достаточно стары и опытны, чтобы проникаться ханжествомъ своихъ ровесницъ.

— Надѣюсь, князь,—сказала княгиня:—вы не успѣли еще насадить въ душѣ вашего племянника гибельныхъ доктринъ революціонной Франціи, ниспровергающихъ троны.

— Спросите его, княгиня,—равнодушно отвѣтилъ князь.

— Приходите ко мнѣ, молодой человѣкъ,—милостиво замѣтила княгиня, съ удовольствіемъ глядя на красивую фигуру молодого офицера.

Левъ Кирилловичъ низко поклонился, цѣлуя ея руку.

— А это нашъ вице-канцлеръ,—съ усмѣшкой продолжалъ князь, знакомя Левона съ молодымъ, изящно одѣтымъ человѣкомъ.

Это былъ секретарь канцлера Румянцова, Бахметьевъ, Григорій Ивановичъ.

— О, князь,—произнесъ онъ:—я самый маленькій изъ всѣхъ секретарей графа.

— Но, но!—ласково замѣтилъ князь, отходя.

— Господинъ Гольдбахъ,—позвольте представить вамъ моего племянника,—проговорилъ по-нѣмецки князь.

Въ черномъ фракѣ, съ большимъ бѣлымъ галстукомъ на шеѣ, Гольдбахъ церемонно поклонился.

— Это тоже одинъ изъ вершителей нашихъ судебъ,—смѣясь, сказалъ князь:—секретарь и правая рука барона фонъ-Штейна.

— О, ваше сіятельство,—отвѣтилъ нѣмецъ, низко кланяясь.

— Не скромничайте, г. Гольдбахъ,—продолжалъ князь: скажите, какія новости вы имѣете отъ барона?

— Послѣднія извѣстія были отъ барона очень утѣшительныя. Русскій императоръ учреждаетъ патріотическій комитетъ по дѣламъ Прусскаго королевства,—отвѣтилъ Гольдбахъ:—въ составъ комитета вошелъ и баронъ.

— Ну, конечно,—отозвался князь:—а у насъ тутъ тоже образовывается комитетъ по оказанію помощи потерпѣвшимъ отъ непріятеля въ минувшемъ году. У насъ хлѣба нѣтъ, г. Гольдбахъ,—закончилъ онъ.

Гольдбахъ сочувственно покачалъ головой.

— О, да,—сказалъ онъ:—но вашъ государь такъ добръ, онъ истинный отецъ своихъ подданныхъ. Покончивъ дѣла за границей, онъ, конечно, облагодѣтельствуетъ и Россію.

Въ своемъ патріотическомъ настроеніи Гольдбахъ едва ли сознавалъ, что онъ сказалъ. Ему казалось совершенно естественнымъ, чтобы его родина всегда и вездѣ была первымъ предметомъ заботъ всѣхъ государей и всѣхъ народовъ.

Но при этой наивно дерзкой фразѣ старый князь вспыхнулъ и, отступивъ, насмѣшливо замѣтилъ:

— Да, нашъ государь очень добръ, вы правы, г. Гольдбахъ, онъ, дѣйствительно, добрый отецъ, и мы ждемъ хлѣба и, конечно,

получимъ его; вамъ вѣдь извѣстно изреченіе,—закончилъ князь:— «Ein guter Vater giebt seinen Kindern nicht einen Stein, wenn sie Brot bei ihm bitten».

Ошеломленный Гольдбахъ не успѣлъ отвѣтить и еще рѣшалъ, обидѣться или нѣтъ, какъ Никита Арсеньевичъ уже отошелъ отъ него, съ довольной усмѣшкой.

Вниманіе Льва Кирилловича давно уже привлекалъ третій гость, красивый молодой человѣкъ съ блѣднымъ, утомленнымъ лицомъ и черными усами. Въ петлицѣ его фрака краснѣла ленточка. Левъ Кирилловичъ подмѣтилъ его острый, сверкнувшій ненавистью взглядъ, брошенный на Гольдбаха.

— А вотъ и самый мой дорогой гость,—съ внезапнымъ чувствомъ произнесъ князь, останавливаясь передъ этимъ блѣднымъ молодымъ человѣкомъ и нисколько не заботясь, по свойственной ему манерѣ величавой надменности, какъ отнесутся къ его словамъ остальные гости.

— Протяни ему руку, Левонъ,—это нашъ благородный врагъ, виконтъ де-Соберсе. Виконтъ,—обратился онъ къ своему гостю:— это мой племянникъ князь Бахтѣевъ. Онъ храбро сражался съ вами, но мы умѣемъ уважать доблестнаго врага.

Старый вельможа Екатерины былъ величественъ въ эту минуту. Свободной гордостью и сознаньемъ силы вѣяло отъ всей его могучей фигуры и прекраснаго лица, обрамленнаго массой сѣдыхъ кудрей.

— Вы очень великодушны, князь,—слегка глухимъ голосомъ произнесъ виконтъ:—только ваша доброта позволяетъ переносить мнѣ мое тягостное положеніе...

— Но, но,—отвѣтилъ князь (у него была привычка повторять въ разговорѣ: но, но!),—не будемъ говорить объ этомъ.

Левъ Кирилловичъ пожалъ протянутую руку.

Исполнивъ свои обязанности, князь отошелъ къ женѣ.

— Вы сами военный,—быстро началъ французъ, обращаясь къ Льву Кирилловичу:—вы, конечно, поймете меня. —Его щеки покраснѣли.—Я полковникъ легко-коннаго полка кавалеріи неаполитанскаго короля... Я въ плѣну... Вамъ извѣстно, что война перенесена за границу. Вы можете представить мои чувства. Я былъ при Маренго, Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ и Ваграмѣ... Самъ императоръ надѣлъ мнѣ этотъ крестъ Почетнаго Легіона на поляхъ Ваграма. Могу ли я быть спокоенъ, томясь въ плѣну, когда новая, страшная война началась противъ моего императора. Вы вѣдь понимаете меня?

— О, да,—отвѣтилъ Бахтѣевъ:—я понимаю васъ, я бы самъ испытывалъ на вашемъ мѣстѣ тѣ же чувства.

— Вотъ видите,—воскликнулъ французъ.—Мнѣ тяжело видѣть торжество побѣдителей... Но, быть можетъ, благоразуміе одер-

жить верхъ. Императоръ Наполеонъ всегда высоко ставилъ императора Александра. Они могли бы подѣлить міръ пополамъ...

— Это говоритъ и мой дядя,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ.

— Вотъ видите, видите,—продолжалъ Соберсе:—графъ Румянцовъ, вашъ канцлеръ, противъ войны. Говорятъ, князь Кутузовъ тоже противъ. Ваша родина разорена. Чего же хотите вы? Увлекаясь личной дружбой къ прусскому королю или ненавистью къ Наполеону, вашъ императоръ губитъ свою имперію.

— Я не могу обсуждать поступковъ моего императора,—сухо отозвался Левъ Кирилловичъ.

— О, я понимаю васъ,—воскликнулъ Соберсе:—я знаю, что значитъ преданность къ императору. Но я хочу сказать, что, несмотря на войну и пораженія, мы не чувствуемъ къ вамъ ненависти. Вѣдь и вы тоже? Да?

— Да,—отвѣтилъ Бахтѣевъ:—вы правы. Хуже всѣхъ вели себя въ Россіи нѣмцы и особенно баварцы.

— Видите! И вы хотите ихъ защищать!—съ горечью воскликнулъ Соберсе.

Этотъ плѣнный французскій офицеръ внушалъ Бахтѣеву невольную симпатію.

— Мы еще поговоримъ,—сказалъ онъ, пожимая руку французу.

А въ другомъ углу салона слышался слащавый голосъ Гольдбаха:

— Наши герои Штейнъ и Шарнгорстъ. Вся Германія возстала. У насъ есть свои Тиртеи, Арндтъ и Кернеръ. У насъ будутъ и свои амазонки и свои Жанны д'Аркъ. Пожертвованія текутъ рѣкой. За желѣзное кольцо—символъ жертвы родинѣ—отдаютъ послѣднее достояніе. «Отдаю золото за желѣзо» («Gold gab ich für Eisen»), какъ выгравировано на этомъ кольцѣ. Наши потомки будутъ съ гордостью показывать это желѣзное кольцо—символъ героизма и самоотверженности. Германія возстала, какъ одинъ человѣкъ. Студенты, профессора, какъ великій Фихте, художники, какъ Шадовъ, поэты, какъ Кернеръ и баронъ де-ля-Мотъ-Фуке, идутъ въ ряды народной арміи. За это желѣзное кольцо наши дѣвушки отдаютъ золото своихъ волосъ. О! Германія освободитъ міръ отъ этого чудовища!—съ паѳосомъ добавилъ Гольдбахъ.

— При помощи русскихъ штыковъ, конечно,—насмѣшливо проговорилъ князь Никита.

При этихъ словахъ Гольдбахъ сразу остылъ и словно отрезвѣлъ отъ своего увлеченія.

— Вы забываете, дорогой Гольдбахъ,—все тѣмъ же тономъ стараго вельможи продолжалъ князь:—что Наполеонъ еще располагаетъ силами Рейнскаго союза, а Пруссія... Ну, да, конечно, у Пруссіи нѣтъ болѣе Фридриха Великаго.

И князь отвернулся отъ смущеннаго Гольдбаха.

— Союзъ съ Пруссіей заключенъ 16-го февраля въ Калишѣ,— лѣниво произнесъ Бахметьевъ.

— Хвала Богу,—отозвалась Напраксина:—рука Провидѣнія указуетъ путь спасенія народовъ отъ антихриста.

Видя, какой оборотъ принимаетъ разговоръ, Соберсе незамѣтно вышелъ изъ комнаты.

— Рука Провидѣнія, по моему мнѣнію,—насмѣшливо сказалъ старый князь:—должна бы указывать на разоренную и испепеленную Россію. Здѣсь наше дѣло. Мы спасли себя, и довольно. У меня вотъ рекрутовъ требуютъ. Найдутъ ли—не знаю! Но кого найдутъ—тѣ пойдутъ. Они пойдутъ,—съ силой добавилъ онъ:—оставя свои разоренныя гнѣзда, не вспаханную землю, умирающія отъ голода семьи. Они пойдутъ. Куда? Зачѣмъ? Спасать чужіе народы? По-истинѣ, перстъ Провидѣнія указываетъ не туда, куда нужно.

— Вы кощунствуете,—съ негодованіемъ произнесла Напраксина:—развѣ нашъ императоръ не Божій помазанникъ.

— Императоръ остается императоромъ,—сухо произнесъ князь:— но Россія тоже остается Россіей.

Левъ Кирилловичъ съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ эти разговоры. И странно, прирожденный воинъ, онъ шелъ теперь на новую войну безъ увлеченія, безъ сознанія необходимости и правоты того дѣла, за которое онъ готовился умереть.

Эти разговоры были какъ бы подтвержденіемъ его внутреннихъ опасеній.

Княгиня молча слушала, и на ея холодномъ прекрасномъ лицѣ не выражалось ни единаго движенія чувствъ, быть можетъ, волновавшихъ ея душу.

IV.

Устроившись у дяди, Левъ Кирилловичъ принялся за хлопоты. Прежде всего ему надо было возстановить свои права, такъ какъ онъ былъ исключенъ изъ списковъ арміи «за смертью», и затѣмъ получить назначеніе въ дѣйствующую армію.

Съ отъѣздомъ государя въ армію словно наступила полная анархія во внутреннемъ управленіи государства.

Государь уѣхалъ еще 7-го декабря, въ сопровожденіи оберъ-гофмаршала графа Толстого, государственнаго секретаря Шишкова, графа Аракчеева, статсъ-секретаря графа Нессельроде, д. ст. сов. Марченка и своего неизмѣннаго друга генералъ-адъютанта князя Петра Михайловича Волконскаго.

Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ царилъ невообразимый хаосъ. Огромная имперія, хотя побѣдоносно вышедшая изъ тяжелаго испытанія, но все же разгромленная, обнищавшая и разоренная, колебалась на своихъ могучихъ корняхъ. Всѣ орга-

ны управленія были разстроены, мѣстныя правительственныя учрежденія растеряли всѣ свои документы, дѣла судебныя, имущественныя, все то, что сплетаетъ въ одинъ клубокъ судьбы людей. Не оконченныя тяжбы, спорные процессы, безчисленныя ходатайства по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, все пришло въ хаотическій безпорядокъ. Новая начавшаяся война наносила последній ударъ всѣмъ надеждамъ. Тысячи просителей, разоренныхъ помѣщиковъ, искалѣченныхъ солдатъ и офицеровъ, осаждали канцеляріи, не встрѣчая ни привѣта, ни отвѣта. Имперія была похожа на титана, захворавшаго тяжелой болѣзнью. Ей былъ нуженъ покой и отдыхъ послѣ страшныхъ нечеловѣческихъ напряженій минувшаго года, когда волна народнаго чувства достигла своей предѣльной высоты, и теперь вдругъ отхлынула, открывая бездну нищеты.

Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ чувствовалъ себя обиженнымъ и растеряннымъ. Отъ внѣшней политики онъ былъ совершенно устраненъ, что ставило его въ неловкое положеніе передъ представителями державъ, находящимися въ Петербургѣ. Государь взялъ непосредственно на себя всѣ дипломатическія сношенія. Всеподданнѣйшія представленія по внутреннимъ вопросамъ оставались безъ отвѣта. Приходили только короткія распоряженія черезъ Аракчеева о формированіи регулярныхъ батальоновъ, резервныхъ эскадроновъ, ополченій и доставкѣ провіанта. Наборъ рекрутовъ подвигался круто. Во многихъ дворянскихъ помѣстьяхъ не насчитывалось и десятой части прежде бывшихъ крестьянъ. Съ мѣстъ приходили неутѣшительныя вѣсти. То здѣсь, то тамъ вспыхивали бунты...

Канцлеръ, уже потрясенный войной двѣнадцатаго года, стоившей ему паралича, послѣ котораго онъ оглохъ, терялъ голову.

Наконецъ не выдержалъ и послалъ прошеніе объ отставкѣ.

Прошеніе тоже осталось безъ отвѣта.

Общество обѣихъ столицъ рѣзко раздѣлилось.

Одна часть его, не думая о понесенныхъ потеряхъ, жаждала только довершить торжество Россіи и питало непримиримую ненависть къ Наполеону. Въ этой ненависти ихъ укрѣпляло еще убѣжденіе въ невозможности для Наполеона вести новую войну послѣ страшнаго разгрома, постигшаго его въ Россіи. Поверхностные наблюдатели этого сорта считали его окончательно погибшимъ, чему много содѣйствовали французскіе эмигранты, уже видѣвшіе на престолѣ Франціи Людовика XVIII; такіе люди смотрѣли на новый походъ, какъ на увеселительную военную прогулку. Другіе, болѣе знакомые съ положеніемъ дѣлъ, во главѣ которыхъ былъ канцлеръ, являлись убѣжденными противниками войны и надѣялись, что послѣ опустошительной войны двѣнадцатаго года императоръ Александръ воспользуется случаемъ, видя

могущество Наполеона поколебленнымъ и въ достаточной мѣрѣ поднявъ воинственный шумъ, заключить выгодный для Россіи миръ.

Въ высшемъ же обществѣ господствовало по преимуществу первое мнѣніе. Легкомысленное, какъ всегда, оно въ своемъ невѣжественномъ патріотизмѣ рѣшило, что война должна быть закончена не иначе, какъ въ Парижѣ, куда, конечно, русскія войска дойдутъ церемоніальнымъ маршемъ. Эмигранты увѣряли, что Франція ненавидитъ тирана и его пѣсенка спѣта. Гольдбахъ въ свѣтскихъ гостиныхъ говорилъ, что одинъ видъ германской народной арміи заставитъ Бонапарта положить оружіе и повергнетъ въ паническій ужасъ всю Францію. Имъ охотно вѣрили. Свѣтскія дамы сговаривались о поѣздкѣ за границу, въ Баденъ-Баденъ, къ маркграфинѣ-матери императрицы Елизаветы Алексѣевны, куда собирались, какъ говорили, и сама императрица и великая княгиня Екатерина Павловна и гдѣ, навѣрное, такъ будетъ весело въ обществѣ побѣдоносныхъ русскихъ и прусскихъ офицеровъ. Обѣды и рауты смѣнялись одни другими...

— Два-три мѣсяца, и мы въ Парижѣ,—говорили на свѣтскихъ собраніяхъ.—У Наполеона нѣтъ ничего...

Радуясь быстрому движенію русской арміи впередъ, въ Петербургѣ почти никто, за исключеніемъ очень немногихъ, не видѣлъ грозной тучи, чреватой громами и молніями, нависшей надъ Европой... Къ числу немногихъ принадлежалъ и князь Никита Арсеньевичъ.

— У нихъ у всѣхъ отнялъ Господь разумъ,—говорилъ онъ Льву Кирилловичу въ дружеской бесѣдѣ:—они восхищаются этими побѣдами, но не понимаютъ того, что Наполеонъ отступаетъ, чтобы сдѣлать прыжокъ тигра. У него ничего нѣтъ?!. Сумасшествіе! Онъ еще располагаетъ силами Голландіи и Италіи, Баваріи, Саксоніи, Виртемберга, Бадена, Гессена и другихъ членовъ Рейнскаго союза, король датскій смотритъ на него, какъ на своего покровителя. На престолахъ испанскомъ и вестфальскомъ его родные братья. Одно имя его внушаетъ ужасъ!.. А вотъ смотри,—продолжалъ взволнованный князь.—Вотъ какія письма Штейна къ императору... Вотъ каково отношеніе прусскаго короля къ Россіи...—и онъ передалъ письмо Льву Кирилловичу.—Я получилъ его отъ Румянцова,—добавилъ онъ.

Левъ Кирилловичъ съ любопытствомъ взялъ въ руки письмо.

...Tous les états sont animés du desir de briser les fers, dans les quels Napoléon les tient... et il ne faudrait qu'un souverain capable lui-même d'exaltation, d'une volonté grande et forte, pour porter l'enthousiasme au plus haut degré et lui donner la plus grande étendue. Malheureusement ce n'est point le cas: le Roi est froid; il n'a que des demi-volontés; il n'a de confiance ni en soi, ni dans son peuple;

il croit que la Russie l'entraine, dans un abime et qu'en peu les armées françaises se trouveront sur la Vistule».

Левъ Кирилловичъ былъ пораженъ.

Прусскій король ведетъ себя, какъ предатель!

— Да,—продолжалъ князь:—я понимаю Штейна: онъ патріотъ, но онъ хочетъ подмѣнить прусскаго короля русскимъ императоромъ. Но нельзя быть прусскимъ королемъ, оставаясь русскимъ императоромъ. У *него* есть свой народъ, и надо думать о немъ. Это безуміе,—закончилъ князь, вставая.

— Однако, дядя,—произнесъ Левъ Кирилловичъ:—я не считалъ васъ столь освѣдомленнымъ. Вы открываете мнѣ глаза.

Князь усмѣхнулся.

— Для этого только надо быть русскимъ, а не Нессельроде, Поццо ди-Борго или Винцингероде,—сказалъ онъ:—слава Богу, князь Бахтѣевъ, Кутузовъ и Румянцовъ еще русскіе люди.

При словахъ Никиты Арсеньевича въ умѣ молодого князя проносились страшныя картины опустошенной, нищей, угнетенной Россіи, и пробуждалась ненависть къ тѣмъ чужимъ людямъ, которые цѣной русской крови хотѣли купить собственное благополучіе и свободу.

Благодаря своему имени и связямъ стараго князя, Льву Кирилловичу скоро удалось возстановить свои права и получить назначеніе въ дѣйствующую армію. Выборъ полка былъ предоставленъ ему. Румянцовъ далъ ему письмо къ главнокомандующему свѣтлѣйшему князю Кутузову. Полкъ не былъ обозначенъ только потому, что молодой князь хотѣлъ непремѣнно попасть въ передовыя части, а какіе полки были впереди, доподлинно графъ Румянцовъ не зналъ.

V.

Но среди этихъ хлопотъ, въ волненіи новыхъ мыслей, нахлынувшихъ въ его душу, Левъ Кирилловичъ испытывалъ смутное безпокойство, не связанное ни съ этими хлопотами, ни съ этими новыми мыслями.

Сперва, едва ощутимое, оно росло въ его душѣ, постепенно завладѣвало имъ, лишало его сна и удовольствій. И причиной этихъ безпокойныхъ настроеній являлась княгиня. Ея все тотъ же надменный видъ, прекрасное лицо безъ улыбки, ровное и холодное отношеніе къ нему, несмотря на то, что онъ жилъ въ домѣ князя и, слѣдовательно, по самымъ условіямъ жизни былъ близокъ къ ней, какъ по родству, такъ и дружбѣ дяди, волновали его. Всѣ попытки сближенія молодая княгиня холодно отклоняла.

«Что это значитъ?—съ тоской думалъ князь.—Неужели я до такой степени ей противенъ?»

Но онъ бывалъ счастливъ, если ему удавалось оказать ей какую-нибудь мелкую услугу: поднять уроненный платокъ, подать что-нибудь, исполнить небрежно выраженное желанье, въ родѣ того, чтобы прочесть какой-нибудь романъ m-me Jenlis или стихи Жуковскаго. Тогда онъ рыскалъ по Петербургу, искалъ, находилъ книгу, что было иногда очень трудно, и съ торжествомъ приносилъ ей.

Въ отвѣтъ онъ получалъ холодное:

— Merçi, mon prince.

Она даже не звала его иначе, какъ «князь».

Когда же онъ робко начиналъ разговоръ объ этихъ книгахъ, княгиня или отмалчивалась, или холодно говорила, что еще не прочла...

Князь замѣтилъ, что Ирина Евстафьевна была особенно близка съ княгиней Напраксиной, и рѣшилъ поѣхать къ ней съ визитомъ. И онъ собрался.

Его молодому воображенію Ирина Евстафьевна представлялась какимъ-то сфинксомъ. Ему казалось, что словно какая-то тайна окружаетъ ее. Княгиня равнодушно относилась ко всѣмъ свѣтскимъ развлеченіямъ,—едва замѣчала всеобщее поклоненіе, окружавшее ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, ея жизнь была чѣмъ-то заполнена. Но чѣмъ? Она часто уѣзжала изъ дому, вела обширную переписку, посѣщала католическія мессы въ Пажескомъ корпусѣ и была частой гостьей княгини Напраксиной.

Левъ Кирилловичъ незамѣтно для самого себя мало-по-малу увлекался этой живой загадкой и старался по возможности бывать тамъ, гдѣ бывала молодая княгиня.

И теперь, ѣдучи къ Напраксиной, онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидалъ встрѣтить тамъ княгиню Ирину.

Вступивъ въ салонъ Напраксиной, князь засталъ тамъ большое, по обыкновенію смѣшанное общество. Черныя сутаны католическихъ священниковъ странно перемѣшивались съ цвѣтными мундирами гвардейскихъ офицеровъ, изящными фраками штатскихъ и открытыми туалетами дамъ. Общее впечатлѣніе дополняли подрясникъ какого-то по виду захудалаго православнаго священника и поддевка одного изъ гостей, худощаваго высокаго человѣка лѣтъ сорока, съ острыми глазами, вьющейся бородой и темными кудрями, падавшими на низкій, откинутый назадъ лобъ. Этотъ человѣкъ былъ окруженъ изящными, декольтированными женщинами, жадно слушавшими его тихій, вкрадчивый голосъ.

Среди этихъ женщинъ была и Ирина Евстафьевна. Съ широко раскрытыми глазами, поблѣднѣвшимъ лицомъ, вся подавшись впе-

редъ, она такъ близко сидѣла отъ этого человѣка, что почти касалась его колѣнами. Но она не замѣчала этого, вся обратившись въ слухъ...

Враждебное чувство сжало сердце Льва Кирилловича.

Напраксина замѣтила его и поспѣшила къ нему навстрѣчу.

— Какъ я благодарна вамъ,—искренно воскликнула она, протягивая ему руку.

— Я счелъ своимъ долгомъ быть у васъ, княгиня, передъ моимъ отъѣздомъ въ армію,—отвѣтилъ князь, цѣлуя ея руку.

— О, вы не раскаетесь,—произнесла Напраксина:—вы удачно попали. Сегодня у меня много новостей. И сегодня у насъ дорогой гость—о. Никифоръ!—и она указала на человѣка, рядомъ съ которымъ сидѣла Ирина.

Князь удивленно поднялъ брови.

— Но вѣдь онъ, кажется, не священникъ,—сказалъ онъ:—и кто такой этотъ о. Никифоръ?

Напраксина тихо засмѣялась.

— Ну, я вамъ прощаю ваше невѣдѣніе, вѣдь вы воскресли изъ мертвыхъ,—начала она:—онъ не священникъ, да, это правда, но онъ святой мужъ, провидецъ... Вы знаете,—шопотомъ продолжала она:—это дѣйствительно пророкъ, это учитель чистой вѣры въ духѣ Христа... Спросите у вашей юной тетушки... Его знаетъ весь Петербургъ. Онъ предсказалъ взятіе Москвы и гибель Наполеона. Онъ другъ князя Александра Николаевича Голицына... Объ его пророчествахъ передъ отъѣздомъ императора князь Голицынъ довелъ до свѣдѣнія его величества. О, это необыкновенный человѣкъ.!.

Князь былъ ошеломленъ.

— Хотите, я познакомлю васъ съ нимъ?—продолжала княгиня.

— Ваша воля, княгиня,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—только я боюсь, что это знакомство будетъ мало пріятно и вашему пророку и мнѣ.

Въ этой фразѣ сказались обычная прямота и рѣзкость молодого князя.

Онъ не вѣрилъ ни въ пророковъ, ни въ пророчества, а близкое сосѣдство княгини Ирины къ «пророку» ему положительно не нравилось.

— О-го! Да вы не вольтерьянецъ ли, какъ вашъ дядя?—съ усмѣшкой произнесла княгиня:—во всякомъ случаѣ вы съ нимъ познакомитесь.

— Конечно,—поспѣшилъ отвѣтить князь:—я только хотѣлъ сказать, что представленіе меня ему ставитъ меня словно въ толпу его поклонниковъ, а этого я не хочу ни за что въ мірѣ.

— Я понимаю васъ,—немного помолчавъ, сказала Напраксина.— Дѣйствительно, хотя онъ и святой, но онъ не нашего круга, и зна-

комство съ нимъ должно произойти иначе. Ваша тетушка вамъ можетъ много разсказать про него.

Съ этими словами она покинула князя, предоставивъ его самому себѣ.

Къ счастью, Бахтѣевъ сразу встрѣтилъ своихъ пріятелей.

Его привѣтствовали, какъ возставшаго изъ мертвыхъ. Вопросы посыпались, какъ градъ. Князь съ увлеченіемъ отдался впечатлѣнію встрѣчи со старыми боевыми товарищами, но все же на его настроеніи лежала темная тѣнь. Онъ не разъ среди самаго оживленнаго разговора съ непонятнымъ безпокойствомъ обращалъ свои глаза на княгиню Ирину, и ему казалось, что онъ встрѣчалъ ея холодный пренебрежительный взглядъ.

Онъ не хотѣлъ по какому-то непонятному сложному чувству подойти къ ней.

Безшумно ступая по мягкимъ коврамъ, лакеи разносили чай. Присутствовавшіе разбились на кружки. Левъ Кирилловичъ уже отвыкъ отъ общества; сдержанный гулъ негромкихъ голосовъ стоялъ въ салонѣ. Въ одномъ кружкѣ у круглаго столика старый сенаторъ со звѣздой на фракѣ, пожимая плечами, говорилъ:

— Мы идемъ впередъ, какъ на маневрахъ, но все же эта военная прогулка стоитъ не дешево. Не стоитъ овчинка выдѣлки.

— Она слишкомъ дорого стоитъ, графъ,—раздался рѣзкій голосъ:—я имѣлъ случай получить копію письма статсъ-секретаря Шишкова.

Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на молодого офицера, только что вошедшаго, съ нервнымъ и желчнымъ лицомъ, произнесшаго эти слова.

— Новиковъ!—воскликнулъ Бахтѣевъ, узнавъ своего однополчанина.

Новиковъ радостно взглянулъ на него и, крѣпко пожимая ему руку, сказалъ:

— Левушка, милый, какъ радъ я тебя видѣть. Сейчасъ я весь твой—дай кончить.

— Про какое письмо вы говорите?—спросилъ сенаторъ, щуря глаза.

— Про письмо Александра Семеновича,—отвѣтилъ Новиковъ:—ежели разрѣшите, я прочту изъ него.

— Очень обяжете,—наклоняя голову, произнесъ сенаторъ.

Это былъ графъ Телешевъ, извѣстный масонъ, не особенно любимый императоромъ, какъ онъ былъ нелюбимъ и его царственной бабкой.

Новиковъ вынулъ изъ кармана письмо.

— Письмо помѣчено,—сказалъ онъ,—19-мъ февраля, императоръ былъ въ Калишѣ. Я хотѣлъ только указать на нѣкоторыя мѣста этого письма.

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Вотъ что пишетъ Шишковъ.

И, раскрывъ письмо, Новиковъ началъ читать:

«Февраля 11-го дня мы пріѣхали въ Калишъ. Съ недѣлю тому назадъ здѣсь было сраженіе. Войска наши разбили саксонскій корпусъ подъ начальствомъ французскаго генерала Ренье, котораго со многими офицерами и двумя тысячами рядовыхъ взяли въ плѣнъ».

— Видите,—прервалъ графъ Телешевъ:—я говорилъ, мы идемъ церемоніальнымъ маршемъ...

— Да,—съ загорѣвшимися глазами отвѣтилъ Новиковъ:—а вотъ конецъ письма: «Недавно министръ полиціи получилъ донесеніе, что въ двухъ губерніяхъ—Смоленской и Минской—собрано и сожжено девяносто семь тысячъ тѣлъ, и что многіе трупы еще и по сію пору валяются на поверхности земной...»

Наступило жуткое молчаніе.

— Россія обратилась въ кладбище,—глухо сказалъ князь Бахтѣевъ:—я самъ видѣлъ...

— И вотъ, ваше сіятельство,—нервно продолжалъ Новиковъ:—мы, бросивъ родину, хотимъ освобождать Европу. Нѣтъ,—весь дрожа нервной дрожью, продолжалъ онъ:—вы сперва сожгите всѣ трупы, что гніютъ на поверхности земной, возстановите испепеленные веси и города, дайте намъ миръ и благоденствіе, а потомъ спасайте другихъ. Когда горитъ вашъ домъ и гибнутъ ваши дѣти, не броситесь же вы спасать домъ сосѣда.

— Alea jacta est,—произнесъ скромный голосъ молодого аббата:—вашъ императоръ совершаетъ великую миссію.

— Оставьте въ сторонѣ нашего императора,—рѣзко отвѣтилъ Новиковъ:—мы говоримъ не о немъ, и,—добавилъ онъ со злой усмѣшкой,—только мы, русскіе, можемъ имѣть свое мнѣніе о томъ, что намъ нужно.

Бритое лицо аббата слегка покраснѣло.

— Россія идетъ во главѣ народовъ на великій подвигъ,—отвѣтилъ аббатъ.—Народы соединились въ одну семью, религіи смѣшались во имя одной великой идеи. Тутъ нѣтъ ни русскихъ, ни нѣмцевъ...

— Вы такъ думаете?—насмѣшливо бросилъ Новиковъ.

Аббатъ отвѣтилъ легкимъ поклономъ, какъ бы показывая, что онъ не имѣетъ желанія продолжать споръ на эту тему.

Сперва увлеченный разговоромъ, Бахтѣевъ вскорѣ почувствовалъ скуку.

«Ахъ, все равно,—думалъ онъ:—умирать такъ умирать! Побѣда всегда останется побѣдой, во имя чего бы ни была. О чемъ думать? Броситься въ кипень боя и умереть! Видно, такова судьба».

Съ увлеченіемъ ли, безъ увлеченія онъ поѣдетъ на войну—не все ли равно! Онъ сумѣетъ исполнить свой долгъ и умретъ, если надо, не хуже другихъ.

Въ настоящую минуту его больше всего интересовала княгиня Ирина. Онъ не хотѣлъ смотрѣть на нее и невольно смотрѣлъ. И вотъ его поразило странное выраженье ея лица. Такимъ онъ не видѣлъ ее еще никогда. Ни надменности, ни холодности не выражало это лицо. Оно было кротко, умиленно. Слезы стояли въ прекрасныхъ глазахъ Ирины. Она была похожа на растроганнаго ребенка. И эти глаза смотрѣли на о. Никифора, а въ выраженіи лица этого пророка салона графини Напраксиной Бахтѣеву видѣлось что-то хищное и сладострастное въ его глазахъ, устремленныхъ на прекрасное, склонявшееся передъ нимъ лицо.

Это зрѣлище было тягостно для Льва Кирилловича.

Повинуясь невольному порыву, онъ круто повернулся и направился къ кружку Напраксиной.

VI.

Его приближеніе замѣтила княгиня Напраксина и съ улыбкой кивнула ему головой. Это движеніе было замѣчено окружающими. Княгиня Ирина подняла глаза, слегка покраснѣла, потомъ нахмурилась, и лицо ея мгновенно приняло холодное обычное выраженье.

О. Никифоръ острымъ взглядомъ окинулъ фигуру молодого князя.

Левъ Кирилловичъ сразу подошелъ къ Иринѣ.

— Здравствуйте, княгиня, я давно здѣсь, но не смѣлъ нарушить вашей благочестивой бесѣды,—сказалъ онъ съ ироніей, цѣлуя ея руку.

— Однако, нарушили,—стараясь подъ улыбкой скрыть свое недовольство, отвѣтила княгиня.

Напраксина представила Бахтѣева остальнымъ дамамъ и, обратившись къ о. Никифору, сказала:

— Вотъ, батюшка, герой прошлой войны и будущей. Онъ ѣдетъ на войну.

Бахтѣевъ едва склонилъ голову, стоя молча и пристально смотря на лицо этого страннаго пророка.

О. Никифоръ тоже нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на него и потомъ, вдругъ улыбнувшись, ласково сказалъ:

— Здравствуй, здравствуй, миленькій. Такъ на войну? Съ Богомъ! Иди, иди, вернешься здоровъ... День наступаетъ—день сей Господа Вседержителя, день отмщенія врагамъ, и пожретъ я мечъ Господень и насытится и упьется кровью ихъ, яко жертва Богу въ земли полунощной.

Послѣднія слова о. Никифоръ произнесъ съ дикимъ одушевленіемъ.

Бахтѣевъ невольно вздрогнулъ. Въ смотрѣвшихъ на него яркихъ пронзительныхъ глазахъ, въ тонѣ голоса, властномъ и глубокомъ, чувствовалась какая-то непонятная сила.

Пристальный блестящій взглядъ производилъ странное впечатлѣніе, непонятно притягивая къ себѣ и словно парализуя волю.

Но это впечатлѣніе было до того мгновенно, что прежде, чѣмъ понять его, князь Бахтѣевъ уже почувствовалъ раздраженіе противъ этого человѣка въ поддевкѣ, съ такой увѣренностью говорящаго и смотрящаго.

— Благодарю васъ, г. пророкъ,—насмѣшливо сказалъ онъ:—за ваше любезное предсказаніе. Но не могу согласиться съ вами, что настаетъ день отмщенія врагамъ. Этотъ день былъ и прошелъ. Мы достаточно отомстили. Пришла, быть можетъ, очередь для другихъ мстить за свои обиды—пусть мстятъ. И я полагаю, что его величество императоръ не во имя мести поднялъ снова пламя войны...

Глаза о. Никифора на мгновеніе сверкнули словно угрозой и погасли. Онъ всталъ. На его губахъ играла ласковая улыбка. Онъ слегка поднялъ руку, словно для благословенія.

Княгиня Ирина съ нескрываемымъ негодованіемъ смотрѣла на молодого князя, Напраксина почти съ ужасомъ, такъ же, какъ и остальныя дамы. Насмѣшливый тонъ Льва Кирилловича, его обращеніе «г. пророкъ», все это являлось въ ихъ глазахъ неслыханной дерзостью.

— Я не пророкъ, миленькій,—началъ кротко о. Никифоръ:—гдѣ ужъ мнѣ, недостойному...

— Извините,—перебилъ его князь:—я не зналъ, какъ величать васъ.

— А Никифоръ Ѳомичъ,—отвѣтилъ онъ.—Такъ вотъ, миленькій. Не слѣдуетъ гнушаться моими словами... Я не пророкъ, миленькій,—повторилъ онъ:—одно скажу тебѣ и попомни слово мое. Воплотилъ Господь силу свою въ образѣ Александра, и сокрушитъ онъ антихриста. И падетъ антихристъ, и отъ гласа паденія его потрясошася вся бывшая подъ сѣнію его древеса, и сведошася во адъ язвеніи отъ меча, и живущіи подъ покровомъ его... Помни это, и не сѣтуй на Божіе велѣніе.

Князь Бахтѣевъ былъ изумленъ.

Неужели, думалъ онъ, этотъ хитрый мужиченокъ прочелъ въ его душѣ мучившія его сомнѣнія?

— Во всякомъ случаѣ благодарю васъ за ваше предсказанье,—сухо сказалъ князь и съ легкимъ поклономъ отошелъ въ сторону.

Его сейчасъ же подхватилъ подъ руку Новиковъ.

— А, каковъ пророкъ?—началъ онъ:—онѣ (онъ кивнулъ головой въ сторону дамъ) всѣ сошли съ ума.

— Я ничего не понимаю,—угрюмо отвѣилъ князь:—я такъ отсталъ отъ всего. Скажи ради Бога, кто этотъ проходимецъ, откуда онъ появился и какъ попалъ въ этотъ кругъ? Я ничего не понимаю. А между тѣмъ въ немъ есть что-то,—задумчиво закончилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Новиковъ:—это правда, въ немъ что-то есть. Откуда онъ взялся?.. Отъ князя Голицына, Александра Николаевича, голубчикъ. Говорятъ, онъ предсказалъ въ свое время смерть покойнаго императора, что и написалъ Кутайсову. Потомъ о немъ забыли. Самъ понимаешь, Кутайсовъ не могъ сознаться, что по своей небрежности не распечаталъ присланнаго ему 10-го марта письма, отправляясь къ своей метрескѣ Шевалье. Но это брешутъ; по моему мнѣнію, этотъ слухъ пустилъ самъ о. Никифоръ черезъ свѣтскихъ дуръ. У меня тетка ханжа, фрейлина вдовствующей императрицы, такъ вотъ она и снабдила меня всѣми этими свѣдѣніями. Этотъ самый Никифоръ выплылъ черезъ святошу князя Голицына. Онъ поразилъ его знаніемъ священнаго писанія, изученіемъ котораго такъ занимается теперь Голицынъ. Не легко было бѣднягѣ повернуть отъ Вольтера къ священному писанію... А тутъ этотъ Никифоръ. У Голицына полонъ домъ юродивыхъ. Ну, и облюбовалъ его. А этотъ проходимецъ такъ ловко подобралъ тексты изъ какихъ-то пророковъ, что словно выходитъ—Священное Писаніе только и пророчествуетъ о величіи нашего императора и Россіи и объ антихристѣ съ Запада—Наполеонѣ. Оно, конечно, занятно. А святоша нашъ весь этотъ подборъ поднесъ государю императору. Дескать, посланецъ ты Божій... Говорятъ, что на императора сіи выдержки произвели впечатлѣніе и будто онъ даже допустилъ къ себѣ этого проходимца... И знаешь,—серьезно добавилъ Новиковъ:—когда моя тетушка ханжа душила меня этими пророчествами, ей-Богу, я самъ въ ажіотажъ пришелъ.

Князь Бахтѣевъ передернулъ плечами.

— А о какой же новой вѣрѣ говорила мнѣ Напраксина?—спросилъ онъ .

— Вотъ тутъ-то и зарыта собака,—задумчиво отвѣтилъ Новиковъ:—что гнуснѣе всего, что онъ старается улавливать молодыхъ и красивыхъ и особенно богатыхъ... Есть какія-то тайныя собранія... Что тамъ дѣлаютъ—одинъ Аллахъ знаетъ... Но что-то гнусное... Не помню слова, какъ они называютъ свои собранія, но только,—съ негодованіемъ добавилъ онъ,—я знаю, сколько женщинъ бросаютъ свои очаги и сходятъ съ ума... Посмотри на свою тетушку, какъ она слушаетъ этого пророка... Она, кажется, видитъ въ немъ новаго Христа. Я же думаю, да и не я одинъ, что проходимецъ этотъ не иначе, какъ изъ хлыстовъ. Что-то похоже... Теперь ихъ опять появилось видимо-невидимо. Въ Москвѣ тоже какой-то пророкъ объявился. Тутъ, братъ, прямо сумасшедшія какія-то... У Напраксиной самъ видишь что. У Батариновой тайныя собранія, гдѣ бываютъ

и хлысты, и скопцы, и монахи, и Голицынъ. Какія-то молельни открылись... пророки... пророчицы... Ничего не разберешь.

Бахтѣевъ блѣднѣлъ, слушая его. Словно бездны открывались передъ его глазами.

— А этого пророка я бы повѣсилъ,—закончилъ Новиковъ, кивнувъ въ сторону Никифора.

— Я бы тоже,—глухо отозвался Бахтѣевъ.

— Ну, однако, я ухожу, довольно съ меня,—сказалъ Новиковъ:—не пройдемъ ли мы вмѣстѣ куда-нибудь пообѣдать? Потолкуемъ, вѣдь я не сказалъ тебѣ еще самаго главнаго: я ѣду въ дѣйствующую армію. И при этомъ прошу перевода изъ гвардіи въ армію. Тамъ ближе къ дѣлу...

— Вотъ какъ!—радостно воскликнулъ Бахтѣевъ!—значитъ, вмѣстѣ... Идемъ же, потолкуемъ на свободѣ.

Они незамѣтно вышли. Только Бахтѣеву показалось, что княгиня Ирина проводила его долгимъ враждебнымъ взглядомъ.

VII.

Князь Никита Арсеньевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и слушалъ докладъ своего главноуправляющаго. Невысокаго роста, пожилой, круглый, какъ шаръ, съ почти голой головой, главноуправляющій стоялъ передъ княземъ съ выраженіемъ почти ужаса на своемъ толстомъ, красномъ, потномъ лицѣ.

Звали его Семеномъ Семеновичемъ Буровымъ, и былъ онъ коллежскимъ регистраторомъ по синодской канцеляріи. Но служба его была совершенно фиктивная. И службу и чинъ получилъ онъ, благодаря могущественной протекціи князя Никиты. Онъ былъ сыномъ прежняго управляющаго, очень цѣнимаго за честность княземъ. Сынъ пошелъ въ отца. Онъ былъ честенъ и преданъ князю. Отецъ его былъ вольноотпущеннымъ, а сынъ былъ уже коллежскимъ регистраторомъ и дворяниномъ.

Вѣсти, привезенныя имъ князю, были, съ его точки зрѣнія, ужасны, и онъ робѣлъ, какъ доложить ихъ...

— Садись, Семенъ,—обратился къ нему князь:—и говори. Садись,—уже властно повторилъ онъ, видя, что Буровъ стѣсняется.

Буровъ робко опустился на край стула...

— Ваше сіятельство,—дрожащимъ голосомъ началъ онъ.—Намъ негдѣ брать рекрутовъ.

Князь забарабанилъ сухими пальцами по столу и, нахмурясь, молча ждалъ продолженія.

— Дѣла плохи,—продолжалъ Буровъ, отирая рукавомъ лицо:—требуютъ, а что мы дадимъ?

У Бахтѣева по всей Россіи были раскинуты богатѣйшія имѣнія.

— А что въ новгородской?—спросилъ онъ.

— Пусто, ваше сіятельство,—отвѣтилъ Буровъ:—изъ 158 дворовъ не уцѣлѣло и десяти. Разбѣжались... Остальные голодаютъ.

— А въ нижегородской?

— Разбойниками стали, ваше сіятельство, въ лѣса побѣгли,—отвѣтилъ Буровъ:—а о рязанской и московской и говорить нечего—пустыня... Все порублено, потравлено... Люди, какъ звѣри, разбѣжались по лѣсамъ... Разбойничаютъ, погибаютъ цѣлыми семьями, гніютъ... Ваше сіятельство,—со стономъ воскликнулъ Буровъ, сползая со стула и ставъ на колѣни:—ваше сіятельство, помилуйте! Грѣхъ передъ вами совершилъ!.. Гнѣвайтесь, судите. Видитъ Богъ, иначе не могъ!

Тяжелыя крупныя слезы текли по лицу Бурова.

Лицо князя дрогнуло.

— Встань,—сурово сказалъ онъ,—и говори толкомъ.

Буровъ съ трудомъ поднялся съ колѣнъ.

— Въ чемъ дѣло, говори,—повторилъ князь.

— А въ томъ,—вдругъ рѣшительно началъ Буровъ, однако, весь дрожа:—что за сей годъ ваше сіятельство доходовъ не имѣетъ. Что всѣ хлѣбные запасы и дровяные я отдалъ вашимъ крестьянамъ, зане пожженные, голодные не имѣютъ ни крова, ни пищи, и скотинку роздалъ, тамъ коровокъ, тамъ лошадокъ... Судите же меня, ваше сіятельство!

Семенъ Семеновичъ снова бухнулъ въ ноги князю.

Нѣсколько мгновеній князь, словно ошеломленный, молчалъ. Потомъ его строгое, суровое лицо приняло странное, несвойственное ему выраженіе растроганности и умиленности.

— Встань, Семенъ Семенычъ, подойди, обними меня, спасибо,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.

Буровъ быстро вскочилъ съ колѣнъ и бросился къ князю.

— Не надо, не надо,—говорилъ князь, отнимая свои руки, которыя Буровъ хотѣлъ цѣловать.

Онъ крѣпко обнялъ Бурова.

— Ты вѣрный человѣкъ,—сказалъ онъ:—и понимаешь меня. Богъ дастъ, мы еще не разоримся,—а какъ у племянника,—спросилъ онъ,—въ могилевской?

— Хуже быть не можетъ,—отвѣтилъ Буровъ, отходя на свое мѣсто:—ничего нѣтъ.

— Но, вѣдь, все же у насъ деньги есть?—почти весело спросилъ князь.

Оживился и Буровъ.

— Еще бы, ваше сіятельство,—бодро отвѣтилъ онъ:—только куры не клюютъ.

И онъ сталъ подробно докладывать князю о состояніи наличныхъ счетовъ.

— Ну, значитъ, нечего и толковать,—уже совсѣмъ весело сказалъ князь:—ты знаешь моего племянника, Левона?

— Еще бы, ваше сіятельство,—отозвался Буровъ:—чай, въ опекѣ у насъ.

— Ну, такъ вотъ,—сказалъ князь:—Левонъ ѣдетъ въ походъ. Открой ему счетъ. Что бы ни спросилъ—давай. Хоть меня разори, а ему не отказывай. Понялъ?

— Еще бы,—широко улыбаясь, отвѣтилъ Буровъ:—по правдѣ сказать, ваше сіятельство трудно разорить; вы вродѣ какъ графъ Строгановъ.

Князь Никита усмѣхнулся.

— Это что всю жизнь одну цѣль имѣлъ разориться и то не смогъ, какъ сказала моя незабвенная императрица,—отвѣтилъ онъ.— Ну, что же, тѣмъ лучше. Вели-ка къ себѣ прислать всѣ счета изъ домовой конторы, тамъ расплатишься. Да,—добавилъ онъ:—дѣла Буйносова очень плохи, должно быть?

Буровъ только вздохнулъ.

— Такъ вотъ,—продолжалъ князь:—я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь. Это дѣло княгини. Такъ помни,—по требованію княгини чтобы все дѣлалось скорѣе, чѣмъ для меня самого. Понялъ? И чтобъ я и не зналъ объ этомъ! Запомни!

— Слушаю-съ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ, кланяясь, Буровъ.

— А я такъ и отпишу въ военное министерство,—закончилъ князь:—пусть ищутъ новыхъ воиновъ, авось очухаются.

Отпустивъ Бурова, старый князь долго задумчиво ходилъ по кабинету.

VIII.

Данила Ивановичъ Новиковъ въ полной парадной формѣ прямо изъ Казанскаго собора пріѣхалъ къ Бахтѣевымъ.

Служили торжественный молебенъ по случаю занятія графомъ Витгенштейномъ Берлина. Присутствовала вдовствующая императрица съ августѣйшимъ семействомъ. Говорили о какой-то рѣшительной побѣдѣ надъ вице-королемъ Евгеніемъ.

Новиковъ пріѣхалъ раздраженный и недовольный.

Левонъ не присутствовалъ на этомъ торжественномъ молебствіи. Онъ сказался больнымъ и сидѣлъ дома. На самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ себя очень плохо. На душѣ его было смутно и тяжело. Онъ даже не хотѣлъ разбираться въ своихъ чувствахъ.

«Ѣхать, скорѣй ѣхать туда», неотвязно думалъ онъ.

Онъ боялся признаться самому себѣ въ томъ чувствѣ, которое гнало его изъ Петербурга.

— Ей-Богу,—раздраженно говорилъ Новиковъ:—я думалъ, что я въ нѣмецкой странѣ. Чему радоваться! Этотъ ханжа Голицынъ

все время стоялъ на колѣняхъ... Канцлеръ не пріѣхалъ... Только одна великая княгиня Екатерина Павловна была грустна... Она еще въ траурѣ по мужѣ... И вообще было замѣтно, что это торжество ей не по сердцу. Былъ и отецъ Никифоръ. Противно смотрѣть, какъ онъ молился, стукая въ полъ лбомъ, со святошей Голицынымъ рядомъ.

Бахтѣевъ слушалъ раздраженную рѣчь Новикова, и въ его воображеніи неотступно стояло лицо его юной тетки, какимъ онъ видѣлъ его только разъ въ жизни на пріемѣ у Напраксиной.

— Дошли тревожныя вѣсти,—продолжалъ Новиковъ — о здоровьѣ Кутузова. И представь себѣ,—съ негодованіемъ добавилъ онъ:—это имъ все равно. Я самъ слышалъ, какъ сказали, что этотъ старикъ только связываетъ руки императору... Вотъ благодарность! Нѣтъ! Опротивѣлъ мнѣ Петербургъ,—хоть къ чорту на рога—только бы отсюда,—закончилъ Новиковъ.—Твой дядя одинъ изъ тѣхъ, кто понимаетъ положеніе... Да что толку! Но, однако, я хотѣлъ бы повидать его.

— Оставайся обѣдать, дядя будетъ очень радъ,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.—Пройдемъ къ княгинѣ.

У княгини былъ дорогой гость. Ея отецъ, сенаторъ Евстафій Павловичъ, только что вернулся изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ посмотрѣть на мѣстѣ, что осталось отъ его хоромъ и подмосковнаго имѣнія.

Это былъ еще не старый человѣкъ, но съ дряблымъ морщинистымъ лицомъ. Жидкій кокъ безцвѣтныхъ волосъ торчалъ надъ его низкимъ лбомъ. Височки были тщательно зачесаны, какъ у императора. Глаза имѣли растерянное, жалкое выраженіе, а губы все время складывались въ заискивающую, слащавую улыбку. На фракѣ виднѣлась звѣзда. Княгиня по обыкновенію холодно и надменно встрѣтила гостей. Сенаторъ съ преувеличенной вѣжливостью привѣтствовалъ молодого Бахтѣева и постарался придать себѣ величественно-снисходительный видъ, здороваясь съ Новиковымъ. Новиковъ былъ уже въ армейской формѣ. Онъ добился своего. Онъ довольно небрежно поклонился Буйносову и тотчасъ отошелъ къ княгинѣ.

Бахтѣевъ изъ любезности освѣдомился у сенатора, какія новости въ Москвѣ.

Буйносовъ только развелъ руками...

— Развалины,—отвѣтилъ онъ;—отъ нашего дома остались только стѣны. Все имущество разграблено...

И онъ жалобнымъ тономъ продолжалъ описывать то разоренье, въ какомъ онъ нашелъ и свой домъ и свое имѣнье.

— Вся надежда на милость государя,—закончилъ онъ:—иначе мы разорены. Говорятъ, императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ возмѣстить убытки дворянства.

— Ну, это довольно трудно будетъ,—насмѣшливо отозвался Новиковъ, услышавшій послѣднюю фразу:—тутъ пахнетъ сотней милліоновъ.

— Но мы приносили жертвы на алтарь отечества!—съ жаромъ воскликнулъ Буйносовъ...

— Мы тоже приносили жертвы,—отвѣтилъ Новиковъ:—но жертва остается жертвой. И конца имъ не предвидится. Погодите, когда кончится война... Да надо же какъ-нибудь устроить этихъ несчастныхъ нѣмецкихъ принцевъ, этихъ des Jeans sans-terre! ... На это тоже нужны деньги. О Россіи подумаютъ потомъ...

— О!—почти съ ужасомъ произнесъ Буйносовъ:—какъ вы говорите...

— А вѣдь онъ правъ!—раздался веселый голосъ стараго князя, вошедшаго въ эту минуту въ гостиную.—Охъ ужъ эти Іоанны Безземельные. Однако, я очень радъ видѣть васъ, дорогой Евстафій Павловичъ.

Лицо Буйносова приняло такое приторно-подобострастное выраженіе, что княгиня вдругъ вспыхнула и нахмурилась.

Князь обнялъ сенатора, поцѣловалъ руку женѣ и дружески поздоровался съ молодыми людьми.

— Надѣюсь, мы обѣдаемъ вмѣстѣ,—сказалъ князь.

Новиковъ попробовалъ возражать, но князь перебилъ его.

— Вы доставите мнѣ истинное огорченіе, если уѣдете,—съ теплымъ чувствомъ сказалъ онъ.

Новиковъ поклонился. Князь сѣлъ рядомъ съ женой.

— Вы что-то грустны, Irène,—тихо сказалъ онъ и погладилъ руку жены.

По лицу Ирины пробѣжала тѣнь.

— Вамъ это показалось, мой другъ,—отвѣтила она.

— Дѣла отца не должны огорчать васъ, Irène,—продолжалъ князь, пониженнымъ голосомъ.—Вы знаете, что вы достаточно богаты...

— То есть вы,—едва слышно уронила княгиня.

— Жестоко напоминать объ этомъ,—отвѣтилъ князь:—никакія богатства не могутъ сравниться съ тѣмъ, что я пріобрѣлъ въ васъ Irène. Помните это и знайте, что ваши распоряженія въ нашей конторѣ дѣйствительнѣе моихъ. Это я вамъ хотѣлъ сказать давно.

Онъ быстро всталъ съ мѣста.

— Помните же мои слова, Irène; мнѣ лично неудобно вмѣшиваться въ эти дѣла,—сказалъ онъ:—и этимъ вы докажете мнѣ величайшее довѣріе... за мою любовь.

Левъ Кирилловичъ былъ въ сторонѣ и не могъ слышать разго-

вора. Но онъ видѣлъ, какъ въ суровыхъ глазахъ княгини появилось мягкое, дѣтское выраженіе, когда она слѣдила взоромъ за отошедшимъ отъ нея мужемъ.

За обѣдомъ князь былъ очень оживленъ. Предметомъ разговора естественно былъ заграничный походъ и кажущіеся успѣхи русскаго оружія. Къ этимъ успѣхамъ князь относился съ полнымъ скептицизмомъ.

— Война еще не началась,—говорилъ онъ:—и повѣрьте, что Бонапартъ еще покажетъ себя. Молебны—это хорошее дѣло. Но пока мы будемъ служить молебны во славу прусскаго короля—Наполеонъ, или, если угодно, Бонапартъ, соберетъ новую армію.

IX.

Левъ Кирилловичъ въ послѣдніе дни не видѣлъ княгини. По странному совпаденію чувствъ они избѣгали свиданія другъ съ другомъ. И теперь за обѣдомъ онъ не могъ не замѣтить, какъ болѣзненно отзывалось на княгинѣ униженное отношеніе ея отца къ князю.

Дѣйствительно, Евстафій Павловичъ прямо съ собачьей угодливостью смотрѣлъ въ глаза князю Никитѣ, стараясь угадать его малѣйшее желаніе.

Но старый князь дѣлалъ видъ, что не замѣчалъ этого, и, напротивъ, со своей стороны,старался выказать преимущественное вниманіе Евстафію Павловичу. И каждый разъ при новой угодливой фразѣ Буйносова княгиня бросала на Левона особенно враждебные, вызывающіе взгляды. Словно она видѣла въ немъ врага и готовилась къ защитѣ.

Левону было не по себѣ отъ этихъ взглядовъ, и обѣдъ тяготилъ его. На все его вниманіе и любезность княгиня отвѣчала оскорбительной холодностью.

Послѣ обѣда перешли въ маленькую гостиную, куда подали кофе и вино.

Но Новиковъ торопился, Буйносовъ тоже, и они вмѣстѣ вскорѣ уѣхали.

Старый князь, повинуясь давней привычкѣ поспать послѣ обѣда, поцѣловалъ руку жены, кивнулъ головой Левону, зѣвнувъ, сказалъ:

— Вѣдь мы еще сегодня увидимся,—и тоже ушелъ.

«Тетушка» и «племянникъ» остались наединѣ.

Настало тягостное молчаніе. Князь пилъ портвейнъ и не зналъ, что сказать. Онъ чувствовалъ себя крайне неловко. Его смущало надменное прекрасное лицо. А сердце сильно билось, и онъ хотѣлъ и не могъ начать говорить.

Изъ неловкаго положенія его вывела княгиня.

— Скоро вы уѣзжаете?—равнодушно спросила она тономъ человѣка, которому нечего сказать.

— Да,—съ горечью отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—я тороплюсь. Я одинокій бродяга, для всѣхъ чужой. Здѣсь, въ вашемъ Петербургѣ, ото всего вѣетъ холодомъ. Отъ Невы, отъ ея набережной, отъ этихъ барскихъ домовъ и отъ людей. Я чужой здѣсь... Когда я ѣхалъ сюда, я думалъ отдохнуть здѣсь хоть нѣсколько дней въ теплѣ и уютѣ, но мнѣ холодно... Да, я ѣду, у меня есть товарищи, они тамъ далеко умираютъ... Я поѣду къ нимъ...

— Развѣ вы чужой здѣсь?—тихо сказала княгиня:—а вашъ дядя?

— О, я очень люблю его,—живо отозвался Левъ Кирилловичъ:—но все же...

Онъ невольно замолчалъ.

— Но все же?—повторила княгиня.

— Но все же,—рѣзко сказалъ князь, вставая,—я чужой здѣсь, непрошенный гость. Я, видимо, нежеланный гость здѣсь.

Княгиня слегка поблѣднѣла.

— Вы послѣдній изъ рода Бахтѣевыхъ,—сказала она:—вы наслѣдникъ своего дяди...

— О какомъ наслѣдствѣ говорите вы!—воскликнулъ Левонъ:—у меня одно наслѣдство—честь моего имени... Но я наслѣдовалъ его уже отъ отца... Я просто люблю дядю... и, княгиня, я слишкомъ богатъ самъ по себѣ и не жаденъ... Я никому не стою поперекъ дороги.

Онъ сказалъ эти послѣднія слова и мгновенно раскаялся. Много онъ далъ бы, чтобы вернуть ихъ.

Княгиня поблѣднѣла, потомъ кровь кинулась ей въ лицо, покраснѣли даже ея открытая шея и плечи. Глаза ея чудесно засверкали...

— А,—дрожащимъ голосомъ начала она:—я такъ и думала! Ну, конечно! Чего же можетъ ждать женщина, вышедшая замужъ за человѣка на полвѣка старше ея, кромѣ оскорбительныхъ намековъ и предположеній? Вы не стоите мнѣ поперекъ дороги? Вы слишкомъ богаты, чтобы оспаривать у меня ожидаемое наслѣдство? Вѣдь вы это хотѣли сказать?

— Княгиня! ради Бога!—воскликнулъ князь, ошеломленный этимъ потокомъ негодующихъ словъ.

— О, да, да,—страстно продолжала она:—вездѣ, всюду одно и то же. Или намеки, или нескромные вопросы. Но вы ошиблись, милостивый государь. Вы видите постыдный торгъ тамъ, гдѣ была...

Она вдругъ остановилась.

— Однако,—стараясь овладѣть собой, продолжала она:—какое мнѣ собственно дѣло до васъ и до другихъ. Но знайте только одно, что я презираю эту роскошь и что никому не позволю смотрѣть на

меня свысока. Но вѣдь и я стою чего-нибудь,—высокомѣрно добавила она:—даже съ вашей точки зрѣнія вашъ дядя заключилъ не совсѣмъ безвыгодную сдѣлку?

Она разсмѣялась нервнымъ сухимъ смѣхомъ.

— Княгиня,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Левонъ:—клянусь честью, Богомъ, въ котораго вы вѣрите, я не хотѣлъ сказать ничего оскорбительнаго. Ни одна нечистая мысль не коснулась васъ. Я не думалъ ни о роскоши, окружающей васъ, ни о богатствѣ, которымъ вы теперь располагаете. Дядя достоинъ любви и уваженія... Но мнѣ больно, мнѣ тяжело, княгиня,—продолжалъ онъ:—ваше отношеніе ко мнѣ. Ваши взгляды, ваши слова. Развѣ я врагъ вамъ? Да я жизнь отдалъ бы за ваше ласковое слово!.. Нѣтъ, нѣтъ,—страстно заговорилъ онъ, замѣтя ея негодующій жестъ.—Я одинокъ, очень одинокъ. Мое сердце не согрѣвало никогда нѣжное чувство. Я не зналъ матери, смутно помню отца, даже няня не пѣвала пѣсни надъ моей колыбелью. Мое сирое дѣтство прошло среди наемныхъ людей. А потомъ юность, потомъ боевая жизнь со случайными товарищами. Сегодня живъ—завтра умеръ. Скажите же, княгиня, что остается мнѣ въ жизни!... Я ѣду теперь на войну, быть можетъ, я не вернусь, и никто, кромѣ дяди, не пожалѣетъ обо мнѣ. Но дядя прожилъ уже большую жизнь, онъ много перенесъ въ жизни потерь, онъ самъ уже близится къ закату... А я одинъ, я песчинка въ пустынѣ, всплескъ волны въ океанѣ, случайно сорванный вѣтромъ листъ съ огромнаго дерева человѣчества... Такъ неужели вы строго осудите меня за невольный порывъ къ солнцу, свѣту, теплу!..

Княгиня сидѣла, опустивъ голову, и по ея щекамъ текли слезы.

— Княгиня,—снова началъ Левонъ:—не думайте обо мнѣ дурно. Не подозрѣвайте меня въ нечистыхъ чувствахъ и намѣреніяхъ. У меня нѣтъ сестры, будьте мнѣ сестрой. Дайте руку, благословите меня на невѣдомое будущее...

Онъ остановился передъ ней, весь охваченный неудержимымъ порывомъ. Было мгновеніе, когда онъ хотѣлъ броситься къ ея ногамъ.

Она подняла на него свои загадочные глаза, теперь полные слезъ, и молча протянула ему руку.

— Благодарю,—сказалъ князь съ чувствомъ цѣлуя ее.

— Простите,—начала княгиня:—я была неправа... Но я такъ измучилась за эти мѣсяцы... И я уже нашла... почти нашла,—поправилась она:—новый путь, когда явились вы и... мнѣ говорили...

Она замолчала.

Князя поразили ея слова о новомъ пути. Смутныя мысли налетѣли на него. Напраксина, отецъ Никифоръ, слова Новикова. Ревнивая тоска сжала его сердце. Теплое чувство, наполнявшее его, вдругъ исчезло. Онъ подозрительнымъ, жесткимъ взглядомъ смотрѣлъ на княгиню.

— Кто же указалъ вамъ этотъ новый путь, княгиня?—сухо спросилъ онъ:—не новоявленный ли пророкъ?

Княгиня уловила перемѣну въ его голосѣ, но странно, прежняя надменность не вернулась къ ней. Она кротко отвѣтила:

— Не смѣйтесь надъ нимъ. Онъ боговдохновенный человѣкъ. Онъ провидецъ и... утѣшитель.

— Но чѣмъ же онъ подчинилъ и успокоилъ вашу душу?—стараясь сдержать себя, спросилъ Левонъ.

Онъ чувствовалъ себя крайне раздраженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ему безконечно было жаль княгиню, такую теперь безпомощную, кроткую и слабую.

— Я встрѣтилась съ нимъ случайно,—тихо и задумчиво начала княгиня:—у князя Голицына. Отецъ друженъ съ нимъ. Когда я особенно тосковала, отецъ посовѣтовалъ мнѣ пойти къ нему, поговорить съ нимъ. Вы знаете, къ Голицыну ходить много нашихъ дамъ. Онъ даетъ книги... Учитъ молиться. Я пошла... Ахъ, развѣ можно передать тѣ чувства, которыя я испытала въ его молельнѣ!.. Темно... Только горитъ надъ плащаницей кровавое сердце,—это лампада сдѣлана изъ краснаго стекла въ видѣ сердца,—пояснила она:—красный слабый отблескъ озаряетъ потемнѣвшіе лики святыхъ, на старыхъ образахъ, безъ ризъ. Онъ говоритъ: это сердце Іисусово пламенѣетъ кровью и любовью за весь міръ... Я не помню всего... было страшно и сладко... А въ молельнѣ былъ о. Никифоръ... Когда онъ положилъ на плечо мнѣ руку и посмотрѣлъ на меня... его глаза чудно свѣтились... мнѣ стало такъ легко, такъ отрадно...

Княгиня говорила беззвучнымъ голосомъ, опустивъ глаза, словно вспоминая какой-то чудесный сонъ...

— Потомъ,—продолжала она:—я встрѣчалась съ нимъ у княгини Апраксиной... Онъ научилъ меня вѣрить въ Бога и говорилъ, что близокъ часъ, когда онъ введетъ меня въ сонмъ святыхъ... Апраксина говорила, что это только для особо посвященныхъ... у него собранія... Вотъ и все... Его слова успокаиваютъ... На дняхъ я должна уже ѣхать къ нему...

— Вы не поѣдете!—горячо воскликнулъ князь:—этотъ изувѣръ преслѣдуетъ дурныя цѣли... Вамъ нечего искать новаго пути... Вашъ путь передъ вами...

Княгиня покачала головой.

— Онъ наполнилъ пустоту моего сердца—сказала она.—Я мужу объ этомъ не говорила. Вы знаете его...

— Княгиня, дорогая, милая сестра моя,—началъ князь голосомъ, исполненнымъ глубокой нѣжности:—обѣщайте мнѣ не ѣхать къ нему, пока я не скажу вамъ. Это первая просьба вашего друга, вашего брата, быть можетъ, обреченнаго на смерть. Дайте слово, даете? обѣщаетесь? да?

Княгиня нѣсколько мгновеній колебалась и затѣмъ, поднявъ на Левона сіяющіе глаза, твердо отвѣтила:

— Обѣщаюсь, милый братъ.

Князь поцѣловалъ ея руку .

Короткій зимній день погасалъ. Красный закатъ, пылавшій надъ Невою, послѣднимъ отблескомъ озарялъ и лицо княгини, и залу, и блестящую форму князя Левона.

Князь сѣлъ рядомъ съ Ириной. И тихо, довѣрчиво она разсказывала ему повѣсть о своей судьбѣ.

Исторія была проста и не сложна. Разоренье, встрѣча съ княземъ, его послѣдняя любовь. Онъ такъ нѣжно, такъ внимательно относился къ ней. Она привязалась къ нему, какъ къ другу. Она еще мечтала спасти положеніе своего отца и дала согласіе старому князю. Евстафій Павловичъ былъ несказанно радъ. Онъ самъ толкалъ ее на это.

— И я была и была бы счастлива,—закончила княгиня:—если бы... если бы...

Она смотрѣла на Левона... и въ ея прекрасныхъ, сіяющихъ глазахъ не было ничего загадочнаго...

X.

Сближеніе съ княгиней, ея теперь довѣрчивое и ласковое отношеніе не внесло покоя въ душу Льва Кирилловича. Напротивъ, такія отношенія стали для него источникомъ новыхъ мученій.

Когда Ирина довѣрчиво смотрѣла въ его глаза и тихимъ голосомъ говорила ему о себѣ, о своемъ дѣтствѣ, о своихъ мечтахъ, ему безумно хотѣлось броситься къ ея ногамъ и повторять только одно: я люблю, люблю, люблю...

— Я безумецъ, я преступникъ,—твердилъ онъ себѣ, сжимая горячую голову:—я не могу такъ жить. Я долженъ ѣхать; ѣхать какъ можно скорѣе...

Такъ онъ говорилъ себѣ послѣ каждой встрѣчи съ Ириной, и не имѣлъ силъ рѣшиться уѣхать. Всѣ дѣла были уже устроены, все было готово къ отъѣзду, оставалось подать только по начальству рапортъ, а онъ медлилъ.

Княгиня никуда теперь не выѣзжала. Нельзя было не замѣтить, что она искала встрѣчъ съ Левономъ, что его присутствіе волновало ее, что иногда наединѣ ея глаза темнѣли и она смотрѣла на него тяжелымъ, ожидающимъ взглядомъ, отъ котораго кружилась его голова, и сердце разрывалось отъ восторга и муки...

— Да, я уѣду завтра,—рѣшилъ Левонъ послѣ одной безсонной ночи.—Надо взять себя въ руки.

Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ за послѣдніе дни.

За завтракомъ онъ былъ молчаливъ и разсѣянъ.

— Я боюсь, Левонъ,—обратился къ нему старый князь:—что ты еще не совсѣмъ оправился. Не лучше ли отдохнуть еще съ мѣсяцъ? Ты, кажется, уже совсѣмъ приготовился къ отъѣзду.

— Да, дядя,—повидимому, спокойно отвѣтилъ Левонъ:—я рѣшилъ, я ѣду завтра или послѣзавтра. Мы ѣдемъ съ Новиковымъ вмѣстѣ.

Онъ говорилъ, не глядя на княгиню.

Въ ея рукѣ дрогнулъ ножъ и ударился о тарелку. Этотъ звукъ сладкой болью отозвался въ его сердцѣ. Онъ мелькомъ взглянулъ на Ирину. Она сидѣла съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, опустивъ глаза.

— Что же касается моего здоровья,—продолжалъ Левонъ:—то я чувствую себя очень хорошо. У васъ я отдохнулъ и еще больше окрѣпъ.

Князь покачалъ головой.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ:—что я вообще противъ этого похода. И во всякомъ случаѣ предвижу ему скорый конецъ. Одно изъ двухъ: или Наполеонъ сдѣлаетъ уступки Пруссіи и заключитъ съ Фридрихомъ миръ—тогда намъ нечего будетъ дѣлать,—или онъ соберется съ силами и разгромитъ союзныя войска—тогда тоже конецъ походу. Ты самъ понимаешь военное дѣло,—каково наше положеніе? Впереди непріятель съ новыми силами; позади—большая рѣка; на флангахъ союзники нерѣшительные или готовые измѣнить при первой неудачѣ... Мы все болѣе и болѣе отдаляемся отъ границъ, отъ источниковъ нашихъ средствъ. И гдѣ эти средства? Ты самъ знаешь... Все пространство отъ истоковъ Клязьмы до Нѣмана—пустыня...

Левонъ внимательно слушалъ дядю и былъ пораженъ его чисто-военными соображеніями.

— Вы, можетъ быть, и правы, дядя,—отвѣтилъ онъ:—но я не могу не ѣхать. Это мой долгъ, какъ офицера.

Князь пожалъ плечами. Княгиня все время молчала.

— Ну, если ты такъ рѣшилъ,—твое дѣло,—сказалъ князь.—Ты молодъ, ты ищешь приключеній «на войнѣ и въ любви»,—съ улыбкой добавилъ онъ.

Левонъ вспыхнулъ, слова дяди о любви отозвались въ его душѣ, какъ укоръ совѣсти.

— Я меньше всего думаю, дядя, о приключеніяхъ,—сказалъ онъ.

— Напрасно,—весело отозвался князь:—мы въ твоемъ возрастѣ умѣли жить,—и онъ тряхнулъ своими густыми сѣдыми кудрями.—Дай Богъ памяти,—продолжалъ онъ:—да, въ этомъ возрастѣ я тоже бралъ Берлинъ съ Чернышевымъ. Мы тоже торжественно вступили въ Берлинъ тогда. Какъ измѣнились времена! Кто бы могъ думать тогда, что черезъ полвѣка мы будемъ жертвовать собой за тѣхъ,

кто тогда признавался нашимъ первымъ врагомъ; что для спасенія этого же Берлина отъ другихъ мы поведемъ наши войска.

Князь задумался. Словно картины прошлаго проносились передъ нимъ.

Наступило молчаніе.

— Да,—прервалъ его князь:—я, кажется, зажился на свѣтѣ,— тихо сказалъ онъ, и тайная грусть слышалась въ его голосѣ.

— Что говорите вы!—дрогнувшимъ голосомъ сказала Ирина:— было великое прошлое, но развѣ не слава минувшій годъ? И если немного осталось у васъ старыхъ друзей, развѣ теперь вы никому не нужны; развѣ нѣтъ никого, для кого стоило бы вамъ жить?— едва слышно закончила она.

Съ глубокимъ чувствомъ князь взглянулъ на нее.

— Не обращайте вниманія, дорогая Irène, на брюзжаніе старика. Я неблагодарный человѣкъ. Я счастливъ моимъ настоящимъ, но иногда такъ сильны воспоминанья, а ихъ такъ много, такъ много!..—Да, Левонъ,—круто перемѣнилъ онъ разговоръ:—ты не хочешь еще принять отъ меня отчета, но знай, что твое состояніе достаточно велико. Мною сдѣланы распоряженія Бурову. Ты можешь въ средствахъ не стѣсняться. Напиши записку, и контора выдастъ тебѣ любую сумму.

— Благодарю васъ, дядя,—отвѣтилъ Левонъ.

— Благодарить не за что,—сказалъ князь:—вѣдь, это твое.

— Сегодня я увижу Новикова,—произнесъ Левонъ:—и мы рѣшимъ, когда можно ѣхать. Завтра въ ночь или послѣзавтра. Мнѣ еще надо будетъ подать рапортъ управляющему военнымъ министерствомъ, князю Горчакову, о своемъ отъѣздѣ. Распоряженіе канцлера о назначеніи меня въ дѣйствующую армію уже передано князю. Я и такъ потерялъ нѣсколько дней.

Едва окончился завтракъ, Левонъ поторопился уйти. Онъ боялся, что его рѣшимость снова поколеблется, если ему случится остаться теперь наединѣ съ княгиней, и торопился отрѣзать себѣ путь отступленія. Дѣйствительно, послѣ подачи рапорта было бы затруднительно и неловко оставаться дольше въ Петербургѣ.

Рука княгини была холодна и дрожала, когда Левонъ поцѣловалъ кончики тонкихъ пальцевъ.

XI.

На душѣ Льва Кирилловича было тяжело. Грустное лицо Ирины, холодная, дрожащая рука неотступно вспоминались ему. «Стоитъ ли жизнь этихъ мученій?—думалъ онъ,—и гдѣ найти покой? Въ молитвѣ?» Но онъ никогда не молился, и самая мысль искать утѣшенія въ религіи была чужда его уму и сердцу... Какая цѣль жизни? Вотъ теперь онъ поѣдетъ на войну, которой не сочувствуетъ. Бу-

детъ убивать или самъ будетъ убитъ: для чего? Да, опасности и тревоги боевой жизни на нѣкоторое время наполнятъ его душевную пустоту... Кончится война, и если онъ останется жить,—что тогда? Что дальше? Жить, какъ живутъ тысячи и тысячи,—для чего? Для наживы? Но онъ богатъ. Для славы? Онъ горько усмѣхнулся этой мысли. Онъ маленькая песчинка. Онъ не Наполеонъ, не Цезарь... Какая честолюбивая голова не поникнетъ въ безнадежности передъ наполнившей мiръ славой Наполеона! «Да,—вслухъ закончилъ онъ свои размышленiя:—одна слава—пасть въ бою...»

Полонъ этихъ мрачныхъ мыслей, онъ прiѣхалъ къ Новикову.

У Новикова онъ засталъ незнакомаго ему молодого человѣка. Его лицо поразило князя. Блѣдное, почти прозрачное, съ орлинымъ носомъ, черными, не мигающими, какъ у орла, круглыми глазами, оно поражало выраженiемъ силы и воли. На темный фракъ падали локоны черныхъ волосъ.

Было что-то мрачное во всей его черной фигурѣ.

— Шевалье Габрiель де-Монтрозъ,—представилъ его Новиковъ:—а это князь Бахтѣевъ.

Шевалье съ величьемъ короля протянулъ князю руку.

— Я очень радъ познакомиться съ вами,—звучнымъ голосомъ сказалъ молодой человѣкъ:—я много уже слышалъ о васъ отъ вашего друга.

— Отъ меня же онъ утаилъ,—съ улыбкой отвѣтилъ князь,—о своемъ знакомствѣ съ вами.

— Да?—небрежно произнесъ шевалье.—Ну, что жъ, я предпочитаю самъ сказать о себѣ.

— Шевалье здѣсь только два дня,—произнесъ Новиковъ, какъ бы оправдываясь.

Князь не могъ не замѣтить, что Новиковъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ почтительности, почти благоговѣнiя, относился къ своему гостю.

Тѣмъ болѣе удивило князя, что Новиковъ до сихъ поръ ни звукомъ не обмолвился о такомъ знакомствѣ.

— Вы, говорятъ, ѣдете на войну?—началъ шевалье.

— Да, г. шевалье,—отвѣтилъ Бахтѣевъ:—какъ ни грустно, но мы снова воюемъ съ вашими соотечественниками.

По губамъ шевалье скользнула легкая усмѣшка.

— Я не французъ,—сказалъ онъ:—хотя, конечно, мое имя вводитъ въ заблужденiе.

— Вы не французъ!—въ искреннемъ изумленiи воскликнулъ князь:—кто же вы по нацiональности?

— Я всемiрный гражданинъ,—отвѣтилъ шевалье:—я столь же французъ, какъ нѣмецъ, русскiй или шведъ...

— Я не понимаю васъ,—сказалъ князь:—но вѣдь у васъ есть родина?

— Весь міръ,—коротко отвѣтилъ шевалье.

— Но родные, друзья?—продолжалъ князь.

— Все человѣчество,—такъ же коротко отвѣтилъ Монтрозъ.

— По истинѣ—это черезчуръ по-христіански!—съ легкой насмѣшкой отозвался князь.

— А развѣ это дурно слѣдовать по стопамъ великаго учителя—Бога?—возразилъ Шевалье.

— Это—возвышенно, но это не всякому по силамъ,—задумчиво произнесъ князь. .

Новиковъ не вмѣшивался въ разговоръ, съ жаднымъ любопытствомъ глядя на шевалье.

— Но все же,—сказалъ онъ, наконецъ:—съ общей точки зрѣнія, онъ правъ, великій...

Шевалье бросилъ на него быстрый взглядъ...

Новиковъ смутился и торопливо докончилъ:

— Я хотѣлъ сказать, г. шевалье, что мой другъ до нѣкоторой степени правъ.

Бахтѣевъ съ нескрываемымъ удивленіемъ смотрѣлъ то на того, то на другого.

«Чта все это значитъ?—думалъ онъ:—отчего Новиковъ, всегда такой смѣлый и рѣзкій въ словахъ, словно робѣетъ передъ этимъ страннымъ блѣднымъ человѣкомъ во всемъ черномъ, съ такими повелительными манерами, и что значитъ этотъ эпитетъ «великій»?..

Но шевалье не далъ ему долго останавливаться на этихъ мысляхъ.

— Да, это не всякому по силамъ—возможно,—началъ онъ:—но это только потому, что большинство людей не считаютъ нужнымъ задумываться надъ самыми элементарными истинами. Скажите, развѣ общее рабство народовъ не роднитъ всѣхъ угнетенныхъ? Развѣ рабы чуждыхъ странъ не сочувствуютъ другъ другу и не связаны одними и тѣми же чувствами—жаждой свободы и ненавистью къ своимъ угнетателямъ? Развѣ въ войскѣ Спартака ѳракійцы не дрались щитъ со щитомъ рядомъ съ германцами, галлами и римлянами противъ общаго врага.

Лицо шевалье оставалось блѣднымъ, только глаза загорѣлись жуткимъ, зловѣщимъ огнемъ.

— Быть гражданиномъ міра,—продолжалъ онъ:—это значитъ быть на сторонѣ угнетеннаго. Когда гроза революціи опрокинула тронъ Людовика Святого, и молнія народнаго гнѣва расплавила цѣпи рабства, развѣ тогда угнетенные народы другихъ странъ были менѣе дороги нашему сердцу? О,—страстно продолжалъ онъ:—служить всему человѣчеству! Надо объединить всѣ народы, надо указать имъ одинъ путь—путь свободы... Вы правы—это идея Христа, тутъ нѣтъ ни эллина ни іудея; идеи, какъ и чувства, достояніе всего человѣчества. Если любовь и ненависть одинаково понятны всѣмъ народамъ, независимо отъ ихъ національности,—то

имъ такъ же обща и жажда свободы—это безсмертіе чувствъ, свойственныхъ душѣ человѣка, можетъ обратить народы въ одну общую семью!

Князь Бахтѣевъ былъ захваченъ этимъ вихремъ невѣдомыхъ ему мыслей.

— Да,—продолжалъ шевалье:—надо только отрѣшиться отъ того узкаго, эгоистическаго мірка, въ которомъ живетъ душа человѣка. Надо вылѣзть изъ своей кротовой норы и взглянуть на міръ Божій. Вы тоскуете, вы несчастны, вы безнадежно любите,—говорилъ шевалье, пристально смотря мрачно горящими глазами въ лицо князя, словно говорилъ именно про него:—вы несчастны въ личной жизни, и вы думаете: зачѣмъ жить? что жизнь?

Князь невольно сдѣлалъ шагъ назадъ. Его поразили эти мысли, такъ странно совпавшія съ его собственными. Это упоминанье о безнадежной любви.

— Ахъ,—продолжалъ шевалье:—не правда ли, мы центръ міра. Но безчисленное количество такихъ же мірковъ, съ такими же маленькими страданьями окружаетъ васъ, и каждое «я» принимаетъ свой маленькій мірокъ за безконечную вселенную... Но пусть же маленькое «я» потонетъ въ великомъ «я» міра—тогда мечты станутъ дѣйствительностью!

Шевалье умолкъ.

Наступило молчанье.

Новиковъ въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Бахтѣевъ старался собрать мысли, проносившіяся въ его головѣ, какъ лохмотья тучъ. Ему хотѣлось возразить.

— Позвольте, г. шевалье, — сказалъ онъ, наконецъ: — вы, высказывая ваши идеи, нѣсколько разъ сказали «мы». Кто же это вы?

— А-а, вотъ въ чемъ дѣло!—усмѣхнулся шевалье.—Но развѣ эти идеи будутъ стоить больше или меньше, когда вы узнаете, кто проповѣдуетъ ихъ?

Онъ пристально взглянулъ на Новикова. Новиковъ почтительно опустилъ голову.

— Ну, если эти мысли нашли откликъ въ вашей душѣ—то вашъ другъ сообщитъ вамъ все, что вы захотите.

Съ этими словами шевалье поднялся.

— Мнѣ пора,—сказалъ онъ:—до свиданія, г. Новиковъ, до свиданія, князь. Вѣрьте,—добавилъ онъ, снова пристально глядя въ глаза князя:—люди страдаютъ чаще всего оттого, что слишкомъ много думаютъ только о себѣ.

Онъ пожалъ руку друзьямъ и вышелъ. Новиковъ пошелъ проводить его.

XII.

— Какой странный и интересный человѣкъ,—началъ князь, когда вернулся Новиковъ:—скажи, пожалуйста, кто онъ такой и откуда явился?

— Да, это удивительный человѣкъ,—задумчиво произнесъ Новиковъ:—это настоящій избранникъ. Ты спрашиваешь, откуда онъ явился. Почемъ я знаю!.. Но онъ уполномочилъ меня сказать тебѣ, кто онъ...

Новиковъ остановился.

— Я не буду брать съ тебя ни клятвъ, ни обѣщаній, «онъ» не велѣлъ этого,—снова началъ Новиковъ:—я же вѣрю тебѣ, что ты сохранишь тайну.

Непонятное волненіе овладѣло молодымъ княземъ.

— Я слушаю тебя, Данила Иванычъ,—сказалъ онъ.

— Я буду кратокъ,—отозвался Новиковъ:—но я начну съ того, что тебѣ, конечно, извѣстно. Ты, вѣдь, знаешь о масонахъ? Объ этомъ всемірномъ братствѣ каменщиковъ, созидающихъ уже много вѣковъ камень за камнемъ храмъ Соломона, несокрушимое зданіе свободы, любви и братства?

— Такъ ты масонъ!—въ волненіи воскликнулъ Бахтѣевъ:—не зналъ этого, хотя знаю о масонѣ и иллюминатѣ Новиковѣ, твоемъ однофамильцѣ.

— Да, я масонъ,—отвѣтилъ Новиковъ:—хотя еще не пострадалъ, какъ мой знаменитый однофамилецъ, и я горжусь, что принадлежу къ этому братству. Я нашелъ цѣль жизни.

— Цѣль жизни?—спросилъ Бахтѣевъ и всталъ съ мѣста.

— Я не буду проповѣдникомъ,—началъ Новиковъ:—ты слышалъ, что говорилъ Монтрозъ? Вотъ единая великая цѣль нашей ложи. Мы теперь сильнѣе, чѣмъ думаютъ... Въ нашихъ рядахъ есть люди, отъ которыхъ, быть можетъ, зависятъ судьбы народовъ... Мы возродились и вернулись теперь къ прежнимъ, лучшимъ, благороднымъ идеямъ начала масонства, къ неустанной борьбѣ за правду и права человѣка. Наши ложи въ Германіи, Франціи, Россіи не праздная забава сытыхъ баръ, шутовство и игра въ тайны. Нѣтъ. Мы передовая позиція угнетеннаго человѣчества...

Новиковъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— Наполеонъ потрясъ міръ,—продолжалъ онъ:—онъ докончилъ дѣло революціи, онъ пробудилъ самосознанье народовъ и онъ, этотъ тиранъ, этотъ гигантъ, наступившій желѣзной пятой на грудь Европы, указалъ путь свободы народамъ. Онъ пробудилъ Германію отъ ея рабскаго сна, онъ всколыхнулъ Россію и бросилъ намъ новыя идеи и стремленія... И мы объединились теперь для блага народа. О, если бы мы могли избѣжать теперь этой войны и посвятить всѣ

силы истощенной, но просыпающейся Россіи... Но мы работаемъ, и мы достигнемъ своего...

Новиковъ остановился.

— Да,—началъ онъ:—я былъ несчастливъ, я погибалъ, не видя истиннаго свѣта... Но теперь, теперь я счастливъ и гордъ. Пусть силы мои малы, но я живу не безплодно... Мы уже многаго достигли... «Онъ» позволилъ мнѣ говорить съ тобой и этимъ какъ бы пріобщилъ тебя къ нашему братству...

— «Онъ», но кто же «онъ»?—нетерпѣливо воскликнулъ Бахтѣевъ.

Новиковъ поднялъ руку и торжественно, медленно произнесъ:

— Онъ—Кадошъ, великій мастеръ Великаго Востока. Онъ верховный глава всѣхъ истинныхъ масонскихъ ложъ. Онъ великъ и почти всемогущъ. Отъ Нила до Невы, отъ Эбро до Сены сотни тысячъ людей повинуются его слову.

— Но ты? Кто же ты?—спросилъ Бахтѣевъ.

— Я мастеръ Великой Директоріальной ложи Владимира къ порядку,—съ гордостью отвѣтилъ Новиковъ.—Это ложа объединила въ себѣ всѣхъ истинныхъ масоновъ. Къ ней присоединились ложи: «Александра къ Коронованному Пеликану», «Елизаветы къ добродѣтели», «Петра къ истинѣ», «Les amis réunis», «La Palestine» и много другихъ.

Новый міръ открывался передъ глазами Бахтѣева. До сихъ поръ окружающая его жизнь казалась ему простой и несложной. Онъ жилъ, какъ живутъ всѣ, не задумываясь надъ вѣками установленнымъ укладомъ жизни, и вдругъ лицомъ къ лицу столкнулся съ какой-то новой, кипящей и дѣятельной жизнью, таинственной и сильной. Онъ былъ потрясенъ. Смутное недовольство собою, неудовлетворенность, все освѣтилось новымъ свѣтомъ.

— Я хотѣлъ бы работать съ вами,—тихо сказалъ онъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Новиковъ:—я счастливъ, что ты хочешь этого. Великій мастеръ не ошибся, когда, уходя, сказалъ мнѣ: онъ будетъ нашъ. Хорошо,—повторилъ онъ:—я введу тебя въ ложу—ученикомъ.

— Когда же? Когда?—въ волненіи спросилъ князь.—Вѣдь времени такъ мало. Вѣдь я пришелъ къ тебѣ, чтобы сговориться о днѣ отъѣзда въ армію. Я думалъ, что мы выѣдемъ завтра или послѣзавтра... Какъ же быть?

Новиковъ задумался.

— Да,—сказалъ онъ:—я тоже хотѣлъ ѣхать на дняхъ. Я не знаю, когда будетъ засѣданіе ложи и притомъ можно ли тебя ввести сразу... Мнѣ придется поговорить...

— Я не могу здѣсь дольше оставаться, я долженъ ѣхать,—глухимъ голосомъ произнесъ Бахтѣевъ.

Новиковъ быстро взглянулъ на него.

— Если не удастся здѣсь,—сказалъ онъ:—то все равно, можно принять тебя и за границей.

— Я предпочелъ бы здѣсь,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.

— Хорошо,—подумавъ, произнесъ Новиковъ:—я постараюсь сегодня же поговорить съ Монтрозомъ и завтра же сообщу тебѣ.

— Благодарю,—сказалъ Бахтѣевъ:—а я, значитъ, подожду подавать рапортъ объ отъѣздѣ. День-другой не расчетъ.

И неожиданно чувство радости охватило его при мысли, что разлука съ Ириной отсрочена.

Онъ самъ испугался этого чувства.

«Зачѣмъ,—сейчасъ же подумалъ онъ съ тоскою,—чего я могу ждать, на что надѣяться?»

Но милый образъ дразнилъ его воображеніе... Нечего размышлять. Впереди, можетъ быть, смерть... Увидѣть лишній разъ... Онъ уже забылъ о своемъ рѣшеніи избѣгать встрѣчи съ княгиней до своего отъѣзда въ армію.

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

САНЪ-СТЕФАНО[1].

Записки графа Н. П. Игнатьева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова.

IX.

Четвертаго февраля Игнатьевъ извѣстилъ канцлера, что предписанное изъ Петербурга предостереженіе чрезъ Савфетъ-пашу Портѣ касательно присутствія баши-бузуковъ близъ греческихъ границъ сдѣлано [2]) и что турецкій уполномоченный согласился на срытіе укрѣпленій Шумлы и Варны, оговоривъ лишь право Порты вывезти вооруженіе и крѣпостную движимость, принадлежащую Турціи. Когда Игнатьевъ уѣзжалъ изъ Петербурга, то послѣдніе успѣхи нашего оружія еще не выяснились, только что было получено извѣстіе, что передовой отрядъ нашъ занялъ Адріанополь, а потому ни князь Горчаковъ, ни военный министръ не считали возможнымъ требовать срытія всѣхъ турецкихъ крѣпостей, и потому Игнатьевъ былъ уполномоченъ оставить въ Шумлѣ и Варнѣ турецкіе гарнизоны. Но, прибывъ въ Адріанополь и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Игнатьевъ упрекалъ главную квартиру, что она

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXL, стр. 36.

[2]) Греки объяснили свое вступленіе на турецкую территорію присутствіемъ иррегулярныхъ турецкихъ войскъ на границѣ Греціи и разбоями и грабежами, ими учиненными. Въ Петербургѣ нашли нужнымъ поддержать предъ Портою такое истолкованіе слишкомъ поздняго и потому безполезнаго движенія, предпринятаго греками, когда они убѣдились, что, слѣдуя совѣтамъ Англіи, напрасно пропустили благопріятное для Греціи время. Авт.

не потребовала очистки Шумлы и Варны при заключеніи перемирія и, со своей стороны, измѣнилъ проектъ договора въ томъ смыслѣ, что онъ не только потребовалъ передачи Болгаріи всѣхъ крѣпостей, но и уничтоженія укрѣпленій Шумлы и Варны. Повидимому, государь не ожидалъ такого результата и потому, по повелѣнію его величества, князь Горчаковъ телеграфировалъ Игнатьеву 6-го февраля: «Императоръ очень доволенъ тѣмъ, что Шумла и Варна будутъ срыты. Настаивайте на уступкѣ Батума». Но Игнатьевъ не нуждался въ этомъ понужденіи, ибо въ первомъ же разговорѣ своемъ онъ предупредилъ Савфета, что безъ уступки Россіи Батума мира между Турціею и Россіею быть не можетъ, а также, что и Карсъ, подъ стѣнами котораго въ теченіе столькихъ лѣтъ пролито такъ много русской крови и который нѣсколько разъ уже былъ нами взятъ, долженъ быть намъ принадлежащимъ навѣки.

6-го февраля канцлеръ извѣстилъ (телеграмма отъ 5-го) Игнатьева, что въ Петербургѣ получено свѣдѣніе, что великобританское правительство ведетъ въ Лондонѣ съ турецкимъ посломъ переговоры о покупкѣ лучшей части турецкаго флота, избирая преимущественно броненосцы, построенные въ Англіи. Лайярдъ доноситъ своему правительству, что надѣется уладить это дѣло [1]). А на другой день (телеграмма отъ 6-го февраля) сообщилъ Игнатьеву, что за два дня передъ тѣмъ лордъ Дерби, тотъ самый, которому такъ довѣрялъ графъ Шуваловъ и который ему обѣщалъ, что англійская эскадра не вступитъ въ Дарданеллы, если мы не займемъ Галлиполи [2]), телеграфировалъ Лайярду, что онъ надѣется, что турецкіе военачальники сумѣютъ защитить Галлиполи, если этотъ пунктъ подвергнется нападенію русскихъ, и поручилъ послу внушить султану, что если русскіе одолѣютъ турокъ въ Галлиполи, то форты на азіатскомъ берегу должны быть тотчасъ заняты добровольно англичанами [3]). Лордъ Дерби надѣется, что на этотъ разъ Порта догадается

---

[1]) Англія всегда послѣдовательно старалась уничтожить флоты другихъ державъ или завладѣть всѣми зарождающимися морскими силами. Втравивъ Турцію въ войну съ нами, она хотѣла воспользоваться ея разгромомъ, чтобы завладѣть броненосцами и захватить какой-нибудь островъ. Авт.

[2]) На основаніи легкомысленнаго настоянія графа Шувалова, великій князь Николай Николаевичъ остановилъ отрядъ генерала Гурко, уже двинутый на Булаиръ и Галлиполи, чѣмъ англичане и воспользовались, нарушивъ слово, данное Шувалову, чтобы безбоязненно ввести свою эскадру въ Мраморное море. Авт.

[3]) Судя по себѣ, англичане никакъ не ожидали, повидимому, что ихъ давленія на нашего представителя въ Лондонѣ, графа Шувалова, достаточно было, чтобы помѣшать намъ не только атаковать булаирскія укрѣпленія и Галлиполи, но и занять ихъ безъ боя, что мы могли весьма легко сдѣлать прежде возникновенія безпокойства лорда Дерби и, во всякомъ случаѣ, въ промежутокъ времени между 19 января и 1-го февраля, т. е. до прямого вмѣшательства англійской эскадры, не имѣвшей достаточно сильнаго дессанта, чтобы привести немедленно свою услугу въ исполненіе. Авт.

не протестовать противъ англійскаго захвата фортовъ, которые будутъ возвращены Турціи послѣ заключенія мира [1]).

Одновременно Игнатьевъ получилъ, наконецъ, благопріятныя извѣстія изъ Константинополя отъ Ону, которыя онъ и поспѣшилъ передать вкратцѣ канцлеру (телеграмма 5-го): «Ону доноситъ, что турки положительно въ изнеможеніи отъ войны, не желаютъ ея продолженія и потому примутъ наши войска даже въ столицу, хотя и неохотно, но безъ сопротивленія. Мѣстныя газеты говорятъ открыто о скоромъ миролюбивомъ вступленіи нашихъ войскъ. Министры обсуждаютъ съ Ону о тѣхъ казармахъ, которыя могутъ быть уступлены въ городѣ нашимъ войскамъ, упоминая, однакоже, о страхѣ, который распространился между мусульманами, и о личныхъ опасностяхъ, угрожающихъ султану вслѣдствіе негодованія горячихъ головъ на униженіе Турціи. Предполагаютъ прислать сюда Намикъ-пашу, чтобы уговорить великаго князя отказаться отъ вступленія въ столицу».

Порта приписываетъ лишь личному вліянію, которое якобы Намикъ успѣлъ пріобрѣсти на великаго князя, неожиданную пріостановку въ Адріанополѣ наступательнаго движенія русскихъ войскъ на Царьградъ и потому хотѣла снова попытаться употребить это вліяніе въ свою пользу. Но изъ словъ Ону, никогда не отличавшагося предпріимчивостью и всегда склоннаго къ умѣренности, ясно было, что если уже министры ведутъ съ нимъ переговоры о казармахъ для нашихъ войскъ, когда мы еще только ограничились пока предупрежденіемъ, что Россіи нельзя будетъ допустить присутствіе англійской эскадры въ Босфорѣ безъ занятія города, то достаточно было категорическаго нашего требованія и смѣлаго движенія нашихъ колоннъ къ стѣнамъ Стамбула и высотамъ Босфора, чтобы вступленіе нашихъ войскъ въ городъ и занятіе турецкихъ казармъ совершилось безпрепятственно. Опасеніе главнокомандующаго и нежеланіе его воспользоваться психическимъ моментомъ, несмотря на убѣжденія Игнатьева, не объяснимы иначе, какъ внушеннымъ нашимъ лондонскимъ посломъ опасеніемъ, что этотъ рѣшительный шагъ поведетъ къ столкновенію съ Англіею и что война можетъ затянуться.

Въ то же время Ону сообщилъ собранныя имъ свѣдѣнія о дѣятельности дипломатическаго корпуса, съ многими изъ членовъ котораго—старыми нашими знакомыми—онъ успѣлъ повидаться. Свѣдѣнія эти Игнатьевъ поспѣшилъ передать вкратцѣ канцлеру (телеграмма 5-го февраля):

---

[1]) Никто не могъ воспрепятствовать русской арміи соотвѣтственно занять, на томъ же основаніи, форты на Босфорѣ и булаирскія укрѣпленія. Слѣдовало тотчасъ же послѣ враждебной выходки англичанъ привести это въ исполненіе, возложивъ предъ турками и Европою отвѣтственность за это мѣропріятіе на Великобританію. Авт.

«Англичане и австрійцы дѣятельно интригуютъ противъ Россіи, стараясь помѣшать всячески заключенію мирнаго нашего договора до созыва конференціи. Они указывали на согласіе Россіи на конференцію, какъ на доказательство безполезности и опасности преждевременныхъ уступокъ Порты, и выказываютъ, при каждомъ случаѣ, явную враждебность [1]). Графъ Зичи (бывшій пріятелемъ и личнымъ союзникомъ Игнатьева въ 1875 и 1876 годахъ) утверждаетъ, что Россія обманула Вѣну, и поручилъ Ону мнѣ передать, что личная его пріязнь ко мнѣ не помѣшаетъ ему выполнить свои обязанности по чувству долга [2]).

Князь Рейсъ (германскій посолъ, принявшій на себя защиту русскихъ подданныхъ во время войны, бывшій довольно долго представителемъ Пруссіи въ Петербургѣ) ведетъ себя безукоризненно и подтверждаетъ австро-венгерскія враждебныя интриги. Графъ Корти [3]) ведетъ себя прилично. Съ разныхъ сторонъ меня увѣряютъ, что Австро-Венгрія, разсчитывая, что мы истощены войною съ Турціею, секретно производитъ приготовленія къ войнѣ съ нами».

Передавъ эти данныя канцлеру, Игнатьевъ предупредилъ князя Горчакова, что онъ обратился по телеграфу непосредственно къ Новикову для разъясненія обстоятельствъ, съ просьбою сообщить въ Адріанополь по телеграфу о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, чтобы знать, на что мы можемъ разсчитывать при настоящемъ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ тотчасъ телеграфировалъ Новикову (5-го февраля):

«Австро-Венгрія выказываетъ въ Константинополѣ раздраженіе противъ Россіи и даже враждебность. Зная, что Зичи стро́го придерживается инструкцій вѣнскихъ, прошу поставить меня въ извѣстность относительно дѣйствительнаго расположенія въ отношеніи къ намъ. Можемъ ли мы положиться на сохраненіе дружбы и взаимнаго довѣрія, или должны ожидать враждебныхъ дѣйствій. Частныя свѣдѣнія изъ Вѣны указываютъ на секретныя военныя приготовленія противъ насъ. Возможно ли это?»

Зная, до какой степени Новиковъ былъ увлеченъ графомъ Ан-

---

[1]) О союзѣ трехъ императоровъ, который такъ выставляли графъ Андраши и австро-венгерскіе агенты, когда насъ надо было имъ ввести въ заблужденіе и парализовать нашу дѣятельность въ Константинополѣ и на Балканскомъ полуостровѣ передъ войною, уже не было и рѣчи. Комедія была сыграна и занавѣсъ опустили. А выступила на сцену всегдашняя австро-венгерская политика, въ союзѣ съ постояннымъ соперникомъ нашимъ на Востокѣ—Англіею. Еще Германія, поддерживая исподтишка Австро-Венгрію и дружа съ Портою, пыталась изъ приличія сохранить видъ благорасположенія къ намъ, не нарушая нейтралитета. Авт.

[2]) Нельзя было яснѣе сознаться въ измѣненіи политики Австро-Венгріи и объяснить перемѣну въ сношеніяхъ между нимъ и Игнатьевымъ. Авт.

[3]) Итальянскій посолъ, съ которымъ Игнатьевъ былъ также въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ. Авт.

драши и вѣрилъ въ возможность прочнаго соглашенія нашего съ Австро-Венгріею, Игнатьевъ смягчилъ дошедшія до него свѣдѣнія о коварствѣ австро-венгерскаго правительства и передалъ ихъ своему коллегѣ въ самой мягкой формѣ, чтобы не оскорбить его высказаннымъ подозрѣніемъ касательно вѣнскаго кабинета, которому Игнатьевъ, съ своей стороны, никогда не довѣрялъ, выводя свои заключенія по тѣмъ дѣйствіямъ австро-венгерскихъ агентовъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Турціи до войны.

Отвѣтъ отъ Новикова Игнатьевъ получилъ уже въ Санъ-Стефано, лишь 15-го февраля, то есть черезъ десять дней. Очевидно, телеграмма его была задержана австрійцами, которые никогда не стѣснялись затруднять телеграфическія и почтовыя сообщенія для политическихъ цѣлей [1]).

Нашъ посолъ въ Вѣнѣ телеграфировалъ 12-го февраля:

«Ваша телеграмма дошла до меня только вчера (11-го) вечеромъ. Положеніе, принятое Австріею, сомнительно. Не вѣрю еще во враждебныя намѣренія, но опасаюсь упорнаго дипломатическаго сопротивленія и замѣчаю неудовольствіе на наши непосредственныя соглашенія съ Портою, въ которыхъ видятъ желаніе навязать Европѣ совершившіеся факты» [2]).

6-го и 7-го февраля канцлеръ, въ отвѣтъ на сообщенія Игнатьева, телеграфировалъ ему, что:

«Еще ничего не рѣшено касательно времени и мѣста созыва конференціи, но, какъ кажется, не предполагается составить оную изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, что исключаетъ мое непосредственное участіе. Торопите окончаніе порученнаго вамъ дѣла».

И затѣмъ 6-го февраля:

«Держитесь инструкцій, вами съ собою увезенныхъ отсюда [3]).

---

[1]) Графъ Н. П. Игнатьевъ, уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, обратилъ должное вниманіе на фатальное значеніе двухъ фактовъ, которыми и впослѣдствіи сильно задерживалось, и притомъ на долгое время, развитіе солидарности и государственнаго сближенія между славянскими государствами и Россіею. Эти факты заключаются въ томъ, что: а) нѣтъ территоріальной между ними смежности и б) всѣ почтовыя и телеграфныя между ними сношенія были всецѣло въ рукахъ Австро-Венгріи или подъ ея вліяніемъ. Отсюда вытекали, въ разнообразномъ видѣ, самыя невыгодныя для насъ послѣдствія, которыя трудно изобразить здѣсь въ одномъ лишь сокращенномъ изложеніи. А. Б.

[2]) Этотъ отвѣтъ нашего посла выказывалъ всю неосновательность надеждъ, возлагавшихся имъ и княземъ Горчаковымъ на графа Андраши, возмечтавшаго распоряжаться нашими дѣйствіями по своему усмотрѣнію, безъ вниманія къ чести и достоинству Россіи, даже послѣ того, какъ императорское правительство согласилось обезпечить интересы Австро-Венгріи конвенціею, заключенною въ Вѣнѣ 3-го января, на случай распаденія Турецкой имперіи. Авт.

[3]) Телеграмма эта опровергаетъ заявленія графа Шувалова, нашего посла въ Лондонѣ, и распространенное послѣ Берлинскаго договора мнѣніе, что Санъ-Стефанскій договоръ своевольно заключенъ Игнатьевымъ, дѣйствовавшимъ не по инструкціямъ императорскаго правительства и вопреки желаніямъ князя Горчакова. Авт.

Измѣненія, введенныя въ инструкціи, отправленныя съ Боголюбовымъ, были введены лишь въ предположеніи, что мы не встрѣтимъ въ конференціи такого сопротивленія, которое теперь должны предвидѣть [1]). Во всякомъ случаѣ, торопите заключеніе вашего соглашенія съ турками, чтобы конференція, избѣгнуть которой не было возможности, нашла, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ, совершившіеся факты. Настаивайте постоянно на томъ фактѣ, что перемиріе было дано Портѣ лишь послѣ принятія оною основныхъ условій мира. Если уклонятся отъ этихъ основаній, должны будутъ ожидать нести соотвѣтствующія послѣдствія».

Телеграммы эти уполномочивали Игнатьева не отступать отъ первоначальнаго проекта и дѣйствовать болѣе энергично, нежели желала главная квартира. Въ Петербургѣ, повидимому, стали раздѣлять мнѣніе Игнатьева, что лучше возобновить наступленіе, объявивъ прекращеніе перемирія, для достиженія лучшаго результата, нежели терять время въ Адріанополѣ и ослабить наши требованія.

Въ виду полученныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ англичанъ касательно турецкихъ броненосцевъ, Игнатьевъ поспѣшилъ заговорить съ Савфетомъ, не ожидая, какъ первоначально предполагалъ, предварительнаго установленія соглашенія касательно Болгаріи, Черногоріи и Сербіи, о военномъ вознагражденіи, которое Турціи надо будетъ выплатить Россіи, и, когда паша сталъ распространяться о бѣдности Турціи, разореніи края и невозможности выплачивать деньгами, то Игнатьевъ далъ понять, что въ счетъ уплаты могутъ, по желанію султана, войти и территоріальныя уступки. «Но, во всякомъ случаѣ,—добавилъ Игнатьевъ,—Портѣ придется уступить въ счетъ контрибуціи нѣсколько броненосцевъ [2]), такъ какъ Россія предпочитаетъ оградить ихъ своимъ флагомъ, чѣмъ предоставить англичанамъ захватить турецкія броненосныя суда, подобно тому, какъ она поступила съ Даніею въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и при извѣстной алчности Великобританіи, пользующейся стѣсненнымъ положеніемъ другихъ странъ для пріобрѣтенія себѣ выгодъ и увеличенія своихъ морскихъ средствъ».

Савфетъ пришелъ въ ужасъ отъ совокупности русскихъ требованій, когда они были развиты послѣдовательно въ ежедневныхъ двукратныхъ конференціяхъ, а въ особенности, когда ознакомился съ размѣрами военнаго вознагражденія и съ перспективою потери

---

[1]) Такое сознаніе канцлера въ ошибочности своего прежняго взгляда на отношенія къ Россіи кабинетовъ по восточному вопросу доказывало, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе льстецами и собственнымъ тщеславіемъ и напрасно не внялъ предостереженіямъ Игнатьева, который вѣрно оцѣнилъ значеніе союза трехъ императоровъ, замысла графа Андраши и двуличіе Бисмарка. Авт.

[2]) Игнатьевъ потребовалъ шесть лучшихъ брононосцевъ турецкаго флота. Авт.

броненосцевъ, такъ что Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру 5-го февраля:

«Савфетъ въ отчаяніи отъ нашихъ требованій вознагражденія, утверждаетъ, что Порта никогда ихъ принять не можетъ и сообщилъ въ Константинополь, требуя инструкцій».

Сверхъ личныхъ телеграммъ и донесеній Игнатьева, уполномоченные, отдавая канцлеру отчетъ о ходѣ переговоровъ, составляли донесенія, подписываемыя ими обоими, то есть Игнатьевымъ и Нелидовымъ. Переговоры эти, происходившіе, какъ выше сказано было, два раза въ день, подвигались крайне медленно, и видимо было, что, пока они ведутся въ Адріанополѣ, результата никакого достигнуть нельзя, а между тѣмъ обстоятельства требовали ихъ ускоренія, и Игнатьевъ приложилъ безуспѣшно къ тому всю свою энергію и настойчивость. Съ первой же конференціи на другой день послѣ прибытія Савфета въ Адріанополь пашѣ было сообщено письменно развитіе принятыхъ турками пяти основаній мира. Съ самаго начала турецкій уполномоченный проявилъ легкомысленное стремленіе Порты вернуться къ положенію вопроса объ улучшеніи положенія христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ передъ войною, принявъ за основаніе лондонскій протоколъ, принятый всѣми великими державами и отвергнутый султаномъ, что и привело къ разрыву и вызвало окончательно войну.

Странно было ослѣпленіе турецкихъ сановниковъ ожидать, что Россія предастъ забвенію всѣ событія, совершенно измѣнившія съ апрѣля 1877 года историческое значеніе занимавшаго насъ вопроса, потоки русской крови, пролитой въ Болгаріи, Арменіи и Анатоліи, жертвы, понесенныя Россіею и ея единовѣрцами, и согласится, подъ стѣнами Константинополя, въ ту минуту, когда отъ нея зависѣла судьба Царьграда и продолженіе пребыванія султана на европейскомъ берегу Босфора, ограничиться тѣми фиктивными уступками, цѣною которыхъ Россія предусмотрительно и великодушно предлагала Турціи избѣгнуть войны и тяжелой отвѣтственности.

Уже въ Казанлыкѣ Серверъ-паша пытался стать на почву прежнихъ европейскихъ переговоровъ съ Турціею и хотя и тогда ему была доказана тщета его неосновательныхъ усилій, тѣмъ не менѣе турки не унимались и созданная завистливою Западною Европою надежда на безнаказанность Турціи въ отношеніи къ Россіи побуждала Порту, при каждомъ возможномъ случаѣ, постоянно возвращаться къ прежнимъ попыткамъ—ничего существеннаго Россіи не уступить, разсчитывая на поддержку Европы и на нашу испытанную благодушную сговорчивость.

Порта, повидимому, отдавала себѣ отчетъ, что, съ созданіемъ Болгаріи, могущество султана и значеніе его въ Европѣ будетъ подорвано и даже можетъ легко быть уничтожено. А потому весьма

естественно наши должны были употребить всѣ усилія не только для уменьшенія размѣровъ Болгаріи [1]), но стараться ее отодвинуть какъ можно далѣе отъ своей столицы и отъ морского прибрежья, не допускать большого увеличенія Черногоріи, въ особенности же Сербіи къ сторонѣ Албаніи и Старой Сербіи, но и желали сохранить обаяніе падишаха и вліяніе Порты на все мусульманское населеніе, даже въ тѣхъ областяхъ, которыя они вынуждены были уступить по договору съ Россіею, такъ какъ мусульмане никогда не простили бы преемнику калифовъ, если бы онъ согласился добровольно отдать ихъ на произволъ христіанскихъ правителей и бывшихъ презрѣнныхъ райевъ.

Замѣчательно, что привыкшіе считаться съ вѣковою военною доблестью черногорцевъ (которыхъ турки еще недавно величали,

---

[1]) Какъ во время Константинопольской конференціи 1876 года, такъ и въ періодъ выработки Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата 1878 г.—вся энергія враждебныхъ намъ западно-европейскихъ державъ была направлена къ возможно большему сокращенію территоріи и жизненныхъ силъ воскресавшей Болгаріи. Въ основаніи этой старой формы руссофобской политики являлось предположеніе, что славянскій народъ, вышедшій изъ пятисотлѣтняго рабства благодаря единокровной съ нимъ и единовѣрной Россіи, не можетъ не оказаться солидарнымъ съ нею въ дальнѣйшемъ своемъ ростѣ и развитіи. Однако уже съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ Австро-Венгрія открыла секретъ совершенно иного способа разрушенія славянской солидарности. Съ тѣхъ поръ сдѣлалось общимъ мѣстомъ, въ пріемахъ антирусской дипломатической интриги, что вліяніе Россіи въ Болгаріи (а иногда и въ другихъ балканскихъ государствахъ) слѣдуетъ разрушать, содѣйствуя развитію мѣстнаго шовинизма и разжигая мегаломанію крошечныхъ государствъ. Виртуозное умѣніе итти по этому пути показала именно Австрія, тогда какъ Англія уже отстала отъ нея въ этомъ дѣлѣ. Это объясняется слѣдующимъ. Представляя во многомъ большое сходство въ соціальномъ строеніи, въ уровнѣ умовъ и нравовъ, наконецъ, въ народныхъ особенностяхъ съ ихъ ближайшими родичами, вкусившими отъ «плода древа познанія добра и зла», въ качествѣ подданныхъ двуединой монархіи, православныя балканскія государства представляли изъ себя благопріятнѣйшую почву для развитія такихъ духовныхъ язвъ, которыя шли изъ Австро-Венгріи, какъ изъ чумнаго очага, давая пышный расцвѣтъ въ маленькихъ самостоятельныхъ царствахъ на Балканахъ и по обѣимъ сторонамъ Дуная. Этотъ видъ политической болѣзни («Милановщина», «Стамбуловщина», «Кобурговщина», румынскій и греческій шовинизмъ и т. п.), представляетъ для діагноза слѣдующіе гнилостные симптомы:

а) она гнѣздится въ особомъ духовномъ складѣ нѣкоторой части южно-славянской интеллигенціи, выросшей изъ рядовъ скороспѣлой буржуазіи бюрократическаго типа, благосостояніе и культура которой весьма недавняго происхожденія и среди которой казнокрадство, профессіональный парламентаризмъ и лодырничество вошли въ обычай;

б) народная масса въ своихъ традиціонныхъ инстинктахъ хотя и противорѣчитъ политической оріентировкѣ упомянутаго слоя интеллигентныхъ оппортунистовъ, подчиняющихся ближайшей экономической силѣ Австро-Венгріи, однако эта масса лишена организующей силы, разъ она поражена въ своей способности выдѣлять изъ себя болѣе достойный правящій классъ; ее же легко принудить мѣрами организованнаго государственнаго гнета, покрываемаго болтливыми формулами либеральнаго колорита;

в) при традиціонной неспособности нашей дипломатіи, врагамъ Россіи болѣе или менѣе постоянно удавалось проводить на отдѣльные престолы и престольчики Бал-

по примѣру западныхъ европейцевъ и австрійцевъ, разбойниками) и убѣжденные долгимъ опытомъ въ неразрывности связи Черногоріи съ Россіею, турки несравненно благодушнѣе относились къ увеличенію Черногоріи и охотнѣе, нежели Австро-Венгрія, согласились бы на распространеніе княжества на большую часть Герцеговины, нежели поддавались на уступку малѣйшей части Оттоманской территоріи въ пользу Сербіи.

Увеличеніе Сербіи встрѣчало упорное сопротивленіе турокъ въ теченіе всѣхъ переговоровъ и не разъ грозило полнымъ разрывомъ ихъ. Очевидно, что тутъ вліяло на турокъ столько же раздраженіе уязвленнаго оттоманскаго высокомѣрія за вмѣшательство

канскаго полуострова нѣмецкихъ принцевъ или, по крайней мѣрѣ, князей, состоящихъ болѣе или менѣе на амплуа германскихъ или австро-венгерскихъ клевретовъ, благодаря чему, увѣнчаніемъ русскихъ побѣдъ и нашихъ народныхъ, славянскихъ и самоотверженныхъ усилій являлось мирное завоеваніе верховъ государственной власти въ славянскихъ и другихъ православныхъ государствахъ—все тѣми же врагами Россіи.

г) всѣ означенныя государства страдаютъ худшей формой демократіи, именно такъ называемой «охлократіей». Въ рѣшительныя минуты исторіи ихъ правители подчиняются суду улицы, изъ трусости, тщеславія или своекорыстія. Нѣтъ власти. Королевская власть—чисто декоративная. А когда бывали попытки ее создать, она попадала въ руки тѣхъ же нѣмецкихъ ставленниковъ;

д) наконецъ, при наличности ловко пущеннаго въ ходъ сложнаго аппарата германскаго порабощенія, проводившагося иногда черезъ балканскихъ вѣнценосцевъ и всегда черезъ торгово-промышленныя связи и банковый кредитъ, черезъ государственные займы и посредствомъ австро-венгерской желѣзнодорожной политики, съ присоединеніемъ сюда тарифныхъ ставокъ и системы таможенныхъ пошлинъ, когда этотъ аппаратъ успѣвалъ наладиться въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, получалось постепенное засасываніе самостоятельныхъ народовъ въ германско-венгерскую трясину; эту гибель оставалось только прикрывать лоскомъ звонкихъ «національно-самостоятельныхъ» программъ (напримѣръ, формулами «стамбуловскаго сопротивленія противъ русскаго засилія»), и ловушка окончательно закрывалась. Картина полнаго и неминуемаго порабощенія самостоятельныхъ славянъ, да и другихъ балканцевъ, по ихъ легкомыслію, подъ Габсбургами—являлась уже только вопросомъ времени. Вся набросанная здѣсь схема, характеризующая политическую атмосферу Балканскаго полуострова за послѣднія тридцать лѣтъ, сводится такимъ образомъ къ слѣдующей объединенной формулѣ. Происходило медленно просачиваніе австро-венгерскаго гноевика во всю ткань народной жизни на Балканахъ, благодаря непрочной кладкѣ государственнаго строенія и незрѣлости умовъ и нравовъ. Этотъ процессъ разложенія происходилъ при постоянной лести воспаленнымъ настроеніямъ національной самобытности.

Когда Игнатьевъ создавалъ Санъ-Стефанскій договоръ, указанное здѣсь сложное явленіе было только въ періодѣ его зарожденія. Постановка была проще, нежели въ позднѣйшіе годы. Россія стояла твердо за полноту правъ каждаго юго-славянскаго и православнаго народа Ближняго Востока и требовала признанія его правъ на свободу и развитіе его историческаго лица. Съ другой стороны враги Россіи (въ то время—Англія, Австрія и отчасти Франція) опредѣленно стояли за расширеніе правъ угнетателя христіанъ, т. е. Турціи, и за умаленіе правъ православныхъ народовъ, ей подвластныхъ. Настроеніе же этихъ народовъ было, конечно, въ преобладающей степени благопріятно нашей политикѣ. Санъ-Стефанскій договоръ выразилъ въ значительной мѣрѣ это стремленіе нашей политики. А. Б.

вассальной Сербіи въ герцеговинское возстаніе, поддержанное сначала одними черногорцами, сколько и подстрекательство венгерцевъ и убѣжденіе, что Австро-Венгрія обязана поддержать отказъ турокъ увеличить территорію Сербскаго княжества.

Относительно денежныхъ вознагражденій за расходы и убытки, понесенные Россіею, русскіе уполномоченные встрѣтили сразу почти непреодолимыя затрудненія. Полное истощеніе турецкой казны съ одной стороны и опасенія султанскихъ министровъ принять на себя заемныя обязательства, превышающія средства казны и страны и грозящія будущими осложненіями европейскаго значенія [1]), въ случаѣ невозможности срочныхъ уплатъ, составляли камень преткновенія, о который разбивались всѣ предположенія. Замѣна части денежнаго вознагражденія территоріальными уступками Россіи и передачею нѣсколькихъ броненосцевъ, по выбору нашихъ моряковъ, затрагивали гордость турецкую самымъ чувствительнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, опасаясь издавна за свои европейскія владѣнія, султаны смотрѣли на азіатскія свои области какъ на основу и на источникъ своего могущества.

[1]) Около второй половины XIX столѣтія обрисовалось глубокое различіе между основаніями Россіи и западныхъ державъ къ тому, чтобы вмѣшиваться въ политическіе кризисы на Ближнемъ Востокѣ. Россія имѣла тамъ, главнымъ образомъ, интересы религіозные и племенные; западныя же державы преслѣдовали, прежде всего, финансовыя и торгово-промышленныя цѣли. Россія дѣлала громадныя затраты, какъ кровью своихъ сыновъ, такъ и расходами на военныя кампаніи, а равно на административные опыты, съ цѣлью освободить, организовать и призвать къ жизни православные народы Ближняго Востока. Западныя же страны, въ силу нарастанія у нихъ огромныхъ промышленныхъ капиталовъ, искавшихъ помѣщенія, приняли съ начала пятидесятыхъ годовъ значительное участіе въ снабженіи Турціи денежными средствами, по случаю объявленной ею эры преобразованій; на дѣлѣ, конечно, большая часть турецкихъ займовъ пошла не на военные, административные и организаціонные расходы для общественной пользы, а на безумныя траты султанскаго двора, гаремовъ и пашей. Задолжаніе Турціи началось не ранѣе Крымской кампаніи. Въ 1854 году былъ выпущенъ первый турецкій государственный заемъ при содѣйствіи Англіи на сумму трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Затѣмъ, въ послѣдующія двадцать лѣтъ выпущено было до двѣнадцати заграничныхъ займовъ, на сумму около 183 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, не считая внутреннихъ займовъ на сорокъ милліоновъ фунтовъ. Такимъ образомъ, передъ началомъ герцеговинскаго возстанія, сумма турецкаго государственнаго долга достигала приблизительно двухъ съ четвертью милліардовъ рублей. При такихъ условіяхъ не мудрено, что турецкое правительство попало подъ опеку финансирующихъ ее державъ. Кредиторы Турціи получили, подъ давленіемъ европейскихъ посольствъ, строго опредѣленную систему обезпеченія ихъ претензій; при этомъ осуществленъ такой видъ захвата государственныхъ доходовъ въ розницу, который едва ли гдѣ-либо въ мірѣ практиковался въ такой уродливой и беззастѣнчивой формѣ. Начинается дѣло съ заклада египетской дани, затѣмъ сирійскихъ таможенныхъ доходовъ (1855 г.), константинопольскихъ портовыхъ сборовъ (1858 г.), акцизныхъ налоговъ на табакъ и соль, гербоваго сбора, торговыхъ сборовъ (1862 г.), десятины и общихъ таможенныхъ доходовъ (1863 г.), налога на овецъ и на рудники (1865 г.); наконецъ, заложены были доходы отдѣльныхъ провинцій. (Ср. Jorga: «Geschichte des Osmanischen Reiches», т. V, стр. 543). А. Б.

«Нѣкоторые признаки,—какъ доносили русскіе уполномоченные канцлеру,—заставляютъ предполагать, что Порта желала бы затянуть переговоры, чтобы дождаться осуществленія практическаго соглашенія между Австро-Венгріею и Великобританіею[1]) и даже, можетъ быть, конференціи, до окончательныхъ уступокъ Россіи». Турки понимали, что согласныя между собою дѣйствія Австро-Венгріи и Англіи могутъ принести существенную пользу Портѣ, только если они проявятся прежде, нежели выговоренныя нами у нея условія будутъ осуществлены на дѣлѣ, и ранѣе передачи намъ всѣхъ турецкихъ крѣпостей и Батума съ прикасающимися къ Закавказью турецкими областями. Убѣжденные долгимъ опытомъ въ враждебности и зависти къ Россіи европейскихъ кабинетовъ, а также въ различіи ихъ взаимныхъ интересовъ, турки большею частью вѣровали, что всякая конференція, на которой столкнутся разнорѣчивыя мнѣнія державъ, будетъ выгоднѣе для Порты, нежели непосредственное соглашеніе съ Россіею, въ виду того, что долгая практика научила турецкихъ сановниковъ пользоваться раздорами европейцевъ и искусно лавировать между различными теченіями.

Свѣдѣнія, получаемыя изъ Константинополя, доказывали, однакоже, что Порта совершенно истощила свои военныя средства и не въ состояніи выдержать продолженіе войны, а также, что существуетъ сильная партія (подобно тому, какъ во время нахожденія верховнымъ визиремъ пріятеля Игнатьева Махмудъ-Недимъ-паши), искренно предпочитающая войти въ непосредственное прямое соглашеніе съ Россіею, чтобы, сговорившись съ нами, противостать потомъ коварнымъ замысламъ Великобританіи, которой эта благомыслящая партія основательно приписывала всѣ несчастія Турціи, разразившіеся надъ нею съ 1852 года.

«Но въ то же время тѣ же люди лукаво старались намъ внушить,—писалъ Игнатьевъ канцлеру:—что необходимо Россіи отказаться, если не отъ всѣхъ требованій военнаго вознагражденія, то значительно уменьшить размѣры какъ денежной контрибуціи, такъ и территоріальныхъ уступокъ, чтобы не ослабить слишкомъ средства и силы султана, сохранивъ возможность воспользоваться имъ, какъ союзникомъ, представляющимъ еще какое-либо значеніе въ Европѣ».

Игнатьевъ не поддался никакимъ изъ расточаемыхъ турками доводовъ, ни обѣщанію обращенія султана въ наши союзники, такъ какъ въ данную минуту подобное соображеніе не имѣло, по его мнѣнію, практическаго значенія и онъ зналъ, что на голословныя

[1]) Агенты и представители которыхъ въ Турціи, подстрекая турокъ къ сопротивленію, все толковали о согласіи между Вѣною и Лондономъ, а Порта надѣялась, что эти державы отъ словъ перейдутъ скоро къ дѣйствію. Авт.

обѣщанія турокъ полагаться невозможно. Главная же квартира полагала, что на этомъ шаткомъ основаніи можетъ быть построена наша будущая политика въ отношеніи Турціи и что поэтому мы должны стараться снисхожденіемъ снискать расположеніе султана, поступаясь сколь возможно болѣе нашими политическими требованіями въ пользу нашихъ единовѣрцевъ.

Съ первыхъ свиданій съ Савфетъ-пашою можно было замѣтить, что онъ не уполномоченъ разрѣшать существенные вопросы, какъ, напримѣръ, территоріальныя уступки и проч. Вотъ почему, послѣ первыхъ уже двухъ конференцій онъ отправилъ Османъ-пашу съ предъявленными русскими уполномоченными картами предположенныхъ границъ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи [1]). Савфетъ запросилъ мнѣніе Порты по этому вопросу и требовалъ положительныхъ инструкцій. Чтобы не потерять напрасно времени, русскіе уполномоченные настояли, несмотря на оговорки Савфета и его видимое желаніе оттянуть переговоры до полученія категорическаго приказанія Порты, чтобы было безостановочно приступлено къ обсужденію всѣхъ статей проекта, не ожидая установленія точныхъ граничныхъ линій. Такимъ образомъ, были разсмотрѣны вопросы, касающіеся устройства Болгаріи, организаціи ея управленія, оккупаціи страны нашими войсками въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ ухода арміи, разрѣшенія въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ смѣшанными комиссіями вопросовъ недвижимой собственности мусульманъ, бѣжавшихъ изъ Болгаріи, порядка очищенія турецкой территоріи нашею арміею и передачи Портѣ занятыхъ нами мѣстностей и т. д. Уполномоченные настояли на принятіи всѣхъ статей проекта, несмотря на упорное желаніе паши исказить характеръ болгарской автономіи, причемъ Савфетъ не соглашался назвать Болгарію княжествомъ, а лишь областью, исключалъ изъ выбора въ князья всѣхъ членовъ царствующихъ въ Европѣ династій, пытался провести выборнаго губернатора вмѣсто князя и разработку органическаго устава для Болгаріи впослѣдствіи русско-турецкою комиссіею въ Константинополѣ и т. д. Когда Савфетъ опирался въ отказѣ своемъ признать возможность образованія обширнаго Болгарскаго княжества на присутствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Болгаріи многочисленнаго мусульманскаго населенія, составляющаго, по его мнѣнію, мѣстами даже преобладающее большинство жителей [2]),—то русскіе уполномоченные указали

[1]) Для избѣжанія недоразумѣній и облегченія Сафвету-пашѣ уразумѣнія сдѣланныхъ Игнатьевымъ предложеній онъ заготовилъ карты предполагаемыхъ границъ и вручилъ ихъ пашѣ при первомъ же объясненіи съ нимъ, убѣдившись въ его неудовлетворительномъ знаніи мѣстности. Авт.

[2]) Каждый разъ, когда Турція терпѣла пораженія и теряла христіанскія области, въ которыхъ приходилось потомъ организовать общественную жизнь на справедливыхъ началахъ христіанской государственности, извѣстная часть мусульманскаго населе-

ему на радикальную перемѣну, происшедшую въ теченіе войны въ составѣ населенія Болгаріи. Произошла безповоротная перетасовка между христіанскими и мусульманскими жителями, такъ какъ послѣдніе бѣжали въ большомъ числѣ къ Адріанополю и Константинополю при первомъ появленіи русскихъ войскъ и даже и тѣ изъ нихъ, которые остались подъ охраною сихъ послѣднихъ, едва ли рѣшатся остаться среди болгаръ, опасаясь ихъ мести за совершенныя звѣрства и насилія передъ войною и послѣ отступленія отряда Гурко за Балканы въ іюлѣ. Но, принявъ во вниманіе справедливыя стремленія Савфета оградить должнымъ образомъ отъ произвола будущихъ болгарскихъ властей оставляемое въ княжествѣ мусульманское населеніе, а равно и поземельную турецкую частную собственность, Игнатьевъ согласился ввести въ свой проектъ договора нѣсколько дополнительныхъ статей, предоставляющихъ упорядоченіе будущихъ отношеній между жителями различныхъ національностей и вѣроисповѣданій смѣшаннымъ турецко-болгарскимъ комиссіямъ, подъ надзоромъ русскихъ властей или комиссаровъ.

Эти постановленія, принятыя вслѣдствіе соглашенія съ турками, будучи выгодными для Болгаріи, въ сущности несравненно болѣе ограждали частные интересы меньшинства населенія и были справедливѣе къ мусульманамъ, нежели впослѣдствіи рѣшенія Берлинскаго договора и международной комиссіи.

Савфетъ-паша добивался установить условія возвращенія въ Болгарію мусульманъ-эмигрантовъ, вышедшихъ оттуда вслѣдъ за турецкими войсками, но русскіе уполномоченные уклонились отъ разрѣшенія этого вопроса, выставивъ на видъ всю трудность и многосложность практическаго опредѣленія всѣхъ могущихъ представиться случайностей и мѣстныхъ условій. Отрицательное отношеніе къ предложеніямъ турецкимъ касательно водворенія въ княжествѣ мусульманскихъ эмигрантовъ вызывалось надеждою, что эти послѣдніе, размѣстившись въ областяхъ и городахъ Турціи, сами не захотятъ впослѣдствіи вернуться на свои пепелища, чтобы жить въ чужой и непріятной имъ обстановкѣ, въ условіяхъ существованія совершенно иныхъ, нежели прежде, когда они были господствующимъ элементомъ. Съ трудомъ достигли русскіе уполномоченные соглашенія съ Савфетомъ по всѣмъ спорнымъ пунктамъ и только 6-го февраля (т.-е. на девятой конференціи) скрѣпили своими подписями редакцію статей, касающихся образованія Бол-

---

нія выселялась вглубь Турціи, преимущественно въ Азію, по неспособности переносить условія равноправности съ христіанскимъ, освобожденнымъ населеніемъ. Такіе выселенцы носятъ названіе «мухаджировъ». Разумѣется, удержаніе столь фанатически настроенныхъ элементовъ въ странѣ отнюдь не могло входить въ интересы правительствъ нововозникавшихъ христіанскихъ государствъ. А. Б.

гаріи, оставивъ вопросъ объ окончательномъ опредѣленіи границъ открытымъ до полученія инструкцій Порты. Затѣмъ перешли къ обсужденію предложеній, касающихся Черногоріи, которыя были съ самаго начала сообщены Савфету. Игнатьевъ, чтобы вынудить согласіе паши, выставлялъ ему ничтожность экономическаго значенія для Порты уступаемой Черногоріи мѣстности, слабость турецкихъ властей, существующихъ между воинственными племенами, и необходимость для Порты, испытывающей постоянныя тревоги съ этой стороны, сопряженныя съ расходами и европейскими затрудненіями, создать обезпеченный миръ и возможность дружественныхъ отношеній съ удовлетворенною въ своихъ насущныхъ потребностяхъ Черногоріею.

Такъ какъ Савфетъ ссылался постоянно на свое полное невѣдѣніе топографіи спорной мѣстности, а Игнатьевъ торопился закрѣпить за княземъ Николаемъ желаемое увеличеніе княжества до враждебнаго ему вмѣшательства Австро-Венгріи, то русскимъ уполномоченнымъ пришлось согласиться на предоставленіе европейской разграничительной комиссіи большаго простора, нежели предполагалъ Игнатьевъ, для измѣненія первоначальнаго очертанія пограничной линіи, оговоривъ, однакоже, что эти измѣненія могутъ совершаться лишь въ видахъ водворенія спокойствія на границѣ и интересовъ обоихъ государствъ [1]).

Въ предвидѣніи домогательствъ Австро-Венгріи подвергнуть измѣненію опредѣленную граничную черту при проведеніи оной на мѣстѣ постановлено было, по требованію русскаго уполномоченнаго, что, при урѣзываніи территоріи, должны быть присуждаемы Черногоріи комиссіею равномѣрные участки, т.-е. можетъ происходить лишь замѣна одного участка другимъ, отнюдь не уменьшая общаго увеличенія черногорской территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Савфетъ старался достигнуть опредѣленія характера будущихъ отношеній Черногоріи и ея жителей съ Портою и турецкими пограничными властями. Но русскіе уполномоченные, оберегая самолюбіе и достоинство князя Николая и не имѣя возможности узнать своевременно его виды въ этомъ отношеніи, уклонились отъ опредѣленія этихъ отношеній статьею договора, предоставивъ разрѣшеніе поднятаго турками вопроса,—очевидно, съ заднею цѣлью сохранить, по возможности, прежніе порядки,—дальнѣйшему соглашенію между княжествомъ, русскимъ и оттоманскимъ правительствами.

7-го февраля статьи, касающіяся Черногоріи, были подписаны русскими и турецкими уполномоченными. Эти условія были несравненно выгоднѣе, нежели тѣ, которыя попали въ Берлинскій

---

[1]) Игнатьевъ хотѣлъ отвратить или стѣснить предъявленіе притязаній спеціально австрійскихъ, не касающихся интересовъ Турціи. Авт.

договоръ, при заключеніи котораго Австро-Венгрія умѣла провести свои взгляды и, отнявъ у Черногоріи Спицу и присужденную ей мѣстность къ Герцеговинѣ и къ сторонѣ Сербскаго княжества, стѣснить Черногорію во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы поставить ее въ свою зависимость [1]). Такое рѣшеніе конгресса было въ высшей степени несправедливо. Черногорія начала первая борьбу, вела оную блистательно, одержала громкія побѣды надъ турками, а ее лишили безжалостно плодовъ ихъ, предоставивъ всѣ выгоды результата войны Австро-Венгріи. Игнатьевъ, памятуя, что Черногорія была всегда вѣрнымъ союзникомъ Россіи, смотрѣлъ на удовлетвореніе желанія князя Николая и расширеніе его владѣній, какъ на вопросъ чести для насъ, и никакъ не соглашался поддаться на всѣ требованія Австро-Венгріи, клонившіяся ко вреду Черной горы. Зная по опыту измѣнчивость взглядовъ князя Горчакова и отсутствіе его выдержки предъ европейскими искательствами, Игнатьевъ въ донесеніи своемъ старался подсказать ему доводы противъ вмѣшательства кабинетовъ и выразился слѣдующимъ образомъ: «Общіе европейскіе интересы не противорѣчатъ образованію и нѣкоторому расширенію славянскихъ княжествъ на Балканскомъ полуостровѣ. Мы, однакоже, приняли, сколько возможно, въ соображеніе возраженія Австро-Венгріи. Впрочемъ, великія державы сами какъ бы отстранились отъ опредѣленія ихъ будущей участи, предоставивъ въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ (т.-е. предъ нашею войною) не только Черногоріи, но и Сербіи непосредственно согласиться съ Турціею. Что же касается Болгаріи, то ея участь слишкомъ много озабочивала весь христіанскій міръ, чтобы допустить мысль, чтобы европейскіе кабинеты вздумали расшатывать зданіе, устраиваемое нами на потокахъ крови» [2]).

---

[1]) Самое значительное различіе между предполагавшимися пріобрѣтеніями Черногоріи по Санъ-Стефанскому договору (ст. 1) и весьма суженными границами этихъ приращеній по Берлинскому трактату (ст. 28) состояло въ томъ, что сѣверо-восточная граница по первому изъ этихъ договоровъ проводилась вверхъ по рѣкѣ Лиму, отъ ея впаденія въ Дрину до Пріеполя и оставляла за Черногоріей значительную часть Санджака и Руговскій край; затѣмъ граница шла по главному хребту Проклятыхъ горъ и достигала Скутарійскаго озера въ серединѣ его залива—Личени-Кастрати. Такимъ образомъ, къ Черногоріи отходили всѣ албанскія племена вдоль по рѣкѣ Ціевнѣ до Личени-Кастрати. По Берлинскому же договору отпала вся область праваго берега Тары (т. е. часть Санджака); отошелъ Руговскій край; наконецъ долина Ціевны и сѣверо-западныя племена албанскихъ горцевъ остались за Турціею.

А. Б.

[2]) Неустойчивость нашей восточной политики побудила Игнатьева попытаться подсказать министерству иностранныхъ дѣлъ то, что можно было и слѣдовало заявить на конференціи европейскимъ представителямъ въ защиту нашего договора. Ему въ голову не входило, что наши уполномоченные на Берлинскомъ конгрессѣ дозволятъ тѣмъ кабинетамъ, которые пальцемъ не шевельнули для дѣйствительнаго улучшенія положенія восточныхъ христіанъ, урѣзать договорныя условія, добытыя имъ Россіею. Авт.

Игнатьевъ надѣялся, что канцлеръ не согласится представить Россію на конференцію въ роли подсудимаго и не дозволитъ уничтожить результаты нашихъ трудовъ представителямъ державъ, ничего не сдѣлавшихъ для улучшенія будущности восточныхъ христіанъ. Онъ не могъ ожидать, что въ Берлинѣ, на конгрессѣ, предоставятъ Австро-Венгріи измѣнить выговоренное Россіею у Порты въ пользу своихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ союзниковъ для удовлетворенія заднихъ мыслей и корыстныхъ видовъ Австро-Венгріи и для облегченія венгерцамъ подавленія самостоятельнаго развитія сербскихъ княжествъ. Нельзя было ожидать, что для удовлетворенія графа Андраши выпудятъ князя Николая разорительно оставаться на военномъ положеніи еще почти два года послѣ окончанія войны, въ ожиданіи рѣшеній Австро-Венгріи и для того, чтобы получить лишь малую часть, и то не самую лучшую, того земельнаго пространства, которое было выговорено въ Адріанополѣ русскими уполномоченными у Турціи.

Игнатьевъ былъ вполнѣ счастливъ, что имѣлъ возможность телеграфировать канцлеру 7-го февраля:

«Мы только что подписали съ Савфетомъ статьи, касающіяся Черногоріи. Граничная линія проведена согласно моему проекту, одобренному въ Петербургѣ, отъ Добростицы до Прилеполья на р. Лимъ. Оттуда, оставляя Бихоръ и Рожай Черногоріи, граница направляется на Сухо-Планину, захватывая для Черногоріи Ругово, Плаву и Гусинье, затѣмъ чрезъ Проклятую гору и по горному хребту до Скутарскаго озера и по р. Боянѣ до моря. Никшичъ, Гацко, Спужъ, Подгорица, Жаблякъ и Антивари отходятъ къ Черногоріи. Подробности разграниченія на мѣстѣ будутъ опредѣлены европейскою комиссіею. Отношенія Черногоріи и подданныхъ князя Николая будутъ опредѣлены особымъ соглашеніемъ между Россіею, Портою и Черногоріею. Спеціальная конвенція установитъ порядокъ пограничныхъ сношеній и рѣшитъ вопросъ о пограничныхъ укрѣпленіяхъ. Въ случаѣ разномыслія по этому предмету и пограничныхъ столкновеній въ будущемъ, посредниками будутъ Россія и Австро-Венгрія» [1]).

Наканунѣ еще Игнатьевъ не былъ увѣренъ, что Савфетъ согласится на предложенное разграниченіе и что онъ не откажется провести границу до полученія дополнительныхъ инструкцій Порты, по разсмотрѣніи верховнымъ визиремъ посланныхъ ему съ

---

[1]) По невозможности совершенно устранить сопредѣльную Австро-Венгрію отъ черногорскихъ вопросовъ, вслѣдствіе настоятельныхъ притязаній графа Андраши на исключительное вліяніе въ Цетиньѣ, Игнатьевъ, въ видѣ удовлетворенія доставилъ нѣкоторую роль Австро-Венгріи, такъ что, по его мнѣнію, вѣнскій кабинетъ не могъ жаловаться, что Россія въ переговорахъ своихъ съ Портою забыла объ интересахъ Австро-Венгріи. Авт.

Османъ-пашою картъ. А потому въ телеграммѣ, отправленной 6-го, Игнатьевъ выразился канцлеру слѣдующимъ образомъ:

«Боголюбовъ еще не прибылъ и ваши инструкціи мнѣ еще не извѣстны. Разграниченіе Болгаріи, Черногоріи и Сербіи и статья о военномъ вознагражденіи представляютъ величайшія затрудненія. Савфетъ-паша сказывается больнымъ и ежедневно проситъ у Порты дополнительныхъ инструкцій. Европейскія интриги въ Константинополѣ и предстоящая конференція ужасно препятствуютъ успѣшному ходу настоящихъ переговоровъ. Турки безпрестанно повторяютъ намъ: зачѣмъ уступать вамъ теперь, когда ничто не можетъ быть окончательнымъ и все можетъ быть измѣнено въ конференціи европейской? Созваніе конференціи для насъ вредно, невозможно и опасно прежде заключенія договора съ турками».

X.

Въ то время, когда русскіе уполномоченные старались не терять ни минуты времени, чтобы исполнить то, что отъ нихъ требовалъ князь Горчаковъ, т.-е. уговорить турокъ дать свое согласіе на наибольшее, по возможности, число совершившихся дипломатическихъ фактовъ прежде, нежели Европа успѣетъ вмѣшаться открыто въ наши переговоры, возникли новыя обстоятельства, усложнившія наше положеніе въ Адріанополѣ, но которыми Игнатьевъ воспользовался, чтобы придать болѣе рѣшительный характеръ переговорамъ и ускорить конечный результатъ.

На ходъ нашихъ сношеній съ Портою вліяли два первостепенныхъ событія: одно—вмѣшательство Англіи, выразившееся не только подстрекательными совѣтами Лайярда, но и болѣе вѣскимъ вступленіемъ англійской эскадры изъ пяти броненосцевъ въ Мраморное море, бросившей якорь 3-го февраля въ виду самой султанской столицы у Принцевыхъ острововъ, между о. Принкипо и Халки; другое—близость созыва европейской конференціи, являвшаяся въ видѣ пугала для уполномоченныхъ, затруднявшаго ходъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что никто еще не могъ себѣ составить понятіе о характерѣ европейскаго судьбища и его практическихъ послѣдствіяхъ. Англійская эскадра, по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ главной квартирѣ, самовольно прошла въ Дарданеллы 2-го февраля, но съ 30-го января уже происходилъ по этому случаю обмѣнъ непосредственныхъ телеграммъ между государемъ и султаномъ. Великій князь получилъ копіи, но очень запоздавшія. Телеграммы эти проходили по черноморскому англійскому кабелю и подвергались, очевидно, преднамѣренной задержкѣ и часто искаженію, подобно всѣмъ телеграммамъ, которыми обмѣнивались по этому направленію князь Горчаковъ и Игнатьевъ. Распоряженіе кабелемъ было въ рукахъ англичанъ, служащіе передавали копіи всѣхъ

телеграммъ великобританскому посольству и задерживали ихъ или умышленно искажали передачу, когда созданіе затрудненій соотвѣтствовало видамъ англійской политики. Великій князь не желалъ брать на свою отвѣтственность рискованныхъ, по его мнѣнію, рѣшительныхъ дѣйствій. Игнатьеву казалось, изъ совокупности получаемыхъ свѣдѣній, что, при полученіи въ Петербургѣ извѣстія о движеніи англійской эскадры къ Константинополю, государь изъявилъ желаніе занять нашими войсками не только высоты Босфора, какъ предполагалось при отправленіи Игнатьева изъ Петербурга, но самый городъ Константинополь. Но великій князь постоянно отрицалъ полученіе высочайшаго разрѣшенія предпринять это наступленіе. Изъ свѣдѣній, собранныхъ отъ турокъ около 5-го февраля, Игнатьевъ узналъ, что султанъ получилъ 30-го января телеграмму отъ государя, извѣстившаго Гамида, что такъ какъ вслѣдствіе донесенія британскаго посла объ опасностяхъ (мнимыхъ), угрожающихъ европейцамъ и христіанамъ, находящимся въ Константинополѣ, эскадра англійская призвана туда Лайярдомъ подъ предлогомъ защиты англійскихъ подданныхъ, то государь, съ своей стороны, находитъ необходимымъ ввести временно часть своихъ войскъ въ турецкую столицу съ тою же цѣлью. Когда Игнатьевъ доложилъ главнокомандующему о доставленныхъ ему свѣдѣніяхъ, то великій князь подтвердилъ ихъ. Оказалось, что его величество, сообщая телеграмму свою султану великому князю, повелѣлъ главнокомандующему сговориться объ исполненіи сего съ турецкими уполномоченными, добавивъ, что «было бы желательно, чтобы это вступленіе оказалось возможнымъ совершить миролюбиво. Но, если уполномоченные этому воспротивятся, мы должны быть готовы занять Константинополь открытою силою».

По мнѣнію, высказанному Игнатьевымъ главнокомандующему, въ этой телеграммѣ заключалось не только разрѣшеніе, но высочайшее повелѣніе тотчасъ двинуть наши войска къ Константинополю и вступить въ него съ согласія турокъ или насильственно. Но великій князь былъ противнаго мнѣнія.

Телеграмма его величества отъ 29-го января [1]) была слѣдующая:

«Изъ Лондона получено официальное извѣстіе, что Англія, на основаніи свѣдѣній, отправленныхъ Лайярдомъ, объ опасномъ будто бы положеніи христіанъ въ Константинополѣ, дала приказаніе части своего флота итти въ Царьградъ для защиты своихъ

[1]) Настоящее мѣсто изъ записокъ Н. П. Игнатьева представляетъ необыкновенный интересъ, такъ какъ телеграмма императора Александра II отъ 29-го января 1878 года нынѣ впервые сдѣлалась достояніемъ печати. Этотъ документъ проливаетъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ о томъ, по какой причинѣ наши побѣдоносныя войска не пошли дальше Санъ-Стефано и не заняли Константинополя. А. Б.

подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными *о вступленіи* и нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе могло исполниться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовымъ *занять* Царьградъ даже *силою*. Александръ». Во французской редакціи, сообщенной Савфетъ-пашою Игнатьеву, послѣдняя часть телеграммы была изложена слѣдующимъ образомъ: «Il se fait très désirable que cette entrée puisse s'effectuer à l'amiable, mais si les Plénipotentiaires s'opposaient, nous devons être prêts à occuper Constantinople même de vive forte».

Султанъ отвѣтилъ 3-го февраля государю, что «онъ смотритъ на появленіе англійскихъ военныхъ судовъ, какъ на временное, что онъ тотчасъ же телеграфировалъ королевѣ Викторіи, прося объ отмѣнѣ мѣропріятія, могущаго повлечь неисчислимыя бѣдствія для человѣчества», но отвѣта онъ еще не получилъ на свое непосредственное обращеніе. Султанъ далъ обѣщаніе, по полученіи королевскаго отзыва, вступить въ соглашеніе съ государемъ относительно принятія тѣхъ мѣръ, которыя окажутся тогда необходимыми. Въ то же время султанъ сообщалъ, что англійская эскадра снялась съ якоря, чтобы удалиться отъ Принцевыхъ острововъ на другую стоянку, болѣе удаленную отъ Босфора. Въ заключеніе султанъ изъявлялъ государю надежду, что «вступленіе русскихъ войскъ будетъ отложено», и обѣщалъ извѣщать государя о томъ, что произойдетъ, равно о ходѣ переговоровъ, чтобы «предотвратить недоразумѣнія, могущія повлечь послѣдствія, пагубныя для интересовъ человѣчества и Оттоманской имперіи».

Государь отвѣтилъ на телеграмму султану, что онъ всегда готовъ содѣйствовать предупрежденію несчастій человѣчества и что онъ будетъ ожидать результата обращенія султана къ королевѣ.

Въ дѣйствительности, англійская эскадра, простоявъ четыре дня у Принцевыхъ острововъ, вслѣдствіе же просьбы султана, сдѣлала видъ, что удаляется 7-го февраля, и отошла лишь къ Муданіи и Гемлеку (въ Мраморномъ моря и въ Исмидскій заливъ) и вскорѣ снова вернулась на прежнюю якорную стоянку у Принцевыхъ острововъ.

Въ Константинополѣ враждебные намъ иностранные агенты распустили слухъ въ Портѣ и въ населеніи, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе Ону (телеграмма отъ 1-го февраля изъ Перы), что за англійскою эскадрою послѣдуютъ вскорѣ два австро-венгерскихъ броненосца.

2-го февраля Ону извѣстилъ Игнатьева, что совѣтъ министровъ засѣдаетъ непрерывно въ султанскомъ дворцѣ, что поэтому онъ никакъ не можетъ видѣться съ министрами, чтобы исполнить

порученія, ему данныя, что такъ какъ англійская эскадра прошла Дарданеллы, то рѣшено послать Намикъ-пашу въ нашу главную квартиру, чтобы упросить главнокомандующаго не вступать въ Константинополь. Игнатьевъ былъ того мнѣнія, что мы должны воспользоваться нарушеніемъ англійскою эскадрою закрытія проливовъ для военныхъ флотовъ иностранныхъ государствъ, чтобы немедленно избавиться отъ стѣсненій, происходящихъ отъ безвременнаго проведенія демаркаціонной линіи и заключенія перемирія, и возстановить равновѣсіе между нами и Англіею въ глазахъ турокъ быстрымъ занятіемъ высотъ Босфора и вступленіемъ въ Константинополь части нашихъ войскъ. Великій князь отказывался это предпринять по собственной иниціативѣ и ожидалъ болѣе положительнаго высочайшаго повелѣнія, чтобы снять съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ дождаться результата телеграфической переписки между государемъ, султаномъ и королевою Викторіею. Главная квартира была того мнѣнія, что нужно будетъ употребить нѣсколько дней для сосредоточенія войскъ нашихъ въ Чаталджѣ и Чорлу, такъ какъ части были разбросаны послѣ перемирія, что наступленіе нашихъ войскъ до высотъ Босфора было сопряжено съ несравненно большими трудностями и болѣе рискованно, нежели предполагаютъ въ Петербургѣ и какъ это кажется Игнатьеву, такъ какъ турки уже успѣли съ 19-го января вооружить прекрасною артиллеріею большого калибра тѣ укрѣпленія по пути, которыя были заблаговременно возведены, и добавить новыя; что, вслѣдствіе сего, придется брать штурмомъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ позицій, начиная съ Кучукъ-Чекмедже, и турки будутъ имѣть возможность сразиться съ нами при самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, тогда какъ мы противопоставимъ имъ лишь малочисленную и слабѣйшую артиллерію, а войска недостаточно снабжены зарядами и патронами для продолжительнаго боя.

Сверхъ того начальникъ штаба предвидѣлъ значительныя затрудненія для продовольствія арміи, какъ только войска наши покинутъ берега Мраморнаго моря и удалятся отъ желѣзной дороги, подвозящей припасы. Великій князь опасался, при наступленіи къ Босфору, быть вынужденнымъ неожиданными обстоятельствами ввести войска въ Стамбулъ, гдѣ сосредоточена масса озлобленныхъ мусульманскихъ эмигрантовъ и гдѣ, вѣроятно, много больныхъ тифомъ. При томъ, такъ какъ отрядъ Гурко, при движеніи своемъ къ Дарданелламъ, былъ остановленъ, то турки симъ воспользовались, чтобы перевести въ Булаиръ остатки арміи Сулеймана и снова занять укрѣпленія, покинутыя турками во время паническаго страха, наведеннаго на нихъ быстрымъ наступленіемъ русскихъ войскъ въ первой половинѣ января. Замѣчательно и достойно сожалѣнія, что въ главной квартирѣ ничего не знали о происходящемъ въ Дарда-

неллахъ и не имѣли свѣдѣній, подтверждающихъ слухъ о вступленіи англійской эскадры въ Мраморное море. Игнатьевъ поручилъ Ону удостовѣриться въ этомъ чрезъ турокъ и нашихъ единовѣрцевъ въ Константинополѣ и, съ согласія великаго князя, отправилъ преданнаго намъ грека въ Родосто съ этою же цѣлью. 5-го февраля, поздно вечеромъ, русскіе уполномоченные получили подтвержденіе факта присутствія броненосной англійской эскадры у Принцевыхъ острововъ единовременно отъ Ону и отъ агента, вернувшагося изъ Родосто съ завѣреніемъ, что онъ видѣлъ эскадру, бросившую якорь у Принцевыхъ острововъ 3-го вечеромъ. Спрошенный Игнатьевымъ, Савфетъ-паша, по свойственной сановникамъ Порты привычкѣ, началъ съ того, что отрицалъ фактъ подхода къ Константинополю англійскихъ броненосцевъ; затѣмъ при настойчивомъ утвержденіи русскаго уполномоченнаго сталъ робко выражать сомнѣніе и предположеніе, что Ону былъ введенъ въ заблужденіе слухами, распускаемыми «недоброжелательными людьми». Наконецъ онъ сознался въ присутствіи англійской эскадры лишь тогда, когда удостовѣрился, что Игнатьевъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, и когда до него дошла телеграмма верховнаго визиря, предписывающая ему умолять великаго князя не вводить русскихъ войскъ въ Константинополь.

Въ это самое время великій князь получилъ высочайшую телеграмму, предписывающую ему войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными относительно добровольнаго пропуска въ оттоманскую столицу войскъ и, въ случаѣ несогласія турокъ на это предложеніе, главнокомандующему разрѣшалось занять даже силою Константинополь, въ особенности если броненосцы англійскіе проникнутъ въ Босфоръ, и при этомъ выставляя на видъ тотъ же предлогъ, какъ и англичане, а именно покровительство русскихъ подданныхъ, европейцевъ и всего христіанскаго населенія. Игнатьеву казалось, что настала минута, когда главная квартира встрепенется и выйдетъ изъ пагубнаго бездѣйствія, а для русскаго уполномоченнаго наступитъ благопріятная минута для рѣшительныхъ переговоровъ съ Портою. Въ виду постоянныхъ затрудненій при веденіи переговоровъ въ Адріанополѣ и безполезной траты времени, унизительной, по его мнѣнію, для достоинства Россіи, Игнатьевъ предложилъ великому князю, полагавшему свои силы недостаточными для завладѣнія Босфоромъ и не желавшему нарушать условій перемирія, воспользоваться тѣмъ, что со стороны азіатскаго берега Босфора не была проведена демаркаціонная линія: перебросить, на пароходахъ черноморскаго общества, корпусъ нашихъ войскъ изъ Одессы и Севастополя на южное прибрежье Босфора. Высадивъ дессантъ въ Ривѣ, можно было занять гигантскую гору, командующую турецкими укрѣпленіями, и имѣніе Абрахамъ-паши, по которому проложена шоссейная дорога отъ Ривы, выходящее на Бос-

форъ и дающее, такимъ образомъ, возможность обойти укрѣпленія, защищающія входъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря и такимъ образомъ сразу стать твердою ногою на азіатскомъ берегу пролива. Начальникъ штаба, генералъ Непокойчицкій, обозвалъ это предложеніе «поэтическою фантазіею», нашелъ исполненіе не только крайне труднымъ, требующимъ продолжительныхъ приготовленій, но и слишкомъ рискованнымъ.

Великій князь не желалъ обратить вниманіе на предложеніе Игнатьева. Въ виду, однакоже, высочайшаго повелѣнія о занятіи Константинополя, его высочество чувствовалъ необходимость что-нибудь предпринять и призвалъ, для совѣщанія у себя, начальника штаба, Игнатьева и Нелидова, чтобы обсудить способъ исполненія высочайшаго повелѣнія. Какъ главнокомандующій, такъ и начальникъ штаба повторили все вышеупомянутое касательно затруднительности и рискованности занятія высотъ Босфора и вступленія въ столицу, заявили, что даже для подготовленія наступленія достаточныхъ силъ къ Константинополю нужно употребить отъ пяти до шести дней для ихъ сосредоточенія и что, впрочемъ, никогда не было въ виду, въ продолженіе войны, довести наступленіе до самаго Константинополя, такъ какъ эта столица никогда не считалась предметомъ военныхъ дѣйствій и что потому ничто не было соображено и приготовлено для такой сложной операціи. Если предполагали возможность занятія Константинополя, надо было, сказалъ Непокойчицкій, предупредить штабъ заранѣе и совершенно иначе приготовиться и распорядиться. Игнатьевъ симъ воспользовался, чтобы замѣтить, что никто не предвидѣлъ въ началѣ еще декабря рѣзкаго перехода къ быстрому наступленію къ Константинополю, но что въ войнѣ надо быть готовыми на всѣ случайности; онъ напоминалъ, до какой степени былъ глубоко пораженъ преждевременною, неожиданною для него остановкою нашихъ войскъ въ ту минуту, когда главныя и почти единственныя препоны были уже преодолѣны, и заключеніемъ перемирія, передавшаго англичанамъ всѣ выгоды положенія, дотолѣ столь благопріятнаго для насъ. Игнатьевъ заявилъ, что нравственно Россіи невозможно допустить, чтобы англійскія военныя суда вошли въ Босфоръ безъ того, чтобы наши войска одновременно не заняли высоты, господствующія надъ проливомъ и Константинополемъ. По его мнѣнію, если мы не примемъ въ настоящую минуту энергическихъ мѣръ, мы потеряемъ безвозвратно плоды нашихъ побѣдъ и громадныхъ жертвъ, принесенныхъ Россіею [1]).

---

[1]) Совѣты, преподанные главной квартирѣ Н. П. Игнатьевымъ, вытекали изъ ясно сознанныхъ имъ цѣлей истинно-реальной политики. Онъ требовалъ движенія впередъ нашихъ войскъ до заключенія мира, сознавая, что содержаніе договора будетъ существенно различно въ зависимости отъ того, гдѣ будетъ окончательно подписанъ

«Знакомый давно съ турками и попытавшій, вопреки собственному намѣренію, вести переговоры здѣсь, въ Адріанополѣ, съ Савфетомъ,—сказалъ Игнатьевъ:—я болѣе, нежели когда-либо, убѣдился въ безполезной потерѣ времени на мирныя совѣщанія вдали отъ столицы, находящейся, вдобавокъ, подъ пушками не русскими, а англійскихъ броненосцевъ. Я предпочиталъ бы вернуться къ первоначальному моему предположенію перенести переговоры изъ Адріанополя въ Буюкъ-дере, тѣмъ болѣе, что для меня ясно, что Порта насъ надуваетъ и, находясь подъ вліяніемъ англичанъ, которымъ помогаютъ австро-венгры, старается лишь выиграть время и дождаться дипломатическаго вмѣшательства Европы въ наши переговоры, или даже образованія противъ насъ коалиціи державъ».

Въ заключеніе Игнатьевъ объявилъ, что, по его мнѣнію, невозможно намъ продолжать оставаться въ нынѣшнемъ невыносимомъ и унизительномъ положеніи. Такъ какъ внушенія, сдѣланныя чрезъ посредство Ону Портѣ, а самимъ великимъ княземъ Савфету касательно пользы приближенія къ Константинополю главной квартиры, не повели ни къ чему и Порта отмалчивается, необходимо, по мнѣнію уполномоченнаго, объявить туркамъ ультиматумъ и затѣмъ привести въ исполненіе перенесеніе главной квартиры къ Константинополю. Игнатьевъ, желая быть увѣреннымъ, что это заявленіе будетъ сдѣлано съ достаточною настойчивостью, чтобы воздѣйствовать на турецкое правительство, предложилъ великому князю лично отправиться къ Савфету для сообщенія ему рѣшеній главнокомандующаго. Собственно правильнаго совѣщанія не было, потому что великій князь не давалъ времени высказаться послѣдовательно уполномоченнымъ, а безпрестанно прерывалъ ихъ, зачастую подтверждая слова Игнатьева, а вслѣдъ за тѣмъ возвращаясь къ сказанному генераломъ Непокойчицкимъ о военныхъ затрудненіяхъ касательно приведенія въ исполненіе движенія къ Константинополю, хотя и сознавалъ, что оставаться въ Адріанополѣ въ бездѣйствіи—

мирный договоръ. Его послушались на половину. Вмѣсто того, чтобы закончить переговоры въ Адріанополѣ, они завершилась въ Санъ-Стефано. Но Игнатьевъ хотѣлъ большаго, и это ему дано не было: мы не заняли ни Царьграда, ни береговъ Босфора. Для оцѣнки значенія мысли Игнатьева, интересно поставить себѣ два вопроса:

1) Каково было бы содержаніе нашего мирнаго договора съ Турціею, если бы главная квартира вовсе не послушалась совѣтовъ Игнатьева и если бы договоръ составили, не выходя изъ Адріанополя?

2) Чѣмъ могъ бы быть этотъ договоръ, если бы его заключили въ Царьградѣ, или хотя бы послѣ занятія Босфора?

Въ первомъ случаѣ мы бы, несомнѣнно, не преодолѣли бы лукавыхъ колебаній турецкихъ уполномоченныхъ и не могли бы достигнуть той цѣльности очертаній, которая такъ выгодно отличаетъ Санъ-Стефанскій договоръ отъ Берлинскаго. Во второмъ же предположеніи, можно съ большою вѣроятностью высказать такую мысль: будь договоръ подписанъ послѣ взятія Царьграда и Босфора, не было бы вовсе Берлинскаго конгресса. А. Б.

безцѣльно, выказывая постоянно нерѣшительность и неопредѣленность въ заключеніи. Всего больше великій князь опасался, что съ нарушеніемъ перемирія и демаркаціонной линіи возникнутъ политическія осложненія, которыя могутъ вызвать столкновеніе съ Англіею и продолжить войну. Главнокомандующій передалъ уполномоченному, что Савфетъ наканунѣ сообщилъ ему двѣ телеграммы верховнаго визиря, содержащія сущность выраженнаго въ телеграммахъ, которыми обмѣнивались въ послѣдніе дни между Петербургомъ, Константинополемъ и Лондономъ, съ повелѣніемъ султана Савфету упросить великаго князя дождаться отвѣта государя на послѣднюю телеграмму къ нему султана. Послѣдняя телеграмма верховнаго визиря, которую Савфетъ передалъ главнокомандующему предъ совѣщаніемъ, была слѣдующаго содержанія:

«Его величество императоръ Александръ обѣщалъ по телеграфу султану обождать результата переговоровъ съ лондонскимъ кабинетомъ объ удаленіи англійскаго флота. Вамъ извѣстно нынѣшнее состояніе столицы вслѣдствіе громаднаго наплыва эмигрантовъ, и вы должны быть, подобно мнѣ, убѣждены въ большихъ опасностяхъ, которыя, несомнѣнно, произойдутъ при вступленіи въ Константинополь даже незначительной части русскихъ войскъ [1]). Что положеніе, ухудшающееся съ каждымъ днемъ, обязываетъ насъ употребить всѣ наши усилія для предупрежденія тѣхъ несчастій, которыя мы должны предвидѣть. Съ этою именно цѣлью я прошу васъ убѣдить великаго князя Николая Николаевича въ затрудненіяхъ и опасностяхъ ввода русскихъ войскъ въ Константинополь. Ону, который могъ все лично видѣть и обсудить на мѣстѣ, можетъ подтвердить и дополнить эти свѣдѣнія».

Вернувшійся утромъ изъ Константинополя Ону былъ допрошенъ и Игнатьевымъ и самимъ великимъ княземъ относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Константинополѣ. Изъ объясненій его ясно было, что верховный визирь и турецкіе министры, обласкавъ его и выказавъ ему вниманіе, старались настроить его въ благопріятномъ для Турціи смыслѣ. Тѣмъ не менѣе Ону высказалъ убѣжденіе, основанное на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, что турки не вступятъ въ борьбу съ нашими войсками при движеніи ихъ къ Константинополю [2]), что не мѣшаетъ, однакоже, турецкимъ министрамъ противиться, на словахъ, самымъ убѣдительнымъ образомъ вступленію нашихъ войскъ въ столицу.

---

[1]) Очевидно было, что чѣмъ болѣе Порта опасалась фанатизма мусульманъ, тѣмъ менѣе можно было ожидать, что введенъ будетъ лишь незначительный отрядъ нашихъ войскъ, и логичнѣе было предположить, что такое положеніе вынудитъ ввести сильный корпусъ русскихъ войскъ. Авт.

[2]) Что вполнѣ подтверждало мнѣніе Игнатьева, неоднократно высказанное имъ великому князю, нѣкоторымъ начальникамъ частей и чинамъ главной квартиры. Авт.

Они утверждаютъ, говорилъ Ону, что «все мусульманское населеніе побросается отъ ужаса въ Босфоръ, какъ только увидитъ русскихъ у Стамбульскихъ воротъ». Паши ожидаютъ большихъ уличныхъ безпорядковъ, какъ только покажутся наши войска, избіенія христіанъ, совершенія преступленій обезумѣвшею толпою, смерти султана или его бѣгства въ Азію, перемѣны султана, т. е. появленія или Мурада, или Иззедина и т. д. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, министры поддавались обсужденію поднятаго Ону вопроса, какія именно казармы въ городѣ и его окрестностяхъ могли бы быть предоставлены русскимъ войскамъ, причемъ, однакоже, паши не преминули дать замѣтить, что «тифъ свирѣпствовалъ въ оныхъ». Ону былъ просто пораженъ враждебностью положенія, принятаго англійскимъ посольствомъ и, въ особенности, непріязненною дѣятельностью прежняго друга русскаго посольства, австро-венгерскаго посла графа Зичи. Отвѣчая на привѣтъ, посланный Игнатьевымъ ему черезъ Ону, онъ сказалъ нашему драгоману, что «Россія безбожно надула Вѣну», и, посылая дружескій поклонъ Игнатьеву, добавилъ, «что, исполняя свой долгъ, онъ будетъ дѣйствовать противъ его политики, несмотря на личныя дружественныя отношенія». Германскій консулъ былъ очень полезенъ какъ для нашихъ подданныхъ, оставшихся въ Турціи во время войны, такъ и въ особенности Ону при его присылкѣ изъ главной квартиры въ столицу, при довольно щекотливой обстановкѣ. Посолъ германскій, князь Рейсъ, подтвердилъ Ону враждебность и происки Лайярда и графа Зичи и полагалъ, что раздраженіе противъ Россіи въ Вѣнѣ и Пештѣ достигло крайнихъ размѣровъ, до того, что война съ нами почти сдѣлалась неизбѣжною. Съ разныхъ сторонъ увѣряли Ону, что Австро-Венгрія дѣлаетъ секретно военныя приготовленія, считая, что мы истощены войною съ Турціею и сдадимся на угрозы Англіи и Австро-Венгріи. Нашего драгомана принимали вездѣ внимательно, а турки и туземные христіане—съ распростертыми объятіями; многія лица, изъ прежнихъ знакомыхъ посольства, его посѣтили. Ему доставили возможность видѣться съ плѣнными русскими офицерами. Достойно вниманія, что многіе турки, греки и армяне поручили Ону кланяться бывшему послу, напомнить ему о каждомъ изъ нихъ и увѣрить въ своей личной преданности.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ обстоятельствами и съ взглядомъ уполномоченнаго, великій князь, не желая тѣмъ не менѣе дать крутой оборотъ дѣлу, рѣшился, однакоже, сдѣлать распоряженіе о сосредоточеніи своей арміи къ Чаталджѣ и потребовать категорически отъ турецкаго правительства добровольнаго пропуска главной квартиры съ десятитысячнымъ конвойнымъ отрядомъ въ Санъ-Стефано, съ цѣлью приблизиться къ столицѣ на такое же разстояніе, какъ и англійская броненосная эскадра, занявшая якорную стоянку у Принцевыхъ острововъ, въ противность всѣмъ

международнымъ трактатамъ. Игнатьевъ, обрадовавшись, что главнокомандующій согласился сдѣлать хотя этотъ первый шагъ отступленія отъ демаркаціонной линіи и попытку для возстановленія отчасти равновѣсія между Англіею и Россіею, отправился къ Савфету, чтобы сообщить ему рѣшеніе главнокомандующаго и предложить ему перенести одновременно переговоры поближе къ Константинополю, пока въ Буюкъ-дере или Санъ-Стефано. Выставивъ громадную выгоду для турокъ предложенія главнокомандующаго и важность для нихъ, чтобы оно было приведено въ исполненіе дружелюбно, Игнатьевъ для большаго убѣжденія паши далъ ему понять, что въ противномъ случаѣ русскія войска могутъ вполнѣ обойтись безъ согласія Порты, но что въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность за послѣдствія энергическаго исполненія рѣшенія главнокомандующаго должна безусловно пасть на неожиданное и незаконное появленіе англійской эскадры и на слабость, трусость и коварство Порты, которая допустила событіе, вынудившее насъ измѣнить способъ дѣйствій. Савфетъ обѣщался тотчасъ все передать верховному визирю и призналъ основательность нашего неудовольствія. Ону былъ тотчасъ отправленъ обратно въ Константинополь съ новыми инструкціями и согласно желанію самого Савфета, который надѣялся, что представленія Ону подкрѣпятъ значительно предъ Портою его собственныя представленія и что личными настояніями Ону ускорится полученіе инструкцій верховнаго визиря. Драгоману нашему поручено было условиться съ министрами относительно всѣхъ подробностей, а въ помощь ему, для военныхъ объясненій, отправился генеральнаго штаба князь Кантакузенъ. Савфетъ-паша былъ очень взволнованъ и разстроенъ крупными объясненіями съ Игнатьевымъ, тѣмъ болѣе, что по рѣшительному заявленію, сдѣланному ему хладнокровнымъ тономъ, онъ убѣдился, что на этотъ разъ перемѣны въ рѣшеніи нашемъ дойти до стѣнъ Константинополя не будетъ и что, въ случаѣ сопротивленія, мы ни передъ чѣмъ не остановимся. Онъ въ этомъ смыслѣ и написалъ свое донесеніе въ Порту, отправленное вмѣстѣ съ Ону, котораго сопровождалъ турецкій чиновникъ.

Какъ только Савфетъ успокоился, Игнатьевъ потребовалъ продленія переговоровъ, но, предъ конференціею, извѣстилъ канцлера телеграммою слѣдующаго совержанія: «По приказанію великаго князя, предложилъ Савфету перенести наши переговоры въ Санъ-Стефано, съ переводомъ туда главной квартиры, въ сопровожденіи десятитысячнаго отряда. Ону послалъ въ Константинополь, чтобы сговориться по сему предмету съ министрами и ускорить присылку Савфету инструкцій, разрѣшающихъ ему сдѣлать намъ уступки».

До какой степени эти инструкціи были необходимы, лучшимъ доказательствомъ служитъ случившееся съ русскимъ уполномочен-

нымъ касательно Черногоріи: на другой же день послѣ подписи статьи, содержаніе которой было сообщено канцлеру по телеграфу, Савфетъ заявилъ русскимъ уполномоченнымъ, что «онъ спохватился, что не имѣлъ права сдѣлать тѣ территоріальныя уступки, которыя его заставили врасплохъ сдѣлать и что, перечитавъ свои инструкціи[1]), онъ удостовѣрился въ своей ошибкѣ и что, между прочимъ, онъ не имѣлъ никакого права уступить Антивари».

Паша просилъ убѣдительно дать ему исправить и измѣнить редакцію статьи, вычеркнувъ Антивари. Русскіе уполномоченные съ негодованіемъ отвергли это предложеніе и объявили Савфету, что такъ какъ содержаніе подписанной статьи и подписи его уже извѣстны въ Петербургѣ, то измѣнить что-либо они уже не имѣютъ права. Савфетъ былъ въ отчаяніи и долго еще продолжалъ просить объ убавкѣ территоріи, присужденной Черногоріи.

7-го февраля уполномоченный телеграфировалъ канцлеру: «Сегодня, въ понедѣльникъ, подписали съ Савфетомъ редакцію всего того, что касается Болгарскаго княжества, положенія русскаго комиссара, занятія края шестью пѣхотными и двумя кавалерійскими русскими дивизіями въ теченіе двухъ лѣтъ, срытія всѣхъ укрѣпленій и очищенія нашею арміею Европейской Турціи въ три мѣсяца, а Азіатской—въ шесть, съ правомъ посадки на суда во всѣхъ морскихъ портахъ [2]). Мы отложили проведеніе границъ Болгаріи, потому что Савфетъ еще ожидаетъ инструкцій по этому предмету. Савфетъ предлагаетъ много измѣненій въ нашихъ предложеніяхъ, касающихся Сербіи, Румыніи, Босніи и Герцеговины».

Не получая въ теченіе сутокъ ни извѣстій изъ Константинополя, ни отвѣта на сдѣланныя чрезъ Савфета и Ону предложенія Портѣ о передвиженіи главной квартиры, Игнатьевъ телеграфировалъ Ону 7-го февраля вечеромъ: «Великій князь теряетъ терпѣніе. Поторопите отвѣтъ касательно нашего перехода въ Санъ-Стефано и отправку Савфету инструкцій по пограничнымъ и территоріальнымъ вопросамъ. Савфетъ утверждаетъ, что онъ не получаетъ никакихъ отзывовъ на свои телеграммы и потому ничего не можетъ намъ сказать». Игнатьевъ прибавилъ, что турки могутъ очень дорого поплатиться за свое отмалчиваніе и, что имъ грозятъ большія опасности. То же сказалъ уполномоченный и Савфету, который былъ совершенно растерянъ, сознавая опасность положенія.

---

[1]) Очевидно, составленныя въ Портѣ подъ вліяніемъ инсинуацій и домогательствъ Австро-Венгріи и Англіи. Авт.

[2]) Несомнѣнно, что подробныя положенія Санъ-Стефанскаго договора объ указанныхъ здѣсь вопросахъ содержатся въ слѣдующихъ его статьяхъ:
а) объ устройствѣ Болгарскаго княжества—статьи 6—11;
б) въ особенности объ императорскомъ россійскомъ комиссарѣ, стр. 7;
в) объ оккупаціи и эвакуаціи русскими войсками занятыхъ территорій—ст. 25 и 26;
г) о срытіи укрѣпленій—стр. 12. А. Б.

Извѣстія, полученныя наконецъ отъ Ону, были неблагопріятнаго свойства. Прибывъ ночью съ 6-го на 7-е февраля въ Константинополь, нашъ первый драгоманъ отправился съ ранняго утра къ министру иностранныхъ дѣлъ Серверъ-пашѣ, который тотчасъ ему объявилъ, что не имѣетъ уже права съ нимъ бесѣдовать офиціально, такъ какъ онъ вынужденъ былъ наканунѣ подать въ отставку. Вліяніе Англіи въ Константинополѣ, подорванное значительно послѣдними событіями въ Турціи, начало возстановляться съ появленіемъ британской эскадры, и Лайярдъ воспользовался симъ, чтобы возвысить голосъ и дѣйствовать враждебно противъ вліянія Россіи съ удвоенною энергіею. По словамъ Сервера, онъ потребовалъ у него опроверженія тѣхъ обвиненій на двусмысленную политику Великобританіи, «произведшую войну между Турціею, которую она подстрекала, обѣщая свою матеріальную поддержку, и Россіею», которыя были высказаны Серверомъ въ Адріанополѣ корреспонденту газеты «Daily News» Mac Gahan'у. Серверъ-паша былъ дѣйствительно возмущенъ пагубными результатами того, что Порта слушалась Англіи и пренебрегла своими дружественными отношеніями къ Россіи въ 1876 году, и потому громко, какъ многіе турки, обвинялъ въ несчастіяхъ, постигшихъ Турцію, европейцевъ и преимущественно англичанъ. Онъ былъ патріотъ, хотя и не даровитый, и всегда находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскими представителями. Бурное объясненіе послѣдовало между англійскимъ посломъ и Серверомъ и окончилось полнымъ разрывомъ. Лайярдъ потребовалъ также отъ султана наказанія или отставки юрисконсульта Порты, француза Tarin, который, присутствуя при свиданіи Сервера съ англійскимъ корреспондентомъ, «осмѣлился» увѣрять послѣдняго, что онъ также имѣлъ въ рукахъ письменныя доказательства коварства и двуличія англійскаго посланника. Развязкою этихъ сценъ было увольненіе Серверъ-паши и отстраненіе на время Тарэна отъ дѣлъ Порты. Весьма естественно, что послѣ такой дипломатической побѣды Лайярдъ сдѣлался всемогущимъ въ Портѣ, тѣмъ болѣе, что верховный визирь Ахметъ-Вефикъ былъ всегда пріятелемъ англичанъ, находился въ близкихъ сношеніяхъ со многими англійскими представителями и, между прочимъ, друженъ лично съ Лайярдомъ въ теченіе уже 30 лѣтъ. Это не мѣшало хитрому Ахметъ-Вефику принимать самымъ радушнымъ образомъ Ону и расточать увѣренія въ самыхъ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ относительно Россіи. Въ донесеніи своемъ отъ 7-го февраля, давая отчетъ о разговорахъ своихъ съ верховнымъ визиремъ и другими министрами, Ону сообщилъ Игнатьеву, что предложенія, сдѣланныя нами Савфету, найдены были въ Портѣ до такой степени жестокими и тяжелыми, что ни министры, ни султанъ ни за что не согласятся принять ихъ и дозволить турецкимъ уполномоченнымъ ихъ подписать, даже если бы мы заняли Стамбулъ. Они предпочтутъ покинуть Константинополь и бѣжать въ Азію».

Ону телеграфировалъ изъ Константинополя отъ 7-го февраля, что Серверъ-паша смѣненъ, на его мѣсто назначается Савфетъ, и султанъ намѣренъ отправить въ Петербургъ Намикъ-пашу, чтобы уменьшить наши требованія и избѣгнуть переговоровъ въ главной квартирѣ арміи. Ясно было, что, продолжая переговоры въ Адріанополѣ, мы не могли бы никогда достигнуть желаемаго разультата, потому что на такомъ разстояніи Порта могла свободно исчерпать весь свой арсеналъ отговорокъ, недоразумѣній въ корреспонденціи, неполноты инструкцій, задержекъ всякаго рода, затрудненій и неисправностей телеграфическихъ сообщеній и проч., чтобы избѣгнуть положительныхъ, ясныхъ и рѣшительныхъ отвѣтовъ, протянуть время и такимъ образомъ разстроить всѣ наши расчеты и соображенія. Предсказанія Игнатьева касательно преобладанія воскресшаго англійскаго вліянія, послѣ остановки нашихъ войскъ, сбывались, чему помогала давнишняя англоманія верховнаго визиря.

Добившись смѣны Серверъ-паши, Лайярдъ успѣлъ замѣстить своими приверженцами и давнишними поклонниками Англіи и нашими всегдашними противниками нѣсколько другихъ мѣстъ въ Портѣ и доставить имъ вліяніе на ходъ дѣлъ, что еще болѣе подняло и упрочило значеніе великобританскаго посла. Очевидно было, что если Россія предоставитъ Портѣ итти по этому пути, то мы очутимся вскорѣ въ самомъ затруднительномъ и даже опасномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что происшедшія въ Портѣ перемѣны и намѣреніе, пренебрегая близостью главной квартиры, перенести самовольно переговоры въ Петербургъ, водя за носъ уполномоченныхъ, почитались не только нашими единовѣрцами, но и турками за новый вызовъ, брошенный русской арміи, стоящей близъ самой столицы.

«Мы не могли,—какъ доносилъ Игнатьевъ канцлеру,—допустить, чтобы роли до такой степени дерзко были измѣнены Портою и ея европейскими совѣтниками. Затрудненіе состояло въ томъ, что надобно, однакоже, избѣгнуть разрыва переговоровъ, чтобы не быть вынужденными при возобновленіи военныхъ дѣйствій неожиданнымъ образомъ, съ занятіемъ Константинополя, преждевременно уничтожить послѣдній признакъ султанской власти въ Европѣ. Съ этой точки зрѣнія, замышлявшаяся посылка Намикъ-паши въ Петербургъ, о которой было получено извѣстіе въ Адріанополѣ, одновременно съ назначеніемъ Савфетъ-паши на должность министра иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто уволеннаго Сервера, могла лишить насъ всякой возможности благополучнаго окончанія переговоровъ. Сдѣлалось очевиднымъ, что, слѣдуя англо-австро-венгерскимъ внушеніямъ, Порта стремится выиграть время и, дѣлая видъ, что хочетъ перенести переговоры въ Петербургъ, не имѣетъ другой цѣли, какъ замедлить ходъ переговоровъ, начатыхъ въ Адріанополѣ,

чтобы дотянуть до будущей европейской конференціи [1]), не будучи связанною съ Россіею тяжелыми обязательствами. Наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было отвѣта въ теченіе трехъ сутокъ на миролюбивое предложеніе главнокомандующаго касательно перенесенія главной квартиры ближе къ Константинополю вынуждало къ принятію болѣе рѣшительныхъ мѣръ.

Между тѣмъ ежедневныя конференціи съ Савфетомъ продолжались, вслѣдствіе чего Игнатьевымъ были отправлены канцлеру 7-го и 8-го февраля слѣдующія телеграммю:

«Савфетъ подтверждаетъ, что Лайярдъ ведетъ переговоры съ Портою о продажѣ Англіи трехъ броненосцевъ, заказанныхъ султаномъ и построенныхъ за счетъ Турціи, въ Англіи и доселѣ не вполнѣ оплаченныхъ [2])».

Вторая телеграмма 8-го февраля: «Савфетъ увѣдомилъ меня, что султанъ посылаетъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, имя котораго ему еще не извѣстно. Очевидно, что цѣль посольства—измѣненіе заключенныхъ нами предварительныхъ условій и уменьшеніе нашихъ нынѣшнихъ требованій. Я не преминулъ замѣтить, что чрезвычайное посольство должно бы имѣть мѣсто лишь послѣ заключенія договора, что оно теперь преждевременно и поведетъ лишь къ продолженію пагубнаго неопредѣленнаго положенія. Я выразилъ сомнѣніе, чтобы государь согласился на отправленіе посольства».

Третья телеграмма 8-го февраля: «Такъ какъ Боголюбовъ еще не прибылъ, то мнѣ неизвѣстна граничная линія, желаемая кавказскимъ начальствомъ. Но, по ходу переговоровъ, я вынужденъ былъ предъявить свой собственный проектъ разграниченія. Лично Савфетъ согласенъ на уступку намъ Батума и Карса, но еще не уполномоченъ Портою изъявить согласіе офиціально. Турки желали бы сохранить за собою Саганлукскій хребетъ, чтобы тамъ устроить первую оборонительную линію. Вопросъ объ уплатѣ денежнаго

---

[1]) Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ нѣсколько разъ телеграфировалъ о переговорахъ съ кабинетами и о принятіи имъ конференціи чрезъ Одессу по англійскому кабелю и Константинополь, такъ что телеграммы его были не только извѣстны Портѣ, но ходили по рукамъ въ Перѣ, въ посольствахъ, по недобросовѣстности англійскаго управленія кабелемъ. Авт.

[2]) Въ апрѣлѣ 1876 года русскій посолъ въ Турціи, воспользовавшись безденежьемъ Порты, убѣдилъ агента строителей этихъ неоплаченныхъ броненосцевъ предложить Россіи переуступить суда эти за двѣ трети условленной турками стоимости. Игнатьевъ телеграфировалъ объ этомъ морскому министру и докладывалъ великому князю Константину Николаевичу, надѣясь, что морское вѣдомство ими воспользуется, чтобы присвоить себѣ суда прежде, чѣмъ вниманіе англійскаго правительства будетъ возбуждено и наши отношенія къ Портѣ обострятся. Возникла переписка, было собрано совѣщаніе въ Петергофѣ, но желаемаго рѣшенія не послѣдовало и благопріятное время было упущено. Теперь Англія приводила въ исполненіе въ свою пользу мысль, данную Игнатьевымъ два года тому назадъ. Авт.

вознагражденія и передачѣ намъ, взамѣнъ части послѣдняго, броненосцевъ встрѣчаетъ почти непреодолимыя затрудненія. Въ Константинополѣ Порта играетъ двойную игру и оставляетъ Савфета безъ инструкцій и настоящихъ полномочій. Сегодня утромъ Савфетъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ принужденъ уменьшить тѣ уступки, которыя имъ были подписаны вчера, что онъ удостовѣрился, что касательно Черногоріи онъ не имѣлъ права не только уступать Антивари, но переходить граничную черту, установленную на константинопольской конференціи 1876 и 1877 годовъ. Онъ меня предупредилъ, что отъ него Порта откажется и ему не дозволено будетъ подписать окончательный текстъ договора иначе, какъ если я соглашусь на облегченія, предоставивъ, напримѣръ, въ Черногоріи европейской комиссіи уменьшить уступаемую Турціей территорію [1]). Я выразилъ свое негодованіе.

Четвертая телеграмма отъ 8-го февраля: «Не соглашаясь принять на счетъ Порты возстановленіе работъ въ Сулинскомъ устьѣ и въ особенности вознагражденіе частныхъ лицъ за понесенныя потери во время войны, Савфетъ предлагаетъ ограничиться ассигнованіемъ на этотъ предметъ 250 тысячъ франковъ, должныхъ Турціи дунайской комиссіею [2]), внеся ихъ въ русское консульство въ Галацѣ, для распредѣленія по его усмотрѣнію. Должны ли мы согласиться на подобное предложеніе?»

По поводу переуступки Англіи броненосцевъ Игнатьевъ имѣлъ крутое объясненіе съ Савфетомъ, причемъ онъ выставилъ неблаговидность подобныхъ переговоровъ съ Лайярдомъ въ то самое время, когда Порта, обязанная Россіи заплатить военное вознагражденіе, отказывается передать въ счетъ должной намъ суммы часть броненосной своей эскадры. Савфетъ-паша нашелъ возможнымъ привести въ извиненіе Порты лишь то, что рѣчь между Лаяйрдомъ и Портою идетъ не о броненосцахъ, находящихся въ Босфорѣ, а о тѣхъ трехъ, которые были заказаны еще Абдулъ-Азисомъ, не приняты еще Турціею и не оплачены, тогда какъ Россія требуетъ выдачи тѣхъ, которые находятся въ Босфорѣ.

Различныя данныя, почерпнутыя не только изъ свѣдѣній, полученныхъ чрезъ посредство Ону, но и другими путями, непосредственно отъ разныхъ частныхъ лицъ въ Константинополѣ, находившихся издавна въ сношеніяхъ съ Игнатьевымъ, убѣждали въ томъ, что, не-

---

[1]) Подпольная враждебность Австро-Венгріи къ намъ и Черногоріи и тутъ сказалась. Очевидно, вѣнскій кабинетъ, обѣщая поддержку Турціи противъ насъ, требовалъ, чтобы взамѣнъ ему была предоставлена возможность сократить на конференціи и въ комиссіяхъ тѣ уступки, которыя Порта вынуждена сдѣлать въ пользу славянскихъ княжествъ. Авт.

[2]) Международная комиссія, завѣдывавшая работами и доходами съ судовъ по Сулинскому каналу. Авт.

смотря на офиціальный протестъ Порты, сдѣланный болѣе для видимости предъ Европою и въ особенности Россіею, противъ вступленія англійскаго флота въ Дарданельскій проливъ, появленіе англійской броненосной эскадры въ Мраморномъ морѣ не было неожиданностью для верховнаго визиря. Какъ кажется, объ этомъ было предварительно сговорено между Лайярдомъ и Ахметъ-Вефикомъ, но послѣдній, опасаясь встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ совѣтѣ министровъ и быть даже свергнутымъ за измѣну вѣковымъ традиціямъ Порты, объявилъ о томъ въ совѣтѣ, какъ объ уже совершившемся фактѣ, противъ котораго онъ безуспѣшно протестовалъ. По этому поводу одинъ изъ пашей, близкихъ къ Игнатьеву и одно время пользовавшійся особымъ личнымъ благоволеніемъ султана, громко, горячо, открыто обвинялъ верховнаго визиря въ томъ, что «онъ предательски предоставилъ англичанамъ украсть у Турціи ея права на проливы». Многіе изъ единомышленныхъ пашей не стѣснялись теперь отрицать послѣдствія веденной Мидхадомъ-пашою политики—союзъ съ Англіею и враждебность къ Россіи, приведшей Оттоманскую имперію къ погибели и разоренію, и высказывались за тѣсное сближеніе съ Россіею. Военные большею частью этому вторили.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ШПІОНЪ.

Разсказъ.

А СТАНЦІИ Ц., въ буфетной комнатѣ, помѣщавшейся во временной деревянной постройкѣ, набралось много народа. Большинство были бѣженцы изъ города С. и его окрестностей, застигнутые быстрымъ движеніемъ германскихъ войскъ по правому берегу рѣки Вислы: шелъ третій мѣсяцъ войны. Въ связи со складывавшейся на театрѣ военныхъ дѣйствій обстановкой, требовавшей переброски нѣкоторыхъ частей нашей арміи въ опредѣленные пункты, желѣзнодорожный путь къ Варшавѣ былъ забитъ воинскими, санитарными и товарными поѣздами и пассажирское движеніе на линіи происходило урывками. На станціи Ц. нѣкоторые изъ пассажировъ, въ ожиданіи поѣзда, находились болѣе сутокъ и въ буфетной комнатѣ негдѣ было, какъ говорится, упасть яблоку: скамейки, стулья, полъ—все было занято кое-какъ пріютившимися бѣглецами.

Въ глубинѣ комнаты, въ углу, за небольшимъ столикомъ, сидѣли два господина. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщикъ, державшій путь на Москву, другой—корреспондентъ столичныхъ газетъ, пробиравшійся къ боевымъ позиціямъ. Они одновременно обѣдали какими-то объѣдками, оказавшимися въ станціонномъ буфетѣ, легко познакомились, разговорились, конечно, по поводу войны, а сейчасъ пили чай, причемъ корреспондентъ ожидалъ разсказа помѣщика, который предупредилъ, что имѣетъ разсказать нѣчто дѣй-

ствительно любопытное, что, какъ онъ выразился, такъ и просится на бумагу.

Отхлебнувъ изъ стакана глотокъ чая, помѣщикъ сощурилъ глаза, какъ бы соображая, съ чего начать разсказъ.

«— Произошло это запутанное событіе въ концѣ прошлаго мѣсяца, да-съ... въ двадцатыхъ числахъ сентября,—промолвилъ онъ:—къ тому времени наши войска, оставивъ Пруссію, отошли въ предѣлы П—кой губерніи; по ихъ слѣдамъ двигались нѣмцы. Ну, не долго думая, снарядилъ я семью свою въ дорогу, въ Москву. Самъ остался въ помѣстьи—думалъ, пока до меня нѣмцы дойдутъ, успѣю выбраться. Къ тому же стояла тогда у меня сотня казаковъ и, слѣдовательно, въ случаѣ чего, съ ними я могъ уйти. Такъ, въ кампаніи съ тремя казачьими офицерами и жилъ.

«Изъ разговоровъ съ своими сожителями я зналъ, что германцы заняли передовыми частями Кунцендорфъ, нѣмецкую колонію, лежавшую на двѣнадцать верстъ къ сѣверу отъ моихъ «Прудковъ», и дальше не идутъ. Прошло этакъ дней шесть.

«Какъ-то подъ вечеръ мимо усадьбы моей начали проходить большія кавалерійскія части; полка два-три и донцы. Я—на крыльцо, роднымъ братьямъ кланяюсь, подъ крышу зову. Однако—нѣтъ! Начальникъ отряда, полковникъ, подъѣхалъ, познакомился, поблагодарилъ, но отъ гостепріимства отказался. Спрашиваетъ, далеко ли отъ меня до фольварка Груденъ. Отвѣчаю, что въ семи верстахъ, по проселку, объясняю, что живетъ тамъ колонистъ, нѣмецъ.

«— Къ нему намъ и надо, а ужъ вы не откажите въ попеченіи Н—скому драгунскому полку—этотъ позади идетъ и у васъ, кажется, заночуетъ.

«— Радъ, отвѣчаю, служить.

«Отрядъ ушелъ, а черезъ полчаса въ Прудки пожаловалъ Н—скій полкъ. Къ тому времени я и столъ успѣлъ приготовить; ну, разумѣется, офицерство къ себѣ зазвалъ.

«Что говорить, родные каждой ласкѣ довольны. Пообмылись, кто за письма сѣлъ, кто чѣмъ занялся. Потомъ къ ужину всѣ собрались.

«Солдатикамъ я тоже объяснилъ, какіе запасы у меня гдѣ имѣются—чтобъ не церемонились; дѣло военное—сегодня нашимъ, завтра нѣмцамъ, храни, Боже, достанется.

«Ну, за столомъ шумъ, разговоры, а меня все вродѣ какъ бы винтикъ сверлитъ: какъ, соображаю, столько народа на ночлегъ устроить? И только что вздумалъ я прислугѣ приказать, чтобъ сѣна въ комнаты натаскали и простынями его застлали, какъ прискакалъ откуда-то гонецъ и передалъ командиру полка донесеніе. Тотъ прочелъ его, всталъ и говоритъ: «Поздравляю, господа! Сейчасъ выступаемъ. Прикажите людямъ готовиться».

«И, Боже мой, переполохъ какой поднялся. Офицеры изъ-за стола повскакали, кто на дворъ, кто куда! На дворѣ команда, крики, ржанье коней.:. Со стороны глядя—путаница, анъ, черезъ десять минутъ—тишина и спокойствіе и полкъ ушелъ. Потомъ я узналъ, что получилъ онъ неожиданно приказаніе взять атакою Кунцендорфъ.

«Хорошо-съ; полкъ ушелъ, однако одинъ эскадронъ, ротмистра Клокачева, или Глобачева, вотъ ужъ и не упомню, остался. Долженъ былъ Клокачевъ въ резервѣ итти и значитъ, погодя, выступить. Ну, такъ вотъ-съ; прежде, чѣмъ изъ Прудковъ уходить, написалъ Клокачевъ записочку командиру отряда, полковнику, который давеча въ фольваркъ Груденъ прошелъ, что-де такъ и такъ, атака на Кунцендорфъ и прочее; однимъ словомъ, какъ въ военныхъ дѣлахъ полагается. Написалъ и на крыльцо вышелъ. А я—за нимъ. И вотъ тутъ-то, на дворѣ, я и увидѣлъ того самаго человѣка, вокругъ котораго все это событіе произошло. Былъ онъ по виду тихій и безмолвный солдатъ, литовецъ, по имени—Янъ... Янъ... Куртисъ. Онъ и повезъ донесеніе командиру отряда, и я ему дорогу на Груденъ указалъ: сейчасъ же за домомъ, по выѣздѣ со двора, проселокъ, сперва—полемъ, потомъ лѣсочкомъ, а тамъ и совсѣмъ рукой подать.

«Солдатъ уѣхалъ, и эскадронъ на рысяхъ въ Кунцендорфъ ушелъ. Вотъ отсюда и завязалась паутина вся. Угодно выслушать?»

— Премного обяжете,—проговорилъ корреспондентъ.

Помѣщикъ откашлялся и продолжалъ:

— Фольваркъ Груденъ принадлежалъ Юлію-Генриху Клаузу. Владѣлъ Юлій-Генрихъ тремястами моргами земли, купленными имъ три года назадъ у одного мелкопомѣстнаго поляка. Юлія-Генриха такъ двойнымъ именемъ всѣ и называли, потому, видите ли, что старшій, женатый сынъ, съ которымъ онъ въ фольваркѣ жилъ, былъ по имени Юлій, а младшій—Генрихъ. Юлій съ отцомъ на землѣ сидѣлъ, а Генрихъ воспитывался въ юрьевскомъ, то, бишь, по-ихнему въ дерптскомъ университетѣ и въ Груденъ по лѣтамъ пріѣзжалъ. И того и другого я не разъ по сосѣдству видывалъ. Съ Юліемъ у меня даже большое дѣло этимъ лѣтомъ началось: вздумалъ онъ рощу торговать, она съ ихъ землею граничила. Впрочемъ, покупка разстроилась. А тутъ и война вспыхнула.

«Къ этому вотъ колонисту и отправился Янъ Куртисъ съ запискою отъ ротмистра Клокачева. А надо вамъ сказать, какъ только война началась, Юлій-Генрихъ Клаузъ тотчасъ семью изъ фольварка отправилъ: младшаго сына въ Юрьевъ, а старшій сынъ съ женою къ родителямъ жены уѣхали.

«Рабочихъ и тѣхъ Клаузъ разсчиталъ и остался одинъ фольваркъ караулить.

«Ладно! Пріѣхалъ Куртисъ въ Груденъ, а тамъ обстоятельства къ тому времени слѣдующимъ образомъ сложились: начальникъ

отряда со штабомъ и старшіе офицеры домъ Клауза заняли, а остальные и нижніе чины расположились въ сараяхъ да въ рабочей избѣ. Погода стояла дрянь, осенняя.

«Когда Куртисъ въ домъ вошелъ, и дежурный вѣстовой доложилъ о немъ по командѣ, полковникъ и офицерство сидѣли въ одной изъ комнатъ за чаемъ, и Юлій-Генрихъ прислуживалъ имъ чѣмъ могъ. Отрядный адъютантъ находился въ первой комнатѣ, за картой, которую только что передъ тѣмъ всѣ разсматривали и на которой все расположеніе нашихъ войскъ въ П—кой губерніи было показано.

«Принявъ донесеніе, адъютантъ пошелъ сообщить о немъ начальнику отряда, да тамъ и задержался, потому, въ соотвѣтствіи съ предположенной на Кунцендорфъ атакой, о распоряженіяхъ по отряду надо было переговорить. Ну-съ, а когда онъ назадъ вернулся, Янъ Куртисъ, записку, слѣдовательно, передавъ, ушелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла со стола секретная карта.

«Поднялась тревога. Приказано было Куртиса съ дороги вернуть да кстати разыскать Клауза, который въ комнатахъ все вертѣлся, а тутъ словно камень въ воду канулъ. Впрочемъ, минутъ черезъ двадцать Клауза въ мезонинѣ дома нашли—спалъ онъ тамъ и его едва добудились.

«Относительно карты Клаузъ показалъ, что пріѣзжавшій съ донесеніемъ солдатъ, значитъ, Янъ Куртисъ, повстрѣчался ему въ прихожей, когда онъ, Клаузъ, въ мезонинъ шелъ, и онъ припоминаетъ, будто солдатъ въ сумку бумагу какую-то пряталъ, можетъ быть, именно пропавшую карту.

«За Клаузомъ наблюденіе приставили, однако дѣло все-таки выходило дрянь».

Разсказчикъ замолчалъ и выпилъ залпомъ стаканъ на половину простывшаго чая.

— Занимательный эпизодъ,—проговорилъ корреспондентъ, закуривая папиросу и потчуя собесѣдника.

— Благодарствуйте, не курю... дальше поѣдемте,—отвѣтилъ тотъ.

Однако при первыхъ же его словахъ корреспондентъ удивленно посмотрѣлъ на него: въ описаніи событія неожиданно какъ бы прервалась связь.

— Хм... да-съ! Удивительное время и замѣчательныя обстоятельства! Судите сами! Одинъ изъ высланныхъ заночевавшими въ Груденѣ полками секретовъ, изъ пяти, что ли, нижнихъ чиновъ и унтеръ-офицера, взялъ направленіе въ сторону отъ дороги, къ лѣсу, подходившему съ сѣвера къ самымъ почти Клаузовскимъ нежилымъ постройкамъ. Лѣсъ лиственный, строевой. Въ такомъ лѣсу не то, что ночью, а и при яркомъ солнцѣ далеко впереди себя не увидишь. Представьте же себѣ удивленіе солдатиковъ, когда, продравшись

сквозь чащу и буреломъ, саженъ на пятнадцать, разсмотрѣли они просѣку, вродѣ какъ бы дорогу. Отошли по ней солдаты отъ Грудена версты на полторы и по двое расположились на нѣкоторомъ одни отъ другихъ разстояніи.

«Сидятъ. Курить нельзя; ухо востро держать надо. Прошелъ часъ, другой... Вдругъ, разобрали они топотъ лошадиныхъ ногъ. Что дальше, то топотъ слышнѣе. Хрустятъ вѣтки, кто-то лѣсомъ пробирается.

«Собрались солдаты въ кучу, ружья изготовили, а вскорѣ потомъ въ темнотѣ различили всадника, ѣхавшаго просѣкою, шажкомъ, со стороны Грудена. Спрятались солдаты за деревьями и, едва всадникъ поравнялся, бросились къ лошади его съ разныхъ сторонъ.

«— Стой. Куда ѣдешь?

«А тотъ, съ испуга ли, или намѣренно, лошадь нагайкой хлестнулъ; она на дыбы взвилась и давай забирать. Унтеръ-офицеръ за поводъ ее схватилъ; куда тамъ—нѣсколько шаговъ она его протащила, ногу ему расшибла и вырвалась. Но одинъ изъ солдатъ такъ ловко въ сѣдока вцѣпился, что лошадь хоть и ушла, а сѣдокъ остался.

«— Кто такой?

«— Свой.

«— Куда ѣдешь?

«— По сусѣдству.

«— Зачѣмъ лошадь нагайкой вдарилъ?

«— Ладно,—прервалъ допросъ унтеръ:—ведите двое къ караульному, тотъ разберетъ.

«И, оставивъ трехъ солдатъ въ секретѣ, съ остальными, прихрамывая, повелъ арестованнаго въ полкъ.

«Привелъ. Ну, тамъ какимъ-то образомъ все происшествіе до отряднаго адъютанта дошло. А въ домѣ Клауза въ это время переполохъ изъ-за украденнаго плана.

«Адъютантъ, прослышавъ о пойманномъ, приказалъ привести его. И, едва его привели, узналъ онъ въ немъ Яна Куртиса.

«— Ты куда ѣхалъ?—спросилъ его офицеръ.

«— Въ полкъ, въ Прудки,—отвѣчаетъ.

«— Хм... А донесеніе сюда этой же дорогой привозилъ?

«Солдатъ замялся.

«— Никакъ нѣтъ. Эта дорога, сказываютъ, короче.

«— Кто сказываетъ?

«— Не могу знать.

«Ну, разумѣется, присутствовавшіе въ комнатѣ офицеры переглянулись: солдатъ, видимо, чепуху поролъ.

«— А что, когда здѣсь ты былъ, плана на столѣ не видѣлъ?— продолжалъ адъютантъ допросъ.

«Куртисъ молчитъ, глазами хлопаетъ.

«— Вотъ, хозяинъ дома показываетъ, будто ты планъ со стола взялъ. Такъ ли это?

«Куртисъ, знаете ли, поблѣднѣлъ, за голову схватился.

«— А что, у тебя въ сумкѣ плана нѣтъ?

«— Ни... ни... нѣтъ!

«— А ну, посмотри,—проговорилъ офицеръ.

«Куртисъ сумку открылъ, зашатался и упалъ. Упалъ, значитъ, безъ сознанія. Въ сумкѣ у него похищенный планъ нашли.

«Приказалъ послѣ того адъютантъ вынести Куртиса и приставить къ нему караулъ. А когда офицеры карту раскрыли, всѣ увѣрились, что Куртисъ ѣхалъ по направленію къ Кунцендорфу, занятому нѣмцами, лѣсной просѣкой, на картѣ даже и не показанной и по которой до нѣмецкой колоніи всего только оказывалось пять верстъ. Ну, а затѣмъ рѣшено было таинственное это дѣло утромъ разобрать и учинить Куртису очную ставку съ Клаузомъ. Сразу-то разбираться во всемъ было некогда, потому вскорѣ послышались въ отдаленіи стрѣльба и крики и всѣ поняли, что это у Кунцендорфа начался бой. Утромъ же, когда Куртиса съ Клаузомъ свели, въ то самое какъ разъ время подъѣхалъ къ груденскому дому ротмистръ Клокачевъ съ разъѣздомъ Н—скаго полка, благодаря чему, милостивый государь, вся паутина распуталась».

Помѣщикъ умолкъ и приказалъ подвернувшемуся слугѣ подать стаканъ чая. Корреспондентъ вытащилъ записную книжку и сдѣлалъ въ ней пару помѣтокъ.

— На бумагу просится?—улыбнулся помѣщикъ.

— Дальше послушаемъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Дальше? Хм... дальше я попрошу все, о чемъ я говорилъ, позабыть, потому къ разсказу приходится съ другого конца итти, къ развязкѣ, значитъ.

Онъ откашлялся и продолжалъ:

— Атака н—скихъ драгунъ на Кунцендорфъ была стремительная и отважная. Смявъ сторожевые посты, драгуны полнымъ карьеромъ прошли всю колонію и, разбившись на рядъ мелкихъ отрядовъ, завели бой съ засѣвшими въ домахъ нѣмцами. Въ Кунцендорфѣ, помимо кавалерійскаго полка, стоялъ батальонъ егерей, но, застигнутые врасплохъ противники не могли оказать сколько-нибудь дѣйствительнаго сопротивленія. Правда, егеря, занимавшіе кирпичный заводъ на самомъ выѣздѣ изъ деревни, успѣли построиться и дать по нашимъ нѣсколько залповъ, но подошедшій въ это время эскадронъ ротмистра Клокачева зашелъ имъ въ тылъ, на всемъ скаку врѣзался и, порубивъ большинство, остальныхъ забралъ въ плѣнъ. Конечно, вышибать нѣмцевъ изъ домовъ было не легко, но драгуны дѣйствовали молодецки, и очень скоро послѣднее, какъ говорится, сопротивленіе непріятеля было сломлено.

«Поубравъ раненыхъ, собрали драгуны плѣнныхъ и тотчасъ отправили ихъ за надежною охраной въ тылъ. Ну, естественно, и офицеры и солдаты устали. Однако, послѣ такого дѣла какой сонъ? Такъ, разбрелись по домамъ, кто докторамъ сталъ помогать, кто чѣмъ занялся.

«Ротмистръ Клокачевъ, отдавъ распоряженія по эскадрону, вошелъ съ кѣмъ-то изъ офицеровъ въ первый попавшійся домъ. Въ домѣ—свѣтло; въ первой комнатѣ лампа горитъ; хозяевъ—нѣтъ, разбѣжались. Вѣстовой доложилъ, что изъ дома этого по нашимъ войскамъ стрѣляли. Ладно! Осмотрѣлись офицеры, приказали солдату воду вскипятить—чаемъ надумали побаловаться.

«Пока то да се, принялись разсматривать помѣщеніе. По всему видно, жила здѣсь семья богатаго колониста. Въ комнатахъ—мебель, на окнахъ занавѣски, по стѣнамъ картины развѣшаны. Прямо отъ входа—портретъ Вильгельма.

«— А это—фамилія, очевидно,—проговорилъ товарищъ Клокачева, разсматривая висѣвшую въ самодѣльной рамѣ, рядомъ съ Вильгельмомъ, фотографическую группу.

«— Какая фамилія?—переспросилъ ротмистръ.

«— Хозяева дома, надо полагать.

«— Хм... можетъ быть, и хозяева; рожи-то у нихъ дрянь,—отвѣтилъ Клокачевъ и, отойдя къ столу, занялся чаемъ.

«За чаемъ разговоры все объ одномъ—о боѣ, о потеряхъ въ полку, о томъ, что къ утру должна подойти къ Кунцендорфу наша пѣхота.

«Погодя, рѣшили офицеры на боковую. Усталость, стало быть, начала брать свое. Облюбовали лежанку, постлали шинели—много ли военнымъ людямъ надо?—и мягко и тепло! Растянулись, свѣтъ загасили. Оно бы и совсѣмъ хорошо, да нервы ходятъ—шутка ли, ночной бой выдержать! И вдругъ, милостивый государь, слышатъ они глухой человѣческій голосъ, словно бы кто изъ подземелья говоритъ. Что за притча? Насторожились. Опять голосъ... Зажгли спичку и при огнѣ нашли подъ бокомъ у себя телефонную трубку. Глобачевъ ее къ уху.

«— Julius, hörst du?—услышалъ онъ голосъ издалека.

«— Ja vohl,—или что-то въ этомъ родѣ отвѣтилъ Клокачевъ, но этими словами всѣ его знанія нѣмецкаго языка были исчерпаны. Слушаетъ, а о чемъ говорятъ, кто, откуда и что отвѣчать надо—не знаетъ. Товарищъ Клокачева тоже насчетъ нѣмецкаго діалекта оказался слабъ, а тутъ и голосъ оборвался и умолкъ.

«Начали офицеры раздумывать, какъ быть и что предпринять, и только въ одномъ они не сомнѣвались, что говорившій былъ нѣмецъ, что онъ, очевидно, не зналъ о взятіи Кунцендорфа нашими войсками, что дѣлалъ онъ, очевидно, нѣкоторыя важныя предупрежденія и что, слѣдовательно, онъ былъ шпіонъ. Впрочемъ, общими усиліями кое-что изъ разговора они все-таки разобрали, по смыслу,

какъ ни вертѣли, понять не могли. Разобрали же они, что въ Кунцендорфъ ѣдетъ откуда-то солдатъ, что везетъ онъ какіе-то документы и что встрѣтить его надо на дорогѣ, въ лѣсу. Какой солдатъ, этого офицеры не знали, но порѣшили, что разставленные кругомъ дозоры вражескаго посланца изловятъ, если только правильно сумѣли они нѣмецкую рѣчь въ телефонъ понять. Утромъ же думали что-нибудь и относительно телефона предпринять. А тутъ и сонъ подошелъ, и они уснули...

«Проснулись офицеры, когда горнистъ зорю проигралъ. Вскочили, промыли глаза водой и на улицу. И только что Клокачевъ на крыльцо вышелъ, командиръ полка порученіе ему далъ установить связь съ отрядомъ, занявшимъ Груденъ.

«— Хорошо бы,—говоритъ:—миновать Прудки и итти по прямой линіи. По картѣ до Грудена пять верстъ. Попробуйте лѣсомъ пробраться.

«Клокачевъ заторопился; приказалъ взводу солдатъ сѣдлать, вскочилъ на коня и пришпорилъ. Выѣхалъ изъ колоніи, свернулъ съ шоссе въ поле, смотритъ—тропинка къ лѣсу вьется. Онъ по тропинкѣ. Что за оказія?—тропинка къ лѣсной просѣкѣ вывела, вродѣ какъ бы къ недавно проложенной дорогѣ.

«Отмахалъ Клокачевъ версты три и остановился, какъ вкопанный. Вспомнилъ онъ вдругъ про ночной разговоръ по телефону про солдата, котораго надо было встрѣтить въ лѣсу. На картѣ, думаетъ Клокачевъ, никакой дороги въ лѣсу не показано, лѣсъ къ Кунцендорфу подходитъ съ одной только стороны, тотъ именно лѣсъ, по которому онъ сейчасъ въ Груденъ ѣдетъ, и дорога, очевидно, въ лѣсу одна, эта вотъ именно просѣка, и по ней, очевидно, солдатъ ночью ѣхалъ.

«И такая его досада взяла, что забылъ онъ съ утра командиру полка доложить относительно телефона. Однакоже не назадъ коня поворачивать? И рѣшилъ Клокачевъ, что товарищъ его про ночной разговоръ вспомнитъ и по командѣ о немъ сообщитъ. А товарищъ-то Клокачева, дѣйствительно, командиру своевременно о всемъ разсказалъ, послѣ чего приказано было кого-то изъ солдатъ, знакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, у телефона на всякій случай посадить: кто знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ по телефону какія-нибудь важныя свѣдѣнія со стороны будутъ переданы.

«Хорошо-съ! Пока въ Кунцендорфѣ всѣ эти распоряженія отдавались, Клокачевъ къ Грудену подъѣзжалъ. Проѣхалъ онъ еще версты полторы—опять загадка: дорога оборвалась, дальше пошелъ валежникъ и буреломъ, прямо-таки непроходимая чаща. Продрался Клокачевъ со взводомъ сквозь чащу шаговъ пятьдесятъ и неожиданно выѣхалъ къ самому груденскому фольварку. И тутъ ему въ голову пришло, что дорога въ лѣсу проложена съ умысломъ и что нарочно со стороны Грудена она замаскирована. Выходило такъ, что къ Гру-

дену можно было изъ Кунцендорфа совсѣмъ незамѣтно подойти и врасплохъ на фольваркъ напасть. И опять-таки вспомнилъ Клокачевъ про телефонъ и подумалось ему, что телефонъ не иначе, какъ изъ Грудена проведенъ. Намоталъ онъ все это, какъ говорится, на усъ и подъѣхалъ къ дому. Слѣзъ съ коня. Приказалъ дежурному солдату доложить о немъ адъютанту, а самъ—въ прихожую. И только что онъ туда вошелъ, смотритъ—Куртисъ.

«— Ты чего здѣсь?

«А Куртисъ, увидавъ эскадроннаго, ротъ раскрылъ, а сказать ничего не можетъ.

«— Ваше—скородіе,—шепчетъ:—помогите.

«— Чего помогите?

«— Чортъ,—отвѣчаетъ,—попуталъ.

«— Чего попуталъ?

«— Не могу знать.

«Видитъ Клокачевъ, что солдатъ самъ не свой, но не успѣлъ разспросить толкомъ, какъ позвали его къ адъютанту.

«Вошелъ Клокачевъ въ комнату, представился и о цѣли своего пріѣзда доложилъ.

«Ну, тутъ всѣ офицеры, какіе въ домѣ были, собрались и начали Клокачева о ночномъ боѣ разспрашивать. Тотъ въ подробностяхъ все разсказалъ, а затѣмъ о Куртисѣ вспомнилъ:

«— Въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ.

«— А въ этомъ вы помогите намъ разобраться. Куртисъ вашего полка?—задаетъ ему вопросъ адъютантъ.

«— Моего эскадрона.

«— Вами былъ вчера съ запиской къ намъ присланъ?

«— Мной.

«— Прекрасно.

«И сообщилъ послѣ того адъютантъ, какъ съ уходомъ Куртиса обнаружили, что со стола планъ пропалъ и что поймали Куртиса въ лѣсу, ѣхавшаго потайной дорогой, по направленію къ Кунцендорфу. Когда же Куртиса въ Груденъ привели, нашли у него похищенный планъ спрятаннымъ въ сумкѣ.

«— Вотъ и объясняйте,—закончилъ свой разсказъ адъютантъ:—но имѣйте въ виду, что Куртисъ могъ и не знать, что Кунцендорфъ занятъ былъ къ тому времени нашими войсками и, слѣдовательно, ѣхалъ онъ къ нѣмцамъ и къ нимъ везъ планъ.

«Пока адъютантъ говорилъ, Клокачевъ опять о прошедшей ночи вспомнилъ. Ясно ему стало, о какомъ солдатѣ, ѣхавшемъ съ важными документами, по телефону сообщалось, и тотчасъ онъ весь ночной эпизодъ офицерству разсказалъ. Пошли разговоры, догадки. Приказалъ адъютантъ Куртиса и Клауза въ комнату привести... А въ это время Клокачевъ въ одну точку уставился, съ мѣста всталъ и, никого не замѣчая, ровно, какъ лунатикъ, прямо къ стѣнѣ пошелъ.

«Офицеры къ нему:

«— Что такое?

«Клокачевъ на стѣну смотритъ. На стѣнѣ въ самодѣльной рамѣ фотографическая группа виситъ.

«— Фамилія,—говоритъ ротмистръ.

«— Какая фамилія?—спрашиваютъ его.

«— Хозяева дома, надо полагать... да вѣдь и рожи тѣ же, кунцендорфскія.

«Офицеры руками разводятъ. Но только что Клокачевъ хотѣлъ имъ дальнѣйшія свои наблюденія сообщить, повернулся и ахнулъ: у дверей рядомъ съ Куртисомъ стоялъ Клаузъ, въ группѣ среди другихъ снятый.

«— Вы... ты... Въ Кунцендорфѣ у тебя родня живетъ?—спрашиваетъ онъ Клауза.

«А тотъ, сразу-то ничего не сообразивъ, возьми и признайся:

«— Родители жены сына моего, Юліуса.

«— Ахъ, Юліуса? И Юліусъ тамъ?

«Но не успѣлъ Клаузъ отвѣтить, какъ Куртисъ, всякую вдругъ дисциплину позабывъ, какъ гаркнетъ:

«— Ваше—скородіе, это ёнъ самый и есть.

«— Кто онъ?—спрашиваетъ адъютантъ, а самъ да и всѣ присутствующіе чувствуютъ, что вродѣ какъ будто за нитку они взялись, потянули и весь клубокъ распутывается.

«— Да тотъ, который меня на дорогу въ лѣсъ вывелъ. Поѣзжай, гритъ, по ней; по ней, гритъ, корочѣе. По голосу признаю. На дворѣ темно было, лица не примѣтилъ, а голосъ, ваше—скородіе, его.

«Ну, какъ только Куртисъ это сказалъ, Клокачевъ и говоритъ:

«— Дѣло ясное! Телефонъ въ домѣ долженъ быть. Отсюда Юліусу о выѣздѣ Куртиса сообщили, чтобъ напасть на него невзначай въ лѣсу.—Гдѣ телефонъ?—спрашиваетъ Клауза.

«Тотъ поблѣднѣлъ, однако отказывается.

«— Гдѣ нѣмца спавшимъ нашли?

«Не унимается Клокачевъ, потому за живое его задѣло, что въ такую исторію солдатъ его эскадрона влетѣлъ.

«— Въ мезонинѣ,—отвѣчаютъ.

«— Надо въ мезонинъ итти.

«Что жъ вы думаете? Въ платяномъ шкапу въ мезонинѣ телефонную трубку нашли. Клокачевъ ее взялъ и говоритъ:

«— Кто слушаетъ?

«А голосъ въ отвѣтъ:

«— Кто спрашиваетъ?

«— Ротмистръ Клокачевъ.

«А оттуда:

«— Взводный унтеръ-офицеръ такой-то.

«— Кто у телефона посадилъ?

«— Командиръ полка.

«— Зачѣмъ?

«А тотъ по-своему объясняетъ:

«— Шпіона, ваше—скородіе, ловлю.

«— Передай,—говоритъ Клокачевъ,—командиру, что шпіонъ пойманъ.

«— Признавайся, собачій сынъ,—повернулся онъ къ Клаузу:— какъ дѣло было?

«Тотъ помолчалъ и въ ноги».

Разсказчикъ умолкъ. Корреспондентъ нѣкоторое время молчалъ, какъ бы ожидая продолженія.

— А планъ какимъ же образомъ въ сумку къ Куртису попалъ?— спросилъ онъ, наконецъ.

— Говорю вамъ, запутанная исторія совсѣмъ простой оказалась.

Но не успѣлъ помѣщикъ закончить объясненія, какъ на платформѣ неожиданно прозвучалъ звонокъ, возвѣстившій пассажирамъ о подходѣ давно ожидаемаго поѣзда.

Кругомъ всѣ засуетились. Поднялся и помѣщикъ и протянулъ руку своему слушателю.

— А планъ?—переспросилъ тотъ, не отпуская отъ себя разсказчика.

— Да что жъ планъ,—нетерпѣливо отвѣтилъ послѣдній.—Похитивъ планъ, Клаузъ сунулъ его въ сумку солдата, пока тотъ съ вѣстовыми болталъ. Сумку-то, оказывается, Куртисъ въ прихожей оставилъ, когда въ комнату съ запискою пошелъ; и сумку и шинель оставилъ, потому промокъ подъ дождемъ насквозь. Ну, а потомъ, когда онъ выѣхалъ изъ воротъ, Клаузъ его встрѣтилъ и на дорогу въ лѣсъ вывелъ. Вотъ и все-съ!

И, кивнувъ головой, помѣщикъ затерялся въ толпѣ, хлынувшей изъ буфета на платформу. Корреспондентъ пожелалъ ему добраго пути, но, видимо, остался недоволенъ окончаніемъ исторіи, предпочитая услышать какой-нибудь драматическій финалъ.

О. Козельскій.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ ВЪ ПОГРАНИЧНОЙ ДЕРЕВНѢ.

IV.

Избавленіе.

ТРО... Не холодное и не жаркое, а мягкое, какое бываетъ у насъ въ августѣ. Солнце не жжетъ и даже не грѣетъ, а ласкаетъ... Что-то разнѣживающее въ этой ласкѣ, любвеобильно расточаемой и людямъ, и неодушевленнымъ предметамъ, и всей природѣ...

Сотня терскаго казачьяго полка тихо подвигается лѣсомъ. Сотня эта—передовой развѣдочный отрядъ казачьей дивизіи, а еще сзади—идетъ бригада пѣхоты. До сихъ поръ казаки не встрѣчали еще ни одного австрійскаго разъѣзда, хотя мѣстность эта была занята непріятелемъ. Кругомъ тянулся лишь величественный буковый лѣсъ, загадочно - молчаливый, таинственный...

Гостепріимно раскрываетъ объятія старый лѣсъ и своимъ и чужимъ, всѣмъ равно даетъ пріютъ и убѣжище, отъ взоровъ непріятельскихъ укрываетъ, тайну свято соблюдаетъ и лишь о томъ далекомъ прошломъ тоскуетъ, когда никто не нарушалъ его покоя, когда въ темныя дебри его не ступала нога человѣческая.

Отрядъ выѣхалъ на опушку. Лѣсъ окончился, и впереди широкимъ размахомъ раскинулись безконечныя перспективы долинъ, пересѣченныя рядами холмовъ. Справа около протекаетъ Днѣстръ. Стремительно несутся его мутныя воды, и по берегу его любовно

склоняются къ водѣ старыя ивы. Внизъ сѣрой змѣйкой вьется дорога. Тамъ село, изъ-за пригорка виднѣются сады и хаты. А дальше— въ синюю даль снова уходятъ долины и холмы, кое-гдѣ поросшіе лѣсомъ. Это—уже Австрія. А еще дальше слабыми очертаніями вырисовываются на небѣ вершины Карпатскихъ горъ.

Отрядъ остановился. Люди спѣшились и оправлялись.

— Эхъ, скорѣй бы ужъ,—замѣтилъ молодой казакъ, и улыбка заиграла на его смугломъ, изрытомъ оспою лицѣ:—хоть руки и плечи поразмялъ бы, онѣмѣли совсѣмъ.

— Погоди,—наставительно отозвался сѣдоусый казакъ:—успѣешь попасть воронамъ на обѣдъ, не безпокойся!...

Знаетъ старый урядникъ казацкую удаль, самъ, вѣдь, такой же казакъ.

— Полно вамъ, Степанъ Дорофеичъ,—никто какъ Богъ, а только и австріяку ногъ не унести!.. Не извольте безпокоиться!..

Неподалеку отъ дороги у самаго лѣса притаился родникъ, надъ нимъ—деревянный крестъ. У креста на травѣ сидѣли дѣвочка постарше и мальчикъ лѣтъ шести или семи.

— Эй, ты, дѣвочка, поди сюди,—позвалъ офицеръ.

Дѣвочка не трогалась съ мѣста и лишь съ безпокойнымъ любопытствомъ впилась глазами въ офицера.

— Она німа,—отозвался мальчуганъ:—а вамъ чего треба?..

— А вотъ скажи, мальчикъ,—подошелъ офицеръ:—гдѣ тутъ австрійцы?..

— А ви хіба не австрійські?—робко спросилъ мальчуганъ.

Ему никогда не приходилось видѣть людей въ такихъ большихъ шапкахъ, и онъ, видимо, находился въ величайшемъ затрудненіи рѣшить, что это за люди такіе выѣхали изъ лѣса.

— Нѣтъ, не австрійцы,—улыбнулся офицеръ:—мы только ищемъ австрійцевъ.

Мальчикъ сдѣлался смѣлѣе, поднялся съ земли и даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ отряду.

— Пані,—наставительно заговорилъ онъ,—ви цею дорогою не ходіть, тутъ е австрійці с ружами, они вас постріляють!.. Туда ідіть вниз, долиною—долиною, а так ще долиною, ось і зайдете до села. А тут не ходіть, тут в кукурузах—австрійці!..

Офицеръ улыбнулся.

— Вотъ молодчина! Такъ говоришь—здѣсь австрійцы? Ну, и хорошо, авось не пострѣляютъ,—засмѣялся офицеръ.—А ты вотъ бери дѣвочку и уходи съ коровой въ лѣсъ, не подстрѣлили бы тутъ васъ.

Изъ села послышался колокольный звонъ. Казаки сняли шапки и перекрестились. И можетъ быть, въ головѣ каждаго изъ нихъ пронеслось воспоминаніе, воспоминаніе о другой такой же сельской церковкѣ, гдѣ сейчасъ въ эту минуту жены, матери, невѣсты льютъ

на полъ горючія слезы. А рядомъ стоитъ ребенокъ, теребитъ рукавъ матери, и недоумѣваетъ дитя, что это мать такъ плачетъ... Мысль бѣжала дальше, выплывали картины терской станицы, курень на берегу Терека, сѣрая кладка левады... Тоскливо заныло сердце...

— Сади-и-ись!—прозвенѣла спокойная, тягучая команда, и спустя минуту отрядъ уже былъ далеко.

Но вотъ онъ остановился. Что это за шумъ? Обманъ ли напряженнаго слуха, или дѣйствительность?

Вдругъ раздался трескъ, и едва уловимый, характерный, тонкій свистъ пронесся среди казаковъ. Нѣтъ, это не обманъ...

— Впередъ, станичники!—скомандовалъ офицеръ:—охватывай, съ Богомъ!

Съ гиканьемъ казаки вихремъ понеслись по полю.

— И-и-и-и-и!!!—прокатилось по полямъ, отозвалось въ лѣсу холоднымъ, металлическимъ отголоскомъ.—Ого-го-го!!! Ур-а-р-а-а!!!

Справа и слѣва слѣпо и безпорядочно трещали выстрѣлы, пули летали, какъ пѣвучія пчелы,—такъ же безпорядочно, пущенныя то слишкомъ высоко, то вдоль по землѣ.

А казачья лента сѣрымъ ураганомъ неслась все дальше и дальше. Началось преслѣдованіе. Много австрійцевъ ранили, нѣсколькихъ убили. Со стороны же казаковъ лишь одинъ легко раненъ былъ въ руку.

Видя, что помощи ждать неоткуда и живыми все равно не уйти, австрійцы стали сдаваться. Спустя часъ-два вся мѣстность вплоть до австрійской границы и далеко за границей была очищена отъ непріятеля. Казаки вошли въ село, а за ними и весь остальной отрядъ—крайній лѣвый флангъ арміи генерала Б—ва.

Надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ крестьяне встрѣчали свои русскія войска: «Словно Пасха для насъ!» повторяли крестьяне, и все, что у нихъ было—молоко, яйца, сыръ, свѣжій хлѣбъ, часто прямо изъ печи,—все тащили къ воротамъ и угощали проходившихъ солдатъ и казаковъ.

Казаки спѣшились. Около плѣнныхъ поставили часовыхъ, и командиръ полка благодарилъ сотню за службу Царю и родинѣ.

Наша подневольная жизнь подъ опекою новыхъ временныхъ хозяевъ кончилась. Можно вернуться къ своимъ, пережить съ Россіей дни испытаній, подать вѣсть о себѣ, узнать объ участи близкихъ, страдать вмѣстѣ съ ними. Вѣдь самымъ ужаснымъ была именно эта оторванность, невозможность пережить съ русскимъ обществомъ эти историческіе моменты. И прежде всего можно было узнать истинное положеніе вещей въ Европѣ и на театрѣ войны. Офицеры отнеслись очень сочувственно, предложили газеты, охотно дѣлились разсказами.

Они разсказали, что то, что вчера еще казалось утопіей, сегодня претворилось въ живую дѣйствительность, и на нашихъ

глазахъ чуть ли не весь міръ загорѣлся безпримѣрнымъ огнемъ негодованія на тевтонскихъ варваровъ. Разсказывали про успѣхи русскаго оружія въ Галиціи, про взятіе Львова, Галича....

Въ избѣ становилось душно. Я попросилъ у полковника разрѣшенія пройти къ плѣннымъ и вышелъ во дворъ. Заходящіе лучи солнца посылали свой прощальный привѣтъ наступающей ночи. Небо блекло и выцвѣтало, какъ уста умирающей... молодой серпъ мѣсяца уже слабо мерцалъ на востокѣ.

Всѣ плѣнные одѣты въ мундиры двухъ цвѣтовъ—свѣтло-сѣрый и синій. На головахъ—австрійскія кепи, каски съ орлами. Худые, изморенные, австрійцы, видимо, плохо питались. Изъ ихъ сбивчивыхъ разсказовъ выяснилось, что всѣ они — буковинцы и галичане и что среди нихъ есть два лагеря — «русинъ» и «украинцевъ-мазепинцевъ».

Первые—искренно расположены къ Россіи, къ русскимъ относятся, какъ къ роднымъ, на войну шли по принужденію и лишь ждали благопріятной минуты, чтобы сдаться. Украинцы же, напротивъ, относятся къ Россіи враждебно.

— Кто вы?—спрашиваю я высокаго, пожилого уже австрійца съ съ красивыми сѣрыми глазами. Это былъ, повидимому, австрійскій ландштурмистъ.

— Я русинъ, православный,—охотно отвѣчаетъ онъ.

— Что жъ вы рады, что русскіе взяли Галицію и Буковину?

Плѣнный молчалъ. Потомъ вдругъ густо покраснѣлъ и заговорилъ:

— Да, раді, дуже раді, ми—рускі, православні...

— Почему же вы стрѣляли въ русскихъ, въ своихъ же братьевъ стрѣляли?..

— Намъ не вільно було не стріляти,—за ними були німці и лякали нас, що будут сзаду стріляти въ тих, котрі не схотят въ руских стріляти... Не, нам не вільно було,—повторялъ онъ [1])...

Была уже поздно, пора было уходить. Лагерь гудѣлъ голосами тысячъ людей, дымился огнями костровъ и кухонъ. Была какая-то своеобразная красота въ этой, на первый взглядъ безпорядочной, картинѣ солдатскаго бивуака. Слышались смѣхъ, остроты. Есть возможность отдохнуть, поѣсть, протянуть на землѣ натруженныя ноги,—и солдаты почти счастливы, шутятъ, смѣются. Такъ жизнь, и среди такихъ катастрофическихъ изломовъ быта, властно вкрапляетъ въ темный фонъ свои яркія краски.

При выходѣ изъ бивуака я увидѣлъ такую картину. У плетня, уткнувшись въ руку, стояла крестьянская баба и громко плакала.

---

[1]) Намъ не «свободно было» не стрѣлять, за нами были нѣмцы и пугали насъ, что будутъ сзади стрѣлять въ тѣхъ, которые не захотятъ въ русскихъ стрѣлять... Нѣтъ намъ не свободно было...

Кругомъ нея стояли солдаты, смущенные, подавленные. Передній солдатъ все успокаивалъ бабу:

— Ну, и чего плачешь-то, не ты первая, не ты и послѣдняя... Да, вѣдь, поди, не убитъ еще мужъ-то твой?!. Смотри, еще героемъ вернется, Егорія получитъ,—а ты вотъ плачешь... Эхъ, то-то, вы, бабы!...

— А дѣти-то есть у тебя, дѣтишки-то?—спросилъ кто-то.

— Есть, трое,—отвѣтила баба и еще громче зарыдала...

Наутро отрядъ двинулся дальше, въ Буковину. Впереди казаки, за ними пѣхота.

С. Богдановичъ.

КАЛЕЙДОСКОПЪ МИНУВШАГО.

Среди артистовъ.

I.

Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

ВЪ КРОВИ! Въ крови!—вытягивая руки впередъ и неистово потрясая ими, вопилъ не своимъ голосомъ, трагически маршируя по комнатѣ, десятилѣтній румяный мальчикъ съ ясными глазенками и упрямыми вихрами въ густой щеткѣ каштановыхъ волосъ.

— Да перестань ты ради Создателя, Саша,—жалобно говорила мать—ей-Богу, ты меня въ гробъ вгонишь: все въ крови да въ крови. Перестань, ради Бога.

Но Саша продолжалъ ходить трагической поступью и неистово кричать: «въ крови! въ крови!»

Розовый Саша съ упрямыми вихрами на головѣ былъ пишущій эти строки.

Моя мать, стариннаго дворянскаго рода Барановыхъ, женщина, несомнѣнно, умная, но совсѣмъ не образованная, пріѣхавъ въ Петербургъ для того, чтобы размѣстить своихъ двухъ сыновей по учебнымъ заведеніямъ, послала меня съ крѣпостнымъ человѣкомъ Степаномъ (сама была въ траурѣ) въ Александринскій театръ, гдѣ шла тогда съ огромнымъ успѣхомъ трагедія «30 лѣтъ, или жизнь игрока», въ которой потрясалъ петербургскихъ театраловъ знаменитый трагикъ Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

Не знаю, что руководило моей матерью, отправляя меня смотрѣть потрясающую трагедію, въ которой игрокъ—Каратыгинъ,—опустившійся до дна, убиваетъ путешественника и на замѣчаніе ребенка: «Папенька, отчего у тебя руки въ крови?» потрясалъ не только наивныя сердца, но даже самыя театральныя стѣны крикомъ: «Въ крови! Въ крови!»

Было ли со стороны матери затаенное намѣреніе отвратить меня съ малыхъ лѣтъ отъ картежной игры, или просто желаніе доставить ребенку удовольствіе,—не знаю, но игра могучаго трагика такъ подѣйствовала на воспріимчивое воображеніе ребенка, что я едва ли не цѣлую недѣлю отравлялъ жизнь матери, изображая изъ себя Каратыгина и неистово вопя: «Въ крови! Въ крови!»

Такимъ образомъ, съ десяти лѣтъ я уже сдѣлался театраломъ, и, конечно, фанатическимъ поклонникомъ Каратыгина. Да и было отъ чего. Трудно себѣ представить человѣка, болѣе подходившаго къ ролямъ трагика, особенно въ трагедіяхъ былого времени: колоссальный ростъ, атлетическое сложеніе, могучій голосъ, красивое выразительное лицо, тщательно выработанная умѣренность широкаго жеста и самая внимательная разработка ролей, самое добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу,—все было въ этомъ несравненномъ трагикѣ былого времени. Реалисты, правда, упрекали его за нѣкоторую ходульность и предпочитали ему московскаго Мочалова, котораго я ни разу не видѣлъ даже въ дѣтствѣ и даже, вѣроятно, отказался бы видѣть, до такой степени считалъ кощунствомъ уподобленіе кого бы то ни было несравненному Каратыгину.

Кромѣ его образа, въ душу мою запала игра жены игрока—госпожи Дюръ, которую въ третьемъ, кажется, дѣйствіи онъ, какъ перышко, схватывалъ на руки и вмѣстѣ съ нею выпрыгивалъ въ окно. Самое искреннее негодованіе возбуждалъ также «ложный другъ»—Брянскій, всегдашняя и неблагодарная обязанность котораго была играть подлыхъ людей, что не мѣшало ему быть прекраснымъ актеромъ и, какъ говорятъ, такимъ же прекраснымъ человѣкомъ. Но всю жизнь свою, на сценѣ, дѣлая по обязанностямъ службы всевозможныя гадости, какъ «ложный другъ», Каратыгину, онъ и по смерти оказалъ ему, и особенно его почитателямъ, совсѣмъ ужъ плохую услугу: похороны Брянскаго были зимой въ морозную бурную погоду; Каратыгинъ безъ шапки провожалъ товарища, схватилъ воспаленіе мозга, и этотъ колоссъ черезъ недѣлю уже лежалъ въ гробу безмолвный, недвижимый.

Я такъ былъ потрясенъ его смертью,—мнѣ было тогда лѣтъ четырнадцать,—что просто не хотѣлось вѣрить въ возможность отсутствія на сценѣ «великаго» Каратыгина.

— Да кто же будетъ играть его роли?—спрашивалъ я—Что же будетъ съ театромъ?

Такое же отчаяніе, но, конечно, несравненно въ еще большей степени овладѣло мною, уже шестнадцатилѣтнимъ юношей, когда, вслѣдъ за первымъ молебномъ о здоровьѣ внезапно заболѣвшаго императора Николая Павловича, пришло извѣстіе о его кончинѣ.

«Да какъ же такъ, да что же будетъ съ Россіей?»—думалъ я въ отчаяніи, чуть не ломая себѣ руки.

Только въ старости приходишь къ убѣжденію, что нѣтъ безвыходныхъ положеній, что все «образуется» по выраженію слуги незабвеннаго Стивы («Анна Каренина»)... Каратыгина замѣстилъ Леонидовъ. Замѣстилъ, но, конечно, не замѣнилъ, и образъ Каратыгина въ «Купцѣ Иголкинѣ», въ «Кларѣ д'Обервиль» и особенно въ «Денщикѣ» и «Прокопіи Ляпуновѣ» до сихъ поръ живетъ въ моемъ воображеніи.

Почти ребенокъ, я не могъ, конечно, судить, ходуленъ Каратыгинъ, или нѣтъ, но знаю, что когда бунтующій народъ съ криками: «смерть Ляпунову», наступалъ къ его дому и Каратыгинъ въ красной рубашкѣ смѣло вышелъ на крыльцо, то вся масса, кричавшая: «смерть Ляпунову», такъ и отхлынула отъ его колоссальной фигуры, отъ его потрясающаго голоса, и это казалось до такой степени естественнымъ, что и быть не могло иначе: очень ужъ импозантная фигура появилась на высотѣ крыльца передъ ничтожной черныо.

Такое же неизгладимое впечатлѣніе, именно своей фигурой и своимъ голосомъ, производилъ Каратыгинъ въ «Денщикѣ», знаменитой въ свое время драмѣ Кукольника. Здѣсь онъ гримировался Петромъ Великимъ и своей фигурой, голосомъ и величіемъ жеста давалъ полную иллюзію личности суроваго преобразователя-самодержца.

II.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.

Вспоминая знаменитаго трагика Василія Андреевича Каратыгина, нельзя обойти молчаніемъ его младшаго брата, Петра Андреевича, дожившаго до самаго конца семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и, въ былое время, одного изъ самыхъ популярныхъ лицъ не только императорской сцены, но и всего Петербурга.

Петръ Андреевичъ былъ не лишеннымъ дарованія актеромъ на роли комиковъ и резонеровъ, но главнымъ образомъ славился какъ авторъ наиболѣе остроумныхъ водевилей своего времени, безъ которыхъ не обходился ни одинъ спектакль, ни одна драма, ни одна трагедія. Всякій спектакль заканчивался, а иногда и начинался (для съѣзда, какъ говорилось) непремѣнно водевилемъ, и вотъ величайшимъ мастеромъ водевилей былъ Петръ Андреевичъ.

Это былъ остроумнѣйшій человѣкъ, совершенно свободно владѣвшій стихомъ и отличавшійся притомъ безукоризненной корректностью, уважаемый за кулисами и часто приглашаемый въ самое лучшее общество для режиссированія домашнихъ спектаклей. Незадолго до его смерти я, имѣлъ случай познакомиться съ Петромъ Андреевичемъ, именно въ роли актера, когда онъ былъ приглашенъ режиссировать домашнимъ спектаклемъ въ домѣ Ф. И. Жербина, на Михайловской площади, нынѣ срытомъ.

Самъ всемогущій Николай Павловичъ, покровительствовавшій театру и очень любившій остроумныхъ людей, особенно благоволилъ къ Петру Андреевичу, остроты и bons mots котораго, какъ перваго остряка и бонмотиста, ходили по Петербургу.

Николай Павловичъ часто выходилъ за кулисы и призывалъ къ себѣ прославленнаго остроумца. Положеніе было въ высокой степени затруднительное: съ одной стороны, надо было блеснуть остроуміемъ и потѣшить всемогущаго человѣка, съ другой—не перейти извѣстной грани и не заслужить гнѣва человѣка очень щепетильнаго, тогда какъ скользкій путь настоящаго остроумца: «для краснаго словца не жалѣть и отца».

И между тѣмъ Каратыгинъ постоянно выходилъ побѣдителемъ изъ самыхъ трудныхъ положеній.

Изъ множества ходившихъ по Петербургу каратыгинскихъ остротъ, частью принадлежащихъ дѣйствительно ему, Каратыгину, частью, какъ это бываетъ всегда, приписываемыхъ извѣстному остроумцу, приведу остроту, слышанную мною изъ устъ самого Каратыгина, т.-е. имъ удостовѣренную, свидѣтельствующую о необычайной находчивости прославленнаго остряка.

Извѣстно, что богатый русскій языкъ, именно благодаря своему богатству, не такъ легко поддается остротамъ и разнымъ bons mots, какъ сравнительно бѣдный языкъ французскій, въ которомъ иногда одно слово, только иначе написанное, выражаетъ семь различныхъ понятій, что способствуетъ острякамъ жонглировать однимъ словомъ въ разныхъ смыслахъ. И тѣмъ не менѣе въ дореформенное время, подъ вліяніемъ французской культуры, многіе сытые русскіе люди крѣпостного права наполняли свой досугъ изощреніемъ въ остроуміи: остряки, поэтому, среди дворянъ не переводились, не Богъ знаетъ какіе, но все же остряки. Выдѣлялся своимъ остроуміемъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, гроза всего петербургскаго гарнизона и вмѣстѣ добрѣйшій человѣкъ, готовый итти на помощь всякой нуждѣ.

Разъ Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, идетъ въ антрактѣ за кулисы и заводитъ разговоръ съ П. А. Каратыгинымъ. Пользуясь веселымъ настроеніемъ государя, Михаилъ Павловичъ бросаетъ какую-то остроту. Государь смѣется и говоритъ:

— Слышишь, Каратыгинъ? Братъ у тебя хлѣбъ отбиваетъ.

— Я не въ претензіи, ваше величество,—безъ малѣйшей запинки подхватываетъ находчивый острякъ:—лишь бы соль при мнѣ осталась.

Я говорилъ уже, что Петръ Андреевичъ прекрасно владѣлъ стихомъ, легкимъ, не вымученнымъ, воздушнымъ.

Въ началѣ Севастопольской войны, среди всеобщаго патріотическаго подъема, появилось много виршей на тему предстоявшей борьбы, но изъ всѣхъ выдѣлялись стихи Петра Андреевича, хорошо сохранившіеся въ моей памяти. Вотъ ихъ начало:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновленъ его отвагой,
И французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой,
И кричитъ: allons, courage!
Полно, братцы, на смѣхъ свѣту
Не остаться бъ въ дуракахъ,
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ.
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять,
То племяннику подавно
И вдали не сдобровать... и т. д.

Въ свое время большой репутаціей пользовалось также произведеніе блестящаго остроумія П. А. Каратыгина, появившееся въ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Споръ», конецъ котораго, особенно забавный и нимало не безнравственный, неудобенъ, однако, для печати; но и безъ забавнаго конца игра словами «Спора» дышитъ такимъ неподдѣльнымъ мастерствомъ и веселостью, что хотя начало его заслуживаетъ быть воспроизведеннымъ въ томъ видѣ, въ какомъ сохранила его, когда-то хорошая, моя память. Вотъ оно:

СПОРЪ.

Однажды, въ древности сѣдой,
Въ началѣ вѣка,
О первенствѣ между собой
Заспорили всѣ члены человѣка.
— Никто не отобьетъ мои права—
Кричала громко голова.
Я старше всѣхъ, природа такъ рѣшила
И потому меня высоко помѣстила.
Во мнѣ престолъ души,
Во мнѣ и взоръ, и слухъ, и обонянье,
Даръ слова. Все покорствуетъ уму—
На мнѣ лежитъ вѣнецъ созданья.

Во мнѣ все родилось:
Художество, искусства и науки.
— Нѣтъ, голова, постой, не задирай высоко носъ, -
Кричатъ обиженныя руки.
Безъ насъ не сдѣлала бъ ты ничего во вѣкъ:
Все, все у насъ въ рукахъ—
Руками все берется.
И что такое человѣкъ,
Когда отъ рукъ онъ отобьется?
Куда ни оглянись вокругъ,
Все—дѣло человѣчьихъ рукъ.
— А мы то что жъ?—вскричали ноги.—
Вы насъ не ставите и въ грошъ,
А вѣдь безъ насъ далеко не уйдешь.
Намъ дайте мѣсто,—прочь съ дороги.
Какъ, напримѣръ, войскамъ безъ ногъ маршировать?
Или въ балетѣ танцовать?
Не будь-ка насъ, такъ вы увидѣли бы сами,
На свѣтѣ все пошло бы вверхъ ногами.
— Постойте. Споръ у васъ идетъ о пустякахъ—
Тутъ сердце вскрикнуло въ сердцахъ—
Мнѣ, мнѣ отдайте предпочтенье!
Я двигатель всего безъ исключенья,
Во мнѣ одномъ душа и животворный жаръ,
Всей крови я резервуаръ.
Во мнѣ огонь любви. При мнѣ молчитъ разсудокъ!
— А я то что жъ?—вдругъ заворчалъ желудокъ.—
Нѣтъ, это мнѣ не по нутру...
— Постой-ка, куманекъ. Вотъ я имъ носъ утру—
Вскричала кумушка сосѣдка...

Забавный конецъ, какъ сказано, для печати не вполнѣ удобенъ. Но и безъ смѣшного конца нельзя не признать въ приведенной шуткѣ очень мѣткаго жонглированія словами и выраженіями, мѣткаго и не вымученнаго.

Изъ другихъ сценическихъ дѣятелей того времени остались въ памяти двѣ сестры Самойловы: Вѣра, младшая, мать Вѣры Аркадьевны Мичуриной, пробывшая на сценѣ недолго и вышедшая замужъ за полковника Мичурина, была красивая, изящная, тонкая актриса, несравненная grande dame, но въ драматическихъ роляхъ отдававшая нѣсколько холодкомъ, отсутствіемъ темперамента, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, тогдашніе цѣнители ее упрекали; другая—старшая сестра—Надежда была положительно несравненной водевильной актрисой; она не была красива, даже, пожалуй, была некрасива, но, полная необычайнаго оживленія, веселости и граціи, она положительно увлекала зрителя, чему способствовали также прекрасный голосъ и умѣніе пѣть, а пѣніемъ въ былыя времена сопровождался всякій водевиль. Въ роли, напримѣръ, «Дочери второго полка», гдѣ Надежда Самойлова и пѣла, и маршировала, и барабанила, она, въ полномъ смыслѣ слова,

была увлекательна. Вскорѣ за сестрой и она сошла со сцены, выйдя замужъ за Макшеева и не оставивъ преемницы своего несравненнаго сценическаго оживленія. Хорошей водевильной актрисой была также Жулева, но, несмотря на красоту и недурной голосокъ, она далеко не могла увлекать зрителя такъ, какъ несравненная Надежда Самойлова.

Что касается Вѣры Самойловой, то ее съ успѣхомъ замѣнила молоденькая, граціозная, красивая, оживленная, полная темперамента Читау. Мы всѣ, юнцы театралы, были немножко влюблены въ нее, а одинъ товарищъ брата, воспитанникъ института путей сообщенія, написалъ даже «жестокую» драму изъ рыцарскихъ временъ, которую преподнесъ предмету своего обожанія—молоденькой актрисѣ. Но и она пробыла на сценѣ очень недолго—два-три года, и вышла замужъ за губернскаго предводителя дворянства Огарева.

Когда же, двадцать лѣтъ спустя, вслѣдствіе разоренія мужа, Читау вновь поступила на сцену, то ее положительно нельзя было узнать: откуда-то появились манерность, подчеркиванье, крайняя неестественность и полное отсутствіе того искренняго увлеченія, которымъ заражала зрителя молоденькая дѣвушка, Читау. Я, по крайней мѣрѣ, насколько восхищался Читау дѣвушкой, настолько же не могъ переносить манерность игры сорокалѣтней женщины.

Цѣлый рядъ актеровъ и актрисъ проходитъ въ моемъ воображеніи: Самойловъ, Мартыновъ, Павелъ Васильевъ, Снѣткова 3-я, Брошель, Владимирова, Струйская, несравненная Линская, такіе московскіе корифеи, какъ Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ, Сергѣй Васильевъ, Медвѣдева, Васильева, Колосова, Акимова. Но все это актеры сравнительно недавняго времени, которыхъ видѣли и помнятъ многіе, почему обрисовку ихъ, какъ и артистовъ современныхъ и ближайшаго къ намъ времени, оставляю до другого раза и временно вновь возвращусь къ воспоминаніямъ ранней юности.

III.

Г. П. Кондратьевъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія наша церковь—Павловскаго кадетскаго корпуса—была въ большой модѣ.

Ее посѣщали люди, особенно дамы, очень хорошаго общества, и преждеосвященныя обѣдни въ Великомъ посту привлекали не только солидныхъ нарядныхъ дамъ, но и оживленныя красивыя личики дѣвушекъ, что доставляло намъ, кадетамъ старшаго возраста, не мало развлеченія. Помню, въ одну изъ посѣтительницъ я даже влюбился немного. Какъ юноша предпріимчивый, выслѣдилъ ея

квартиру и даже, подъ какимъ-то глупѣйшимъ предлогомъ, предсталъ предъ дамой моего сердца въ ея домашней обстановкѣ.

Она, хотя и замѣтила меня, какъ фельдфебеля старшей, «гренадерской» роты, пристально на нее посматривавшаго, хотя и вскидывала на меня свои красивые глазки, но, увидѣвъ глупаго юнца, достаточно предпріимчиваго, чтобы вторгнуться въ квартиру ея старшей сестры, молодой вдовушки, съ которою жила, переконфузилась въ конецъ.

Тѣмъ не менѣе я былъ приглашенъ садиться, но старшая сестра какъ-то странно улыбалась. Я почувствовалъ всю неловкость своего положенія, всю глупость повода, который до вторженія казался мнѣ прекрасно придуманнымъ, а тутъ вдругъ поразилъ своею глупостью. Самолюбіе ударило въ голову и выразилось той мукой юности, проявленіемъ той несносной способности краснѣть, которую такъ проклинаетъ молодость и о потерѣ которой еще больше сожалѣетъ старость, старость, лишенная этого драгоцѣннаго дара. О, молодость, молодость, если бы она сознавала, какъ внезапно разливающійся румянецъ украшаетъ лицо юности!

Я поспѣшилъ удалиться, упрекая себя въ содѣянной глупости. Понялъ, что меня обѣ сестры должны признать за совершеннаго болвана. Самолюбіе было оскорблено, и я сразу вылечился отъ влюбленности. Кстати же, это произошло уже на Святой, и хотя по воскресеньямъ сестры посѣщали еще нашу церковь, но по праздникамъ я уходилъ въ отпускъ и только разъ встрѣтился съ красавицей, которая вскинула на меня недоумѣвающій взглядъ. Я поклонился и поспѣшилъ обратиться въ бѣгство, а черезъ два мѣсяца былъ произведенъ въ офицеры и уѣхалъ изъ Петербурга.

Тѣмъ моя влюбленность, влюбленность 17—18-лѣтняго юноши и завершилась.

Причина, почему нашу церковь стало посѣщать хорошее общество, заключалась въ превосходномъ пѣніи кадетъ, руководимыхъ исключительно талантливымъ регентомъ, также кадетомъ. Этимъ регентомъ былъ Кондратьевъ, впослѣдствіи пѣвецъ императорской сцены, а затѣмъ полновластный режиссеръ русской оперы.

Кондратьевъ отличался необыкновенной любовью къ своему дѣлу. И, дѣйствительно, сдѣлалъ изъ кадетскаго хора чудеса.

Его родители обладали кое-какими средствами, очень небольшими, какъ я узналъ впослѣдствіи, но посылали ему достаточно деньжонокъ для того, чтобы онъ имѣлъ возможность угощать пѣвчихъ, особенно своихъ любимцевъ, и слыть въ корпусѣ богачомъ. Особенно баловалъ онъ одного красавчика-мальчика Кольбе, обладавшаго поразительнымъ дискантомъ, и это баловство казалось всѣмъ намъ просто подозрительнымъ. Вообще между нами, кадетами, ходили плохіе слухи относительно нравственности пѣвчихъ. Говорили, что и попивали они и вообще вели себя не Богъ знаетъ

какъ, пользуясь репетиціями-спѣвками въ отдаленныхъ помѣщеніяхъ. Быть можетъ, дурная слава имѣла и мало основаній, но фактъ былъ тотъ, что пѣвчіе вообще учились плоховато и выдающихся учениковъ между ними не было, быть можетъ, оттого, что самыя спѣвки отнимали много времени, а можетъ быть, и по той причинѣ, что, увлеченные пѣніемъ, пѣвчіе теряли вкусъ къ занятіямъ болѣе серьезнымъ и часто скучнымъ.

Самъ Кондратьевъ, человѣкъ, несомнѣнно, очень умный, въ чемъ я особенно убѣдился впослѣдствіи, при близкомъ съ нимъ знакомствѣ, дотянулъ только до арміи, т.-е. до третьяго разряда выпускныхъ послѣдняго класса: лучшіе ученики выходили въ гвардію, средніе—въ артиллерію и саперы, а послѣдніе—въ армію.

Кондратьевъ вышелъ въ армейскій кирасирскій полкъ, лѣтъ за пять до моего выпуска, но закваска, данная имъ хору пѣвчихъ, была такъ сильна, что и при выпускѣ моемъ хоръ нашихъ пѣвчихъ былъ превосходенъ и отличался въ хорошую сторону отъ всѣхъ другихъ кадетскихъ хоровъ.

Между кадетами были дѣти и юноши съ хорошими голосами, а одинъ, Базинъ, обладалъ удивительнымъ по красотѣ, силѣ и обаянію, высокимъ басомъ. Могу сравнить этотъ голосъ развѣ только съ бархатнымъ басомъ Багаджіоло — баса, подобнаго которому, по красотѣ звука, не слыхалъ во всю свою жизнь, не исключая даже и Шаляпина. Что съ нимъ, съ Базинымъ, стало—Богъ вѣсть, но если бы онъ пошелъ по своей настоящей дорогѣ, онъ, несомнѣнно, сдѣлался бы міровой извѣстностью.

У самого Кондратьева голосъ былъ, напротивъ, далеко неважный. Говорили даже, что у него совсѣмъ не было голоса. Увлеченный своими регентскими обязанностями, онъ, показывая мальчикамъ, пѣлъ и дискантомъ, и альтомъ, и теноромъ, и басомъ. Разумѣется, это отражалось на голосовыхъ связкахъ, и Кондратьева товарищи считали удивительнымъ регентомъ, но совсѣмъ безголосымъ.

Велико поэтому было мое удивленіе, когда газеты начали говорить, что въ Италіи входитъ въ славу нашъ бывшій кирасирскій офицеръ Кондратьевъ, обладатель прекраснаго высокаго баса.

Страсть къ пѣнію заставила Кондратьева бросить свой кирасирскій мундиръ и ѣхать учиться въ Италію. Тамъ онъ встрѣтился съ Коммиссаржевскимъ (отцомъ Вѣры Ѳедоровны), впослѣдствіи извѣстнымъ теноромъ, и они начали учиться, жить и, частью, бѣдовать вмѣстѣ, о чемъ любили вспоминать впослѣдствіи. Вмѣстѣ, кажется, пріѣхали и въ Россію.

Коммиссаржевскій сразу обворожилъ всѣхъ умѣньемъ пѣть, прекрасной игрой, красивой наружностью и, частью, конечно, красивымъ голосомъ. Кондратьевъ также имѣлъ большой успѣхъ.

Увидѣвъ его въ первый разъ на сценѣ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, я былъ совсѣмъ пораженъ: вмѣсто козлинаго, какъ мы называли голосъ его въ корпусѣ, я услышалъ высокій басъ, или, пожалуй, низкій баритонъ, не Богъ знаетъ какой красоты звука, но хорошо поставленный и по силѣ вполнѣ отвѣчавшій неблагопріятнымъ условіямъ тогдашней Маріинской сцены.

Думая, что онъ, выходившій изъ корпуса въ то время, когда я былъ еще малышемъ, не помнитъ меня, я, встрѣчаясь иногда въ антрактахъ въ залѣ русской оперы, не подходилъ къ нему, но кто-то, не помню, насъ познакомилъ. Кондратьевъ сказалъ, что хорошо помнитъ меня, какъ мальчика, но что, конечно, не узналъ бы меня теперь, и, на правахъ однокашника, сразу началъ мнѣ говорить ты.

Тѣмъ, однако, знакомство и ограничилось. Встрѣчались еще нѣсколько разъ, здоровались на «ты» и расходились.

IV.

Встрѣчи въ Берлинѣ.

Въ 1869 году я былъ посланъ отъ академіи генеральнаго штаба за границу для знакомства съ прусской и французской арміями.

Пріѣхалъ въ Берлинъ, горячо отдался возложенной на меня задачѣ,—что составитъ предметъ отдѣльнаго очерка,—и порядочно скучалъ.

Днемъ ѣздишь по казармамъ, по ученьямъ, дѣлаешь оффиціальные визиты, вечеромъ запишешь вкратцѣ видѣнное, а подѣлиться живымъ словомъ—не съ кѣмъ.

Скукѣ способствовало и плохое знаніе нѣмецкаго языка и нелюбовь къ нѣмцамъ вообще, какъ результатъ былого патріотическаго настроенія кадетъ того времени,—настроенія, переходившаго далеко за предѣлы корпусныхъ стѣнъ.

И вотъ, однажды, ѣду я въ формѣ подполковника генеральнаго штаба съ полуоффиціальнаго обѣда, на который пригласилъ меня майоръ прусскаго генеральнаго штаба баронъ Меергеймъ—ѣду по Тиргартенштрассе и вдругъ вижу Кондратьева въ обществѣ трехъ дамъ.

Не имѣть возможности перекинуться съ кѣмъ-либо русскимъ словомъ, побесѣдовать отъ сердца внѣ оффиціальныхъ отношеній съ прусскимъ военнымъ міромъ, при экспансивности моей натуры, было просто тяжело, почти невыносимо. Я страшно поэтому обрадовался, остановилъ извозчика и на ходу выскочилъ изъ экипажа.

Радостное оживленіе сообщилось и Кондратьеву и его дамамъ, которыя въ Берлинѣ тоже, повидимому, скучали.

Дамы были: жена Кондратьева, Марія Михайловна, дочь моего бывшаго учителя словесности Михаила Борисовича Чистякова, другая — ея сестра — форменная красавица, Елизавета Михайловна, впослѣдствіи довольно извѣстный профессоръ пѣнія, третья — гремѣвшая тогда пѣвица Елизавета Андреевна Лавровская.

Радость встрѣчи съ русскими, да еще съ такою красавицей, какъ Елизавета Михайловна, которую почему-то, быть можетъ, благодаря ея высокому росту, я принялъ сначала за вдовушку, сдѣлала то, что бесѣда сразу приняла самый оживленный характеръ; скучающія дамы оживились, еще больше оживился я, и мы условились черезъ полчаса (необходимыхъ для переодѣванія въ статское платье) встрѣтиться «Подъ Липами» въ какой-то кондитерской.

Въ кондитерской сближеніе послѣдовало еще скорѣе. Кондратьевъ оказался собесѣдникомъ въ высшей степени остроумнымъ, я тоже за словомъ въ карманъ не лазилъ, чему особенно способствовало присутствіе двадцатипятилѣтней красавицы, въ которую, принимая за вдову, едва было не влюбился, несмотря на то, что только три недѣли назадъ оставилъ въ Петербургѣ молодую любимую жену. И только, когда узналъ, что величественная красавица, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, еще дѣвушка, рѣшилъ справиться съ своей дурью, и влюбленность перешла въ дружескія отношенія, сохранившіяся, какъ и съ сестрой ея, М. М. Кондратьевой, на десятки лѣтъ.

Сознаюсь въ своей вѣтрености. Смягчающимъ обстоятельствомъ можетъ служить развѣ то, что Елизавета Михайловна была дѣйствительно очень красива, красива до такой степени, что одинъ изъ прусскихъ офицеровъ, пялившихъ на нее свои глаза, явился въ гостиницу и, прося позволенія познакомиться, прислалъ свою карточку, на которой было изображено: лейтенантъ такой-то erste Regiment zu Fuss (1-го пѣхотнаго полка). Онъ явился. Былъ очень корректенъ и на слѣдующій день сдѣлалъ предложеніе. Она, разумѣется, отказала, а мы долго дразнили ее тѣмъ, что плѣнила нѣмецкаго «цуфуску»

Тогда же поразила меня Лавровская. Я хорошо зналъ ее по сценѣ и былъ горячимъ ея поклонникомъ. Что она была некрасива,— это знали всѣ, но помимо отсутствія красоты я увидѣлъ крайне застѣнчивое существо, съ неловкими, пожалуй, неуклюжими манерами, скромное до преувеличенія.

«Господи,—думалось мнѣ,—да неужели же это тотъ самый Ратмиръ, съ изящными движеніями, красивымъ жестомъ, Ратмиръ, обаятельный не только по несравненному голосу, но по красотѣ всего его облика, дѣлавшаго даже неправильныя черты лица привлекательными»!

Такова сила таланта.

Да, дѣйствительно. Эта некрасивая, застѣнчивая, неловкая дѣвушка преображалась на сценѣ какимъ-то волшебствомъ въ элегантнаго красавца-юношу. Кстати о Лавровской. Я всегда былъ большимъ меломаномъ,—хотя никогда не былъ знатокомъ музыки,—и за всю свою жизнь не помню голоса до такой степени обаятельнаго, который такъ бы трогалъ, очаровывалъ васъ, какимъ былъ голосъ Лавровской, пока она пѣла на Маріинской сценѣ, пѣла слишкомъ мало для огромнаго своего таланта, къ отчаянію многочисленныхъ его цѣнителей.

По выходѣ замужъ за князя Церетели она почему-то не сошлась въ условіяхъ съ дирекціей и поѣхала за границу, гдѣ поступила, между прочимъ, въ ученицы къ знаменитой, печальной для насъ, русскихъ, памяти (Тургеневъ), пѣвицѣ Віардо.

Возвратясь въ Петроградъ, Лавровская объявила свой концертъ. Публика хлынула послушать любимую пѣвицу. Съ трудомъ я досталъ также билетъ. Но прежней Лавровской уже не было. Это былъ голосъ растянутый, доведенный до колоратуры, съ прекрасными высокими нотами; но все обаяніе голоса, несравненная его сочность и красота звука среднихъ нотъ исчезли. Знаменитая Віардо положительно испортила тотъ несравненный даръ Божій, которымъ въ молодости владѣла и очаровывала Лавровская.

Теперь это извѣстный профессоръ пѣнія, извѣстный, увы, не только какъ прекрасный профессоръ, но въ высшей степени несдержанный, грубый съ ученицами человѣкъ, распустившій себя до того, что, какъ меня увѣряли, позволяетъ себѣ просто драться съ несчастными мученицами, стремящимися къ сценѣ, къ славѣ.

Кондратьевъ такъ же, какъ и Лавровская, крайне удивилъ меня, но удивилъ въ обратную сторону. На сценѣ игра его была груба, не интересна, онъ весь былъ какой-то деревянный; пѣлъ хорошо, несмотря на грубый матеріалъ, лишенный малѣйшаго обаянія, а актеръ былъ совсѣмъ деревянный, съ жесткими, угловатыми манерами и жестами, и нельзя было не подумать, что такъ деревянно (не подберу другого слова, которое лучше бы характеризовало его игру), плохо играть можетъ только человѣкъ неумный.

Въ жизни же онъ оказался, напротивъ, человѣкомъ не только очень умнымъ, но и въ высшей степени остроумнымъ, поразительно способнымъ копировать всякаго, мѣнять голосъ, интонаціи. Однимъ словомъ, слушая его разсказы и закулисныя сцены, передаваемыя съ несравненнымъ мастерствомъ, можно было бы поручиться, что на сценѣ онъ—само оживленіе, самъ талантъ. И впослѣдствіи мнѣ часто случалось встрѣчаться съ подобными аномаліями.

Линская, напримѣръ, величайшая комическая актриса, какую я когда-либо зналъ, замѣченная даже Ольриджемъ и Рашелью,

ни слова, конечно, не понимавшими по-русски, великая Линская, умѣвшая въ каждой пьесѣ давать комическую старуху своего особеннаго типа и способная въ то же время изображать лица трагической складки, какъ въ «Грозѣ»,—эта самая Линская въ жизни была, какъ говорятъ, дура дурой. И я лично, встрѣтясь съ ней у тогдашней премьерши Александринской сцены Е. В. Владимировой, не могъ прійти въ себя отъ изумленія и отъ комическаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня манерами и разговоромъ той самой Линской, которую, по разнообразію таланта и по уму, проявляемому ею въ обрисовкѣ каждой роли, я считалъ человѣкомъ ума самаго выдающаго.

Да, умъ и талантъ далеко не синонимы и очень часто идутъ не объ руку другъ съ другомъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

V.

Кондратьевскіе четверги и Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Сближеніе съ Кондратьевымъ и его семьей въ Берлинѣ продолжалось и въ Петербургѣ. Мы познакомили нашихъ женъ, и я сталъ постояннымъ посѣтителемъ кондратьевскихъ четверговъ.

Это были положительно самые интересные журфиксы, какіе встрѣчались мнѣ въ жизни.

Кондратьевъ, къ тому времени, оставаясь пѣвцомъ, былъ назначенъ режиссеромъ труппы и, какъ человѣкъ умный, умѣлъ прекрасно себя поставить какъ въ отношеніи директора театровъ (Всеволожскій положительно дѣлалъ все, что только угодно было Кондратьеву), такъ и въ отношеніи артистовъ.

Со всѣми выдающимися товарищами по сценѣ онъ былъ на ты, на совершенно товарищеской ногѣ, но всѣ они, повидимому, признавали его авторитетъ, какъ человѣка выдающагося ума, притомъ знатока дѣла, и съ большимъ удовольствіемъ являлись постоянными посѣтителями его четверговъ, отличавшихся самымъ искреннимъ радушіемъ и привѣтливостью хозяевъ.

Картъ не было и въ заводѣ. Велись оживленныя бесѣды, пѣвцы и пѣвицы пѣли, иногда читали литераторы, разсказывали актеры, и вечеръ заканчивался обильнымъ вкуснымъ ужиномъ при всеобщемъ оживленіи.

Достаточно сказать, что постоянными гостями были: Мельниковъ, Коммиссаржевскій, Платонова, иногда Лавровская, Павелъ Васильевъ (извѣстный комикъ серьезнаго типа, игравшій, однако, и Ивана Грознаго, и Краснова), часто Горбуновъ, наконецъ, Николай Николаевичъ Ге и Александръ Николаевичъ Сѣровъ, не пропускавшіе ни одного почти четверга.

Я какъ-то сразу особенно подпалъ подъ обаяніе этихъ двухъ личностей. И мы составили маленькій тріумвиратъ.

Я былъ гораздо моложе ихъ. Оба они были несравненно меня содержательнѣе, но оттого ли, что я былъ самымъ жаднымъ слушателемъ, или ужъ не знаю, по какимъ другимъ причинамъ, но оба они относились ко мнѣ въ высокой степени внимательно и, если я запаздывалъ, явно выражали свою радость при моемъ появленіи. Оба они были люди въ высокой степени симпатичные, и, несмотря на то, что оба были тогда въ апогеѣ своей, если не славы, то крупной извѣстности, какъ люди, несомнѣнно, очень умные и воспитанные, нимало не давали никому этого чувствовать.

Оба они отличались при этомъ подкупающимъ благородствомъ. Такъ, помню, послѣ перваго представленія «Анжелло», оперы Цезаря Кюи, всѣ мы, прямо послѣ спектакля, отправились ужинать къ Кондратьеву. На ужинѣ присутствовали всѣ исполнители «Анжелло». Былъ также и Сѣровъ, приходившій послушать оперу своего музыкальнаго, если не врага, то неутомимаго противника, въ своихъ критическихъ статьяхъ безпощадно относившагося къ Сѣрову.

Опера вообще не понравилась, несмотря на участіе въ главной роли такого удивительнаго пѣвца, какъ Мельниковъ, и почти всѣ частью неодобрительно, а частью съ насмѣшкою отзывались какъ объ «Анжелло», такъ и о «Ратклифѣ»—оперѣ Кюи, предшествовавшей «Анжелло». Тогда поднялся Сѣровъ.

— Господа,—говорилъ онъ:—я съ вами не согласенъ.—«Анжелло», какъ и «Ратклифъ», быть можетъ, не музыкальныя драмы, онѣ, быть можетъ, не удовлетворяютъ условіямъ, которыя мы въ правѣ требовать отъ оперы, но музыка въ нихъ хорошая, не лишенная большихъ музыкальныхъ красотъ.

Такое благородство въ отношеніи къ противнику и даже врагу меня совсѣмъ покорило, и до сихъ поръ стоитъ предъ мною этотъ небольшого роста человѣкъ съ закинутыми назадъ сѣдыми волосами, съ горячей рѣчью и съ типичнымъ внѣшнимъ обликомъ художника-артиста.

Въ то время онъ писалъ «Вражью силу». «Юдиѳь» же и «Рогнѣда» уже были обычными операми репертуара.

Въ «Рогнѣдѣ» прекрасно исполнялъ роль странника, требующую только пѣнія, а не игры, самъ Кондратьевъ, онъ любилъ эту роль, и «Рогнѣда» шла довольно часто. Гораздо рѣже шла «Юдиѳь», и рѣже потому, что требовала двухъ исключительныхъ исполнителей. Не помню, кто была первой Юдиѳью, кажется, это была Біанки, но совершенно опредѣленно вижу передъ собой и слышу въ этой роли Меньшикову, которую немного зналъ лично — артистку съ огромнымъ голосомъ обширнаго регистра и въ жизни женщину очень умную, остроумную и большого весельчака.

Что касается Олоферна, то первымъ исполнителемъ его былъ Саріоти, обладатель великолѣпнаго, могучаго баса и прекрасный актеръ. Онъ давалъ превосходный образъ Олоферна. Конечно, какъ игра его, такъ и речитативы уступали необычайно обдуманной и вдохновенной игрѣ, такъ же какъ сочности речитативовъ, которые даетъ намъ Шаляпинъ, но по силѣ голоса послѣдній, безъ сомнѣнія, не можетъ быть поставленъ въ уровень съ покойнымъ Саріоти; смѣю замѣтить при этомъ, что знаменитая пѣсня Олоферна «Знойною степью идемъ» далеко не производитъ у Шаляпина того впечатлѣнія, какое производила не только въ исполненіи Саріоти, но, пожалуй, даже и Корсова.

Это происходитъ, впрочемъ, быть можетъ, оттого, что предыдущія сцены Шаляпинъ ведетъ необыкновенно ярко и, пожалуй, этой яркостью затѣняетъ могучую силу пѣсни. Меня, впрочемъ, воспитаннаго на традиціяхъ былого времени, очень огорчило и то, что Шаляпинъ не захотѣлъ повторить пѣсни, несмотря на упорные крики «bis». И, право, при огромномъ сценическомъ его дарованіи онъ сумѣлъ бы устроить повтореніе такъ, что это нимало не повредило бы ходу драмы, какъ это и дѣлаетъ постоянно Собиновъ въ «Онѣгинѣ», въ сценѣ дуэли.

Я уже говорилъ, что А. Н. Сѣровъ работалъ въ то время, о которомъ пишу, надъ новой своей оперой «Вражья сила».

Сюжетъ оперы взятъ, какъ извѣстно, изъ піесы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ». Только конецъ А. Н. Сѣровъ передѣлалъ: у Островскаго Петръ слышитъ церковный звонъ, и этотъ звонъ его отрезвляетъ; опера же кончается убійствомъ.

Когда Сѣровъ говорилъ о предположенномъ имъ измѣненіи сюжета комедіи Островскаго и я спросилъ его, зачѣмъ онъ хочетъ это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что звонъ колокола казался мнѣ, профану, хорошей темой для музыканта, А. Н. Сѣровъ отвѣчалъ, что такъ кончить, кончить по Островскому, значило бы кончить ничѣмъ: драма назрѣвала и должна была привести къ трагическому концу, а иначе «зачѣмъ бы было и огородъ городить»,—закончилъ композиторъ извѣстной русской пословицей.

И онъ, конечно, былъ правъ. Иначе конецъ напоминалъ бы французскія пьесы съ любимымъ французами благополучнымъ окончаніемъ: дѣйствіе развивается при такихъ угрожающихъ симптомахъ, что трагическій исходъ кажется неизбѣжнымъ, и тѣмъ не менѣе все распутывается къ общему удовольствію и благополучію.

Въ другую крайность впадаютъ русскіе драматурги, считающіе обязанностью кончить пьесу если не нѣсколькими смертями, то, по крайней мѣрѣ, одного изъ дѣйствующихъ лицъ застрѣлить, отравить или повѣсить. Изъ двухъ крайностей, для пьесъ дюжин-

ныхъ, каюсь, я лично предпочитаю окончанія благополучныя: уходишь изъ театра по крайней мѣрѣ безъ тяжелаго осадка на душѣ; но для серьезной музыкальной драмы окончаніе «Вражьей силы», принятое А. Н. Сѣровымъ, свидѣтельствуетъ и о большомъ умѣ его, и объ огромномъ художественномъ чутьѣ.

«Вражья сила», какъ извѣстно, была поставлена уже послѣ смерти ея автора, причемъ послѣднее дѣйствіе оркестровалъ Римскій-Корсаковъ, да и самая музыка этого дѣйствія, какъ говорятъ, много обязана вдовѣ покойнаго; но сценаріумъ, несомнѣнно, принадлежитъ А. Н. Сѣрову, доказательствомъ чего можетъ служить вышеприведенный разговоръ о томъ, какъ слѣдуетъ окончить оперу.

Я былъ на первомъ представленіи «Вражьей силы». Кондратьевъ оказался очень хорошъ въ грубой роли Петра, не требующей ни тонкой игры, ни изящества исполненія. Прекраснымъ Еремкой показалъ себя Саріоти, совсѣмъ потерявшій къ этому времени свой замѣчательный голосъ. Онъ успѣлъ пропѣть и прожить поразительный даръ, которымъ надѣлилъ его Всевышній, въ какіе-нибудь два-три года, такъ что къ былой, коронной своей роли Олоферна ему нельзя было и близко подойти, но, какъ прекрасный актеръ, онъ сдѣлалъ изъ Еремки яркую, жизненную фигуру.

VI.

Николай Николаевичъ Ге.

Ничего не понимая въ музыкѣ, я, какъ горячій поклонникъ живописи, несравненно болѣе образа Сѣрова сохранилъ въ своей памяти бесѣды и встрѣчи съ Николаемъ Николаевичемъ Ге.

Это былъ человѣкъ свободомыслящій, по тому времени—довольно крайнихъ лѣвыхъ убѣжденій, съ лысиной во всю голову, съ горящими карими глазами и горячей, оживленной рѣчью.

Онъ былъ пріятелемъ Герцена, написалъ его портретъ, какъ и портреты многихъ писателей, которые, какъ онъ говорилъ всегда, поступятъ послѣ его смерти въ галерею Третьякова. И свое обѣщаніе, повидимому, исполнилъ.

Человѣкъ очень большого ума, европейскаго образованія, много при томъ видѣвшій, онъ былъ въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ.

Я скажу даже, что, быть можетъ, умъ этого крупнаго художника преобладалъ надъ талантомъ.

И дѣйствительно, каждая картина его непремѣнно умно задумана, разумѣется, кромѣ програмной — «Тѣнь Самуила, являющаяся Саулу», за которую онъ получилъ золотую медаль, поѣздку за границу и надъ шаблонностью которой самъ искренно смѣялся.

Какъ человѣкъ очень умный, широко развитой, онъ нисколько не обижался замѣчаніями по поводу его картинъ и даже, напротивъ, вызывалъ ихъ. Помню, напримѣръ, появленіе его картины на сюжетъ—«Моленіе о чашѣ», названной имъ «Іисусъ въ саду Геѳсиманскомъ».

Картина готовилась къ выставкѣ, но выставка не была еще открыта, какъ онъ сказалъ мнѣ, чтобы я приходилъ на другой день въ академію художествъ посмотрѣть картину.

Я пошелъ.

Картина была въ отдѣльной комнатѣ и, разумѣется, не имѣла ничего общаго съ картинами прежнихъ даже очень крупныхъ художниковъ, изображавшихъ «Моленіе о чашѣ».

Какъ извѣстно, слова Спасителя: «Господи, да минуетъ меня чаша сія», трактовались такимъ образомъ: Спаситель стоялъ на колѣняхъ въ молитвенной позѣ, а надъ нимъ въ воздухѣ изображалась чаша.

Ге, какъ реалистъ, какъ человѣкъ очень большого ума, конечно, не могъ написать моленія о чашѣ по общепринятому шаблону и даже назвалъ свою картину не «Моленіемъ о чашѣ», а «Іисусъ въ саду Геѳсиманскомъ».

Передо мною стоялъ этотъ Іисусъ, склонясь на одно колѣно, съ глубокой складкой между бровей, задумчивый, какъ будто колеблющійся. Кругомъ обступили его тысячелѣтніе стволы оливковыхъ деревьевъ, сквозь которые проливался зеленоватый лунный свѣтъ, освѣщая землю, лишенную всякой растительности.

Лицо Спасителя, Его поза, оригинальность трактованія всѣмъ извѣстнаго сюжета заставляли невольно задуматься.

Въ комнатѣ я былъ абсолютно одинъ, и ничто не мѣшало сосредоточенности мысли.

Не знаю, сколько времени простоялъ я такимъ образомъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя веселый, знакомый, оживленный голосъ.

— Ну, что, какъ?—говорилъ Николай Николаевичъ.—Нравится или нѣтъ?

— Конечно, хорошо,—отвѣчалъ я.

— Хорошо—этого мало. Вы скажите опредѣленнѣе ваше мнѣніе.

— Да я вамъ уже сказалъ его.

— Да нѣтъ, этого мало. Я хочу слышать ваше мнѣніе не такое односложное. Вѣдь не даромъ же вы простояли столько времени надъ картиной и не слышали даже, какъ я вошелъ въ комнату, а я, пожалуй, минутъ десять ждалъ, когда вы отойдете отъ картины. Ну, говорите же прямо. Недостатки, конечно, находите, ну, говорите, какіе?—прямо, откровенно говорите.

— Полноте, Николай Николаевичъ, за кого же вы меня при-

нимаете, если полагаете, что я, профанъ, буду дѣлать замѣчанія о картинахъ такому художнику, какъ вы. Если бъ я самъ былъ художникомъ, тогда еще, пожалуй.

— Вотъ тогда-то я и не спросилъ бы вашего мнѣнія. Художники судятъ обыкновенно съ точки зрѣнія своего ремесла. Стараются подловить васъ на деталяхъ. Въ прелестной картинѣ Саврасова, напримѣръ, «Грачи прилетѣли», имъ нѣтъ дѣла до прелести картины, до силы впечатлѣнія, которую она даетъ, а вотъ—тѣнь отъ забора, видите ли, неправильно положена. Онъ только это и замѣтилъ въ картинѣ. Мнѣ дорого и нужно мнѣніе не ремесленника, а интеллигентной, образованной публики. И вотъ—извольте говорить, что вы думали, стоя столько времени надъ картиной?

— Ну, думалъ, разумѣется, что сюжетъ вы трактуете очень оригинально и интересно, реально, и что послѣ вашего «Іисуса въ саду Геѳсиманскомъ» «Моленіе о чашѣ» Бруни, хотя прекрасно написанное, можетъ казаться нѣсколько забавнымъ.

— Ну, а еще что же?

— Лицо Спасителя очень интересно, заставляетъ задуматься, наводитъ на мысли.

— Лицо вамъ нравится, значитъ, не весь Спаситель нравится вамъ. Ну, говорите, что не нравится?

Я попробовалъ было еще разъ избавить себя отъ неловкаго положенія—явиться судьею такого умнаго человѣка и первокласснаго художника, какъ Николай Николаевичъ, но онъ требовалъ такъ настоятельно, что пришлось уступить.

— Извольте,—сдался я.—И вотъ я начну свои замѣчанія именно съ мелочей, именно съ того, въ чемъ вы упрекаете художниковъ. Мнѣ ракурсъ ноги, на которую опирается Спаситель, кажется невѣрнымъ, какъ будто она коротка.

— Ну, нѣтъ, это вы оставьте. Вотъ видите ли,—и Николай Николаевичъ быстро подошелъ къ картинѣ, указалъ на отношеніе ноги къ туловищу и доказалъ, что я несомнѣнно ошибаюсь.—Ну, а еще?—спрашивалъ онъ съ прежнимъ оживленіемъ.

— Еще—пейзажъ мнѣ кажется какимъ-то зимнимъ. Посмотрите—нѣтъ ни одной травки. Земля совсѣмъ мертвая.

— Это тоже оставьте. Оливковый лѣсъ написанъ мною съ натуры съ рощи близъ Рима (и онъ сказалъ ея названіе). Въ вѣковыхъ оливковыхъ садахъ всегда такъ: ни одной травки вы не увидите.

— Большое спасибо, Николай Николаевичъ, что вы разъяснили мнѣ оба эти недоумѣнія, ну, а теперь, такъ какъ вы сами меня вызвали, я скажу вамъ мое твердое мнѣніе о Спасителѣ, мнѣніе, отъ котораго не отступлю.

— Ну, ну, говорите,—перебилъ Николай Николаевичъ съ прежнимъ оживленіемъ и настойчивостью.

— Зачѣмъ вы мужика-то такого здороваго сдѣлали? Вѣдь это атлетъ настоящій.

— Сынъ народа!—чуть не закричалъ убѣжденнымъ тономъ Ге.

— Да развѣ сынъ народа непремѣнно долженъ быть мужикомъ здоровеннымъ,—разгорячился и я, входя въ свою роль, подъ впечатлѣніемъ того, что передумалъ, стоя надъ картиной.—Вѣдь это, прежде всего, человѣкъ идеи. Да развѣ народъ—всѣ здоровяки. А Христа ради юродивые, развѣ они не дѣти народа? А посмотрите на нихъ—въ чемъ душа держится. А разные угодники Божіи, а схимники, иноки? Настоящіе иноки, разумѣется, не жирные монахи. А проповѣдники-фанатики—сектанты?—И я съ горячностью, свойственной молодости и живому темпераменту, продолжалъ доказывать первоклассному художнику-реалисту неправильность трактованія имъ интереснѣйшаго сюжета.

Онъ смотрѣлъ на меня съ большимъ удивленіемъ, пробовалъ слабо дѣлать возраженія, но въ концѣ концовъ задумался и послѣ длинной паузы сказалъ:

— Вотъ видите, какъ я былъ правъ, требуя мнѣнія образованной, интеллигентной публики: если бы мы съ вами поговорили объ этомъ ранѣе, я написалъ бы Спасителя иначе.

Передаю этотъ эпизодъ, какъ характеризующій, по моему мнѣнію, широкую терпимость Ге, человѣка дѣйствительно высоко развитого, терпимаго къ чужому мнѣнію, даже если это мнѣніе высказывалось и не спеціалистомъ и человѣкомъ сравнительно очень молодымъ, — мнѣ было тогда лѣтъ тридцать съ небольшимъ.

Помню еще, какъ въ оживленной бесѣдѣ по поводу его превосходной картины «Судъ царевича Алексѣя», видя веселое настроеніе Николая Николаевича, говорю ему:

— А знаете, Николай Николаевичъ, вѣдь у вашего царевича Алексѣя на лѣвой рукѣ два большихъ пальца.

— Ну, вотъ, что за вздоръ.

— Да всмотритесь хорошенько, это не я самъ замѣтилъ, а мнѣ указали. Посмотрите. Вѣдь онъ опирается на столъ мизинцемъ? Такъ вѣдь? А мизинецъ этотъ написанъ такъ, что дѣлаетъ впечатлѣніе большого пальца.

Разговоръ этотъ происходилъ не передъ картиной, такъ что провѣрить замѣчаніе нельзя было немедленно, но черезъ нѣсколько дней Николай Николаевичъ встрѣтилъ меня прежде всего фразой:

— А вѣдь палецъ дѣйствительно неловко написанъ.

Не знаю, исправилъ ли онъ палецъ въ повтореніяхъ картины «Судъ царевича Алексѣя», которыхъ онъ, по настойчивымъ заказамъ, сдѣлалъ два или три, но въ первой картинѣ мизинецъ, которымъ опирается Алексѣй на столъ, дѣйствительно производилъ впечатлѣніе большого пальца.

Я сказалъ, что, быть можетъ, умъ Николая Николаевича, пожалуй, даже преобладалъ надъ талантомъ художника.

Помню, по крайней мѣрѣ, нѣсколько портретовъ, написанныхъ имъ очень слабо.

Къ числу такихъ, несомнѣнно, надо отнести портретъ Володи, пятилѣтняго сына Кондратьевыхъ.

Ге хотѣлъ отблагодарить Марью Михайловну Кондратьеву за радушное гостепріимство и написалъ портретъ ея сынишки, но личико мальчика не представляло никакого интереса ни со стороны красоты, ни по выразительности, ни по оригинальности, и вышелъ блѣдный портретикъ кисло улыбающагося мальчугана, сидящаго на диванчикѣ, покрытомъ какой-то малиновой матеріей.

— Что скажете?—спрашивалъ меня Ге.

Я молчалъ.

— Что же молчите? Похожъ?

— Конечно, похожъ. Но я любопытенъ знать, Николай Николаевичъ,—замѣтилъ я шутливымъ тономъ:—какой матеріей покрытъ этотъ диванъ?

— Какой? Малиновой матеріей.

— Малиновой-то—малиновой, но что это? Бархатъ, трипъ, сукно, ситецъ наконецъ?

— Ну, что вы на глупости обращаете вниманіе. Просто малиновая матерія. Вы смотрите на портретъ, на сходство.

— Сходство-то сходствомъ, а все-таки какъ будто матерію-то надо было бы обозначить, какая такая она есть. Аксессуаръ-то, особенно художнику-реалисту, какъ будто не мѣшало бы написать пореальнѣе.

— Пожалуй, что такъ, да времени не было,—закончилъ Николай Николаевичъ, нимало не разсердясь за шутливый тонъ, которымъ я дѣлалъ вопросы по поводу сорта малиновой матеріи.

Портретъ этотъ доставилъ вскорѣ много слезъ m-me Кондратьевой.

Материнское самолюбіе, какъ извѣстно, сильнѣйшее изъ всѣхъ авторскихъ, побудило ее послать портретъ на выставку. Работа Ге, конечно, была принята, но вскорѣ появился номеръ «Стрекозы» съ обозрѣніемъ выставки, въ которомъ значился «Портретъ работы Н. Н. Ге», изображавшій криворотаго, уродливаго мальчишку и подписанный внизу: «Прелестный ребенокъ».

Мать была поражена въ самое сердце и плакала горючими слезами.

Этотъ Володя былъ премилый мальчикъ, предпочитавшій, между прочимъ, мое пѣніе вокальному искусству всѣхъ знаменитостей и корифеевъ Маріинской сцены. А пѣлъ я, уступая его настоятельнымъ просьбамъ, неизмѣнно одну и ту же старинную ямщицкую пѣсню ямщиковъ давно минувшаго времени:

Вдоль по Питерской,
По дороженькѣ,
По большой ямской,
Съ колокольчикомъ
Ѣдетъ миленькой;
Самъ на троечкѣ,
Самъ на троечкѣ
На вороненькой, и т. д.

Весь секретъ моего успѣха, какъ пѣвца, заключался въ томъ, что, сынъ кавалериста отца и особенно матери, страстной любительницы лошадей, Володя не могъ безъ восторга слышать пѣсню о «троечкѣ, о вороненькой».

Милый Володя, уже юношей, погибъ трагической смертью, очень меня огорчившей, хотя я зналъ его только ребенкомъ.

VII.

Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.

Кромѣ пѣнія, четверги Кондратьева часто оживлялись разсказами Ивана Ѳедоровича Горбунова и чтеніемъ разныхъ литературныхъ произведеній.

Горбуновъ приходилъ, обыкновенно, довольно поздно, послѣ театра, къ ужину и не столько разсказывалъ, сколько потѣшалъ нескончаемымъ выполненіемъ роли генерала Дитятина.

Время унесло столько лицъ, слышавшихъ разсказы почтеннаго генерала въ лицѣ несравненнаго Ивана Ѳедоровича, что считаю нужнымъ пояснить, какимъ образомъ эта роль выполнялась.

Обыкновенно за ужиномъ кто-нибудь, обращаясь къ Горбунову, задавалъ ему какой-нибудь вопросъ, касавшійся злобы дня, въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

— Ваше превосходительство, какого вы мнѣнія о женскомъ вопросѣ?

— То-есть какъ о женскомъ вопросѣ?—отвѣчалъ Горбуновъ, принимая тонъ стараго генерала и удивительно мѣняя въ то же время свою физіономію.

— Ну, напримѣръ, о женской эмансипаціи?

И генералъ Дитятинъ отвѣчалъ до такой степени мѣтко, забавно, что всѣ покатывались со смѣху.

Генералъ Дитятинъ, исполняя свою роль изъ года въ годъ, чуть не изо дня въ день,—потому что Иванъ Ѳедоровичъ, правду сказать, любилъ-таки пображничать, и если я никогда не видалъ его пьянымъ, то почти каждый вечеръ онъ былъ немного «въ градусѣ», «подъ шефсемъ»,—несмотря на такое, почти ежедневное исполненіе роли, умѣлъ сохранить столько оригинальности въ своихъ отвѣтахъ, никогда не повторяясь, что генералъ Дитятинъ сдѣлался

въ высшей степени популярнымъ среди интеллигентнаго и вмѣстѣ веселящагося Петербурга.

Горбунова даже заставили сняться въ военной формѣ, въ генеральскихъ эполетахъ и каскѣ николаевскихъ временъ. Такую фотографію я видѣлъ, между прочимъ, у Анатолія Ѳедоровича Кони, большого почитателя Горбунова, увѣряющаго даже, что у этого непосредственнаго юмориста самой чистой воды сквозь видимый смѣхъ слышались невидимыя слезы, съ чѣмъ я никоимъ образомъ согласиться не могу.

Я зналъ Горбунова хорошо. Для удачныхъ и интересныхъ импровизацій при выполненіи роли генерала Дитятина требовалось непремѣнно задавать ему вопросы съ достаточнымъ тактомъ, оживленіемъ и находчивостью, чтобы получались мѣткіе, интересные отвѣты. И вотъ на меня часто возлагали роль такого «вопрошателя». Это послужило поводомъ къ сближенію; мы сдѣлались пріятелями и при встрѣчахъ, по тогдашнему актерскому обычаю, почти всегда цѣловались.

Послѣдній разъ, уже слыша о его болѣзни, встрѣтилъ Ивана Ѳедоровича въ конторѣ Императорскихъ театровъ, сильно похудѣвшимъ, осунувшимся.

— Ну, какъ—«можешь ли?»—спрашиваю его извѣстной фразой изъ разговора его двухъ встрѣтившихся старухъ.

— Плохо,—отвѣчалъ онъ и передалъ подробности болѣзни.

— Ну, а насчетъ напитку какъ? Не дозволяютъ, небось?

— Да, стаканчикъ красненькаго, не больше, приказано.

— Значитъ, какъ госпожа Патти подносила господину Канцеляріи (Кальцоляри, извѣстный пѣвецъ) стаканчикъ красненькаго? [1]).

— Да, ужъ подобно тому,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

Черезъ полгода онъ скончался.

И, право, тому Петербургу, интеллигентному и веселящемуся, бесѣды котораго такъ оживлялъ своимъ присутствіемъ и несравненнымъ юморомъ Иванъ Ѳедоровичъ, этотъ самобытный талантъ, слѣдовало бы, если не поставить памятника, то выразить чѣмъ-нибудь, устроить что-нибудь незабываемое, чтобы имя этого человѣка не слишкомъ скоро упало въ бездну забвенія.

Справедливость требуетъ сказать, однако, что Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, несравненный разсказчикъ, творецъ особаго жанра въ этомъ родѣ, человѣкъ необычайной наблюдательности, подмѣчавшій нюансы, оттѣнки, самые мелкіе, но характерные, ускользавшіе отъ вниманія людей обыкновенныхъ, человѣкъ способностей прямо-таки творческихъ, былъ актеромъ крайне посредственнымъ, пожалуй, даже плохимъ и изъ всего его об-

[1]) Изъ извѣстнаго разсказа Горбунова «Травіата».

ширнаго репертуара можно назвать только двѣ-три роли, въ которыхъ онъ былъ положительно хорошъ, какъ, напримѣръ, въ «Не все коту масляница», да въ «Грозѣ»—Кудряша.

Божій даръ—свою огромную наблюдательность—Горбуновъ не закапывалъ, однако, въ землю, а съ любовью культивировалъ.

Помню забавную сцену, какъ Горбуновъ съ Коммиссаржевскимъ разсказывали о своемъ совмѣстномъ артистическомъ путешествіи. Горбуновъ говорилъ:

— Стою я у кассы. Подходитъ элегантная дама. «Правда, что будетъ пѣть въ концертѣ Коммиссаржевскій?» (При этомъ Горбуновъ крайне забавно мѣняетъ свой голосъ на дамскій, томный).—Правда-съ.—«Настоящій?»—Конечно, настоящій, какъ въ афишѣ сказано.—«Дайте намъ два билета перваго ряда». Подходятъ двѣ чуйки.—«Горбуновъ будетъ разсказывать?»—Будетъ.—«Настоящій—Иванъ Ѳедоровъ?»—Иванъ Ѳедорычъ.—«Давайте десять билетовъ дешевше чего получить невозможно». На меня чуйка шла, а на Коммиссаржевскаго—дама,—заканчивалъ Горбуновъ съ тѣмъ неподражаемымъ юморомъ въ тонѣ и въ интонаціяхъ, которые заставляли смѣяться до упаду, слушая его разсказы, собственно говоря, ничего особеннаго не представляющіе, какъ и вышеприведенный, да и какъ всѣ почти разсказы Горбунова, имѣвшіе такой колоссальный успѣхъ при его исполненіи и страшно теряющіе въ печати.

— Нѣтъ, послушайте про него,—перебилъ его Коммиссаржевскій, тоже не лишенный нотки юмора.—Ѣдемъ мы въ вагонѣ; на дворѣ метель, въ вагонѣ жара отъ натопленной желѣзной печи. Горбуновъ сидитъ, однако, въ своей енотовой шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и какъ будто дремлетъ, но на каждой станціи съ буфетомъ выходитъ изъ вагона. Меня это заинтриговало. Вышелъ и я прослѣдить за нимъ. Оказывается, что онъ сторожитъ двухъ пассажировъ третьяго класса. Оба они направляются въ буфетъ: благообразный попикъ тоненькимъ голоскомъ спрашиваетъ у стойки буфета: «Осетровый балычекъ есть?»—Нѣту.—«Вотъ и напрасно, а то бы я маленькую рюмочку выпилъ».—Другой пассажиръ, несмотря на метель и вьюгу, въ одномъ, крайне поношенномъ, синемъ вицъ-мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, сѣдой, высокаго роста, съ всклокоченными волосами, трагическаго вида, при самомъ входѣ въ буфетъ третьяго класса, уже кричитъ громкимъ басомъ: «Большую! Большую! Большую!»—И залпомъ выпиваетъ ее, только понюхавъ на закуску корочку чернаго хлѣба.

«И такъ на каждой станціи, гдѣ былъ хотя маленькій буфетъ, Иванъ Ѳедоровичъ въ своей еноткѣ неутомимо выслѣживалъ этихъ двухъ пассажировъ и не лѣнился выходить для нихъ на каждой станціи».

Кромѣ природной способности къ наблюдательности, развитой Горбуновымъ съ любовью чисто-спортивною, онъ отличался огромной любознательностью, что при замѣчательной памяти дѣлало его человѣкомъ самыхъ разносторонних сведѣній.

Помню случай, едва ли не изъ перваго знакомства моего съ Горбуновымъ.

Извѣстная компанія интеллигентныхъ людей, кутившихъ крайне рѣдко, собиралась, однако, разъ въ зиму на дорогой, но вполнѣ приличный пикникъ къ модному тогда Дороту, державшему прекрасный ресторанъ съ зимнимъ садомъ за Нарвскими воротами. Участвовавшіе въ пикникѣ почти сплошь были молоды, почти всѣ женаты, и почти всѣ жены были молоды и интересны.

Денегъ на пикникъ не жалѣли, шампанское лилось рѣкой, приглашали цыганъ. Разъ одинъ изъ участниковъ пообѣщалъ привезти Горбунова и исполнилъ свое обѣщаніе.

На удалыхъ тройкахъ, возившихъ тогда не умѣренной рысцой, какъ теперь, а съ быстротой почти равной автомобильной, въ три часа со сборнаго пункта отправились къ Дороту, гдѣ компанію уже ожидалъ не то завтракъ, не то обѣдъ (déjeuner dînatoir, какъ удачно выражаются французы)...

За Горбуновымъ, разумѣется, всѣ ухаживали, и онъ, даже безъ всякой просьбы, вслѣдъ за жаркимъ началъ разсказывать. Восторгъ былъ общій. Молодыя барыни пили его здоровье, подходили къ нему, чуть не цѣловались; но завтракъ кончился, таперъ заигралъ вальсъ, и всѣ пустились танцовать.

Танцы, подъ вліяніемъ выпитаго шампанскаго, были самые оживленные, танцовали, какъ говорится, до упаду. Часа черезъ три, чтобы передохнуть, я зашелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ было поставлено два карточныхъ стола. За однимъ сидѣли четверо наиболѣе солидныхъ участниковъ пикника, уже переставшихъ увлекаться танцами, за другимъ—грустный, всѣми забытый, сидѣлъ Горбуновъ, еще такъ недавно бывшій предметомъ восторженныхъ овацій.

Мнѣ стало жаль его.

«Какъ же это такъ, всѣ забыли его,—подумалъ я.—Вѣдь это даже неделикатно».

И я присѣлъ къ столу.

Началъ «занимать» его. Завелъ разговоръ о театрѣ, объ артистахъ, какъ вдругъ онъ, пользуясь маленькимъ перерывомъ, говоритъ:

— Вотъ вы офицеръ генеральнаго штаба и, навѣрное, хорошо освѣдомлены о настоящей войнѣ (это было какъ разъ въ разгаръ франко-прусской войны и осады Меца). Поясните мнѣ...

И онъ началъ задавать вопросы, касающіеся войны, да такъ толково, съ такою искренностью тона, доказывавшею, что онъ

спрашиваетъ не для поддержанія разговора, а дѣйствительно интересуется, что я для того, чтобы отвѣты мои привести въ нѣкоторую систему, взялъ тутъ же лежащій мѣлъ, начертилъ схематически карту и разсказалъ ему въ популярномъ, конечно, изложеніи, но систематически, весь ходъ кампаніи, не исключая, конечно, великолѣпной, съ точки зрѣнія стратегической, Седанской операціи.

Иванъ Θедоровичъ слушалъ крайне внимательно и искренно благодарилъ.

Лекція продолжалась съ полчаса, не болѣе, потому что даромъ популярнаго изложенія я когда-то обладалъ вполнѣ. Меня потащили танцовать, и я ушелъ, сдавъ Ивана Θедоровича на руки кому-то другому.

За ужиномъ онъ, разумѣется, опять явился тріумфаторомъ. Пикникъ затянулся. Много пѣли цыгане. Было дѣйствительно весело. Разъѣхались далеко за полночь, и, вспоминая часто разсказы Горбунова въ этотъ вечеръ, я, разумѣется, совершенно забылъ о бесѣдѣ съ нимъ съ глазу на глазъ.

Прошло съ годъ времени. Встрѣчался съ Иваномъ Θедоровичемъ, но всегда въ большомъ обществѣ и не надолго. И вотъ опять пришлось какъ-то остаться съ нимъ вдвоемъ.

— А знаете, полковникъ,—говорилъ онъ:—какъ я вамъ благодаренъ за разъясненіе мнѣ франко-прусской войны. Вѣдь я и раньше слѣдилъ за ней по газетамъ, но все какъ-то неясно было. А вы на картѣ такъ это все систематично, выпукло и доказательно мнѣ разъяснили, что теперь я войну эту понимаю.

— Ну, полноте, Иванъ Θедоровичъ, вы, конечно, давно ужъ и забыли, что наболталъ я вамъ на веселомъ пикникѣ.

— Напрасно. Хотите, я повторю вамъ все то, что вы мнѣ разсказали?

— Ну, вотъ, зачѣмъ же мнѣ экзаменовать васъ?—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Нѣтъ, я вижу, что вы мнѣ не вѣрите, такъ вотъ, послушайте.

Онъ взялъ карандашъ, листъ бумаги, сдѣлалъ схематическій чертежъ и почти дословно повторилъ импровизированную лекцію, прослушанную годъ тому назадъ. Понятно, что моя недовѣрчивая улыбка уступила мѣсто крайнему изумленію.

Благодаря своей любознательности, памяти и способности схватывать стиль рѣчи и звуковыя особенности, Горбуновъ, какъ извѣстно, могъ писать до неузнаваемости слогомъ русскихъ людей XVII вѣка и говорить рѣчи по-англійски, не зная двухъ словъ на этомъ языкѣ.

Такъ, когда на какомъ-то банкетѣ онъ передавалъ рѣчь американца Фохта, посланнаго въ Россію дружественной намъ тогда Сѣверной Америкой, присутствовавшій на обѣдѣ англичанинъ

очень внимательно вслушивался въ рѣчь и выразилъ удивленіе, что хотя ораторъ, несомнѣнно, говорилъ по-англійски, онъ, англичанинъ, не понялъ содержанія рѣчи.

Точно такъ же кто-то прочиталъ извѣстному знатоку старой русской письменности, Павлу Ивановичу Савваитову, донесеніе царю горбуновскаго боярина о путешествіи его по Германіи въ XVII вѣкѣ, заключавшее въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«А городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ живая вода, а та вода шипитъ, а течетъ та вода изъ горы каменныя, растетъ на ней лѣсъ почастый. И у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь,—и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохторствомъ смотрятъ, и ту живую воду пить велятъ и въ той водѣ сидѣть. А люди Московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе, и я про твое, государево, здоровье пью ежедень. Палата построена каменная, большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ:—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчина народное множество—иныхъ государствъ люди—и жиды, и езовиты, и жонки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди, и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту. А въ сѣняхъ трубятъ въ трубы и въ бубны бьютъ и на струментахъ и на свирѣляхъ—на искушеніе».

Выслушавъ внимательно донесеніе боярина, Павелъ Ивановичъ Савваитовъ выразилъ изумленіе, что рулетка существовала въ Германіи уже въ XVII вѣкѣ, никакъ не предполагая, что предъявленная ему якобы копія манускрипта не болѣе, какъ шутка Ивана Ѳедоровича.

VIII.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

У Кондратьева же я познакомился съ братьями Потѣхиными и съ однимъ изъ нихъ, Алексѣемъ Антиповичемъ, былъ впослѣдствіи знакомъ довольно близко, бывалъ у него, и онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Ялту.

Это былъ, несомнѣнно, даровитый писатель изъ плеяды для того времени второстепенныхъ талантовъ, уступавшихъ первыя мѣста такимъ колоссамъ, какъ Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Островскій и, пожалуй, даже Гончаровъ, но представляющихъ собою также величины колоссальныя въ сравненіи съ современными корифеями литературы. Да простятъ мнѣ писатели современные, но, какъ хотите, настоящая литература, не исключая даже Чехова и великаго Максима, не дастъ ни одного имени, которое могло

бы итти въ параллель съ именами не только Гончарова, но и Писемскаго, Григоровича, Алексѣя Потѣхина, Андрея Печерскаго, наконецъ графа Саліаса, какъ автора прелестныхъ вещей—въ родѣ «Los novios» и особенно мало оцѣненныхъ «Пугачевцевъ»—пока нужда не заставила его фабриковать историческіе романы.

Но и Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, человѣкъ, несомнѣнно, очень умный и даровитый, представлялъ собою аномалію. Онъ, талантливый романистъ и писатель для сцены, не обладалъ, по-моему, вкусомъ, ни въ смыслѣ литературномъ, ни сценическомъ. И, между тѣмъ, его поставили во главѣ образцоваго императорскаго драматическаго театра.

Помню, напримѣръ, какъ онъ превосходно читалъ у Кондратьева отрывки изъ своихъ сочиненій; но разъ, на просьбы прочесть что-нибудь, онъ отвѣчалъ, что не захватилъ съ собою ничего имъ написаннаго. Зная въ немъ исключительнаго чтеца, начали просить, чтобы онъ прочелъ что-нибудь, хотя не свое, ну, хотя бы изъ Гоголя. Онъ согласился и выбралъ сцену у генерала Бетрищева.

Тонъ генерала былъ взятъ невѣрно, да вѣрности тона мѣшало и свойство голоса Алексѣя Антипыча, лишеннаго звучности и низкихъ нотъ. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ сошелъ лучше, но каково было удивленіе мое, когда Улинька явилась какой-то жеманной, манерной, провинціальной барышней-тараторкой. Я взглянулъ на m-me Кондратьеву, человѣка литературно-развитого, и увидѣлъ удивленные большіе глаза, смотрящіе вопросительно на меня.

— Господи, какой позоръ!—шепнула она мнѣ, когда чтеніе кончилось.

Въ томъ же, что почтеннѣйшій, уважаемый мною Алексѣй Антиповичъ не обладалъ вкусомъ при оцѣнкѣ сценическихъ дѣятелей, я убѣдился, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ репертуара Александринскаго театра.

Послѣ «Безприданницы», напримѣръ, въ которой прославленный въ этой роли московскій Ленскій, по-моему, далеко не давалъ даже по своей фигурѣ крупнаго образа обаятельнаго волгаря Паратова,—Потѣхинъ говорилъ, что Сазоновъ, въ роли жениха безприданницы, никуда не годился.

— Позвольте, Алексѣй Антипычъ,—возражалъ я.—По-моему, Сазоновъ игралъ просто безукоризненно. Лучше, обдуманнѣе дать образъ этого ничтожнаго человѣчишки—просто невозможно. Какъ же вы хотите, чтобы онъ поставилъ эту роль? По-моему, какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ деталяхъ, онъ сыгралъ безукоризненно.

Потѣхинъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, но, къ чести его, мнѣніе свое о Н. О. Сазоновѣ перемѣнилъ.

Онъ зналъ во мнѣ человѣка, любящаго сцену, понимающаго ее, слышалъ, что я самъ былъ выдающимся актеромъ на любитель-

скихъ спектакляхъ и, впослѣдствіи, часто спрашивалъ моего мнѣнія о пьесѣ и объ исполнителяхъ.

Помню, съ какимъ восторгомъ, посѣтивъ меня въ Ялтѣ, онъ говорилъ о томъ, что пріобрѣлъ двухъ замѣчательныхъ артистовъ—Свободина и Далматова.

Свободинъ, безъ сомнѣнія, былъ актеръ очень полезный, умный, но большой талантливости я въ немъ не находилъ. Что касается В. П. Далматова, то хотя я зналъ его лично и очень любилъ, но, отдавая должную дань его даровитости, нельзя не признать, что это былъ актеръ не ровный и неестественнаго тона, когда брался играть трагическія роли, повидимому, особенно близкія его сердцу.

— Ну, Александръ Николаевичъ,—говорилъ мнѣ, пріѣхавъ однажды, Алексѣй Антипычъ.—Вотъ пріобрѣлъ актера. Просто удивительный. Приходите, непремѣнно приходите, онъ будетъ на дняхъ дебютировать въ «Уріэль-Акостѣ». Да вы должны его знать. Это бывшій пѣвецъ Самусь. Онъ бросаетъ оперу и переходитъ къ намъ въ драму. Вотъ это актеръ, просто поразительный,—повторялъ еще разъ Алексѣй Антипычъ.

Я, разумѣется, пошелъ, и, какъ театралъ самый искренній, съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Уріэль-Акосты.

И вотъ онъ появился—необыкновенно красивый, особенно на сценѣ, стройный, изящный, съ чарующимъ голосомъ.

Но голосъ этотъ, при всей его красотѣ, нимало васъ не трогалъ, не проникалъ въ душу, не шелъ дальше барабанной перепонки. Чувствовалось до очевидности, что человѣкъ не трогается тѣмъ, что ему говорятъ,—что говоритъ онъ самъ; чувствовалось съ несомнѣнностью, что актеръ хорошо выучилъ свою роль и играетъ, только играетъ, не преображаясь въ изображаемое лицо, не проникаясь тѣми волненіями, о которыхъ говоритъ, говоритъ безучастно, заученно, шаблонно.

Разочарованіе усиливала походка, жесты—какъ то, такъ и другое—неестественные, ходульные, указывающіе на вліяніе итальянскихъ оперныхъ пѣвцовъ былого времени, какъ, напримѣръ, Тамберлика, чарующее, подымающее пѣніе котораго шло такъ въ разрѣзъ съ ходульной походкой. Но тамъ, благодаря чудному голосу и музыкѣ, ходульная походка отходила въ сторону, въ драмѣ же она била въ глаза и ударяла даже по нервамъ.

Въ антрактѣ пошелъ за кулисы. Потѣхинъ былъ въ уборной Самуся и хлопоталъ около него.

— Ну, что, какъ?—говорилъ онъ, когда мы оставили уборную.

— Чудный голосъ,—отвѣчалъ я, не желая его разочаровывать во время спектакля.

— Правда? А играетъ-то какъ!—восторженно говорилъ Алексѣй Антиповичъ.—Громадный, громадный талантъ.

— Я къ вамъ заѣду завтра, и мы подѣлимся впечатлѣніями, — отвѣчалъ я.

И на другой день высказалъ ему совершенно опредѣленно свое мнѣніе.

Онъ былъ пораженъ, пробовалъ спорить, далъ Самусю еще одинъ дебютъ. Не помню, принялъ ли его въ труппу, но, какъ полнѣйшая бездарность, Самусь не пошелъ дальше и кончилъ свою карьеру профессоромъ пѣнія, какъ мнѣ говорили, очень хорошимъ.

Меня поражало также, какъ, человѣкъ, несомнѣнно, умный и даровитый, Алексѣй Антипычъ не сумѣлъ себя поставить въ труппѣ, руководить которой былъ призванъ: искалъ популярности, цѣловался съ половиной актеровъ при встрѣчѣ, вообще «игралъ въ товарища» и, несмотря на это, или, вѣрнѣе, именно поэтому, актеры его не любили. И совершенно естественно, потому что начальникъ непремѣнно долженъ держать себя,—не важничая, конечно; не позволяя себѣ, конечно, грубостей,—на извѣстной высотѣ: быть ровнымъ, спокойнымъ, не нервничать, быть внимательнымъ къ просьбамъ и въ то же время чуждымъ поблажекъ. При товарищескихъ же, или, вѣрнѣе, псевдо-товарищескихъ отношеніяхъ,— отношеніяхъ, прежде всего лишенныхъ искренности,—держать себя указаннымъ образомъ просто невозможно.

IX.

Александръ Николаевичъ Островскій и Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій въ разсказахъ Писарева.

Одновременно съ назначеніемъ въ Петербургѣ Потѣхина въ Москвѣ драматическая труппа поступила въ вѣдѣніе Александра Николаевича Островскаго. Дирекціей Императорскихъ театровъ рѣшено было, повидимому, влить новое вино въ старые мѣха, и во главѣ обѣихъ труппъ—въ Петербургѣ и въ Москвѣ—поставить двухъ самыхъ выдававшихся въ то время драматическихъ писателей. Но оказалось, какъ это можно было предвидѣть заранѣе, что быть талантливымъ драматургомъ и хорошимъ, толковымъ администраторомъ и даже цѣнителемъ сцены—двѣ вещи совершенно различныя, требующія способностей, очень рѣдко укладывающихся въ одномъ и томъ же человѣкѣ: выборъ Островскаго также былъ неудаченъ, и вскорѣ онъ самъ отказался отъ роли начальника репертуара въ Москвѣ, оставивъ о себѣ закулисную память въ самыхъ разнообразныхъ анекдотахъ, рисующихъ оригинальную личность этого даровитѣйшаго изъ нашихъ драматурговъ, на смѣну произведеніямъ котораго, увы, пошли разныя «Анатемы» и «Жизни человѣка».

Александра Николаевича Островскаго лично я не зналъ вовсе, хотя переписывался съ нимъ отъ лица премьерши труппы, ставившей въ свой бенефисъ его «Сонъ на Волгѣ». Но я слышалъ нескончаемые о немъ разсказы, какъ и о Писемскомъ, отъ Писарева, извѣстнаго трагическаго актера, мужа гремѣвшей въ свое время на всю Россію необычайно сильной трагической актрисы Стрепетовой.

Модестъ Ивановичъ Писаревъ былъ человѣкомъ очень умнымъ, образованнымъ и замѣчательнымъ знатокомъ драматической литературы, не только русской, но и западно-европейской.

Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, но страсть къ театру побудила его бросить все и итти на сцену.

У него были всѣ данныя для трагическаго актера: высокій ростъ, крупная, красивая фигура, тонкія черты выразительнаго лица, прекрасный голосъ съ сочными, нижними нотами, наконецъ—умъ и образованіе; но искры Божіей, таланта, священнаго огня—въ немъ не было, и, кромѣ того, когда я увидѣлъ его поступившимъ на императорскую сцену, въ немъ уже проглядывалъ актеръ провинціальный, не тонкій, грубоватый, рубившій къ тому же свою рѣчь. И, тѣмъ не менѣе, въ сильныхъ мѣстахъ онъ производилъ большое впечатлѣніе.

Писаревъ, какъ одинъ изъ главныхъ исполнителей пьесъ Александра Николаевича Островскаго и «Горькой судьбины» Писемскаго, былъ очень близокъ съ ними обоими.

Оба эти крупные писатели, отличаясь выдающимся умомъ, а Островскій—и громаднымъ талантомъ, были большими оригиналами. Всѣхъ анекдотовъ о нихъ я, конечно, не помню, но вотъ нѣсколько, на выдержку.

Островскій совсѣмъ не зналъ языковъ и поѣхалъ за границу вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ, не имѣвшимъ также претензій на лингвиста.

Бѣдствовали они изъ-за незнанія языка въ Германіи. Встрѣтившійся пріятель, однако, тамъ ихъ вызволилъ.

— Но какъ же мы будемъ въ Парижѣ?—спрашиваетъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь тамъ не нѣмцы,—французы, а французы-то, чай, слышалъ, и говорятъ по-французски, а французскій-то языкъ мой родной,—увѣрялъ Александръ Николаевичъ.

— Только выходимъ мы на границѣ къ таможнѣ—разсказывалъ Горбуновъ—я и говорю ему: Александръ Николаевичъ, спроси же, куда намъ итти. Вѣдь по-французски ты говоришь хорошо.

— Чудакъ человѣкъ,—отвѣчалъ онъ:—какъ же я буду съ нимъ говорить по-французски, когда, ты видишь, у меня саквояжъ въ рукахъ?

Оказалось, что и по-французски Александръ Николаевичъ го-

ворилъ такъ же, какъ по-нѣмецки, что послужило темою многихъ забавныхъ разсказовъ И. Ѳ. Горбунова.

Александръ Николаевичъ былъ очень не прочь пропустить рюмочку-другую; но въ виду болѣзни печени врачи запретили ему это невинное удовольствіе.

— Пріѣзжаю я разъ къ нему въ имѣніе — разсказывалъ Писаревъ.—Предъ обѣдомъ угощаетъ онъ меня закуской и наливаетъ рюмку. А себѣ-то?—спрашиваю я.—«Нѣтъ, батюшка, мнѣ запрещено. Строго запретили врачи».—Да какъ же я одинъ пить буду? Это какъ-то неловко,—говорю я, наливая ему рюмку.—«Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, не буду. Запрещено».—Да неужто отъ одной заболѣете? Вѣдь по одной только выпьемъ.—«Ну, развѣ по одной». Выпили. «А ну-ка, по другой, безъ интервала!»—говоритъ Александръ Николаевичъ.—А тамъ пошло и по третьей, и по четвертой.

Когда болѣзнь печени вынудила врачей строго запретить ему потребленіе россійскаго напитка, на которомъ зиждилось еще такъ недавно благосостояніе отечественнаго бюджета, жена, ухаживавшая за Александромъ Николаевичемъ, какъ за взрослымъ ребенкомъ, изгнала въ усадьбѣ, гдѣ они жили, напитки вовсе.

Пріѣзжаетъ къ нему какой-то актеръ.

Принимаютъ его очень радушно, кормятъ обильнымъ столомъ, но водки—ни рюмки.

Заскучалъ актеръ и рано утромъ отправился въ сосѣднее село, версты за три, гдѣ, какъ онъ узналъ, была благодатная «продажа питей». И вотъ, предъ обѣдомъ, говоритъ Александру Николаевичу:

— Пройдемте-ка, Александръ Николаевичъ, въ мою комнату на минутку.

Идутъ.

Входятъ. Актеръ беретъ стаканъ, беретъ рукомойникъ и наполняетъ изъ него стаканъ.

— Пожалуйте, Александръ Николаевичъ, откушайте.

— Да что вы, что вы, батюшка. Я этой гадости никогда не пью и послѣ обѣда, а тутъ передъ обѣдомъ воду пить.

— Нѣтъ, да вы попробуйте.

Александръ Николаевичъ попробовалъ и, выпивъ залпомъ, съ восторгомъ замѣтилъ:

— Да вѣдь какъ остроумно!

Жена стала замѣчать, что, хотя водки не было въ домѣ ни рюмки, Александръ Николаевичъ въ самомъ началѣ обѣда уже нѣсколько дней является благодушно настроеннымъ. Велѣла осмотрѣть комнату актера, поискать бутылки,—ничего не оказывается. Вошла сама въ отсутствіе, конечно, гостя и, проходя мимо умывальника, тонкимъ обоняніемъ почуяла блаженный запахъ. Оказалось,

что «остроумный» актеръ приносилъ ежедневно водку, наполнялъ ею рукомойникъ, а бутылку выбрасывалъ въ саду.

Говорить ли, что, какъ ни было «остроумно» изобрѣтеніе, ему былъ положенъ конецъ.

Другой оригиналъ, человѣкъ огромнаго ума и недюжиннаго таланта, Алексѣй Өеофилактовичъ Писемскій былъ извѣстенъ, какъ циникъ, не стѣснявшійся въ выраженіяхъ и, несмотря на университетское и вообще большое образованіе, говорившій языкомъ своего родного костромского мужика съ сильнымъ удареніемъ на «о».

Характеризуя всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, какъ людей большого ума, я не боюсь, однако, впасть въ однообразіе при оцѣнкѣ этихъ личностей, потому что дѣйствительно это были, несомнѣнно, умные люди, а иначе не стоило бы и говорить о нихъ, но А. Ѳ. Писемскій, по отзывамъ Писарева и Анатолія Өедоровича Кони, особенно выдѣлялся своимъ мѣткимъ, чисто-русскимъ умомъ и образностью рѣчи своей, причемъ нимало не стѣснялся въ выраженіяхъ, которыя въ устахъ другого были бы совсѣмъ недопустимы.

— Приходимъ мы, только что поженившись, съ Полиной Антиповной (Стрепетовой) къ Писемскому,—разсказывалъ Писаревъ.— (Замѣчу въ скобкахъ, что ихъ обоихъ очень цѣнилъ Писемскій, какъ главныхъ исполнителей своей прекрасной пьесы «Горькая судьбина», десятки лѣтъ державшейся въ репертуарѣ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ).—Здравствуйте,—встрѣчаетъ насъ Писемскій. — Проздравляю. Любитесь, чай, спервоначалу-то. Только трагической актрисѣ жить такъ нельзя.—«А какъ же, Алексѣй Өеофилактовичъ?» спрашиваетъ Стрепетова. «Какъ же? О Рашели-то, чай, слыхали? Любовника бъ себѣ завели. А мало,— такъ двухъ. Да чтобъ прощалыга какой попался, да увезъ бы васъ верстъ за сто отъ губернскаго-то города, да бросилъ бы на постояломъ дворѣ, аль середь дороги. Да оттедова Христовымъ именемъ пришлось бы добраться до города. Ну, вотъ, тогда, конечно, поняли бы трагическія положенія. А то такъ-то што? Живете, какъ голубки, какъ же вамъ понять трагическія положенія?»

И это внушалось молодоженамъ совершенно серьезнымъ тономъ.

Уморительно передавалъ Писаревъ, какъ ѣздилъ Писемскій по Москвѣ, сажая лицомъ къ себѣ «дѣвку Акульку» съ раскрытымъ во всякую погоду зонтикомъ, на обязанности которой лежало «пужать» зонтикомъ встрѣчныхъ или объѣзжающихъ близко лошадей.

«Пужай ее, пужай!» приказывалъ онъ.

Писемскій, какъ сказано, говорилъ на манеръ своего родного костромского мужика, съ сильнымъ удареніемъ на «о».

— Прихожу я разъ къ нему,—разсказывалъ Писаревъ, а отъ него выходитъ Николай Александровичъ Чаевъ. «Что это?—говоритъ Писемскій.—Николай-отъ Александровичъ, человѣкъ вѣдь какой образованный, университетскій, а говоритъ-то, что твой мужикъ костромской».—Да ужъ это всѣ костромичи говорятъ такъ,—заступился я за Чаева.—«Что вы, что вы, батюшка,—замахалъ руками Писемскій, по обыкновенію сильно напирая на «о».—Да вѣдь я-то костромичъ-отъ, природный, а говорю-то, слава Тѣ, Господи».

— Въ другой разъ прихожу,—продолжалъ Писаревъ,—и спрашиваю: что пишете, Алексѣй Ѳеофилактовичъ? «Да что писать-то? Ничего не пишу».—Какъ же? Ну, романъ писали бы.—«Какой ужъ тутъ романъ. Старъ сталъ, чтобы романы писать».—Отчего стары? Вѣдь вотъ Иванъ Сергѣевичъ (Тургеневъ), пожалуй, постарше васъ будетъ, а пишетъ же романы.—«Да, Иванъ Сергѣвъ, точно, годамъ двумя-тремя постарше будетъ, да вѣдь онъ еще съ бабамъ возится, такъ ему романы-то писать можно, а меня-то ужъ грѣхъ-отъ оставилъ».

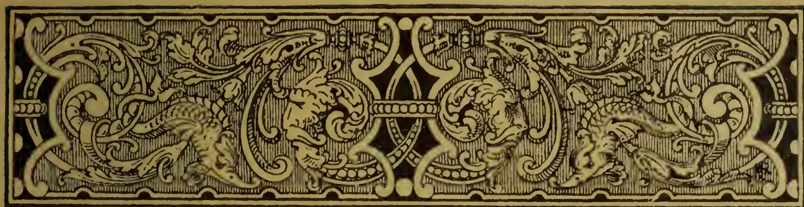
И такъ далѣе, забавные разсказы Писарева о Писемскомъ были нескончаемы.

Оставляя ихъ въ сторонѣ, считаю нужнымъ передать то, что, говорилъ Писемскій о своей всѣмъ извѣстной «Горькой судьбинѣ»:

«Она-то, Дарья,—гуляща баба, а баринъ—дуракъ вѣдь круглый. Ну, какъ же не дуракъ, коли мужику-то да дуэль предлагаетъ? Ананій Яковлевъ—разбойникъ, сущій разбойникъ. У меня и пьеса-то кончалась такъ, что Ананій барскую усадьбу сожегъ, пожаромъ такъ и кончалась, а Мартыновъ (извѣстный актеръ) говоритъ: «Не такъ, Алексѣй Ѳеофилактовичъ,—закончи на примиреніи, покаяніи». И самъ я увидѣлъ, что такъ лучше. Вонъ говорили про Мартынова, что дуракъ да дуракъ, анъ онъ не дуракъ былъ, а вò какой совѣтъ далъ».

Такимъ образомъ, по сознанію самого Писемскаго, «Горькая судьбина» обязана своимъ прекраснымъ окончаніемъ тонкому художественному чутью Мартынова.

Александръ Витмеръ.



Князь Григорій Васильевичъ Кугушевъ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Въ пятидесятыхъ — шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія довольно большой извѣстностью пользовался нынѣ почти забытый драматургъ, романистъ, поэтъ и завзятый театралъ князь Григорій Васильевичъ Кугушевъ. Его повѣсть «Корнетъ Отлетаевъ» въ свое время имѣла огромный успѣхъ, но въ особенности были популярны нѣкоторыя его пьесы, до сихъ поръ не сходящія съ репертуара, какъ, напримѣръ: «Друзья пріятели» и «Кохинхина». Зная довольно близко покойнаго писателя, позволяемъ себѣ привести здѣсь свои о немъ воспоминанія.

Князь Г. В. Кугушевъ родился 5-го марта 1824 г. въ богатой [1]) семьѣ тамбовскаго помѣщика князя Василія Михайловича Кугушева, служившаго при московскомъ генералъ-губернаторѣ. Мать его, Евдокія Ильинична, дочь богатаго орловскаго помѣщика Мещеринова.

Получивъ прекрасное домашнее образованіе (но, конечно, образованіе салонное), онъ очень рано почувствовалъ влеченіе къ литературѣ и прежде всего началъ писать стихи, печатавшіеся тогда въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ позднѣе были напечатаны

---

[1]) Сами по себѣ Кугушевы не были богаты; но они наслѣдовали большое состояніе послѣ смерти своего родственника Симонова. Говорятъ, что они обѣднѣли послѣ того, какъ одинъ изъ Кугушевыхъ пожертвовалъ огромныя лѣсныя богатства Саровской обители.

и нѣкоторыя его прозаическія произведенія, какъ, напримѣръ, разсказъ «Странникъ» и «Сцены на чистомъ воздухѣ».

Влеченіе къ литературѣ было у него до нѣкоторой степени наслѣдственнымъ. Его родной дядя, князь Николай Михайловичъ Кугушевъ, сподвижникъ Суворова по итальянскому походу, раненый въ одномъ изъ сраженій, выйдя въ отставку, поселился у себя въ тамбовской деревнѣ и здѣсь съ увлеченіемъ отдавался литературнымъ занятіямъ.

Его перу принадлежатъ: извѣстная въ свое время «Грановитая Палата» (разсказъ изъ исторіи Россіи въ стихахъ) и сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Праздное время инвалида», а также водевили «Любовныя шутки» и «Соболья шуба». Повидимому, имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ литературѣ и его отецъ, кажется, тоже кое-что изрѣдка пописывавшій. По крайней мѣрѣ, князь Григорій Васильевичъ всѣхъ увѣрялъ, что грибоѣдовскій «Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ» есть именно его отецъ, князь Василій Михайловичъ, и что это о немъ Репетиловъ говоритъ въ «Горе отъ ума»:

Но если генія прикажете назвать,—
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ.
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? Хоть мелочь?
Прочти, братецъ. Да онъ не пишетъ ничего.
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать.
Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и нѣчто».
Объ чемъ, бишь, «Нѣчто»?—обо всемъ.
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.

Ему же онъ приписывалъ слѣдующія двѣ эпиграммы:

ДМИТРІЮ БОЛХОВСКОМУ.

Не Дмитрій ты Донской,
Не Дмитрій Самозванецъ.
Ты—Дмитрій Болховской
И пьяница изъ пьяницъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ женскій полъ
Моимъ не внемлетъ стонамъ,
Амуръ [1]) въ моемъ саду
Грозитъ однѣмъ воронамъ.

Имѣли прикосновеніе къ литературѣ и внуки ихъ, также нынѣ умершіе, князь Флоръ Васильевичъ (1851—1881)—сынъ Василія Николаевича, авторъ очерковъ «Среди пріятной компаніи», писав-

[1]) Статуя Амура.

шій подъ псевдонимомъ «Ковшовъ», и князь Алексѣй Петровичъ, сынъ Петра Николаевича,* напечатавшій книжку стихотвореній. Первый получилъ образованіе въ московской четвертой гимназіи, а затѣмъ былъ нѣкоторое время въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. Писалъ въ «Стрекозѣ» и «Будильникѣ». Велъ невоздержную жизнь, особенно въ Петербургѣ, въ компаніи съ Д. Д. Минаевымъ, который вѣсть о смерти своего пріятеля и собутыльника встрѣтилъ такимъ экспромтомъ:

Выпивъ изрядно и плотно покушавъ,
Богу душу отдалъ нашъ милый Кугушевъ.

Второй получилъ образованіе въ Поливановской гимназіи въ Москвѣ, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ, писалъ мелкія стихотворенія и пьесы въ стихахъ. Его историческая драма «Варѳоломеевская ночь» осталась ненапечатанной.

Сюда же по матери (въ дѣвицахъ княжна Марья Николаевна Кугушева) нужно отнести ихъ двоюроднаго брата Митрофана Ниловича Ремезова, одного изъ редакторовъ журнала «Русская Мысль», переводчика Доре и автора романа «Нашихъ полей ягоды».

Хотя князей Кугушевыхъ вообще очень много въ губерніяхъ Тамбовской, Пензенской, Уфимской и Самарской, но только одна эта тамбовская вѣтвь выдѣлила изъ себя писателей.

Обратимся теперь къ трудамъ князя Григорія Васильевича. Столь знаменитая въ свое время повѣсть его «Корнетъ Отлетаевъ», имъ же передѣланная въ пьесу того же наименованія, напечатанная въ 1856 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ 1858 году вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ, обратила тогда на себя всеобщее вниманіе довольно вѣрнымъ изображеніемъ крѣпостного быта помѣщиковъ.

Интересъ къ этому произведенію еще болѣе усилился, когда стало извѣстно, что «Отлетаевъ» почти цѣликомъ списанъ съ извѣстнаго богача-самодура, помѣщика Танѣева, который къ этому времени уже совсѣмъ разорился и, какъ говорили, съ дворянской фуражкой на головѣ ходилъ по домамъ и просилъ на бѣдность.

Помимо нѣкоторой искусственности въ построеніи разсказа, «Корнетъ Отлетаевъ» въ самомъ дѣлѣ написанъ довольно занимательно и читается съ большимъ интересомъ даже въ настоящее время [1]).

Повѣсть развертываетъ передъ читателемъ яркую картину крѣпостного быта почти наканунѣ освобожденія. Отлетаевъ въ какія-нибудь десять лѣтъ ухнулъ свое огромное состояніе (три тысячи душъ, десять тысячъ десятинъ земли и на милліонъ рублей лѣсу) и живетъ гдѣ-то на чердакѣ на счетъ добрыхъ людей, попреж-

---

[1]) Новое его изданіе сдѣлано А. С. Суворинымъ въ 1897 г.

нему припѣваючи, нисколько не тяготясь своимъ новымъ помѣщеніемъ.

Жена съ дѣтьми ушла отъ него, а онъ хвастается: «сколько горничныхъ я знаю. Ужасъ. Они дамы моего теперешняго общества. Бывало, шаль за поцѣлуй, нынче фунтъ каленыхъ орѣховъ. Бывало, брильянты дѣлали дѣло, нынче пряники миндальные...» и т. д. Вотчимъ Отлетаева, Мальвининъ, даетъ ему пятнадцать рублей на сапоги, а онъ на эти деньги покупаетъ лягавую собаку и, приведя ее къ Мальвинину, заставляетъ ее продѣлывать разныя штуки:

«— Умри, Трезоръ,—кричалъ корнетъ.

«Собака шлепнулась на полъ и не двигалась.

«— Живи, Трезоръ.

«Собака быстро вскочила на ноги.

«— О, другъ ты мой,—началъ корнетъ, обнимая шею Трезора и цѣлуя его голову:—если бъ у меня былъ кусокъ хлѣба, я бы далъ тебѣ большую половину, но такъ какъ у меня нѣтъ куска хлѣба, то будемъ вмѣстѣ голодать и показывать свѣту штуки... Мнѣ нуженъ былъ другъ, и я нашелъ его. О, мой Трезоръ.

«— Что далъ?—спрашиваетъ его Мальвининъ.

«— Бездѣлицу.

«— Да сколько?

«— Пятнадцать.

«— Цѣлковыхъ?—крикнулъ Мальвининъ.—Ну, а какъ же сапоги?—и залился громкимъ смѣхомъ.

«— На что мнѣ сапоги, когда я купилъ сокровище.

Хозяинъ продолжалъ хохотать, а корнетъ цѣловалъ «Трезора»,—такъ заканчивается повѣсть князя Кугушева.

На нее обратилъ вниманіе В. В. Каллашъ въ своей книгѣ «Очерки по исторіи школы и просвѣщенія» (Москва, 1902); въ четвертой главѣ «Черты дореформеннаго воспитанія» авторъ говоритъ: «Передъ нами довольно широкая эпическая картина помѣщичьяго быта наканунѣ «катастрофы». Онъ даетъ богатый матеріалъ для постановки мало еще изученнаго вопроса о вліяніи крѣпостныхъ порядковъ на помѣщичью среду, для характеристики тѣхъ условій, среди которыхъ воспитывались молодыя дворянскія поколѣнія».

Охарактеризовавъ далѣе «племянника», отъ лица котораго ведется разсказъ, тетушку его графиню Буриме, ея воспитанницу, дочь лакея Фешу (героиня повѣсти), и самого Отлетаева и приведя изъ повѣсти нѣсколько характерныхъ сценъ, авторъ говоритъ, что изъ-за старомоднаго разсказа и наивнаго его построенія здѣсь выступаютъ ярко и выпукло разрозненныя черты «добраго стараго времени».

«Это небезынтересная страница изъ исторіи русскаго просвѣщенія половины XIX вѣка,—продолжаетъ онъ:—и читатель, на-

вѣрно, не пожалѣетъ о затраченномъ времени, если перечтетъ цѣликомъ новое изданіе давно забытаго разсказа», которому г. Каллашъ придаетъ значеніе настоящаго историческаго памятника.

Другой разсказъ князя Г. В. Кугушева.

Эскизъ изъ провинціальной жизни «Странникъ» также воспроизводитъ картину помѣщичьей жизни («Отечественныя Записки», 1857 г., кн. 5); въ немъ съ фотографической точностью описаны причуды княгини Евгеніи Акимовны Кугушевой, жены тамбовскаго помѣщика князя Петра Николаевича Кугушева, двоюроднаго брата автора. Это была очень красивая, живая и крайне эксцентричная женщина, постоянно чѣмъ-нибудь увлекавшаяся, быстро и рѣзко, напримѣръ, переходившая отъ религіознаго экстаза къ Фейербаху и крайностямъ современнаго тогда нигилизма.

Въ періодъ ея необыкновенной набожности, почти аскетизма, князь Г. В. Кугушевъ, посылая ей свой новый романъ «Постороннее вліяніе», сдѣлалъ на немъ такую надпись:

Иже вживѣ во святыхъ,
Во постѣ, смиреніи,
Шлю я плодъ трудовъ моихъ
Матери Евгеніи.

Переходя къ другимъ беллетристическимъ произведеніямъ князя Кугушева, роману въ четырехъ частяхъ «Постороннее вліяніе» (1858 г.) и повѣсти «Пыль» («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., отд. изд. 1858 г.), мы должны сказать, что они съ своими шаблонными великосвѣтскими сюжетами далеко уже не имѣли такого успѣха, и авторъ ихъ, испытавъ, повидимому, и самъ нѣкоторое разочарованіе въ этихъ своихъ трудахъ, всецѣло перенесъ свою литературную дѣятельность въ сферу театра.

Начавъ писать для сцены много раньше (въ 1851 году въ журналѣ «Пантеонъ» были напечатаны его «Голубой капотъ» и «Комедія безъ названія»), онъ здѣсь нашелъ полное удовлетвореніе своего авторскаго самолюбія. Пьесы его въ большинствѣ бойкія передѣлки съ французскаго (сюжетъ заимствованъ, какъ обыкновенно тогда это выражалось), главнымъ образомъ въ духѣ легкой комедіи и водевиля, частью въ прозѣ, частью въ стихахъ, имѣли почти всегда большій или меньшій успѣхъ и подолгу держались на сценѣ.

Особенно шумнымъ успѣхомъ пользовалась его пьеса «Пріемышъ», также рисующая бытъ помѣщиковъ на зарѣ освобожденія. Нянька господской воспитанницы Наташи, Марина, оказывается ея родною матерью, и на этомъ построена трескучая мелодрама, извлекавшая у зрителей взрывы восторга и непритворныя слезы. Настолько тогда была насыщена атмосфера вѣяніями «освобожденія отъ крѣ-

постного права» [1]). Помимо названныхъ выше пьесъ, укажемъ еще его «Пари», «Двѣ камеліи», «Комедія съ переодѣваніемъ», «Емелюшка-дурачокъ», «Кащей» и передѣланныя изъ Пушкина «Евгеній Онѣгинъ» и «Дуняша» (станціонный смотритель). Послѣднія—слабыя, да и самую мысль передѣлки пьесъ изъ произведеній Пушкина нельзя назвать удачною.

Одною изъ лучшихъ передѣлокъ въ легкомъ французскомъ жанрѣ мы считаемъ его «Кохинхинку», которую онъ, вопреки обыкновенію, подписалъ псевдонимомъ «Бѣляева» [2]), по слѣдующему поводу. Литературно-театральный комитетъ, гдѣ въ то время предсѣдательствовалъ Маннъ [3]), упорно не одобрялъ пьесъ князя Кугушева къ представленію. По этому поводу послѣднимъ даже написаны слѣдующія эпиграммы:

КЪ МАННУ.

Мнѣ въ Маннѣ крестъ судьбою данъ.
Смиряюсь передъ нимъ; но странно,
Что все, что самъ напишетъ Маннъ,
То далеко еще не манна.

ЕМУ ЖЕ.

Паукъ, раскинувъ паутину,
Добился кое-какъ чиновъ
И, какъ прилично господину,
Ошельмовалъ «Говоруновъ».
И что жъ? Въ своей душонкѣ тѣсной,
Онъ съ тайной злобою созналъ,
Что не писатель онъ извѣстный,
А неизвѣстный генералъ.

Желая избѣжать той же участи и для своей «Кохинхинки», онъ рѣшилъ представить ее въ комитетъ подъ другой фамиліей, и пьеса, дѣйствительно, была на этотъ разъ одобрена и имѣла большой успѣхъ. Докторъ же Бѣляевъ исправно до самой своей смерти, недавно послѣдовавшей, получалъ за нее авторскій гонораръ, въ общемъ составившій изрядную сумму.

Одною изъ лучшихъ пьесъ князя Кугушева, если не самою лучшею, является его оригинальная четырехактная комедія въ стихахъ «Пустоцвѣтъ», первоначально озаглавленная авторомъ «На словахъ и на дѣлѣ, или жена не взятка». Авторъ и самъ счи-

---

1) Въ томъ же родѣ была піеса Влад. Иван. Родиславскаго «Было, до прошло», написанная по случаю манифеста 19 февр. 1861 г. и также пользовавшаяся чрезвычайно шумнымъ успѣхомъ. Авт.

2) Фамилія пріятеля автора, чембарскаго помѣщика, врача по образованію, Николая Николаевича Бѣляева. Авт.

3) Тоже драматургъ, авторъ пьесъ «Паутина» и «Говоруны». Авт.

талъ этотъ свой трудъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ и его, видимо, огорчало, что пьеса не шла на императорскихъ театрахъ. Умирая, онъ завѣщалъ переслать рукопись ея своему старому пріятелю, профессору Михаилу Николаевичу Капустину [1]), впослѣдствіи попечителю петербургскаго учебнаго округа, что и было исполнено наслѣдниками.

Содержаніе ея, можетъ быть, нѣсколько шаблонно, но она очень сценична и написана живо, бойкимъ перомъ опытнаго драматурга. Тѣмъ удивительнѣе, что она до сихъ поръ лежитъ въ театральномъ архивѣ. Въ «Пустоцвѣтѣ» всего тринадцать ролей, и всѣ онѣ болѣе или менѣе благородны. Менѣе другихъ удался автору самъ «Пустоцвѣтъ», секретарь палаты Поливорскій. Онъ вышелъ блѣденъ и нѣсколько ходуленъ.

Вотъ изъ нея на выдержку монологъ Градобоева [2]) (дѣйствіе II, явленіе 5).

Графиня.

У васъ нѣтъ сердца...

Градобоевъ.

Но зато есть голова...
Когда-нибудь, пройдетъ годовъ десятокъ,
И вспомните мои, быть можетъ, вы слова,
Что въ жизни цѣнится не имя, а достатокъ,
Что съ громкимъ титуломъ вдова,
Чуть у нея доходы стали малы,
Скажи: простите балы
И вечера и пикники,
Вы для меня ужъ не съ руки;
Удѣлъ мой: бѣдность и терпѣнье,
И свѣтъ забудетъ свой кумиръ.
Вы бѣдны? Ну, мое почтенье,
И свѣтскій франтъ съ вставнымъ въ глазу стекломъ,
Что бѣгалъ васъ встрѣчать когда-то на подъѣзды,
Дрожа отъ холода, считая въ небѣ звѣзды,
Увидитъ васъ одну пѣшкомъ
И не поклонится, сойдясь на тротуарѣ.
А женщина одна изъ тысячи кузинъ,
На удалой орловской парѣ,
Спѣша за чѣмъ-нибудь въ извѣстный магазинъ,
Промчится мимо шибко, шибко,
Узнаетъ васъ и подаритъ
Одной насмѣшливой улыбкой.

---

[1]) Которому онъ посвятилъ и своего «Корнета Отлетаева».

[2]) Градобоевъ—пожилой, богатый холостякъ, у котораго процессъ съ молодой красивой вдовой графиней Солнцевой. Секретарь палаты Поливорскій влюбляется въ нее, и она кокетничаетъ съ нимъ въ интересахъ своего процесса, а онъ принимаетъ это за чистую монету.

А другъ домашній вашъ, бездомный сибаритъ
И непремѣнный членъ обѣда,
Увидя, что кормить не стали вы теперь,
Забудетъ, право, вашу дверь
И станетъ объѣдать сосѣда.
Вы скажете, что это не резонъ,
Что волокита глупъ, а гастрономъ смѣшонъ,
Что ваша свѣтская подруга
Не стоитъ имени ни женщины, ни друга.
Но дѣло сдѣлано: искусною рукой
Разбита жизнь, нарушенъ вашъ покой,
И недовѣрье, и сомнѣнье,
И гнѣвъ, и слезы сожалѣнья,
Вотъ въ будущемъ что ожидаетъ васъ.
Вотъ вамъ блестящій свѣтъ. Весь внѣшность, весь для глазъ,
Въ немъ мысли загнаны, стремленія не чисты,
Во всемъ тщеславіе, честь, совѣсть—напоказъ,
Въ немъ даже дѣти эгоисты.
И это правда—да; не вздоръ я вамъ мелю,
Чтобъ васъ предостеречь, разсудка есть настолько,
Вѣдь я не то что васъ люблю,
А вы мнѣ нравитесь, и только...

Графиня (*подавая ему руку*).

Нѣтъ, вы большой оригиналъ.
Нельзя сердиться, я мирюся.

Градобоевъ.

Присягу дамъ, божуся,
Хоть въ жизни ручекъ я и много цѣловалъ,
Вѣдь попадалися и въ свѣтѣ
И гдѣ-нибудь въ степной глуши,
Всѣ ручки были хороши,
Но далеко не то, что эти.

(*Другимъ тономъ*).

Пойдете за меня.

Графиня.

Сказала разъ,
Что ни за что на свѣтѣ
Ни за кого, а меньше всѣхъ за васъ.

Всего княземъ Кугушевымъ написано болѣе пятнадцати пьесъ. Тѣ, которыя шли на сценахъ, изданы С. Разсохиныхъ въ двухъ книгахъ.

Выступивъ на литературное поприще въ качествѣ присяжнаго и очень плодовитаго драматурга, князь Кугушевъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ началъ свою службу въ императорскихъ театрахъ въ Москвѣ. При управляющемъ московскими театрами Л. Ф. Львовѣ онъ былъ, правда, недолго, инспекторомъ репертуара и

такимъ образомъ близко познакомился со всѣми корифеями московскаго Малаго театра (какъ И. В. Самаринъ, С. В. Шумскій, Провъ М. Садовскій, В. И. Живокини, Е. Н. Васильева, Г. Н. Федотова, Акимова), которыхъ потомъ такъ зло осмѣивалъ въ своихъ эпиграммахъ. Съ Львовымъ онъ былъ въ хорошихъ, почти родственныхъ отношеніяхъ [1]), но ихъ совмѣстная служба продолжалась недолго. Вскорѣ оба они вышли въ отставку, и вмѣсто нихъ были назначены: директоромъ—Николай Ивановичъ Пельтъ, а инспекторомъ репертуара—небезызвѣстный въ свое время водевилистъ Владиміръ Петровичъ Бѣгичевъ. Ко времени службы въ театрѣ относятся нѣкоторыя дружескія связи, какъ, напримѣръ, съ С. В. Шумскимъ, у котораго князь Кугушевъ крестилъ даже ребенка, но съ которымъ впослѣдствіи совершенно разошелся. Оставивъ службу въ театрѣ, онъ, однако, не могъ порвать съ нимъ всѣхъ связей, и, тяготѣя къ нему всѣми силами души, сдѣлался самъ артистомъ-любителемъ. Основанный въ 1865 году группою въ пятьдесятъ человѣкъ артистическій кружокъ привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ истинныхъ любителей литературы, музыки и театра, и въ числѣ его учредителей и членовъ мы встрѣчаемъ А. Н. Островскаго, по мысли котораго и создалось это учрежденіе, Н. Г. Рубинштейна, князя В. Ѳ. Одоевскаго, А. П. Плещеева, А. Ѳ. Писемскаго, Н. А. Чаева, графа В. А. Соллогуба, П. М. Садовскаго, Б. Н. Алмазова В. И. Живокини, Н. Е. Вильде и многихъ другихъ писателей, артистовъ, музыкантовъ, художниковъ и людей разныхъ профессій, интересующихся искусствомъ и литературою.

Въ этотъ кружокъ въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и приверженныхъ его членовъ вошелъ и князь Кугушевъ, бывшій въ то же время членомъ-учредителемъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Здѣсь были организованы исполнительныя музыкально-литературныя собранія, на которыхъ игралъ знаменитый въ то время оркестръ М. Сакса и участвовали многіе извѣстные артисты и литераторы, какъ сопрано А. Г. Меньшикова, теноръ Ф. К. Никольскій, басъ П. А. Радонежскій, И. Ф. Горбуновъ, П. М. Садовскій, Островскій, Писемскій, Чаевъ, Майковъ, князь Кугушевъ и др.

Сначала кружокъ помѣщался на Тверскомъ бульварѣ (домъ Пукалова, нынѣ Полякова). Когда дѣла его пошли хуже, онъ перешелъ въ 1867 году на Б. Лубянку, въ домъ, гдѣ была гостиница Лобади, а потомъ Журнало, нынѣ Ивановскаго монастыря. Наканунѣ почти полнаго краха, когда для спасенія кружка былъ приглашенъ артистъ Малаго театра Н. Е. Вильде, нанято было

---

[1]) Его родная тетка Мещеринова была за Львовымъ. У Л. Ф. Львова, большого знатока и любителя музыки, давались музыкальные вечера, на которые собиралась вся Москва. Авт.

(1869 г.) новое помѣщеніе въ домѣ Бронникова (бывшій Шелапутинскій театръ, нынѣ Незлобина). Быстрый расцвѣтъ кружка начался съ того времени, какъ ему разрѣшены были публичные спектакли. Тогда онъ сдѣлался образовательной школой для артистовъ, поставщикомъ ихъ для Малаго театра, настоящимъ питомникомъ талантовъ. Черезъ сцену кружка прошли въ него О. О. Садовская (Лазарева до замужества), М. П. Садовскій, В. А. Макшеевъ, О. А. Правдинъ, В. А. Охотинъ. Здѣсь подвизались въ разное время Д. А. Путята, Н. А. Борисовскій, И. А. Григоровскій, Н. С. Стружкинъ, г-жи А. И. Шубертъ, Чистякова-Понизовская, А. А. Дюбюкъ, Линовская, Б. Э. Кошева, А. Я. Романовская и др.

Здѣсь въ «Горькой судьбинѣ» Ананія игралъ самъ А. Ѳ. Писемскій.

Съ большимъ успѣхомъ выступалъ на сценѣ кружка и князь Кугушевъ въ качествѣ талантливаго исполнителя по преимуществу комическихъ ролей, нерѣдко въ своихъ собственныхъ пьесахъ, напримѣръ, въ «Кохинхинкѣ» и въ «Пустоцвѣтѣ», гдѣ онъ игралъ центральную роль Градобоева.

Въ числѣ любителей, съ которыми онъ иногда выступалъ [1]), были и очень талантливые исполнители, какъ, напримѣръ, чиновникъ дворцоваго вѣдомства комикъ-резонеръ Алексѣй Алексѣевичъ Сусоровъ (превосходно игравшій городничаго), и очень молодые начинающіе, какъ чиновникъ казенной палаты Н. М. Захарьевъ, Василій Алексѣевичъ Охотинъ (впослѣдствіи артистъ Малаго театра и мужъ знаменитой Н. М. Медвѣдевой), Кисловскій и др. Одна изъ любительницъ, г-жа Фоглеръ, отличалась тѣмъ, что никогда не знала ролей. Ранѣе, когда она служила нѣкоторое время въ Маломъ театрѣ, какъ-то на сценѣ во время представленія она понесла такую чушь, что стоявшая рядомъ съ ней Медвѣдева громко сказала, обращаясь къ ней: «Вы все врете».

Такую совершенно необычную для артистки способность графъ В. А. Соллогубъ не замедлилъ запечатлѣть въ слѣдующемъ посвященномъ ей четверостишіи:

Г-ЖѢ ФОГЛЕРЪ.

Твердо все по роли
Надобно вамъ знать,
Чтобы дичь вы не пороли,
Когда съѣдется къ намъ знать.

Московскій артистическій кружокъ, собиравшій въ своихъ стѣнахъ столько яркаго и талантливаго, процвѣталъ, однако, недолго и вскорѣ началъ мало-по-малу распадаться.

---

[1]) Играли въ Секретаревскомъ театрѣ (на Большой Кисловкѣ) и на сценѣ кружка.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вмѣстѣ съ другими видными дѣятелями изъ кружка ушелъ князь Кугушевъ. Оставивъ это столь любимое имъ дѣло, онъ повелъ тихую жизнь богатаго холостяка въ своей прекрасной квартирѣ въ домѣ Шубиной на углу Малой Дмитровки и Успенскаго переулка. Къ этому времени онъ почти совсѣмъ порвалъ свои связи какъ съ великосвѣтскими, такъ и съ театральными сферами.

Здѣсь жилъ онъ очень замкнуто, окруженный пьяницей-лакеемъ Маркомъ, котораго нѣжно называлъ Морковкой, и двумя древними старушками, бывшей своей нянькой Натальей Дмитріевной и горничной Настасьей Ивановной, тоже временами запивавшей. Горничная эта нерѣдко, подавая барину трубку или чай, по его требованію становилась въ надлежащую позу и, шамкая беззубымъ ртомъ, декламировала подъ искренній и задушевный смѣхъ своего хозяина:

Ѣхалъ принцъ Оранскій
Черезъ рѣку По,
Бабѣ астраханской
Отпустилъ бонъ-мо.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Время отъ времени къ нему являлась, такъ сказать, на гастроли старая приживалка Варвара Дмитріевна Зайцева и проживала у него одну-двѣ недѣли, до какого-нибудь серьезнаго столкновенія съ хозяиномъ, послѣ котораго она торжественно изгонялась или, разразившись укоризнами и ругательствами, исчезала по своей собственной инициативѣ. Это была злая, сварливая, совершенно невѣжественная старуха темнаго происхожденія и очень большая сплетница. Она знала всѣхъ и все и своей безконечной болтовней помогала князю коротать скучные дни. Онъ раскладывалъ пасьянсъ, а она неутомимо вела свои безконечные разсказы, за что и получала ежемѣсячную субсидію—основной фондъ ея существованія. Но постояннымъ и неизмѣннымъ спутникомъ его одиночества являлась нѣжно имъ любимая собака, левретка Кукла; день она всегда лежала рядомъ съ нимъ на диванѣ или въ креслѣ, а ночью переходила вмѣстѣ съ нимъ въ его спальню, гдѣ ей также было отведено особое мѣсто.

На желѣзной дорогѣ онъ всегда бралъ ей мѣсто рядомъ съ собой, чтобы не сдавать ее въ собачій вагонъ. Однажды это обстоятельство подало поводъ къ большому скандалу. Князь Кугушевъ ѣхалъ въ Козловъ на именины къ своей племянницѣ Елизаветѣ Васильевнѣ Соболевской, женѣ инженера Константина Вла-

димировича Соболевскаго [1]), служившаго начальникомъ ремонта путей и зданій на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ. Онъ занялъ мѣсто въ вагонѣ перваго класса, рядомъ съ нимъ помѣстилась его собака, а неподалеку отъ него расположился какой-то военный инженеръ, какъ потомъ оказалось, начальникъ дороги Ильинъ, также ѣхавшій на именины къ Соболевскимъ. Въ это время мимо проходилъ контроль, которому князь Кугушевъ и вручилъ два билета—за себя и свою собаку. Присутствіе начальника дороги заставило контролера предложить сдать собаку въ собачій вагонъ. Князь Кугушевъ запротестовалъ, его сторону принялъ пассажиръ князь Колончаковъ, а противъ заявилъ себя прежде всего ремонтеръ германской арміи безсмертный черный гусаръ, баронъ Кунде, котораго князь Колончаковъ не замедлилъ вызвать на дуэль. Скандалъ разрастался. Голоса раздѣлились, пассажиры горячо спорили, и контролеръ за разрѣшеніемъ вопроса обратился къ начальнику дороги, который и велѣлъ сдать собаку въ собачій вагонъ. Князь Кугушевъ заявилъ, въ свою очередь, что не позволитъ взять отъ себя собаку. Подъѣзжали къ станціи Грязи, гдѣ къ нему предъявили окончательное требованіе или отдать собаку, или оставить поѣздъ. Онъ предпочелъ послѣднее и торжественно, понося всячески желѣзнодорожную администрацію, вышелъ изъ вагона, рѣшаясь сидѣть на станціи чуть ли не цѣлыя сутки, до слѣдующаго поѣзда. Между тѣмъ Ильинъ, благополучно прибывъ къ Соболевскимъ, послѣ обычныхъ поздравленій, поспѣшилъ разсказать именинницѣ исторію какого-то барина съ собакой, котораго пришлось высадить на станціи Грязи.

— Это дядя Григорій Васильевичъ,—воскликнула Соболевская, блѣднѣя, съ глазами, полными злезъ.

Оказалось, что всѣ гости были налицо и ждали только дядю, чтобы сѣсть обѣдать.

Въ это время именинницѣ подали телеграмму, въ которой дядя, поздравляя ее съ ангеломъ, увѣдомляетъ, что арестованъ на станціи Грязи начальникомъ дороги Ильинымъ.

Скучно и уединенно текла жизнь нашего писателя.

По праздникамъ къ нему приходили въ отпускъ его племянники Флоръ и Владиміръ Васильевичи Кугушевы и сынъ актера Степанова—Костя. Онъ очень любилъ этихъ мальчугановъ и охотно велъ съ ними оживленныя бесѣды и споры на всевозможныя темы. Въ свою очередь, и мальчики его очень полюбили, такъ что когда онъ заболѣлъ тяжелою формою дифтеритной жабы, то они самоотверженно рѣшились не оставлять его одного на попеченіи прислугъ и по очереди дежурили около него во все продолженіе болѣзни. Изъ знакомыхъ въ это время его навѣщали изрѣдка композиторъ

[1]) Сынъ директора института инженеровъ путей сообщенія.

баронъ Фитингофъ-Шель и писательница Юрьева (Ирина Семеновна Сандунова-Кони). Чаще бывали у него Михаилъ Провычъ Садовскій, тогда еще совсѣмъ юный, Н. М. Захарьевъ, артистъ Малаго театра В. А. Охотинъ. Время отъ времени пріѣзжала къ нему его дочь Екатерина Григорьевна Ма—дъ. Цѣлыми недѣлями одиноко сидѣлъ онъ съ длинной черешневой трубкой въ рукахъ, вытягивая изъ огромнаго янтарнаго мундштука застилающіе все кругомъ клубы табачнаго дыма. Писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни очень мало и рѣдко что-нибудь печаталъ. Въ его письменномъ столѣ лежали безъ всякаго движенія его собственной рукой переписанная набѣло комедія въ пяти дѣйствіяхъ «Прогрессъ», четырехактная комедія «Нашла коса на камень» и водевиль «Она была въ Аскольдовой могилѣ», передѣланная изъ «Elle était à l'Ambigu». Но онъ уже, кажется, и не думалъ о ихъ постановкѣ. Впослѣдствіи пьесы эти сгорѣли во время пожара деревяннаго дома. Ежедневно онъ прочитывалъ газеты и журналы, кой-что писалъ (для «Антракта» Радиславскаго, напримѣръ), раскладывалъ пасьянсъ и почти безвыѣздно сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Изрѣдка только, развеселившись, поговорить бывало со своимъ любимцемъ «Какаду», который удивительно отчетливо спрашивалъ: «какъ тебя зовутъ» и «говоришь ты-по французски», чѣмъ всегда доставлялъ большое удовольствіе своему хозяину и учителю. Лѣто онъ проводилъ обыкновенно у себя въ имѣніяхъ, иногда на своей дачѣ въ Петровскомъ паркѣ или въ Липецкѣ, куда въ тѣ времена съѣзжались на сезонъ многіе помѣщики Тамбовской и сосѣднихъ съ нею губерній.

Обладая довольно крупнымъ состояніемъ, двумя имѣніями въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ, домомъ въ Москвѣ (на Никитской) и нѣсколькими дачами въ Петровскомъ паркѣ [1]), князь Кугушевъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Какъ человѣкъ непрактичный, онъ вездѣ и на всемъ переплачивалъ и его всѣ по возможности обирали. Онъ постоянно жаловался на безденежье, хотя жилъ очень скромно. За прекрасную квартиру въ бельэтажѣ изъ семи комнатъ съ людской, каретнымъ сараемъ и конюшней онъ платилъ шестьсотъ рублей въ годъ. Эту квартиру онъ занималъ нѣсколько лѣтъ и только незадолго передъ смертью переѣхалъ въ болѣе скромное помѣщеніе (Каретный рядъ). Столовался въ кухмистерскихъ и клубахъ, курилъ знаменитый «Жуковъ» восемьдесятъ копеекъ за фунтъ. И тѣмъ не менѣе временами у него не было ни копейки, и онъ занималъ у лакея двадцать копеекъ на четвертку табаку. Кредиторы постоянно его осаждали и ему приходилось временами буквально отъ нихъ спасаться. Управляющіе его имѣніями хозяйничали, какъ хотѣли, пользуясь тѣмъ, что самъ онъ хозяйствомъ совсѣмъ не за-

---

[1]) Аллея, гдѣ онѣ стоятъ, носитъ теперь названіе Кугушевской.

нимался, а пріѣзжалъ въ деревню только лѣтомъ на два-три мѣсяца. Они высылали ему, сколько и когда хотѣли, и безконтрольно вели его очень большое черноземное, усадебное и заводское хозяйство.

Въ тамбовскомъ имѣніи Алексѣевкѣ у него былъ большой конскій заводъ, въ орловскомъ (сельцо Ивановское близъ гор. Ельца), принадлежавшемъ ранѣе Мещериновымъ, были большія оранжереи и бѣлыя сливы и персики вызрѣвали у него прямо на террасѣ барскаго дома.

Получая всегда приглашенія на балы и рауты у московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, онъ время отъ времени ихъ посѣщалъ; но этимъ почти и ограничивались его сношенія съ такъ называемымъ «большимъ свѣтомъ», къ которому онъ себя съ гордостью причислялъ, производя свой родъ отъ Батыя на основаніи какой-то родословной, въ которой якобы написано, что у Батыя было три сына Кугушъ, Тенишъ и Енгалычъ, откуда и произошло три княжескихъ фамиліи: Кугушевыхъ[1]), Тенишевыхъ и Енгалычевыхъ. Вообще своимъ княжескимъ титуломъ онъ очень гордился. Любя страстно театръ, онъ, однако, никакъ не могъ рѣшиться поступить на сцену, такъ какъ это казалось ему (да и не одному ему) несовмѣстимымъ съ княжескимъ достоинствомъ. Его пристрастіе къ всевозможнымъ титуламъ сказывалось даже въ персонажахъ его пьесъ, въ которыхъ князья, графы, бароны являются своего рода неизбѣжностью. Его тяготѣніе къ большому свѣту сказывалось и въ его мечтахъ о придворномъ званіи. Онъ не скрывалъ своего желанія сдѣлаться хотя бы камеръ-юнкеромъ.

Даже интересы своего личнаго счастья приносились имъ въ жертву сословнымъ предразсудкамъ. Мысль о женитьбѣ не разъ приходила ему въ голову. Но въ большомъ свѣтѣ не было для него подходящихъ невѣстъ. Для бѣдныхъ онъ былъ недостаточно богатъ, а для богатыхъ—слишкомъ бѣденъ. Горячій поклонникъ женщинъ, онъ часто ими увлекался, но это не помѣшало ему остаться холостякомъ. Возможно, что отъ женитьбы его удерживала какая-то застарѣлая болѣзнь, которою онъ, видимо, постоянно тяготился и на почвѣ которой у него развилась болѣзнь сердца.

Вообще по своему воспитанію и образованію князь Кугушевъ былъ аристократомъ pur sang, а по убѣжденіямъ—большой консерваторъ. Читалъ онъ предпочтительно «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ» и былъ большимъ поклонникомъ Михаила Никифоровича Каткова, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Слѣдя по «Московскимъ Вѣдомостямъ» съ большимъ интересомъ за перипетіями франко-прусской войны, искренно скорбѣлъ

---

[1]) По энциклопедическому словарю родоначальникомъ Кугушевыхъ считается мурза Апай-Айтугановичъ, пожалованный вотчиной въ 1639 году.

душою и весьма энергично порицалъ и осмѣивалъ за легкомысліе и коммунистическія затѣи «самодержавный французскій народъ»[1]) въ лицѣ Гамбеты и его единомышленниковъ.

Не сочувствуя реформѣ освобожденія крестьянъ въ томъ видѣ, какъ она была выработана, онъ послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года, получивъ положеніе объ освобожденіи, написалъ на немъ:

Изъ положенія я вывелъ заключеніе,
Что плохо наше положеніе.

Сидя лѣтомъ на террасѣ своего деревенскаго дома въ Алексѣевкѣ (въ шестидесяти верстъ отъ Тамбова и отъ Козлова) и видя, что его бывшіе крѣпостные проѣзжаютъ и проходятъ мимо, сплошь и рядомъ не снимая шапокъ и даже не кланяясь, онъ съ негодованіемъ восклицалъ: «Ишь, и шапокъ не ломаютъ».

Изъ великосвѣтскихъ знакомствъ онъ сохранилъ свои отношенія только съ графомъ В. А. Соллогубомъ и съ семействомъ московскаго губернатора Ивана Сергѣевича Фонвизина, внука извѣстнаго Дениса Ивановича[2]). Графъ Соллогубъ поселился рядомъ съ княземъ Кугушевымъ въ небольшомъ флигелѣ (по Успенскому переулку), тоже принадлежавшемъ Шубиной, и, какъ добрые сосѣди, оба писателя изрѣдка бывали другъ у друга, чтобы сыграть партію въ пикетъ и побесѣдовать о литературѣ, о театрѣ и великосвѣтскихъ новостяхъ. Они не были, собственно говоря, друзьями, но въ ихъ вкусахъ и стремленіяхъ, въ ихъ аристократизмѣ было много общаго.

Однажды графу Соллогубу, который былъ въ гостяхъ у князя Кугушева, очень понравилась у него какая-то статуэтка севръ, и хозяинъ вечеромъ того же дня послалъ ее сосѣду въ подарокъ, въ сопровожденіи любезной записки. Въ отвѣтномъ письмѣ графъ Соллогубъ писалъ:

Подарку радъ и благодаренъ,
И тѣмъ ты милъ мнѣ, мой сосѣдъ,
Что средь писателей—ты баринъ,
А въ барахъ—истый ты поэтъ.

Въ другой разъ графу Соллогубу среди богатой обстановки князя Кугушева очень понравилась художественно исполненная фарфоровая лягушка. На слѣдующій день Кугушевъ былъ у Соллогуба и проигралъ ему нѣсколько рублей въ пикетъ. Отсылая на другой день утромъ свой проигрышъ вмѣстѣ съ лягушкой, онъ писалъ:

---

[1]) Какъ его называлъ Катковъ.

[2]) У его родного брата Павла Ивановича былъ сынъ Сергѣй Павловичъ—отецъ Ивана Васильевича.

От сна возстав и чай откушав,
Вчерашній долг вам шлет Кугушев.

На что Соллогуб отвѣчал:

Къ вамъ ѣздить, милый князь, есть выгода сугуба,
Примите же за то спасибо Соллогуба.

Московскій губернаторъ Иванъ Сергѣевичъ Фонвизинъ былъ женатъ на дочери бѣднаго дворянина Ивана Петровича Погонина [1]), Варварѣ Ивановнѣ, отличавшейся удивительной красотой, передъ которой преклонялся и князь Кугушевъ, какъ большой поклонникъ всякой красоты. Фонвизинъ не имѣлъ никакой склонности къ административной дѣятельности и скоро покинулъ свой постъ. Графъ В. А. Соллогубъ увѣковѣчилъ его въ своихъ знаменитыхъ куплетахъ «благодарю не ожидалъ», которые въ свое время такъ нравились императору Александру II.

Фонвизинъ—древній литераторъ—
Пришедшихъ въ небо вопрошалъ:
Неужто внукъ мой—губернаторъ?
Благодарю—не ожидалъ.

Съ старшимъ братомъ Варвары Ивановны Александромъ Ивановичемъ Погонинымъ, провинціальнымъ jeune premier, князь Кугушевъ былъ въ особенно дружескимъ отношеніяхъ и, когда Погонинъ служилъ [2]) въ Гроднѣ, онъ въ одномъ изъ своихъ къ нему писемъ писалъ:

Хоть мнѣ тщеславіе не сродно,
Но все же буду хвастать я,
Что въ тепломъ краѣ, дальнемъ Гродно,
Вы не забудете меня.

Во времена своей молодости, когда онъ велъ чисто свѣтскую жизнь, онъ бывалъ у извѣстной поэтессы графини Е. П. Ростопчиной (урожденной Сушковой) и, будучи въ числѣ ея горячихъ поклонниковъ, написалъ ей въ альбомъ нижеслѣдующіе стихи:

Въ нѣжномъ страстномъ упоеньи
При мерцаніи луны
Рыцарь дѣвѣ, въ знакъ почтенья,
Подарилъ свои штаны.
И, желая предъ людями
Доказать свою любовь,
Дѣва ходитъ со штанами,
Рыцарь ходитъ безъ штановъ.

---

[1]) Держалъ меблированныя комнаты въ Леонтьевскомъ переулка, домъ Олениной.

[2]) Умеръ въ Москвѣ, въ Новоекатерининской больницѣ, какъ гласила молва, отъ отравленія свинцовыми бѣлилами, вслѣдствіе постояннаго ихъ употребленія при гримѣ. Авт.

Какъ при этомъ не замѣтить,
Правды скрыть я не могу,
Что любви такой не встрѣтить
Даже въ высшемъ здѣсь кругу.

Въ литературныхъ сферахъ онъ болѣе или менѣе близокъ былъ еще съ извѣстнымъ водевилистомъ и переводчикомъ Беранже Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ Ленскимъ, а въ особенности съ извѣстнымъ критикомъ и фельетонистомъ «Московскихъ Вѣдомостей» Николаемъ Михайловичемъ Пановскимъ, жившимъ въ то время на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ, принадлежащемъ теперь Лапинымъ (во флигелѣ во дворѣ). Когда-то очень богатый помѣщикъ, Пановскій все прожилъ и жилъ теперь единственно только на свой литературный заработокъ. Неся на плечахъ слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, этотъ остроумный и энергичный старикъ поражалъ своей жизнерадостностью, весельемъ и беззаботностью. Это и теперь былъ большой балагуръ, селадонъ, бонвиванъ, неизсякаемый интересный разсказчикъ, который за словомъ въ карманъ не лазилъ и любилъ сильно приврать. Въ своемъ стихотворномъ къ нему писаніи изъ деревни князя Кугушевъ такъ писалъ ему:

Царь фельетона и сатиры,
Какіе кормятъ васъ трактиры,
Какъ распекаете Москву?
Кому вы, Саксу иль Морелю [1]),
Вручили яблоко, Парисъ,
Гдѣ вашей слышенъ звукъ свирѣли,
Гдѣ вашъ обычный оазисъ?
Или, любя свою квартиру,
Изъ глубины того жъ двора
Вы шлете жаждущему міру
Плоды волшебнаго пера?
А я опять въ степяхъ Тамбова.
Здѣсь земство всѣхъ свело съ ума.
Для благъ отечества родного
Народу съѣхалося тьма.
Купцы тутъ были и мѣщане,
Дьячки, дворяне и попы
И разжирѣвшіе крестьяне,
А съ ними блохи и клопы.
Все это вмѣстѣ дружно, четко...
И громко крикнуло «ура»,
Когда во всѣхъ сказалась водка
Еще дремавшая съ утра.
Нельзя иначе, какъ съ любовью,
Къ такому дѣлу отнестись.
Прогрессъ. Сословіе сословію
Не скажетъ больше: сторонись.
Ахъ! Доживу ли до мгновенья,—

[1]) Извѣстные московскіе рестораторы.

Надежда эта далека,—
Когда въ восторгѣ, въ упоеньи
Обниметъ баринъ мужика.
Но этой эры ждать намъ рано,
Я надрываюсь отъ тоски,
Что въ дѣлѣ земства какъ бараны
И господа, и мужики.

Въ этомъ посланіи къ пріятелю и единомышленнику живо чувствуется міровоззрѣніе отживающаго барства. Застольный ораторъ, острякъ, каламбуристъ, Пановскій никогда не оставался въ долгу, если дѣло шло о комплиментахъ, и на одномъ изъ гастрономическихъ обѣдовъ, предлагаемыхъ Кугушевымъ ближайшимъ изъ своихъ друзей, обратился къ хозяину съ слѣдующимъ экспромтомъ:

Люблю стихъ бойкій вашихъ пьесъ
И роскошь барскую обѣдовъ.
Вы за столомъ—Камбасересъ [1]),
Вы въ кабинетѣ—Грибоѣдовъ.

Мы говорили уже, что съ театральными сферами были окончательно порваны всякія связи, и князь Кугушевъ изъ своего уединенія неустанно дарилъ болѣе или менѣе злыми эпиграммами своихъ враговъ, а иногда и своихъ бывшихъ друзей. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ неутомимо сыпалъ ихъ на Малый театръ [2]). Приводимъ здѣсь всѣ намъ извѣстныя, за исключеніемъ нецензурныхъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Особенно доставалось отъ него И. В. Самарину за его экскурсіи въ область драматургіи.

Такъ, по поводу представленія его комедія «Перемелется—мука будетъ», онъ написалъ:

Писатель и актеръ,
Когда толпа разсудитъ,
Перемеля твой вздоръ,
Мука наврядъ ли будетъ.

---

[1]) Извѣстный французскій гастрономъ графъ Камбасересъ.
[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ «Антрактѣ» Радиславскаго.
[3]) Директоръ театровъ.

Ему же:

Когда срокъ юности прошелъ,
Онъ старикомъ на сцену вышелъ,
Потомъ въ писатели пошелъ,
А все изъ дураковъ не вышелъ.

По поводу представленія пьесы «Иванъ Грозный»:

Два представителя на Грознаго у насъ;
Но оба предъ царемъ Иваномъ просто пасъ.
Одинъ не только что не царь, но и не баринъ,
Иванъ Васильичъ, да не Грозный, а Самаринъ.
Другой [1]) въ «Воробушкахъ» [2]) такую силу взялъ,
Что даже Грознаго воробушкомъ сыгралъ.

Затѣмъ большую непріязнь питалъ князь Кугушевъ къ мужу Гликеріи Николаевны Федотовой Александру Филипповичу Федотову. Когда поставленная на сценѣ Малаго театра его пьеса «Годуновы» провалилась, Кугушевъ написалъ:

Ахъ давно ли новы
Были Годуновы.
Нынче—груды тѣлъ,
Нѣтъ отъ нихъ и тѣни,
Только дребедени
Этой авторъ цѣлъ.
Лучше бъ «Годуновы»
Были вѣчно новы,
Только бъ вѣтръ степей,
Ради Мельпомены,
Смелъ съ московской сцены
Ихъ творца скорѣй.

Въ другой посвященной ему эпиграммѣ онъ писалъ:

Самъ по себѣ онъ не актеръ;
Но онъ одѣлся въ перья
Своей чувствительной Лукерьи
И держится съ тѣхъ поръ.

А вотъ его экспромтъ Г. Н. Ф.:

Глядя на этотъ станъ, на эти губки,
Ей въ красотѣ и не откажешь.
А какъ не согрѣшишь, не скажешь:
Она—Самаринъ въ юбкѣ.

Далѣе слѣдуютъ экспромты разнымъ другимъ лицамъ, такъ или иначе прикосновеннымъ къ искусствамъ и литературѣ.

---

[1]) С. В. Шумскій.

[2]) Репертуарная пьеса, имѣвшая большой успѣхъ.

Вотъ четверостишіе по поводу поступленія на сцену сына Акимовой:

Акимовой дана награда:
На сцену принятъ сынъ,
Но публика ужасно рада,
Что онъ у ней одинъ.

А вотъ по поводу дебютовъ въ московскомъ Маломъ театрѣ Надежды Сергѣевны Васильевой [1]):

Вотъ Катенькиной дочкѣ
Рецензія въ стихахъ:
Явилась разъ въ сорочкѣ,
А прочіе—въ штанахъ [2]).

Послѣ представленія пьесы А. Н. Островскаго «Дмитрій Самозванецъ»:

Ну, самозванецъ, говоря
По чести, шелъ съ изъянцемъ,
И въ роли ложнаго царя.
Былъ Вильде [3]) чистымъ самозванцемъ.

Послѣ представленія оперы Верстовскаго «Аскольдова могила»:

Верстовскій доказалъ таланта силу:
Аскольдъ и здѣсь нашелъ свою могилу.

Къ портрету актрисы Череповой:

Дурного въ Череповой нѣтъ,
Нѣтъ и таланта въ ней большого;
Но, какъ инспекторъ и поэтъ,
Я вижу много въ ней Дурнова [4]).

Капельмейстеру императорскихъ театровъ Шрамеку:

Съ бородой мочалочкой
Капельмейстеръ жалкій.
Не тебѣ бы съ палочкой,
А тебя бы палкой.

Сергѣю Васильевичу Шумскому:

Привыкнувъ брать всѣ роли съ бою,
Онъ и «Тартюфа» взять успѣлъ;
Но даже быть самимъ собою
Онъ, къ сожалѣнью, не сумѣлъ.

---

[1]) Дочери Екатерины Николаевны и Сергѣя Васильевича (извѣстнаго московскаго комика) Васильевыхъ.

[2]) Такъ случайно подобрались пьесы, что и то и другое было справедливо.

[3]) Бывшій артистъ Малаго театра и драматургъ (см. выше).

[4]) Тогдашній московскій полицеймейстеръ, котораго Черепова дарила своей благосклонностью.

Пѣвицѣ Карской [1]):

Какъ соловей, поете вы съ душою;
Но вотъ бѣда:
Что тотъ поетъ одной весною,
А вы—всегда.

Пѣвицѣ Оноре [2]):

Пѣвица ты—пѣвицамъ всѣмъ примѣръ:
Отличный тонъ, отмѣнная манера.
Когда поешь «Два гренадера»,—
Мнѣ слышится и третій гренадеръ.

По поводу вторичнаго замужества Е. Н. Васильевой:

Пылая нѣжностью къ Васильевой глубокой,
Николя Бокъ сошелся съ ней на срокъ;
Теперь, когда на вѣкъ ихъ связываетъ рокъ,
Бокъ будетъ съ боку лишь припека.

Кн. Кугушевъ очень ухаживалъ за артисткой Кр . . . . ъ, но безуспѣшно. Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ постоянныхъ неудачъ онъ написалъ на нее нижеслѣдующее очень злое стихотвореніе.

Мы всѣ свидѣтели,
Что добродѣтелей
Въ ней было множество.
И стала славиться
Она, красавица,
Въ трудѣ-убожествѣ:
Плетутъ разсказчики:
Ее приказчики
Сперва замѣтили.
Идеи дикія.
. . . .
. . . .
Такой манерою
Всѣ пробавляются
И вотъ карьерою
Что называется.

Далѣе слѣдуютъ его эпиграммы на разныхъ другихъ лицъ, представителей литературнаго міра и прочихъ:

---

[1]) Бывшей замужемъ за фельетонистомъ «Русскихъ Вѣдомостей» Лукинымъ, который писалъ подъ псевдонимомъ «Скромный наблюдатель».

[2]) Обладала очень низкимъ контральто и довольно грубоватыми манерами.

М. Н. Лонгинову [1]):

Все расплываясь шире, шире,
Онъ, литераторъ и зоилъ,
О томъ, что дважды два—четыре,
Не разъ въ газетахъ повѣстилъ.

Къ А. Н. Андрееву [2]):

Вотъ въ наши дни какое «Наше Время»
Несчастной публикѣ навязываетъ бремя:
Тургенева отдѣлавъ выше мѣръ,
Андрееву отдѣлъ отводитъ новый.
Въ отдѣлъ годится сей путейскій офицеръ,
Въ литературѣ же оселъ онъ непутевый.

Братьямъ Курочкинымъ:

Василій Курочкинъ—прославленный молодчикъ,
Кутила-мученикъ и бойкій переводчикъ.
Николя жъ Курочкинъ [3])—здоровый человѣкъ,
Не пишетъ ничего, свой доживая вѣкъ;
Но безъ особенныхъ, какъ слышалъ я усилій,
Пьетъ ровно столько же, какъ братъ его Василій.

Г. Пятого:

Пятого. Пятого.
Ты рожденъ для того,
Чтобъ въ театрѣ сидѣть,
На артистокъ глазѣть.

Когда у него въ тамбовскомъ имѣніи Алексѣевка гостилъ его дядя Иванъ Ильичъ Мещериновъ, послѣдній написалъ въ уборной на стѣнѣ нижеслѣдующіе вирши:

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Внизу кн. Григорій Васильевичъ написалъ:

Твой стихъ такъ вялъ и такъ негибокъ,
Иванъ Ильичъ, что просто страхъ.
И въ четырехъ твоихъ стихахъ
Нашелъ я ровно семь ошибокъ.

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, извѣстный литераторъ, впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

[2]) Александръ Николаевичъ Андреевъ, редакторъ газеты «Наше Время», водевилистъ, авторъ цыганскихъ романсовъ.

[3]) Сатирическій поэтъ, впослѣдствіи сотрудникъ «Наблюдателя» (псевдонимъ).

Къ числу шуточныхъ стихотвореній нужно отнести его пародіи, какъ, напримѣръ, Лермонтовское:

Въ минуту жизни трудную,
Когда карманъ мой пустъ,
Твержу я пѣсню чудную:
Когда жъ ты будешь густъ.
Есть сила благодатная
И въ мѣдномъ пятачкѣ,
Но прелесть непонятная
Въ набитомъ кошелькѣ.
Есть нѣсколько цѣлковенькихъ,
Сомнѣнье далеко...
Возьмешь сажень еловенькихъ
И такъ тепло, тепло...

Или на Пушкинское: «Любви всѣ возрасты покорны»:

Любви всѣ возрасты покорны,
И по числу своихъ годовъ
Всѣ женщины неравнодушны
Къ мужчинамъ разныхъ все сортовъ.
Въ пятнадцать-двадцать лѣтъ—къ артисту,
Лѣтъ въ тридцать съ лишкомъ—къ старику,
А въ сорокъ съ лишкомъ—къ гимназисту
Пылаютъ молча въ уголку.

Уже изъ этихъ эпиграммъ, посвященій и посланій видно, что князь Кугушевъ обладалъ остроуміемъ, бойкимъ стихомъ и несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, о которомъ еще лучше можно судить по его «Пустоцвѣту», написанному особенно легкимъ и красивымъ стихомъ.

Изъ мелкихъ его стихотвореній очень хорошо приводимое ниже «Смерть» [1]):

СМЕРТЬ.

Она придетъ неслышимо, незримо,
И станетъ свѣтлая у моего одра,
И скажетъ мнѣ съ тоской невыразимой:
Пора, пора.
Повѣетъ мнѣ въ лицо прохладой темной ночи,
Желѣзною рукой мою придавитъ грудь,
Тихонько навсегда мои закроетъ очи,
И въ путь, и въ путь.

---

[1]) Оно было напечатано въ одномъ изъ повременныхъ изданій (кажется, въ «Развлеченіи»), какъ неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова. Тогда князь Кугушевъ написалъ въ редакцію журнала «Развлеченіе» опроверженіе, въ которомъ доказываетъ, что стихотвореніе это принадлежитъ ему. Тѣмъ не менѣе, оно и до сихъ поръ перепечатывается въ нѣкоторыхъ сборникахъ въ искаженномъ видѣ, какъ Лермонтовское.

* * *

И въ той странѣ она меня разбудитъ,
Гдѣ, можетъ быть, невѣдома печаль,—
Но дней земныхъ, тяжелыхъ, жалкихъ будетъ
Да жаль, да жаль.

Ниже приводимъ нѣсколько другихъ его стихотвореній, оставшихся не напечатанными и относящихся ко времени его увлеченія одною дамою изъ великосвѣтскаго московскаго общества.

ВЪ ТИШИ.

Отъ деревьевъ тѣни
По саду легли;
Запахъ отъ сирени,
Отъ сырой земли,

Запахъ сѣна съ луга
Вѣтерокъ несетъ;
Надъ гнѣздомъ подруги
Соловей поетъ;

Ивы смотрятъ въ воду,
Дремлютъ камыши;
Все бы на природу
Я смотрѣлъ въ тиши.

Если бы тревожно
Не дышала грудь,
Если бъ было можно
На тебя взглянуть.

ТАМАРѢ.

Тамарѣ демонъ искуситель
Сокровищъ горы обѣщалъ
И къ ней таинственно въ обитель
На крыльяхъ ночи прилеталъ.
Онъ не терялъ надменной вѣры,
Что обольщеній яркихъ нитъ
Одна единственная мѣра
Къ себѣ Тамару приманить.
Но демонъ—духъ, нигдѣ незримый,
А смертный человѣкъ простой
Къ иной Тамарѣ, имъ любимой,
Избралъ бы путь совсѣмъ иной.
Не предложилъ бы многоцѣнныхъ
Онъ ей сокровищъ покупныхъ,
Ни синихъ яхонтовъ нетлѣнныхъ,
Ни бриллiантовъ огневыхъ.
Дворецъ бы ей необычайный
Онъ изъ тепла души сковалъ,

Покрылъ бы крышей вѣчной тайны,
Любовью бъ весь драпировалъ.
Ее въ тотъ храмъ на новоселье
Онъ на цвѣтахъ бы перенесъ
И подарилъ ей ожерелье
Изъ благодарности и слезъ.
Вѣнкомъ изъ солнечнаго свѣта
Ея бъ онъ кудри увѣнчалъ,
И достояніемъ поэта—
Стихами путь ей усыпалъ.
Онъ, ложе ей уставъ травою
И въ изголовье кинувъ розъ,
Надъ утомленной головою
Покровъ бы бросилъ чистыхъ грезъ.
А самъ, склоняся къ изголовью,
Смотрѣлъ бы нѣжно ей въ глаза,
Не загорится ли любовью
Тѣхъ глазъ безстрастныхъ бирюза...

КОШМАРЪ.

Темно на улицѣ; до утренней зари
Угомонилась жизнь; ползетъ рысцой клячонка
Извозчичья домой. Погасли фонари;
И гдѣ-то въ доску бьетъ ночной блюститель звонко.
Все въ домѣ спитъ; одинъ я у окна
За письменнымъ столомъ; почти сгорѣли свѣчи;
Гляжу въ нѣмую даль, какъ будто жажду встрѣчи,
Какъ будто за окномъ покажется она.
И вдругъ два огонька блеснули издалека,
Несутся, прыгая, и блещутъ, и дрожатъ.
И подъ моимъ окномъ, взрывая снѣгъ глубоко,
Лихіе рысаки, прозябнувши, храпятъ.
Скрипучій поворотъ мнѣ слышится кареты;
Рисуя полосы на темномъ потолкѣ,
Фонарики легли на прочіе предметы,
Еще блеснули разъ и скрылись вдалекѣ.
И вотъ опять одинъ я съ грустью тревожной
За письменнымъ столомъ съ поникшей головой,
Себя баюкая надеждой невозможной,
Что эти лошади ее несли стрѣлой,
Что эти огоньки услужливо и ясно
Ей освѣщали путь, что, можетъ быть, тепло
Сквозь потускнѣвшее отъ холода стекло
Взглянуть сюда она старалася напрасно
И этотъ взглядъ поймать не довелося мнѣ.
Затихло все кругомъ; и снова ночь нѣмая,
О завтрашнемъ не помышляя днѣ,
Идетъ своимъ путемъ, все въ сумракъ одѣвая.
А мнѣ все слышится завѣтный скрипъ колесъ
И видятся, какъ бы въ волшебной сказкѣ,
То пряди черныя ея густыхъ волосъ,
То въ бархатѣ бровей лазуревые глазки.
А можетъ быть легко, что это лишь кошмаръ;

Разсудокъ шепчетъ мнѣ внушительно и сухо:
Напрасно тратилъ ты любви священный жаръ,
Въ тотъ поздній часъ могла проѣхать и старуха,
Отжившая княжна въ цвѣтахъ на парикѣ,
Съ открытымъ воротомъ, съ какой-нибудь пирушки,
Съ глазами сонными, прижавшись въ уголкѣ
И глубоко уйдя въ атласныя подушки.

Ф . . . .

Давно ль въ минуту разставанья,
Средь обыденныхъ общихъ фразъ—
Я затаенное страданье
И проблескъ чувства видѣлъ въ васъ.
За эти сдавленныя слезы
Я васъ въ душѣ благословлялъ
И отъ житейской пошлой прозы
Больное сердце отрѣшалъ.
Я думалъ: просіяло небо,
Расцвѣлъ любви роскошный садъ
И, какъ голодный коркѣ хлѣба,
Мечтѣ обманчивой былъ радъ.
Все въ васъ мнѣ такъ казалось ново
И такъ прекрасно въ этотъ мигъ,
Что съ сердца прорывалось слово—
Да не послушался языкъ.

Сравнительно рѣдко онъ отзывался на такъ называемыя злобы дня и затрагивалъ въ своихъ стихотвореніяхъ общественные вопросы. Къ этой категоріи относится нижеприводимое:

НА ПОЛѢ.

Рожь подъ косою
Рядами лежитъ,
Пахарь съ женою
На нивѣ сидитъ,
Хлѣба краюшку,
Кувшинчикъ кваску
Тащитъ старуха
Обѣдать сынку.
Солнце отвѣсно
Безъ устали жжетъ.
Вѣтру, знать, тѣсно,
Нѣтъ, нѣтъ—колыхнетъ
Травку сѣдую,
Ковыль молодой,
Свѣжей, густою
Не хлынетъ волной.
Степь полевая
Нѣма и гладка,
Зорька ночная
Еще далека.

Въ люлькѣ ребенокъ
Лежитъ на спинѣ,
Плачетъ спросонокъ,
Лепечетъ во снѣ.
Мать молодая
Дала бъ молока,
Нива большая,
Работа тяжка.
Кончитъ работу,
Покормитъ тогда...
Сколько тутъ поту,
Тревоги, труда,
Слезъ и печали
На нивы пошло.
Долго страдали—
Зато отлегло.
Трудное дѣло,
Работа тяжка,
Ломитъ все тѣло,
Гнететъ мужика.
Тяжкая доля,
А трудъ-то кипитъ.
«Волюшка—воля»,
Мужикъ говоритъ.
1869 г.

Къ готовящемуся празднованію двухсотлѣтняго юбилея русскаго театра князь Кугушевъ написалъ для артистическаго кружка аллегорію «Апоѳеоза Волкова», дружно разыгранную любителями, членами кружка. Въ этой «апоѳеозѣ» три дѣйствующихъ лица: Искусство, Жизнь и Веселость.

Приводимъ ее здѣсь полностью съ сохранившагося у насъ рѣдкаго экземпляра.

Жизнь.

Что вижу я? И лавры, и цвѣты,
И блескъ, и музыки ласкающіе звуки;
Веселье общее. Чьи свѣтлыя черты
Вѣнчаютъ здѣсь? Царю какой науки
Вѣнки душистые привѣтливо сплели
И ихъ смиренно принесли
Къ подножію стариннаго портрета?
Какого смертнаго въ храмъ славы привели,
Какого новаго открыли вы поэта?

Искусство.

Того, чьи свѣтлыя, сказала ты, черты
Вѣнчаетъ лаврами безсмертными потомство;
Его когда-то знала ты,
Но нужнымъ не сочла тѣснѣй связать знакомство.
Ты, равнодушная, узнавъ его, прошла,—
Какъ жизнь всегда идетъ стопою тихой мимо,—
И поддержать его ты нужнымъ не сочла,
А ты была нужна ему и имъ любима.

Онъ рано отошелъ отъ жизненныхъ суетъ,
Но довершить успѣлъ начатое строенье,
И, хоть его давно для славы русской нѣтъ,
Но, видимо, живетъ его руки творенье.

Жизнь.

Но кто же онъ?—художникъ, семьянинъ,
Писатель?—баринъ именитый,
Вельможа, графъ?

Искусство.

Нѣтъ, русскій мѣщанинъ,
Простой, но только даровитый.

Жизнь.

Чѣмъ онъ прославился? Что сдѣлалъ? чѣмъ онъ былъ?
За что теперь намъ всѣмъ славна его могила?

Искусство.

Онъ говорилъ, уму и сердцу говорилъ.

Жизнь.

И только? Кто же онъ?

Искусство.

Онъ Волковъ.

Жизнь.

Я забыла.

Искусство.

Забыть того, чья грудь и умъ полны,
И переполнено огня бывало чувство;
Забыть его: ни жизнь, ни люди, ни искусство,
Сама исторія не могутъ, не должны.
Актеръ въ душѣ, на честь родного края,
Въ борьбѣ съ невѣжествомъ, онъ, съ горемъ пополамъ,
Почти изъ ничего—изъ стараго сарая
Искусству русскому построилъ первый храмъ.
Тамъ сыграна «Эсѳирь»; тамъ первое волненье
Испытано; тамъ побѣжденъ имъ страхъ,
Тамъ выстрадано имъ успѣха наслажденье,
Тамъ путь указанъ имъ, тамъ сдѣланъ первый шагъ.

Жизнь.

Тамъ онъ изображалъ по всѣмъ правамъ тирана,
И былъ, въ тѣ времена, настолько же великъ,
Какъ комикъ, о святой, любого балагана;
Что рѣчь теперь—тогда былъ только крикъ;
Прекрасное тогда—теперь смѣшное, и забавно,
Повѣрь мнѣ, прошлое затѣмъ лишь, что прошло,
Затѣмъ и хорошо, затѣмъ оно и славно.
Ты вспомни, сколько лѣтъ съ тѣхъ поръ ужъ протекло,
За гаснущей звѣздой является другая,
Еще блестящѣе для сердца и ума:

Сегодня былъ Лекенъ, на завтра есть Тальма,
И дальше, безъ конца, какъ стая птицъ густая.
Одинъ и тотъ же людямъ путь:
Какъ ни талантливъ будь и славенъ новый геній,
На ту же грудь земли придетъ онъ отдохнуть
И ей же принести прахъ тщетныхъ вдохновеній.
Все забывается подъ бременемъ вѣковъ.
Что отжило, того къ сознанью не пробудишь.
Хоть сотней голосовъ, хоть грудою вѣнковъ
Прошедшее рядить и славить будешь.

Искусство.

Все забывается, но память, но любовь
Къ тому, кто за собой къ теперешнимъ потомкамъ
Актеровъ вывелъ рядъ, въ комъ не застыла кровь,
Пробудится всегда къ такимъ обломкамъ.
Ему и честь, и слава, и хвала,
И нѣтъ числа объ немъ хвалебныхъ толковъ;
Да, русскому всегда останется мила
Твоя великая заслуга, Ѳедоръ Волковъ.
Не будь его...

Жизнь.

Нашелся бы другой...

Искусство.

Нѣтъ, въ немъ горѣлъ неугасимый пламень;
Онъ первый смѣлою рукою,
Онъ положилъ строенья первый камень.
И вотъ оно съ тѣхъ поръ росло, росло,
Расширилось, окрѣпло, возмужало
И сколько намъ талантовъ принесло...

Жизнь.

А вспомни, сколько ихъ не стало?

Искусство.

Не стало ихъ, но всѣ они живутъ
Въ сердцахъ и въ памяти народной;
Потомство ихъ оцѣнитъ трудъ,
Трудъ честный, славный, благородный.

Жизнь.

Положимъ, ихъ всѣхъ громки имена,
И въ жизнь они давно проникли;
Кѣмъ сцена здѣсь въ кружкѣ оживлена?
Кого здѣсь видѣть мы привыкли?
Любителей скучающихъ семья
Кой-какъ въ недѣлю разъ даетъ здѣсь представленья,
И апплодируютъ имъ дамы да друзья,
По дружбѣ кто, а кто изъ снисхожденья,
Пародія они, карикатура, вредъ,
И трата времени, и срамъ искусству...

Искусство.

Нѣтъ.

Они сравнительно...

Жизнь.

Циклопы и пигмеи,
Какъ грубый калькъ съ античною камеей.

Искусство.

О, нѣтъ! Они въ своемъ нехитростномъ жильѣ,
Какъ пчелы въ замкнутомъ ульѣ,
Работаютъ для своего прихода
И, можетъ быть, дождутся тоже меда.

Жизнь.

Особенно, когда на нихъ такая мода.

Искусство.

Они, какъ Волковъ, первый гвоздь
Въ подмостки вбивъ, ушелъ, какъ гость.
Они кладутъ начало, основанье
Свободному труду; они порогъ, ступень,
Съ которой всякое прямое дарованье,
Безвѣстности съ себя роняя тѣнь,
Выходитъ иногда на свѣтъ и судъ публичный
И сценѣ опытной, столичной
Своихъ трудовъ отрадный плодъ
Кружокъ, хоть со слезой, но все же отдаетъ.

(Вбѣгаетъ Веселость).

Веселость.

О чемъ вы спорите, голубушки-сестрицы?
Давайте, васъ я помирю.
Въ деревнѣ ли, въ столицѣ,
Въ избѣ ли, во дворцѣ, вездѣ я говорю;
Куда я ни приду, вездѣ мнѣ очень рады.
Что грѣетъ душу такъ, что обновляетъ всѣхъ?
Чего купить нельзя, хоть лопни Крезъ съ досады,
Меня купить нельзя: Веселость я и смѣхъ.
Зачѣмъ, скажите мнѣ, сюда вы собралися?
Кого вѣнчаютъ, что поютъ?
Сегодня къ Волкову артисты придралися
И праздникъ, въ честь его, себѣ они даютъ.
Искусство, не сердись. Хоть злоупотребляютъ
Они тобой, но цѣнятъ высоко;
Искусно и вино во здравье потребляютъ
И тянутъ болѣе шипучее Клико,
Оно и холодно, и тянется легко,
И на душѣ такъ отъ него теплѣетъ,
Что на тебя, сестрица Жизнь, глядѣть
Еще пріятнѣе, и обликъ твой свѣтлѣетъ,
И хочется тобой надолго завладѣть.

Оставьте же вашъ споръ, не къ мѣсту онъ, не нуженъ,
Какой, я вамъ скажу, сегодня будетъ ужинъ,
И танцы да и то, а за столомъ
И говоръ будетъ, шумъ,—какъ шумъ—уменъ и вздоренъ.
Подъ трескъ оркестра,—и смычкомъ
По воздуху водить изволитъ самъ Кокоринъ [1]).

Жизнь.

Нѣтъ, мы туда съ тобой, Искусство, не пойдемъ.

Веселость.

Да въ васъ-то вся и суть, голубушки-сестрицы.
Я васъ какъ слѣдуетъ за карты усажу
И даже Ланинской игристой вамъ водицы,
Какъ существамъ, вина не пьющимъ, предложу;
Оно хоть не «Клико», а все жъ питье отъ скуки.
Оставимъ міръ искусствъ, на землю низойдемъ.

(подаетъ имъ руки).

Что если бъ такъ всегда, подавъ другъ другу руки,
Веселость съ Жизнью и Искусствомъ шли втроемъ.

Князь Кугушевъ не былъ чуждъ и музыки. Самъ онъ написалъ нѣсколько романсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые нравились въ то время. Какъ большой любитель и знатокъ музыки, онъ вращался и въ музыкальныхъ кругахъ Москвы, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. Г. Рубинштейномъ, а въ особенности съ барономъ Б. А. Фитингофъ-Шелемъ, къ оперѣ котораго «Мазепа» имъ было написано даже либретто. Самъ онъ недурно пѣлъ довольно пріятнымъ теноромъ, аккомпанируя себѣ на рояли. Современная критика, вообще говоря, относилась къ князю Кугушеву довольно холодно и сдержанно. На его долю рѣдко выпадали особенныя похвалы, но его все-таки знали, о немъ говорили и онъ нерѣдко служилъ объектомъ для шутокъ, болѣе или менѣе безобидныхъ. Такъ, въ одномъ изъ номеровъ юмористическаго журнала «Заноза» было напечатано, напримѣръ, шуточное стихотвореніе о современныхъ дѣятеляхъ, гдѣ о Кугушевѣ, между прочимъ, сказано:

Гдѣ вѣру разрушивъ
Въ талантъ свой и вкусъ,
Покинетъ Кугушевъ
Сообщество музъ.

А Борисъ Николаевичъ Алмазовъ (Діамантовъ) въ своемъ стихотвореніи «Московскій театръ въ 1863 году» писалъ:

Дьяченко пропасть далъ
Намъ пьесъ; одну Устряловъ,

---

[1]) Извѣстный въ то время дирижеръ

Марковъ здѣсь отломалъ
Комедь на либераловъ;
Она недурно шла,
Но юморъ въ ней отсталый,
И такъ она пошла,
Что я совсѣмъ усталый
Куда-то укатилъ,
Полъ-акта не прослушавъ,
И недоволенъ былъ
Ей даже князь Кугушевъ.

С. Колошинъ, писавшій въ «Развлеченіи« фельетоны подъ псевдонимомъ «Не я», написалъ на него такую эпиграмму:

КНЯЗЮ Г. В. КУГУШЕВУ.

Сражаяся за дамъ
И на Никитской за домъ,
Я первому врагу задамъ
И передомъ и задомъ.

На это князь Кугушевъ отвѣчалъ:

С. КОЛОШИНУ.

Онъ былъ въ душѣ храбрѣе Нея [1]),
Дивлюсь съ нимъ перемѣнѣ я,
Что, къ «Развлеченью» пламенѣя,
Сталъ фельетонъ писать «Не я».

Высокаго роста, полный, нѣсколько сутуловатый, князь Кугушевъ обладалъ симпатичной и представительной наружностью, какъ о томъ свидѣтельствуетъ прилагаемый здѣсь портретъ поразительнаго сходства. Это былъ шатенъ съ рѣдкою русою клинообразной бородкой, узенькими, начинающими надъ самой губою, такими же усами и красивыми, добрыми, живо и умно смотрѣвшими карими глазами. Въ общемъ имѣлъ видъ совершенно здороваго человѣка, на щекахъ котораго игралъ даже румянецъ. Говорилъ громко и отчетливо. Былъ всегда щеголеватъ и по модѣ одѣтъ, тщательно причесанъ, имѣлъ выхоленныя, красивыя руки со старательно отдѣланными ногтями. Очень любилъ картины, художественный фарфоръ и всякія изящныя вещи и бездѣлушки, такъ что квартира его представляла собою маленькій музей рѣдкостей. Среди картинъ иностранныхъ мастеровъ хозяинъ съ гордостью называлъ Рубенса и Мурильо, но подъ этими именами антикваріи сбывали ему, кажется, вещи довольно сомнительнаго происхожденія. Его письменный столъ былъ заставленъ

---

[1]) Извѣстный французскій генералъ.

статуэтками извѣстныхъ писателей, и по этому поводу онъ импровизировалъ слѣдующій экспромтъ:

Я разъ имѣлъ неосторожность
Свой столъ людьми великими убрать;
Но пріобрѣлъ зато возможность
Свою, сравнительно, ничтожность
Всегда наглядно сознавать.

Талантливость его проявлялась во всемъ, за что онъ брался. Онъ, напримѣръ, бойко рисовалъ карандашомъ, дѣлалъ очень изящные букеты изъ сухихъ цвѣтовъ, вазы и столики «калькомани» и т. п. Вообще говоря, ему знакомы были многіе виды искусства, а самъ онъ былъ большой любитель и отчасти знатокъ изящныхъ искусствъ и литературы, въ особенности французской и русской.

Князь Г. В. Кугушевъ очень любилъ всякаго рода шутки, остроты, каламбуры и постоянно сыпалъ ими направо и налѣво. Для одного великосвѣтскаго вечера онъ написалъ цѣлую серію изреченій, принятыхъ въ высшемъ обществѣ шумнымъ одобреніемъ. Приводимъ здѣсь нѣсколько этихъ «bons mots» на манеръ знаменитаго Козьмы Пруткова:

«Выйти изъ границъ—не значитъ быть за границею». «Съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній общество ввело моральную пытку—любительскіе спектакли». «Люби себя—не будешь знать измѣны». «Маскарадъ—не значитъ—маскѣ радъ». «Разстояніе и меньше версты можетъ быть разверстано». «Неуча легче проучить, чѣмъ выучить». «Однихъ выводятъ въ люди, другихъ люди выводятъ—большая разница». «Ты встрѣтишь истинную любовь, взглянувъ въ зеркало». «Твои лавры—въ духовой говядинѣ». «Средство жить открыто—не имѣть никакого помѣщенія». «Соглашеніе по любви легче полюбовнаго соглашенія». «Вы все увлекаете за собою—шлейфомъ». «Сидѣть на штофѣ и сидѣть за штофомъ—далеко не одно и то же». «Не бери извозчика, чтобы не сказали, что ты садишься не въ свои сани». «Съ твоими музыкальными способностями ты сотворишь что-нибудь въ родѣ «Сотворенія міра» Гайдна». «Если ты играешь на скрипкѣ, дай мнѣ твой адресъ—я никогда не буду твоимъ сосѣдомъ». «Если хочешь имѣть «Голосъ», пошли за нимъ въ редакцію». «Ты не позволишь наступить себѣ на ногу—у тебя мозоли». «Если желаешь сдѣлать открытіе, выдвинь первый ящикъ твоего комода». «Война родитъ героевъ, а миръ—храбрецовъ». «Ты бываешь героемъ, когда тебѣ дѣлаютъ шлемъ». «Если тебя оставитъ Надежда, помирись съ Вѣрой, и если въ это дѣло вмѣшается Любовь—дѣло не проиграно». «Все лѣнивое дур-

---

[1]) Извѣстная газета Краевскаго.

но, только щи хороши».·«Непріятно, когда лошадей бьютъ, но еще непріятнѣе, когда лошади бьютъ» и т. д.

Остроумный, живой, веселый, легко увлекающійся, баринъ до мозга костей, талантливый, но не глубокій писатель, въ жизни князь Г. В. Кугушевъ отличался необыкновенной довѣрчивостью, глубокой религіозностью и сердечной добротою. Домъ его всегда былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ и здѣсь всегда находили пріютъ и полное гостепріимство всѣ, кто искалъ въ немъ поддержки и помощи. Такъ, въ одинъ прекрасный день сюда къ нему явился оборванный и голодный мальчунъ лѣтъ двѣнадцати, оказавшійся сыномъ провинціальнаго актера Степанова. Отецъ оставилъ мальчика въ Костромѣ у добрыхъ людей, а самъ пѣшкомъ отправился въ Москву искать ангажемента. Получивъ мѣсто въ Гродну, онъ выслалъ деньги на дорогу своему сыну, но дилижансъ опоздалъ, и мальчикъ, не заставъ отца въ Москвѣ, остался въ незнакомомъ городѣ съ двадцатью копейками въ карманѣ. Добрые люди пріютили его на время, пока отецъ снова выслалъ ему деньги на дорогу, причемъ написалъ, чтобы онъ передъ отъѣздомъ непремѣнно сходилъ къ князю Кугушеву. Послѣднему очень нравился бойкій, смышленый мальчикъ, и онъ тотчасъ же переселилъ его къ себѣ, обѣщая найти ему попутчика, а потомъ рѣшилъ и совсѣмъ оставить его у себя и отдать въ какую-нибудь школу. Мальчику была отведена особая комната, его обули, одѣли, вымыли, и онъ ежедневно ѣздилъ съ хозяиномъ въ его собственной каретѣ обѣдать на Петровскій бульваръ въ домъ Мангольдъ (позднѣе Тишенинова) въ одно близкое князю Кугушеву семейство. Затѣмъ былъ нанятъ учитель, чтобы приготовить его въ школу. Черезъ годъ Степановъ отлично выдержалъ экзаменъ, но его отецъ задержалъ высылку документовъ и потому его вакансію замѣстили другимъ мальчуганомъ. Узнавъ объ этомъ, князь Кугушевъ поѣхалъ къ начальнику школы межевыхъ топографовъ [1]) генералу Николаю Павловичу Горлову и, послѣ довольно бурныхъ съ нимъ объясненій, добился того, что Степановъ былъ принятъ сверхъ комплекта на собственный страхъ и рискъ начальника школы.

Насколько нѣжны были отношенія князя Кугушева къ этому мальчику, показываетъ нижеслѣдующее къ нему стихотворное посланіе изъ деревни въ Москву, гдѣ онъ въ то время готовился къ экзамену, испытывая особыя затрудненія при усвоеніи дробей.

Франтъ заморскій. Почему ты
Мнѣ не пишешь никогда?

---

[1]) Нынѣ упраздненной, помѣщавшейся на Гороховской улицѣ въ домѣ, который во времена французскаго нашествія принадлежалъ Букову и въ которомъ теперь помѣщается межевой институтъ.

Или мѣтишь въ алеуты,
Иль въ большіе господа?
Отложи высокопарность,
Санъ высокій свой забудь,
И узнаешь благодарность
И любовь когда-нибудь.
Мало быть снаружи чистымъ,
Очищай душевный міръ
И не будь ты эгоистомъ
И безчувственъ, какъ кумиръ.
Поищи въ широкомъ тѣлѣ,
Нѣтъ ли сердца у тебѣ?
Невозможно въ самомъ дѣлѣ
Жизнь прожить лишь для себя.
Какъ идутъ твои занятья?
Взялъ ли силу ты въ дробяхъ?
У тебя въ башкѣ понятья
Больше, чѣмъ волосъ въ бровяхъ [1]).
Будь поболѣе заботы,
Меньше вѣтру въ головѣ,
Да поменѣе работы
Сапогамъ твоимъ въ Москвѣ.
Ты бы былъ мальчишка бравый,
Я бы всѣмъ тебя хвалилъ.
Ну, сдавай экзаменъ съ славой,
Чтобъ тебя я полюбилъ.

На одномъ изъ своихъ произведеній, подаренныхъ имъ этому юношѣ въ 1869 году, онъ сдѣлалъ такую надпись:

Пройдутъ года, меня уже не будетъ,
И чтенье этихъ старыхъ строфъ
И новый вздохъ въ тебѣ пробудитъ,
И временемъ остывшую любовь.

Въ другое время онъ пріютилъ у себя нѣкоего молодого человѣка, брата одного своего пріятеля, и скоро такъ къ нему привязался, что положительно нянчался съ нимъ. Это былъ недоросль изъ дворянъ, почти безъ образованія и безъ средствъ и безъ малѣйшаго желанія работать. Онъ скоро учелъ всѣ выгоды своего привилегированнаго въ домѣ положенія и, начавъ погуливать и покучивать, въ одинъ прекрасный день забрался къ хозяину въ письменный столъ и стащилъ оттуда нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя въ тотъ же день и заложилъ. Воровство было скоро обнаружено, и юноша съ позоромъ былъ изгнанъ. Въ другой разъ къ князю Кугушеву нанялся ловкій и смышленый лакей, скоро успѣвшій заслужить полное къ нему довѣріе. Пришла повѣстка на полученіе изъ деревни нѣсколькихъ сотъ рублей.

---

[1]) У мальчика почти не было бровей.

Лакею была выдана довѣренность, но онъ, получивъ деньги, скрылся. Впослѣдствіи онъ былъ разысканъ и осужденъ, но деньги, конечно, безслѣдно исчезли.

Продавъ свое имѣніе Грязнуши и получивъ за него двадцать одну тысячу рублей, онъ привезъ деньги для лучшей сохранности къ женщинѣ, съ которой онъ жилъ и къ которой питалъ полное довѣріе. Деньги пропали и не были разысканы. За все поплатился его любимый лакей Кузьма, на котораго легла вся тяжесть подозрѣній. Онъ потерялъ мѣсто, его никуда не принимали, онъ бѣдствовалъ и съ горя запилъ. Впослѣдствіи князь Кугушевъ, видимо, призналъ его невиновнымъ и опять взялъ его къ себѣ.

Такъ этого добраго и довѣрчиваго человѣка всю жизнь всѣ обкрадывали.

Съ сношеніяхъ съ близкими былъ очень привѣтливъ, ласковъ и даже нѣженъ. Многихъ изъ нихъ онъ называлъ ласкательными именами, такъ М. П. Садовскаго—«Мишенька», Н. М. Захарьева—«Захарочка», своего воспитанника Степанова «Константинка». И его за это добросердечіе и эту привѣтливость многіе очень любили и дарили искренней и глубокой симпатіей. Расходился онъ съ своими друзьями и пріятелями главнымъ образомъ по принципіальнымъ вопросамъ въ области искусства и политики. И здѣсь въ этихъ сферахъ онъ твердо отстаивалъ свои убѣжденія и взгляды «стараго барина и аристократа».

Осенью 1871 года князь Г. В. Кугушевъ серьезно заболѣлъ и 21-го сентября умеръ въ своей квартирѣ въ Спасскомъ переулкѣ (Каретный рядъ), въ домѣ Усова, отъ водянки (болѣзни сердца), на рукахъ прислуги и только что успѣвшаго пріѣхать своего двоюроднаго брата князя Петра Николаевича Кугушева. Болѣзнь сердца началась у него давно, и онъ о ней часто писалъ своимъ друзьямъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ:

Но злой недугъ меня сосетъ,
Меня изводитъ слишкомъ рано;
И я вдыхаю креозотъ [1]),
Чтобы избавиться тирана.

Умеръ онъ всѣми забытый и оставленный. Схоронили его въ хмурый холодный осенній день на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря рядомъ съ братомъ, Флоромъ Васильевичемъ, умершимъ еще въ юношескихъ годахъ. На отпѣваніи въ церкви Спаса, что въ Каретномъ ряду, почти никого не было, кромѣ его друзей М. П. Садовскаго и Н. М. Захарьева, а въ московскихъ газетахъ появи-

---

[1]) Лечившій его докторъ кадетскихъ корпусовъ Скопинъ назначалъ ему вдыханіе паровъ креозота. Незадолго передъ смертью на консультацію былъ приглашенъ извѣстный тогда въ Москвѣ докторъ Варвинскій.

лись только краткія извѣстія о его смерти. На его могилѣ наслѣдниками впослѣдствіи поставленъ скромный мраморный памятникъ. Все свое довольно значительное состояніе онъ завѣщалъ двоюродному племяннику князю Алексѣю Петровичу, умершему въ 1908 году и похороненному въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ своимъ дядей (дачи въ Петровскомъ паркѣ онъ оставилъ своей дочери Екатеринѣ Григорьевнѣ Ман—дъ).

Вмѣстѣ съ нимъ и его племянниками угасла эта, такъ сказать, литературная вѣтвь князей Кугушевыхъ.

К. И. Тумскій.

ВСТРѢЧИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ НА БАЛКАНАХЪ.

УТЕШЕСТВІЕ, здѣсь описанное, было совершено мною еще до нынѣшней войны. Мнѣ не пришлось наблюдать особенно долго жителей тѣхъ странъ, гдѣ я былъ, но случилось такъ, что я натолкнулся именно на тѣ особенности характера каждаго народа, которыя такъ ярко выразились потомъ въ великой европейской войнѣ. Человѣкъ вездѣ остается самимъ собой: на войнѣ и въ морѣ, дома за чашкой чая и въ далекомъ пути, на зарѣ своей недолгой жизни и при ея трудномъ концѣ; отъ всего можно уйти—отъ несчастья, отъ горя, отъ болѣзни, отъ смерти даже, если вѣришь въ безсмертіе души, но отъ себя не уйдешь; въ этомъ есть своего рода фатализмъ и, если вдуматься, фатализмъ самый безнадежный; какой можетъ быть.

Am Ende bist du, wass du bist.

Нѣмецъ, мой случайный спутникъ, оказался нахаломъ и наглецомъ: параллель ему—разрушеніе Лувена, нарушеніе нейтралитета Бельгіи и вообще вся эта бисмарковская «идеологія», такъ неудачно разыгранная Вильгельмомъ.

Въ Сербіи я учился патріотизму и удивлялся удивительному сочетанію его съ демократизмомъ народа; эта черта сербовъ сказалась и на ихъ войскѣ: сѣренькіе солдаты маленькаго роста, не умѣющіе шагать, какъ слѣдуетъ, въ ногу (не наши блестящіе гвардейцы), оказались въ силу своего патріотизма чуть ли не лучшимъ войскомъ Европы; Шабацъ и Вальево это доказали! Сербія окружена

врагами, вся ея исторія—исторія борьбы съ сосѣдями за право быть самостоятельной націей; немудрено, что сербы такъ сильно чувствуютъ свою національность. Что ожидаетъ Сербію послѣ войны, если война окончится торжествомъ славянства, что несомнѣнно? Нужно думать, что побѣда славянъ вызоветъ въ Сербіи расцвѣтъ культуры и большую дифференціацію среди народа.

Въ Константинополѣ я видѣлъ симпатичнѣйшій народъ—турокъ, но видѣлъ также, во что обращается Турція, какъ государство, благодаря правленію младотурковъ; маленькая историческая справка о турецкихъ революціонерахъ поможетъ убѣдиться въ ненормальности положенія Турціи въ Европѣ и также докажетъ, что никакіе младотурки и никакія реформы не воскресятъ того, что отживаетъ свой вѣкъ. Турецкая авантюра на Черномъ морѣ, послужившая началомъ нынѣшней русско-турецкой войны, прибавитъ лишнюю страничку къ исторіи нелѣпой политики намѣстниковъ пророка.

Долженъ сказать нѣсколько словъ о «Максимѣ Максимовичѣ», о комъ идетъ рѣчь въ 1-й главѣ. Многимъ, вѣроятно, этотъ типъ русскаго офицера покажется утрированнымъ и неестественнымъ, нѣкоторые найдутъ въ немъ, быть можетъ, даже нѣчто обидное для насъ, русскихъ: какъ, молъ, русскій офицеръ уступилъ крикунунѣмцу? Но, во-первыхъ, я писалъ о томъ, что видѣлъ, а, во-вторыхъ, нѣтъ ничего обиднаго въ томъ, что русскій оказался вѣжливѣе нѣмца. Я, быть можетъ, нехорошо описалъ то, что видѣлъ, но усмотрѣлъ я въ своемъ спутникѣ именно тѣ черты нашего національнаго характера, которыя изобразилъ намъ Пушкинъ въ капитанѣ Мироновѣ, Лермонтовъ въ Максимѣ Максимовичѣ и Левъ Толстой въ Каратаевѣ, въ Тушинѣ, Кутузовѣ и т. д. Вспомнимъ блестящую статью профессора Ключевскаго, который, анализируя этотъ типъ военнаго, сказалъ, что именно Мироновы и имъ подобные вынесли на своихъ плечахъ всю нашу славную военную исторію отъ Гроссъ-Егерсдорфа до Севастополя.

Безконечное добродушіе и, болѣе того, кристаллическая чистота души, какая-то всепрощающая, не думающая инстинктивная любовь, какъ у Лизы Калитиной, «ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности»—вотъ что я видѣлъ и пытался передать своимъ слабымъ перомъ. Это одна изъ особенностей русскаго характера (говорю «одна», такъ какъ, конечно, есть и другія, не столь лестныя черты, но не въ нихъ теперь дѣло), и понять ее можетъ только тотъ, кто чувствуетъ разницу между этимъ типомъ людей и безличнымъ Молчалинымъ даже въ томъ періодѣ его пребыванія на землѣ, когда онъ еще «коптѣлъ въ Твери» и, вѣроятно, ни къ кому не подлизывался, такъ какъ не изъ-за чего было это дѣлать.

Здѣсь не мѣсто касаться вопроса о томъ, какъ реагировало русское общество на текущія событія; это очень сложный и трудный

вопросъ, но сейчасъ ясно, что никакой рѣзкой нетерпимости къ врагамъ у насъ въ общемъ нѣтъ; гдѣ-то очень глубоко внутри нашего сознанія живетъ «Максимъ Максимовичъ», и слава Богу! Мы этимъ духовно сильнѣе нѣмцевъ и этимъ мы ихъ побѣдимъ!

Нѣмецъ и русскій.

Когда я вошелъ въ купе своего вагона, я засталъ тамъ трехъ пассажировъ: у входа сидѣлъ невысокаго роста блондинъ-нѣмецъ, а у окна помѣщалось двое русскихъ: офицеръ лѣтъ сорока пяти и полная дама лѣтъ пятидесяти; передъ ними на столикѣ стоялъ чайникъ; они пили чай вприкуску и съ большимъ наслажденіемъ; одѣты они были по-русски, т. е. растрепанно. Лица ихъ были до того добродушны и милы, что нельзя было сразу же не полюбить ихъ.

— Такъ вотъ,—началъ офицеръ, обращаясь къ нѣмцу и, видимо, продолжая начатый разговоръ:—я вѣдь тоже у васъ былъ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, давно ужъ это было... Вы говорите, что у васъ все есть, а я вошелъ въ лавку и говорю имъ: дайте мнѣ вотъ такого сукна (офицеръ указалъ на свои форменныя брюки), по-нѣмецки говорю, я вѣдь немного понимаю по вашему-то; нѣту, говорятъ они, такого, у насъ такого не дѣлаютъ. Самаго простого и не нашлось-то,—съ укоризной сказалъ офицеръ.

— Ну, ужъ ты, душенька,—вступилась пѣвуче дама,—чего захотѣлъ отъ нѣмцевъ-то—нашего сукна.

— Да у нѣмецъ никто не путетъ купить таки сукно, потому и не дѣлаитъ,—сказалъ нѣмецъ.

Разговоръ повертѣлся нѣсколько времени около этой темы и перешелъ на Россію.

— А какъ вамъ нравится Петербургъ?—спросила дама нѣмца.

— О, Россія очень хорошо, все хорошо, икра хорошо, вагонъ хорошо, городъ хорошо, дамы хорошо, краска на щека у нихъ красна, красива

Нѣмецъ, лукаво улыбнувшись, указалъ себѣ на щеки.

Дама стыдливо потупилась, какъ будто этотъ комплиментъ касался ея блеклыхъ щекъ.

Скоро нѣмецъ вышелъ въ коридоръ покурить.

— Надѣнь, миленькая, себѣ кофточку,—обратился офицеръ къ дамѣ:—ты себя совсѣмъ застудишь.

— Ужъ тебѣ бы надо беречься больше моего, вѣдь у тебя же воспаленіе легкихъ было, надѣнь-ка шинель, а ляжешь, укройся потеплѣе, душенька.

— Нѣтъ, пледикъ-то я оставлю тебѣ, вѣдь ночью будетъ дуть изъ окошка, тебѣ всѣ косточки застудитъ.

Въ это время въ коридорѣ вагона послышались крики.

— Я хочу раздѣваить и путу все снимать, жилетъ и брюка, и кальсона и все,—кричалъ нѣмецъ.

— Здѣсь не спальный вагонъ,—басилъ проводникъ:—дама можетъ обидѣться и претензію заявить.

— Мнѣ никакой дама не нужна, я хочу раздѣваить все, дама можетъ уходить дамски купе.

— Ахъ, душенька,—всплеснула руками дама:—никакъ онъ и подштанники снимать хочетъ!

Офицеръ растерянно глядѣлъ по сторонамъ и старался успокоить даму.

— Позвольте ему постелить постель,—обратился вошедшій проводникъ на ухо офицеру:—ужъ очень они кричатъ-съ.

— Ахъ да, пусть, пусть... постель... ну, хорошо, можно, мы въ коридоръ выйдемъ,—пролепеталъ тотъ.

Нѣмецъ, весь красный, стоялъ у дверей купе и кричалъ:

— Дама можетъ други купе сидѣть, я хочу раздѣваить и буду все раздѣвать.

Онъ вошелъ въ купе и сталъ поднимать спинку сидѣнья, но не сумѣлъ ее укрѣпить. Офицеръ бросился ему помогать. Старательно, выпятивъ губы впередъ и посапывая носомъ, онъ привелъ все въ порядокъ и, вытеревъ шитымъ платкомъ потъ съ лица, сѣлъ на свое мѣсто. Нѣмецъ, не поблагодаривъ даже, влѣзъ наверхъ и улегся спать; Максимъ Максимовичъ и его спутница легли внизу и, поговоривъ немного о томъ, кому достанется «пледикъ», тоже вскорѣ заснули. Когда я засыпалъ, у меня подъ мѣрный стукъ колесъ носились мысли: «Ѣду я на Балканы, къ сербамъ, болгарамъ, тамъ ихъ притѣсняютъ нѣмцы... панславизмъ... русскіе во главѣ... противъ австріяковъ... русское войско...» И вдругъ мнѣ представилась фигура офицера, вытягивающаго губы и помогающаго нахалу-нѣмцу устроиться спать. «Да, мы выйдемъ въ коридоръ»... и офицеръ закивалъ вдругъ головой и скрылся въ какомъ-то облакѣ.

Сербскій патріотъ.

Черезъ два дня я сидѣлъ въ поѣздѣ, шедшемъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ. Когда я садился въ него, поѣздъ былъ уже полонъ, и я едва нашелъ себѣ мѣсто. Я вошелъ въ одно купе и спросилъ, есть ли здѣсь мѣсто. «Не знаю», довольно невѣжливо отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ. Я велѣлъ носильщику положить наверхъ мой чемоданъ; для этого пришлось положить маленькій пакетикъ невѣжливаго пассажира на его же чемоданъ, что могло быть сдѣлано безъ всякаго ущерба для этого господина. Однако онъ рѣзко вмѣшался, сказавъ:

— Нѣтъ, это мое мѣсто, извините.

Кое-какъ удалось, однако, уладить инцидентъ. Помѣстившись въ этомъ купе, я вышелъ на минутку въ коридоръ вагона. «Швабъ», услышалъ я презрительно брошенное слово; оно предназначалось мнѣ и должно было значить, какъ я узналъ потомъ, «нѣмецъ». Я говорилъ по-нѣмецки, а мои спутники были сербы, они меня приняли за нѣмца, и вотъ причина всего этого инцидента. Конечно, когда они узнали, что я не швабъ, а русскій, тонъ ихъ сразу перемѣнился. Одинъ изъ нихъ оказался аптекаремъ; онъ возвращался со своей маленькой дочкой въ Грушевацъ, древнюю столицу Сербіи. Дѣвочка все играла разными монетами, австрійскими, нѣмецкими, сербскими, и я далъ ей русскій серебряный пятачекъ; она конфузливо отвернулась.

— Бери же, бери, этотъ господинъ русскій, онъ славянинъ, какъ и мы, понимаешь, онъ не швабъ; скажи: благодарю.

Но дѣвочка продолжала конфузиться. Тогда сербъ взялъ самъ монету и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— Благодарю, васъ, Herr Professor (мы, увы, принуждены были объясняться по-швабски), я знаю, что вы наши первые друзья... и единственные,—прибавилъ онъ.

— Почему единственные? А болгары?

Сербъ подскочилъ на своемъ мѣстѣ; его подвижная черная физіономія вся задвигалась, глаза засверкали.

— Вы сказали: болгары,—и онъ стукнулъ кулакомъ по столику купе.—Знаете ли вы, что такое болгары? Это не люди, это хуже турокъ, ихъ надо бы выгнать изъ Европы; да, ихъ, а не турокъ.

Я поспѣшилъ исправить неумѣстный вопросъ.

— Да, конечно, они вамъ навредили много въ послѣдней войнѣ, но я не думалъ, что вы ихъ такъ не любите, все-таки они славяне.

— Какіе они славяне, когда они сами отъ этого отрекаются и пишутъ въ газетахъ, что они монгольскаго происхожденія и пришли съ востока отъ татаръ.

Я вспомнилъ камскихъ болгаръ—магометанъ.

— Болгары это свиньи, предатели, Іуды. Что они сдѣлали съ нами? Мы послали пятьдесятъ тысячъ своего войска имъ на помощь подъ Адріанополь, а они потомъ на насъ же напали ночью, какъ воры. Имъ ни одинъ сербъ руки не подастъ, и я вамъ не совѣтую съ ними знаться.

Сербъ въ волненіи выскочилъ на коридоръ.

Я постарался перейти на другую тему.

— А что, кромѣ Бѣлграда, есть у васъ интересные города? Нишъ, напримѣръ?

— Нѣтъ, Нишъ, какъ городъ, не интересенъ; тамъ, правда, есть Челэ-кула, башня, въ которой хранятся черепа сербовъ, замученныхъ турками... У болгаръ нѣтъ такой башни, эти всегда сумѣютъ ужиться съ кѣмъ бы то ни было!

— А сколько сейчасъ населенія въ Сербіи?

— Послѣ войны насчитываютъ четыре милліона. А было бы еще больше, если бы не проклятые болгары. Нѣтъ, Herr Professor, вы не знаете, что это за народъ, это ватерклозетъ Европы, куда сбрасываютъ всю дрянь, вотъ что такое Болгарія!

Такое же отношеніе къ болгарамъ я встрѣтилъ и у остальныхъ сербовъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло... и такое же отношеніе я встрѣтилъ въ Болгаріи къ сербамъ. Это было мое первое впечатлѣніе о «братушкахъ». Вотъ вамъ и панславизмъ!

— Вы увидите, господинъ профессоръ, что за чудная наша Сербія,—говорилъ мой спутникъ:—я силою обстоятельствъ былъ принужденъ послѣ войны уѣхать въ Германію, такъ теперь моя родина представляется вдвойнѣ прекрасной. Конечно, Бѣлградъ— не Берлинъ, но все-таки тамъ много интереснаго: Калемегданъ— общественный садъ, изъ котораго видно сліяніе Дуная и Савы; на противоположномъ берегу виденъ австрійскій городъ Зимунъ, во время войны австріяки сидѣли тамъ на берегу и наводили на насъ пушки, но мы ничего, какъ будто тамъ никого нѣтъ.

— Ну, я думаю, что въ Зимунѣ мало австрійцевъ.

— Какое нехорошее, печальное слово вы меня побуждаете сказать, господинъ профессоръ, вѣдь тамъ все славяне, да и здѣсь вездѣ (онъ указалъ на мѣстность, по которой мы мчались) живутъ славяне, только австрійскія войска влѣзли сюда. Вотъ, посмотрите въ нѣмецкомъ путеводителѣ стоитъ «Марія-Терезіополь», а вѣдь такого города нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ (тутъ онъ опять вскочилъ съ своего мѣста), а есть Чабадка—это его настоящее славянское имя.

— Спойте мнѣ вашъ національный гимнъ,—попросилъ я сербовъ.

— Національный гимнъ у насъ рѣдко поютъ, мы вѣдь всѣ демократы, но только теперь и на войнѣ мы, конечно, патріоты и теперь гимнъ поютъ чаще, чѣмъ раньше.

Онъ пропѣлъ мнѣ вполголоса гимнъ, причемъ его спутники подпѣвали ему со всевозможными жестикуляціями. Мотивъ гимна показался мнѣ неинтереснымъ, какъ и мотивы другихъ сербскихъ пѣсенъ, которыя мнѣ пришлось слышать потомъ.

— А вотъ мы вамъ споемъ лучше наши воинственныя пѣсни; ихъ мы пѣли на войнѣ. Слушайте.

Тутъ я услыхалъ опять-таки не особенно красивые мотивы, но я разобралъ это потомъ, въ первый моментъ я видѣлъ только блестящіе глаза, сжатые кулаки и необычайное воодушевленіе пѣвцовъ.

— И какой со мной чудный случай былъ на войнѣ съ этой самой пѣсней про нашего вождя Іова Бабунскаго, которую я вамъ сейчасъ спѣлъ. Именно чудный случай, это лучшее воспоминаніе моей жизни. Разъ вечеромъ, уже возвращаясь домой послѣ войны,

я зашелъ переночевать въ какую-то маленькую деревушку, въ единственный отель. Я, конечно, не могъ быть въ тѣ времена особенно равнодушнымъ, да и съ друзьями я недавно разстался по-товарищески, слѣдовательно, я былъ даже и очень веселъ и все время пѣлъ воинственныя пѣсни; взялъ я себѣ какого-то деревенскаго парня, который на скрипкѣ подыгрывалъ мнѣ. Когда я вошелъ въ гостиницу, тамъ сидѣлъ какой-то господинъ: онъ былъ одѣтъ скромно и сидѣлъ одинъ въ углу. Я запѣлъ: «Іова Бабунскій, Іова Бабунскій», и вдругъ этотъ господинъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Какъ мнѣ пріятно слышать эту пѣсню, я Іова Бабунскій». Понимаете?

Тутъ я, дѣйствительно, понялъ многое, если не все, въ колоритѣ этого новаго для меня, страннаго края. Я не о патріотизмѣ сербовъ говорю, патріотизмъ встрѣчается еще кое-гдѣ, но гдѣ, скажите, есть въ Европѣ страна, въ которой вы встрѣтите вождей народныхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова—вождей народныхъ, настоящихъ мужиковъ-солдатъ, вождей иррегулярнаго, случайнаго войска, объединеннаго только пламенной ненавистью къ туркамъ. Теперь понятно, почему романтикъ-фантастъ Байронъ попалъ на Балканы: онъ тамъ нашелъ наяву, а не въ стихахъ и не въ своего рода музыкѣ, средніе вѣка, когда политику «дѣлали» не дипломаты, а самъ народъ, предводительствуемый своими собственными вождями.

Но вотъ средніе вѣка и кончились: я въ Бѣлградѣ, на таможнѣ, и за мой старый фотографическій аппаратъ хотятъ брать пошлину; сербъ-патріотъ, однако, кричитъ на таможенныхъ чиновниковъ:

— Что вы дѣлаете. Вы не знаете, кто это! Это профессоръ петербургскаго университета, русскій. Что онъ подумаетъ про васъ! Это позоръ, я долженъ буду самъ за него заплатить, чтобы не позорить Сербіи!

Меня пропускаютъ. У подъѣзда стоятъ два-три извозчика; жалкіе фонари освѣщаютъ совершенно пустую улицу столицы; черезъ десять минутъ мы подходимъ къ «Hôtel Bristol», который устроенъ по-европейски, и беремъ себѣ номеръ.

Бѣлградъ.

На слѣдующій день отправляюсь первымъ дѣломъ къ своимъ сосѣдямъ по зимней квартирѣ, милѣйшему старичку-инженеру, который живетъ у дочери, вышедшей замужъ за серба -офицера, славнаго участника послѣдней войны. Меня принимаютъ въ высшей степени радушно, и я себя чувствую сразу дома. Осматриваю при помощи своихъ знакомыхъ городъ; впрочемъ, его можно бы осмотрѣть и безъ чьей бы то ни было помощи, такъ онъ невеликъ; въ три

четверти часа можно пройти съ одного конца до другого. На высокомъ берегу Дуная расположенъ садъ Калемегданъ; изъ него, дѣйствительно, красивый видъ на Зимунъ. За Калемегданомъ остатки турецкой крѣпости, въ другую сторону ведетъ главная улица, очень чистая и вновь вымощенная, на ней новый и старый дворецъ (конакъ)—словомъ, достаточно двухъ-трехъ часовъ, чтобы увидѣть все. Однако, я остаюсь четыре дня, такъ какъ завтра «Петров-дан» (29-го іюня, именины короля), а черезъ три дня похороны русскаго посла Гартвига; оба эти событія привлекутъ массу народа изъ провинціи, и я остаюсь посмотрѣть сербовъ. Въ «Петроов-дан» я отправляюсь вечеромъ въ Топчидеръ, тѣнистый лѣсъ-паркъ въ пяти верстахъ отъ города. Въ него ведетъ невѣроятно медленный трамвай «града Београда». Когда король бываетъ въ этотъ день въ Бѣлградѣ, онъ обыкновенно ѣздитъ вечеромъ въ Топчидеръ и, переходя отъ группы къ группѣ, бесѣдуетъ съ народомъ. Туда пріѣзжаютъ и славяне съ того берега Дуная, изъ Австріи, такъ что этотъ день, такимъ образомъ, обращается какъ бы въ праздникъ панславянства. Теперь король лечится въ курортѣ, и праздникъ носитъ болѣе скромный характеръ. Тѣмъ не менѣе народа масса, большею частью, конечно, простонародья. Многіе пріѣхали въ своихъ телѣгахъ и расположились въ густой тѣни Топчидерскаго лѣса. Простонародье въ своихъ національныхъ костюмахъ, женщины въ расшитыхъ одеждахъ, на которыхъ наворочено страшно много всякой всячины, мужчины въ широкополыхъ шляпахъ, оригинальныхъ темныхъ, шитыхъ свиткахъ съ широкими кушаками и въ рубашкахъ, болтающихся свободно (онѣ не вдѣты въ брюки), что придаетъ имъ видъ короткихъ юбокъ, доходящихъ до колѣнъ. Тутъ и тамъ два или три музыканта играютъ однообразный мотивъ національнаго сербскаго танца «коло», а вокругъ нихъ, взявшись за руки, съ сердитыми, напряженными физіономіями и съ взоромъ, неподвижно устремленнымъ въ одну точку, какъ бы загипнотизированные, прямые, молчаливые, «играютъ» (по-нашему танцуютъ или, вѣрнѣе, топчутся) сербы; они образуютъ вокругъ музыкантовъ хороводъ, который медленно двигается кругомъ, все время переминаясь на мѣстѣ; иногда вокругъ одной группы музыкантовъ образуется два или три круга; красные, потные, отплясываютъ они свой безконечный танецъ, изрѣдка выкрикивая какое-то междометіе. Танцуютъ всѣ: мужчины, женщины (онѣ особенно серьезны), солдаты, приказчики въ европейскихъ костюмахъ и изрѣдка люди по виду интеллигентные. Кругомъ густая толпа любопытныхъ, продавцы лимонада, сластей, примитивныхъ бездѣлушекъ и т. д. Вернувшись домой, я рѣшаю не итти въ этнографическій музей. Что я тамъ увижу интереснаго послѣ Топчидера? Да и вообще развѣ есть что-нибудь общее между народомъ и его изображеніемъ въ этнографическихъ музеяхъ?

Какъ у Мадонны Рафаэля
Ея молчанье говоритъ...

сказалъ поэтъ.

Дѣйствительно, картина говоритъ, а кукла въ этнографическомъ музеѣ говоритъ развѣ что спеціалисту.

Похороны Гартвига.

Свѣжему человѣку можетъ показаться страннымъ, что праздный туристъ остается въ городѣ, гдѣ достаточно пробыть три часа, чтобы увидѣть все, три лишнихъ дня для того только, чтобы присутствовать на похоронахъ русскаго посла, человѣка совсѣмъ ему незнакомаго. Но обстоятельства показали, что оставаться стоило. Гартвигъ занималъ совсѣмъ особое положеніе среди нашихъ пословъ, особое потому, что онъ пользовался необычайною популярностью той страны, въ которую онъ былъ посланъ. Эта популярность объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ былъ представителемъ той страны, на которую сербы взирали съ надеждой, какъ на свою покровительницу; во-вторыхъ, его личный характеръ, гостепріимный и отзывчивый, пріобрѣлъ ему немало другей; его энергичная политика, направленная къ защитѣ славянской народности на Балканахъ, дала ему имя «славянофила». Обстоятельства, сопровождавшія его смерть, возбудили страсти неспокойныхъ сербовъ: онъ скоропостижно скончался отъ разрыва сердца въ австрійскомъ посольствѣ во время возбужденнаго разговора съ австрійскимъ посломъ, передъ которымъ онъ, очевидно, защищалъ интересы сербовъ отъ какихъ-нибудь новыхъ посягательствъ «швабовъ».

— Его отравили австрійцы,—коротко объяснилъ мнѣ мой сербъ на вокзалѣ.

Немудрено, что похороны обратились въ грандіозную руссофильскую манифестацію. Гмъ, руссофильская манифестація! Гдѣ она еще бываетъ? Что-то не вѣрится, что за границей бываютъ руссофильскія манифестаціи. Да и въ Россіи-то манифестаціи бываютъ все больше съ краснымъ флагомъ, и только съ наступленіемъ настоящей войны красные флаги попрятались въ подпольѣ, уступивъ почтительно флагамъ національнымъ. Но именно руссофильская манифестація была въ Бѣлградѣ 1-го іюля 1914 года.

Уже за два дня до похоронъ граждане города выпустили прокламаціи, въ которыхъ они, восхваляя Гартвига, какъ защитника сербскаго народа и представителя великой Россіи, просили домовладѣльцевъ вывѣсить черные флаги и закрыть магазины въ день похоронъ. Все это было исполнено въ точности. Въ девять часовъ утра траурная процессія двинулась изъ русскаго посольства въ соборъ. Впереди шло все духовенство Бѣлграда во главѣ съ митрополитомъ; затѣмъ шло безчисленное количество депутацій съ вѣн-

ками со всѣхъ сторонъ Сербію. «Нашему Николаю Гартвигу», «Великому пріятелю сербскаго народа» —успѣлъ я прочесть на лентахъ вѣнковъ. За гробомъ шелъ весь дипломатическій корпусъ, родные, знакомые, русская колонія, войска и масса народа. По всему пути шпалерами стояли войска. Порядокъ не нарушался нигдѣ.

— Посмотрите на этихъ молодцовъ, —сказалъ одинъ изъ русскихъ, шедшій со мной рядомъ.—Вѣдь вы и не подумаете, что эти самые бѣлобрысые малорослые солдатики взяли Адріанополь. Они не очень-то выносливы, и дисциплина у нихъ неважная, видите, какъ вонъ тотъ стоитъ? А какъ они несли почетный караулъ у гроба! Стоитъ, развалившись, и въ усъ себѣ не дуетъ. Безобразіе просто! Маршировать они не умѣютъ, не попадаютъ въ ногу. Да и гдѣ ихъ выучить, когда срокъ службы всего полгода, и только теперь онъ доведенъ до года. Вотъ офицерскій составъ лучше, всѣ офицеры у нихъ кончаютъ курсъ, который равняется половинѣ курса нашей академіи генеральнаго штаба. Но вы не думайте, что у сербовъ дурное войско, наоборотъ, у нихъ великолѣпное войско. Духъ его удивительный, а это важнѣе всего. Каждый солдатъ—сила. А ихъ патріотизмъ! О если бъ вы видѣли ихъ одушевленіе, когда они шли на войну, ихъ готовность жертвовать всѣмъ на благо родины. Нѣтъ, молодцы, молодцы, что и говорить!

Процессія подошла къ собору, гдѣ былъ совершенъ краткій чинъ отпѣванія. Послѣ окончанія службы (на которой присутствовалъ наслѣдникъ) говорилъ или, вѣрнѣе, читалъ рѣчь митрополитъ, а затѣмъ Пашичъ. Ихъ рѣчи кончались по-сербскому обычаю словами: «Нашему Николаю Гартвигу слава».—«Слава! Слава!» повторяли присутствовавшіе. Этотъ обычай придаетъ много торжественности похоронамъ. Изъ собора гробъ направился на кладбище; по дорогѣ процессія нѣсколько разъ останавливалась, и представители разныхъ пѣвческихъ обществъ пѣли вѣчную память. Особенно трогательное впечатлѣніе произвело пѣніе цыганъ. Ихъ черныя, подвижныя физіономіи, конечно, не могли оставаться неподвижными, и ихъ «вѣчная память» скорѣе походила на «многая лѣта».

На кладбищѣ говорилъ рѣчь представитель города; если митрополитъ и Пашичъ, зная, что каждое ихъ слово будетъ учтено, гдѣ слѣдуетъ, говорили нѣсколько сдержанно, то послѣдній ораторъ далъ полную волю своему южному темпераменту; онъ говорилъ горячо, проникновенно и съ нескрываемымъ волненіемъ. Обращаясь къ дочери покойнаго, онъ сказалъ:

— Ты осталась сиротой, но отнынѣ ты будешь дочерью сербскаго народа.

И далѣе, обращаясь къ покойнику:

— Единственнымъ утѣшеніемъ въ нашемъ горѣ служитъ намъ то, что твой прахъ остается среди насъ, среди того народа, кото-

рый ты такъ любилъ и который и тебѣ платилъ тѣмъ же. Твоему священному праху, о великій сынъ великой Россіи, отдаю я послѣдній, земной поклонъ!»

Онъ приблизился къ гробу и поклонился, прикоснувшись головой земли.

— Николаю Гартвигу слава!

— Слава, слава!—повторили всѣ присутствовавшіе.

Это былъ потрясающій моментъ; многіе плакали.

На слѣдующій день, простившись со своими любезными покровителями-русскими, благодаря которымъ я видѣлъ всю процессію вблизи, я ѣхалъ въ Софію. Рядомъ ѣхалъ какой-то сербъ и усиленно выкидывалъ въ окно вагона каждому встрѣчавшемуся на полотнѣ крестьянину какую-то бумажку. Я попросилъ у него экземпляръ и узналъ, что это была прокламація, пущенная въ народъ передъ выборами въ скупщину; въ прокламаціи критиковалась дѣятельность правительства, которое не слушается скупщины и дѣлаетъ все по-своему.

Итакъ, маленькое резюме о Сербіи: «Мы, сербы,—демократы», говоритъ мой сербъ-аптекарь. «У нихъ солдаты служатъ всего годъ, такъ какъ демократы провели такой законъ», говоритъ мой собесѣдникъ во время похоронъ. Агитаторъ открыто выкидываетъ противоправительственные листки изъ окна вагона. Это съ одной стороны. Съ другой: исторія всей войны, «мы, сербы,—патріоты», руссофильская манифестація и необычайно сильное чувство своей національности. Вотъ Сербія, какъ государство. Прибавьте сюда еще печальный, но понятный фактъ вражды съ болгарами, и вы будете имѣть полную картину сербской политической жизни. Не берусь утверждать, что здѣсь нѣтъ ошибки, но такой мнѣ представилась Сербія за время моего короткаго пребыванія въ ней. Не буду больше говорить на эту тему, но, быть можетъ, маленькая параллель простится мнѣ: въ Сербіи все живетъ, кипитъ, у насъ... «во глубинѣ Россіи, тамъ вѣковая тишина».

Въ Сербіи чувствуешь необычайно интенсивно свое славянство, а у насъ... «Кто вы, собственно?»—«Да всѣ мы, батюшка, русскіе, тутошніе».—«Какъ? И за тысячу верстъ тоже русскіе?»—«Да, батюшка, русскіе».—«И за 10000 верстъ у Великаго океана?»—«Тоже, батюшка, русскіе, свои значитъ». «Чужихъ» нѣтъ; откуда же явиться чувству расы, когда другой расы мы и не видимъ. Вотъ «мы» за границей и теряемся. Какой-то нѣмецъ, вѣроятно, очень ученый, дѣлилъ людей на die Menschen und die Russen: мы это поняли и восприняли, и за границей стараемся сойти за «Menschen». По крайней мѣрѣ, я никогда не чувствовалъ такъ сильно своей національности, своего славянства, какъ въ Сербіи.

Еще два слова о религіи сербовъ: Бѣлградъ, вѣроятно, единственная столица, гдѣ соборъ находится не въ центрѣ города и гдѣ

онъ не относится къ его достопримѣчательностямъ. Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что есть сербы-православные, католики и магометане, и великосербское движеніе, самое жизненное движеніе въ Сербіи, какъ преслѣдующее цѣли объединенія всѣхъ сербовъ, нарочно не хочетъ выдвигать на первое мѣсто религіознаго момента, не способствующаго при данномъ положеніи сербовъ ихъ объединенію.

Такая пестрота въ религіозномъ отношеніи не должна насъ удивлять; на Балканахъ все пестро и запутано. Откуда взялись сербы-магометане? Оказывается, ихъ насильно обращали въ свою вѣру турки, грозя имъ смертью въ случаѣ ихъ сопротивленія. Но что это за магометане?! Они молятся Аллаху и держатъ у себя дома тайно христіанскія иконы, а когда приходитъ страшная болѣзнь, такой магометанинъ отправляется къ могилѣ Душана Сильнаго, славнаго короля Сербіи, и, ища себѣ спасенія, пролѣзаетъ подъ его гробомъ, вѣруя, что этотъ христіанскій святой его исцѣлитъ. Вотъ и разберите: кто онъ? И это не рѣдкость на Балканахъ.

По пути въ Константинополь.

Въ Софіи я пробылъ одинъ день; это слишкомъ долго для такого города. Болгарія по внѣшнему виду болѣе похожа на Россію, чѣмъ Сербія. У военныхъ и городовыхъ форма почти та же, что въ Россіи; на вывѣскахъ вы видите «ѣ», «ъ», юсы, которыхъ нѣтъ въ Сербіи, не видно сербскихъ буквъ «ћ» и «ђ», которыя вводятъ васъ въ смущеніе въ Сербіи. Странное впечатлѣніе производятъ окончанія словъ на «тъ», «та», и «то» напримѣръ, министерството, обявленията; это французскій article—членъ, только прибавляемый къ концу слова.

Я не могъ вникнуть въ жизнь болгарскаго народа такъ, какъ я вникъ въ жизнь сербовъ, но вотъ нѣсколько интересныхъ черточекъ: вхожу я въ новый православный соборъ, грандіознѣйшее сооруженіе, стоящее въ концѣ бульвара Царя-Освободителя на площади противъ памятника Александра II. Соборъ совершенно готовъ, но не освященъ. Спрашиваю о причинѣ этого сторожа. Онъ объясняетъ такъ: «Это будетъ тогда, когда у насъ будетъ другая политика, не австрійская». Его сосѣдъ добавляетъ: «Когда Фердинандъ...» — и онъ дѣлаетъ выразительный жестъ, обозначающій паденіе.

Другой фактъ: какъ разъ наканунѣ моего пребыванія въ Софіи произошелъ «голѣмъ скандалъ» (большой скандалъ) въ собраніи (парламентѣ) изъ-за непопулярнаго займа. «Опозицията» устроила «битка на камарата» (сраженіе въ парламентѣ), и займъ былъ голосованъ и принятъ среди невѣроятнаго шума и скандала. На слѣдующій день всѣ оппозиціонныя газеты метали громъ и молнію, а на уличныхъ кіоскахъ были вывѣшены объявленія аршинными

буквами: въ этихъ объявленіяхъ оппозиціонныя газеты печатали резюме своихъ статей въ такихъ, примѣрно, терминахъ: «Бандитизмтъ законодательствува», «Отечествoто» въ опасности, правительство—предатель страны и т. д. Къ довершенію картины прибавимъ, что среди чтецовъ этихъ объявленій были военные и городовые, которые спокойно смотрѣли на такое, очевидно, обычное для нихъ зрѣлище.

На слѣдующее утро послѣ безконечныхъ остановокъ на границѣ я увидалъ далеко на горизонтѣ тонкія высокія палочки. Это были минареты мечети Султанъ-Селима въ Адріанополѣ. Скоро показался и городъ; расположенный въ совершенно безлѣсной равнинѣ, на небольшихъ возвышеніяхъ, онъ съ виду представлялъ мало интереснаго, но его оживляли воспоминанія недавней войны, слѣды которой еще виднѣлись въ видѣ разрушенныхъ траншей и рвовъ.

Въ Адріанополѣ появились турецкія власти; они всѣ оказались очень любезными людьми, говорившими достаточно по-французски. Кондуктора одѣты весьма прилично, начальники станцій—франты съ бѣлой повязкой на лѣвомъ рукавѣ; всѣ, конечно, въ фескахъ, кромѣ офицеровъ и солдатъ, у которыхъ теплыя барашковыя шапки. Азіей пока еще не пахнетъ. Но дальше я ее почувствовалъ: скорость въ 25 верстъ въ часъ, желѣзнодорожный путь весь въ бурьянѣ, полное отсутствіе буфетовъ въ теченіе всего дня (о мой бѣдный желудокъ!), мизерныя крошечныя станціи, игрушечные звонки, въ которые сторожа, бѣгая по платформѣ, звонятъ, какъ въ Россіи, передъ отходомъ поѣзда,—все это показало мнѣ, что я уже не въ Европѣ. А потомъ эти турецкія деньги! Я пришелъ въ отчаяніе—на нихъ турецкими каракулями написано, сколько онѣ изъ себя изображаютъ. Хорошо еще, что на станціяхъ ничего нельзя было купить, кромѣ «суукъ-су». Это было единственное слово, которое я, любопытный ex-туристъ Крыма, понялъ.

Весь день почти до самаго Константинополя мы тащились по выжженной степи мимо Люлли-Бургаса, Чорлу и Чаталджи. Только здѣсь я увидалъ горы, не особенно большія, но крутыя, и неприступныя. Ихъ бы, навѣрно, взяли болгары, если бы не «концертъ державъ».

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда справа показалось Мраморное море, но его дивная лазурь была уже подъ крыломъ ночи. Вотъ, наконецъ, Санъ-Стефано. Здѣсь были русскія войска въ 1878 году; отсюда виденъ, говорятъ, Константинополь, и мы увидали бы его еще ближе, если бы не «концертъ державъ».

Вотъ безчисленные домики, кафе надъ моремъ, узкія улицы, и стопъ—поѣздъ останавливается у дебаркадера. На вокзалѣ—вполнѣ европейскомъ—ревизія паспортовъ, десятая за десять дней. Черезъ двѣ минуты я на извозчикѣ, которому какой-то любезный турокъ, понимавшій по-французски, объяснилъ, куда ѣхать. Меня везутъ

по Стамбулу, по мосту черезъ Золотой Рогъ (такъ я догадался), по Перѣ и, наконецъ, я послѣ долгихъ поисковъ нахожу квартиру своего кузена N.

Младотурки и ихъ предшественники.

Итакъ, я въ гостяхъ у «больного человѣка» на Босфорѣ.

Въ 1908 году говорили, что «больной человѣкъ» выздоровѣлъ; говорили это не только въ Турціи заинтересованные въ этомъ врачи «больного человѣка»—младотурки, говорили и въ Европѣ всѣ тѣ, для кого человѣкъ, произнесшій слово «свобода»,—да не съ вопросительнымъ, а съ восклицательнымъ знакомъ позади,—уже достоинъ всяческаго уваженія; «турецкая конституція»—и не какая-нибудь «куцая конституція», а такая, образцомъ которой была самая совершенная, самая либеральная бельгійская конституція,—о, это чего-нибудь да стоило! Указывали на воодушевленіе въ Константинополѣ, на группы турчанокъ съ открытыми лицами, привѣтствовавшихъ шествія младотурокъ, на обѣщанныя реформы и особенно на равенство передъ закономъ и мусульманъ и вѣчно угнетаемой «райи» «стадо»—презрительная кличка христіанъ) и ожидали новой эры. Любопытно прослѣдить, какъ и почему началось все это либеральное движеніе, названное младотурецкимъ.

Было время, когда никто не рискнулъ бы назвать Турцію больнымъ человѣкомъ: въ XVI вѣкѣ не только Балканы вплоть до Дуная были вѣрны волѣ падишаха,—цвѣтущая равнина Венгріи и Будапештъ были подъ его властью, и войска его доходили до стѣнъ самой Вѣны. Но времена перемѣнчивы: мало-по-малу европейцы оттѣсняютъ турокъ все дальше и дальше на югъ; въ XIX вѣкѣ отъ турецкой власти освобождаются постепенно Сербія, Черногорія, Болгарія и Греція т. п.; уже не турки командуютъ Европой, а Европа командуетъ Турціей, дѣла которой сплошь да рядомъ рѣшаются не на берегахъ Босфора, а на берегахъ Сены и Невы.

Вотъ это-то положеніе и было причиной образованія партіи турецкихъ либераловъ; самое слово «младотурокъ» появилось не такъ давно, но, собственно говоря, первые младотурки (если понимать это слово въ широкомъ его значеніи—либералъ) появились въ началѣ XIX вѣка, когда Махмудъ II уничтожилъ столь страшныхъ янычаръ; хотя янычары, конечно, были помѣхой всякимъ реформамъ, но все же эта реформа диктовалась больше чувствомъ самосохраненія, чѣмъ какими-нибудь иными побужденіями, такъ какъ янычары были страшны не только европейцамъ, но и мусульманамъ, и для ихъ уничтоженія Махмуду пришлось раздать населенію столицы оружіе и провозгласить противъ янычаръ священную войну.

Махмудъ II пытался ввести въ Турціи европейскіе порядки; онъ, напримѣръ, чеканилъ монету съ собственнымъ изображеніемъ

вопреки всѣмъ правиламъ Корана, запрещавшаго рисовать чьи-либо портреты: даже въ мелочахъ онъ старался подражать Европѣ; такъ, онъ издалъ правило, по которому борода правовѣрнаго не должна была быть длиннѣе двухъ вершковъ отъ подбородка. Самъ онъ тоже носилъ бороду, хотя это противорѣчило обычаямъ, такъ какъ султанъ единственный мусульманинъ, который не долженъ былъ носить бороды. Онъ любилъ пить вино и любилъ, чтобы его приближенные напивались пьяными. Вообще, это былъ интересный и просвѣщенный правитель, пытавшійся примирить требованія ислама съ требованіями западно-европейской культуры, то есть примирить непримиримое.

Въ 1839 году при его наслѣдникѣ Абдулъ-Меджидѣ были задуманы широкія реформы; былъ опубликованъ Гюльханейскій гаттишерифъ (манифестъ), обѣщавшій много разныхъ благъ; обнародованіе гаттишерифа было обставлено чрезвычайно торжественно: въ султанскомъ саду розъ «Гюльханэ» (откуда и названіе этого гаттишерифа—«Гюльханейскій») были собраны высшіе чины правительства, представители райи и дипломатическій корпусъ; астрологъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ, чтобы выбрать наиболѣе подходящій моментъ для опубликованія хартіи; во время ея чтенія былъ произведенъ 101 пушечный выстрѣлъ и т. д.

Устроивъ всю эту церемонію, турки успокоились и рѣшили, что съ европейцевъ довольно. Черезъ годъ великій визирь, Решидъ-паша, умный и образованный человѣкъ, былъ уже уволенъ, и его мѣсто занялъ ретроградъ Рифаатъ-паша, а Абдулъ-Меджидъ сталъ по турецкому обычаю вилять и всячески откладывать исполненіе обѣщаннаго: то онъ сожалѣлъ, что его проектъ до сихъ поръ не приведенъ въ исполненіе, то онъ увѣрялъ, что его неправильно поняли тѣ, кто думаетъ, что внутренній строй государства будетъ измѣненъ. Между тѣмъ райя волновалась и возставала, либералы устраивали заговоры; Европа же пришла къ убѣжденію, что дѣлежъ турецкаго наслѣдства слишкомъ сложная исторія, и рѣшила охранять цѣлость Турціи; волновавшимся христіанамъ были снова обѣщаны реформы, и въ 1856 году тотъ же Абдулъ-Меджидъ издаетъ манифестъ «Гатти-Гамаюнъ» на этотъ разъ уже подъ непосредственнымъ и сильнымъ давленіемъ Европы; въ немъ повторялось приблизительно то же, что и въ гаттишерифѣ Гюльханейскомъ, но дѣло съ мѣста не сдвинулось; реформы не осуществлялись, дипломаты выражали Блистательной Портѣ сожалѣніе, что она ихъ не слушается, а Порта потрясала кулаками и обѣщала проклясть всякаго чиновника, который рѣшится не исполнить приказанія падишаха, но чиновники, знавшіе, что новый ихъ повелитель (Абдулъ-Азисъ) интересуется больше всего пѣтушиными боями и раздачей орденовъ пѣтухамъ-побѣдителямъ, не слишкомъ боялись этихъ проклятій и продолжали старую политику. Вотъ тутъ-то и стала образовываться

партія младотурокъ: она состояла изъ турокъ, пріобщившихся къ западно-европейской образованности, и изъ студентовъ (софтъ); эти софты, пріѣзжая изъ далекихъ провинцій, гдѣ они были свидѣтелями ужасающей нищеты населенія, обираемаго турецкими чиновниками, попадали сразу въ Константинополь, гдѣ чины правительства утопали въ роскоши, держали огромные гаремы и т. д. Многіе изъ этихъ софтъ были переселены султаномъ на дно Босфора на должность «смотрителей рыбнаго промысла», но извѣстно, что можно убить человѣка, но нельзя убить идею, и вотъ 18-го мая 1876 года огромная толпа младотурокъ окружила дворецъ Абдулъ-Азиса, требуя реформъ; султанъ обѣщалъ, но всѣ знали цѣну этому обѣщанію. Заговорщики сговорились съ шейхъ-уль-исламомъ (первосвященникомъ), и тотъ издалъ «фетву» (посланіе), составленную, какъ и всегда, въ формѣ вопроса и отвѣта. Вотъ она: «Если султанъ доказываетъ свое безуміе, если онъ не имѣетъ политическихъ знаній, необходимыхъ для управленія государствомъ, если онъ дѣлаетъ личныя издержки, которыхъ государство не можетъ вынести, если его пребываніе на тронѣ грозитъ гибельными послѣдствіями, то нужно ли его низложить, или нѣтъ? Законъ (ислама) гласитъ: «да». Во исполненіе этой фетвы дворцовый врачъ перерѣзалъ 30-го мая Абдулъ-Азису ножницами жилу на рукѣ, а 18-го августа на престолъ вступилъ Абдулъ-Гамидъ.

Ему серьезно пришлось считаться съ младотурками: онъ далъ странѣ конституцію, авторомъ которой былъ Мидхатъ-паша, честный и европейски образованный дипломатъ, успѣвшій проявить себя съ лучшей стороны во время своего управленія Нишскимъ вилайетомъ. Мидхатъ-паша взялъ за образецъ своей конституціи самую либеральную конституцію Европы—бельгійскую: предполагалось ввести двухпалатную систему, отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ, всеобщее образованіе, разныя свободы и т. д. Скоро собрался первый турецкій парламентъ; уже по тому, какъ велись выборы, видно было, насколько серьезно было желаніе властей обновить Турцію. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ представителей власти обратился къ жителямъ своего округа съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Жители! вы, конечно, помните, что я вамъ нѣкоторое время тому назадъ давалъ читать фирманъ султана о томъ, чтобы каждый округъ послалъ честнаго представителя въ Константинополь. Вслѣдствіе этого вы должны избрать немедленно по полученіи моего воззванія такого-то (слѣдуетъ имя). Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщаю вамъ, что никакихъ возраженій не потерплю. Если вы не подчинитесь, я поступлю съ вашей деревней такъ, какъ поступилъ съ другими».

Другой случай. Великій визирь передъ выборами оповѣстилъ жителей Стамбула о слѣдующемъ: «Его величество приказываетъ,

чтобы кандидатура Зіа-бея не выставлялась. Она недопустима, потому что Зіа-бей враждебенъ султану, а конституція не допускаетъ скомпрометированныхъ лицъ въ парламентъ».

Въ результатѣ парламентъ оказался состоящимъ изъ «evet effendim» (то есть изъ господъ, говорящихъ «да», поддакивающихъ правительству). Послѣ двухъ краткихъ сессій парламентъ былъ распущенъ, не успѣвъ сдѣлать почти ничего. Слѣдуетъ сказать, что Мидхатъ нисколько не былъ причастенъ къ такому способу веденію дѣла; онъ былъ смѣщенъ Абдулъ-Гамидомъ, который боялся своего либеральнаго министра и сослалъ его въ Малую Азію; черезъ нѣсколько лѣтъ его задушили подосланные убійцы, но такъ какъ Абдулъ-Гамидъ боялся, что подкупленные имъ убійцы могли быть подкуплены и сторонниками Мидхата, онъ не повѣрилъ извѣстію о его смерти, велѣлъ раскопать его могилу и привезти въ Константинополь голову своего министра; желаніе падишаха было исполнено, и скоро онъ получилъ закрытый ящикъ, въ которомъ будто бы везлись «японскія художественныя издѣлія»; въ дѣйствительности тамъ была голова Мидхата.

Такъ погибъ одинъ изъ немногихъ честныхъ и энергичныхъ турецкихъ чиновниковъ; вмѣстѣ съ Махмудомъ II и Решидъ-пашой онъ былъ представителемъ той оригинальной группы турецкихъ государственныхъ дѣятелей, которые хотѣли обновить Турцію путемъ пріобщенія ея къ европейской культурѣ при оставленіи, однако, ислама господствующей религіей.

Возможно ли это было сдѣлать? Исламъ регламентируетъ не только религіозную жизнь турокъ, онъ даетъ правила для всѣхъ вообще сторонъ мусульманской жизни, и эти правила настолько противорѣчатъ всѣму духу нашей культуры (напримѣръ, отношеніе къ неправовѣрнымъ, многоженство и т. д.), всему укладу нашей жизни[1]), что примирить исламъ съ Западомъ можно только путемъ сомнительныхъ компромиссовъ. Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ интереснѣйшій вопросъ, надо только констатировать, что въ Турціи была и есть до сихъ поръ партія людей, утверждающихъ, что это примиреніе вполнѣ возможно и что исламъ не противорѣчитъ западной культурѣ. Однимъ изъ такихъ примирителей былъ Мидхатъ-паша; онъ пытается доказать возможность и необходимость такого примиренія въ своей книгѣ: «La Turquie, son passé, son avenir». Онъ говоритъ въ ней, что исламъ основанъ на принципахъ свободы и демократіи; турки всегда были, молъ, самой вѣротерпимой націей, болѣе вѣротерпимой, чѣмъ народы Запада; конституція, говоритъ Мидхатъ, не противорѣчитъ Корану, такъ

---

[1]) Напримѣръ, во время рамазана правовѣрные не имѣютъ права ѣсть съ тѣхъ поръ, когда можно отличить черную нитку отъ бѣлой, и до заката солнца.
Авт.

какъ Магометъ приказалъ калифамъ совѣтоваться въ важныхъ случаяхъ съ представителями общинъ. Послѣ отставки Мидхата и роспуска парламента въ Турціи наступила эпоха крайней реакціи, продолжавшейся вплоть до послѣдней турецкой революціи, то есть до 1908 года.

Абдулъ-Гамидъ отлично понималъ, что Европа заинтересована въ сохраненіи цѣлости Турціи, и нисколько не стремился осуществить тѣ реформы, которыя были обѣщаны Европѣ.

Европеецъ можетъ только удивляться той смѣси наглости, грубости и азіатской наивности, которая такъ характерна для государственной жизни Турціи временъ Абдулъ-Гамида. Подозрительности Абдулъ-Гамида не было границъ—онъ не довѣрялъ рѣшительно никому, кромѣ своей гвардіи, составленной изъ албанцевъ, но такъ какъ и та могла быть подкупленной, онъ устроилъ себѣ въ своемъ дворцѣ десять спаленъ и кабинетовъ, чтобы никто не могъ знать, въ которой именно комнатѣ онъ сейчасъ находится. Даже принцы крови были окружены шпіонами; стоило какому-нибудь болѣе или менѣе видному лицу заслужить любовь народа, какъ это лицо моментально высылалось въ мѣста не столь отдаленныя или назначалось «смотрителемъ рыбныхъ промысловъ» на днѣ Босфора. Содержаніе шпіоновъ въ одномъ лишь Константинополѣ стоило 60.000 рублей въ день.

Цензура свирѣпствовала во всю. Исторія турецкой цензуры изобилуетъ массой комическихъ чертъ: былъ, напримѣръ, цѣлый рядъ словъ, употребленіе которыхъ безусловно воспрещалось; нельзя было печатать словъ: свобода, право, равенство, соединеніе, царь, дворецъ, оружіе, тиранія, герой и т. д.; нельзя было упоминать слова «звѣзда», такъ какъ это слово могло натолкнуть на мысль о звѣздѣ, приведшей волхвовъ въ Виѳлеемъ, а эта мысль, въ свою очередь, могла навести на мысль о равенствѣ христіанъ и магометанъ; вмѣсто «звѣзда» надо было говорить «свѣтило». Возбранялось обращаться къ «Спасителю міра» (даже если таковымъ признавать Магомета или Аллаха), такъ какъ обращаются къ нему тѣ, кто недоволенъ существующимъ порядкомъ. Разумѣется, нельзя было говорить о покушеніяхъ на коронованныхъ особъ, поэтому въ свое время въ турецкихъ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе: «Его величество король сербскій Александръ и королева Драга умерли отъ удара молніи». О персидской конституціи нельзя было и заикаться, турецкая публика дѣлала видъ, что ничего не знаетъ о персидскомъ меджилисѣ, но когда шахъ разогналъ парламентъ, объ этомъ было сообщено, такъ какъ это должно было дѣйствовать устрашающе на революціонеровъ.

Ко всему европейскому относились съ подозрѣніемъ: вводить телефонъ и электричество было воспрещено, такъ какъ электричествомъ можно было бы взорвать дворецъ, а по телефону можно было

бы передавать по городу недозволенное; для устройства фабрикъ надо было спрашивать разрѣшенія самого султана, а такъ какъ для этого нужно было пройти предварительно массу промежуточныхъ инстанцій и вездѣ давать огромный «бакшишъ» (взятку), почти никто не стремился открывать фабрикъ. Казна была пуста, а чтобы съэкономить деньги, правительство прибѣгало къ такимъ мѣрамъ: въ турецкомъ году 355 дней, но правительство ввело Юліанское лѣточисленіе въ 365 дней, жалованье же чиновникамъ не увеличило; такимъ образомъ, къ 1900 году получилась экономія въ два года.

Младотурки, преслѣдуемые въ Константинополѣ, перенесли свою дѣятельность въ европейскіе центры—Парижъ, Брюссель и т. д., они издавали тамъ свои газеты, печатали прокламаціи, агитировали (особенно среди турецкихъ войскъ) и всячески приготовляли почву для переворота 1908 года.

Въ 1907 году въ Парижѣ состоялся съѣздъ всѣхъ турецкихъ революціонныхъ партій, на которомъ онѣ путемъ взаимныхъ уступокъ пришли къ извѣстному соглашенію, а въ іюлѣ 1908 года вспыхнуло возстаніе въ Турціи.

Подняли бунтъ войска третьяго корпуса, расположеннаго въ Македоніи; когда султанъ выписалъ изъ Малой Азіи войска для подавленія мятежей, тѣ отказались стрѣлять въ своихъ братьевъ. Султану поневолѣ пришлось подчиниться и признать Мидхатову конституцію, которой добивались младотурки. Онъ поклялся на Коранѣ не измѣнять ей и сталъ изображать раскаявшагося деспота; на первомъ же селямликѣ (торжественной молитвѣ), бывшемъ послѣ провозглашенія конституціи, онъ обратился къ народу съ краткой рѣчью, въ которой сказалъ, что отнынѣ между нимъ и народомъ не будетъ никакой стѣны, что всякій будетъ имѣть къ нему доступъ и т. д. Министры и члены младотурецкаго комитета («комитетъ единенія и прогресса»), получившаго сразу огромную власть въ странѣ, говорили такія же сладкія рѣчи европейскимъ дипломатамъ и журналистамъ, указывали со слезами на глазахъ на то, какъ освобожденный народъ лобызалъ руки своего повелителя и вообще сулили Турціи новую эру. Нашлись такіе простецы, которые наивно повѣрили всему этому и торжественно возвѣстили въ Европѣ, что Турція пошла по новому свѣтлому пути; нѣкоторые европейцы, бывшіе случайно лѣтомъ 1908 года въ Константинополѣ, передаютъ о томъ энтузіазмѣ, который охватилъ турокъ при волшебномъ словѣ «хюріэтъ» (свобода). Не надо сомнѣваться въ томъ, что этотъ народный восторгъ былъ искрененъ, но позволительно думать, что реакціонная партія съ Абдулъ-Гамидомъ во главѣ, а также и новое правительство въ лицѣ младотурокъ понимало довольно своеобразно эту свободу и только втирало журналистамъ очки.

Фактической главой правительства былъ, конечно, не Абдулъ-

Гамидъ и не смѣнившій его въ 1909 году Магометъ V, а комитетъ «единенія и прогресса»; на это указываетъ хотя бы слѣдующій фактъ: когда освобожденная печать стала нападать на султана, онъ, желая ее обуздать, обратился къ комитету «единенія и прогресса», и комитетъ внушилъ печати должное уваженіе къ намѣстнику пророка.

Принимая все это во вниманіе, во всемъ томъ, что произошло потомъ, слѣдуетъ винить исключительно младотурокъ, понимавшихъ «хюріэтъ» по-своему, т.-е. по-турецки. Это можно прослѣдить хотя бы ихъ по отношенію къ провозглашенію свободы печати. Печати было вскорѣ воспрещено касаться слѣдующихъ вопросовъ: дѣятельности султана, который былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ младотурокъ, темнаго прошлаго многихъ важныхъ сановниковъ, критики мусульманской религіи т. д., запрещалось писать статьи, могущія вызвать международныя осложненія или обострить національную вражду (это послѣднее запрещеніе было очень кстати); не одинъ строптивый журналистъ оказался высланнымъ изъ предѣловъ столицы, а были и такіе (напр., Самимъ-бей и Хассанъ-Феми-бей), которые оказались, благодаря стараніямъ младотурокъ, на томъ свѣтѣ. Въ концѣ концовъ турецкіе журналисты объединились въ «ассоціацію оттоманской прессы» для борьбы съ посягательствомъ младотурокъ на ихъ свободу.

Отношеніе комитета «единенія и прогресса» къ христіанамъ, населяющимъ Турцію, тоже не лишено интереса. Конечно, согласно конституціи, они уравнивались въ правахъ съ мусульманами, но, когда одинъ салоникскій журналистъ осмѣлился осудить измѣнившееся отношеніе младотурковъ къ болгарамъ, ему не на шутку пригрозили ссылкой туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Когда патріархъ заступился за гонимыхъ грековъ, Махмудъ-Шевкетъ-паша, военный министръ и видный членъ младотурецкаго комитета, сказалъ ему на аудіенціи 20-го іюня 1909 года: «Греки во всемъ виноваты сами, турки въ союзѣ съ болгарами разобьютъ вамъ головы. Мы васъ всѣхъ разоримъ». (Sam Legy «Le declin du Croissant, стр. 65).

Назимъ-бею, тоже видному члену комитета «единенія и прогресса», принадлежитъ знаменитый проектъ, которымъ онъ думалъ успокоить вѣчно волнующуюся Македонію; вмѣсто того, чтобы ввести въ ней реформы, онъ хотѣлъ переселить въ нее столько мусульманъ, чтобы живущіе тамъ христіане оказались въ меньшинствѣ и, такимъ образомъ, никакихъ реформъ въ европейскомъ духѣ не надо было бы вводить.

Къ чему привело Турцію правленіе младотурокъ, мы знаемъ. Въ октябрѣ 1908 года она лишилась Босніи и Герцеговины, въ сентябрѣ того же года Болгарія освободилась отъ той тѣни зависимости, которая еще существовала у нея по отношенію къ

Стамбулу, отпали африканскія части Имперіи, а въ 1912 году вспыхнула балканская война, послѣ которой у Турціи остался незначительный кусочекъ ея европейскихъ владѣній, а скоро, смѣемъ надѣяться, и того не будетъ.

Таковы пресловутые младотурки; ничего другого, собственно говоря, и ожидать нельзя было. Чѣмъ сильнѣе деспотизмъ власти, тѣмъ больше развращаетъ онъ народъ и тѣмъ деспотичнѣе и нетерпимѣе къ инакомыслящимъ бываютъ въ немъ либералы и революціонеры. Живой примѣръ этому Турція. Единственной неоспоримой заслугой младотурокъ является то, что они привели Константинополь въ нѣсколько европейскій видъ, но и то... не лучше ли былъ азіатскій Стамбулъ, чѣмъ немного европеизированный Константинополь?

Начало европейскаго пожара.

Первая недѣля моего пребыванія прошла совсѣмъ тихо: мы съ кузеномъ ѣздили по окрестностямъ, осматривали мечети и уже собирались на три дня ѣхать въ Бруссу, какъ вдругъ все это мирное времяпрепровожденіе сразу прекратилось. Въ одинъ прекрасный день мы узнали изъ незначительной мѣстной газетки «Stamboul», издававшейся по-французски, объ австрійскомъ ультиматумѣ. И сейчасъ же за этой дипломатической бумажкой выросъ грозный ликъ общеевропейской войны. Наглость австрійской дипломатіи превзошла всѣ ожиданія; было ясно, что Австрія во что бы то ни стало хочетъ войны, иначе зачѣмъ же ей было требовать отъ самостоятельной націи, да еще отъ націи съ повышеннымъ чувствомъ національности, самаго настоящаго самоупраздненія?

Что отвѣтитъ Пашичъ?—вотъ вопросъ, интересовавшій всякаго. И, разумѣется, каждый рѣшалъ его впередъ за Пашича: конечно, онъ откажетъ Австріи, иначе его моментально свергнетъ сербскій народъ, и новое правительство откажется удовлетворить Австрію.

— Но тогда неминуема общеевропейская война?—говоритъ N, и въ его вопросѣ я слышу сомнѣніе въ возможности того, что сербы не исполнятъ требованія Австріи.

— Послѣдствія отрицательнаго отвѣта сербовъ будутъ, конечно, невѣроятно важны; но не могутъ же они, дѣйствительно, подставить голову подъ австрійскій ножъ?

— Получается неразрѣшимая дилемма: или общеевропейская война или... или сербы согласятся.

— Да не согласятся они никогда! Ну, согласится Пашичъ—не согласится народъ, вѣдь народъ не дипломаты, онъ и не знаетъ, что такое концертъ державъ и во что обратится общеевропейская война.

Къ намъ подходитъ съ вопросительнымъ видомъ содержатель кофейни, въ которой мы сидимъ, и нѣсколько робко спрашиваетъ, что намъ угодно:

— Ики шекерли, биръ лукумъ веренъ (дайте двѣ чашки сладкаго кофе и одну порцію лукума),—показываю я ему свои знанія турецкаго языка.

Это мы сидимъ на концѣ Золотого Рога, въ Эюбѣ, самомъ дальнемъ кварталѣ Стамбула. Здѣсь находится старинная мечеть Эюбъ, особенно почитаемая мусульманами. Она была основана въ честь нѣкоего Эюба, храбро сражавшагося при взятіи Константинополя въ 1454 году. Въ ней хранится мечъ султана Османа, которымъ опоясываютъ каждаго султана въ началѣ его правленія; этотъ обрядъ замѣняетъ здѣсь нашу коронацію.

Около мечети удивительно уютный дворъ; это самый типичный восточный дворъ мечети въ Константинополѣ. Онъ не особенно великъ; по серединѣ его растутъ два огромныхъ старыхъ платана, такъ что весь дворъ въ тѣни, и арабскіе двуцвѣтные своды между колоннами удивительно гармонируютъ съ лапчатыми листьями платановъ. Масса народа толпилось во дворѣ у лавокъ, въ которыхъ продавались четки, турецкіе духи, лакомства и т. д. За платанами виднѣлась стѣна двора, украшенная какими-то зелеными и золотыми письмами; они придавали всей картинѣ отпечатокъ чего-то загадочнаго и мистическаго.

«Вотъ онъ, Востокъ!—подумалъ я.—Что онъ такое? Сфинксъ въ пустынѣ и знойная Аравія»...

Въ мечети ничего особеннаго не оказалось. Мы хотѣли взойти въ турбэ Эюба, но сторожъ не слишкомъ вѣжливо взялъ меня за руку и показалъ въ другую сторону.

Въ турбэ не пускаютъ, такъ какъ это самая большая святыня мусульманъ въ Константинополѣ; недавно не пускали даже во дворъ мечети.

Я прошелъ по двору, невольно любуясь Востокомъ.

— А я все думаю про сербовъ,—прервалъ мои наблюденія N:— что они сдѣлаютъ?

Востокъ исчезъ, и появилась газета «Stamboul», Пашичъ и вмѣсто Востока нѣчто придуманное о немъ Европой—восточный вопросъ.

Опять пошли разговоры. Но они всѣ кончились желаніемъ увидѣть поскорѣе вечернюю газету «Moniteur Oriental». Что дѣлать: не всегда проза бываетъ прозой, не всегда поэзія покоряетъ прозу!

И началось странное «смѣшанное» время. То я забывалъ Западъ, находясь подъ чарами Востока, то я стремился уѣхать поскорѣе въ Россію и бросить этотъ Востокъ. Но такъ какъ мнѣ казалось, что ничего особеннаго случиться не должно, я остался въ Константинополѣ, чтобы осмотрѣть все и не упрекнуть себя,

пріѣхавши въ Россію и нашедши тамъ полное спокойствіе, что я малодушно бѣжалъ, не повидавши всего, что было интересно.

«Moniteur», «Moniteur», —кричитъ мальчишка. Хватаемъ «Moniteur, ничего опредѣленнаго, все дипломатическіе переговоры и гаданія журналистовъ. А сбоку Sultan Achmed со своими шестью минаретами, строгими и стройными, надъ нимъ голубое небо и щебетанье ласточекъ въ вышинѣ. «Нѣтъ, остаюсь въ Константинополѣ!»

Босфоръ. Турецкое войско.

Просыпаюсь на слѣдующее утро; я-таки привыкъ въ концѣ концовъ къ этимъ крикливымъ перотамъ и не просыпаюсь больше въ шесть часовъ утра, какъ раньше.

— Ну, что новаго?—обращаюсь я къ N, который уже сидитъ за газетой.

— Да ничего; сербы отказали, конечно, австріякамъ, а тѣ до сихъ поръ ничего не предпринимаютъ.

На другой день узнаемъ, что войны нѣтъ еще; очевидно, ея и не будетъ, такъ, одни лишь разговоры. Въ четыре часа мы ѣдемъ по Босфору до Beicos, а оттуда собираемся взойти на одну гору, съ которой видно Черное море.

Всѣ пароходы, отправляющіеся въ окрестности Константинополя, отходятъ отъ новаго понтоннаго моста, ведущаго черезъ Золотой Рогъ. Не надо думать, что они отходятъ отъ какой-нибудь пристани, находящейся вблизи моста, нѣтъ, они отходятъ отъ самаго моста; по обѣимъ его сторонамъ устроены пристани, къ которымъ и пристаютъ пароходы; такъ что для того, чтобы попасть на пароходъ, надо пройти половину моста и затѣмъ спуститься по лѣсенкѣ внизъ. Сдѣлано все это потому, вѣроятно, что въ Золотомъ Рогѣ не нашлось другого мѣста для пристани.

Босфоръ—единственное въ свѣтѣ мѣсто, гдѣ еще вы встрѣтите тридцативерстный узкій естественный морской проливъ, соединяющій два такихъ важныхъ моря, какъ Черное и Средиземное? Гдѣ еще есть такое оживленіе, такой блескъ, такіе лазурные берега, такія небеса и такой удивительный, всегда свѣжій морской вѣтеръ? И все это въ соединеніи съ тѣмъ необычнымъ восточнымъ колоритомъ, который такъ влечетъ европейца, немного пресытившагося слишкомъ банальной Швейцаріей, слишкомъ крикливыми гидами и рекламами и вообще всей этой черезчуръ навязчивой культурой Европы. Уже одни названія турецкихъ поселеній носятъ на себѣ нѣчто освѣжающее: Beylerbey, Boujoukdere, Anatolou Hissar, Ortakeuy и т. д.; все это звучитъ гораздо свѣжѣе и поэтичнѣе, чѣмъ какіе-нибудь Konigstein, St.-Johann и т. д.; конечно, Ortakeuy въ переводѣ значитъ «Средняя деревня», но какой

европеецъ знаетъ это, а если и знаетъ, то развѣ ему не кажется, что Ortakeuy должно быть живописнѣе, чѣмъ «Средняя деревня»?

Весь берегъ, какъ азіатскій, такъ и европейскій, густо заселенъ; пристани слѣдуютъ безпрерывно одна за другой; вездѣ масса народа, турокъ, грековъ и европейцевъ, особенно охотно проводящихъ лѣто на Босфорѣ. У каждой пристани поплавокъ, на которомъ сидятъ и пьютъ свой кофе турки, здѣсь и тамъ среди зелени возвышается бѣлый невысокій минаретъ; изрѣдка портитъ видъ «Тирингъ-Галата», реклама одного большого еврейскаго магазина въ Галатѣ; Босфоръ, пожалуй, наиболѣе европейская часть Турціи, онъ скоро, вѣроятно, будетъ похожъ на какой-нибудь модный пляжъ въ родѣ Остенде или Біаррица.

На половинѣ Босфора съ европейской стороны, въ самомъ узкомъ его мѣстѣ находится Roumeli Hissar, замокъ, стѣны котораго спускаются до самой воды.

До Beicos почти полтора часа ѣзды; мы пріѣзжаемъ туда около четырехъ часовъ и сейчасъ же отправляемся по узенькой прибрежной улицѣ къ мѣсту нашего назначенія. За городкомъ начинается великолѣпная платановая аллея, въ густой тѣни которой мы идемъ, нисколько не страдая отъ жары, затѣмъ мы карабкаемся по горной, размытой дождями дорогѣ и, проклиная мелкій лѣсъ, который ее окаймляетъ и совсѣмъ насъ не укрываетъ отъ солнца, наконецъ добираемся до вершины горы.

Наверху маленькій домикъ и рядомъ мечеть, спрятанная среди деревьевъ и кустовъ. Насъ встрѣчаетъ ободранный добродушный турокъ и, видя, что я собираюсь снимать виды, говоритъ:

— Здѣсь запрещено снимать, такъ какъ близко форты,—и онъ указываетъ на окрестные холмы.—Какъ васъ сюда пропустили?—продолжаетъ онъ. —Здѣсь все время ходятъ караульные.

— Мы никакихъ караульныхъ не видали,—удивляемся мы.

— Странно. А впрочемъ,—продолжаетъ онъ, какъ бы что-то вспомнивъ:—у насъ теперь рамазанъ, и всѣ солдаты спятъ.

Это было сказано настолько равнодушно, что я сразу понялъ, что въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего особеннаго. Дѣйствительно, у магометанъ теперь рамазанъ; это мѣсячный постъ, во время котораго они не имѣютъ права днемъ ни пить, ни ѣсть, ни курить; ночью все это разрѣшается, поэтому многіе мусульмане, чтобы легче выдержать этотъ жестокій постъ, спятъ днемъ; солдаты, охранявшіе дорогу на форты, тоже спали гдѣ-нибудь въ кустахъ. Вѣдь они же тоже мусульмане!

Не подумайте, что эти солдаты охраняли какой-нибудь ненужный фортъ; они стерегли входъ въ Босфоръ въ такое время, когда ихъ высшее начальство сочло нужнымъ начать исподволь тайную мобилизацію (на это указывало усилившееся за послѣднее дни

движеніе военныхъ автомобилей и войскъ въ городѣ) и когда пароходы перевозили на Босфоръ войска и мины.

Эта небольшая картинка турецкой жизни живо рисуетъ многое. Кто задаетъ тонъ въ Турціи? По газетамъ—нѣмцы черезъ младотурокъ, а въ дѣйствительно кто? Народъ, что ли? Да ему никакого дѣла нѣтъ ни до какой политики; гоняли его въ Африку противъ итальянцевъ, потомъ на сѣверъ—противъ славянъ, теперь, кажется, погонятъ опять противъ славянъ, но ему все это такъ надоѣло и такъ ему хочется посидѣть спокойно, что никакая политика и никакіе младотурки не заставятъ его воодушевиться: лучше поспать подъ кустикомъ, пусть пройдутъ гяуры на форты, это ничего! Ничто не вдохнетъ жизнь въ эту инертную массу. Коранъ, желавшій все регулировать, окончательно отнялъ у нихъ какую бы то ни было инціативу къ чему-либо и навѣки заглушилъ интересъ къ тому, что дѣлается вокругъ; ничто не интересуетъ турка, даже тотъ самый Коранъ, который былъ причиной такого застоя, даже онъ для нихъ недоступенъ и безразличенъ. Нѣтъ никакихъ способовъ заставить Турцію двинуться впередъ—косность, невѣжество и равнодушіе ко всему—вотъ удѣлъ этой разлагающейся страны.

Кстати, о турецкомъ войскѣ. Когда-то это войско было знаменито своей храбростью и выносливостью, но теперь оно знаменито развѣ что своимъ безначаліемъ и неустройствомъ. До младотурокъ порядки въ немъ были анекдотическіе. Такъ какъ Турція—страна заговоровъ, гдѣ каждый мало-мальски сильный паша стремится свергнуть либо султана, либо какого-нибудь сильнаго сановника, то немудрено, что Абдулъ-Гамидъ спалъ и во снѣ видѣлъ всюду заговорщиковъ; онъ окружалъ себя тучами шпіоновъ и боялся усиленія кого бы то ни было, а такъ какъ онъ не надѣялся на вѣрность войска, то боялся и усиленія войска. Получалась нелѣпость, смѣшная и глупая: новобранцевъ сгоняли каждый годъ въ казармы и ничему ихъ не учили или учили спустя рукава, такъ какъ боялись, что если ихъ выучатъ военному искусству, они поднимутъ военный бунтъ и свергнутъ султана; войско было вооружено старыми, никуда не годными ружьями, а новыя ружья лежали въ складахъ подъ охраной гвардіи, которой султанъ довѣрялъ. Жалкій флотъ турокъ стоялъ по большей части безъ дѣла въ Золотомъ Рогѣ; на ученье въ Мраморное море его почти не выводили; кто его знаетъ, чего добраго, онъ еще послѣ ученія, возвращаясь домой, начнетъ стрѣлять по Константинополю?

Младотурки постарались измѣнить все это и стали приглашать нѣмецкихъ инструкторовъ, но что могли они сдѣлать съ недисциплинированной толпой мужиковъ, упорно не желавшихъ ничего дѣлать? Въ годовщину дня провозглашенія конституціи въ Кон-

стантинополѣ былъ парадъ въ присутствіи султана; мѣстныя нѣмецкія газеты въ длинныхъ напыщенныхъ статьяхъ всячески восхваляли «обновленное» турецкое войско, но весь секретъ заключался въ томъ, что никакого «новаго» войска не было, а былъ лишь нѣмецкій нахалъ, генералъ Сандерсъ, со своей военной миссіей, и въ угоду ему надо было писать, что войско обновилось, разумѣется, подъ его просвѣщеннымъ руководительствомъ. Надо замѣтить, что нѣмецкая военная миссія занимаетъ въ Константинополѣ очень видное мѣсто: на пріемъ у великаго визиря въ день празднованія конституціи она была приглашена цѣликомъ, такъ что представители другихъ странъ тонули въ массѣ нѣмцевъ. Роль этой миссіи, проводимая энергично и, выражаясь мягко, не всегда корректно, очевидна: за нѣсколько дней до начала общеевропейской войны въ Константинополѣ было извѣстно, что нѣмецкая военная миссія въ случаѣ войны Германіи съ какой-либо державой не покинетъ Стамбула...

Теперь вернемся назадъ на Босфоръ. Итакъ, турокъ вѣжливо или, вѣрнѣе, равнодушно предупредилъ, что здѣсь снимать фотографіи нельзя. Конечно, я не воздержался отъ искуса снять при этихъ условіяхъ то, что было передъ нами. И было что снять! Черезъ рѣдкій лѣсъ виднѣлся Босфоръ; съ одной стороны онъ, извиваясь, кружился среди зеленыхъ береговъ и былъ виденъ почти до самаго Стамбула. Удивительное впечатлѣніе производило сочетаніе цвѣтовъ темно-зеленаго лѣса и среди него морской сини Босфора, и оригинальнѣе всего было именно то, что этотъ синій морской цвѣтъ тянулся безконечно далеко вглубь страны узкой полосой. Съ другой стороны Босфоръ уходилъ въ Черное море; это было величественное зрѣлище. Берега Босфора въ этой его части были мало заселены и почти лишены лѣса; съ правой стороны на скалѣ стояло нѣсколько старыхъ башенъ, остатки какого-то замка; онѣ сторожили зорко, какъ и встарь, ворота Востока, а вдали за ними молча голубѣла свѣжая влажная синева Чернаго моря. Здѣсь уже не было того оживленнаго Босфора, который мы видѣли по ту сторону горы; что-то довременное величественно-спокойное и дикое было въ этомъ пейзажѣ; рѣдкія суда не оживляли его, но, наоборотъ, напоминали невольно о томъ, что въ другой части Босфора ихъ гораздо больше. И только здѣсь я вспомнилъ, что по этимъ же водамъ плылъ когда-то Олегъ прибивать свой щитъ на вратахъ Цареграда, а еще раньше плыли галеры римлянъ, а еще раньше финикійцы и гдѣ-то очень ужъ далеко мерещились и аргонавты, плывшіе за золотымъ руномъ въ Колхиду. А за пустыннымъ берегомъ Азіи виднѣлись Пафлагонія, Киликія, Дамаскъ съ его клинками синей стали, древняя Антіохія, камен-

ная Іудея, зеленая Галилея и бѣдные галилейскіе рыбаки, прошедшіе всю эту страну пѣшкомъ и покорившіе весь міръ силою своего слова. Еще дальше мерещился Синай съ грознымъ Іеговой, мечущимъ молніи на свой непокорный народъ, и знойная каменистая Аравія.

— Не хотите ли совершить «зіареть» (паломничество)?—спросилъ подошедшій сторожъ.—Здѣсь есть могила святого, Іисуса Навина. Иностранцы приходятъ и читаютъ надъ его могилой по краснымъ книгамъ [1]) молитвы.

Около мечети, на небольшомъ дворѣ помѣщалась огромнѣйшая могила, шаговъ въ десять длины.

— Почему эта могила такъ длинна?

— Это былъ очень святой человѣкъ,—объяснилъ сторожъ,—и онъ все растетъ, когда за него молятся Богу.

Черезъ часъ мы спускались; я спряталъ аппаратъ подъ пиджакъ, но напрасно: пушка, возвѣщавшая заходъ солнца и конецъ поста, еще не выпалила, и солдатъ все еще не было видно. Еще черезъ часъ замелькали рекламы Тирингъ-Галата, и мнѣ уже казалось, что я видѣлъ древній Босфоръ только во снѣ.

Бѣгство изъ Константинополя.

Событія принимали все болѣе угрожающій характеръ и, наконецъ, послѣдовало объявленіе войны Германіей Россіи; масса германскихъ и австрійскихъ подданныхъ покидали Константинополь, направляясь въ ряды дѣйствующей арміи. Въ Турціи начиналось броженіе, по городу разъѣзжали военные автомобили, двигались войска и т. д. Оставаться дольше не было никакого смысла тѣмъ болѣе, что многія пароходныя компаніи прекратили уже рейсы. Я взялъ билетъ на пароходъ русскаго общества пароходства и торговли «Императоръ Александръ III», который долженъ былъ уйти 21-го, въ 10 часовъ утра. Наканунѣ дня моего отъѣзда шелъ сильный дождь, и я сидѣлъ въ квартирѣ, ожидая, когда погода разгуляется. Настроеніе у меня было довольно мерзкое: кругомъ волненіе, а ты сиди и жди; скука, выйти на улицу изъ-за дождя нельзя, въ комнатѣ, выходящей на узенькую улицу, темнота, какъ въ Петроградѣ осенью. Вдругъ внизу на улицѣ раздались какіе-то крики: я выглянулъ въ окно и увидѣлъ двухъ мужчинъ, державшихъ въ рукахъ австрійскіе флажки; они шли по направленію къ пристани, а за ними шла кучка людей, человѣкъ въ сорокъ, съ чемоданами въ рукахъ; ихъ провожали женщины; это, очевидно, были австрійцы—запасные.

---

[1]) Очевидно, по путеводителямъ.

Я переждалъ дождикъ и пошелъ посмотрѣть, какъ они будутъ уѣзжать. Около Wiener Bank, прекратившаго платежи, стояла толпа, едва сдерживаемая конными городовыми; слышались негодующіе возгласы, нѣкоторые плакали. По мокрымъ тротуарамъ я съ трудомъ добрался до пристани; пароходъ съ австрійскими запасными уже отчаливалъ; когда онъ поравнялся съ русскимъ пароходомъ, стоявшимъ рядомъ, съ австрійскаго послышались свистки, ругательства и крики: «Ѣдемъ пить пиво въ Петербургъ!»

Тутъ только я замѣтилъ, что оба русскихъ парохода, «Александръ III» и «Николай II», дымятся. Это показалось подозрительнымъ; зачѣмъ имъ дымиться за двадцать часовъ до отхода? Захожу въ контору, спрашиваю. Мнѣ отвѣчаютъ:

— Они идутъ сегодня, получена телеграмма изъ Одессы ѣхать немедленно.

— Когда же они ѣдутъ?

— Черезъ часъ или два. Велѣно ѣхать какъ можно скорѣе, боятся захвата.

Я бѣгомъ домой; бѣгу и соображаю:

«Послѣдній пароходъ, нельзя не ѣхать, а квартира заперта, ни N, ни лакея нѣтъ, ключа тоже нѣтъ; быть можетъ, швейцаръ какъ-нибудь откроетъ. Но и то толку мало, вѣдь, всѣ мои деньги подъ ключомъ у N».

Стучусь къ швейцару, его тоже нѣтъ. Бѣгу наверхъ, авось кто-нибудь да пришелъ: смотрю на часы: два часа, нѣтъ рано, никого не можетъ еще быть. Съ отчаяніемъ дергаю звонокъ... молчаніе... что тутъ дѣлать? Ѣхать безъ всего? До Одессы доѣду, а потомъ? Звоню вторично... и слышу въ передней торопливые шаги N. Онъ вернулся раньше, чѣмъ думалъ, и говоритъ впопыхахъ:

— Уѣзжайте поскорѣе, пароходъ сейчасъ уйдетъ.

Въ одинъ мигъ все было уложено, извозчикъ найденъ. Только что мы отъѣхали, съ нами поравнялся экипажъ съ однимъ русскимъ, служащимъ въ посольствѣ:

— Уѣзжайте,—кричитъ онъ:—Турція объявила всеобщую мобилизацію, не знаю, доѣдете ли.

По дорогѣ вспоминаю, что у меня нѣтъ ни копейки русскихъ денегъ; заѣзжаю въ одну мѣняльную лавку,—не мѣняютъ, въ другую,—не мѣняютъ, наконецъ въ третьей размѣняли мнѣ на сорокъ рублей.

На пристани сутолока; только благодаря помощи каваса я попадаю на пароходъ. Народу мало, пароходъ огромный; жуткое чувство одиночества сперва охватываетъ меня, но скоро я встрѣчаю пассажировъ, капитана, знакомаго доктора и опять вхожу въ прежнюю тревожную колею.

— Проклятые нѣмцы,—кричитъ какой-то телеграфистъ (это оказался служащій на пароходномъ радіотелеграфѣ),—не даютъ ничего понять; все время стучатъ со станцій своихъ пароходовъ, ничего не понимаю, посолъ даетъ какія-то распоряженія объ отъѣздѣ, а эти проклятые...—и онъ грозитъ кулакомъ по направленію нѣмецкихъ пароходовъ.

Появляется капитанъ, нѣсколько сгорбленный, сухой старичокъ; онъ съ виду спокоенъ, но по его лицу видно, что онъ волнуется.

— Когда ѣдемъ?—накидываются пассажиры.

— Ничего не знаю, господа. Послѣднее распоряженіе было оставаться до утра.

Эта вѣсть сразу разносится по пароходу, но уйти съ парохода никто не рѣшается, такъ какъ никто не гарантированъ отъ того, что не будетъ новаго распоряженія уѣзжать сейчасъ.

Наступаетъ обѣденный часъ, никто, однако, не хочетъ спускаться въ столовую, и лакей напрасно звонитъ, бѣгая по палубѣ.

— Важная телеграмма получена,—говоритъ кто-то.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Спросите телеграфиста!

— Онъ не скажетъ, не имѣетъ права. Только капитанъ знаетъ.

Капитанъ беретъ подъ руку телеграфиста и идетъ съ нимъ медленными шагами по палубѣ, слушая его докладъ. Пассажиры отправляютъ пословъ къ капитану, но безрезультатно. Начинаются толки: что могло бы быть написано въ телеграммѣ?

За обѣдомъ я сажусь противъ фески; феска оказывается не турокъ, а египтянинъ; это профессоръ офталмологіи, ѣдущій на конгрессъ. Разговоръ принимаетъ болѣе обыденный характеръ: говорятъ объ Египтѣ, о Россіи, о медицинѣ, о томъ, что въ Египтѣ рецепты пишутся не по-латыни, а на какомъ-то другомъ языкѣ, и т. д. Въ разгарѣ разговора египтянинъ беретъ небольшой графинъ съ бѣлой жидкостью, которую онъ принимаетъ за воду, но которая оказывается водкой, и наливаетъ себѣ полный стаканъ. Всѣ смѣются и объясняютъ ему его ошибку; онъ, краснѣя, отодвигаетъ стаканъ и говоритъ:

— Я знаю, что такое русская водка; это какъ англійское виски.. И еще я знаю: рябинука (рябиновка)—тоже водка.

Этотъ фактъ вернулъ всѣхъ на нѣкоторое время въ безпечное, веселое настроеніе.

Вечеръ прошелъ сравнительно спокойно; полная луна освѣщала Босфоръ и выдѣляла силуэтомъ мечети Стамбула. По случаю рамазана онѣ всѣ были освѣщены фонариками, которые опоясывали ихъ минареты двумя правильными кругами.

Движеніе пароходовъ и лодокъ не прекращалось; замѣтно было только, что коммерческихъ пароходовъ стало гораздо меньше. Городъ постепенно замиралъ; къ одиннадцати часамъ на при-

стани не было уже никого, одинъ лишь постовой городовой въ своей остроконечной сѣрой барашковой шапкѣ и черной накидкѣ стоялъ у парохода. Страшно было смотрѣть съ высоты четырехъ этажей на этотъ мертвый городъ, еще недавно такой оживленный и шумный. Пассажиры не расходились еще; многіе усиленно слѣдили за лодками, которыя все время шныряли около насъ; въ этомъ не было ничего удивительнаго, но нѣкоторыя дамы придавали этому особое значеніе.

— Вотъ увидите, это шпіоны слѣдятъ за нами. А потомъ, почему на насъ направляютъ все время прожекторъ? Очевидно, хотятъ насъ забрать.

— Прожекторы пускаютъ пароходы, чтобы освѣтить себѣ дорогу,—успокаиваю я даму:—никто за нами не слѣдитъ, повѣрьте мнѣ.

— Нѣтъ, въ двѣнадцать часовъ ночи никакіе пароходы больше не ходятъ; это слѣдятъ за нами.

— Да, дѣйствительно, въ это позднее время пароходы обыкновенно уже не ходятъ. Но теперь [рамазанъ, и пароходы ходятъ всю ночь,—говорю я, а самъ думаю:

— А кто ихъ разберетъ, можетъ быть, это и дѣйствительно за нами слѣдятъ. Все можетъ теперь быть. Будь, что будетъ!

Луна спустилась уже совсѣмъ низко и, вся красная, кажется неподвижно стоящей въ блѣдно-голубомъ туманѣ надъ тихимъ Стамбуломъ. Что онъ думаетъ, этотъ загадочный, спящій Стамбулъ? Онъ такъ спокойно лежитъ черной массой своихъ домовъ на берегу Золотого Рога, что не вѣришь въ его намѣреніе забрать насъ въ плѣнъ. «Надо ли волноваться?» думаю я, и въ самомъ оттѣнкѣ моей мысли я чувствую успокоеніе. Если бъ волновался, не спрашивалъ, надо ли волноваться. Огни моста, по которому уже не замѣтно почти никакого движенія, ясно выдѣляются вдали правильными рядами.

Надъ городомъ повисла темная полоса дыма и пыли; воздухъ настолько неподвиженъ, что эта полоса такъ и повисла въ немъ, заслоняя собою свѣтъ фонариковъ на минаретахъ. А они попрежнему стоятъ, какъ будто бы не принимая никакого участія въ людскихъ дѣлахъ. Вонъ Айя-Софія, вонъ Солейманъ, вонъ и Фатихъ. Боже, какъ все это красиво! И я вспоминаю стихъ Лермонтова:

Я думалъ: жалкій человѣкъ.
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Стамбулъ, говорятъ, коваренъ и кровожаденъ, турки—звѣри, они ненавидятъ христіанъ, пытаютъ ихъ. Но гдѣ этотъ Стамбулъ?

Гдѣ эти кровожадные турки? Стамбулъ, который лежитъ передо мной, ничего не думаетъ, тамъ никого нѣтъ! И странное чувство охватываетъ меня: я уже не знаю, были ли въ дѣйствительности всѣ эти страхи, или все это былъ сонъ. Быть можетъ, и все, что я сейчасъ вижу, тоже сонъ?

И мнѣ на умъ приходитъ первое не воспоминаніе, а скорѣе ощущеніе моего дѣтства. У насъ въ дѣтской висѣли двѣ картины, изображавшія различныя моменты «Демона» Лермонтова. На одной изъ нихъ была изображена комната (или келья) Тамары. Что на ней было изображено, не помню. Кажется, въ углу стояло что-то большое, мольбертъ—не мольбертъ, большія крылья, что ли, однимъ словомъ, не знаю что. Это даже была не картина, а фотографія съ картины, такъ какъ яркихъ цвѣтовъ я не помню. Большую часть картины занимало окно, въ которое видно было ночное небо съ звѣздами. И вотъ эта безконечная небесная даль была моимъ первымъ неяснымъ дѣтскимъ ощущеніемъ. Однажды, не такъ давно, я былъ въ Крыму; разъ ночью я проснулся; въ открытое окно шелестѣлъ платанъ, вдали мелькалъ огонь маяка въ гавани Ялты, и все было залито голубымъ свѣтомъ луны—и безконечное небо, и горы, и далекая Ялта, и шелестящій платанъ, и моя комната. Я взглянулъ на все это и вспомнилъ картину, висѣвшую въ нашей дѣтской, вспомнилъ свое дѣтское ощущеніе безконечности небеснаго свода; но я сейчасъ же заснулъ и до сихъ поръ не знаю, былъ ли это сонъ, или я, дѣйствительно, вставалъ и смотрѣлъ въ окно. Съ этого дня это забытое ощущеніе проснулось опять во мнѣ, и я ясно понимаю, что именно оно было первымъ моимъ впечатлѣніемъ. Я его опять вспомнилъ въ эту ночь въ Золотомъ Рогѣ.

Около половины перваго, когда луна совсѣмъ зашла и Стамбулъ погрузился въ совершенную темноту, намъ передали по радіотелеграфу, чтобы мы, соблюдая всевозможныя предосторожности, снимались сейчасъ. Моментально погасили всѣ лишніе огни, но сняться мы успѣли только въ два часа, такъ какъ никакъ не могли найти капитана парового катера, который долженъ былъ оттащить насъ отъ пристани. Что дѣлать! Эти морскіе гиганты безпомощнѣе лодки, когда стоятъ у берега. Все время, пока мы шли по Босфору, настроеніе было у всѣхъ напряженное; полнѣйшая темнота, прожекторы, направляемые на насъ съ пароходовъ, безконечные поиски капитана катера, безъ котораго мы не могли уѣхать изъ Стамбула,—все это заставило насъ бодрствовать всю ночь.

Въ четыре часа мы остановились у Буюкъ-Дере, гдѣ лѣтомъ живетъ наше посольство; здѣсь мы приняли человѣкъ пятьде-

сять русскихъ, спѣшно покидавшихъ Константинополь. Ихъ всѣхъ подвезли къ трапу шлюпки съ нашего стаціонера; на веслахъ сидѣли бравые матросы, и рѣзкій командный голосъ морского офицера раздавался внизу надъ темной бездной Босфора.

Скоро начало свѣтать: погасли постепенно звѣзды, рѣзче обозначились контуры горъ на востокѣ у выхода въЧерное море, и исчезли вся тайна и все очарованіе восточной ночи; гдѣ-то на югѣ за горами въ Стамбулѣ осталась она, а передъ нами виднѣлось уже Черное море, только что проснувшееся и еще нѣжившее свои свѣтлыя воды въ розовомъ блескѣ зари. Вотъ уже Босфоръ за нами, мы вышли въ открытое море. Какая-то турецкая миноноска идетъ за нами слѣдомъ, но скоро начинаетъ отставать. Я спускаюсь въ каюту и засыпаю.

Будитъ меня рѣзкій стукъ въ дверь каюты; это лакей пришелъ за моимъ паспортомъ. Выхожу на палубу: солнце уже высоко, море изъ свѣтлаго стало темно-синимъ, береговъ не видно совсѣмъ. Мы отрѣзаны отъ всего міра: цѣлый день ни телеграммъ, ни газетъ, ни страшныхъ прожекторовъ, такъ пугавшихъ дамъ, ни подозрительныхъ лодокъ. Всѣ весело болтаютъ, какъ будто ничего не случилось.

На слѣдующее утро—Одесса; только пароходъ пришелъ, всѣ сразу накидываются на жандармовъ и носильщиковъ:

— Ну, что? Каковы дѣла?

— Слышите, Бельгія объявила Германіи войну,—кричитъ кто-то.—Полное единеніе всѣхъ партій, евреи устроили патріотическую манифестацію,—говоритъ другой голосъ снизу.—«Молодецкое дѣло у Млавы»,—кричитъ мальчишка съ газетой.

«Не дай Богъ, что случилось: цѣлый эскадронъ австрійцевъ изрубленъ». Чувствуется, что всѣ ждутъ важнѣйшихъ событій; и это ожиданіе придаетъ торжественно-дѣловитое настроеніе всему. Нѣтъ прежняго сна, всѣ оживились, воскресли, вездѣ солдаты, пушки, телѣги, подъемъ невѣроятный.

Еще черезъ день я ѣду въ Кіевъ: все время попадаются воинскіе поѣзда, на вокзалахъ толчея, но нѣтъ ни пьяныхъ, ни безпорядка. Веселыя, лихія пѣсни несутся изъ вагоновъ, офицеры, дѣловитые и оживленные, ходятъ по платформѣ въ походныхъ кителяхъ, тутъ и тамъ попадаются открытыя платформы съ пушками и лафетами, въ открытыя двери багажныхъ вагоновъ выглядываютъ лошадиныя морды, трубачъ трубитъ сборъ передъ отходомъ поѣзда,—и движутся безконечной вереницей поѣздовъ по далекой степи къ вражеской странѣ на подвигъ ратный русскіе люди, готовые положить свои головы за честь родной страны, великой Россіи.

Эпилогъ.

Прошелъ неполный мѣсяцъ съ того дня, какъ я покинулъ Россію, и что съ ней сдѣлалось за это время! Говорятъ, въ XX вѣкѣ не бываетъ чудесъ, исторія не знаетъ скачковъ. Но тотъ, кто видѣлъ еврейскую патріотическую манифестацію, несущую портретъ Государя, кто видѣлъ соціалъ-демократа, произносящаго патріотическую рѣчь, кто видѣлъ Милюкова, цѣлующагося съ Пуришкевичемъ, кто видѣлъ трезвую Россію, развѣ тотъ не видѣлъ чуда?

Въ вагонѣ на пути въ Константинополь я, сравнивая русскихъ съ сербами, позавидовалъ пылу и фанатизму сербовъ и противопоставилъ эти ихъ качества нашему воздержанію и спокойной мощи. Мнѣ даже на минуту показалось, что сербы выше насъ, именно благодаря этому ихъ качеству. Но жизнь безжалостно разбила мои теоріи, и я этому радъ. Вернувшись въ Россію, я увидѣлъ, на что мы способны, я увидѣлъ русскихъ въ героической роли защитниковъ слабыхъ, въ роли вождей всеобщей войны, я увидѣлъ чудо.

Развѣ можетъ русскій человѣкъ забыть конецъ іюля 1914 года, забыть тотъ подъемъ и то единодушіе, которое охватило всѣхъ, забыть марсельезу, не какъ нѣчто запретное, а какъ призывный кличъ, зовущій освободить этотъ чудный народъ на Дунаѣ—сербовъ.

Въ Кіевѣ на памятникѣ Столыпина выгравированы его крылатыя слова, брошенныя оппозиціи: «Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія». По разсѣянности я прочелъ ихъ такъ: «Намъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія». Въ такой испорченной редакціи эти слова какъ нельзя болѣе подошли къ данному моменту, такъ какъ, во-первыхъ, теперь нѣтъ «мы» и «вы», а есть только «мы», а, во-вторыхъ, только изъ огненнаго горнила бѣдствій можетъ выйти новая великая Россія. Но не примемъ этихъ словъ по-бисмарковски, т.-е. хвастливо и съ жесткимъ сердцемъ, а примемъ ихъ съ спокойнымъ сознаніемъ своей силы и съ смиренной готовностью перенести всѣ испытанія, которыя намъ будутъ посланы свыше.

А. Сербскій.

ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ СНОШЕНІЙ СЪ ГЕРМАНІЕЮ

(Отрывки изъ воспоминаній).

I.

Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что наши отношенія къ нѣмцамъ никогда не были особенно благожелательными и нынѣшняя война съ Германіей и Австріей была давнишней и постоянной мечтой всѣхъ русскихъ сословій, такъ какъ никто не причинилъ столько зла Россіи, какъ эти два государства въ совокупности и отдѣльно разбросанные по лицу земли русской ихъ заносчивые подданные. Было время, когда тевтонскіе выходцы считались у насъ какими-то сверхвыдающимися людьми, пользовались исключительнымъ положеніемъ, состояли подъ особливымъ покровительствомъ правительства, имъ давали преимущественный ходъ на всѣхъ поприщахъ служебной, торговой и промышленной дѣятельности и снисходительно смотрѣли на всякія ихъ безобразія, безчинства и злоупотребленія. Въ народѣ поэтому составилось убѣжденіе, что «нѣмецъ все могитъ». Болѣе рельефно очертилъ это положеніе знаменитый герой Кавказа А. П. Ермоловъ въ бесѣдѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, желавшимъ отличить его боевыя заслуги:

— Ваше величество! Пожалуйте меня нѣмцемъ!..

Особенно сильное недовольство питаютъ ко всему нѣмецкому старовѣры и казаки. Называютъ они ихъ не иначе, какъ «слугами

антихристовыми», потому что отъ нихъ происходитъ все зло, такъ какъ «обасурманились они и осквернили вѣру православную».

Въ послѣднее время, говорится въ старообрядческихъ книгахъ, «грянетъ оружіе съ запада, о немъ же страшно рещи, порушится вѣра Христова и облекутся людіе въ хламиды бѣсовскія... Мужи имутъ носити одѣяніе короткое выше колѣну, штаны натянуты чрезъ рамены, и не могутъ колѣнопреклоненіе творити; жены будутъ имѣть образъ бѣсовски, главы непокровенны имутъ и на главахъ имутъ носити скотскія роги; лица будутъ мазати вапами и власы вонями на прелесть поганскую; одѣянія имутъ носити необычное, подобно бѣсовскому мечтанію, блудническія обычаи проклятыхъ нѣмецъ съ перетяжками»...

Со временъ бироновщины и особенно послѣ уничтоженія императрицей Екатериной II у казаковъ выборнаго самоуправленія много пришлось перенести послѣднимъ издѣвательствъ, глумленій и побоевъ отъ назначаемыхъ къ нимъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ изъ фоновъ и бароновъ, какъ объ этомъ говорятъ и разсказы старожиловъ и архивные матеріалы. Вслѣдствіе этого, видимо, отцы и дѣды наши внушали своимъ дѣтямъ съ малыхъ лѣтъ ненависть къ западнымъ сосѣдямъ.

— Нѣмецъ, что жидъ,—все едино,—говоривали наши старики:—они и талакаютъ одинаково...

Помню я, какъ старовѣры проклинали пруссаковъ во время турецкой войны 1878 года. По какимъ-то имъ извѣстнымъ преданіямъ, увѣряли они, будто Константинополь обязательно долженъ былъ быть взятъ русскими, но австрійцы съ германцами воспротивились тому. Случилось послѣднее такимъ образомъ.

Когда въ 1453 году султанъ Магометъ II осаждалъ своими полчищами Царьградъ, въ день паденія города въ храмѣ св. Софіи престарѣлый «благочестивый» священникъ служилъ литургію. Пробивъ брешь въ воротахъ св. Романа, турки ворвались въ столицу, перебивъ слабыхъ защитниковъ съ послѣднимъ отпрыскомъ Палеологовъ, Константиномъ XI, сражавшимся противъ нихъ въ одеждѣ простого воина. Ѣхавшій на богато убранномъ конѣ среди своихъ тѣлохранителей султанъ искалъ императора, но, не найдя его между убитыми, направился къ св. Софіи. Сотни янычарскихъ мечей затрещали по запертымъ дверямъ храма, чтобы разломать ихъ для свободнаго въѣзда своему повелителю. Въ церкви произошелъ переполохъ.

— Турки, турки! - завопили изступленнымъ голосомъ молящіеся, прячась въ смертельномъ страхѣ по угламъ и нишамъ.

Двери церковныя распахнулись, и среди озвѣрѣлой толпы подчиненныхъ въѣхалъ въ храмъ Магометъ II. Въ это время дьяконъ провозгласилъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!» Вышедшій изъ царскихъ вратъ священникъ, увидя предъ собой не-

честиваго повелителя, повернулъ назадъ. И вдругъ совершилось дивное чудо: предъ нимъ разверзлась «храмина», онъ ушелъ въ образовавшееся отверстіе, и стѣна закрылась.

Все это видѣли и турки, и молящіеся. Магометъ приказалъ сейчасъ же разобрать стѣну и найти священника, но онъ исчезъ безслѣдно.

Пройдетъ 450 слишкомъ лѣтъ,—гласитъ сказаніе:—народится другой православный императоръ, который вернетъ христіанству Константинополь. Когда съ благоговѣніемъ войдетъ онъ въ храмъ св. Софіи, священникъ выйдетъ изъ заточенія, докончитъ литургію и причаститъ св. таинъ благочестиваго царя.

Чтобы воспрепятствовать осуществленію этого предсказанія, султанъ повелѣлъ обратить св. Софію въ мечеть и заштукатурилъ внутреннія изображенія фресками и мозаикой святыхъ, но они все-таки обнажаются за послѣднее время.

Когда въ 1878 году русскія войска подвигались въ побѣдномъ шествіи къ Босфору, всѣ были увѣрены, что Стамбулъ падетъ къ подножію православнаго императора Александра II. Такъ какъ городъ этотъ представлялъ большія преимущества для Россіи въ торговомъ и политическомъ сношеніи, то Англія и Франція настаивали на томъ, чтобы сдѣлать его международнымъ, подчинивъ управленію избираемаго съ согласія великихъ державъ генералъ-губернатора, ограниченнаго конституціоннымъ совѣтомъ изъ представителей заинтересованныхъ государствъ. Но противъ того возстали Австрія и Германія.

Войска наши были остановлены въ двѣнадцати верстахъ отъ него у Санъ-Стефано, совершенно подавленныя. Какъ разсказывали послѣ войны офицеры, имъ былъ воспрещенъ даже одиночный въѣздъ въ столицу. Между тѣмъ турецкіе офицеры часто проѣзжали мимо русскаго лагеря, ругали, какъ хотѣли, нашихъ солдатъ и офицеровъ и нерѣдко палили въ нихъ изъ ружей и пушекъ. А мы терпѣливо смотрѣли на все это и ничего сдѣлать не могли. Санъ-Стефанскій договоръ, говорили тогда, свелъ на нѣтъ всѣ наши труды и лишенія.

На Берлинскомъ конгрессѣ наша дипломатія, въ лицѣ престарѣлаго князя Горчакова и графа Игнатьева была совсѣмъ уничтожена желѣзной рукой германскаго канцлера графа Бисмарка въ сотрудничествѣ съ австрійскимъ уполномоченнымъ графомъ Андраши. Вслѣдствіе этого, какъ говорили тогда, Россія не получила почти ничего, если не считать небольшой бѣдной провинціи Добруджи по правую сторону Дуная, у береговъ Чернаго моря, которая для насъ не имѣла никакого существеннаго значенія, почему мы отдали ее въ обмѣнъ Румыніи на пограничную полосу Бессарабіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, отторгнутую у насъ послѣ севастопольской войны. Да съ большимъ трудомъ удалось намъ вырвать

присоединеніе завоеванныхъ въ Азіи городовъ: Батума, Карса и другихъ, тогда какъ Австрія отхватила безъ всякаго права богатую область Босніи и Герцеговины, изъ-за которыхъ собственно и воевала Россія съ Турціей.

Отношенія дипломатовъ на Берлинскомъ конгрессѣ обострились до того, что со дня на день ждали разрыва переговоровъ. Почти всѣ представители великихъ державъ урѣзывали требованія русскихъ уполномоченныхъ. Но особенно старались о сохраненіи цѣлости Турціи Бисмаркъ и Андраши. Настойчивость ихъ дошла до того, что они угрожали намъ новой войной, причемъ, какъ носились слухи, въ защиту Турціи выступали Австрія и Германія, намѣреваясь выставить обсерваціонный корпусъ въ Галиціи по долинѣ рѣки Серета.

Помню, какъ сейчасъ, это произошло въ апрѣлѣ 1878 года. По телеграммѣ 16-го числа, на первый день Пасхи были произведены въ офицеры безъ экзамена всѣ юнкера выпускного класса оренбургскаго юнкерскаго училища, съ отправленіемъ ихъ въ армію. Была объявлена общая мобилизація преимущественно кавалеріи. Въ теченіе мѣсяца сформировали всѣ льготные казачьи полки не только внутреннихъ областей, но и отдаленныхъ войскъ Оренбургскаго, Уральскаго и Сибирскаго и организовали полкъ башкиръ, стоявшій въ Оренбургѣ. Отряды двинулись въ Бессарабію, расположившись близъ рѣки Прута.

Полки возвратились на родину только въ сентябрѣ этого года.

Послѣ такой демонстраціи нѣмецкіе дипломаты, повидимому, смирились и пошли на уступки. Но тогда же было ясно для всѣхъ, что эти совмѣстныя выступленія Бисмарка и Андраши имѣли заранѣе опредѣленную цѣль будущихъ взаимныхъ Германіи съ Австріей наступательныхъ дѣйствій. Результатомъ этихъ тайныхъ соглашеній явилось заключеніе въ слѣдующемъ (1879) году формальнаго между ними договора на случай войны съ Россіей. И съ той поры начинается открытое недоброжелательство нѣмцевъ къ русскимъ подданнымъ. Во главѣ съ девятнадцатилѣтнимъ воинственнымъ принцемъ Вильгельмомъ, нынѣшнимъ императоромъ Германіи, въ то время еще не наслѣдникомъ престола, прусскіе офицеры уже бряцали оружіемъ и похвалялись съ австріяками своей солдатской выправкой, насмѣхаясь надъ русскими «медвѣдями». Замѣтно было уже тогда намѣреніе ихъ ослабить и унизить Россію и достигнуть полной гегемоніи Пруссіи надъ всей Европой.

Безусловно, заключенный между ними союзъ не предвѣщалъ для насъ ничего добраго, ибо послѣ турецкой войны Россія была значительно ослаблена. При томъ же она стояла совершенно изолированной отъ другихъ государствъ Европы, среди которыхъ могла бы найти себѣ сочувствіе.

Однако, пока еще не было рѣзкой причины сильно опасаться враждебныхъ со стороны Германіи выступленій, ибо императоры Александръ II и Вильгельмъ I всѣми мѣрами старались поддержать добрососѣдскія отношенія и старинную между русскимъ и прусскимъ дворами дружбу. Изъ уваженія къ послѣднему германскіе шовинисты сдерживали свои воинственные порывы. Но съ кончиной императора Александра II положеніе начинаетъ нѣсколько измѣняться, обостренность отношеній постепенно увеличивается...

II.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра III желѣзный канцлеръ Германіи думалъ такъ же предписывать Россіи законы, какъ онъ дѣлалъ это раньше, но всѣ его попытки подчинить своей необузданной волѣ русскую политику разбились о гранитный характеръ мощнаго русскаго царя, который неуклонно отстаивалъ интересы государства и самъ твердой рукой руководилъ международными сношеніями, не дозволяя слишкомъ завираться иноземнымъ дипломатамъ.

Помню, какой переполохъ произвелъ въ Европѣ случай (въ 1885 году) съ генераломъ-лейтенантомъ Комаровымъ, который, чтобы прекратить дерзкіе набѣги на русскія границы афганцевъ, безъ разрѣшенія изъ Петербурга, неожиданно двинулся на Памиръ и съ небольшимъ отрядомъ завладѣлъ Кушкой, водрузивъ тамъ русскій флагъ. Всѣ были увѣрены, что такое самовольное дѣяніе не пройдетъ Комарову даромъ. Навѣрно, уволятъ его отъ должности начальника Закаспійской области,—думали нѣкоторые, такъ какъ противъ этого якобы насильственнаго захвата встала на дыбы почти вся европейская дипломатія, особенно же Бисмаркъ и Гладстонъ. Послѣдній угрожалъ выставить на границу индійскія войска. Но императоръ не испугался такой угрозы.

«Побѣдителей не судятъ!» телеграфировалъ онъ Комарову и пожаловалъ ему золотое оружіе за храбрость.

— Тамъ, гдѣ развернулся русскій флагъ,—приказалъ государь отвѣтить англійскому послу:—Россія не уступитъ пяди земли.

Послѣ этого представители Европы стали побаиваться царя и относились съ уваженіемъ къ русскимъ требованіямъ.

Съ первыхъ же дней царствованія Александра III замѣчалось неспокойное состояніе на нашей западной границѣ. Подъ давленіемъ графа Бисмарка Австрія успѣла настроить враждебно противъ насъ Румынію и Болгарію. Въ послѣдней главенствовалъ приспѣшникъ нѣмцевъ, ненавистный всей странѣ министръ Стамбуловъ, самопроизвольно распоряжавшійся всѣми дѣлами государ-

ства, держа въ рукахъ князя Александра Баттенбергскаго. Его называли «вторымъ Бисмаркомъ», хотя онъ не столько сдѣлалъ добра, сколько зла Болгаріи.

Вслѣдствіе обострившихся отношеній надъ горизонтомъ все время висѣли грозовыя тучи и въ воздухѣ пахло порохомъ. Всюду слышались разговоры о близкой войнѣ съ Австріей, какъ застрѣльщицей Германіи. Въ казачьихъ войскахъ особенно усилили тактическія занятія съ офицерами, изучались карты пограничныхъ областей Австріи и Россіи, академики генеральнаго штаба дѣлали сообщенія на заданныя темы. Помню, осенью 1882 года читалъ въ военномъ собраніи докладъ о способѣ веденія съ Австріей такъ называемой малой войны атаманъ перваго военнаго отдѣла Оренбургскаго казачьяго войска полковникъ Обрамъ-Пальскій (полякъ), куда пригласили и насъ, юнкеровъ оренбургскаго училища. Лекція была прослушана съ большимъ вниманіемъ, но особенно произвели впечатлѣніе послѣднія слова лектора:

«La guerre comme la guerre! Я хорошо знаю нѣмцевъ. Они не станутъ съ нами сантиментальничать. И мы должны съ ними поступать такъ же: давить, жечь, разрушать. Война—такъ война! Покажемъ же мы имъ себя истыми казаками, какъ въ Отечественную войну показывали Европѣ наши отцы и дѣды!..»

Россія стала принимать нѣкоторыя мѣры для усиленія охраны пограничной съ Австріей полосы. Въ томъ же 1882 году были двинуты изъ Туркестанскаго края на западъ два полка Оренбургскаго войска и одинъ сформированъ вновь, два полка уральцевъ, Волгскій полкъ съ Кавказа и нѣсколько полковъ кубанскихъ; изъ донцовъ организована отдѣльная казачья дивизія. Черезъ два года всѣ находящіеся на западной границѣ казачьи и кавалерійскіе полки были доведены до шестиэскадроннаго состава (вмѣсто прежнихъ четырехъ эскадроновъ). Такимъ образомъ, численность нашей конницы увеличилась тамъ почти вдвое, превысивъ составъ австрійскихъ кавалерійскихъ частей, расположенныхъ въ Галиціи и плохо къ тому же подготовленныхъ. По этому поводу въ то время разсказывали такой анекдотъ.

Какъ-то разъ, кажется, все тотъ же Бисмаркъ на одномъ придворномъ обѣдѣ сказалъ, между прочимъ, что Австрія представляетъ для Россіи большую опасность въ случаѣ войны. На это, улыбнувшись, отвѣтилъ государь шутливо:

— Да, если туда послать пять казаковъ съ нагайками, то они свободно пройдутъ до самой Вѣны!..

При каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ нѣмцы старались уязвить Россію и такъ или иначе ослабить ее въ боевомъ, финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, производили въ ней раздоры и несогласія. Носились слухи, что происходившіе въ 1882—1884 гг. въ Москвѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ такъ на-

зываемые студенческіе безпорядки были дѣломъ заграничныхъ агитаторовъ [1]).

Почти во всѣхъ университетскихъ городахъ въ то время проживало по нѣскольку австрійскихъ и германскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ съ разрѣшенія нашего правительства къ штабамъ военныхъ округовъ для изученія якобы русскаго языка. Но я знаю нѣкоторыхъ изъ нихъ, жившихъ въ Россіи по два, по три года и не научившихся хорошо объясняться по-русски. Очевидно, у нихъ было другое, болѣе интересное дѣло...

Ради той же цѣли нѣмцы поселили раздоръ между Болгаріей и Сербіей, окончившійся братоубійственной войной 1885 года. Германія разсчитывала втянуть въ нее Россію, но это не удалось ей. Тогда она ударила насъ по карману, издавъ рядъ драконовскихъ таможенныхъ препятствій къ вывозу нашего сырья и живности. А потомъ прекратила покупку зерна и муки. Правда, отъ этой злобной мѣры много пострадало и населеніе Германіи, но губительнѣе всего отозвалась она, конечно, на русскихъ землеробахъ.

Лѣтомъ 1884 года цѣны на пшеницу держались отъ 76 до 95 копеекъ. Урожай въ общемъ вышелъ ниже средняго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ, напримѣръ, въ Оренбургской, Самарской, Ураль-

---

[1]) Во время этихъ безпорядковъ былъ убитъ въ Харьковѣ губернаторъ, кажется, Икскуль-Гильдебрандтъ. При мнѣ въ 1884 г. губернаторствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Петровъ, человѣкъ крайне мнительный, часто изъ мухи дѣлавшій слона, мучая тѣмъ и своихъ и чужихъ подчиненныхъ. Для характеристики приведу такой случай.

Помню, мы только что воротились изъ Чугуева въ Харьковъ послѣ двухстороннихъ корпусныхъ маневровъ. Нашъ № 1 Оренбургскій казачій полкъ расположился на постоянныхъ квартирахъ: двѣ сотни въ Дергачахъ (въ 10 вер. отъ города), одна въ деревнѣ Петечи и три въ самомъ Харьковѣ поблизости Конной площади. Вдругъ, въ половинѣ сентября, рано утромъ отъ начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Эртеля было получено по телефону приказаніе выслать двѣ сотни, но куда и зачѣмъ, мы сами не знали. Оказалось, что студенты составили въ университетѣ сходку, ходили по городу группами и о чемъ-то горячо разсуждали, хотя никакихъ безчинствъ не дѣлали. Опасаясь, видимо, повторенія безпорядковъ предыдущаго года, губернаторъ Петровъ поспѣшилъ потребовать казаковъ на охрану. Насъ расположили недалеко отъ Университетской горки, ниже пассажа Пащенко-Тряпкина, на Благовѣщенскомъ базарѣ, въ грязномъ и тѣсномъ постояломъ дворѣ, носившемъ громкое названіе «Кіевское подворье». Сначала въ продолженіе болѣе двухъ недѣль дежурили тамъ двѣ сотни съ утра до самой ночи. Но потомъ, видя, что въ дѣйствительности никакого волненія не происходитъ, командиръ полка, съ согласія начальника дивизіи, распорядился посылать по одной сотнѣ изъ трехъ, расположенныхъ въ городѣ, ибо эта безцѣльная полицейская служба страшно изнуряла казаковъ и офицеровъ. Судите сами: одна сотня дежурила по полку, другая стояла дежурной на случай пожара и третья торчала на «безпорядкахъ». При томъ ежедневно въ помощь полиціи назначались еще до тридцати человѣкъ для ночныхъ разъѣздовъ по городу. Такимъ образомъ мы вертѣлись, какъ бѣлка въ колесѣ, не зная ни часа покоя и отдыха. Люди и лошади жили впроголодь, такъ какъ варить пищу было нельзя, да и негдѣ, а возить ее съ Конной площади чрезъ весь городъ представляло большія затрудненія. Изъ борща и каши получались какіе-то прокислые помои, которые не могъ никто ѣсть. Затянутымъ въ походную форму офицерамъ приходилось торчать

ской и сосѣднихъ областяхъ) даже плохой, такъ что самимъ землепашцамъ пудъ зерна обошелся болѣе 70 копсекъ. Поэтому тѣ, у кого не было острой нужды, воздерживались отъ продажи хлѣба осенью въ надеждѣ на повышеніе цѣнъ зимой. Но онѣ съ каждымъ днемъ падали все больше и въ февралѣ-мартѣ слѣдующаго года, какъ разъ передъ началомъ сѣва, когда каждому до зарѣзу требовались деньги, понизились до 35—30 копеекъ за пудъ.

Особенно памятно это обстоятельство мнѣ потому, что самому пришлось продавать по такой цѣнѣ пшеницу. Однако и за эту плату покупателей находилось мало, кромѣ скупщиковъ-жидовъ, которые выжимали каждую копейку и при томъ еще обвѣшивали.

Землеробы взвыли. Я принужденъ былъ окончательно ликвидировать свое немудрое хозяйство. Разорились даже многія крупныя экономіи, за неимѣніемъ кредита, такъ что одинъ только этотъ тяжелый годъ, хуже всякаго недорода, задержалъ культурно-экономическое развитіе Россіи чуть не на десять лѣтъ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ, конечно, немыслимо было приступить къ замышленному военнымъ министерствомъ перевооруженію нашей арміи, какъ это дѣлалось въ Германіи, повидимому, дѣятельно готовившейся къ войнѣ. Въ послѣдніе годы царствованія

цѣлый день въ душной и грязной каморкѣ. Для облегченія своей участи мы, наконецъ, условились по очереди отсиживать опредѣленное число часовъ: одинъ утромъ, другой днемъ, третій вечеромъ. Такъ продолжалось еще около мѣсяца. Выручилъ насъ неожиданный случай, виновникомъ котораго былъ я.

Однажды очередь моего дежурства выпала съ 12 до 4 часовъ дня. А какъ разъ въ это время нужно было мнѣ съ поручикомъ Римскимъ-Корсаковымъ ѣхать съ визитомъ къ одной дамѣ, съ которой мы познакомились наканунѣ. Въ условленный часъ заѣзжаетъ онъ ко мнѣ, отправляемся; путь нашъ лежалъ мимо зданія военно-окружнаго суда.

— Подожди тутъ,—сказалъ онъ:—я забѣгу на минутку въ судъ.

Пролетка подъѣхала къ подъѣзду. Вдругъ, о, ужасъ, изъ-за угла вывертывается пѣшечкомъ командующій войсками, генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, герой Шипки. «Вотъ, думаю, бѣда-то. Вѣдь я въ дежурной формѣ. Навѣрно, отправитъ на «бухту». Я соскочилъ на панель и вытянулся; душа въ пятки ушла: «Господи, пронеси грозу!» Но генералъ остановился, поровнявшись со мной.

— Вы дежурный?

Можете представить, что со мной произошло...

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!—едва я могъ промолвить.

— Все еще посылаютъ васъ на безпорядки?

— Такъ точно!..

— Когда смѣнитесь,—передайте командиру полка, чтобы онъ больше казаковъ не посылалъ.

И, протянувъ мнѣ руку, генералъ медленно удалился.

Не успѣлъ еще я воротиться съ сотней въ полкъ, какъ тамъ уже было получено распоряженіе командующаго войсками. Когда на другой день офицеры собрались въ канцеляріи, командиръ полка обратился къ намъ.

— Кого изъ васъ видѣлъ вчера генералъ-адъютантъ Радецкій?..

— Меня, полковникъ!—скрѣпя сердце, разсказалъ я ему о своей встрѣчѣ.

— Такъ это мы вамъ обязаны отмѣной дежурства? Очень благодаренъ! Авт.

престарѣлаго императора Вильгельма военная партія, во главѣ съ Бисмаркомъ и принцемъ Вильгельмомъ, одержала верхъ и предвкушала уже сладостное удовольствіе расправиться съ русскими «варварами».

Какъ сейчасъ помню, это было въ концѣ апрѣля 1887 года. Нашъ 2-й Оренбургскій казачій полкъ стоялъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Кругомъ все было тихо, и ничто, какъ будто, не предвѣщало скорой грозы. Только наши полковые поставщики евреи Безбородко, Вейсманъ и Добинъ мутили нашъ покой, задавая офицерамъ вопросы.

— Сто-зе, скоро на войну пойдете?

— На какую? съ кѣмъ?—спрашивали мы съ недоумѣніемъ.

— Пхе! Что ви? Хиба не жнаете,—зъ нѣмцами!..

Всѣ русскіе жидочки, имѣя постоянныя сношенія съ заграничными собратьями, оказалось, были освѣдомлены лучше насъ о политическомъ положеніи Европы и о воинственныхъ замыслахъ германцевъ въ союзѣ съ австрійцами. Знали они также и о томъ, какія приготовленія происходили въ нашемъ главномъ штабѣ и какіе взгляды царили въ высшихъ петроградскихъ сферахъ по этому поводу. Можетъ быть, наше правительство нарочно молчало, чтобы не тревожить понапрасну населеніе.

Какъ-то разъ послѣ полкового ученья командиръ бригады генералъ-майоръ Вонлярлярскій собралъ офицеровъ и повѣдалъ намъ таинственное.

— Господа! Скоро война... Прошу объ этомъ никому не говорить. Я предупреждаю васъ заранѣе объ этомъ потому, чтобы вы успѣли приготовить все нужное и устроить свои дѣла, дабы мобилизація не застала васъ врасплохъ. По всей вѣроятности, намъ придется имѣть столкновеніе съ австрійцами.

При этомъ онъ разсказалъ намъ планъ наступательныхъ движеній, по проекту генерало Лобко.

Предполагалось на границѣ съ Австріей сосредоточить 200 тысячъ кавалеріи и казаковъ съ тѣмъ, чтобы, по объявленіи войны, немедленно «перебросить» ихъ въ Галицію; до прихода пѣхоты и артиллеріи они прорываются сквозь отряды непріятельскихъ войскъ и занимаютъ всѣ проходы Карпатскихъ горъ, дабы не дать возможности соединиться венгерской арміи съ германскими корпусами.

Въ то время (какъ и теперь) австрійцевъ не считали у насъ опасными противниками, но храбрость и стойкость венгерцевъ была извѣстна. Что же касается пруссаковъ, то ихъ армію всѣ находили самой лучшей въ Европѣ, какъ по боевой подготовкѣ солдатъ, подбору команднаго состава, теоретически хорошо обученнаго, такъ и по вооруженію пѣхотныхъ частей и артиллеріи. Начальство поэтому предупреждало насъ:

— Помните, господа, вѣдь это воевать не съ турками. Надо подтянуться.

— Напрасно, ваше превосходительство безпокоитесь!—отвѣчали наши старички.—Мы всегда готовы постоять за царя-батюшку. Пойдемъ и на нѣмца. Били мы его раньше, и теперь поколотимъ. Вы, ваше превосходительство, мало еще нашихъ казаковъ знаете! Намъ не страшны ихъ крупповскія орудія: пусть они будутъ хоть стодюймовыя. *Мы хитростью возьмемъ!*..

Къ сожалѣнію, придуманный смѣлый и очень рискованный, хотя и геніальный планъ этотъ не удалось примѣнить на дѣлѣ отчасти потому, что о немъ вскорѣ провѣдали нѣмцы, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что обстоятельства нѣсколько измѣнились.

Какъ въ то время носились слухи, императоръ Александръ III хотѣлъ дать отпоръ зазнавшимся пруссакамъ, но противъ войны возстали министры: иностранныхъ дѣлъ Гирсъ, финансовъ — Бунге и военный—Ванновскій. Разсказывали, будто однажды всѣ вмѣстѣ собрались они въ Аничковскій дворецъ, чтобы доложить государю свои по этому поводу соображенія.

— Что же вы скажете?—обратился императоръ къ тайному совѣтнику Гирсу.

— Ваше величество! Войны можно избѣжать путемъ дипломатическаго посредничества.

— Какая тутъ дипломатія!—съ раздраженіемъ обрѣзалъ его государь!

— А вы что?—спросилъ онъ потомъ министра финансовъ.

— Страна въ бѣдственномъ положеніи... денегъ нѣтъ...

— Денегъ можно занять!..

— Ну, а ты что скажешь?—направился онъ къ Ванновскому.

— Армія не подготовлена, плохо вооружена...

— Кто же виноватъ?..

Императоръ въ сильномъ волненіи ушелъ въ кабинетъ. Министры одинъ за другимъ поспѣшно сократились. Остался лишь Гирсъ. Онъ присѣлъ къ столу и дрожащими руками написалъ какую-то записку. Черезъ нѣсколько минутъ снова вышелъ государь, нѣсколько успокоенный. Гирсъ подалъ ему бумагу.

— Это что такое? Прошеніе?!—пробѣжалъ онъ его.—Въ вашемъ положеніи не просятъ отставки, а вамъ даютъ отставку...—и разорвалъ бумагу.

Разговоры о войнѣ смолкли.. Прошло все лѣто. Наши полки побывали въ лагерѣ близъ Ходынки, произвели положенные корпусные маневры, отбыли и мѣсячный срокъ на «подножномъ корму», воротились, наконецъ, на постоянныя квартиры, даже очередныхъ казаковъ спустили на льготу, и вдругъ въ концѣ сентября грянуло телеграфное изъ главнаго штаба предписаніе: немедленно передвинуть изъ внутреннихъ губерній на западную границу не только

всю конницу, но и всѣ пѣхотныя части съ артиллеріей. Къ 20 октября въ поволжскихъ губерніяхъ не осталось ни одного солдата полевыхъ войскъ.

Такимъ образомъ, близъ австрійскихъ и германскихъ владѣній сосредоточилось 15 армейскихъ корпусовъ, кромѣ пограничной стражи, мѣстныхъ войскъ, гренадерскихъ частей и нѣсколькихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, Вильнѣ, Ригѣ и Смоленскѣ. Войсками были заполнены сплошь всѣ города, села и мѣстечки Привислинскаго края, Бѣлоруссіи, Польши, Холмщины, Малороссіи, до предѣловъ Бессарабіи. Конечно, все вдорожало: квартиры, продовольствіе и даже извозчики (преимущественно евреи) набавили плату за перевозку пассажировъ.

Такая демонстрація стоила намъ многихъ милліоновъ рублей. Зато Германія какъ будто присмирѣла на нѣкоторое время. Въ результатѣ упрочилось нѣсколько вліяніе наше на Балканскомъ полуостровѣ. Болгарскій премьеръ-министръ Стамбуловъ вмѣстѣ съ княземъ Александромъ были изгнаны изъ страны, и престолъ занялъ нынѣшній правитель Фердинандъ.

III.

Слѣдующій 1888 годъ выдвинулъ новыя событія въ политической жизни Европы. Пятидесятилѣтній германскій кронпринцъ Фридрихъ, страдавшій тяжелымъ недугомъ—ракъ горла, былъ близокъ къ переселенію въ лучшій міръ. Дни его были сочтены медицинскими свѣтилами. Между тѣмъ девяностолѣтній императоръ Вильгельмъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, еще крѣпко держалъ въ рукахъ руль государственнаго корабля.

Это обстоятельство прежде всего сильно осложняло вопросъ о престолонаслѣдіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало намѣченной Бисмаркомъ программѣ внѣшней политики Германіи и тѣсно связанному съ нею собственному его благополучію.

Если бы, паче чаянія, кронпринцъ умеръ ранѣе кончины императора, то германскій престолъ долженъ былъ бы перейти послѣ смерти Вильгельма I къ брату Фридриха, то есть къ младшей линіи Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ, старшая линія съ воинственнымъ 28-лѣтнимъ принцемъ Вильгельмомъ осталась бы ни при чемъ, безъ вліянія на дѣла политическія и государственныя. Такъ по крайней мѣрѣ въ то время разсуждали въ петербургскихъ гостиныхъ.

Но комбинація эта ничуть не улыбалась честолюбивому канцлеру, который могъ потерять тогда свой престижъ и лишиться желѣзнаго давленія на ходъ міровыхъ событій. Поэтому надо было устроить

такъ, чтобы императоръ Вильгельмъ умеръ раньше кронпринца Фридриха. И Бисмаркъ, какъ говорили, устроилъ это...

Въ началѣ того же 1888 года германскій императоръ неожиданно скончался. Престолъ занялъ Фридрихъ. Принцъ Вильгельмъ сдѣлался наслѣдникомъ обширной имперіи. Такъ какъ, по слабости здоровья, новый императоръ не могъ самъ руководить дѣлами государства, то вся власть осталась попрежнему въ рукахъ желѣзнаго канцлера.

Черезъ 99 дней императоръ Фридрихъ почилъ сномъ непробуднымъ. Съ особеннымъ энтузіазмомъ приняли буржуазныя сферы вѣсть о вступленіи на престолъ кронпринца Вильгельма. Особенно торжествовала партія военныхъ. Но больше всего, конечно, радовался благополучному исходу графъ Бисмаркъ, мечтавшій безконтрольно руководить молодымъ нѣмецкимъ повелителемъ и направлять его волю по своему желанію. Однако, хватаясь за пальму первенства, онъ не учелъ одного весьма важнаго обстоятельства: чрезмѣрнаго честолюбія Вильгельма II, который самъ стремился сдѣлаться «вторымъ Наполеономъ» и по крайней мѣрѣ «Фридрихомъ Великимъ», чтобы диктовать свои повелѣнія всему свѣту. «Нашла коса на камень»,—говорили объ этомъ тогда. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Бисмаркъ потерпѣлъ полное крушеніе. Пылкій, энергичный и не переносящій ничьихъ противорѣчій императоръ уволилъ его въ отставку съ титуломъ герцога, на что отчасти, разсказывали, повліялъ императоръ Александръ III, давшій понять Вильгельму, что Россія не можетъ быть дружной съ Германіей, пока не прекратится травля ея Бисмаркомъ. (Передаю, конечно, то, что мнѣ приходилось слышать тогда).

Со вступленіемъ на престолъ Вильгельма II опасность войны увеличилась. Германія заняла вызывающее положеніе. Воинственные замыслы ея правителя, какъ стало извѣстно, простирались не только противъ Русской имперіи, но и противъ давнишняго своего врага Франціи, которую нѣмцы собирались добить окончательно, а послѣ посчитаться съ русскими. Фельдмаршаломъ Мольтке, при участіи императора Вильгельма, былъ выработанъ и планъ этого нападенія (отчасти практикующійся германской арміей и въ настоящей войнѣ), который среди офицеровъ въ Россіи распространялся въ такомъ видѣ.

Такъ какъ пространство къ сторонѣ Франціи, между герцогствомъ Люксембургскимъ и Швейцаріей, занимаемое весьма ненадежнымъ французскимъ населеніемъ Эльзасъ-Лотарингіи, представляло собой небольшую пограничную полосу около 300 километровъ длиною, притомъ изогнутую внутрь Германіи, не дававшую возможности широко развернуть фронтъ германской арміи, чтобы разомъ со всѣхъ сторонъ охватить Францію и не дать ей времени не только произвести мобилизацію, но и сосредоточить свои силы

противъ надвигающагося врага,—нѣмецкіе стратеги требовали учинить незаконный на французскую территорію прорывъ со стороны Бельгіи и Швейцаріи, не имѣвшихъ въ то время у себя постоянныхъ армій, которыя поэтому не могли оказать имъ какого-либо сопротивленія.

Такой маневръ, безусловно, имѣлъ громадное для войны значеніе: вслѣдствіе миролюбивыхъ отношеній этихъ государствъ къ Франціи пограничныя съ ними области послѣдней не были защищены надежными искусственными преградами въ видѣ фортовъ, укрѣпленій и крѣпостей. Германцамъ, слѣдовательно, не представляло большого труда быстро вступить въ предѣлы Франціи и пройти разстояніе отъ Люксембурга до Парижа (около 200 километровъ), чтобы въ Версальскомъ дворцѣ заставить французовъ подписать выгодныя для себя условія мира.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ беззащитной Франціей и уничтоживъ всю ея армію, они перекидывали свои «стойкіе и храбрые» корпуса на русскую границу. Чтобы скорѣе достичь Петербурга, въ которомъ намѣревались также заставить русское правительство исполнить всѣ свои требованія, отряды ихъ слѣдовали туда кратчайшимъ путемъ отъ Кенигсберга Балтійскимъ побережьемъ, минуя крѣпость Динабургъ (Двинскъ), гдѣ, по ихъ предположеніямъ нѣмецкое и латышское населеніе будетъ принимать ихъ съ распростертыми объятіями, снабжая всѣмъ необходимымъ, и своимъ знаніемъ мѣстности способствовать успѣху передвиженія и побѣдѣ: будетъ служить у нихъ на посылкахъ въ качествѣ развѣдчиковъ и шпіоновъ.

Для того же, чтобы имъ не помѣшали въ такомъ тріумфальномъ шествіи войска варшавскаго и виленскаго округовъ, нѣмцы ставили противъ нихъ заслоны съ тяжелой артиллеріей. Въ то же время, согласно договору, австрійская армія двигалась изъ Галиціи на Кіевъ. А какъ она слѣдовала черезъ области, населенныя преимущественно евреями и украинцами, то и венгры разсчитывали, что и ихъ войска также не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, которое поставятъ имъ чуть не даромъ якобы недовольные русскимъ правительствомъ жители Бессарабіи и Малороссіи и станутъ сдавать безъ боя свои города и селенія.

Насколько былъ выполнимъ такой «геніальный» планъ,—не берусь судить, но, безусловно, замыслы Германіи представляли большую опасность для Россіи и Франціи, ибо, какъ показалъ опытъ войны 1870 года и какъ такой же наглядно обнаруживается и въ нынѣшнюю войну, нѣмцы не брезговали никакими средствами ради ослабленія силъ противника: разбрасывали во враждебной странѣ прокламаціи, усиливали шпіонажъ путемъ учрежденія тамъ торговыхъ фирмъ и не жалѣли денегъ на подкупы.

Причина эта, видимо, и дала толчокъ къ невольному сближенію намѣченныхъ ими къ разгрому государствъ. Въ 1888 году начались

между послѣдними дипломатическіе переговоры, закончившіеся на слѣдующій годъ взаимнымъ «соглашеніемъ». Дружба двухъ народовъ сильнѣе окрѣпла послѣ того, какъ лѣтомъ 1891 года французская эскадра прибыла въ Кронштадтъ. Отвѣтный визитъ отдала русская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Авелана.

Въ составѣ броненосцевъ «Императоръ Николай I», «Адмиралъ Нахимовъ», и «Память Азова» и канонерскихъ лодокъ «Рында» и «Терецъ» прибыла послѣдняя 1-го октября 1893 года въ Тулонъ. Какъ писалъ мнѣ изъ Франціи аббатъ Марсель Ланглуа (Langlois), никогда среди французовъ не было такого одушевленія, какое царила во время этихъ празднествъ. Всѣ сословія и племена слились въ одномъ порывѣ уваженія къ русской націи. И всѣ наперерывъ старались оказать чувства искренней братской любви прибывшимъ морякамъ, а съ ними вмѣстѣ и всей Россіи [1]). Не только въ большихъ городахъ, но даже въ мелкихъ поселеніяхъ всѣ дома были расцвѣчены флагами, зеленью, цвѣтами. А вечерами «искусственный огонь» еще болѣе возбуждалъ крики «Vive la Russie, vive la France, vive le Tsar!» Особенно сильно выказали единодушный порывъ придавленные нѣмцами эльзасцы. Несмотря на то, что отъ Франціи ихъ отдѣляла замкнутая граница Германіи, они прислали въ даръ русской эскадрѣ «Золотую книгу» (Le livre d'or), въ которой такъ высказывали одушевляющія ихъ чувства:

«Иди, Золотая книга Лотарингіи, къ берегамъ Невы, къ Москвѣ, къ Уралу, къ Каспійскому морю, къ дальней Азіи, вездѣ, гдѣ развѣвается русскій флагъ: неси туда братскій поклонъ дружественнаго народа; скажи, что на этой землѣ, *вполнѣ французской*, нѣтъ ни одного округа, который не былъ бы одушевленъ единымъ чувствомъ. Никто изъ насъ не забылъ, какъ въ прошломъ году, при торжественныхъ обстоятельствахъ, великій князь Константинъ Константиновичъ благоволилъ посѣтить нашу старую столицу. Воспоминаніе это останется запечатлѣннымъ въ сердцахъ нашихъ. Въ тотъ день почитанія наши дѣлились между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и президентомъ Французской республики. Кронштадтъ, Нанси, Тулонъ — три достопамятные этапа нашей исторіи, три звена одной цѣпи,—рѣшительный залогъ дружбы и довѣрія между двумя великодушными націями. Мы знаемъ, къ какимъ обязанностямъ побуждаютъ насъ такія симпатическія удостовѣренія; но наше патріотическое и солдатское племя исполнитъ ихъ до конца съ вѣрностью.

«Всѣ тысяча семьсотъ тринадцать округовъ, пятьсотъ двадцать обществъ и лотарингская пресса, подписавшіеся на Золотой книгѣ,

---

[1]) Празднества эти живо описалъ Marius Vachon въ своей книгѣ «Les marins russes en France».

посылаютъ благородной, доблестной Россіи единодушное подтвержденіе ихъ завѣтной, честной и братской любви. «Vive la Russie! Vive la France...»

О тяжеломъ гнетѣ этой страны писалось много и у насъ и во Франціи, но полагаю не лишнимъ къ случаю привести частичку свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ аббатомъ Ланглуа въ письмѣ отъ 11-го августа 1896 года:

«Я проѣхалъ до Страсбурга, чтобы видѣть вновь прекрасный Эльзасъ и его столицу, которую похитили у насъ пруссаки. Я много бесѣдовалъ съ нѣкоторыми нѣмцами. Они говорили о Франціи такъ грубо, какъ было только можно, и такъ глупо, какъ только они могутъ говорить объ этомъ. Чтобы удобнѣе торжествовать, они унизили нашихъ эльзасцевъ алкоголизмомъ, жиды размножаются въ Страсбургѣ. Обѣщаніями, угрозами, постройками дворцовъ, церквей своихъ, школами и казармами они успѣли потушить въ душѣ многихъ эльзасцевъ огонь французскаго патріотизма. Это—наглость грубаго побѣдителя, которая топчетъ жертву безъ отдыха!»

Сомнѣнія нѣтъ, что возникновеніе франко-русскаго соглашенія ударило Германію, какъ обухомъ по головѣ. Начались интриги, грязные газетные выпады со стороны руководителей ея, чтобы посѣять раздоръ между двумя народами. Однако ни кончина иниціатора союза императора Александра III, ни трагическая гибель президента Карно—не нарушили дальнѣйшаго его развитія. Печаль Россіи съ большою грустью раздѣляла и вся Франція.

«Прежде, чѣмъ возвѣстили наши газеты,—писалъ мнѣ 3-го ноября (нов. ст.) 1894 года г. Ланглуа:—я понялъ тяжелую вѣсть. Вчера утромъ офиціальныя знамена (les drapeaux officiels), перевязанныя крεповыми бантами, показали намъ ваше и наше несчастье и несчастье всей Европы. Это событіе облекло печалью всѣ сердца. Какая утрата для нашихъ двухъ странъ лишиться въ шесть мѣсяцевъ двухъ правителей! Твори Небо, чтобы грядущее не принесло никакого затрудненія въ исполненіи нашихъ надеждъ!» Духовенство и народъ французскій молились за упокоеніе въ Бозѣ почивающаго благодѣтеля своего и призывали Божье благословеніе на его молодого преемника!»

Эти событія еще больше укрѣпили дружбу двухъ народовъ, но въ то же время сильнѣе озлобили противъ насъ Германію. Нѣмцы старались придраться ко всякому ничтожному случаю, чтобы унизить русскихъ, чтобы вызвать конфликтъ. Мнѣ очень памятно такое происшествіе, очевидцемъ котораго я былъ и которое лишній разъ подчеркиваетъ ихъ заносчивость и ихъ ненависть къ русскимъ.

Это было 6-го мая 1896 года. Въ этотъ день на коронацію Ихъ Императорскихъ Величествъ ждали пріѣзда въ Москву принца Генриха Прусскаго, въ качествѣ представителя германскаго императора. На дебаркадерѣ Брестскаго вокзала былъ выстроенъ почет-

ный караулъ, собрались всѣ высшіе военные и гражданскіе чины столицы, не было только августѣйшаго генералъ-губернатора. Его высочество не прибылъ къ назначенному по расписанію прихода поѣзда времени потому, что послѣдній, какъ сообщили по телеграфу, опаздываетъ на полчаса. Но вдругъ поѣздъ съ высокимъ гостемъ прибылъ на десять минутъ раньше. Можете себѣ представить, какой произошелъ переполохъ изъ-за такого, казалось бы, ничтожнаго событія. Принцъ страшно разобидѣлся, что его не встрѣтилъ великій князь, и сейчасъ же отправилъ въ Берлинъ императору телеграмму съ настояніемъ, какъ мнѣ говорили, потребовать отъ Россіи удовлетворенія. Едва-едва удалось уладить инцидентъ...

П. Юдинъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

I.

Въ СЕНТЯБРѢ 1898 года было закончено въ Іерусалимѣ сооруженіе грандіознаго протестантскаго храма «des Erlösers» («Искупителя») вблизи порога историческихъ судныхъ воротъ [1]), возлѣ православной церкви св. Александра Невскаго въ память въ Бозѣ почившаго императора Александра III.

Оттоманское правительство, извѣщенное императоромъ Вильгельмомъ II объ его рѣшеніи посѣтить Палестину для присутствованія при освященіи новой лютеранской церкви, не пожалѣло средствъ для приведенія въ порядокъ старыхъ непроѣзжихъ дорогъ и сооруженія новой, требовавшей громадныхъ затратъ сѣти шоссейныхъ дорогъ для удобнаго путешествія въ экипажахъ.

Іерусалимскимъ вали (губернаторомъ) была получена отъ самого Абдулъ-Гамида подробная инструкція относительно возможно болѣе торжественнаго, роскошнаго пріема императору Вильгельму, какъ лучшему другу и дорогому, желанному гостю какъ самого султана, такъ и всей Турціи.

Императорская чета прибыла въ Іерусалимъ въ ясный, жаркій, солнечный день.

[1]) Отъ которыхъ начинается по преданію Крестный путь—«Via dolorosa».

Съ ранняго утра царило въ городѣ необычайное оживленіе. Всѣ плоскія крыши домовъ были переполнены народомъ, лѣпившимся по карнизамъ, по уступамъ каменныхъ стѣнъ, собравшимся отовсюду на необычайное зрѣлище.

Турки въ живописныхъ, пестрыхъ чалмахъ [1]), типичные евреи, напоминавшіе ветхозавѣтныхъ патріарховъ, бедуины въ тѣхъ полосатыхъ тогахъ-обаяхъ, въ какихъ на картинахъ Новаго Завѣта изображаются волхвы египетскіе; худощавые арабы въ ярко-красныхъ фескахъ, мрачные греческіе монахи въ черныхъ высокихъ клобукахъ, члены различныхъ католическихъ конгрегацій, суровые францисканцы въ коричневыхъ, строгіе доминиканцы въ бѣлыхъ съ капюшонами сутанахъ—составляли ту разнородную, пеструю толпу, въ которой самое незначительное меньшинство представляли европейцы.

Среди послѣднихъ выдѣлялись особенно всесвѣтные туристы англичане въ пробковыхъ шлемахъ, съ неизмѣнными кодаками на ременной, черезъ правое плечо, перевязи.

По пути слѣдованія кортежа шеренгой была выстроена вооруженная большими, допотопными, какъ бы бутафорскими ружьями низкорослая турецкая стража.

Флаги оттоманскаго и германскаго государствъ виднѣлись только на зданіяхъ турецкихъ учрежденій.

Въ моментъ въѣзда императорскаго кортежа въ древнюю столицу царей Давида, Соломона, священный градъ, гдѣ протекла земная жизнь Спасителя міра, царила глубокая тишина, не обнажились почтительно головы, не раздались привѣтственные возгласы...

Верхомъ на кровномъ, красивомъ арабскомъ жеребцѣ, въ ослѣпительно блестѣвшихъ при яркомъ солнечномъ сіяніи шлемѣ и доспѣхахъ, рядомъ съ супругой въ короткой амазонкѣ, съ развѣвающейся по вѣтру длинной бѣлой вуалью въѣзжалъ Вильгельмъ II въ Іерусалимъ.

Верхомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ императорской четы, слѣдовала блестящая, многочисленная свита.

Было что-то смѣлое, рыцарское, средневѣковое, напоминающее вступленіе въ Святую землю крестоносцевъ въ воинственной осанкѣ, въ сурово-строгомъ лицѣ, холодномъ взорѣ Вильгельма II, вступавшаго во главѣ отряда всадниковъ подъ высокіе своды древнихъ яффскихъ воротъ.

Чѣмъ-то невиданнымъ, необычайнымъ, удивительнымъ пред-

---

[1]) Въ настоящее время головной уборъ этотъ можно видѣть только на старыхъ туркахъ и преимущественно въ Малой Азіи.

ставлялось туземному населенію это медленное, торжественное вступленіе блестящаго кортежа.

Городъ не имѣлъ обычнаго въ подобныхъ рѣдкихъ случаяхъ, исключительнаго праздничнаго вида... Толпа безмолвствовала...

II.

Въ небольшой оливковой рощѣ, прилегающей къ зданію германскаго консульства, подъ сѣнью густой, сѣроватой, какъ бы покрытой налетомъ пыли листвы маслинъ, гдѣ раскинуты были многочисленные шатры, отдѣланные съ восточной роскошью для помѣщенія императорской четы и ея свиты, весь день до самаго вечера царило суетливое, лихорадочное оживленіе.

Когда же послѣ захода солнца стала догорать на западѣ, надъ грядой Іудейскихъ горъ, ярко-багровая полоса, императоръ звукомъ рога возвѣстилъ о времени вечерней зари.

Прочитана была имъ самимъ молитва Господня, пропѣто хоромъ присутствовавшихъ нѣсколько псалмовъ Давида...

Всѣ разошлись по шатрамъ ко сну.

Скоро въ Палестинѣ наступаетъ ночь, и на безоблачномъ, темномъ небѣ какъ-то особенно быстро, какъ-то сразу загораются миріады яркихъ звѣздъ, тѣхъ самыхъ звѣздъ, что съ высоты небесъ взирали на грѣшный міръ во времена земной жизни Спасителя міра, его Божественной проповѣди, его добровольныхъ страданій, его крестной смерти, его чудеснаго воскресенія!

Постепенно замирала жизнь на бивуакѣ. Догорали костры, сложенные изъ благоухающихъ кипарисовыхъ сучьевъ и вѣтвей, тѣ, что яркимъ трепетнымъ пламенемъ освѣщали лагерь съ группами оливъ и многочисленными шатрами, придававшіе лагерю особенно причудливо-фантастическій характеръ.

Медленно угасали мелкіе красные угли въ грудахъ сѣрой золы.

Вокругъ царила таинственная глубокая тишина, нарушаемая мѣрными шагами ходившей дозоромъ турецкой стражи да изрѣдка ржаніемъ верховыхъ лошадей, рѣзкимъ крикомъ вьючныхъ ословъ да какимъ-то отдаленнымъ, глухимъ лаемъ собакъ.

III.

Освященіе храма «des Erlösers» совершено было съ большой торжественностью.

Вся нѣмецкая колонія изъ Іерусалима и окрестностей его собралась съ семьями привѣтствовать in corpore своего императора.

Русскій консулъ Яковлевъ, консулы всѣхъ государствъ, администрація императорскаго палестинскаго общества съ Михайло-

вымъ во главѣ, члены католическихъ конгрегацій, всѣ турецкія гражданскія и военныя власти получили заблаговременное приглашеніе прибыть въ указанный часъ на освященіе церкви.

Предшествуемая нарядными, представительными кавасами[1]) германскаго консульства, сопровождаемая своей блестящей свитой, императорская чета, вступивъ подъ высокіе своды новаго храма, заняла мѣста въ центрѣ перваго ряда скамеекъ.

По окончаніи предолжительнаго богослуженія Вильгельмъ II съ блестящей рѣчью обратился къ присутствовавшимъ. Онъ благодарилъ всѣхъ почтившихъ своимъ присутствіемъ великое торжество освященія храма, имѣющаго міровое значеніе, предназначеннаго для объединенія подъ покровомъ креста, вѣнчающаго колокольню и высоко возносящагося къ небу (надъ другими зданіями?), протестантовъ цѣлаго міра безъ различія національности. Онъ желалъ дальнѣйшаго процвѣтанія тѣмъ нѣмецкимъ благотворительнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ, которыя въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ странахъ, служа образцомъ благоустройства и порядка, должны и вдали отъ родины составлять ея гордость и содѣйствовать славѣ и величію ея.

Поощренные вниманіемъ своего повелителя, нѣмцы возгласили единодушно восторженное несмолкаемое «hoch».

Храмъ «des Erlösers», сооруженный изъ крупныхъ плитъ свѣтлаго сѣраго камня, побѣленный по швамъ и карнизамъ, съ высокой, крытой красной черепицей колокольней, представляетъ собой громадное зданіе въ строго готическомъ стилѣ.

Внутренность его такъ же лишена украшеній, какъ и внѣшняя сторона.

Средина занята безконечными рядами тяжелыхъ, со спинками скамеекъ изъ мореннаго дуба, въ широкомъ среднемъ проходѣ плотная бамбуковая дорожка. Въ глубинѣ обширной ниши превосходное распятіе изъ бѣлаго мрамора, художественной работы. На хорахъ великолѣпный, дорогой органъ. Никакихъ украшеній и только одна широкая кайма въ мавританскомъ стилѣ, высоко подъ потолкомъ, подъ узкими стрѣльчатыми окнами, оживляетъ яркими красками причудливаго узора холодно-однообразную бѣлизну высокихъ стѣнъ и свода.

Духовное, дневное торжество закончилось банкетомъ въ германскомъ консульствѣ. Было провозглашено много тостовъ, произнесено много рѣчей. Вильгельмъ II, блистая краснорѣчіемъ, прославлялъ величіе и мощь Германіи, какъ въ самой странѣ, такъ и на чужбинѣ.

---

[1]) Съ булавами—символомъ власти.

IV.

Послѣдующіе дни пребыванія Вильгельма II въ Палестинѣ посвящены были поклоненію живоносному гробу Господню, Голгоѳѣ, паломничеству въ Виѳлеемъ, Геосиманію и прочія священныя мѣста, а, главнымъ образомъ, посѣщенію нѣмецкихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій.

Съ особеннымъ вниманіемъ отнесся Вильгельмъ II къ нѣмецкой земледѣльческой колоніи (Tempescolonie). Онъ вникалъ во всѣ детали сельскаго хозяйства и особенно интересовался культурой плодовыхъ деревьевъ: лимонныхъ, апельсинныхъ, оливковыхъ, миндальныхъ, смоковницъ (инжира), харупіи (сладкихъ рожковъ) и пр., условіями сбыта и вывоза ихъ въ Европу. Поощряя тяжелый трудъ колонистовъ по обработкѣ почвы каменистой и безплодной, онъ обѣщалъ имъ свое содѣйствіе по открытію новыхъ рынковъ и способовъ болѣе выгоднаго сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства—фруктовъ, овощей, злаковъ.

При посѣщеніи сирійскаго сиротскаго дома (Syrische Waisenhaus) онъ интересовался горячо всѣми подробностями какъ хозяйственнаго, такъ и воспитательнаго веденія дѣла.

Онъ обошелъ, осмотрѣлъ въ деталяхъ всѣ помѣщенія, пробовалъ пищу, заставлялъ дѣтей пѣть псалмы, декламировать стихотворенія и, какъ при освященіи храма, обратившись къ служащему и учащему персоналу въ пространной рѣчи, снова упомянулъ о томъ великомъ значеніи, какое должно имѣть подобное просвѣтительное, благотворительное заведеніе въ Палестинѣ, гдѣ широко распространена дѣятельность различныхъ католическихъ конгрегацій и русскихъ школъ и учрежденій подъ вѣдѣніемъ императорскаго палестинскаго общества. Пожелавъ сирійскому сиротскому дому занять первенствующее мѣсто среди благотворительныхъ учрежденій другихъ странъ, Вильгельмъ II отбылъ на своемъ кровномъ арабскомъ жеребцѣ, напутствемый громкими, восторженными кликами «hoch».

Оповѣщенный о желаніи германскаго императора посѣтить Елеонскую гору—мѣсто вознесенія Спасителя міра за каменной оградой круглой мусульманской мечети, русскую православную церковь во имя Христа Спасителя, построенную архимандритомъ Антониномъ, и устроенный имъ же превосходный музей съ цѣнными найденными въ раскопкахъ древностями, архимандритъ русской духовной миссіи Рафаилъ, сдѣлалъ распоряженіе о встрѣчѣ почетнаго гостя съ подобающими почестями.

На широкой площадкѣ возлѣ православнаго храма, вправо отъ небольшой сосновой рощицы, посаженной архимандритомъ Анто-

ниномъ, былъ разостланъ смирнскій коверъ и приготовлены кресла для германской императорской четы и ея приближенныхъ.

Привѣтствовавъ поспѣшно присутствовавшихъ, Вильгельмъ II, пораженный красотой и величіемъ открывшейся его взору картины, видомъ на разстилавшуюся у подножія горы необъятную пустыню, въ которой сорокъ дней провелъ Спаситель міра въ молитвѣ и постѣ, сильнымъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ, простирая къ небу руки, превознесъ хвалу Вседержителю, Творцу и Премудрому Создателю міра.

Всѣ присутствовавшіе, склонивъ обнаженныя головы, внимали словамъ той вдохновенно импровизированной молитвы, которую съ великимъ паѳосомъ, громко и внятно произнесъ императоръ, какъ бы изображавшій служителя церкви.

Онъ то понижалъ голосъ, устремляя взоръ свой въ пустыню, по направленію Іорданской долины, то сразу возвышалъ его, повернувшись къ Іерусалиму, гдѣ среди другихъ зданій, за древней Сіонской стѣной, влѣво отъ круглаго купола мечети Омара, высилась колокольня имъ построеннаго и освященнаго храма, и чѣмъ-то грознымъ, властнымъ вѣяло отъ словъ царственнаго оратора.

Архимандритъ Рафаилъ, не знавшій нѣмецкаго языка и не понявшій ни единаго слова, на основаніи красивыхъ жестовъ, умѣлой интонаціи, силы и гибкости голоса утверждалъ, что молитва Вильгельма II на вершинѣ горы Елеонской произвела на слушателей поразительное, неизгладимо-сильное впечатлѣніе, что она была вся—порывъ могучей сильной души, вся—вдохновеніе.

По словамъ другихъ, понимавшихъ нѣмецкій языкъ, она была обильнымъ каскадомъ красивыхъ выраженій, то плавнымъ, то бурнымъ словоизліяніемъ.

Молитва Вильгельма II на вершинѣ Елеонской горы была апоѳеозомъ его краснорѣчивыхъ выступленій, заключительнымъ аккордомъ всѣхъ произнесенныхъ на Святой землѣ рѣчей передъ его выѣздомъ изъ Палестины.

V.

По поводу прибытія Вильгельма II въ Палестину сначала въ рукописи, а затѣмъ въ журналѣ «Le Pelerin» [1]) («Странникъ»), появилось въ Іерусалимѣ стихотвореніе французскаго поэта «Обращеніе Спасителя къ Вильгельму II».

Le Christ à Guillaume II.

Homme qu'éspères tu des lieux où je suis mort,
Où je me suis offert pour le salut du monde?
Que veux tu que ton Maître à ton appel réponde?
Viens tu par fantaisie ou viens tu par remord?

---

[1]) Мѣстномъ органѣ католическихъ конгрегацій.

Si tu veux le bonheur et la paix des humains
L'abaissement des forts si les forts sont injustes.
Si tu souffres avec souffrants, si tes mains
Pour le bien seulement deviennent mains robustes.

Si tu comprends que la gloire de tes aieux
Etant faite de sang, fut parfois criminelle
Si ta prière vers ton maître ouvre son aile.
Non point pour demander des jours victorieux.

Mais pour que la bonté fleurisse dans ta vie
Viens—je t'écouterais comme un petit enfant!
Viens, car l'humilité qui me reste asservie
Est plus grande à mes yeux—qu'un Cesar triomphant.

Si pour être Empereur et soldat qu' on redoute
Tu te crois plus qu'un pauvre au coeur souffrant et doux
Homme encore abasé—ne te mets pas en route
Et ne viens pas plier vainement les genoux!..

La prière d'orgueil est mauvaise prière,
Le royaume du Ciel—lui reste fermé
Et mon pouvoir Divin—refuse sa lumière
A qui n'a point souffert, à qui—n'a pas aimé!

Charles Grandmougin.

Переводъ М. Г. Веселковой-Кильштетъ:

Отвѣтъ Христа Вильгельму II.

Что ищешь, человѣкъ, ты здѣсь, гдѣ, смерть вкусивъ,
Я отдалъ Самъ Себя для міра во спасенье?
Отъ Господа ты ждешь отвѣта на призывъ,
Но что ведетъ тебя? Причуды?.. Угрызенье?

И если жаждешь ты лишь блага для людей,
Принизить хочешь всѣхъ несправедливо властныхъ,
Со страждущимъ страдать, просить рукѣ своей
У Бога крѣпости, чтобъ утѣшать несчастныхъ;

И если понялъ ты, что дѣдовскій завѣтъ
Не только славнымъ былъ, но кровью обагреннымъ,
И молишь небеса не о вѣнцѣ побѣдъ,—
О милосердіи и сердцѣ озаренномъ,—

Гряди, гряди ко Мнѣ! Я слушаю тебя!
Я снизойду къ тебѣ, какъ къ малому дитяти...
Ты станешь предо Мной, смиреніе любя,
Славнѣе Кесаря въ сіяньѣ благодати!..

Но если, какъ солдатъ, какъ властелинъ, грозя,
Глумиться хочешь ты надъ бѣднякомъ и сирымъ,—
Не преклоняй колѣнъ... Уйди!.. Моя слеза
Не создана для злыхъ и деспотовъ надъ міромъ.

Мольба лукавая—молитва гордеца,
Не отомкнуть ей врать въ небесномъ царствѣ Бога...
И властью, данной Мнѣ, отрину Я сердца
Не вѣдавшихъ любви и не страдавшихъ много.

Словами, вложенными поэтомъ въ уста Спасителя, обращеніемъ къ властному честолюбцу, какъ бы выяснился мотивъ прибытія Вильгельма II въ Святую землю, такъ какъ не по одному религіозному чувству прибылъ онъ для присутствованія при освященіи того протестантскаго храма, высокой колокольнѣ котораго надлежало «господствовать, яко бы, навѣки надъ прочими церквами и зданіями Іерусалима».

Результатомъ пребыванія Вильгельма II въ Палестинѣ было: для Германіи полученіе выгодной концессіи на постройку Багдадской дороги, а для богомольцевъ, для вѣрующихъ, для христіанъ всего міра возможность, благодаря новому, для него устроенному шоссе [1]) къ Іордану, совершать съ удобствомъ то паломничество, которое только возможно было ранѣе караваномъ, пѣшкомъ, на верблюдахъ, ослахъ по узкимъ, каменистымъ тропинкамъ надъ кручами и глубокими пропастями.

М. Марина.

[1]) Сооруженіе этого шоссе, спускающагося спиралью по склонамъ горъ до Іерихонской долины на протяженіи семидесяти верстъ до долины Іерихонской представляло непреодолимыя трудности. Приходилось динамитомъ взрывать громадныя каменныя глыбы, возводить каменныя загражденія надъ пропастями, на частыхъ поворотахъ дороги. Громадныя затраты турецкаго правительства оказались напрасными. Ссылаясь на недостатокъ времени, Вильгельмъ II отклонилъ поѣздку на Іорданъ.

Авт.

КЪ ИСТОРІИ ПОРТСМУТСКАГО ДОГОВОРА.

(Американецъ-руссофилъ I. Д. Куртинъ и С. Ю. Витте).

Въ 1903 году, во время лѣтняго пребыванія въ одномъ изъ славянскихъ уголковъ Южной Австріи, я случайно встрѣтился и затѣмъ продолжалъ дружеское знакомство съ замѣчательнымъ американскимъ ученымъ лингвистомъ и этнологомъ, искреннимъ славянофиломъ и горячимъ другомъ Россіи и русскаго народа I. Д. Куртиномъ (Curtin). Общеніе и бесѣды съ этимъ выдающимся и интереснымъ человѣкомъ доставляли всегда большое умственное наслажденіе. Въ виду тѣхъ дружескихъ отношеній, въ какихъ онъ состоялъ съ нынѣ покойнымъ государственнымъ дѣятелемъ графомъ С. Ю. Витте, и той нравственной поддержки, которую въ немъ нашелъ послѣдній въ своей великой миссіи 1905 года, будетъ не лишнимъ повторить нѣсколько словъ о Куртинѣ изъ того, что я сообщилъ къ его характеристикѣ по поводу его кончины въ декабрѣ 1906 года [1]. Россію и славянскій міръ Куртинъ зналъ съ молодыхъ лѣтъ, изъѣздилъ ихъ и изучилъ со всѣхъ сторонъ и успѣлъ горячо полюбить ихъ. Въ Россію онъ попалъ впервые въ 60-хъ годахъ въ качествѣ секретаря американскаго посольства и въ 1866 году принималъ самое живое участіе въ англо-американскомъ братаніи. Уже тогда онъ свободно владѣлъ русскимъ языкомъ. Необыкновенныя дарованія и большой умъ, широкій и трезвый взглядъ на вещи, а главное чуткая душа и сердечная отзывчивость помогли Куртину не только глубоко понять и оцѣ-

[1]) См. «Новое Время», 13 янв. 1907, № 11077.

нить славянскую натуру, русскую жизнь и русскую душу, не только искренно полюбить ихъ, но и воспринять многое для созданія своего широкаго и оригинальнаго культурно-историческаго міровоззрѣнія, которое такъ отличало Куртина отъ массы западноевропейской интеллигенціи съ ея узкими, шаблонными и предвзятыми взглядами на славянскій Востокъ. Въ этомъ отношеніи въ выработкѣ взглядовъ американскаго ученаго сыграли, безъ сомнѣнія, немаловажную роль наши славянофилы, со многими изъ которыхъ, напримѣръ, съ И. С. Аксаковымъ онъ былъ не только въ живомъ общеніи, но и въ дружбѣ. Все національное и самобытное привлекало его, а славянскій вопросъ интересовалъ его особенно. Этотъ интересъ свелъ его со многими нашими представителями такъ называемаго «панславизма», то есть идеи объединенія славянства подъ главенствомъ Россіи, между прочимъ съ извѣстнымъ политическимъ писателемъ генераломъ Фадѣевымъ, съ которымъ онъ сблизился и въ семьѣ котораго онъ нашелъ радушный, дружескій пріемъ. Оттуда и раннее знакомство и близость его съ С. Ю. Витте, роднымъ племянникомъ (съ материнской стороны) генерала Фадѣева.

Куртинъ былъ также отличнымъ знатокомъ нашего Дальняго Востока—онъ былъ спеціалистомъ по монголовѣдѣнію,—и потому наше столкновеніе и война съ Японіей близко принимались имъ къ сердцу, причемъ, искренно огорчаясь нашими неудачами, онъ все надѣялся на конечный успѣхъ русскаго оружія, и эти надежды свои не переставалъ высказывать какъ при послѣднемъ свиданіи нашемъ въ Петроградѣ осенью 1904 года, такъ и въ послѣдующихъ письмахъ своихъ изъ Америки.

Но не дождался нашъ американскій другъ счастливаго для насъ оборота войны. Его отечеству пришлось сыграть роль посредника въ мирныхъ переговорахъ, для которыхъ былъ избранъ гор. Портсмутъ, а главнымъ нашимъ уполномоченнымъ былъ назначенъ (будущій графъ) С. Ю. Витте, на долю котораго выпала одна изъ самыхъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ историческихъ ролей, когда-либо достававшихся русскимъ сановникамъ.

Куртинъ былъ лично давно знакомъ съ президентомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Рузевельтомъ и пользовался его уваженіемъ и довѣріемъ и въ то же время былъ связанъ старымъ семейнымъ знакомствомъ съ С. Ю. Витте, а потому неудивительно, что онъ, какъ давній убѣжденный другъ Россіи, захотѣлъ принять хоть маленькое дружественное ей участіе въ этой новой исторической русско-американской встрѣчѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ для выясненія истинной роли І. Д. Куртина въ сношеніяхъ и общеніи С. Ю. Витте въ эти дни портсмутскихъ переговоровъ съ офиціальными представителями Америки, о закулисной сторонѣ этого полнаго драматизма дипломатическаго состяза-

нія. Но мы имѣемъ основаніе думать, что нравственное значеніе присутствія Куртина, какъ друга С. Ю. Витте и благожелателя Россіи съ одной стороны и какъ хорошо знакомаго Рузевельту авторитетнаго и высокоуважаемаго американскаго дѣятеля—съ другой, и общенія его съ ними въ дни, предшествовавшіе исторической портсмутской конференціи, должно было быть велико.

Къ такому заключенію приводитъ меня какъ то, что я слышалъ отъ самого г. Куртина (въ его письмахъ), такъ и свидѣтельство самого графа Витте, приводимое мною ниже.

Осенью 1905 года Куртинъ мнѣ кратко сообщалъ о своемъ свиданіи въ Нью-Іоркѣ съ Витте и сопровождавшими его русскими. «Я былъ тоже,—писалъ онъ,—у президента Roosevelt и завтракалъ у него въ тотъ день, когда Витте и баронъ Розенъ представлялись и завтракали у него также. До пріѣзда русскихъ представителей я говорилъ полчаса съ президентомъ о русскихъ и японцахъ и объ условіяхъ мира»...

Когда годъ съ небольшимъ послѣ того, къ большому горю друзей и почитателей, а также ученыхъ круговъ, 1-го декабря 1906 года І. Д. Куртинъ на 67 году жизни скончался послѣ тяжкой болѣзни въ гор. Бристолѣ (близъ Вашингтона), я посвятилъ памяти его статью въ газетѣ «Новое Время», въ которой упомянулъ и о свиданіи Куртина съ русскими дипломатическими представителями въ Америкѣ передъ портсмутской конференціей. Зная о дружескихъ связяхъ покойнаго съ С. Ю. Витте и нѣкогда съ семьей Фадѣевыхъ, я, хоть и не былъ лично знакомъ съ Сергѣемъ Юльевичемъ, счелъ все же своимъ долгомъ передъ памятью Куртина, отъ котораго часто слышалъ разсказы объ этихъ давнихъ отношеніяхъ, послать графу Витте при письмецѣ свою некрологическую статью.

Полученное мною въ отвѣтъ маленькое письмецо Сергѣя Юльевича настолько интересно по отзыву его о пережитомъ имъ въ портсмутскіе дни, что я не могу не привести его цѣликомъ. Вотъ что онъ мнѣ отвѣчалъ: «Очень вамъ благодаренъ за присланную вами превосходную статью о Куртинѣ. Не могъ сдѣлать этого ранѣе, не зная вашего адреса. Куртинъ меня зналъ съ юношества, и я питалъ къ нему глубокое уваженіе. Онъ былъ другомъ моего отца и дяди и даже дѣда и бабушки (Фадѣева и Фадѣевой, урожденной Долгорукой). Когда меня жгли на портсмутскомъ огнѣ, это былъ единственный человѣкъ, который облегчалъ мою душевную боль, происходившую отъ разлада разума и сердца. Разумъ мнѣ императивно диктовалъ неизбѣжность подписать мирный договоръ, а сердце коробилось отъ неизбѣжности такого акта». Пока не обнародованы мемуары графа Витте, очень интересно и это маленькое автобіографическое припоминаніе.

О симпатичномъ нашемъ американцѣ Куртинѣ отмѣтимъ еще, что онъ всегда былъ большимъ почитателемъ А. С. Суворина,

его публицистической дѣятельности и литературнаго таланта, и только случайно не привелось лично сойтись этимъ близкимъ по духу и широтѣ міровоззрѣнія крупнымъ талантамъ. Въ раннія посѣщенія Куртиномъ Россіи судьба его не сталкивала съ Суворинымъ. Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Петроградъ осенью 1904 года онъ очень стремился познакомиться съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ (онъ всѣ послѣдніе годы своей жизни былъ подписчикомъ и внимательнымъ читателемъ «Новаго Времени»), но и тутъ помѣшала случайность. Уже день и часъ свиданія на дому у А. С. Суворина были назначены: Суворинъ выразилъ удовольствіе познакомиться съ интереснымъ для него человѣкомъ, и, придя къ Алексѣю Сергѣевичу нѣсколько ранѣе, я уже ждалъ прибытія Куртина, какъ неожиданно узналъ, что онъ внезапно занемогъ и долженъ былъ отложить свой визитъ. Болѣзнь и семейныя дѣла ускорили затѣмъ его отъѣздъ, и встрѣча съ Суворинымъ не могла состояться, а черезъ два года его уже не стало...

К. Я. Гротъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ[1].

(Матеріалы для біографіи).

VII.

Значеніе графа С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ, не будетъ достаточно освѣщено, если мы не прибавимъ сюда еще нѣкоторыхъ данныхъ, имѣющихъ немаловажное значеніе для его біографіи.

Прежде всего отмѣтимъ, что его финансовая дѣятельность на протяженіи слишкомъ одиннадцати лѣтъ всегда удостаивалась Высочайшихъ благоволеній, онъ награжденъ былъ высокими почестями и по его адресу въ рескриптахъ говорились многознаменательныя слова. Такъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 1-го января 1903 г., по случаю исполняющагося десятилѣтія его министерской службы мы читаемъ:

«Сергѣй Юльевичъ. Десять лѣтъ назадъ въ Бозѣ почивающій Родитель Мой призвалъ васъ къ управленію министерствомъ финансовъ. Несмотря на тяжелыя послѣдствія неурожая 1891 года, принявшись съ твердою вѣрою въ экономическую мощь Русскаго государства и съ настойчивою энергіею за упорядоченіе русскихъ финансовъ, начатое вашимъ предмѣстникомъ, вы имѣли утѣшеніе оправдать довѣріе и заслужить благодарность императора Александра III.

«Нынѣ, по истеченіи десятилѣтія вашей дѣятельности по управленію финансами, Мнѣ пріятно выразить вамъ Мою признатель-

[1]) Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. CXII, стр. 232.

ность за все, чѣмъ вы въ теченіе сихъ послѣднихъ восьми лѣтъ оправдали и Мое къ вамъ довѣріе. Съ тою же вѣрою въ силы русскаго народа и съ тою же преданностью Престолу вы не только облегчали Мнѣ трудъ осуществленія главнѣйшихъ заботъ Моихъ объ усиленіи государственнаго могущества и обороны и о благосостояніи государства, Мнѣ Богомъ ввѣреннаго, но и пробудили къ самодѣятельности многія отрасли и лучшія силы народнаго труда, упрочили независимость и устойчивость денежнаго обращенія, усилили рессурсы казны, чѣмъ давали изъ года въ годъ возможность сводить безпрепятственно постепенно увеличивавшіяся государственныя росписи, и, независимо отъ вашихъ многосложныхъ служебныхъ обязанностей, вы къ полному Моему удовольствію исполнили возложенный Мною на васъ трудъ преподаванія государственной экономіи Наслѣднику Моему, любезнѣйшему Брату великому князю Михаилу Александровичу.

«Съ надеждою на дальнѣйшее продолженіе столь полезной государству и Мнѣ службы вашей во главѣ ввѣреннаго вамъ министерства, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ собственноручно Его Величествомъ написано:

«и благодарный» НИКОЛАЙ».

С.-Петербургъ.
1-го января 1903 года.

Его сослуживцы и подчиненные въ день исполнившагося того же десятилѣтія въ нижеслѣдующемъ адресѣ привѣтствовали своего заслуженнаго начальника:

«Многоуважаемый

Сергѣй Юльевичъ.

«Сегодня, 30-го августа, исполняется десятилѣтіе управленія вашего министерствомъ финансовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, десятилѣтіе нашей совмѣстной работы съ вами.

«Конечно, не намъ, вашимъ ближайшимъ сотрудникамъ, говорить о благотворности пройденнаго вами длиннаго и труднаго пути. Не намъ, помощникамъ вашимъ въ дѣлѣ государственнаго служенія, свидѣтельствовать объ историческомъ значеніи вашего творчества, которому вы отдали такъ много таланта, разумѣнія и воли, о высокой полезности уже осуществленныхъ вами новыхъ началъ—для экономической жизни нашей родины, о важности намѣченныхъ вами широкихъ задачъ—для ея будущаго роста. Составляя одно рабочее цѣлое, вами собранное, вами одухотворенное и вами руководимое, мы также, хотя бы только анонимно и въ очень скромныхъ размѣрахъ, подлежимъ оцѣнкѣ современнаго общества и суду исторіи.

«Но если намъ не дано судить о результатахъ вашихъ государственныхъ работъ и заботъ, то намъ болѣе, чѣмъ другимъ, доступна оцѣнка содержанія и объема вашей дѣятельности, въ особенности же той нравственной обстановки, которую вы создали для нашего участія въ вашихъ трудахъ.

«Дѣятельность ваша, составляющая предметъ удивленія всего просвѣщеннаго міра, исполинскимъ, доселѣ небывалымъ размахомъ развертывалась передъ нами на всѣхъ своихъ ступеняхъ и во всѣхъ направленіяхъ. Зарожденіе смѣлаго замысла, глубокій анализъ задуманнаго, энергичное воплощеніе мысли въ живое дѣло, неустанная борьба за ея осуществленіе, безпрерывное исканіе новыхъ путей для лучшаго будущаго русской земли, постоянная провѣрка себя голосомъ жизни—все это проходило передъ нами, всего этого мы были живыми свидѣтелями.

«Позвольте намъ, глубокоуважаемый Сергѣй Юльевичъ, скромною памяткою напомнить вамъ—въ образахъ и краскахъ, въ символахъ и эмблемахъ, въ немногихъ цифрахъ, стоящихъ на рубежахъ—наиболѣе выдающіеся черты и факты вашего десятилѣтняго круга. Этотъ языкъ, «безъ словъ, но живой», скажетъ вамъ лучше словъ о той богатой, могучей и дѣятельной жизни духа, въ которой—весь человѣкъ. Воспоминанія о пережитомъ и быломъ воскреснутъ въ вашей душѣ съ новою силою; мысли и дѣла, надежды и тревоги, радости и скорби, трудности и борьба за свои созданія на неровныхъ путяхъ государственнаго домостроительства встанутъ передъ вами опять, полныя жизни и движенія...

«Примите же эту памятку отъ насъ, какъ выраженіе искренней къ вамъ любви и глубокаго къ вамъ уваженія.

«По неоспоримому праву принадлежатъ вамъ эти чувства, какъ вполнѣ заслуженныя. При той нравственной обстановкѣ, которую вы создали для насъ, всякое бремя было легко. Ваша непреклонная твердость въ осуществленіи задуманнаго поднимала нашу энергію и окрыляла нашъ духъ. Полное довѣріе къ вашимъ сотрудникамъ вы всегда считали лучшимъ залогомъ успѣха. Вы относились съ полнымъ уваженіемъ къ личности, съ полною терпимостью къ чужому мнѣнію и поощряли самодѣятельность въ вашихъ сотрудникахъ. Будучи очень требовательнымъ къ себѣ, вы проявляли большую снисходительность къ другимъ и великодушіе къ чужимъ ошибкамъ. Простой и открытый, вы требовали правдивости и отъ другихъ. Простой и доступный, вы всегда были готовы прійти на помощь въ нуждѣ и бѣдѣ своимъ сослуживцамъ, обнаруживая въ особенности заботливость о тѣхъ малыхъ, голоса которыхъ замираютъ на разстояніи. Ища въ каждомъ дѣлѣ живой сущности и полезности, вы относились къ формамъ проявленія дѣйствій и выраженія мыслей болѣе чѣмъ терпимо. Первый въ трудѣ, вы были послѣднимъ въ отдыхѣ.

«Такова была десятилѣтняя школа разумной трудовой энергіи, сильной воли и сердечнаго отношенія къ людямъ.

«Очень много сдѣлали вы для вашего вѣдомства, и за многое намъ хотѣлось бы глубоко благодарить васъ отъ имени всѣхъ и за всѣхъ. Но мы не рѣшаемся смущать васъ перечисленіемъ предметовъ благодарности, зная, насколько это вамъ не по душѣ.

«Въ день вашего десятилѣтія отъ всего сердца привѣтствуемъ васъ, глубокоуважаемый Сергѣй Юльевичъ, и вашихъ близкихъ, отъ всей души желаемъ вамъ силъ и здоровья на порогѣ новаго періода для продолженія блестящей, быть можетъ, еще болѣе трудной и сложной, государственной дѣятельности на благо Россіи, искренно желаемъ еще долго работать съ вами въ той же доброй школѣ, которую исторія почетно свяжетъ съ вашимъ именемъ.

«Петръ Романовъ, А. Свиньинъ, Дмитрій Менделѣевъ, Н. Белюстинъ, І. Новицкій, П. Охочинскій, Владимиръ Михневичъ, А. Никольскій, Н. Кутлеръ, А. Конкевичъ, Владимиръ Ковалевскій, князь Алексѣй Оболенскій, Н. Фоллендорфъ, Э. Плеске, Болеславъ Малешевскій, Иванъ Шиповъ, Николай Ланговой, князь Борисъ Голицынъ, Л. Кербедзъ, Аркадій Левицкій, Э. Циглеръ-фонъ-Шафгаузенъ, Л. Рейтеръ, А. Путиловъ, В. Котельниковъ».

Если сопоставить приведенные рескриптъ и адресъ со всѣмъ тѣмъ, что было нами приведено изъ свидѣтельствъ о дѣятельности С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ, то его фигура на этомъ министерскомъ посту обрисовывается довольно выпукло и отчетливо. Адресъ, поднесенный ему, любопытенъ еще подъ угломъ зрѣнія оцѣнки качествъ лицъ, подписавшихъ его. Большинство ихъ не безъ основанія пользовались, а многіе пользуются и понынѣ репутаціей людей даровитыхъ, работоспособныхъ и просвѣщенныхъ, и это обстоятельство вноситъ въ біографію почившаго графа очень опредѣленную черточку, а именно—стремленія окружать себя людьми даровитыми и способными, безъ всякихъ справокъ о ихъ прошломъ и прохожденіи ими ступеней іерархической служебной лѣстницы.

— Меня могутъ обвинять въ чемъ угодно,—говорилъ онъ мнѣ:— но никто не можетъ мнѣ поставить въ вину, что я избѣгалъ людей умныхъ и талантливыхъ. Какъ только я замѣчалъ, познакомившись съ кѣмъ-нибудь изъ той или иной среды, что человѣкъ своими знаніями и способностями можетъ быть мнѣ полезенъ въ работѣ, я его немедленно приближалъ къ себѣ и приспособлялъ къ тѣмъ или инымъ частямъ финансоваго и административнаго аппарата, не справляясь ни съ его кондуитомъ, ни съ тайниками его личной жизни. Несчастье русской жизни, что у насъ обычно выдвигаютъ людей или за выслугу лѣтъ, или по градаціи табели о рангахъ. Не то на Западѣ: тамъ люди выдвигаются исключительно своими

дарованіями и дѣеспособностью—вчерашній разночинецъ можетъ быть завтра вознесенъ на министерскій постъ, у насъ же вездѣ требуются справки о прошломъ человѣка, протекціи, выслуга чиновъ; а отсюда нашъ недостатокъ въ людяхъ, и вы себѣ представить

Графъ С. Ю. Витте въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

не можете, какъ и при какихъ условіяхъ возможно что-нибудь реформировать, творить и что-нибудь проводить въ жизнь новое.

Тутъ Витте дѣлалъ довольно любопытные экскурсы въ область

характеристики своихъ бывшихъ подчиненныхъ и рѣзкими штрихами опредѣлялъ достоинства и недостатки многихъ изъ нихъ, отмѣчалъ причины ихъ проваловъ или замерзанія на опредѣленныхъ ступеняхъ служенія государству.

Дѣйствительно, если вникнуть во всю дѣятельность Сергѣя Юльевича и на посту министра путей сообщенія, и на посту министра финансовъ, и кратковременнаго премьеръ-министерства, мы вездѣ наблюдаемъ въ немъ стремленіе подыскивать подходящихъ для работы людей. Онъ искалъ ихъ и въ средѣ служилаго сословія, и въ общественныхъ кругахъ и не менѣе зорко присматривался къ контингенту писателей и журналистовъ. И мы видимъ на всемъ протяженіи его кипучей дѣятельности въ Петроградѣ необычную дотолѣ для нашихъ министровъ близость къ журнальной средѣ. Какъ умный и смѣлый человѣкъ, какъ министръ до извѣстной степени на западный ладъ, онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ силѣ и значеніи общественнаго мнѣнія, а потому не только считалъ нужнымъ заручиться этимъ благопріятнымъ для себя мнѣніемъ, но и старался создавать подходящую для послѣдняго атмосферу силами дарованій и таланта. Если бы возможно было нарисовать полную картину друженія С. Ю. Витте съ писательской средой, то на первомъ планѣ мы увидѣли здѣсь людей безусловно выдающихся, съ репутаціей журналистовъ, отмѣченныхъ печатью даровитости. Конечно, вокругъ него обильно кружилась и литературная мошкара, но въ ближайшемъ соприкосновеніи онъ стоялъ только съ дѣятелями широкаго масштаба. Онъ велъ съ ними длинныя бесѣды, приглашалъ ихъ къ себѣ, разъяснялъ имъ цѣли и значеніе своихъ начинаній, гипнотизировалъ ихъ, если можно будетъ такъ выразиться, своимъ умомъ и черезъ ихъ посредство бросалъ въ русскую жизнь нужныя для его цѣлей сѣмена, которыя, дѣйствительно, и давали пышной дѣловой расцвѣтъ. Говорили, что онъ, владѣя денежными государственными рессурсами, растлевалъ печать и ставилъ ее на ту покатую плоскость купли и продажи, на которой она стоитъ въ Западной Европѣ. Не берусь утверждать или опровергать справедливость такого приговора. Можетъ быть, здѣсь и была извѣстная доля правды, но одно можно сказать: въ эти золотыя сѣти, если только таковыя были разставлены, попадала не крупная рыбина, а та мелкота, отъ которой не зависятъ тѣ или иныя благопріятныя или неблагопріятныя общественныя теченія...

VIII.

Будучи долгое время на министерскомъ посту въ ряду своихъ собратьевъ своего рода «полудержавнымъ властелиномъ», С. Ю. Витте простиралъ свое вліяніе и на многія такія стороны нашей государственной жизни, которыя собственно не входили въ ком-

петенцію его, какъ министра финансовъ; по многимъ причинамъ объ этомъ сейчасъ неудобно говорить, но кое-чего я коснусь впослѣдствіи, когда пойдетъ рѣчь о графѣ Витте, какъ творцѣ русской конституціи и реформаторѣ отечественной жизни на основахъ манифеста 17-го октября 1905 года. Его способность проникать во всѣ сферы отечественной жизни обратила на себя вниманіе даже такихъ дѣятелей, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, который еще въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ усматривалъ въ немъ дѣятеля, не только подходящаго для финансоваго вѣдомства, но и способнаго кое-что сдѣлать въ области нашего внутренняго управленія.

Когда въ 1895 году стоялъ на очереди вопросъ о назначеніи новаго министра внутреннихъ дѣлъ, то вліятельный тогда оберъ-прокуроръ Св. Синода не прочь былъ допустить возможность видѣть С. Ю. Витте на вакантномъ посту, но высказывалъ опасенія, куда энергичный и кипучій министръ финансовъ можетъ завести Россію, т. е. Побѣдоносцевъ какъ бы уже тогда предвидѣлъ въ лицѣ Сергѣя Юльевича того реформатора, который такъ опредѣленно проявилъ себя десять лѣтъ спустя.

Всѣмъ сказаннымъ выше о финансовой дѣятельности С. Ю. Витте не исчерпываются, однако, его заслуги передъ родиной, и тутъ, перескакивая черезъ довольно длинный періодъ его жизни, когда онъ занималъ постъ предсѣдателя комитета министровъ, необходимо отмѣтить его роль по заключенію за границей займа 1906 года, который спасъ Россію отъ экономическаго и денежнаго потрясенія послѣ несчастной для насъ русско-японской войны. Исторія этого займа настолько любопытна и какъ страница изъ исторіи Россіи, и какъ яркая страница изъ жизни самого гр. С. Ю. Витте, что мы остановимся на ней въ возможной полнотѣ, опуская здѣсь то, что относится къ вопросамъ нашей внѣшней политики и о чемъ сейчасъ по разнымъ обстоятельствамъ неудобно говорить.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ на имя министра финансовъ отъ 4-го апрѣля 1906 года повелѣно было выпустить пятипроцентный государственный заемъ на нарицательный капиталъ 843.750.000 рублей, равныхъ 2.250.000.000 франковъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ государственнаго казначейства 1905 и 1906 гг., превысившихъ бюджетные рессурсы. Заемъ сей внесенъ въ государственную долговую книгу подъ наименованіемъ «россійскій государственный пятипроцентный заемъ 1906 года». Этотъ наибольшій внѣшній заемъ, который когда-либо совершался, спасшій Россію отъ финансоваго краха и давшій ей возможность возстановить внутренній порядокъ, былъ заключенъ при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Нужно было преодолѣть цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ финансовыхъ препятствій. Когда С. Ю. Витте покинулъ

23-го августа 1903 года постъ министра финансовъ послѣ почти одиннадцатилѣтняго управленія вѣдомствомъ, осталось болѣе 380 милліоновъ рублей свободной наличности. Эта наличность и дала возможность вести первое время разразившуюся русско-японскую войну. По израсходованіи же этихъ денегъ нужно было изыскать новыя средства, и единственнымъ способомъ пополнить рессурсы казны представлялось заключеніе займовъ. Большинство бывшихъ въ то время у власти государственныхъ дѣятелей, въ особенности лица изъ военныхъ сферъ, были того мнѣнія, что Россія побѣдитъ японцевъ, и тогда можно было бы заключить заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. С. Ю. Витте этихъ оптимистическихъ взглядовъ не раздѣлялъ. Когда же со временемъ стало ясно, что мы въ концѣ концовъ эту войну проиграемъ, то и тогда лишь часть высшихъ сановниковъ держались взгляда, что надо стремиться къ миру, большинство же съ этихъ не соглашалось. Разногласія эти рѣзко проявились въ одномъ изъ засѣданій финансоваго комитета. Вполнѣ поэтому естественно, что состоявшій въ то время министромъ финансовъ В. Н. Коковцовъ, основываясь на мнѣніи компетентныхъ лицъ, былъ сдержанъ и, несмотря на нужду въ деньгахъ, не спѣшилъ съ крупнымъ займомъ, а дѣлалъ лишь временные и мелкіе займы, насколько это было необходимо для оборота.

Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ войны было рѣшено приступить къ переговорамъ о мирѣ. С. Ю. Витте назначенъ былъ Государемъ Императоромъ уполномоченнымъ для заключенія мира. Когда въ іюлѣ 1905 года онъ выѣхалъ въ Портсмутъ и по дорогѣ видѣлся съ президентомъ Франціи Лубэ и премьеръ-министромъ Рувье, извѣстнымъ финансистомъ, съ которыми и завелъ разговоръ о займѣ, какъ то было намѣчено еще въ Петроградѣ, Лубэ и Рувье обѣщали оказать, по заключеніи мира, полное содѣйствіе къ осуществленію предполагаемой денежной операціи. Съ этимъ обѣщаніемъ С. Ю. Витте уѣхалъ въ Америку, гдѣ ему и удалось заключить довольно благопріятный миръ. По возвращеніи въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 года изъ Портсмута, Витте вторично видѣлся съ Лубэ и Рувье, съ которыми началъ говорить о займѣ уже въ болѣе конкретной формѣ. Въ это время начались серьезныя разномыслія между Франціей и Германіей относительно Марокко. Несмотря на это, возникшее международное осложненіе, которое отсрочило опять на неопредѣленное время возможность заключенія займа, С. Ю. Витте все-таки переговорилъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа о проектируемой операціи съ главой такъ называемой «христіанской» группы банкировъ Нецлиномъ, главнымъ директоромъ Парижско-Нидерландскаго банка, и условился, что какъ только политическій горизонтъ станетъ яснымъ, онъ пріѣдетъ для ближайшихъ переговоровъ въ Петроградъ. По дорогѣ домой Витте имѣлъ чрезвычайно важное

свиданіе съ германскимъ императоромъ, послѣдствіемъ котораго было образованіе алжесирасской международной конференціи.

Вскорѣ по прибытіи въ Петроградъ, 17-го октября 1905 года, послѣдовало назначеніе Витте премьеръ-министромъ и ему было поручено сформированіе министерства, причемъ министромъ финансовъ былъ высочайше назначенъ И. П. Шиповъ. При назначеніи послѣдняго премьеръ-министръ принялъ, однако, именно на себя продолженіе веденія переговоровъ о займѣ.

Положеніе дѣлъ о займѣ къ концу 1905 года было таково: банкиры единогласно и самымъ рѣшительнымъ образомъ заявили о полной невозможности при образовавшихся тогда внутреннихъ осложненіяхъ нашей жизни и осложненіяхъ международнаго порядка совершить немедленно предполагавшуюся кредитную операцію въ формѣ ли долгосрочнаго консолидированнаго займа, или займа на срокъ безразлично. Тѣмъ не менѣе, невзирая на трусливость банкировъ и отсутствіе между ними, какъ представителями разныхъ странъ, единства стремленій, Витте все же продолжалъ настойчиво сноситься съ Рувье, который подъ его энергичнымъ натискомъ далъ твердое обѣщаніе воздѣйствовать на европейскія биржи и внушить имъ недостающую энергію. Нашъ премьеръ-министръ особенно торопился съ этимъ небывалымъ въ Западной Европѣ займомъ до созванія первой Государственной Думы и тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, видные представители кадетской группы, въ лицѣ князя Долгорукова и Маклакова, усиленно агитировали противъ того, чтобы Франція оказала намъ кредитъ безъ разрѣшенія законодательныхъ учрежденій. Настойчивые переговоры С. Ю. Витте, несмотря на всѣ неблагопріятныя для его цѣли обстоятельства, тѣмъ не менѣе увѣнчались успѣхомъ, и 2-го февраля 1906 года представитель Парижско-Нидерландскаго банка пріѣхалъ въ Петроградъ и составилъ начерно общій проектъ договора, главныя основанія котораго сводились къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Въ надеждѣ, что можно будетъ начать переговоры въ первый же день и съ цѣлью избѣгнуть потери времени на совѣщанія, я беру на себя смѣлость изложить здѣсь, по моимъ замѣткамъ, въ общихъ чертахъ операцію, по поводу которой я имѣлъ честь бесѣдовать съ вашимъ превосходительствомъ и министромъ финансовъ: Международный заемъ въ 2.000.000.000 франковъ. Проценты—5%. Срокъ погашенія отъ 40 до 50 лѣтъ. Не подлежитъ конверсіи, по крайней мѣрѣ, въ теченіе десяти лѣтъ. Можетъ быть увеличенъ на 750.000.000 франковъ, чтобы имѣть возможность теперь или по истеченіи срока конвертировать или оплатить займы государственнаго казначейства. Лица, подписывающіяся на заемъ, вносятъ теперь же отъ 250 до 300 милліоновъ. Остальное будетъ внесено частями къ концу 1906 или началу 1907 года. Процентныя деньги съ 2.000.000.000 останутся въ депозитѣ у банкировъ, за исключе-

ніемъ—самое большое—одной пятой, которую мало-по-малу, не стѣсняя денежнаго рынка, можно будетъ взять. Выпускная цѣна облигацій для правительства 80%, на половину наличными, на половину срочными взносами».

Къ этому же времени и собравшіяся на западно-европейскомъ горизонтѣ тучи разсѣялись и осуществленіе намѣченнаго займа казалось дѣломъ близкаго будущаго; но въ это время состоялась во Франціи смѣна министерства, и Рувье палъ, послѣ чего въ ожиданіи сформированія новаго кабинета переговоры о займѣ затянулись и только къ концу февраля дѣло приняло болѣе скорый темпъ. Этимъ временемъ С. Ю. Витте, какъ ловкій финансистъ-дипломатъ, не соглашаясь въ нѣкоторыхъ частностяхъ на условія, предложенныя Нецлиномъ старался, съ своей стороны, установить наиболѣе благопріятныя для Россіи основанія кредита и между прочимъ писалъ Нецлину:

«Долженъ подтвердить то, что уже говорилъ вамъ, а именно, что мы не согласимся платить болѣе 6% на сумму, которую мы получимъ. Выпускная цѣна займа въ 80% невозможна. Желательно во всѣхъ отношеніяхъ покончить съ этимъ дѣломъ какъ можно скорѣе».

Въ отвѣтъ на письма нашего премьера Нецлинъ отвѣтилъ пространнымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, которое приводимъ здѣсь полностью, какъ любопытный документъ, обрисовывающій передъ читателями, не освѣдомленными въ дѣлахъ международныхъ финансовыхъ договоровъ, какими путями и методами устанавливаются между договаривающимися государствами опредѣленныя условія международныхъ займовъ. Нецлинъ писалъ своему корреспонденту:

«Когда ваше превосходительство говорили мнѣ, что вы не намѣрены превышать 6% для правительства (положимъ, $83^1/_3$%), я позволилъ себѣ развить многочисленные мотивы—скажу даже доводы необходимости въ этомъ случаѣ, которые заставляютъ меня говорить въ пользу 80%, что соотвѣтствуетъ $6^1/_4$%. Такъ какъ все предпріятіе базируется не на немедленномъ распредѣленіи облигацій, а на огромномъ спекулятивномъ движеніи и на привлеченіи желающихъ нажить людей въ Европѣ и внѣ ея, то необходимо, чтобы не только всѣ дѣйствующія лица въ этой операціи, какъ-то: банки, синдикаты, посредники, печать и пр. были неотразимо привлечены къ дѣлу надеждой на наживу, но и спекулирующая публика увидѣла бы непосредственныя и значительныя выгоды отъ реализаціи этого займа. Дѣло идетъ о томъ, чтобы заинтересовать въ судьбѣ операціи не трусливаго капиталиста, который до сихъ поръ охотно слушалъ даваемые ему совѣты, но совершенно новые слои населенія, гораздо болѣе скептическаго. Прибавлю, кромѣ того, что необходимо побѣдить враждебное настроеніе еврейства. Такого результата можно достичь не разговорами только, а единственно возможностью получить извѣстную прибыль. Если въ этомъ и заключается

суть всей задачи, благодѣтельное значеніе которой ваше превосходительство изволили признать, то совершенно ясно, что чѣмъ цѣна займа будетъ ниже, тѣмъ болѣе будетъ обезпеченъ его успѣхъ и наоборотъ, и нужно, чтобы этотъ успѣхъ былъ значителенъ еще до выпуска займа, ибо подобная комбинація не допускаетъ полумѣръ.

«Кромѣ того, если успѣхъ не будетъ совершенно очевиднымъ и не увлечетъ за собой весь финансовый міръ, то мы, конечно, не можемъ надѣяться реализовать обязательствъ государственнаго казначейства, что, однако, было бы очень желательнымъ для того, чтобы освободить правительство вашего превосходительства отъ всякой заботы насчетъ финансовъ.

«Собранію банкировъ предстоитъ высказаться о выпускной цѣнѣ займа, и этотъ пунктъ, безъ сомнѣнія, будетъ послѣднимъ. Позвольте мнѣ напомнить вашему превосходительству, что послѣ того, какъ я настаивалъ на выпускной цѣнѣ въ 80%, вы изволили вычислить, во что обойдется операція, и нашли, что два миллiарда по 80% дадутъ 1.600.000.000 франковъ, т. е. какъ разъ 600 милліоновъ рублей, которые нужны.

«Вторая телеграмма вашего превосходительства заставляетъ меня ускорить переговоры. Я охотно и не безъ внутренняго удовлетворенія признаю, что моментъ является благопріятнымъ для большой операціи, вся тяжесть которой лежитъ на мнѣ, какъ на ея отцѣ. Произошла, однако, совершенно непредвидѣнная неудача, и я спрашиваю ваше превосходительство, представляете вы ея значеніе въ полной мѣрѣ? Мы потеряли въ правительствѣ лучшаго друга, который шагъ за шагомъ одобрялъ мои мысли, тогда какъ теперь приходится снова начинать все съ этой стороны. Я не позволяю себѣ ни входить въ оцѣнку, ни предсказывать о пріемѣ, который я встрѣчу, разъ его превосходительство г. Нелидовъ начнетъ опять переговоры съ новымъ правительствомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я ограничивался привлеченіемъ къ нашему дѣлу высшихъ чиновниковъ и лицъ, занимающихъ официальное положеніе, на мнѣніе которыхъ прежде всего долженъ будетъ опираться новый министръ финансовъ, новичекъ въ этомъ дѣлѣ. Эти лица: управляющій Французскимъ банкомъ, синдикъ биржевыхъ агентовъ, главный директоръ фондоваго отдѣла и главный директоръ кассы вкладовъ. Кромѣ того, у меня было продолжительное совѣщаніе съ г. Лубэ, весьма благожелательнымъ, какъ всегда. Было бы невозможно и болѣе чѣмъ неосторожно дѣлать дальнѣйшіе шаги. Я не могу обращаться къ учрежденіямъ (довѣріе которыхъ, впрочемъ, мало-по-малу завоевано безъ необходимости для меня вступать съ ними въ личные разговоры) до тѣхъ поръ, пока новый министръ финансовъ не уполномочитъ меня на это: операція такого размѣра, интересующая всю Францію, зависитъ исключительно отъ правительства. Убѣдительно прошу поэтому ваше превосходительство вооу-

житься на нѣсколько дней терпѣніемъ. Будетъ сдѣлано все, чтобы ускорить дѣло.

«Прежде, чѣмъ обращаться за границу, необходимо добиться согласія Парижа, ибо именно отсюда должна будетъ итти оцѣнка операціи и довѣріе, которое она должна внушать въ другихъ мѣстахъ. Для этого я убѣдительно прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ съѣздить въ Лондонъ, не призывая къ этому дѣлу нашихъ друзей-нѣмцевъ, по той простой причинѣ, что въ Лондонѣ я не опасаюсь затрудненій. Сильный поддержкой англичанъ и, надѣюсь, американцевъ, я буду лучше вооруженъ для борьбы, если къ тому представится случай съ возраженіями, которыя могутъ подняться за Рейномъ. Но чтобы не раздражать берлинскихъ друзей, я ихъ тотчасъ же извѣщу въ Лондонѣ и охотно пойду имъ навстрѣчу куда угодно, кромѣ Берлина. Этотъ рынокъ мнѣ представляется одинаково необходимымъ, чтобы сохранить тайну, которую я до сихъ поръ скрывалъ совершенно.

«Наконецъ я беру на себя смѣлость дать вашему превосходительству совѣтъ относительно одного техническаго вопроса, который мнѣ представляется очень важнымъ для французскаго рынка и ходъ котораго долженъ будетъ потянуть за собой и другія мѣста. Намъ, вѣроятно, придется выпустить здѣсь облигацій на 900—1000 милліоновъ, и держатели краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства выпуска 1904 года на 800 милліоновъ имѣютъ безусловно предпочтительное на нихъ право. Такъ какъ каждая бумага впослѣдствіи будетъ сопровождаться большой преміей, то захотятъ воспользоваться этимъ правомъ всѣ до послѣдняго обязательства, лишь бы обезпечить себѣ участіе въ подпискѣ. Чтобы облегчить въ предѣлахъ возможнаго пользованіе этимъ правомъ, слѣдовало бы имѣть возможность размѣнять денежныя обязательствва на монету, т. е. позволить пріобрѣтать облигаціи, не будучи вынужденнымъ нести тяжелые убытки по предварительному выкупу обязательства. Съ этой цѣлью можно прибѣгнуть къ разнымъ системамъ болѣе или менѣе практичнымъ и сложнымъ, и мнѣ пришла въ голову мысль воспользоваться купонами обязательствъ казначейства, срокъ которымъ 1-го (14-го) мая и которые будутъ служить удостовѣреніемъ на право подписки. Такой купонъ, будучи отрѣзанъ, получитъ различную продажную стоимость, смотря по добавочной преміи бумагъ новаго выпуска. Развивая эту мысль дальше, можно будетъ допустить пріемъ этихъ купоновъ при подпискѣ въ качествѣ звонкой монеты по ихъ цѣнѣ двѣнадцать франковъ пятьдесятъ сантимовъ. Русское государственное казначейство потеряло бы процентъ за нѣсколько недѣль отъ 1% до 1½% на семь съ половиной милліоновъ рублей, что, на мой взглядъ, не имѣетъ значенія, если принять во вниманіе очевидную выгоду этого пріема. Позволяю себѣ поэтому спросить ваше превосходи-

тельство, санкціонируете ли вы это небольшое досрочное употребленіе купоновъ отъ обязательствъ государственнаго казначейства?»

IX.

Тотчасъ по сформированіи новаго министерства съ Клемансо во главѣ было приступлено къ переговорамъ съ новымъ правительствомъ, и между Витте и Нецлиномъ рождается обширная переписка, гдѣ нашъ премьеръ-министръ, во-первыхъ, старается разсѣять неблагопріятные для займа слухи, пущенные въ Парижѣ представителями кадетской партіи относительно законности займа, и, во-вторыхъ, домогается отъ банкировъ наиболѣе благопріятныхъ условій русскаго кредита. Въ результатѣ старанія графа С. Ю. Витте увѣнчиваются успѣхомъ и ему удается даже склонить русскіе банки къ участію въ финансированіи всего займа, хотя по первоначальному проекту ихъ участія не намѣчалось, такъ что къ концу марта дѣло настолько выяснилось, что явилась необходимость послать въ Парижъ для подписанія займа представителя русскаго правительства. Такимъ представителемъ по высочайшему повелѣнію былъ назначенъ бывшій министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ съ прикомандированіемъ къ нему тогдашняго вице-директора кредитной канцеляріи А. И. Вышнеградскаго. Телеграфное сношеніе между нашей сѣверной столицей и Парижемъ во все время пребыванія здѣсь нашего финансоваго делегата продолжалось непрерывно, причемъ дѣло сводилось не къ принципу самаго займа, а къ нѣкоторымъ деталямъ его, въ томъ именно главнѣйшемъ направленіи, что Витте настойчиво стоялъ на своей позиціи облегченныхъ условій кредита, выторговывая въ пользу Россіи наибольшую сумму выгоды. Наконецъ черезъ пять дней по пріѣздѣ В. Н. Коковцова въ Парижъ состоялось 3-го (16-го) апрѣля подписаніе договора. Цѣна займа была установлена въ $83^1/_2\%$, т. е. правительству пришлось заплатить шесть процентовъ съ суммы, полученной казною, чего графъ С. Ю. Витте добивался съ самаго начала переговоровъ. Сумма займа въ 2.250 милліоновъ франковъ была распредѣлена между отдѣльными участниками слѣдующимъ образомъ: Франція участвовала въ 1.200 милл., Англія—330 милл., Австрія—165 милл., Нидерланды—въ 500 милл. франковъ. Большая часть этой послѣдней суммы была въ сущности помѣщена за границей, особливо въ Германіи при посредствѣ тѣхъ же самыхъ русскихъ банковъ, несмотря на то, что Германія по политическимъ соображеніямъ въ займѣ офиціально не участвовала. Америка и Италія отъ участія въ займѣ совершенно уклонились.

Когда договоръ о кредитной операціи былъ подписанъ, Нецлинъ счелъ долгомъ написать графу С. Ю. Витте слѣдующее письмо:

«Международный заемъ—фактъ совершившійся, послѣдній этапъ пройденъ вчера. Предварительная подписка сдѣлана . Эта великая финансовая побѣда сегодня служитъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, и русскій кредитъ, въ первый разъ со времени войны, готовится пустить новые корни въ значительно расширившейся почвѣ.

«Констатируя этотъ фактъ, въ которомъ я, благодаря вашему превосходительству, принималъ участіе отъ перваго до послѣдняго шага, не могу удержаться и не выразить чувство большого удовлетворенія. Но прежде всего я долженъ и хочу выяснить главную причину его успѣха. Я обращаюсь посему къ вашему превосходительству, преисполненный глубокой признательности за оказанное мнѣ довѣріе въ теченіе всей операціи.

«Мнѣ кажется, небезполезно бросить на всѣ операціи взглядъ заднимъ числомъ и отмѣтить существенные пункты, которые могутъ имѣть значеніе для будущаго.

«Первымъ условіемъ успѣха я, не колеблясь, считаю, какъ я только что сказалъ, довѣріе, оказанное вашимъ превосходительствомъ моей сообразительности и усердію. Оставивъ послѣ нашего разговора въ Россіи выработанные заранѣе планы и принявъ мой проектъ, смѣлость котораго не оправдывалась тогда общимъ положеніемъ, ваше превосходительство вполнѣ меня одобрили, и это одно поддерживало и ободряло меня въ критическіе моменты переговоровъ. Напомню паденіе кабинета Рувье, преднамѣренное противодѣйствіе германскихъ властей и, наконецъ, затрудненія, которыя встрѣтило присоединеніе Австріи, первоначальная важность котораго была упущена изъ виду. Ваше превосходительство обратились ко мнѣ одному, и это довѣріе позволило мнѣ, не связанному совѣщаніями съ сотрудниками, быстро принять рѣшенія и такимъ образомъ черезъ самый краткій промежутокъ времени устроить все къ сроку, предопредѣленному заранѣе обстоятельствами.

«Наконецъ опять-таки только благодаря нравственному авторитету, который мнѣ дало ваше высокое одобреніе, я и могъ быстро согласовать часто весьма противорѣчивыя желанія и мнѣнія нашихъ французскихъ учрежденій, полная гармонія коихъ создала столь блестящій успѣхъ.

«Это единство дѣйствій было благодѣтельно даже для направленія прессы. Ваше превосходительство изволили замѣтить, что она держалась совершенно корректно и помогала движенію, какъ слѣдуетъ, безъ фанфаронства, а общественное мнѣніе уже было достаточно подготовлено биржей.

«Со времени своего прибытія съ полномочіями статсъ-секретарь Коковцовъ продолжалъ ту же линію поведенія, и я не могу въ достаточной мѣрѣ отблагодарить его за его постоянные знаки одобренія, которое не измѣнялось ни на минуту. Его превосходительство предоставилъ мнѣ попрежнему вести дѣло и съ француз-

скимъ правительствомъ, и съ иностранными делегатами, и съ парижскими учрежденіями, и я всегда находилъ у него совѣтъ и поддержку.

«Что касается самой операціи, то мнѣ приходится коснуться только двухъ пунктовъ: суммы займа и выпускной его стоимости. Всѣ другія условія сразу же встрѣтили общее одобреніе.

«Что касается суммы займа, то я всегда старался образовать немедленно добавочную сумму въ 750 милліоновъ, которая оставалась бы въ запасѣ и предназначалась бы на погашеніе обязательствъ государственнаго казначейства. Г. Рувье одобрилъ разумность такого пріема. Понятно, однако, что новички, которые еще вчера совершенно не знали нашей задачи, должны были испытывать нѣкоторое колебаніе въ виду широты задуманнаго дѣла. Поэтому, чтобы добиться успѣха, я долженъ былъ начать переговоры съ Rue Rivoli, ограничивъ участіе Франціи — самое большое — милліардомъ франковъ по номинальной цѣнѣ. Такая политика была тѣмъ болѣе необходима, что нѣмцы отказались отъ участія, а содѣйствіе русскихъ банковъ, очевидно, не могло замѣнить ихъ въ желаемой степени. Прибытіе г. Коковцова, явившагося мнѣ на помощь, оказало большое дѣйствіе, и его переговоры съ министрами дали мнѣ возможность увеличить участіе Франціи до 1.200 милліоновъ по номинальной стоимости, а весь заемъ до размѣровъ двухъ съ четвертью милліардовъ.

«Отказъ Моргана, сознаюсь, не удивилъ меня, ибо уже съ прошлаго года я не питалъ на него большихъ надеждъ. Я убѣжденъ, что пройдутъ многіе годы прежде, чѣмъ нью-іоркскій денежный рынокъ станетъ интересенъ для русскаго кредита. Совершенно другое дѣло—Италія. И отказъ Рима, вызванный главнымъ образомъ внѣшней политикой, былъ для меня очень чувствителенъ.

«Это почва, которую нужно воздѣлывать для слѣдующаго раза.

«Я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ знаменательномъ эпизодѣ, который имѣетъ отношеніе къ главѣ о суммѣ займа. Я нашелъ черезчуръ строгой статью о закрытіи французскаго рынка въ теченіе двухъ лѣтъ и, стараясь добиться нѣкотораго смягченія въ этомъ отношеніи, я имѣлъ удовольствіе передать г. Коковцову нѣсколько словъ, собственноручно написанныхъ г. Пуанкарэ, которыя могутъ имѣть нѣкоторое значеніе въ будущемъ.

«Что касается выпускной цѣны, то я полагаю, что ваше превосходительство теперь изволили понять мою настойчивость въ первое время, пока банкиры и общественное мнѣніе не одобрили моей комбинаціи. Она цѣликомъ покоилась на выгодности займа, которая должна была вызвать международную спекуляцію, и мнѣ было очень пріятно получить изъ устъ г. Коковцова, который сначала сильно оспаривалъ именно этотъ пунктъ, признаніе, что назначить болѣе высокую выпускную цѣну было бы опасно. Если

вашему превосходительству угодно будетъ вспомнить, я говорилъ вамъ при личномъ свиданіи въ Россіи, что слѣдовало бы назначить четыре процента добровольной преміи, по крайней мѣрѣ за недѣлю до выпуска облигацій. Такъ буквально и было сдѣлано, и благодаря этому необычному пріему мы могли поддерживать въ атмосферѣ желательную температуру и, наконецъ, засвидѣтельствовать огромный успѣхъ, который составитъ эпоху въ финансовомъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе разныхъ событій въ разныхъ концахъ міра, событій, съ которыми всегда надо было считаться, и въ виду безпокойнаго настроенія во Франціи, премія была понижена до двухъ процентовъ и пониженіе не остановилось на этомъ уровнѣ только потому, что французскій синдикатъ согласился въ этотъ моментъ купить авансомъ сто тысячъ бумагъ новаго займа. Эта сильная плотина задержала паденіе, и распредѣленіе пошло на славу.

«Если премія началась съ двухъ процентовъ, то мы, вѣроятно, достигли бы al pari, и тогда выпускъ бумагъ потерпѣлъ бы огромное крушеніе. Не нужно забывать, что при выпускѣ бумагъ, основанномъ на спекуляціи, а не на распредѣленіи между подписчиками, разстояніе, которое отдѣляетъ провалъ отъ успѣха, нерѣдко представляется безконечно-малымъ.

«Хотя мое письмо вышло уже изъ позволительныхъ предѣловъ, тѣмъ не менѣе я прошу разрѣшенія вашего превосходительства сказать еще нѣсколько словъ о выпускѣ бумагъ въ Парижѣ. Такъ какъ на этотъ разъ я преслѣдовалъ другую цѣль, то онъ весьма отличался отъ операцій, которыя императорское казначейство цѣлый рядъ лѣтъ производило здѣсь. Онъ очень похожъ на тѣ выпуски, которые мы обыкновенно дѣлали лѣтъ 15—20 тому назадъ. Правда, въ то время выпуски не достигали такихъ большихъ цифръ, но зато и средства, которыми могла располагать публика, были пропорціонально далеки отъ этихъ цифръ. То былъ г. Жерменъ, который, видя, что сбереженія публики быстро увеличиваются, мало-по-малу измѣнилъ способъ выпуска и перенесъ центръ тяжести исключительно на немедленное размѣщеніе займа въ большихъ и малыхъ портфеляхъ и такихъ образомъ заставилъ сыграть болѣе плодотворную роль свое учрежденіе, которое тысячами щупалецъ находится въ прямомъ соприкосновеніи съ міркомъ мелкихъ капиталистовъ. Спекуляція была совершенно оставлена и мало-по-малу устранена отъ русскихъ фондовъ. Въ этотъ разъ я старался ввести въ дѣйствіе смѣшанную систему, въ которой были призваны играть роль всѣ скомбинированныя силы. Благодаря этому и былъ полученъ такой результатъ. Въ качествѣ доказательства я могу только указать цифры подписки на бумаги, разобранныя различными участниками, кромѣ тѣхъ, которые получили преимущественное право на облигаціи новаго займа, какъ держатели обязательствъ, выпущенныхъ въ 1904 году.

Banque de Paris	16.500.000	облигац.	83.000	подписав.
Crédit Lyonnais	14.450.000	»	220.000	»
Comptoir d'Escompte .	7.785.000	»	109.000	»
Société Générale	6.675.000	»	45.000	»
Hottinguer et C-ie . . .	2.800.000	»	110.000	»
Crédit Industriel	1.290.000	»	29.000	»
	49.500.000	облигац.	596.000	подписав.

«Независимо отъ этихъ цифръ, держатели краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства выпуска 1904 года заявили свое право на 1.400.000 облигацій, то есть на 87½ процентовъ».

Заключеніемъ столь обширнаго, небывалаго въ лѣтописяхъ нашихъ кредитныхъ операцій займа графъ С. Ю. Витте записалъ одну изъ лучшихъ страницъ въ свою біографію: онъ во истину положилъ имъ залогъ будущаго спокойствія и мирнаго развитія Россіи, а потому въ воздаяніе его услугъ передъ родиной на его имя воспослѣдовалъ наканунѣ открытія законодательныхъ учрежденій Высочайшій рескриптъ, гдѣ были начертаны нижеслѣдующія слова: «Благодаря настойчивымъ и просвѣщеннымъ трудамъ вашимъ эти учрежденія [1]) нынѣ образованы и готовы къ открытію, несмотря на препятствія, чинимыя крамольниками, въ борьбѣ съ которыми вы проявили отличающую васъ энергію и рѣшительность. Одновременно съ симъ своею опытностью въ финансовомъ дѣлѣ вы содѣйствовали упроченію государственныхъ рессурсовъ, обезпечивъ успѣхъ заключеннаго Россіею займа».

Финансовая операція въ Парижѣ была лебединою пѣснею въ активной дѣятельности графа С. Ю. Витте на пользу финансоваго и экономическаго благополучія Россіи и, если по званію предсѣдателя финансоваго комитета, каковое мѣсто онъ въ послѣдніе годы жизни занималъ, ему приходилось своимъ опытомъ и знаніями помогать нашимъ государственнымъ дѣятелямъ, то эта помощь не носила на себѣ печати творчества, ибо для послѣдняго не было по самому существу государственнаго значенія финансоваго комитета реальной почвы и данныхъ для своего проявленія. Въ такомъ же духѣ обрисовываются и его выступленія по финансовымъ вопросамъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, гдѣ въ большинствѣ случаевъ ему выпадала на долю роль строгаго и безпощаднаго критика, въ каковой роли онъ со свойственной ему смѣлостью заносилъ руку надъ такими сторонами отечественной дѣйствительности, къ созиданію которыхъ такъ или иначе онъ и самъ былъ причастенъ. Знаменитый «караулъ» графа Витте при обсужденіи гибельныхъ послѣдствій имъ же когда-то созданной винной монополіи до сихъ поръ, вѣроятно, еще звучитъ въ ушахъ современниковъ... **Б. Глинскій.**

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) **Госуд. Дума и Госуд. Совѣтъ.**

ИМПЕРАТОРСКІЙ НОВОРОССІЙСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

(По поводу 50-лѣтія его существованія).

Въ МАѢ текущаго 1915 года исполняется пятьдесятъ лѣтъ существованія императорскаго новороссійскаго университета.

Юбилей этотъ въ виду сравнительной молодости нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не можетъ не быть признанъ крупнымъ фактомъ русской культурной исторіи, а потому не будутъ лишними нѣкоторыя замѣчанія о возникновеніи и прошлой жизни его.

Непосредственнымъ предшественникомъ университета въ Одессѣ былъ открытый въ 1817 г. лицей, названный Ришельевскимъ въ честь много сдѣлавшаго для Новороссійскаго края извѣстнаго градоначальника герцога Ришелье.

По организаціи всего учебнаго дѣла, по характеру преподаванія между лицеемъ этимъ и бывшимъ институтомъ съ гимназіей было много общаго, и хотя въ Ришельевскомъ лицеѣ такъ называемыя «высшія науки» (статистика, законовѣдѣніе и друг.) имѣли большее распространеніе, онъ въ общемъ былъ ближе къ гимназіи, чѣмъ къ высшему учебному заведенію. Историкъ Ришельевскаго лицея Михневичъ [1]), констатируя это, отмѣчаетъ цѣлый рядъ реформъ, которыя въ періодъ по 1837 годъ предпринимались для возможнаго поднятія лицея на положеніе высшаго учебнаго заведенія.

Замѣтное приближеніе къ университету Ришельевскій лицей получилъ только по уставу 1837 года. Отдѣленія лицея пріобрѣли

---

[1]) «Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея» (Одесса, 1857).

характеръ университетскихъ факультетовъ; всѣ предметы по этому уставу преподавались па отдѣленіяхъ съ возможной полнотой и научностью. Все это увеличивало цѣнность лицея и еще болѣе способствовало тому, что онъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе, привлекая воспитанниковъ не только изъ Новороссійскаго края, съ Кавказа, но нерѣдко и съ далекаго сѣвера.

Изъ лицея выходили хорошо воспитанные и образованные молодые люди, обыкновенно прекрасно владѣвшіе новыми языками, такъ какъ на постановку преподаванія ихъ въ лицеѣ съ самаго основанія его было обращено серьезное вниманіе.

Попечителемъ одесскаго учебнаго округа съ 1837 года былъ Д. М. Княжевичъ, дѣятельность котораго для просвѣщенія всего Новороссійскаго края была столь благотворна и столь разнообразна, что многія культурныя учрежденія въ Одессѣ своимъ существованіемъ обязаны именно ему [1]).

Княжевичу обязанъ и Ришельевскій лицей правильнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ научнымъ требованіямъ примѣненіемъ положеній, развитыхъ въ уставѣ 1837 года. Упомянутый мною выше Михневичъ [2]) такъ характеризуетъ заботы Княжевича о Ришельевскомъ лицеѣ:

«Съ года на годъ подвигалъ онъ лицей далѣе, расширяя существующія въ немъ каѳедры и учреждая новыя, дабы такимъ образомъ постепенно приготовить лицей къ занятію той степени въ ряду высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, на которой онъ желалъ его видѣть, т.-е. степени университета, планъ коего былъ уже имъ приготовленъ, но преждевременная смерть его отдалила исполненіе этого плана на другое время».

Такимъ образомъ мы можемъ съ полной опредѣленностью говорить, что въ половинѣ прошлаго вѣка (сороковые и пятидесятые годы XIX стол.) въ средѣ лицъ, которыя близко стояли къ учебному дѣлу въ Одессѣ, уже совершенно созрѣла мысль о необходимости создать въ Новороссіи разсадникъ высшаго образованія, т.-е. университетъ, вмѣсто Ришельевскаго лицея.

Съ особенной ясностью и обстоятельностью къ вопросу о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ отнесся назначенный въ 1856 году попечителемъ одесскаго округа Н. И. Пироговъ.

---

[1]) О Княжевичѣ нѣсколько подробнѣе я говорилъ уже въ очеркѣ своемъ о семидесятипятилѣтіи императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1914 г., ноябрь. Авт.

[2]) «Очеркъ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея», стр. 49. О томъ, что Княжевичъ приготовилъ планъ преобразованія Ришельевскаго лицея въ университетъ и даже взялъ его съ собой въ Петроградъ для доклада министру въ 1844 году (годъ смерти Княжевича), имѣются и другія указанія: см. у А. И. Маркевича «Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго университета» (Одесса, 1890), стр. 4, 5. Авт.

Ришельевскимъ лицеемъ, постановкой въ немъ преподаванія, необходимостью вообще улучшить учебное дѣло въ немъ Пироговъ заинтересовался немедленно по прибытіи въ Одессу. Собравъ относительно всего этого необходимый матеріалъ, Пироговъ занялся разработкой вопроса и о самомъ преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ. Въ теченіе своего непродолжительнаго пребыванія въ должности попечителя одесскаго учебнаго округа (по іюль 1858 г.) по вопросу о необходимости этого преобразованія Пироговъ представилъ въ министерство нѣсколько записокъ. Въ запискахъ этихъ Пироговъ данный вопросъ разсматриваетъ очень обстоятельно и съ особой настойчивостью выдвигаетъ положеніе, что университетъ въ Одессѣ необходимъ въ видахъ политическаго и культурнаго вліянія на различные сосѣдніе съ Россіей народы.

«Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность попечителя одесскаго учебнаго округа,—писалъ Пироговъ 2-го апрѣля 1858 года,— я обратилъ первое мое вниманіе на значеніе учебныхъ заведеній округа и на то вліяніе, ту роль, которую сама мѣстность края предназначила имъ имѣть въ нравственно-духовныхъ дѣлахъ всего православно-славянскаго народонаселенія Востока. Всѣ наши восточные единоплеменники не имѣютъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ бы науки излагались на славянскомъ нарѣчіи, и самое ближайшее для нихъ есть только одно: одесскій лицей».

Отмѣтивъ дальше, что Ришельевскій лицей, не будучи въ полной мѣрѣ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, привлекаетъ мало уроженцевъ Балканскаго полуострова, Пироговъ говоритъ о слабости русскаго вліянія на Востокѣ. «Всѣ эти соображенія,—продолжаетъ Пироговъ,—заставили меня еще годъ назадъ обратиться къ господину министру народнаго просвѣщенія съ проектомъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ высшее учебное заведеніе, съ цѣлью сообщить ему именно такую организацію, которая способствовала бы къ укрѣпленію нашихъ связей съ нашими восточными собратьями по вѣрѣ и по племени. Очевидно, что Одесса, по ея мѣстности, могла бы быть именно тѣмъ центромъ нашихъ дѣйствій и истиннымъ разсадникомъ людей, могущихъ осуществить эту важную политическую цѣль...» [1]). Доклады Пирогова о преобразованіи лицея въ университетъ содержали всѣ необходимыя соображенія о планѣ преобразованія, а также и соотвѣтствующія смѣтныя вычисленія; все это принималось въ министерствѣ во вниманіе и одобрялось, но не получало окончательнаго утвержденія;

[1]) Записка Пирогова отъ 2-го апрѣля 1858 года, изъ которой я привелъ эти выдержки, напечатана въ «Русской Старинѣ» за 1887 г. (декабрь). Перепечатана она въ собраніи сочиненій Пирогова, т. I (Кіевъ, 1910 г.), стр. 651 и слѣд.

препятствовали этому обыкновенно вопросы объ изысканіи средствъ для содержанія университета.

Въ такомъ положеніи вопросъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ находился и въ теченіе слѣдующихъ нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ бывшіе послѣ Пирогова попечителями одесскаго учебнаго округа Ребиндеръ и Могилянскій и съ своей стороны выступали съ докладами по этому вопросу съ различными смѣтными и другого рода соображеніями. Весьма возможно на основаніи указанныхъ данныхъ предположить, что дѣло о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ еще очень продолжительное время не вышло бы изъ области предварительныхъ докладовъ, соображеній, а также всякаго рода запросовъ со стороны министерства. Этого, однако, не случилось, такъ какъ вопросомъ объ университетѣ въ Одессѣ заинтересовался тогдашній новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ А. Г. Строгановъ, который авторитетно и энергично высказался по данному вопросу въ 1861 году въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи края.

«Въ Новороссійскомъ краѣ,—писалъ графъ Строгановъ въ этомъ отчетѣ [1]),—всего одно высшее учебное заведеніе—Ришельевскій лицей. Заведеніе это отжило свое время, ибо даетъ юношеству образованіе слишкомъ энциклопедическое. Въ лицеѣ всему учатъ понемногу и ничему положительно. Кончившіе курсъ наукъ выходятъ изъ заведенія какими-то полуучеными или, лучше сказать, недоучеными, а многіе изъ нихъ идутъ въ университеты доканчивать свое образованіе, а тѣ, кои не имѣютъ средствъ, безъ спеціальныхъ свѣдѣній не знаютъ, какъ устроить гражданскій бытъ свой. Положительно можно удостовѣрить, что лучше закрыть лицей, нежели оставить его въ теперешнемъ видѣ, во вредъ цѣлаго поколѣнія»... «Вопросъ о преобразованіи лицея въ университетъ,—замѣчаетъ Строгановъ,—былъ уже поднятъ учебнымъ начальствомъ, но оставленъ безъ послѣдствій за недостаткомъ денежныхъ средствъ...». Указавъ далѣе на возможность изыскать нѣсколько статей для покрытія расходовъ по содержанію въ Одессѣ университета, Строгановъ говоритъ: «Если это предположеніе удостоится одобренія, то я немедленно, по сношеніи съ начальствомъ учебнаго округа, уставъ и штаты новороссійскаго университета представлю на разсмотрѣніе и утвержденіе министра народнаго просвѣщенія». Согласно высочайшей резолюціи, разрѣшившей графу Строганову заняться вопросомъ объ университетѣ, работа въ Одессѣ пошла настолько быстро и спѣшно, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ соотвѣтствующій проектъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея

---

[1]) Ср. у Маркевича, стр. 46.

въ университетъ былъ уже отправленъ въ министерство народнаго просвѣщенія.

Когда дѣло о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ стало такимъ образомъ на возможно надежный путь и въ виду вниманія къ нему государя могло получить благопріятное разрѣшеніе,—возникло опасеніе, что вопросъ о новороссійскомъ университетѣ будетъ рѣшенъ независимо отъ преобразованія его изъ Ришельевскаго лицея, а въ смыслѣ самостоятельнаго учрежденія его, но не въ Одессѣ, а въ Николаевѣ.

Такого рода проектъ появился въ силу одного чисто внѣшняго обстоятельства. Въ Николаевѣ послѣ Восточной войны оставались незанятыми огромныя зданія, принадлежавшія морскому вѣдомству. Тогдашній николаевскій военный губернаторъ Глазенапъ нашелъ, что зданія эти можно весьма удобно примѣнить для новороссійскаго университета, а потому и сталъ ходатайствовать объ открытіи его именно въ Николаевѣ. Глазенапъ успѣлъ склонить на свою сторону великаго князя Константина Николаевича, и вопросъ о предпочтеніи въ данномъ случаѣ Николаева предъ Одессой принялъ весьма серьезное направленіе. Маркевичъ въ названной мною уже выше работѣ своей о двадцатипятилѣтіи новороссійскаго университета очень обстоятельно излагаетъ весь ходъ борьбы между сторонниками Николаева и Одессы. Графу Строганову и попечителю одесскаго учебнаго округа Могилянскому пришлось не мало хлопотать, немало представлять въ министерство всякихъ докладовъ, пока не удалось окончательно утвердить въ правительственныхъ кругахъ мнѣніе, что Одессѣ должно быть отдано предпочтеніе и что университетъ долженъ быть основанъ въ ней путемъ соотвѣтствующаго преобразованія Ришельевскаго лицея. Всѣ эти споры и колебанія закончились въ маѣ 1862 года рѣшеніемъ совѣта министровъ, соглашаясь съ которымъ, 10-го іюня 1862 года государь императоръ повелѣть соизволилъ: 1) «учредить новороссійскій университетъ въ Одессѣ, преобразовавъ для сего въ университетъ Ришельевскій лицей» и 2) «управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія составить подробное по сему предмету предположеніе для открытія въ Одессѣ университета на основаніи новаго университетскаго устава, по утвержденіи онаго общимъ порядкомъ».

Ко времени учрежденія новаго университетскаго устава (18-го іюня 1863 г.) всѣ подготовительныя работы по преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ въ общемъ были закончены, но приказъ объ открытіи университета не былъ сообщаемъ въ Одессу, и Ришельевскій лицей на прежнихъ основаніяхъ функціонировалъ. Объясняется это тѣмъ, что Государственный Совѣтъ, «сознавая всю пользу, ожидаемую для Новороссійскаго края отъ учрежденія университета въ Одессѣ, тѣмъ не менѣе нашелъ, что

приведеніе сей мѣры въ исполненіе въ настоящее время, при финансовомъ и политическихъ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, затруднительно». Государь императоръ такое положеніе Государственнаго Совѣта утвердилъ, и въ смѣту на 1864 годъ ассигнованій на содержаніе новороссійскаго университета внесено не было [1]).

Въ такомъ положеніи вопросъ о новомъ университетѣ находился до 11-го іюля 1864 года, когда послѣдовало высочайшее повелѣніе «императорскій новороссійскій университетъ открыть 1-го мая 1865 года».

Согласно этому высочайшему повелѣнію, открытіе университета дѣйствительно и состоялось 1-го мая 1865 г., наступившіе за симъ лѣтніе мѣсяцы прошли въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ приготовленіяхъ, а 7-го сентября 1865 года началось чтеніе лекцій на всѣхъ факультетахъ, т.-е. на историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ.

Изъ предложеннаго выше краткаго очерка исторіи возникновенія новороссійскаго университета мы можемъ съ полной опредѣленностью заключить, что учрежденіе этого университета должно было удовлетворить извѣстнымъ политическимъ взглядамъ на тотъ край, въ которомъ ему предстояло явиться центромъ высшаго просвѣщенія. Мы видѣли, что еще при первомъ возникновеніи мысли въ концѣ XVIII в. объ университетѣ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ имѣлась въ виду необходимость возложить на него обслуживаніе культурныхъ запросовъ «сосѣдственныхъ намъ народовъ, наипаче же единовѣрныхъ». Эта же мысль высказывалась не разъ и позже при возбужденіи вопроса о преобразованіи Ришельевскаго лицея; ее, напримѣръ, очень опредѣленно проводилъ Пироговъ, когда входилъ съ докладомъ своимъ по вопросу объ университетѣ въ Одессѣ. Кромѣ этого значенія—чисто-политическаго, въ силу котораго онъ долженъ былъ привлечь для продолженія образованія уроженцевъ славянскихъ и вообще христіанскихъ земель Балканскаго полуострова, а также и близкой къ Новороссійскому краю Австріи,—на университетъ въ Одессѣ не могли не возлагать большихъ надеждъ и въ дѣлѣ изученія одной изъ любопытнѣйшихъ по своему прошлому частей Россіи. Побережья Чернаго моря вообще, а въ частности рядъ поселеній, замѣнившихъ собой старыя греческія колоніи, имѣвшія глубокія и старинныя связи съ древнѣйшимъ населеніемъ южной Россіи,—должны были предоставить любопытный и важный матеріалъ для научныхъ изученій; имѣлось, конечно, въ виду также и то, что въ связи съ изученіемъ исторіи южной части Россіи неминуемо должно пойти и изслѣдованіе прошлой жизни близкихъ къ Одессѣ областей, входившихъ

[1]) Маркевичъ, стр. 99.

нѣкогда въ составъ Византійской имперіи. Было и еще одно обстоятельство, которое принималось во вниманіе въ вопросѣ выясненія тѣхъ научныхъ областей, разбработкой которыхъ университетъ въ Одессѣ можетъ оказать особую услугу. Новороссійскій край былъ совершенно еще не изученъ въ отношеніи геологическомъ, мѣстная флора и фауна были мало извѣстны [1]), находящіеся около Одессы лиманы, а также и самое Черное море мало были обслѣдованы съ точки зрѣнія цѣлебнаго значенія. Все это долженъ былъ университетъ новороссійскій принять въ кругъ особыхъ своихъ научныхъ интересовъ. Въ какой же мѣрѣ новороссійскій университетъ такія задачи выполнилъ? Въ какой мѣрѣ онъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды? Отвѣтить на эти вопросы представляется не лишнимъ при выясненіи значенія пятидесятилѣтней дѣятельности новороссійскаго университета.

Ко времени открытія новороссійскаго университета заботы русскаго правительства о предоставленіи возможности уроженцамъ южно-славянскихъ земель (главнымъ образомъ—болгарамъ) получать въ Россіи образованіе вылились въ довольно опредѣленную форму. Въ 1863—1865 гг. въ Николаевѣ былъ для этой цѣли учрежденъ пенсіонъ Минкова; въ немъ проживали болгарскіе юноши, обучавшіеся въ николаевской гимназіи. Изъ этого контингента наиболѣе успѣвающіе могли, если желали, поступать въ высшія учебныя заведенія. Ближайшимъ и наиболѣе подходящимъ для этого былъ признанъ новороссійскій университетъ. Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшій постановку обученія южно-славянскихъ уроженцевъ Россіи, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы новороссійскій университетъ могъ привлечь славянъ для полученія высшаго образованія. Въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ департаментъ этотъ въ 1869 году прямо говоритъ, что для этой цѣли въ новороссійскомъ университетѣ учреждаются спеціальныя стипендіи [2]). Благодаря всему этому, въ новороссійскомъ университетѣ съ первыхъ же лѣтъ его существованія стали получать образованіе уроженцы различныхъ мѣстъ Балканскаго полуострова, но преимущественно болгары. Пересматривая списки окончившихъ различные факультеты новороссійскаго университета, я отмѣтилъ около пятидесяти человѣкъ, которые на родинѣ своей въ послѣдующее время занимали различныя крупныя мѣста, до постовъ министровъ включительно. Кромѣ того, изъ дѣлъ архива университета видно, что очень многіе болгары оставляли университетъ, не окончивъ въ немъ полнаго

---

[1]) Объ этомъ между прочимъ также упоминалъ Н. И. Пироговъ, когда возбуждалъ вопросъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ. Авт.

[2]) См. «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXV (Софія, 1909), ст. «Южно-славянскиятъ пансионъ въ Николаевъ».

курса [1]). Такимъ образомъ, новороссійскій университетъ до извѣстной степени выполнилъ по отношенію къ балканскимъ славянамъ ту миссію, которая на него возлагалась. По отношенію къ австрійскимъ славянамъ онъ оказался въ значительно болѣе неблагопріятномъ положеніи: австрійское правительство учло опасность, которую могъ представить для него въ дѣлѣ расширенія русскаго вліянія среди австрійскихъ славянъ новороссійскій университетъ, и въ 1874 году открыло университетъ въ Черновцахъ (въ Буковинѣ); университетъ этотъ долженъ былъ преградить путь тѣмъ австрійскимъ славянамъ, которые пожелали бы отправиться въ новороссійскій университетъ, столь близкій къ границѣ Австріи. Въ значительно большей степени новороссійскій университетъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды въ дѣлѣ оживленія и расширенія изученій юга Россіи и пограничныхъ съ нимъ областей.

Интеллигентные классы Одессы очень рано выдвигали изъ своей среды работниковъ, которые интересовались прошлой жизнью Новороссійскаго края вообще, а въ частности археологіей. Изъ такой группы дѣятелей вышли иниціаторы основанія въ Одессѣ въ 1839 году историческаго общества [2]), которое собрало въ свою среду и представителей Ришельевскаго лицея. Изъ его профессоровъ въ качествѣ изслѣдователей мѣстной старины наиболѣе замѣтно выдвинулись Зеленецкій, Мурзакевичъ, Ф. К. Брунъ. Такимъ образомъ, ко времени открытія новороссійскаго университета для представителей высшаго учебнаго заведенія въ Одессѣ опредѣлена была область спеціальныхъ, такъ сказать, мѣстныхъ, научныхъ интересовъ. Этимъ нужно объяснить, что новый университетъ долженъ былъ привлечь вниманіе тѣхъ изъ русскихъ ученыхъ, которые хотѣли бы въ опредѣленномъ направленіи повести свои научныя занятія. Такъ, напримѣръ, смотрѣлъ на университетъ въ Одессѣ профессоръ казанскаго университета В. И. Григоровичъ, уже очень извѣстный въ то время спеціалистъ въ области славяновѣдѣнія. Уже въ 1860 году онъ намѣтилъ Одессу, какъ исключительно пригодный пунктъ для широкихъ цѣлей византійско-славянскихъ занятій. Въ помѣченной 1860 годомъ запискѣ онъ развиваетъ планъ основанія при Ришельевскомъ лицеѣ каѳедры славянской филологіи съ нѣкоторыми сообразными мѣсту условіями. Академикъ Ѳ. И. Успенскій, цитируя [3]) эту записку Григоровича, говоритъ, что въ ней намѣчены, безспорно, самыя настоятельныя задачи мѣстныхъ одесскихъ научныхъ потребностей...

---

[1]) Болгарскіе юноши поступали въ новороссійскій университетъ главнымъ образомъ до освобожденія Болгаріи и въ первые годы послѣ освобожденія. Съ открытіемъ въ Болгаріи своего высшаго учебнаго заведенія поступленіе болгаръ въ одесскій университетъ уменьшилось очень значительно. Авт.

[2]) См. мою статью въ «Истор. Вѣстн.» за 1914 г., въ № 11.

[3]) «Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ» (Одесса, 1890).

«Уму моему,—говоритъ въ этой запискѣ Григоровичъ,—давно рисуется планъ повременнаго изданія, въ которомъ складывались бы свѣдѣнія о южныхъ земляхъ, заселенныхъ славянами, румынами и греками. Не притязая на политическое значеніе и не выходя изъ скромнаго объема, оно могло бы служить посредникомъ въ передачѣ постоянно увеличивающихся свѣдѣній о древностяхъ, географіи, этнографіи и словесности сосѣднихъ народовъ». Такого рода идеи Григоровича вполнѣ должны намъ объяснить ту страстную настойчивость, съ которой онъ стремился перейти на службу въ новороссійскій университетъ. Его желаніе исполнилось; онъ былъ назначенъ первымъ профессоромъ славяновѣдѣнія въ университетѣ одновременно съ его открытіемъ. Прибывъ въ Одессу, онъ встрѣтился здѣсь съ названнымъ уже мной Ф. К. Бруномъ, въ которомъ нашелъ вполнѣ понимающаго задачи изученія мѣстной, южнорусской старины товарища по факультету, въ который Брунъ вступилъ, какъ достойный представитель науки, много лѣтъ уже работавшій въ качествѣ преподавателя Ришельевскаго лицея на избранномъ имъ поприщѣ изслѣдователя исторіи юга Россіи.

Такимъ образомъ, новороссійскій университетъ съ первыхъ шаговъ своего существованія имѣлъ съ средѣ своихъ профессоровъ такихъ двухъ дѣятелей, которые могли стать достойными выразителями того научнаго направленія, которое имѣлось въ виду сообщить новому университету. Ф. К. Брунъ оставался на службѣ въ новороссійскомъ университетѣ до 1871 года, В. И. Григоровичъ работалъ въ немъ до 1876 года. За указанный періодъ оба они напечатали много такихъ трудовъ своихъ, которые показываютъ, что мѣстная южно-русская старина, старина черноморскихъ побережій, этнографія и географія Новороссійскаго края могутъ дать достаточно матеріала для тѣхъ представителей науки мѣстнаго высшаго учебнаго заведенія, которые пожелали бы въ этой области вести свои спеціальныя занятія.

Само собой понятно, что я совершенно не въ силахъ въ настоящей краткой статьѣ дать характеристику обоихъ названныхъ выше ученыхъ, какъ изслѣдователей опредѣленно намѣченныхъ ими вопросовъ. Я могу только дать самыя поверхностныя замѣчанія, которыя желающими легко могутъ быть пополнены и расширены, такъ какъ Бруну и Григоровичу посвященъ рядъ очень обстоятельныхъ статей.

Ф. К. Брунъ былъ выдающійся ученый съ очень яснымъ взглядомъ на то, что ему, какъ профессору находящагося на югѣ Россіи университета, необходимо съ особымъ вниманіемъ отнестись къ прошлому того края, въ которомъ университетъ этотъ является ученымъ центромъ. Южно-русская географія привлекла вниманіе Бруна очень рано, и онъ въ цѣломъ рядѣ большихъ и малыхъ сочиненій выяснилъ въ этой области рядъ весьма важныхъ и интерес-

ныхъ вопросовъ. Берега Чернаго моря были театромъ важныхъ историческихъ событій не только въ древности, но и въ средніе вѣка. Брунъ задается вопросомъ, что объ этихъ мѣстностяхъ говорятъ древніе и средневѣковые источники; съ этой цѣлью онъ внимательно пересматриваетъ, толкуетъ и объясняетъ свѣдѣнія Геродота о Скиѳіи, морскія карты XIV и XV вѣковъ, составленныя для черноморскихъ факторій итальянскими купцами, свѣдѣнія, сообщенныя различными путешественниками, вещественные памятники, найденные въ различныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, и пр. Весь обширный матеріалъ этотъ изученъ былъ Бруномъ до мельчайшихъ подробностей, и результаты такого изученія обыкновенно выливались у него въ стройныхъ, талантливо обработанныхъ статьяхъ. Въ трудахъ Бруна находится отвѣтъ на вопросы о Крымскомъ полуостровѣ въ очень отдаленныя времена, о черноморскихъ готахъ, о древнемъ рѣчномъ пути изъ Днѣпра въ Азовское море, о судьбахъ мѣстности, занимаемой Одессой, о старинныхъ судьбахъ Бессарабіи, Румыніи и т. д., т. е. на вопросы о самыхъ любопытныхъ моментахъ прошлой жизни Новороссійскаго края и нѣкоторыхъ близко къ нему примыкающихъ областей. Большинство статей Бруна перепечатано въ его знаменитомъ сборникѣ подъ общимъ заглавіемъ «Черноморье» (два тома, Одесса 1879 и 1880 гг.), Сборникъ этотъ, удостоенный въ свое время по отзыву академика Васильевскаго Уваровской преміи, незамѣнимое руководство для всѣхъ, кто интересуется исторической географіей южной Россіи. Это одно изъ тѣхъ изданій, безъ которыхъ не обойдется ни одинъ изслѣдователь древнѣйшей и средневѣковой исторіи Россіи и сосѣднихъ съ нею областей. Новые матеріалы, которые могутъ быть въ данной области открыты, обязательно будутъ освѣщаться съ учетомъ взглядовъ, высказанныхъ Ф. К. Бруномъ [1]), такъ какъ онъ въ своихъ трудахъ намѣтилъ цѣлую опредѣленную программу изученія прошлой жизни южной Россіи вообще, а въ частности побережій Чернаго моря.

Въ высшей степени цѣнными являются и всѣ работы В. И. Григоровича за время его пребыванія въ Одессѣ. Въ новороссійскомъ университетѣ Григоровичъ сталъ работать, когда ему было уже пятьдесятъ лѣтъ. Этотъ возрастъ въ полной мѣрѣ обезпечивалъ вдумчивое и серьезное отношеніе къ тѣмъ вопросамъ, которые могъ представить изслѣдователю Новороссійскій край.

У Григоровича уже было опредѣленно сложившееся научное направленіе, ему принадлежали уже многіе труды, которые выработали въ немъ извѣстные взгляды на рядъ научныхъ вопросовъ.

Взгляды эти, это научное міросозерцаніе съ прибытіемъ въ

---

[1]) Оцѣнка трудовъ Ф. К. Бруна и перечень его всѣхъ статей находится въ статьѣ Ѳ. И. Успенскаго о немъ (Одесса, 1881).

Одессу должны были еще больше окрѣпнуть, такъ какъ работа, которую уже давно въ Одессѣ велъ Брунъ, не могла его не захватить вполнѣ и всецѣло. Мечтанія Григоровича о созданіи въ Одессѣ особаго центра культурнаго общенія народностей не сбылись. Населеніе города, всецѣло захваченное коммерческими интересами и хлопотами, было чуждо наукѣ и совершенно не думало о какихъ-то культурныхъ славянскихъ и византійскихъ задачахъ. Григоровичъ, однако, не сразу отказался отъ своихъ мечтаній; онъ хотѣлъ интеллигентныхъ одесситовъ сплотить вокругъ этихъ «славянскихъ» интересовъ; и въ виду этого онъ явился иниціаторомъ учрежденія одесскаго славянскаго общества. Скоро, впрочемъ, онъ увидалъ, что это общество не оправдаетъ его надеждъ, и постепенно сталъ уединяться въ своемъ ученомъ кабинетѣ, все болѣе и болѣе отдаваясь разработкѣ вопросовъ, которые вызывались мѣстными научными потребностями. Географія и этнографія нашего южнаго края заинтересовали его всецѣло, и онъ въ этой области намѣтилъ рядъ вопросовъ, отъ разработки которыхъ зависятъ насущные интересы русской науки.

Григоровичъ по свойству своего ума и предыдущаго научнаго опыта отличался особеннымъ умѣніемъ ставить такія задачи, которыя разрѣшаются на основаніи поѣздокъ и изслѣдованій на мѣстѣ. Въ разспросахъ мѣстнаго населенія, въ разговорахъ съ старожилами различныхъ селъ и деревень онъ на лету хваталъ намеки и указанія, которые служили ему путеводной нитью въ дальнѣйшихъ поискахъ, приводя къ интереснымъ выводамъ и построеніямъ. Въ одесскій періодъ своей дѣятельности Григоровичъ успѣлъ написать рядъ лишь краткихъ замѣтокъ и статей, но всѣ онѣ проникнуты, какъ и все, имъ написанное, глубокимъ убѣжденіемъ и свѣжестью идеи [1]).

Его статьи объ историческихъ судьбахъ Херсонеса, о задачахъ археологическихъ разысканій въ Крыму, въ различныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, его описанія архивныхъ матеріаловъ и пособій для изученія южно-русской земли, его сообщенія о личныхъ наблюденіяхъ во время частыхъ поѣздокъ по Бессарабіи, по окрестностямъ Одессы и проч.—все это является цѣннымъ, какъ намѣчающія глубоко продуманныя программныя работы. Сдѣланное Григоровичемъ въ указанной области имѣетъ и нынѣ большое значеніе для всякаго, кто пожелаетъ работать по исторіи и археологіи юга Россіи. Къ сожалѣнію, статьи и замѣтки Григоровича разбросаны по различнымъ, не особенно нынѣ доступнымъ періодическимъ одесскимъ изданіямъ; это многія изъ нихъ сдѣлало почти

---

[1]) Идейная сторона ученой дѣятельности В. И. Григоровича очень рельефно подчеркнута въ брошюрѣ Ѳ. И. Успенскаго «Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ» (Одесса, 1890). Авт.

совершенно забытыми, что, конечно, неблагопріятно отразилось и отражается на работахъ многихъ изслѣдователей. Въ виду этого предпринятое одесскимъ историко-филологическимъ обществомъ изданіе собранія статей Григоровича за періодъ съ 1865 по 1876 гг. будетъ, несомнѣнно, очень полезнымъ и важнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явится и достойнымъ знакомъ почтенія къ памяти Григоровича, по случаю исполняющагося въ 1915 году столѣтія со дня его рожденія. Такимъ образомъ, мы съ полнымъ правомъ можетъ сказать, что Брунъ и Григоровичъ должны быть признаны въ виду изданныхъ имъ въ Одессѣ трудовъ яркими выразителями того научнаго направленія, которое по преимуществу надлежало установить новороссійскому университету. Ни Бруну, ни Григоровичу не удалось образовать школу изслѣдователей намѣченныхъ ими вопросовъ, но съ ихъ именами должно быть соединено то направленіе, которое въ той или иной мѣрѣ проявлялось или въ рядѣ трудовъ отдѣльныхъ преподавателей университета, или перенесено было ими въ дѣятельность нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, функціонирующихъ при университетѣ или отдѣльно отъ него. Изъ профессоровъ новороссійскаго университета, которые въ дальнѣйшую пору его существованія опредѣленно выдвигали мѣстныя научныя потребности, какъ задачу изслѣдованій своихъ личныхъ и своихъ учениковъ, особенно долженъ быть отмѣченъ Ѳ. И. Успенскій, нынѣ академикъ и директоръ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Начавъ свою дѣятельность въ новороссійскомъ университетѣ еще въ то время, когда въ немъ работали Брунъ и Григоровичъ, Ѳ. И. Успенскій всю свою широкую и многостороннюю подготовку въ области византиновѣдѣнія старался примѣнить между прочимъ и въ разработкѣ вопросовъ, которые находятся въ тѣсной зависимости съ изученіемъ прошлаго южной Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ Ѳ. И. Успенскій въ задачу южно-русской школы изслѣдователей старины включалъ и болѣе широкіе вопросы, именно вопросы по изученію Византіи. Результатомъ такихъ взглядовъ Ѳ. И. Успенскаго были многочисленныя, прекрасно извѣстныя ученымъ авторитетныя работы его (о святыхъ Кириллѣ и Меѳодіи, о крещеніи Руси, объ отношеніяхъ Руси и Византіи, о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря и многія другія)[1], а также и заботы по учрежденію при основанномъ при его же содѣйствіи одесскомъ историко-филологическомъ обществѣ—византійскаго отдѣленія. Организація этого отдѣленія должна быть признана выдающимся фактомъ въ дѣлѣ оживленія у насъ въ Россіи византиновѣдѣнія, и съ именемъ Ѳ. И. Успенскаго должно соединять продуктив-

---

[1]) Подробный перечень трудовъ академика Ѳ. И. Успенскаго данъ въ брошюрѣ М. Г. Попруженка «Сорокалѣтіе ученой дѣятельности Ѳ. И. Успенскаго» (Одесса, 1912).

ную научную работу этого отдѣленія до переѣзда его въ Константинополь на постъ директора русскаго археологическаго института, который, являясь въ настоящее время однимъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ ученыхъ учрежденій, благодаря трудамъ академика Ѳ. И. Успенскаго, имѣетъ исключительное на Ближнемъ Востокѣ культурное вліяніе.

Съ дѣятельностью въ Одессѣ, съ создавшимся здѣсь стремленіемъ къ изученію Византіи нужно связывать и работы академика Н. П. Кондакова, перваго профессора исторіи искусствъ въ новороссійскомъ университетѣ (1870—1888 г.). Съ началомъ своей профессорской дѣятельности въ Одессѣ Н. П. Кондаковъ началъ практически интересоваться археологіей и сталъ посѣщать тѣ мѣста юга Россіи, гдѣ производились археологическія разысканія. Его статьи «Изъ Керчи», «Съ кавказскаго побережья», «О древностяхъ, найденныхъ въ Аккерманѣ» и др. даютъ массу цѣнныхъ методологическихъ указаній для занимающихся археологіей Россіи. Изъ Одессы же Н. П. Кондаковымъ [1]) были совершены и тѣ многочисленныя поѣздки въ Константинополь, на Синай и въ другія мѣста, которыя дали ему возможность собрать матеріалъ для цѣлаго ряда своихъ крупныхъ и цѣнныхъ работъ по исторіи византійскаго искусства.

Въ трудахъ покойныхъ нынѣ профессоровъ новороссійскаго университета А. И. Кирпичникова и Н. Ѳ. Красносельцева въ періодъ ихъ дѣятельности въ Одессѣ также нашли отраженіе мѣстныя научныя потребности. А. И. Кирпичниковъ (служилъ въ Одессѣ профессоромъ съ 1885 г. по 1896 г.) разработалъ рядъ вопросовъ по исторіи духовной жизни Одессы, которая въ прошлой своей жизни не мало представила культурныхъ фактовъ, а также ввелъ въ кругъ своихъ спеціальныхъ историко-литературныхъ работъ обслѣдованіе памятниковъ византійскихъ, изучивъ для этого въ Одессѣ ново-греческій языкъ [2]). Н. Ѳ. Красносельцевъ (служилъ въ Одессѣ съ 1889 г. по 1898 г.), будучи профессоромъ новороссійскаго университета, совершалъ частыя поѣздки на Аѳонъ, гдѣ накоплялъ матеріалы для работъ по церковной исторіи, по церковной археологіи; сдѣланныя имъ открытія новыхъ византійскихъ источниковъ относятся къ указанному періоду [3]). Мѣстныя научныя потребности нашли яркое отраженіе и въ трудахъ покойныхъ профессоровъ новороссійскаго университета А. И. Маркевича [4]) и В. А.

---

[1]) Очеркъ ученой дѣятельности Н. П. Кондакова сдѣланъ его покойнымъ ученикомъ по новороссійскому университету Е. К. Рѣдинымъ (Петроградъ, 1896).

[2]) Дѣятельность А. И. Кирпичникова, какъ ученаго и общественнаго работника, представлена въ рядѣ статей, которыя вошли въ сборникъ, изданный въ Харьковѣ въ 1905 г.

[3]) Въ сборникѣ «Поминка по Н. Ѳ. Красносельцевѣ» (Одесса 1899) дана оцѣнка трудовъ его по византиновѣдѣнію.

[4]) Авторъ не разъ названной мною выше исторіи двадцатипятилѣтія новороссійскаго университета.

Яковлева. Исторія Новороссійскаго края вообще, а въ частности исторія Одессы интересовала ихъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Они оба съ искренней любовью, съ большимъ вниманіемъ отмѣчали всѣ факты прошлой жизни края вообще, каждаго города его, особенно Одессы, въ частности. Тщательное собираніе различныхъ матеріаловъ, регистрированіе библіографическихъ свѣдѣній по исторіи Одессы сдѣлало изъ нихъ глубокихъ и серьезныхъ знатоковъ мѣстной старины. Ихъ многочисленныя статьи по вопросамъ о времени основанія Одессы, объ учрежденіи въ ней учебныхъ заведеній, ихъ труды по исторіи книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ, такъ важны и цѣнны, что заслуживали бы собранія и переизданія, но, къ сожалѣнію, никто изъ ихъ «друзей» объ этомъ до сихъ поръ не позаботился, какъ не позаботился никто изъ нихъ и объ изданіи серьезной работы о жизни и трудахъ этихъ въ высшей степени почтенныхъ мѣстныхъ историковъ [1]). Всѣ названные мною выше профессора новороссійскаго университета болѣе или менѣе дѣятельное участіе принимали въ трудахъ императорскаго одесскаго общества исторіи и древности, печатая въ его изданіяхъ свои статьи и сообщенія, а также выступая въ его засѣданіяхъ съ докладами. Ихъ главнымъ образомъ вліянію (начиная съ Брупа и Григоровича) названное общество обязано тѣмъ направленіемъ, которому оно неизмѣнно слѣдуетъ въ своемъ служеніи изученію мѣстной исторіи, этнографіи, археологіи, разработкѣ одесской старины. Все это даетъ полное основаніе утверждать, что новороссійскій университетъ въ дѣлѣ выясненія задачъ изученія исторіи Новороссійскаго края, въ дѣлѣ опредѣленія особыхъ, такъ сказать, спеціальныхъ вопросовъ для представителей исторической науки въ этомъ университетѣ миссію свою выполнилъ въ достаточной мѣрѣ. Цѣлый рядъ работниковъ точно выяснилъ мѣстные научные потребности и запросы; дорога работникамъ дальнѣйшихъ поколѣній указана ясно и опредѣленно.

На университетъ новороссійскій при возникновеніи вопроса объ его учрежденіи возлагали особыя надежды также и въ дѣлѣ разработки спеціальныхъ мѣстныхъ потребностей въ области естествознанія. О расширеніи успѣховъ въ этой области путемъ спеціальныхъ трудовъ представителей университета въ Новороссіи думалъ, какъ мы знаемъ, въ свое время Пироговъ. Если мы даже въ общихъ чертахъ, допустимыхъ на страницахъ историческаго журнала, представимъ себѣ работы университетскихъ преподавателей въ Одессѣ въ этой области, то должны будемъ признать, что и въ данномъ направленіи новороссійскій университетъ выполнилъ свою миссію.

[1]) Въ 1912 году въ Одессѣ нѣкіимъ «Старымъ начетчикомъ» издана съ обычной для автора склонностью къ распространѣнію сплетенъ написанная брошюра о В. А. Яковлевѣ. Она содержитъ рядъ сомнительнаго качества анекдотовъ и совершенно не служитъ доброй памяти покойнаго. Похвально одно: авторъ—«Старый начетчикъ»—усердно держитъ подъ спудомъ свое историческое произведеніе.

Работы извѣстнаго профессора химіи А. А. Вериго въ области изученія свойствъ одесскихъ лимановъ являются основными въ въ этой области, и съ нихъ ведетъ свое начало серьезная научная разработка вопроса о лечебныхъ свойствахъ лиманной воды и грязи. Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области успѣшно ведутся нынѣ представителями молодого еще въ Одессѣ медицинскаго факультета. Все это, конечно, въ значительной мѣрѣ способствуетъ приведенію въ надлежащій видъ тѣхъ одесскихъ лимановъ, которые по справедливости должны стать однимъ изъ цѣннѣйшихъ лечебныхъ мѣстъ въ Россіи. Новороссійскій университетъ своими научными силами способствовалъ этому. Съ именемъ профессора новороссійскаго университета А. В. Клоссовскаго должна быть связана широкая, строго научная постановка организаціи метеорологическихъ наблюденій на югѣ Россіи. Наблюденія эти, детально и научно разработанныя, не малую услугу оказывали вопросамъ сельскаго хозяйства, желѣзнодорожнаго сообщенія и т. д. Работы метеорологической станціи при новороссійскомъ университетѣ, развиваясь и совершенствуясь, явятся и въ будущемъ неоцѣнимой и надежной опорой различнымъ отраслямъ южно-русской промышленности. Постоянное участіе профессоровъ новороссійскаго университета въ трудахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи вноситъ научный элементъ въ труды людей практики и опыта и, конечно, является весьма цѣннымъ и важнымъ въ практическомъ отношеніи.

Многочисленныя, очень часто предпринимаемыя различными общественными организаціями изслѣдованія геологическія по изученію водоснабженія юга Россіи, по выясненію строенія почвы и т. д.—обыкновенно не проходили и не проходятъ безъ самаго дѣятельнаго участія представителей новороссійскаго университета по соотвѣтствующимъ спеціальностямъ. Научная постановка этого рода работъ въ Крыму и въ окрестностяхъ Одессы изъ прежнихъ университетскихъ дѣятелей привлекала профессоровъ Н. А. Головкинскаго, И. Ѳ. Синцова и Р. А. Пренделя и др.

Не имѣя возможности перечислить участіе новороссійскаго университета въ разработкѣ мѣстныхъ научныхъ потребностей въ другихъ областяхъ естествознанія, скажу, что участіе это особенно ярко выразилось и выражается въ существующемъ съ 1870 года при университетѣ обществѣ естествоиспытателей. Многочисленные томы трудовъ этого общества содержатъ въ себѣ чрезвычайно цѣнныя изслѣдованія различнаго рода вопросовъ южно-русской фауны и флоры, такъ какъ членами его совершались и совершаются постоянныя экскурсіи въ предѣлахъ южной Россіи. Трудамъ и заботамъ этого общества принадлежитъ возникновеніе въ 1871 году нынѣ самостоятельно процвѣтающей и широко извѣстной севастопольской біологической станціи.

Въ приведенномъ выше краткомъ очеркѣ дѣятельности новороссійскаго университета за первыя пятьдесятъ лѣтъ существованія я не касался статистическихъ данныхъ о числѣ окончившихъ его студентовъ и о дальнѣйшей ихъ работѣ въ различныхъ должностяхъ. Я считаю достаточнымъ лишь отмѣтить, что за указанный періодъ новороссійскій университетъ далъ очень много культурныхъ работниковъ на всѣхъ поприщахъ государственной, общественной и ученой жизни Россіи. Питомцы новороссійскаго университета внесли свою долю труда въ русскую культурную жизнь на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, вплоть до министерскаго поста (С. Ю. Витте, математикъ выпуска 1870 года). Это служеніе университета Россіи стало еще полнѣе съ открытіемъ въ немъ медицинскаго факультета, который со своей стороны даетъ и будетъ давать столь необходимыхъ нашей родинѣ врачей.

Культурная работа общества на пользу страны складывается изъ трудовъ отдѣльныхъ членовъ его, изъ такихъ же трудовъ складывается и работа на пользу экономическаго и промышленнаго процвѣтанія ея. Новороссійскій университетъ за пятьдесятъ лѣтъ своего существованія, переживъ, конечно, не мало всякаго рода тревогъ и волненій, достаточно далъ Россіи такого рода работниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ опредѣленно установилъ и задачи спеціальныхъ мѣстныхъ научныхъ потребностей и запросовъ той части нашей родины, въ которой ему надлежало стать центромъ и очагомъ высшаго просвѣщенія, разсадникомъ образованія.

Прошлая жизнь новороссійскаго университета протекла такимъ образомъ не безъ слѣда; онъ выполнилъ свою миссію добросовѣстно. Во вторую половину перваго столѣтія своего существованія императорскій новороссійскій университетъ вступаетъ въ моментъ величайшихъ міровыхъ событій, которыя, несомнѣнно, дадутъ Россіи возможность окончательно и навсегда занять по полному праву принадлежащее ей первое мѣсто въ славянскомъ мірѣ. Въ частности южной окраинѣ Россіи предстоитъ, конечно, стать центромъ значительно расширеннаго района, съ прочными и тѣснымъ связями на Ближнемъ Востокѣ...

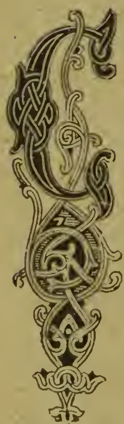
Новороссійскій университетъ получитъ тогда еще большую возможность выполнить задачу, которую мечтала уже на него возложить, какъ мы видѣли, Великая Екатерина,—служить разсадникомъ «наукъ и художествъ, какъ для вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, такъ и для сосѣдственныхъ намъ, наипаче же для единовѣрныхъ нашихъ».

Готовность свою къ такого рода служенію новороссійскій университетъ доказалъ уже своей полувѣковой работой. Мы искренно желаемъ ему успѣха на этомъ поприщѣ и впредь.

М. Г. Попруженко.

ПАМЯТИ Г. К. ГРАДОВСКАГО.

(Черты изъ жизни).



СКОНЧАВШІЙСЯ 13-го апрѣля, въ девять часовъ утра послѣ мучительной и тяжкой болѣзни журналистъ и общественный дѣятель Григорій Константиновичъ Градовскій оставляетъ среди всѣхъ знавшихъ его и работавшихъ съ нимъ на почвѣ общественной добрую память и глубокое сожалѣніе о его кончинѣ. Послѣдняя не явилась неожиданностью для насъ, близкихъ ему и слѣдившихъ за послѣдними годами его жизни. Смерть избавила человѣка отъ тяжкихъ страданій, и рядомъ съ чувствомъ горечи невольно какъ-то вырывается и вздохъ облегченія: страданія окончены, и духъ его вознесся горѣ, гдѣ нѣсть болѣзни, печаль и воздыханія... Судьба Григорія Константиновича на всемъ протяженіи жизни не баловала его, а въ послѣднія двадцать лѣтъ наполнила его существованіе, хотя и съ перерывами въ пользу облегченія, тяжкими муками, сковывавшими духъ и тѣло и тѣмъ сводившими его на положеніе живого мертвеца, какъ бы вынужденнаго вѣчно молить Бога о ниспосланіи ему послѣдняго часа и освобожденія изъ невыразимо тяжелаго состоянія.

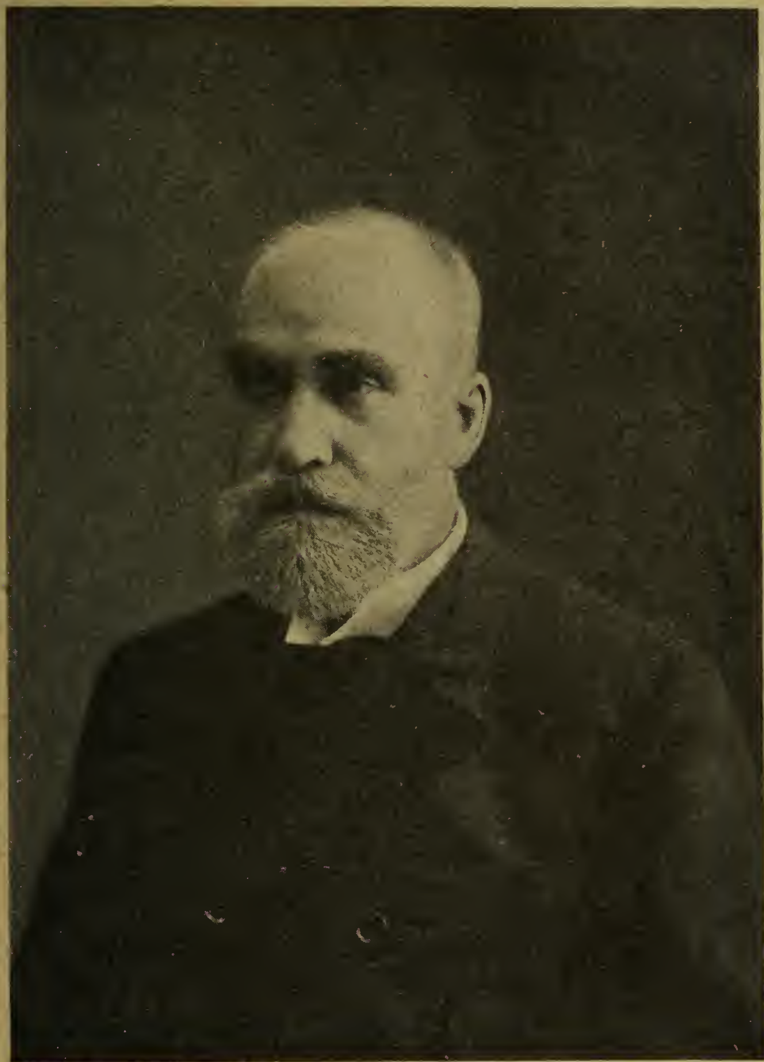
Пишущій эти строки на протяженіи многихъ лѣтъ стоялъ болѣе или менѣе въ близкихъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Константиновичемъ, зналъ его, уважалъ и какъ писателя, и какъ общественнаго дѣятеля, какъ сотрудника и личнаго друга С. Н. Шубинскаго, а потому имѣетъ возможность на основаніи своихъ личныхъ наблюденій повѣдать на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нѣкоторыя не лишенныя интереса черты изъ жизни отошедшаго въ вѣчность писателя.

Григорій Константиновичъ родился въ 1842 году въ зажиточной дворянской военной средѣ, учился въ харьковскомъ университетѣ, но получилъ степень кандидата правъ отъ кіевскаго университета, послѣ чего поступилъ въ канцелярію кіевскаго генералъ-губернатора Безака, при коемъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій. Эта служба дала ему возможность хорошо изучить строй нашихъ провинціальныхъ административныхъ учрежденій, познать нужды провинціальнаго общества и вообще на практикѣ войти въ соприкосновеніе съ реальными сторонами нашей отечественной только что пореформенной дѣйствительности. Изъ провинціи Градовскій въ 1869 году перекочевалъ въ нашу сѣверную столицу и былъ опредѣленъ юрисконсультомъ министерства юстиціи, а также служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ явился однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ тогдашняго министра А. А. Зеленого, приверженца крестьянскаго и русскаго дѣла. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда вполнѣ опредѣлилась его литературная физіономія, какъ вліятельнаго фельетониста «Голоса», писавшаго подъ псевдонимомъ «Гамма», онъ вынужденъ былъ бросить государственную службу, какъ несовмѣстимую съ амплуа либеральнаго публициста, становившагося подчасъ вразрѣзъ съ административными вѣяніями и правительственными начинаніями. Съ этого момента связь Григорія Константиновича съ государственной службой совершенно прекращается, и онъ цѣликомъ отдаетъ себя общественному служенію, посвящая свои богатыя и кипучія силы исключительно интересамъ журналистики и писательской среды, для которой является иниціаторомъ и создателемъ нѣкоторыхъ живыхъ и плодотворныхъ начинаній, о чемъ будетъ рѣчь дальше.

Влеченіе къ писательству проявилось у Г. К. Градовскаго съ раннихъ лѣтъ, и еще студентомъ университета мы видимъ его сотрудникомъ «Кіевскаго Телеграфа», затѣмъ, когда профессоръ В. Я. Шульгинъ сталъ издавать въ Кіевѣ свою газету «Кіевлянинъ», онъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе въ качествѣ переводчика и помощника редактора. Талантъ молодого писателя обратилъ на него вниманіе вліятельнаго тогда редактора «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткова, предложившаго Градовскому постоянное сотрудничество въ своей газетѣ. Онъ напечаталъ здѣсь рядъ горячихъ статей—о необходимости судебной земской реформы въ Западномъ краѣ, о возможно большемъ обезпеченіи крестьянъ и друг.,—совпадавшихъ тогда съ литературнымъ либеральнымъ направленіемъ знаменитаго публициста Страстного бульвара. Въ 1872 году онъ принимаетъ участіе въ «Гражданинѣ» князя В. П. Мещерскаго, становится на недолгое время редакторомъ этого изданія, но черезъ годъ порываетъ связь съ сіятельнымъ публицистомъ, уступивъ свое мѣсто Ѳ. М. Достоевскому.

Вслѣдъ за симъ онъ окончательно отплываетъ отъ «праваго» литературнаго берега и оказывается на «лѣвомъ» берегу, гдѣ и пріобрѣтаетъ, какъ политическій публицистъ, громкую и шумную извѣстность, каковая получаетъ особенную популярность послѣ его знаменитаго фельетона, посвященнаго дѣлу Вѣры Засуличъ.

Вспоминая въ своей книгѣ «Итоги (1862—1907 гг.)» время своего литературнаго расцвѣта, Градовскій говоритъ: «Въ 1872 году я имѣлъ неосторожность соблазниться ролью редактора «Гражданина», но этотъ промахъ обошелся мнѣ крайне дорого и тяжко во многихъ отношеніяхъ, и черезъ годъ затѣя эта была брошена. Мое мѣсто занялъ Ѳ. М. Достоевскій, къ крайнему моему удивленію. Но и «Гражданинъ» 1872 года, несмотря на пресловутую «точку къ реформамъ» и извѣстныя чудачества издателя, не измѣнялъ общему либеральному направленію. Земское дѣло, новый судъ, народное образованіе, крестьянское дѣло находили въ немъ горячаго сторонника, а бюрократизмъ осмѣивался въ сатирическомъ очеркѣ «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ». Нѣсколько мѣсяцевъ участія въ «Русскомъ Мірѣ» въ 1873 году при редакторѣ П. А. Висковатовѣ нисколько меня не стѣсняли, а когда газета перешла къ М. Г. Черняеву и въ ней сталъ подвизаться авторъ «Чѣмъ намъ быть» (генералъ Фадѣевъ), я поспѣшилъ устраниться. Въ это время главное руководство въ «Голосѣ» получилъ профессоръ В. А. Бильбасовъ. Онъ зналъ меня по «Кіевлянину» и пригласилъ къ участію въ «Голосѣ», главнымъ образомъ по внутреннимъ вопросамъ. Это было весной 1874 года. Лѣтомъ заболѣлъ фельетонистъ Нилъ-Адмирари (Панютинъ). Бильбасовъ предложилъ мнѣ взять на себя и эту работу, измѣнивъ характеръ воскреснаго фельетона. Вмѣсто увеселенія публики и праздной болтовни о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, воскресный фельетонъ, по нашему соглашенію, долженъ былъ служить популярнымъ подспорьемъ общему направленію газеты и статьямъ по важнѣйшимъ вопросамъ общественной и политической жизни. Я попробовалъ, опытъ сказался удачнымъ, и съ 1-го января 1875 года я сталъ подписывать воскресные фельетоны псевдонимомъ Гамма. Участіе мое въ «Голосѣ» совпадаетъ съ развитіемъ и благосостояніемъ этой газеты. Въ 1876 году, 11-го іюля, я началъ издавать еженедѣльное «Русское Обозрѣніе», но во время пріостановокъ моей газеты и послѣ ея запрещенія возобновлялъ работу въ «Голосѣ» и ѣздилъ отъ него корреспондентомъ на театръ войны 1877—1878 гг., сначала въ Малую Азію, а осенью и зимой въ Болгарію. Въ концѣ 1878 года, подъ давленіемъ цензуры, мнѣ пришлось разстаться съ «Голосомъ», сохраняя самыя лучшія отношенія съ А. А. Краевскимъ и В. А. Бильбасовымъ. Съ двухъ словъ я сговорился и началъ работать въ «Молвѣ» В. А. Полетики, на гораздо болѣе скромныхъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи, но зато чрезвычайно



Григорій Константиновичъ Градовскій

отрадныхъ во всѣхъ остальныхъ. И тутъ не разъ проявлялись цензурныя давленія и угрозы, но В. А. Полетика съ привычнымъ ему истиннымъ джентльменствомъ всякій разъ отражалъ подобныя вмѣшательства.

«Молва» должна была прекратить свое существованіе 15-го марта 1881 года, когда исчезли и «благія вѣянія», совпавшія съ попытками графа М. Т. Лорисъ-Меликова водворить у насъ евро-

пейскіе порядки и хоть сколько-нибудь закончить преобразованія шестидесятыхъ годовъ, прерванныя злосчастной реакціей. Потомъ настала очередь сотрудничества въ «Порядкѣ», изданіи М. М. Стасюлевича; но эта газета просуществовала всего тринадцать съ половиной мѣсяцевъ; она прекратилась, не желая подчиняться натиску реакціоннаго произвола и беззастѣнчиваго разрушенія всѣхъ пріобрѣтеній освободительной эпохи. Ну, а затѣмъ захлестнуло насъ мрачное прозябаніе, общественное омертвѣніе».

Свой переходъ изъ лагеря правыхъ въ лагерь лѣвыхъ покойный публицистъ объяснялъ сотруднику «Петроградскаго Курьера» (1915, № 490) г. Ник. Васильеву слѣдующимъ образомъ:

«Я ошибался, даже, можетъ быть, часто ошибался въ своей жизни,—сказалъ онъ мнѣ однажды, въ одной откровенной бесѣдѣ:— но я никогда не былъ предателемъ, никогда ни одной строкой не пользовался для какихъ-либо корыстныхъ цѣлей. Порвавъ съ консерваторами и перейдя къ либераламъ, я просто разочаровался въ правотѣ тѣхъ, съ которыми я работалъ въ началѣ своей журнальной дѣятельности. И это вполнѣ понятно. Должно помнить, что еще на утрѣ дней моихъ я уже всосалъ въ себя консервативное міросозерцаніе. Подобно юному Бѣлинскому, исходя изъ благородныхъ порывовъ, я увлекался консервативной идеологіей и принималъ внѣшне-блестящую мишуру за настоящее золото, лживый и узкій націонализмъ за истинный патріотизмъ, прикрытое громкими и красивыми словами своекорыстное лицемѣріе за самую подлинную правду-истину... Къ тому же моя служба чиновника-администратора требовала отъ меня исповѣдыванія консервативнаго credo. Но жизнь, съ которой я все болѣе и болѣе знакомился,— и знакомился, главнымъ образомъ, все на той же службѣ, показала мнѣ во всей неприкрашенной наготѣ внутреннюю ничтожность и жестокую своекорыстность общественной группы, прикрывающейся русскимъ консервативнымъ знаменемъ. И я совершенно съ чистою и открытою душою отвернулся отъ того, чему по недоразумѣнію въ молодости поклонялся, и поклонился тому, что по своей недостаточной освѣдомленности считалъ прежде безпочвеннымъ увлеченіемъ западными теченіями, будто бы несвойственными нашему національному духу и вредными для нашего государственнаго строительства. Я ушелъ въ станъ, правда, не погибающихъ, но, во всякомъ случаѣ, все же борющихся «за священное дѣло любви»...

«Въ «станъ погибающихъ», иными словами, въ лагерь нашихъ радикаловъ и лѣвѣе,—продолжалъ Григорій Константиновичъ,— я не пошелъ не изъ страха передъ тяжкими жертвами, а по вполнѣ искреннему и глубоко сознанному убѣжденію въ необходимости и цѣлесообразности прямой, открытой, легально-оппозиціонной дѣятельности. И что я твердо шелъ по этому,—что ни говорите,—

весьма трудному, далеко не усыпанному розами пути,—свидѣтельствуетъ вся моя общественная и публицистическая дѣятельность...»

Дѣйствительно, Градовскій въ своихъ писаніяхъ рисуется передъ нами, какъ представитель чистаго либерализма, какъ правовѣрный шестидесятникъ, твердо стоящій на политической плоскости эпохи великихъ реформъ, безъ всякаго уклона въ сторону соціализма и политическаго радикализма. Таковымъ мы видимъ его въ періодъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, таковымъ же предсталъ онъ передъ нами въ 1907 году, послѣ своего прибытія въ Петроградъ, когда съ него спалъ тотъ тяжкій недугъ, который держалъ его десять лѣтъ въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ. Но либерализмъ Градовскаго не былъ либерализмомъ спокойнымъ, академическимъ, научно-обоснованнымъ, а бурливымъ, кипящимъ, безпокойнымъ, каковымъ онъ и самъ былъ по своей природѣ и въ роли общественнаго дѣятеля, снискавшей ему среди близко знавшихъ его наименованіе «неистоваго Григорія». Это неистовство ставило его вполнѣ опредѣленно въ ряды рѣзкой оппозиціи, почему въ глазахъ администраціи долгое и долгое время за нимъ числилась репутація вреднаго и безпокойнаго человѣка, каковая, однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ представителей этой администраціи оказывалась мало обоснованной. Этотъ клокочущій либерализмъ не вызывалъ къ себѣ сочувствія и довѣрія и того «стана погибающихъ», о которомъ упомянуто выше. Наша крайняя лѣвая печать сторонилась его; представители ея съ одной стороны, ставили ему въ минусъ былое участіе въ консервативныхъ органахъ, а съ другой, не видя въ его политическомъ исповѣданіи вѣры ближайшихъ точекъ опоры для своихъ революціонныхъ начинаній, полагали, что «мѣщанскій либерализмъ» умѣренно-прогрессивныхъ органовъ печати, каковымъ разсматривался «Голосъ», только тормозитъ осуществленіе въ Россіи тѣхъ соціальныхъ утопій, которыми напоена была интеллигенція семидесятыхъ годовъ. Отсюда явное нерасположеніе къ Градовскому представителей крайней оппозиціи и распространеніе этого нерасположенія даже на всѣ проекты, которые выдвигались Григоріемъ Константиновичемъ какъ, напримѣръ, это имѣло мѣсто въ борьбѣ за созданіе по его мысли кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Экспансивность Градовскаго сыграла въ его литературной карьерѣ добрую роль: она пробуждала въ немъ ту отзывчивость на все окружающее, которая такъ насущно необходима каждому публицисту, и особенно работающему въ повседневной прессѣ, и которая превращаетъ его писанія въ своего рода Эолову арфу, отвѣчающую на всѣ окружающія переживанія. И надо отдать справедливость: публицистика Градовскаго въ этомъ отношеніи стояла на должной высотѣ, поскольку это зависѣло лично отъ него

и поскольку она не затемнялась, не коверкалась и не искажалась пресловутыми русскими «независящими обстоятельствами», а эти послѣднія преслѣдовали его всю жизнь, озлобляли его и порою ставили работника, жившаго исключительно повседневнымъ заработкомъ, въ положеніе прямо-таки безвыходное и трагическое.

Очерчивая публицистическую дѣятельность Г. К. Градовскаго долго работавшій съ нимъ совмѣстно въ «Новостяхъ» А. Е. Кауфманъ въ «Петроградскомъ Курьерѣ» (№ 438) даетъ по предмету этой дѣятельности слѣдующія свѣдѣнія:

«Судьба сталкивала меня въ теченіе моей многолѣтней газетной дѣятельности со многими писателями и публицистами, но я не припомню ни одного, который отличался бы такою пылкою и кипучею натурою, такимъ страстнымъ и любовнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, какъ только что скончавшійся Гр. К. Градовскій. Всѣ тѣ данныя, какія требуются для публицистической карьеры, природа отпустила Градовскому въ большой мѣрѣ, съ излишкомъ. У него былъ большой публицистическій темпераментъ, полемическая, вѣрнѣе, боевая жилка, сильный творческій умъ и умѣнье захватывать своего читателя.

«И при всемъ томъ издатели зѣло побаивались Градовскаго, пользовавшаго репутаціей неукротимаго либерала, опаснаго для газетъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ.

«Еще покойный издатель «Голоса», А. А. Краевскій, жаловался, что фельетоны популярнаго Гаммы не даютъ ему спокойно спать. Въ отдѣлѣ передовыхъ статей, гдѣ подвизались нерѣдко именитые бюрократы и даже министры, Валуевъ, Побѣдоносцевъ и друг., все обстояло благополучно, а въ нижнемъ этажѣ газеты Градовскій ратовалъ за реформы и свободы и потрясалъ порою основы.

«Много огорченій доставилъ Краевскому пашумѣвшій въ свое время фельетонъ Гаммы о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей въ генерала Трепова за экзекуцію надъ «политическимъ» Боголюбовымъ, не снявшимъ шляпы передъ грознымъ градоначальникомъ.

«За этотъ фельетонъ получили предостереженіе не только «Голосъ», но и перепечатавшія его на своихъ столбцахъ «Новости» О. К. Нотовича.

«— Вамъ фельетонъ доставилъ сугубую популярность,—сказалъ Краевскій своему сотруднику:—а мнѣ—одно горе.

«Д. Д. Минаевъ вложилъ въ уста Краевскаго слѣдующее шутливое четверостишіе:

О, почто на горе я.
Не жалѣя гонораріія,
Взялъ Градовскаго Григорія
Вмѣсто Нила Адмираріія.

«Нилъ Адмирари-Панютинъ—предшественникъ Градовскаго въ фельетонномъ отдѣлѣ.

«Пробовалъ Григорій Константиновичъ издавать въ 1876—1877 годахъ собственную газету—«Русское Обозрѣніе», при ближайшемъ участіи М. Л. Песковскаго, и что же? Что ни номеръ—то предостереженіе, а послѣ троекратныхъ предостереженій—неизбѣжная пріостановка.

«Послѣ одиннадцати предостереженій и трехъ пріостановокъ «Русское Обозрѣніе» прекратило свое недолгое существованіе, принесши издателю одни убытки.

«Въ «Русскомъ Обозрѣніи» была помѣщена обратившая на себя вниманіе статья Градовскаго—«Духовная пища на генеральскомъ обѣдѣ». Дѣло происходило на обѣдѣ у виднаго генерала на кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ Градовскій развивалъ свои свободолюбивыя идеи.

«Одно время Градовскій участвовалъ въ издававшихся В. А. Полетикой «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», представлявшихъ яркій политическій и общественный органъ, который отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ издающимися С. М. ПроппEромъ «Биржевыми Вѣдомостями». Газета Полетики отличалась ярко либеральнымъ направленіемъ, но и въ ней Градовскій выдѣлился своимъ либерализмомъ. Тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, Абаза, пригласивъ къ себѣ Полетику, предложилъ ему «уволить» Градовскаго.

«— Приглашать и увольнять сотрудниковъ—мое личное дѣло!—рѣзко отвѣтилъ Полетика и отретировался.

«Абаза понялъ, что онъ хватилъ черезъ край, и на слѣдующій день явился къ Полетикѣ съ визитомъ.

«— А вотъ и «революціонеръ» Градовскій!—отрекомендовалъ Полетика Гр. К—ча.

«Послѣ закрытія «Голоса» Градовскій, какъ онъ мнѣ потомъ говорилъ, остался безъ всякихъ средствъ. Семья его переѣхала въ Кіевъ, гдѣ жена его получила работу въ «Кіевлянинѣ». Редакторами «Кіевлянина» были сначала профессоръ Шульгинъ, а потомъ Пихно: оба они были женаты на свояченицахъ Градовскаго.

«Въ 1884 году Градовскій сталъ принимать участіе въ «Новостяхъ» О. К. Нотовича. О. К., немало страдавшій самъ отъ цензурнаго гнета, не побоялся, однако, пріютить у себя писателя съ такою опасною репутаціею. Газетѣ нуженъ былъ «внутренникъ», т. е. передовикъ по внутреннимъ вопросамъ, и лучшаго выбора Нотовичъ не могъ сдѣлать. Темы давалъ самъ О. К., при чемъ статьи до ихъ напечатанія фильтровались въ рукописи и въ нѣсколькихъ корректурахъ самимъ О. К. Нотовичемъ.

«Отправившись на покой, О. К. долго не засыпалъ, по его словамъ, опасаясь, что въ статьѣ Градовскаго все же остались какіе-нибудь цензурные «жупелы». По выходѣ номера Нотовичъ неизмѣнно ждалъ «вызова» въ Театральную улицу.

«Недоразумѣнія съ Градовскимъ происходили и на другой почвѣ. У него былъ большой полемическій зудъ. Особенно враждовалъ Г. К. съ сотрудниками «Новаго Времени» и однажды вызвалъ даже на дуэль сотрудника этой газеты—Петербуржца (Лялина). Разумѣется, во время полемическихъ схватокъ попутно доставалось ни въ чемъ неповинному Потовичу. Когда послѣдній сталъ вычеркивать полемическія «излишества», Градовскій изливалъ устно свою ненависть къ несимпатичной ему газетѣ. О. К. прибилъ тогда къ стѣнѣ редакціонной комнаты кружку съ надписью:

«За упоминаніе газеты «Новое Время» уплачивается штрафъ въ пользу тружениковъ печати». Но Градовскій всячески обходилъ запретъ, прибѣгая къ аллегоріямъ.

«Борьба на почвѣ цензуры совершенно измучила Градовскаго, и онъ одно время прервалъ свое участіе въ газетахъ.

«6-го іюня 1897 года Г. К. писалъ мнѣ:

«Нѣтъ расположенія писать... Все теперь пошло и подло, такъ мало предвидится хорошаго, что громить слѣдовало бы, а ремесленно писать, отбывать журнальную повинность—вы знаете—я не охотникъ. На томъ же основаніи я до сихъ поръ нигдѣ не пристроился, несмотря на зазывы... Претитъ что-то!»...

«По приглашенію моему, Г. К. сталъ присылать мнѣ статьи и фельетоны въ редактировавшійся мною «Одесскій Листокъ». Но здѣсь обстояло дѣло еще хуже, чѣмъ въ Петроградѣ. Приходилось имѣть дѣло съ невѣжественными цензорами, которые вычеркивали даже перепечатки изъ «Правительственнаго Вѣстника», о наблюденіяхъ астрономовъ и анализѣ молока, поелику сообщенія эти колеблютъ существующія понятія, или не пропускали рѣзкихъ отзывовъ рецензентовъ о «Гамлетѣ», ибо онъ датскій принцъ и датскій дворъ можетъ обидѣться.

«Когда я въ 1891 году обратился къ Градовскому съ просьбою прислать свой автографъ для сборника въ пользу голодающихъ, онъ предусмотрительно прислалъ мнѣ на выборъ нѣсколько замѣтокъ, опасаясь, что цензура похититъ нѣкоторыя изъ нихъ. И, разумѣется, не ошибся».

Страстность темперамента въ писаніяхъ Г. К. Градовскаго отмѣчаетъ и хорошо знавшій его А. Измайловъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1915, № 14783), который, на основаніи личныхъ наблюденій и пользуясь книгой «Итоги», рисуетъ намъ слѣдующій портретъ сошедшаго въ вѣчность публициста на фонѣ отечественной дѣйствительности въ разные періоды:

«Отмѣчая теченія нашей публицистической мысли, будущій историкъ русской общественности возьметъ болѣе талантливыя цитаты, болѣе красивыя слова у другихъ, не у Градовскаго. Но когда ему нужно будетъ начертать образъ типичнаго русскаго публициста семидесятыхъ—восьмидесятыхъ годовъ, темпераментнаго,

неугомоннаго, нервнаго, загорающагося искреннимъ гнѣвомъ при видѣ всякой пошлости и нечисти, дерзновенно заявляющаго свое слово, какъ бы ему ни зажимали ротъ, рискующаго карами газетѣ, обысками у себя, арестами и Архангельской губерніей,—онъ возьметъ образъ Градовскаго и уважительно укажетъ на него будущимъ поколѣніямъ.

«Участь публициста и фельетониста подобна участи актера и не менѣе неблагодарна. Его знаютъ, любятъ, ищутъ, цитируютъ въ бесѣдахъ и перечитываютъ въ газетахъ, пока онъ на эстрадѣ, пока гудетъ сегодняшній день. День прошелъ, схлынули его злобы, и вотъ уже забытъ его трудъ, хотя бы онъ отдавалъ ему все золото своего вдохновенія, весь пылъ негодующаго сердца, весь задоръ гражданскаго чувства.

«Старыхъ газетъ не перечитываютъ, публицистическихъ статей не переиздаютъ. Да и кто бы сталъ теперь читать даже ту знаменитую статью по поводу оправданія Вѣры Засуличъ, хотя бы въ свое время Градовскій писалъ ее въ настоящемъ вдохновеніи журналиста, кровью и нервами, а не перомъ и чернилами.

«Такъ случилось, что имя Градовскаго почти не значится въ библіотечныхъ каталогахъ. Онъ издалъ только двѣ свои пьесы да книгу «Итоги», гдѣ перепечаталъ кой-какія статьи о войнѣ 1877 года (онъ ѣздилъ туда въ качествѣ корреспондента), лучшіе фельетоны, въ родѣ того же нашумѣвшаго о Засуличъ, статьи по польскому и еврейскому вопросамъ, разсказъ о своихъ литературныхъ мытарствахъ, странички воспоминаній о встрѣчахъ съ Царемъ-Освободителемъ, Скобелевымъ, Достоевскимъ, обращеніе къ Побѣдоносцеву, и т. д. Здѣсь нѣтъ и десятой доли того, что онъ написалъ за свою жизнь. И добрая половина написаннаго имъ никогда не видѣла свѣта.

«Едва ли у цензуры времени его расцвѣта былъ болѣе злой врагъ, чѣмъ Градовскій, и обратно. Онъ буквально побивалъ всѣ рекорды въ цензурныхъ столкновеніяхъ и карахъ. Имя «Гамма», которымъ онъ подписывалъ свои статьи, пока ихъ можно было подписывать, было поистинѣ какимъ-то табу для учрежденій, расположившихся въ Театральномъ переулкѣ. За собственное изданіе онъ получитъ одиннадцать предостереженій и три пріостановки. То, что не находило мѣста нигдѣ въ печати, шло въ его «Русскомъ Обозрѣніи». Такъ была напечатана знаменитая корреспонденція объ ужасахъ березовскихъ поселковъ, гдѣ гноили политическихъ ссыльныхъ, и Градовскій былъ правъ, когда говорилъ, что ему принадлежитъ честь пресѣченія этого зла.

«Покойный любилъ разсказывать трагическую исторію отнятія отъ него его газеты. На «Русское Обозрѣніе» была наложена печать полугодового молчанія. Мучительно выдерживалъ онъ испытаніе, подходило уже время возстановленія. Какъ разъ тогда, въ началѣ августа 1878 года, былъ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ. Пра-

вящія сферы охватила паника. Было рѣшено прежде всего «подтянуть печать».

«Русское Обозрѣніе» стояло, конечно, на первой очереди. Внезапно Градовскій получилъ приглашеніе явиться въ столь знакомое ему главное управленіе по дѣламъ печати къ тогдашнему начальнику Григорьеву.

«— Я обязанъ объявить вамъ Высочайшее повелѣніе,—сказалъ тотъ, показывая бумагу.—И онъ прочелъ ее.—Въ ней было написано, что по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ повелѣно газету за крайне вредное направленіе прекратить навсегда.

«— Не угодно ли дать подписку,—сказалъ Григорьевъ:—что вы выслушали повелѣніе и не будете разглашать объ этомъ.

«Заготовленная заранѣе подписка заключалась въ обязательствѣ не печатать и не оглашать повелѣнія о запрещеніи. Градовскій молча исполнилъ все, далъ требуемую подпись.

«— Мнѣ приказано,—сказалъ Григорьевъ,—еще предувѣдомить васъ, что въ случаѣ огласки, нарушенія подписки вы будете немедленно высланы въ Архангельскую губернію.

«При новыхъ временахъ и новыхъ людяхъ, на своемъ юбилеѣ, Градовскій вспомнилъ эту трагическую страницу изъ своей жизни. Тогда только что прошли такъ называемые «дни свободы», и было чудовищно слышать объ этомъ случаѣ, который былъ, однако, фактомъ исторіи.

«Съ точки зрѣнія сегодняшняго реальнаго дня, въ жизни и дѣятельности Градовскаго, пожалуй, былъ элементъ почти донъ-кихотства. Писать Побѣдоносцеву въ надеждѣ получить отъ него раскрѣпощеніе печати,—тому Побѣдоносцеву, который откровенно приравнивалъ печать къ кокоткѣ,—подавать петиціи о пересмотрѣ законовъ о печати, звать правительство въ передовицахъ, лекціяхъ, рѣчахъ къ тому, чтобы оно перестало увлекаться внѣшней политикой и подумало о внутреннемъ обновленіи! И дѣлать это тогда, когда у просящихъ и требующихъ не было рѣшительно никакой почвы подъ ногами, когда самая мысль о возможности не революціи, а простой стачки,—заставила бы расхохотаться и Валуева, и Лорисъ-Меликова, и Игнатьева, и Сипягина! Но не будь этой идеалистической мечты у того времени, не будь Градовскаго и ему подобныхъ,—вся русская жизнь превратилась бы въ сплошное зловонное болото, въ ночь безъ всякаго просвѣта утра. Ужасна жизнь, если она кишитъ только Санхо-Пансами».

Мѣсто не позволяетъ мнѣ ознакомить читателей съ образцами публицистическихъ писаній Градовскаго. Отмѣчу лишь, что, помимо талантливой разработки многочисленныхъ вопросовъ текущаго дня въ передовыхъ статьяхъ и во внутреннихъ обозрѣніяхъ, онъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ особенно много заставилъ о себѣ го-

ворить по поводу своихъ выступленій по вопросу о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ, своими корреспонденціями съ азіатскаго и европейскаго театровъ войны въ періодъ нашей освободительной борьбы съ турками и въ особенности своимъ отчетомъ по извѣстному дѣлу Вѣры Засуличъ, судившейся по дѣлу о покушеніи на жизнь тогдашняго петербургскаго градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова. Въ категоріи первыхъ изъ перечисленныхъ работъ публицистъ «Голоса» держался той отрицательной позиціи, которую заняла газета Краевскаго въ его нападкахъ на то патріотическое славянолюбивое настроеніе, представленное здѣшнимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ и его главнѣйшими дѣятелями. Въ особенности доставалось отъ Гаммы-Градовскаго бѣдному профессору О. Ѳ. Миллеру за его агитаціонныя рѣчи, въ которыхъ русское общество призывалось къ сочувствію возставшей «райѣ» противъ своего турецкаго сюзерена. Въ этихъ призывахъ западническая либеральная фракція нашей печати на этотъ разъ въ полномъ единомысліи съ административными сферами усматривала опасность общеевропейскаго и всероссійскаго военнаго пожара. Градовскій, какъ и другіе публицисты его лагеря, въ данномъ случаѣ не учелъ значенія общественнаго и политическаго момента, что отразилось гибельно на «Голосѣ», сочувствіе къ которому въ русскомъ обществѣ значительно понизилось. Но зато съ началомъ русско-турецкой войны мы видимъ Градовскаго блестящимъ корреспондентомъ, превосходно отражающимъ въ своихъ статьяхъ всѣ перипетіи освободительной войны и съ полнымъ сочувствіемъ и пониманіемъ значенія переживаемаго политическаго періода изъясняющимъ освободительный смыслъ этой войны. Изъ числа его корреспонденцій особенно выдѣлилась статья, написанная послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, подъ заглавіемъ: «Итоги войны», пропитанная всѣми тѣми идеями, которыя всегда просвѣчивали во всѣхъ работахъ Г. К. Градовскаго и которыя въ конечномъ своемъ результатѣ сводились къ требованію внутреннихъ реформъ для нашего отечества въ духѣ освободительныхъ тенденцій эпохи великихъ реформъ. Такъ, подвергши сильной критикѣ существующій строй и нарисовавъ сочною кистью генезисъ нашихъ неудачъ и ошибокъ во время войны, онъ въ заключеніи говоритъ: «Къ чему же мы, наконецъ, пришли въ эти два съ половиною года, послѣ цѣлаго ряда тяжкихъ жертвъ, страданій и героическихъ подвиговъ: лучше ли мы теперь стали? Добились ли мы того счастья, которое, казалось бы, заслужили? Прояснилась ли погода? Исчезли ли тучи съ нашего неба? Отвѣтъ, повидимому, нетруденъ. Мы пришли къ той дорогѣ, съ которой всѣ добрые и лучшіе люди, всѣ вѣрящіе въ будущее родины совѣтуютъ никогда не сворачивать. Этотъ путь—внутреннее наше развитіе, честное и безбоязненное сознаніе своихъ ошибокъ и недостатковъ, искреннее стремленіе къ ихъ устраненію не какими-

нибудь небывалыми, никѣмъ еще ясно не выраженными способами и «новыми словами», а тѣми, которые свойственны всему образованному человѣчеству. Къ этому человѣчеству мы захотѣли принадлежать съ великой эпохи Петра I; эта испытанная дорога никогда не обманывала насъ и впослѣдствіи всякій разъ, когда мы къ ней возвращались послѣ безплодныхъ шатаній изъ стороны въ сторону. Она возвеличила насъ при Екатеринѣ, она сослужила свою службу при Александрѣ Благословенномъ, она не измѣняла намъ и при царѣ-Освободителѣ. Съ нею, дѣйствительно, не страшны намъ ни англичане, ни австрійцы, ни кто другой. На ней мы непремѣнно удержимъ добрыя послѣдствія только что оконченной войны и получимъ твердое ручательство въ довершеніи того, чего эта война не могла намъ дать».

Статья Г. К. Градовскаго «Итоги войны» настолько дышитъ свѣжестью, полна неоспоримыхъ положеній, что она до извѣстной степени еще недавно могла быть разсматриваема (отчасти можетъ быть разсматриваема и понынѣ), какъ статья злободневная. По крайней мѣрѣ, когда Градовскому по случаю его исцѣленія отъ тяжкаго недуга, въ связи съ исполнившимся сорокапятилѣтіемъ его литературной дѣятельности, былъ данъ обѣдъ въ ресторанѣ «Вѣна», и тамъ на обѣдѣ военный писатель В. А. Апушкинъ въ своей рѣчи почти цѣликомъ наизусть процитировалъ эту статью, то всѣ мы, присутствовавшіе, были поражены, такъ сказать, злободневностью того, что слышали изъ устъ оратора. То, что когда-то Г. К. Градовскій говорилъ по поводу русско-турецкой войны, нами всѣми созналось, какъ своевременное заключеніе по поводу неудачъ нашей злосчастной Японской войны.

Въ свое время въ статьяхъ, посвященныхъ обзору русскихъ революціонныхъ движеній, когда шла рѣчь о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, я отмѣтилъ значеніе фельетона Г. К. Градовскаго по поводу ея процесса и привелъ данныя, свидѣтельствующія объ активной его роли въ увозѣ ея на конспиративную квартиру отъ преслѣдованій оправданной подсудимой со стороны властей, желавшихъ ея вторичнаго задержанія. Повторять сказаннаго не буду и тѣмъ болѣе, что сейчасъ объ этомъ неудобно говорить. Не буду касаться и трагической судьбы его газеты «Русское Обозрѣніе»; вскользь объ этомъ упомянуто выше въ выдержкахъ изъ воспоминаній А. Е. Кауфмана, а болѣе подробно объ этомъ повѣдалъ самъ Г. К. Градовскій въ своихъ «Итогахъ» въ главѣ «Исторія «Русскаго Обозрѣнія». Эта написанная имъ исторія можетъ по всей справедливости считаться «блестящей страницей» въ общемъ мартирологѣ русской печати...

Восьмидесятые годы Г. К. Градовскій цѣликомъ отдастъ работѣ въ «Новостяхъ», и именно къ этому времени относятся его слова, приведенныя нами выше, о «мрачномъ прозябаніи» и «общественномъ омертвѣніи». Какъ тяжело въ качествѣ передового публи

циста онъ чувствовалъ себя въ газетѣ Нотовича, сообщаетъ намъ между прочимъ и г. Homo Novus въ «Русскомъ Словѣ» (1915, № 87).

«Градовскій, какъ настоящій публицистъ, писалъ обо всемъ, но это «все», по условіямъ времени, всегда сводилось, съ одной стороны, къ защитѣ «эпохи великихъ реформъ», а съ другой—къ робкому, однако настойчивому указанію на необходимость «увѣнчанія зданія». Всѣ дороги вели въ Римъ. Или проводилась мысль о благодѣтельности суда присяжныхъ или о спасительности общественнаго самоуправленія, или о сложномъ сотрудничествѣ правительства и общества. Иногда для разнообразія—о положеніи женщины. Преимущество Градовскаго и въ то же время его «нецензурность» заключались въ томъ, что онъ, болѣе или менѣе, называлъ вещи своими именами. Онъ не умѣлъ писать аллегорически и туманно. Идетъ, молъ, весна, и выставляется первая рама, и вы уже извольте догадываться, какая такая весна и что за рама. Осеннихъ скрипокъ, весеннихъ флейтъ и зимнихъ контрабасовъ онъ не зналъ. «Игра ума» была чужда его дарованію. Онъ былъ всегда немного элементаренъ, но именно въ этой открытой убѣжденности и заключалась огромная заслуга Градовскаго. Эти элементарныя истины, во-первыхъ, было крайне необходимо распространять и внѣдрять въ общественное сознаніе, а, во-вторыхъ, элементарная простота его политическихъ и общественныхъ домогательствъ составляла главное бремя его заслугъ. Онъ казался страшнымъ, почти карбонаріемъ. Одно время ему было запрещено писать, и онъ писалъ подъ строжайшимъ секретомъ. Потомъ секретъ былъ разоблаченъ, Нотовичъ былъ вызванъ въ главное управленіе по дѣламъ печати (тогда это просто дѣлалось), и В. С. Адикаевскій конфиденціально, а Ѳеоктистовъ вполнѣ официально требовали устраненія «карбонарія». Тогда карбонарій умолкалъ совершенно. Въ одинъ изъ такихъ періодовъ вынужденнаго молчанія я посѣтилъ его,—не помню, по какому дѣлу,—въ его квартирѣ, гдѣ онъ прожилъ очень долгіе годы, на Бассейной. Онъ былъ удивительно трогателенъ въ своихъ тѣсныхъ комнаткахъ, заваленныхъ багетами и книгами, со своимъ необычайно упрямымъ и гордымъ видомъ, со своею настойчивостью почти сектанта и фанатика, когда говорилъ о положеніи печати. Тутъ былъ міръ его—міръ служенія и великаго пострига. И въ чемъ было его сектантство, въ чемъ фанатизмъ? Въ томъ, что «тамъ, гдѣ строятъ дороги желѣзныя, пароходство растетъ каждый часъ», необходимъ судъ присяжныхъ и что городовое положеніе отнюдь нельзя перестраивать назадъ и что въ концѣ концовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ осуществится сотрудничество общества съ правительствомъ. И, зная Градовскаго съ четверть вѣка, если не больше, я не зналъ ни его вкусовъ, ни художественныхъ наклонностей, а зналъ только, что, конечно, судъ присяжныхъ необходимъ, что городовое

положеніе священно и что будущее принадлежитъ земскому самоуправленію. «Да вы напишите это какъ-нибудь обинякамп!—говорилъ ему редакторъ.—Развѣ это такъ трудно? Вотъ, возьмите примѣръ съ Михневича, у него это очень хорошо выходитъ: поѣхалъ на взморье, свѣтило погружало лучи свои въ вздымающіяся волны, а потомъ, въ заключеніе, въ высшей степени либеральная мысль»... Но Градовскій ни за что не унижался до обиняковъ. Уже на положеніи опаснаго «карбонарія», послѣ вынужденнаго долговременнаго молчанія, ему вдругъ улыбнулась судьба: Вольфъ задумалъ издавать газету «Лучъ» и поручилъ редакцію Градовскому. Онъ помолодѣлъ сразу лѣтъ на пятнадцать. Помню, какъ сейчасъ, эту газету, на сѣровато-желтой бумагѣ. Въ первомъ нумерѣ доказывалась необходимость суда присяжныхъ,—предостереженіе; во второмъ подтверждались священныя основы городского самоуправленія,—второе предостереженіе. Тогда, съ отчаяніемъ въ душѣ, Градовскій написалъ о свободѣ печати, какъ фундаментѣ общественнаго прогресса, и, конечно, получилъ третье предостереженіе. Вечеромъ я его встрѣтилъ въ клубѣ. Онъ негодовалъ. Это понятно. Но самое любопытное было то, что онъ наивно не понималъ, какъ все это могло случиться. Въ его упорствѣ было что-то дѣтское, довѣрчиво-простое и душевное, трогательное. Такъ же упорно, наивно, простодушно и довѣрчиво онъ хлопоталъ надъ кассою взаимопомощи. Какъ надъ кассою этою въ самомъ началѣ смѣялись и издѣвались! Но онъ шелъ, какъ всегда, прямо, не оглядываясь по сторонамъ, и ловилъ новыхъ членовъ, и вербовалъ ихъ. Онъ не изобрѣталъ мыслей и не бросалъ крылатыхъ словъ, но былъ фундаментальнымъ воплощеніемъ истинъ, не допускающихъ сомнѣній, истинъ, безспорныхъ, какъ солнце. И съ этою фундаментальностью и вѣрою онъ простоялъ всю жизнь на часахъ, какъ вѣрный солдатъ».

Такимъ же будителемъ русской общественности въ направленіи необходимости завоеванія разныхъ свободъ и въ особенности свободы слова обрисовалъ его въ пламенной рѣчи извѣстный въ свое время и нынѣ замолкшій писатель-публицистъ Д. А. Линевъ-Далинъ на упомянутомъ выше юбилейномъ банкетѣ, особенно обстоятельно отмѣтившій значеніе въ дѣлѣ нашихъ освободительныхъ начинаній «Русскаго Обозрѣнія».

Потерпѣвъ неудачу съ «Лучемъ», разставшись съ «Новостями», въ девятидесятыхъ годахъ мы видимъ Г. К. Градовскаго сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппера, но и здѣсь въ связи съ тогдашними неблагопріятными для печати теченіями онъ не находитъ себѣ удовлетворенія, и единственный кругъ статей, которыя снова обращаютъ на него вниманіе сферъ общественныхъ и правительственныхъ, это статьи о золотой валютѣ, въ тѣ дни осуществляемой у насъ С. Ю. Витте. Г. К. Градовскій умѣлъ

настолько понятно и убѣдительно освѣтить значеніе вводимаго тогда золотого обращенія, что Витте былъ не прочь даже предоставить нашему писателю видный постъ въ своемъ министерствѣ, но таковое назначеніе по неизвѣстной мнѣ причинѣ не состоялось,— кажется, по нежеланію самого Градовскаго промѣнять свободолюбивое перо на стѣснительный казенный вицъ-мундиръ.

Если конецъ восьмидесятыхъ и первая половина девятидесятыхъ годовъ не даютъ особенно богатаго и колоритнаго матеріала для повѣствованія о Г. К. Градовскомъ, какъ о публицистѣ, заявляющемъ себя чѣмъ-нибудь крупнымъ и оригинальнымъ, то именно въ этотъ періодъ времени онъ выдѣляется особенно ярко, какъ практическій дѣятель, воодушевленный стремленіемъ пробудить писательскую самодѣятельность въ направленіи матеріальной взаимопомощи. Онъ вырабатываетъ уставъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, несмотря на чинимыя ему оппозиціею препятствія со стороны вліятельныхъ въ писательской средѣ либеральныхъ и радикальныхъ представителей нашей литературы, однако осуществляетъ и создаетъ изъ этой кассы нѣчто дѣйствительно въ высшей степени полезное и благодѣтельное для членовъ, въ нее вступившихъ. Оппозиція Градовскому при основаніи имъ кассы взаимопомощи писателей можетъ считаться печальной страницей въ нашей писательской средѣ, ибо въ данномъ случаѣ люди, руководясь исключительно личнымъ несочувствіемъ къ Г. К. Градовскому и его политическому profession de foi, проваливали то дѣло, которое содержало въ себѣ благодѣтельное начало для неимущей писательской среды.

Я хорошо помню, какъ въ 1889 году вліятельные вершители судебъ литературнаго фонда, гдѣ сосредоточился тогда цвѣтъ нашего писательскаго либерализма и радикализма, усиленно записывали насъ, только что вступившихъ тогда на тернистый путь писательства, въ члены фонда и давали намъ директиву на его общихъ собраніяхъ вотировать противъ «Гришки» (т.-е. Григорія Градовскаго) и его проекта кассы. Въ результатѣ, однако, благодаря авторитетности К. К. Арсеньева и Н. С. Таганцева, Г. К. Градовскій восторжествовалъ надъ своими противниками, и касса осуществилась. Касса была основана, Градовскій былъ избранъ первымъ ея предсѣдателемъ, и въ скоромъ времени она дала тотъ пышный расцвѣтъ, который вполнѣ оправдалъ возложенныя на нея надежды ея иниціатора. Въ теченіе почти семи лѣтъ Г. К. Градовскій не жалѣлъ своего труда на дѣло упроченія созданнаго имъ учрежденія, и дѣйствительно сумѣлъ его поставить на прочное основаніе. Эти его заслуги передъ кассой были, между прочимъ, отмѣчены и въ томъ адресѣ, который былъ поднесенъ Г. К. Градовскому его товарищами и сподвижниками по кассѣ на его юбилейномъ обѣдѣ, каковой адресъ и приводимъ здѣсь полностью:

«Дорогой и глубокоуважаемый

Григорій Константиновичъ

«Товарищи и сочлены ваши по кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ вдвойнѣ счастливы привѣтствовать сегодня возвращеніе въ Петербургъ основателя кассы и ея перваго предсѣдателя и въ то же время лично принести свои поздравленія съ исполнившимся сорокапятилѣтіемъ вашего талантливаго и беззавѣтнаго общественнаго служенія на боевыхъ постахъ родной печати. Наша касса, за осуществленіе которой вамъ пришлось вести борьбу въ продолженіе ряда лѣтъ, остается и до сихъ поръ въ писательской средѣ единственнымъ учрежденіемъ на началахъ не филантропіи, а взаимопомощи. Быстрый ростъ кассы, насчитывающей уже до восьмисотъ членовъ, при четырехъ филіальныхъ отдѣленіяхъ въ провинціи, доказываетъ наглядно жизненность и плодотворность этихъ началъ. Но многіе изъ насъ живо помнятъ, сколько упорной энергіи, вѣры въ дѣло и систематическаго самоотверженнаго труда потребовалось для того, чтобы воплотить въ жизнь новую идею. Вы, Григорій Константиновичъ, не жалѣли своего труда и съ рѣдкимъ искусствомъ, тактомъ и заботливостью обставили и проводили молодое учрежденіе по этимъ труднымъ и опаснымъ первымъ этапамъ.

«Однако, какъ ни велики для насъ заслуги основателя кассы, въ вашей жизни, посвященной всецѣло страстной и отвѣтственной работѣ прогрессивнаго публициста, онѣ обнимаютъ сравнительно небольшой періодъ. Въ самомъ дѣлѣ, сорокъ пять лѣтъ, едва не полвѣка, борьбы съ перомъ въ рукѣ—вѣдь это почти вся жизнь. Здѣсь не мѣсто для подробнаго обозрѣнія громадной работы публициста, выполненной вами со всею разносторонностью и гибкостью, присущими самой жизни, всегда въ защиту передовыхъ гуманныхъ идей, въ непрестанной борьбѣ за свободу устнаго и печатнаго слова. Но есть нѣчто общее и основное, что красной нитью проходитъ черезъ всю вашу дѣятельность, что составляетъ, такъ сказать, душу ея, проявляющуюся неизмѣнно въ крупномъ и маломъ: это прирожденный вамъ, рѣдкій по цѣльности и яркости выраженія темпераментъ общественнаго дѣятеля и борца; это тотъ рѣдкій даръ, которому присущи и не изсякающее горѣніе мысли, и естественная, никогда не измѣняющаяся чуткость публицистическаго таланта.

«Многіе изъ сочленовъ вашихъ по кассѣ черезчуръ молоды, чтобы помнить теперь уже далекую карьеру Гаммы, блестящаго фельетониста «Голоса», или корреспонденціи съ театра русско-турецкой войны и рядъ яркихъ статей, посвященныхъ войнѣ, и недолгое боевое существованіе вашей собственной газеты «Русское Обозрѣніе», прекращенной по Высочайшему повелѣнію, и пронесшіяся по всей Россіи огневыя строки по поводу оправданія Вѣры Засуличъ, и благородную защиту національныхъ интересовъ всѣхъ сыновъ многоязычной Россіи, и еще многое, что здѣсь невозможно перечислить. Но не всѣ мы молоды,—въ нашей средѣ еще немало и тѣхъ, для кого ваше имя тѣсно связано съ славной эпохой великихъ реформъ и съ смѣнившимъ ее двадцатилѣтіемъ мертвящей реакціи, когда вашимъ страстнымъ и образнымъ перомъ водила горячая вѣра въ побѣду правовыхъ началъ и непримиримая ненависть къ насилію и мраку.

«Григорій Константиновичъ Мы радостно привѣтствуемъ ваше возвращеніе къ прежней любимой дѣятельности, и мы хотимъ надѣяться, что и въ жизни всѣмъ намъ дорогой кассы намъ суждено пережить вмѣ-

стѣ съ вами тотъ расцвѣтъ дѣятельной самопомощи, въ которомъ вы всегда видѣли и проповѣдывали единственный путь матеріальной и нравственной независимости, достойный работниковъ мысли».

(Слѣдуютъ многочисленныя подписи).

Въ девятидесятыхъ годахъ мы видимъ Г. К. Градовскаго сильно агитирующимъ въ писательскихъ кругахъ о подачѣ прошенія на Высочайшее имя относительно пересмотра законовъ о печати. Такое прошеніе было дѣйствительно составлено Н. К. Михайловскимъ, а объяснительную къ нему записку написалъ Г. К. Градовскій. Прошеніе съ запиской были, несмотря на всѣ создавшіяся по пути подачи затрудненія, переданы по назначенію, но благопріятнаго отвѣта на него не послѣдовало, и прошеніе было «оставлено безъ всякаго уваженія». Нашъ пылкій публицистъ не ограничился этой агитаціей и въ 1896 году по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія государственной и научно-публицистической дѣятельности К. П. Побѣдоносцева адресовалъ ему письмо относительно необходимости облегченія тогдашнихъ условій печати, гдѣ, между прочимъ, говорилъ:

«Константинъ Петровичъ, ознаменуйте юбилейный годъ свой великой услугой Россіи, услугой той самой печати, къ которой вы такъ отрицательно относитесь, но съ которой вы все же связаны своими публицистическими трудами. Отъ васъ зависитъ сказать свое авторитетное слово государю и облегчить поистинѣ тягостное и вредное для государства положеніе печати. Не государю, не Россіи можетъ быть опасно печатное слово, подчиненное закону и праведному суду. На васъ общественный говоръ возлагаетъ отвѣтственность за неудачный исходъ принятаго государемъ ходатайства русскихъ писателей. Вамъ, ученому и писателю, приписываются въ обществѣ всѣ невзгоды, постигающія русскую печать. Достойно ли это васъ? «Любые уличные проходимцы» умѣли прилаживаться и сумѣютъ приспособиться къ самымъ унизительнымъ условіямъ печатнаго слова, но мы, писатели, задыхаемся... Христа ради, простите, «аще злѣ глаголахъ»; но если въ моихъ доводахъ заключается хотя крупица добра, то извлеките ее и не пренебрегите ею».

Конечно, это письмо, какъ и упомянутое выше прошеніе писателей, осталось безъ всякаго отвѣта, и только девять лѣтъ спустя свобода, возвѣщенная актомъ 17-го октября 1905 года, хоть до нѣкоторой степени приблизила насъ въ принципѣ къ тѣмъ идеаламъ, которые всю жизнь лелѣялъ Градовскій и въ идейномъ осуществленіи которыхъ была нѣкоторая доля и его труда. Эту долю труда картинно обрисовываетъ г. Homo Novus все въ той же статьѣ изъ «Русскаго Слова», когда вспоминаетъ данный Г. К. Градовскому юбилейный обѣдъ по случаю его выздоровленія. Публицистъ московской газеты Сытина говоритъ:

«Онъ пріѣхалъ выздоровѣвшій въ Петроградъ, и тогда былъ отпразднованъ его юбилей. Собралось много представителей печати и литературы, однако меньше того, что можно было ожидать. Звучали въ то время не только весеннія флейты, но и весенніе, можно сказать, тромбоны. То, что ежедневно самымъ невозбраннымъ образомъ печаталось въ газетахъ, было такъ стремительно и ярко, что статьи бывшаго «карбонарія», о которыхъ вспоминали, казались произведеніями идиллической публицистики, отрывками изъ сантиментальнаго Карамзина и добросердечнаго Жуковскаго. Градовскій сидѣлъ, растроганный и взволнованный, на почетномъ мѣстѣ, и большіе навыкатѣ глаза его были такіе же наивные и дѣтски-простодушные, какъ и встарь. Для многихъ, для всего молодого литературнаго поколѣнія Градовскій былъ даже незнакомъ. Слышать—слышали, а вѣдать — не вѣдали. И вообще, все такъ измѣнилось! Кто онъ, этотъ Градовскій? Эсъ-декъ или эсъ-эръ, или трудовикъ, или, можетъ быть, кадетъ? Несмотря на воскуриваніе юбилейныхъ ѳиміамовъ, чувствовалась глубокая отчужденность между этими новыми людьми, которыхъ родила революціонная буря, и высокимъ старцемъ съ упрямою челюстью неуклоннаго борца. Но старецъ этого не понималъ. Горѣли глаза его, и неизъяснимое чувство гордости читалось въ его чертахъ. Онъ сказалъ въ отвѣтъ очень мало, и я даже не помню, что именно. Но долженъ былъ онъ сказать современности, которая такъ скоро все забываетъ, ничему толкомъ не научившись, что онъ, не кто другой, былъ тотъ Градовскій, что въ темную доисторическую ночь, преодолѣвая неслыханныя затрудненія, пробиваясь сквозь нетронутую чащу, шелъ долго, мучительно долго за похитителями огня и настигъ ихъ и, отобравъ у нихъ глиняную невзрачную клѣтку съ маленькимъ язычкомъ пламени, благополучно принесъ ее домой, сдавъ на руки новымъ поколѣніямъ...»

Въ этихъ словахъ очень мѣтко обрисовано положеніе дѣлъ. Я, который организовалъ по порученію правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ торжественную встрѣчу «воскресшаго изъ мертвыхъ» Г. К. Градовскаго, прекрасно помню во всѣхъ деталяхъ психологическую, такъ сказать, атмосферу этой встрѣчи и видѣлъ воочію, какъ коротка память у русскаго людей. «Градовскій — въ чемъ его заслуги?» «Градовскій — развѣ онъ еще живъ?» «Гдѣ и что онъ писалъ?» И тутъ же путали имя извѣстнаго въ свое время профессора А. Д. Градовскаго съ именемъ публициста Г. К. Градовскаго. Но когда эти не вѣдающіе преемства поколѣній услыхали изъ рѣчей ораторовъ, кто такой Градовскій былъ въ печати и какова была его роль въ писательской средѣ, они тутъ же на обѣдѣ преисполнились сознаніемъ и признаніемъ заслугъ Г. К. въ области буженія русскаго общества въ мрачные періоды его застоя и прозябанія.

Основатель кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, иниціаторъ писемъ на высочайшее имя и К. П. Побѣдоносцеву, Градовскій незадолго до своего тяжкаго заболѣванія усиленно носился съ мыслію о литературной артельной газетѣ, въ которой писатели были бы на равныхъ правахъ пайщиками, вкладчиками трудомъ и не находились бы въ зависимости отъ капризовъ и велѣній того или иного издателя-антрепренера. По этому вопросу Градовскій велъ настоятельные переговоры съ разными писателями, въ которыхъ и пишущему настоящія строки пришлось принять дѣятельное участіе. Составленъ былъ опредѣленный редакціонный кругъ, гдѣ оффиціальнымъ редакторомъ de jure намѣченъ былъ маститый П. Д. Боборыкинъ, а сотрудниками наиболѣе отвѣтственными должны были явиться М. Л. Песковскій, Р. И. Сементковскій, И. Ф. Василевскій (Буква), Д. А. Линевъ-Далинъ и мн. др. На меня была возложена хозяйственная и административная часть изданія, и я же былъ командированъ въ Москву для переговоровъ съ опредѣленнымъ кругомъ капиталистовъ относительно финансированія предпріятія, согласно адресамъ и указаніямъ, даннымъ М. Л. Песковскимъ. Но мои переговоры въ Москвѣ не привели къ желательнымъ результатамъ, да, въ сущности, въ нихъ уже не встрѣтилось надобности, такъ какъ именно къ этому времени Г. К. Градовскаго постигла тяжкая болѣзнь, почти на десять лѣтъ выведшая его изъ писательскаго строя. Вообще, я думаю, если бы даже не разразилась надъ собравшимся кружкомъ катастрофа въ видѣ болѣзни Градовскаго, все равно этому дѣлу не суждено было бы стать прочнымъ. «Неистовый Григорій» не удержался бы въ своей оппозиціонной необузданности, и преждевременная гибель новаго органа «украсила» бы еще однимъ номеромъ историческій синодикъ нашей печати.

Замышляя свою газету, Г. К. Градовскій одновременно съ симъ совершенно неожиданно для многихъ знавшихъ его вдругъ выступилъ въ амплуа драматурга и ему удалось даже провести на сценѣ Малаго театра свою пьесу «Во имя любви», пьесу не столько выдающуюся своей сценичностью и сюжетомъ, сколько соприкасающуюся съ тѣмъ кругомъ передовыхъ идей, коимъ онъ всегда служилъ. Постановка пьесы на сценѣ, очевидно, была тою каплею, которая переполнила клокотавшую въ немъ и до того нервность. Организмъ его сразу сдалъ, и тяжкое психическое заболѣваніе придавило его долу. Доктора мало подавали надежды на возможность выздоровленія, и до насъ, знавшихъ и любившихъ его, въ теченіе многихъ лѣтъ доходили изъ Кіева неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи здоровья нашего милаго больного. Но тѣмъ не менѣе какая-то смутная надежда на то, что Градовскій такъ или иначе не совсѣмъ для насъ утерянъ, у многихъ сохранялась, и тутъ мнѣ приходится разсказать почти что анекдотъ, случившійся со мною. Когда исполнилось

пятнадцатилѣтіе кассы взаимопомощи писателей, гдѣ я въ то время секретарствовалъ, мнѣ пришлось выступить на юбилейномъ общемъ собраніи съ рѣчью въ честь Г. К. Градовскаго и здѣсь я коснулся его біографіи и обрисовалъ его значеніе въ исторіи нашей повседневной печати. Моя рѣчь была отмѣчена въ газетахъ, которыя главнымъ образомъ привели біографическія данныя, сообщенныя мною. Каково же было мое удивленіе, когда, нѣсколько времени спустя, С. Н. Шубинскій передалъ мнѣ мелко исписанный карандашомъ листокъ бумаги, гдѣ почеркомъ Градовскаго было написано: «Поправки къ моему некрологу, прочитанному г. Глинскимъ на общемъ собраніи кассы». Это обстоятельство показало, что Г. К. Градовскій не совсѣмъ-то безнадеженъ и продолжаетъ внимательно слѣдить за явленіями нашей общественной жизни, что даетъ надежду на благопріятный выходъ его изъ тяжкаго положенія. И дѣйствительно, бурный 1905 годъ, всколыхнувшій всю отечественную дѣйствительность, произвелъ, видимо, опредѣленное и при томъ благопріятное сотрясеніе въ психикѣ и физическомъ организмѣ Григорія Константиновича. Туманъ, окутывавшій періодически его мозгъ, спалъ, духъ изъ состоянія подавленности воспрялъ, и вскорѣ мы на берегахъ Невы увидали среди насъ воистину воскресшаго «стараго либерала». Какъ боевой конь, заслышавшій призывной трубный гласъ, Григорій Константиновичъ ринулся въ водоворотъ нашей общественности и вновь обрисовался передъ нами тѣмъ страстнымъ и кипучимъ борцомъ за писательскую самодѣятельность, каковымъ мы знали его десять лѣтъ назадъ. Онъ точно наверстываетъ утерянное въ бездѣйствіи время и, какъ нѣкогда прежде, широко развертываетъ свои организаторскія способности, явившись иниціаторомъ двухъ послѣдовательныхъ писательскихъ съѣздовъ, изъ коихъ особенно второй ему пришлось цѣликомъ вынести на своихъ плечахъ и мужественно отразить ту партійную рознь, которая, увы! всегда сопутствуетъ нашимъ писательскимъ начинаніямъ и губитъ ихъ.

Напряженная дѣятельность въ періодъ по возвращеніи изъ Кіева отразилась, однако, вредно на здоровьи Г. К. Градовскаго и въ связи съ нѣкоторыми неблагопріятными обстоятельствами личной жизни снова принудила его выбыть изъ нашихъ рядовъ и стать въ разрядъ инвалидовъ. Послѣдніе два года были невеселыми страницами его жизни, тяжкими для него лично, а еще болѣе для окружающихъ. Смерть разрѣшила его страданія, и вѣчный покой на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища возлѣ могилъ Скабичевскаго, Анненскаго, Якубовича-Мельшина заключилъ собою его многотрудную жизнь.

Б. Глинскій.

МЦЕНСКЪ.

I.

Видъ города.

ОѢЗДЪ вынырнулъ изъ выемки и пробѣжалъ по мосту черезъ рѣку Зушу. Налѣво, впереди, виденъ красивый городокъ, утопающій въ садахъ, и среди зелени рѣзко бѣлѣютъ его одиннадцать храмовъ. Направо виденъ повышенный берегъ рѣки—онъ весь зеленый, съ своими церковками и уютными дачками, слегка окутанный дымкомъ, далеко уходитъ на западъ. У семафора рѣзкій свистокъ быстро мчавшагося дотолѣ паровоза. Налѣво у желѣзнодорожнаго полотна—большое зданіе элеватора, построенное въ памятный голодный (1891) годъ на средства комитета Наслѣдника, а за элеваторомъ—товарный пакгаузъ и пассажирская платформа приличнаго двухъэтажнаго каменнаго вокзала. Мценскъ...

Поѣздъ бѣжитъ далѣе. Съ высокой желѣзнодорожной насыпи отлично виденъ весь городъ. Внизу глубокій оврагъ, по которому когда-то протекала рѣчка Мцена, а надъ нимъ поднимается высокая крутая каменистая гора, па которой возвышается величественный Никольскій соборъ. Подъ своды этого собора идутъ и идутъ сотни, а, можетъ быть, и тысячи паломниковъ. Направо, среди

густой зелени, виднѣется небольшой Богоявленскій храмъ, также дорогой сердцамъ правовѣрныхъ мецнянъ.

Я посѣтилъ Мценскъ.

II.

Лѣтопись города.—Вятичи.—Священномученикъ Кукша.—Захватъ Мценска литовцами.—Окончательное принятіе мецнянами христіанства.—Нападенія на городъ татаръ.—Моровая язва въ городѣ и пожаръ города.—Мценскъ—уѣздный городъ.

Восемь вѣковъ канули въ лету съ тѣхъ поръ, какъ вятичи основали на берегахъ Зуши и Мецны нашъ городокъ. Дикіе, грубые, воинственные потомки Вятко долго и упорно отстаивали свою самостоятельность отъ напора кіевскихъ князей. Святославу первому изъ русскихъ князей удалось покорить вятичей и принудить ихъ платить дань, хотя, правда, ненадолго; пользуясь походомъ Святослава въ Болгарію, малолѣтствомъ его наслѣдника, а потомъ междоусобіемъ его сыновей, они перестали платить дань въ Кіевъ. Въ 981 году вятичи вновь были побѣждены Св. Владиміромъ и были обложены имъ такою же данью, какую ранѣе они платили Святославу. На берегахъ Днѣпра и Волхова уже ярко сіялъ христіанскій крестъ и раздавалось кроткое Слово Учителя міра, а здѣсь, на берегахъ Оки, вятичи упорно коснѣли въ язычествѣ. «Они жили въ лѣсу, какъ звѣри,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сжигали трупъ и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили на столбѣ, на распутіи». Вятичи, по словамъ лѣтописца, «не зная закона Божія, сами творили себѣ законъ». Наконецъ и среди этихъ дикарей послышалась громкая проповѣдь ученія Христа. Апостоломъ великаго ученія среди нихъ явился инокъ, «черноризецъ» Кіево-Печерскаго монастыря, священномученикъ Кукша. Св. Кукша, по предположеніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, по происхожденію и самъ былъ вятичъ, на что указываетъ, между прочимъ, и его языческое имя, сохраненное имъ и въ христіанствѣ. На свою апостольскую дѣятельность онъ выступилъ въ концѣ XI или въ самомъ началѣ XII вѣка, получивъ на это благословеніе отъ черниговскаго архипастыря Ѳеоктиста. О проповѣднической дѣятельности св. Кукши въ землѣ вятичей имѣется свидѣтельство св. Симона, епископа владимирскаго и суздальскаго, въ посланіи къ печерскому черноризцу Поликарпу. Печерскій Патерикъ передаетъ это сказаніе св. Симона такъ: «блаженный священномученикъ, нарицаемый Кукша, одинъ отъ отецъ Печерскаго монастыря, всѣмъ знаемъ бѣ, зане вятчанъ, людей невѣрствіемъ помраченныхъ, крести

и многихъ вѣрою просвѣти. Многа же и велика чудеса сотвори, бѣсы прогна, дождь съ небесе сведе, озеро изсуши, и ина различна удивительна знаменія послѣдоваша ему. Та же по многихъ мукахъ отъ невѣрныхъ усѣченъ бысть съ ученикомъ своимъ». Да, вятичи въ благодарность за проповѣдь имъ слова истины звѣрски умертвили своего апостола и его ученика Никона. Это произошло 27-го августа 1113 года, въ пятнадцати верстахъ отъ Мценска, главнаго мѣста его апостольской дѣятельности.

Указаніе епископа Симона о крещеніи св. Кукшей вятичей не приходится понимать въ томъ смыслѣ, чтобы при св. Кукшѣ всѣ вятичи приняли христіанство. Думать такъ не позволяютъ, съ одной стороны, мученическая кончина св. Кукши отъ рукъ вятичей,

Мценскъ. Общій видъ города. Николаевскій соборъ (налѣво); городская дума.

а съ другой—данныя о существованіи язычества въ этомъ краѣ до XV вѣка. По всей вѣроятности, онъ положилъ здѣсь прочное основаніе христіанству крещеніемъ многихъ, быть можетъ, вліятельнѣйшихъ жителей этой страны, каковы жители городовъ и наиболѣе извѣстныхъ селеній. При св. Кукшѣ въ землѣ вятичей построены были и первые христіанскіе храмы.

Впервые Мценскъ (Меченескъ, Мценескъ) въ лѣтописи упоминается въ 1147 году, когда онъ входилъ въ составъ Черниговскаго княжества. Но, съ ослабленіемъ послѣдняго, Мценскъ былъ захваченъ въ 1320 году княземъ Гедиминомъ литовскимъ и, какъ окраинный городъ между владѣніями Литвы, татаръ и Московскаго государства, видѣлъ подъ своими стѣнами не мало битвъ.

Въ началѣ XV вѣка мецняне окончательно приняли христіанство. «Въ лѣто 6923 (т.-е. въ 1415 г.) правящу скипетры великаго

княжества Василія Димитріевича и брата его Андрея Димитріевича, въ предѣлахъ и градѣхъ и во всѣхъ весѣхъ невѣрующихъ просвѣщаху во Христову вѣру. Во градѣ Мценскѣ мнози бѣша невѣрующи во Христа Бога Нашего. Тогда послани быша отъ князей великихъ вои со многимъ воинствомъ и отъ митрополита Фотія пресвитеръ. Живущіи мецняне устрашишися и ратоваша на нихъ, и одержимы бяху слѣпотой. Они же прихождаху, и увѣщеваху и (ихъ) къ святому крещенію. Десятыя недѣли по Пасцѣ, въ пятокъ, пріемъ святое крещеніе Мецняне—Ходаны, Юшинки и Зикіи, и прозрѣша; и обрѣтоша крестъ Господень, яко камень изсѣченъ, и образъ святителя Николая, яко воинъ въ руцѣ имущь ковчегъ, въ немъ же залогъ тѣла и крови Господня. Во градѣ вѣроваху, всякихъ недугъ свобождавшеся; окрестъ страны живущіи прихождаху, всякія болѣзни свобождахуся; и создаша церковь десятыя недѣли пятка». Пресвитеръ, крестившій мецнянъ, былъ Іоаннъ.

Въ 1423 году подъ Мценскомъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ награбленными имъ въ московскомъ государствѣ богатствами ханъ Барошъ, а черезъ семь лѣтъ послѣ этого Мценскъ былъ въ теченіе недѣли безуспѣшно осаждаемъ ордынскимъ ханомъ Айдаромъ. Въ 1480 году вся Мценская область была опустошена ханомъ Ахматомъ, несмотря на то, что Казимиръ литовскій былъ его союзникомъ. Въ 1492 году, во время войны великаго князя Ивана III съ Казимиромъ, Мценскъ былъ взятъ и сожженъ московскимъ воеводой княземъ Ѳедоромъ Оболенскимъ, въ отмщеніе за то, что мецняне постоянно нападали на московскія области. Черезъ два года послѣ этого, во время войны Ивана III съ княземъ Александромъ литовскимъ, Мценскъ снова былъ взятъ русскими, подъ начальствомъ воеводы Якова Захарьевича Кошкина и уже съ тѣхъ поръ, очевидно, навсегда остался во власти московскихъ государей. Въ 1505 году онъ былъ завѣщанъ Иваномъ III старшему сыну Василію. Въ смутное время Мценскъ переходилъ то на сторону самозванцевъ, то на сторону московскаго правительства. Въ 1618 году крымскіе татары разграбили и опустошили окрестности Мценска, но самый городъ взять имъ не удалось.

Въ 1654 году Мценскъ постигло великое бѣдствіе—половину его населенія истребила моровая язва, а почти черезъ сто лѣтъ послѣ этого и другая бѣда стряслась надъ городомъ: въ 1748 году Мценскъ изрядно выгорѣлъ, а именно: въ немъ сгорѣло 205 дворовъ, причемъ воеводская канцелярія объявила, что этотъ страшный пожаръ былъ дѣломъ злодѣевъ: «подлѣ воеводской квартиры зажигали разные дворы, только тушили, а при третьемъ поджогѣ найденъ въ соломѣ съ пухомъ и въ хлопьяхъ зажженный трутъ, отчего жители перепугались и съ пожитками вывезлись на поля и на берега рѣки».

Въ 1778 году Мценскъ былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Ор-

ловской губерніи и въ 1787 году, при проѣздѣ императрицы Екатерины II, имѣлъ уже тысячу домовъ, десять церквей и три тысячи жителей.

Императрица Екатерина II, возвращаясь въ Петербургъ изъ «южныхъ предѣловъ Россіи», прибыла въ Мценскъ въ шесть часовъ вечера 18-го іюня 1787 года и имѣла здѣсь ночлегъ. Для этого пребыванія былъ выстроенъ спеціально домъ, существующій и въ настоящее время и давшій пріютъ присутственнымъ мѣстамъ. Онъ двухъэтажный, довольно большой и находится въ центрѣ города, на Бѣлевской улицѣ, противъ городского сада. На его фронтонѣ имѣлись изображеніе государственнаго герба и надпись о годѣ его постройки, но, къ сожалѣнію, лѣтъ двадцать тому назадъ безжа-

Мценскъ. Общій видъ города съ Соборной горы.

лостные маляры закрасили и заштукатурили то и другое. Интересна маленькая подробность: на другой день по выѣздѣ государыни изъ Мценска въ комнатѣ, которая служила спальней государыни, обрушился потолокъ. Это, разумѣется, произвело большую тревогу и переполохъ. Немедленно дали знать въ «губернію», откуда и были командированы чиновники для изслѣдованія причинъ катастрофы. Однако выяснить ихъ губернскимъ слѣдователямъ не удалось, по крайней мѣрѣ съ достовѣрной ясностью... Тѣмъ дѣло это и кончилось.

Извѣстно, что во время этого обставленнаго безумной, чисто-восточной роскошью путешествія императрицы, этого, по выраженію профессора Трачевскаго, «чудовищнаго пикника», угодливые сановники украшали путь «Сѣверной Семирамиды» всевозможными декораціями. Такъ было и здѣсь. Когда государыня подъ-

ѣзжала къ каменнымъ воротамъ, которыя незадолго передъ тѣмъ были выстроены, на оврагѣ открылась роскошная барка, въ которой находились гребцы, съ веслами въ рукахъ, всѣ въ одинаковой одеждѣ, въ красныхъ рубахахъ и шапкахъ. Лишь только показалась карета государыни, гребцы съ громкимъ крикомъ «ура» принялись грести веслами по песку, какъ по водѣ. Карета ѣхала шагомъ, а государыня, приподнявшись съ своего мѣста, бросила гребцамъ кошелекъ съ золотомъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ Мценскѣ останавливались императоръ Александръ II и наслѣдникъ великій князь Николай Александровичъ. Оба дома, въ которыхъ имѣли пребываніе августѣйшіе путешественники, находятся на Старо-Московской улицѣ; въ настоящее время въ одномъ изъ нихъ помѣщается аптека, а въ другомъ—бакалейный магазинъ.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ въ Мценскѣ числилось болѣе тринадцати тысячъ жителей, а по переписи 1897 года въ немъ оказалось всего 9.355 жителей.

III.

Николаевскій соборъ.—Чудотворный образъ св. Николая и животворящій крестъ.—Часовня-пещера.—Богоявленскій храмъ.—Мощи священномученика Кукши.—Крестовоздвиженскій храмъ.

Главную святыню города составляетъ чудотворный образъ святителя Николая, находящійся въ Николаевскомъ соборѣ. Соборъ живописно расположенъ на высокомъ и крутомъ холму, на лѣвомъ берегу рѣки Зуши. На этомъ холмѣ около половины XVII в. былъ построенъ, вблизи деревянной Пятницкой церкви, каменный соборъ, куда и были перенесены изъ послѣдней чудотворный образъ и животворящій крестъ. Этотъ соборъ стоялъ параллельно нынѣшнему собору, воздвигнутому лишь въ 1810 году. Онъ занялъ мѣсто между старымъ соборомъ и Пятницкой церковью, которая своею мѣстностью вошла также подъ своды новаго собора. Когда старый соборъ былъ разобранъ, то новый соборъ былъ расширенъ придѣлами—съ южной стороны во имя Печерской Божіей Матери, а съ сѣверной—во имя первомученика Стефана, а затѣмъ была возобновлена трапезная (теплая) церковь съ придѣлами—южнымъ во имя св. Аѳанасія Александрійскаго и сѣвернымъ—во имя мученицы Параскевы. Внутри соборъ отлично расписанъ художниками Богдановыми.

Чудотворный образъ св. Николая помѣщается на правой сторонѣ главнаго иконостаса подъ балдахиномъ. Образъ изсѣченъ изъ дерева. Святитель изображенъ во весь ростъ. Изъ сребро-позлащенной ризы глядитъ темный ликъ святителя. Черныя кисти обѣихъ рукъ обнажены. Въ правой рукѣ святитель держитъ обна-

женный мечъ, а въ лѣвой—ковчегъ въ видѣ храма. Вѣнецъ надъ головою святителя украшенъ драгоцѣнными камнями. Передъ образомъ теплятся нѣсколько неугасаемыхъ лампадъ. Глубокую вѣру питаетъ народъ къ этому образу. Лѣтомъ, особенно весною, передъ 9-мъ мая, сотни тысячъ богомольцевъ, съ котомками за плечами, тянутся по московскому шоссе въ Мценскъ, или, какъ его называетъ простонародье,—«Амченскъ».

На лѣвой сторонѣ главнаго иконостаса подъ сѣнью помѣщается изсѣченный изъ камня животворящій крестъ, украшенный серебряной ризой.

По преданію, чудотворный образъ явился въ 1415 году на берегу Зуши на камнѣ, изъ котораго потомъ былъ изсѣченъ только

Мценскъ. Зарѣчная часть города (Балчугъ).

что описанный крестъ. «И обрѣтоша крестъ Господень, яко камень изсѣченъ, и образъ святителя Николая, яко воинъ, въ руцѣ имущь ковчегъ, въ немъ же залогъ тѣла и крови Господня».

Соборъ снаружи очень великъ, каковымъ онъ представлялся бы и внутри, если бы не имѣлъ двухъ придѣловъ въ трапезной церкви, а былъ бы храмомъ лишь съ двумя придѣлами.

На южной сторонѣ холма, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ собора, возвышается величественная колокольня, оконченная постройкой въ 1875 году. Подъ колокольней устроены широкія святыя врата.

Съ соборнаго храма открывается великолѣпный видъ. По правому берегу Зуши раскинулась главная часть города. Храмы, дома, домишки утопають въ зелени садовъ. На окраинѣ города у большой Бѣлевской дороги высится большое, неуклюжее камен-

ное зданіе тюрьмы. Два рыбака на утлыхъ челнокахъ маячатъ на рѣкѣ. Вдоль восточнаго подножья холма протянулись два ряда рельсовъ Московско-Курской желѣзной дороги. Видны станціонныя постройки. На югъ, параллельно желѣзнодорожному полотну, въ гору тянется бѣлая лента шоссе.

Отъ собора, кромѣ обыкновенной дороги, идутъ два спуска: одинъ къ желѣзнодорожному полотну, а другой—на улицу, поднимающуюся къ собору. Особенно хорошъ послѣдній спускъ: широкія каменныя ступени съ нѣсколькими площадками красиво затѣнены развѣсистыми вѣтвями, липами, кленами, березами.

У подножья холма, на самомъ берегу Зуши, устроена часовня. Я подъѣзжалъ къ ней съ южной стороны и о существованіи ея здѣсь узналъ лишь потому, что передо мною вдругъ выросъ почтенный сѣдовласый сторожъ. Часовня-пещера на половину находится въ нѣдрахъ каменнаго холма. Нѣсколько ступеней ведутъ въ нее. Часовня небольшая, дощатый полъ въ ней при хожденіи слегка дрожитъ; потолокъ сводчатый, съ рельсами. Стѣны украшены иконами, передъ каждой изъ которыхъ теплится лампада. Посрединѣ стоитъ большой металлическій сосудъ, увѣнчанный крестомъ, въ него проведена вода изъ источника, вытекающаго изъ глубины холма. Сторожъ, предварительно сполоснувъ стаканъ, налилъ въ него воды изъ сосуда: вода была чистая, холодная, вкусная. Часовня довольно темная, ее освѣщаютъ лишь свѣтъ, падающій изъ входной двери и мерцающіе огоньки лампадъ. По преданію, именно на этомъ мѣстѣ, гдѣ находится часовня, и явился въ 1415 году чудотворный образъ св. Николая на томъ камнѣ, изъ котораго былъ потомъ изсѣченъ животворящій крестъ. Въ былое время это мѣсто называлось «тайникомъ», потому что къ нему велъ изъ города тайный, подземный ходъ, куда и была проведена вода изъ Зуши. Во время осады города непріятелемъ этотъ тайникъ снабжалъ жителей водой, почему онъ тщательно и оберегался: надъ нимъ была устроена деревянная башня изъ толстыхъ бревенъ, а кромѣ того, онъ былъ защищенъ городскими башнями со стороны Зуши. Къ концу XVII вѣка эти башни сгнили и развалились, а подземный ходъ къ «тайнику» совершенно засыпался. Лишь въ 1824 году «тайникъ» былъ случайно открытъ и была устроена здѣсь часовня. Правовѣрные паломники считаютъ своимъ долгомъ посѣтить эту часовню и испить въ ней воды.

На окраинѣ города, на валу, высоко поднявшемся надъ желѣзнодорожнымъ полотномъ (съ правой стороны отъ Москвы), на старомъ кладбищѣ, среди зелени стоитъ каменная церковка въ честь Богоявленія Господня. Эта церковка древнѣйшая въ городѣ. Будучи долгое время безприходной, она постепенно приходила въ упадокъ и имѣла жалкій видъ; колокольня ея настолько наклонилась, что грозила паденіемъ. Но вотъ въ 1875 году при

храмѣ было учреждено братство во имя священномученика Кукши, «просвѣтителя страны нашей». Братство прежде всего возобновило старый храмъ, а затѣмъ пристроило къ нему трапезную церковь съ придѣлами: лѣвымъ во имя св. Кукши и правымъ во имя преподобныхъ Петра и Онуфрія. Храмъ очень не великъ и теменъ. Его святыню составляетъ частица мощей св. Кукши. По правую сторону царскихъ вратъ предъ иконостасомъ придѣла во имя этого святого поставлена рака изъ кипарисоваго дерева. На ракѣ положена икона священномученика, на которой онъ изображенъ почившимъ, въ полномъ облаченіи; въ срединѣ поручи, въ правой рукѣ вложенъ ковчежецъ съ мощами, закрытый слюдой. Мощи священномученика, какъ извѣстно, почиваютъ въ Антоніевыхъ пещерахъ Кіево-Печерской лавры и часть ихъ, помѣщенная на иконѣ, была торжественно внесена въ нашъ городъ 26-го августа 1895 года, наканунѣ дня памяти святого. Около раки помѣщается сосудъ съ святой водой.

Мценскъ. Николаевскій соборъ.

На Никитской улицѣ стоитъ Крестовоздвиженскій храмъ, въ которомъ находилось тѣло императора Александра I при перевезеніи его изъ Таганрога въ Петербургъ. Въ храмѣ имѣется памятная доска: «1826 г. Генваря 23-го дня. Храмъ сей ознаменованъ внесеніемъ въ оный тѣла блаженныя памяти государя императора Александра I, при случаѣ препровожденія онаго въ Санктъ-Петербургъ изъ города Таганрога, гдѣ августѣйшій монархъ скончался. Встрѣчалъ процессію преосвященный Гавріилъ, епископъ орловскій и сѣвскій, съ соборомъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ, іереевъ, съ хоромъ пѣвчихъ своихъ и про-

чимъ церковнымъ причтомъ. 24-го числа гробъ августѣйшаго праха, поставленный на возвышенномъ мѣстѣ подъ балдахиномъ, во всю ночь озаренъ былъ множествомъ свѣчъ. Іереи надъ нимъ читали св. Евангеліе, а народъ непрерывно лобызалъ оный съ подобающимъ поклоненіемъ. На утріе, т.-е. сего 24-го числа литургія пѣта архіерейскимъ служеніемъ и панихида, каковая совершена была предъ симъ уже дважды. Предположеніе, чтобы сего дня съ тѣломъ предпринять дальнѣйшее путешествіе, отмѣнено за холодомъ. И потому порфироносецъ усопшій еще пребывалъ въ семъ храмѣ. 25-го числа пѣта литургія архіерейскимъ служеніемъ, панихида; и послѣдовало поднятіе тѣла ко препровожденію онаго за границу епархіи Орла». Въ память этого событія Высочайшимъ дворомъ было подарено храму паникадило, которое и донынѣ виситъ въ трапезной церкви.

VI.

Былое торговое значеніе Мценска.—Современный Мценскъ.

Было время, когда Мценскъ имѣлъ пристань, у которой сотня барокъ грузилась хлѣбомъ, пенькой, конопляными сѣменемъ и проч. Судоходная Зуша весь этотъ грузъ передавала Окѣ, отъ впаденія въ которую она отъ города находился всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ. И торговая жизнь въ городѣ относительно кипѣла, а поэтому и имя его попадало въ учебники географіи. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка черезъ городъ прошла Московско-Курская желѣзная дорога, которая, конечно, и притянула къ себѣ значительную часть груза, притекавшаго въ городъ. Но все-таки десятки барокъ продолжали сплавляться отъ Мценска до Бѣлева, стоявшаго пока въ сторонѣ отъ желѣзнаго пути. Когда же въ 1899 году черезъ Бѣлевъ пробѣжалъ первый поѣздъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги, мценская барка утратила свое послѣднее значеніе и... сгинула... А въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Мценская пристань грузила до четырехъ милліоновъ пудовъ груза. Въ настоящее время станція Мценскъ грузитъ до полутора милліона пудовъ хлѣба и много пудовъ яблокъ. Послѣднее крупное коммерческое предпріятіе—маслобойный заводъ наслѣдниковъ М. П. Уланова—недавно прекратило свою дѣятельность.

Желѣзнодорожный вокзалъ находится въ зарѣчной части города, носящей названіе Балчуга. Отъ вокзала идетъ Сергіевская улица, пересѣкаемая Ново-Московской улицей. Послѣдняя идетъ подъ гору, а затѣмъ по мосту черезъ рѣку Зушу. За мостомъ, направо, расположенъ небольшой, уютный городской садъ. Параллельно Ново-Московской идетъ лучшая улица—Воскресенская

или Старо-Московская. На ней находятся лучшіе магазины, изъ коихъ мануфактурный, галантерейный и писчебумажный магазинъ Половнева прямо хорошъ и этотъ «Мюръ и Мерилизъ» не былъ бы плохимъ и въ губернскомъ городѣ. У Половнева можно пріобрѣсти «открытки» съ видами Мценска. На Ново-Московской улицѣ также имѣются магазины.

Красивыхъ зданій городъ не имѣетъ. Пожалуй, какъ на самый красивый домъ въ городѣ, можно указать на домъ мѣстнаго дѣятеля Е. П. Случевскаго, построенный надъ желѣзнодорожнымъ полотномъ недалеко отъ вокзала.

Общее впечатлѣніе, производимое Мценскомъ на туриста, не дурное: уѣздный городокъ куда не хуже многихъ своихъ собратьевъ, разбросанныхъ по матушкѣ-Руси. Право, господа автомобилисты, совершившіе въ сентябрѣ 1911 года пробѣгъ изъ Петрограда въ Севастополь, напрасно охаяли Мценскъ. «Мценскъ, вѣроятно, самый грязный городъ въ Россіи,—писалъ г. Борей въ «Новомъ Времени».—Онъ живописенъ лишь издали. Проѣзжая по его улицамъ, наши автомобили буквально утонули въ черной грязи, а дождя не было. Мценскіе обыватели и ихъ свиньи купаются въ грязныхъ лужахъ». Нѣтъ, г. Борей, вы, очевидно, не видали настоящихъ трущобъ, лишенныхъ всякаго «примитивнаго благоустройства», а Мценскъ далеко еще не изъ самыхъ плохихъ уѣздныхъ городовъ.

А. Фирсовъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Чего должна ожидать Россія для внутренней своей жизни отъ войны съ нѣмцами?—Роль министерства народнаго просвѣщенія.

Уже девять мѣсяцевъ русскій народъ несетъ на себѣ тягости величайшей изъ войнъ, какія только велъ онъ за все время своей исторіи. Велики, неисчислимы его жертвы, а между тѣмъ до конца войны еще далеко. Но встрѣчаемъ ли хотя малѣйшія проявленія недовольства среди русскаго народа продолжительностью войны, желанія облегчить бремя жертвъ, наложенное на него войною? Нѣтъ, и ихъ быть не можетъ! Весь народъ русскій жаждетъ, во что бы то ни стало, лишь одного: продолжать борьбу съ германизмомъ до полнаго его разгрома, до тѣхъ поръ, пока онъ лишенъ будетъ всякой возможности оказывать свое тлетворное вліяніе на жизнь Европы и Россіи, ибо иной миръ съ Германіей былъ бы для Россіи только тяжкимъ перемиріемъ. Русскій народъ по своему добродушному славянскому характеру никогда не питаетъ ненависти къ своимъ врагамъ, и его твердое, непоколебимое желаніе довести нѣмцевъ до полнаго подчиненія волѣ побѣдителей диктуется не чувствомъ злобы или мести къ нимъ, а яснымъ, глубокимъ сознаніемъ, что, не обезсиленный, нѣмецъ не дастъ намъ спокойно жить даже у себя дома. И это сознаніе, какъ это ни странно, растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ... Именно война заставила насъ внимательно разобраться во вліяніи нѣмцевъ на внутреннія дѣла Россіи, и мы въ буквальномъ смыслѣ ежедневно открываемъ новыя и новыя стороны и факты вредоноснаго для насъ нѣмецкаго засилья—даже тамъ, гдѣ раньше о немъ и не подозрѣвали по своей россій-

ской безпечности. Снѣжный комъ нѣмецкаго засилья постепенно превращается для насъ въ лавину, и уже одно народное чувство самосохраненія пересиливаетъ всѣ прежнія чувства и соображенія при надвигающемся разрѣшеніи вопроса: какъ быть съ нѣмцами? Пусть они живутъ свободно и благополучно, но у нѣмца-звѣря должны быть отняты всѣ средства вредить въ будущемъ прочему человѣческому роду, ибо, по мнѣнію нѣмцевъ, всѣ прочіе люди должны служить лишь удобнымъ матеріаломъ для ихъ культурныхъ вожделѣній. Узнали мы объ этомъ доподлинно лишь послѣ начала войны изъ единодушныхъ заявленій представителей нѣмецкаго народа, въ томъ числѣ изъ воззванія германскихъ писателей и ученыхъ. Звѣрства нѣмцевъ надъ женщинами и дѣтьми, варварскій способъ веденія войны, напоминающій времена вандаловъ и гунновъ, довершили картину глубокаго нравственнаго упадка нѣмцевъ, стремящихся лишь къ мамонѣ и поставившихъ превыше всѣхъ нравственныхъ принциповъ силу бронированнаго кулака. Всю глубину ихъ паденія въ этическомъ отношеніи Европа узнала лишь послѣ начала войны: тогда только она вполнѣ оцѣнила ѣдкую сатиру Гейне, хорошо знавшаго своихъ соотечественниковъ и еще шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ умѣвшаго дать надлежащую цѣну блестящей по внѣшности германской культурѣ.

Но, быть можетъ, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ обнаруженіе истинной сути германской культуры не произвело такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ извѣстная часть общества и интеллигенціи со временъ Жуковскаго и Станкевича, по указкѣ Бѣлинскаго, привыкла преклоняться предъ германской культурой, а съ начала 60-хъ годовъ воспринимала, въ талантливой передачѣ Чернышевскаго и его послѣдователей, матеріалистическое ученіе «по Бюхнеру и Молешотту», выродившееся у насъ въ нигилизмъ. Матеріализмъ и раціонализмъ, шедшій къ намъ изъ Германіи, убивалъ потребности духа, идеи добра и красоты низводились у насъ до уровня пошлости, трудъ сапожника ставили выше вдохновенія Пушкина; даже православная церковь и православное богословіе не убереглись отъ воздѣйствія сухихъ раціоналистическихъ лютеранскихъ доктринъ. Черствая прямолинейность германскаго духа встрѣтила у насъ противодѣйствіе въ проповѣди Достоевскаго и В. Соловьева (въ его «Разговорахъ»), но эта проповѣдь не помѣшала дальнѣйшему торжеству германизма въ движеніяхъ марксистовъ и эсъ-дековъ, упразднявшихъ у насъ національную мысль и національное чувство на почвѣ космополитическихъ ученій. Русскіе люди привычны доводить все до крайности...

Правительство было обезпокоено такимъ теченіемъ общественной мысли, начало бороться съ его проявленіями, но оно само въ верхнихъ своихъ слояхъ находилось подъ сильнымъ вліяніемъ гер-

манизма, какъ и русскіе ученые люди и учрежденія, имѣя во главѣ нѣмецкую академію наукъ, существующую въ Петроградѣ. Типичнымъ являлось въ дѣйствіяхъ правительства то, что, противодѣйствуя одной рукой развитію идей матеріализма, нигилизма и космополитизма, оно другой рукой насаждало ихъ въ системѣ школьнаго образованія и воспитанія по бездушнымъ нѣмецкимъ образцамъ. Мѣропріятіями графа Д. А. Толстого школа наша сознательно лишена была всякаго творческаго живого національнаго духа, идеи воспитанія замѣнены были идеями бумажнаго воздѣйствія и безпредметной дисциплины. Любимое дѣтище Толстого—гимназіи—болѣе походили на арестантскія роты, чѣмъ на учебныя заведенія. Знакомство съ исторіей и географіей Россіи было въ пренебреженіи, Законъ Божій превращенъ въ учебный предметъ, а превыше всего поставлено было изученіе латинской и греческой грамматикъ подъ руководствомъ спеціально натасканныхъ въ германскихъ учебныхъ заведеніяхъ чеховъ. Толстой былъ порожденіемъ космополитическаго бюрократическаго слоя, со временъ Николая I привыкшаго въ національзмѣ видѣть опасность для правительственной опеки и думавшаго дисциплинировать русскую мысль удаленіемъ ея отъ современной жизни въ эпоху древнихъ Эллады и Рима и въ дебри латинской грамматики; онъ, конечно, не понималъ, что, устраняя изъ школы живое содержаніе народной жизни, удаляя воспитаніе отъ національныхъ основъ, онъ только расчищалъ почву для воздѣйствія на юношество тѣхъ самыхъ началъ космополитизма и матеріализма, которыхъ онъ якобы являлся противникомъ. Для юношества нашлись другіе воспитатели, дѣйствовавшіе въ революціонномъ направленіи, извращавшіе въ русскихъ юношахъ русскую мысль, русское чувство, поучавшіе ко всему русскому относиться съ презрѣніемъ... Зло правительственныхъ мѣропріятій осложнялось еще тѣмъ, что правительство вело глухую борьбу съ славянофилами, то есть съ той частью русскаго мыслящаго общества, которая добивалась проведенія національнаго элемента въ воспитаніи. Оно осложнялось еще и тѣмъ, что Толстой стоялъ во главѣ и духовныхъ школъ, направлялъ дѣятельностью вѣдомства православнаго исповѣданія и академіи наукъ. При благосклонномъ содѣйствіи Толстого въ Германіи учреждались даже спеціальныя семинаріи для приготовленія учителей для русскихъ школъ. Пишущій эти строки могъ бы многое разсказать объ этой мрачной эпохѣ русскаго просвѣщенія и печальномъ интеллектуальномъ состояніи русскаго общества за это время, но... мимо, мимо! Пріятнѣе думать и говорить о наступающемъ свѣтломъ утрѣ, чѣмъ о давней безпросвѣтной тьмѣ.

Да, мы дождались наконецъ того дня, когда въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей и наша сбитая съ толку интеллигенція познала наконецъ, что будущее Россіи, будущее создавшаго ее

народа можетъ быть обезпечено только развитіемъ его дѣятельности на національныхъ основахъ, изученіемъ ихъ въ прошломъ и настоящемъ. Тогда ей не страшны будутъ ни внѣшніе, ни внутренніе враги. Казалось бы, что это—простая, азбучная истина, а сколько времени потребовалось для этого въ нашемъ историческомъ развитіи! Спасибо, русское спасибо нѣмецкому кайзеру и его нѣмецкому народу, что они открыли намъ сущность хваленой нѣмецкой культуры, обнажили предъ нами идеалъ, которому мы поклонялись въ своемъ ослѣпленіи. Русскіе люди, бывшіе отъ юности своей поклонниками германской культуры и проводниками ея въ русскомъ обществѣ, отступили съ ужасомъ отъ этого зрѣлища, отъ такой культуры, которая приводитъ, въ послѣднемъ своемъ словѣ, къ угнетенію духа и торжеству мамоны и звѣрскихъ инстинктовъ человѣка. И какъ зато потянуло ихъ къ исконнымъ русскимъ началамъ кротости и милосердія! Вотъ что говоритъ изъ глубины сердечной бывшій членъ Государственной Думы, недавній профессоръ-марксистъ, извѣстный писатель С. Н. Булгаковъ въ «Утрѣ Россіи»:

«Казалось, что высокомѣрное пренебреженіе къ родному, пустопорожнее западничество чрезъ посредство интеллигенціи становится уже всеобщимъ. Но нынѣ и западничество уже умерло съ шумомъ, умерло навсегда подъ ударами тевтонскаго кулака, вмѣстѣ съ фантомомъ «международнаго» соціализма и братства соціалистическихъ легіоновъ... Предъ лицомъ міровой европейской войны, показавшей всю ограниченность и условность европейской культуры, нельзя уже въ нее вѣрить какъ въ Царство Небесное, какъ въ земной рай; европейскими легіонами разстрѣливаются западническіе кумиры русской интеллигенціи, вѣра Бѣлинскаго и его потомковъ. Для вдумчиваго наблюдателя понятно, что нынѣшняя война знаменуетъ общій кризисъ европейской цивилизаціи, свидѣтельствуетъ о ея зрѣлости и приближенія ея конца, какъ бы ни былъ продолжителенъ по времени этотъ конецъ. «Новая исторія» кончается, и Западъ сказалъ уже все, что имѣлъ сказать. Ex oriente lux. Теперь Россія призвана духовно вести европейскіе народы, на нее возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человѣчества. Но для этого она должна стать духовно свободной, выйти изъ своего духовнаго вассальства у «Европы».

Мы съ удовольствіемъ цитируемъ эти строки почтеннаго профессора не только потому, что они отвѣчаютъ нашимъ убѣжденіямъ отъ дней нашей юности, но и потому, что онѣ сжато и выразительно характеризуютъ моментъ, переживаемый теперь Россіей и русскимъ народомъ, то настроеніе пасхальной заутрени, Свѣтлаго Христова Воскресенія, которое царитъ въ душѣ каждаго русскаго, несмотря на все бремя ужасной войны и на массу привходящихъ домашнихъ треній. Этотъ историческій, важнѣйшій въ русской исторіи послѣ петровской реформы моментъ повелительно требуетъ отъ

насъ, чтобы мы оказались достойны уготованнаго для насъ пиршества, чтобы конецъ западной цивилизаціи совпалъ съ торжествомъ національныхъ русскихъ началъ у насъ, дабы Россіи было что сказать, когда исторія передастъ въ ея руки верховенство въ культурѣ. Нужно, чтобы Россія къ этому времени нашла самое себя, сбросила съ себя чуждыя исконному духу русскаго народа путы во всѣхъ отрасляхъ государственной и общественной жизни. Нечего и говорить о томъ, что цѣль эта можетъ быть достигнута лишь тогда, когда мы будемъ имѣть для этого нужныхъ дѣятелей, когда Россія будетъ наконецъ имѣть достойную себя *русскую* интеллигенцію и въ широкомъ смыслѣ грамотный низшій народный слой. Боже мой, какъ покажутся тогда просты и несложны всѣ обуревающіе насъ «проклятые» вопросы: политическіе, церковные, экономическіе, промышленные, аграрные и т. д. и т. д.! Мы уже видимъ эволюцію въ этомъ смыслѣ общественной мысли въ широкомъ масштабѣ, но это стихійное общественное движеніе, чтобы получить необходимую устойчивость и плодотворность, нуждается въ поддержкѣ цѣлесообразно поставленной національной школы, которой, увы, у насъ нѣтъ ни на высшихъ ея ступеняхъ, ни на низшихъ. На созданіе національной школы въ Россіи должна быть устремлена теперь совмѣстная дѣятельность правительства и общества. Изъ всѣхъ правительственныхъ заботъ школьная забота должна стоять по окончаніи войны на первомъ планѣ, ибо только въ этомъ случаѣ Россія во главѣ съ своимъ Царемъ совершитъ свою историческую миссію спокойно, безъ потрясеній внутреннихъ и внѣшнихъ.

Когда мы говоримъ о *національной* русской школѣ на всѣхъ ступеняхъ образованія—низшей, средней и высшей, то понимаемъ ее въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ ней на первомъ планѣ должно быть поставлено познаніе Россіи для нуждъ и пользъ самой Россіи—въ противоположность нынѣ существующему содержанію общеобразовательнаго курса, опредѣлившемуся по нѣмецкимъ образцамъ. Въ прежнее время задачей государственной просвѣтительной дѣятельности являлось созданіе кадра чиновниковъ, въ настоящее время потребности государства несравненно шире и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, и мы, прилагая всѣ мѣры къ разведенію такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата и ставя это разведеніе цѣлью своей общеобразовательной системы, выбрасываемъ за бортъ школы массу дорогихъ молодыхъ силъ, которыя были бы безцѣнны на поприщахъ техническомъ и профессіональномъ. Такое отношеніе наше къ главнымъ задачамъ государства и является причиной зависимости нашей отъ нѣмцевъ въ простѣйшихъ явленіяхъ экономической и промышленной жизни. Какъ обнаружила война, въ Россіи нѣтъ производствъ, предметы потребленія которыхъ составляютъ насущную необходимость всѣхъ и каждаго (пуговичное, игольное, фармацевти-

ческіе продукты) или низшаго качества (напр., кожи), и огромныя естественныя богатства Россіи или остаются не использованными, или эксплоатируются иностранцами. Стремленіе къ роскоши образованія выражается и въ томъ печальномъ фактѣ, что у насъ число второстепенныхъ техниковъ и мастеровъ далеко не соотвѣтствуетъ количеству техниковъ, вышедшихъ изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Оттого у насъ хорошій садовникъ или лѣсничій—нѣмецъ, дорожный мастеръ—нѣмецъ, машинистъ или слесарь—нѣмецъ, техникъ-рисовальщикъ—нѣмецъ и т. д., и т. д. А русскій человѣкъ ищетъ и не находитъ себѣ мѣста, потому что даже съ гимназическимъ аттестатомъ въ рукахъ, ни къ чему серьезно не подготовленъ, если для него двери высшаго учебнаго заведенія окажутся закрытыми. Невозможно съ ранняго дѣтства предопредѣлять человѣку его призваніе или уровень способностей (Пети и Ѳемистоклюсы высшихъ бюрократическихъ круговъ, по рожденію призванные быть дипломатами или прокурорами, въ счетъ не идутъ). Поэтому школа одного типа возможна только на низшей ступени образованія, да и тамъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, съ тѣми или иными сельско-хозяйственными, промышленными или ремесленными классами. Средняя общеобразовательная школа, въ старшихъ своихъ классахъ, уже должна спеціализироваться въ томъ или другомъ направленіи, или техническомъ, или гуманитарномъ, смотря по наклонностямъ и выбору самихъ учащихся, готовящихся къ обученію въ высшей школѣ. Существующій нынѣ балластъ въ курсѣ нынѣшнихъ гимназій (въ видѣ, напр., подробной исторіи Греціи и Рима) долженъ быть устраненъ уже въ виду необходимости сокращенія общеобразовательнаго курса, растянувшагося у насъ minimum на восемь лѣтъ обученія и захватывающаго съ подготовительнымъ курсомъ чуть ли не треть средней продолжительности человѣческой жизни (двѣнадцать лѣтъ). Стремясь напрасно къ идеалу общечеловѣческаго образованія, вѣдь, можно растянуть его и на всю жизнь человѣка, забывъ положеніе, что школа только *подготовляетъ* къ жизни и что лучшей школой при этой подготовкѣ является сама жизнь. Люди, нахватавшіеся верхушекъ разнообразнаго непереваренного знанія, обыкновенно бываютъ къ жизни непригодны.

Нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ графа П. Н. Игнатьева, выражаетъ готовность итти навстрѣчу образовательнымъ потребностямъ русскаго народа и уже приняло нѣкоторыя мѣры, чтобы очистить ниву народнаго образованія отъ засоряющихъ ее плевелъ «праваго» или «лѣваго» происхожденія. Болѣе того, въ распоряженіяхъ министерства общество отмѣтило вдумчиво-сочувственное отношеніе къ учащейся дѣтворѣ и юношеству, внѣ установленныхъ формъ и казенно-«сердечнаго» краснорѣчія министерскихъ циркуляровъ. Факты всегда краснорѣчивѣе

словъ. Русское общество, безъ сомнѣнія, окажетъ новому министру полное довѣрія содѣйствіе во всѣхъ его начинаніяхъ, направленныхъ къ подъему народнаго образованія въ Россіи соотвѣтственно важности переживаемаго нами историческаго момента и выпавшихъ на его долю огромныхъ задачъ. Безъ содѣйствія же общества нельзя и мечтать о созданіи въ Россіи школы, которая могла бы удовлетворить потребностямъ великой страны и ея хозяина—русскаго народа.

Было бы, однако, односторонне стѣснять и опредѣлять дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія только школьной сферой. Несомнѣнно, она должна быть связана съ народной жизнію многими нитями и до нѣкоторой степени руководить ею, насколько жизнь эта требуетъ для себя правительственной поддержки. Такова будетъ, между прочимъ, роль его въ освобожденіи Россіи отъ зеленаго змія, т.-е. пьянства, заполнявшаго до войны досугъ русскаго крестьянина... Запретъ продажи водки, состоявшійся по мановенію Царя въ самомъ началѣ войны, естественно возбудилъ вопросъ, чѣмъ заполнить трезвый досугъ въ русской деревнѣ, и министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ совѣтъ министровъ свои предположенія по этому предмету. Совѣтъ министровъ образовалъ для обсужденія ихъ междувѣдомственное совѣщаніе. Рѣчь идетъ объ устройствѣ въ деревняхъ народныхъ домовъ, библіотекъ, курсовъ и т. д. Намъ кажется, что судить о вкусахъ и потребностяхъ крестьянскаго населенія той или другой мѣстности могутъ скорѣе мѣстные люди и организаціи, напр., земства, чѣмъ петербургскіе чиновники, и, вѣроятно, междувѣдомственное совѣщаніе, устанавливая общія положенія о народныхъ домахъ, обратится за указаніями къ содѣйствію мѣстныхъ общественныхъ круговъ, какъ это и предполагалось Государственной Думой два года тому назадъ при разсмотрѣніи вопроса о борьбѣ съ развитіемъ сельскаго хулиганства. Каковы бы ни были эти указанія, но они, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ имѣть связь съ просвѣтительною дѣятельностью мѣстныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія и Святѣйшаго Синода, ибо дѣятельность органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ касаться только регламентаціи и внѣшняго порядка новыхъ просвѣтительныхъ учрежденій въ деревнѣ. Чѣмъ благожелательнѣе отнесется въ этомъ случаѣ министерство народнаго просвѣщенія къ заявленіямъ мѣстныхъ организацій, тѣмъ легче будетъ окончательная побѣда надъ зеленымъ зміемъ въ Россіи и тѣмъ легче будетъ осуществленіе ближайшихъ его задачъ о просвѣщеніи народа...

Министерству народнаго просвѣщенія предлежитъ въ ближайшемъ будущемъ просвѣтить и оздоровить Россію. Нельзя не пожелать ему на этомъ славномъ историческомъ пути полнаго успѣха.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Второе изданіе съ 12 таблицами портретовъ и рисунковъ. Петроградъ. 1914. Стр. XIII. 772. Цѣна 10 руб.

ОЧТИ всѣ историческіе труды великаго князя Николая Михаиловича, удовлетворяя научнымъ запросамъ русскаго общества въ области русской исторіи, уже сдѣлались библіографической рѣдкостью, но, къ сожалѣнію, они не выходятъ вторымъ изданіемъ и, такимъ образомъ, исчезаютъ съ книжнаго рынка. Нельзя поэтому не благодарить великаго князя за выпускъ вторымъ изданіемъ важнѣйшаго изъ его трудовъ: «Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія», распроданнаго уже три года тому назадъ, тотчасъ по выходѣ своемъ въ свѣтъ. Безспорно, это счастливое исключеніе допущено августѣйшимъ авторомъ именно въ виду особаго значенія, которое имѣетъ указанное сочиненіе въ ряду другихъ его работъ по эпохѣ Александра I. Оно является до нѣкоторой степени какъ бы сводкой, итогомъ сдѣланныхъ имъ ранѣе изысканій и тонкаго изученія Александровской эпохи. Еще прежде появленія этого труда великій князь Николай Михаиловичъ успѣлъ много сдѣлать для выясненія личности Александра, бывшаго для историковъ «неразгаданнымъ сфинксомъ» главнымъ образомъ по недостаточному знанію ими относившихся къ нему матеріаловъ. Двадцатилѣтняя кропотливая работа надъ этими матеріалами и побудила великаго князя изложить результаты изученія ихъ въ особомъ трудѣ, посвященномъ характеристикѣ знаменитаго русскаго государя, счастливаго соперника Наполеона и «сущаго прельстителя» современниковъ и потомства, не умѣвшихъ разобраться въ его душевной жизни и міросозерцаніи. Послѣдній біографъ императора Александра I, Н. К. Шильдеръ,

въ своемъ извѣстномъ сочиненіи скорѣе лавировалъ между трудностями въ объясненіи характера и дѣйствій этого государя, «къ противочувствіямъ привычнаго», чѣмъ объяснялъ ихъ, и четыре тома его біографіи Александра I доказываютъ только то, что авторъ не разобрался самъ въ собранныхъ имъ важныхъ матеріалахъ по Александровской эпохѣ, предоставляя дѣлать изъ нихъ выводы самому читателю. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, по цензурнымъ условіямъ своего времени, Н. К. Шильдеръ не могъ касаться въ должной степени даже обстоятельствъ кончины императора Павла I, которымъ многіе позднѣйшіе историки придаютъ, по нашему мнѣнію, черезчуръ важное вліяніе на душевную жизнь императора Александра.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе замѣчательнаго труда великаго князя Николая Михаиловича, уже въ первомъ своемъ изданіи обратившаго на себя всеобщее вниманіе своими научными достоинствами и вызвавшаго цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ въ русской и иностранной литературѣ, въ томъ числѣ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Но для читателей нашего журнала, еще незнакомыхъ съ этой работой августѣйшаго автора, мы должны сказать, что она совлекла многіе покровы съ душевныхъ переживаній императора Александра Павловича, и «неразгаданный сфинксъ», въ характеристикѣ великаго князя Николая Михаиловича, является предъ нами въ естественномъ своемъ видѣ.

Въ окончательномъ результатѣ, путемъ тщательнаго историческаго и психологическаго анализа, великій князь пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Думаемъ,—говоритъ онъ,—что, какъ правитель великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простого смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, чрезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ». Эти выводы имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что августѣйшій авторъ, вообще осторожный въ своихъ заключеніяхъ, сознавалъ сложность своей задачи и трудность ея осуществленія. «Задача наша не изъ легкихъ,—пишетъ онъ въ предисловіи,—мы это сознаемъ: во-первыхъ, потому, что многіе источники отсутствуютъ, благодаря систематическому истребленію ихъ императоромъ Николаемъ I; другіе хотя и существуютъ, но съ большими пробѣлами, какъ, напримѣръ, вся переписка императрицы Маріи Ѳеодоровны съ сыномъ-первенцемъ; во-вторыхъ, мы не могли воспользоваться полностію всѣми иностранными архивами, несмотря на широкую любезность архивовъ иностранныхъ дѣлъ: французскаго, австрійскаго и прусскаго; наконецъ, доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, еще не открытъ». Это заставляетъ изслѣдователя, добросовѣстнаго до щепетильности, скромно сузить значеніе своей работы: «Мы,—говоритъ онъ,—давали и даемъ матеріалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться. Не намъ также рѣшать вопросъ, возвеличить или

понизитъ предлагаемое историческое изслѣдованіе образъ Благословеннаго монарха». Но, разумѣется, изученіе всѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ и имѣющихъ отношеніе къ Александру I,—задача колоссальная, не по силамъ одного человѣка, и указаніе на нихъ отнюдь не уменьшаетъ важности и цѣнности работъ по матеріаламъ уже доступнымъ: даже по исторіи Петра Великаго далеко еще не исчерпаны рукописные источники въ русскихъ и иностранныхъ хранилищахъ. И выводы, сдѣланные августѣйшимъ авторомъ, и методъ, имъ усвоенный, несомнѣнно, послужатъ точкой отправленія для работъ «будущихъ русскихъ историковъ», на которыхъ авторъ возлагаетъ свои надежды. Что касается заявленія автора, что не ему рѣшать вопросъ, возвеличитъ или понизитъ его изслѣдованіе образъ Александра, то оно можетъ только свидѣтельствовать о стремленіи его къ возможной объективности его изслѣдованія,—въ противоположность Н. К. Шильдеру, для котораго Александръ былъ «любимымъ героемъ» на мистической подкладкѣ... Можно сказать положительно, что дѣйствительно историческому, объективному изученію личности Александра I положено прочное основаніе лишь трудами великаго князя Николая Михаиловича.

Второе изданіе «Александра I» есть перепечатка перваго двухтомнаго изданія. Лишь въ приложеніяхъ августѣйшій авторъ счелъ необходимымъ изъять нѣкоторыя бумаги на французскомъ языкѣ, что дало возможность выпустить его трудъ въ одномъ томѣ. Но взамѣнъ этихъ бумагъ прибавлены нѣкоторыя письма императрицы Елизаветы Алексѣевны, князя П. М. Волконскаго и камеръ-фурьера Бабкина, писанныя изъ Таганрога въ 1825 и въ началѣ 1826 года и имѣющія прямое отношеніе къ кончинѣ императора Александра I. Почти всѣ эти документы уже были напечатаны великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за прошлый годъ для уясненія факта кончины Александра I въ Таганрогѣ въ 1825 году, заподозрѣваемаго на основаніи фантастическихъ предположеній поклонниками легенды о старцѣ Ѳедорѣ Козьмичѣ. Въ текстѣ книги (во вторую главу) вставлено донынѣ еще неизвѣстное письмо Н. Н. Новосильцова къ императору Александру отъ 5-го марта 1807 года, написанное въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ, предпринятой для защиты Пруссіи.

Е. Шумигорскій.

Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie. 1842—1847. Publié par Ernest Daudet. Paris. Emile Paul, frères éditeurs. 1914. P. 317. Prix 7 fr. 50 c.

Журналъ Виктора Балабина, секретаря россійскаго посольства въ Парижѣ. 1842—1847 гг. Издалъ Эрнестъ Додэ. Парижъ. 1914. Стр. 317. Ц. 7 фр. 50 к.

Викторъ Павловичъ Балабинъ—питомецъ петроградскаго университета, въ которомъ онъ окончилъ курсъ наукъ и былъ опредѣленъ затѣмъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (позднѣе преобразованную въ министерство иностранныхъ дѣлъ) съ чиномъ губернскаго секретаря 7-го марта 1832 года,

имѣя девятнадцать лѣтъ, какъ это упомянуто въ формулярномъ спискѣ о его службѣ [1]). Лѣтъ черезъ десять, именно 27-го марта 1842 г., В. Балабинъ былъ назначенъ младшимъ секретаремъ нашего посольства въ Парижѣ и, постепенно повышаясь въ чинахъ, былъ сдѣланъ совѣтникомъ того же посольства 4-го сентября 1853 года. При разрывѣ мирныхъ сношеній съ Франціею при Наполеонѣ II въ 1853 году В. Балабинъ былъ причисленъ къ министерству, а затѣмъ съ 17-го декабря 1856 года состоялъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ. Произведенный 15-го апрѣля 1856 года въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ томъ же году 26-го августа пожалованный въ званіе камергера его величества, Балабинъ, по заключеніи Парижскаго мира, былъ опять назначенъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ 24-го іюня 1856 года, а затѣмъ въ 1858 году назначенъ состоять по особому порученію при императорѣ австрійскомъ. Награжденный въ порядкѣ постепенности орденами св. Станислава и св. Анны 1-й степени въ 1858 и 1860 гг., Балабинъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники въ 1862 году и затѣмъ неожиданно скончался въ Дрезденѣ 24-го ноября (6-го декабря) 1864 года.

Пребывая долгое время въ Парижѣ, онъ находился въ оживленной перепискѣ со своею матерью, по кончинѣ которой всѣ ея бумаги, въ томъ числѣ и письма ея сына достались госпожѣ Вагнеръ, племянницѣ умершаго В. Балабина. Госпожа Вагнеръ передала ихъ французскому писателю-историку Эрнесту Додэ, который, исключивъ изъ писемъ все имѣющее болѣе или менѣе семейный, частный характеръ, изложилъ остальное въ формѣ связнаго, послѣдовательно разсказа, раздѣленнаго преимущественно по годамъ, и напечаталъ по настоящее время пока первый томъ (второй и послѣдній—должны, какъ объявлено въ предисловіи, выйти въ скоромъ времени), посвященный пребыванію г. Балабина въ Парижѣ въ 1842—1847 годахъ. Въ эти годы какихъ-либо видныхъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею не происходило. Императоръ Николай I не благоволилъ къ королю Людовику-Филиппу, достигшему французскаго престола послѣ событій 1830 года, и не отправлялъ даже въ Парижъ своего посланника графа Палена (назначеннаго послѣ извѣстнаго гр. Поццо-ди-Борго), такъ что текущею перепискою посольства завѣдывалъ Николай Киселевъ (котораго не должно смѣшивать съ гр. Павломъ Киселевымъ, министромъ государственныхъ имуществъ и затѣмъ чрезвычайнымъ посломъ нашимъ въ Парижѣ). Поэтому и въ изданномъ журналѣ Балабина исключительно говорится о парижской жизни и при томъ великосвѣтской, въ которую онъ имѣлъ доступъ, какъ состоящій при посольствѣ. Онъ сообщаетъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о главнѣйшихъ политическихъ дѣятеляхъ того времени во Франціи, какъ-то о Гизо, Тьерѣ, Ламартинѣ, объ обществѣ, собиравшемся у извѣстной княгини Ливенъ, а также у Свѣчиной, и другихъ лицахъ. Какъ самъ большой музыкантъ, Балабинъ говоритъ не мало объ оперѣ въ Парижѣ и знаменитыхъ пѣвцахъ и музыкантахъ, въ свое время по-

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ и дальнѣйшей службѣ В. П. Балабина заимствованы нами изъ дѣла о его службѣ (№ 37, IV, 6) въ государственномъ архивѣ въ Петроградѣ.

сѣщавшихъ и нашу столицу, о театрахъ, различныхъ выставкахъ картинъ т. д. Все это изложено очень просто и живо и читается весьма легко и съ не малымъ интерессомъ. **П. Майковъ.**

А. Успенскій. Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Вып. 3. М. 1914. Изд. общ. архива мин. имп. двора. Стр. 497—738. Ц. 2 р. 50 к.

На всякаго неспеціалиста эти «столбцы» должны произвести вначалѣ удручающее впечатлѣніе. Дѣйствительно, чего можно ожидать интереснаго отъ книги, гдѣ подъ номерами помѣщены одни лишь списки древнихъ актовъ и такого еще содержанія, какъ, напримѣръ, о высылкѣ въ Москву къ государевымъ дѣламъ двухъ каменщиковъ, о выдачѣ церковныхъ облаченій въ московскіе соборы и церкви, о посылкѣ подарковъ восточнымъ патріархамъ и прочіе въ томъ же родѣ.

Но вотъ начинаешь просматривать столбцы, а кое-гдѣ повнимательнѣе и прочитывать ихъ, и невольно эти сухіе съ виду документы, страница за страницей, все болѣе и болѣе приковываютъ къ себѣ ваше вниманіе. Дѣйствительно, изъ отдѣльныхъ мелкихъ черточекъ, разбросанныхъ вездѣ по этимъ столбцамъ и характеризующихъ жизнь XVIII вѣка, предъ читателемъ развертывается яркая картина того времени. Напримѣръ, очень любопытна такая подробность, занесенная въ одинъ изъ актовъ (№ 1.283): «А пожаловалъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи тѣмъ кубкомъ и отласомъ и собольми боярина Ивана Никитича за то, что онъ на вербное воскресеніе подъ великимъ государемъ патріархомъ осля велъ». Или вотъ очень выразительная челобитная Алексѣя Нащокина (за № 1279в): «Живу я холопъ твой при твоей царьской свѣтлости въ житьѣ. Помѣстейца, государь, за мной холопомъ твоимъ и вотчинки нѣтъ нигдѣ ни одной чети. Скитаюсь межъ дворъ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіа пожалуй меня холопа своего для моей бѣдности, вели мнѣ дать на платьишко, какъ тебѣ государю Богъ извѣститъ. Царь государь смилуйся, пожалуй».

И содержаніе этихъ актовъ интересно, и великолѣпенъ нашъ старинный языкъ, крѣпкій, выразительный, «ядреный», какимъ говорили и одинаково писали въ XVII вѣкѣ наши предки, особенно послѣ чахлой теперешней литературной рѣчи. Въ этомъ отношеніи чтеніе древнихъ документовъ доставляетъ прямо-таки художественное наслажденіе. Трудно не испытывать особеннаго удовольствія, когда встрѣчаешь въ описаніи царскаго платья такія выраженія: «образцы по атласу по таусинному низаны жемчугомъ съ канителью, завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ...», или когда документъ говоритъ о купленныхъ въ Архангельскѣ для царя «фряжскихъ винахъ», разныхъ «романеяхъ», «мушкатели», «мармази» и пр., и пр.

Таковы впечатлѣнія отъ книги у неспеціалиста, спеціалистъ же извлечетъ изъ нея для себя необходимое полными горстями. **Ал-дръ Елецкій.**

«Въ странѣ чудесъ». А. Ренниковъ. (Правда о прибалтійскихъ нѣмцахъ). Петроградъ. 1915 г. Изданіе М. А. Суворина. Стр. 347. Цѣна 1 р. 50 к., со многими рисунками и снимками въ текстѣ.

Война произвела переоцѣнку многихъ цѣнностей, и только поэтому получилась возможность писать о такихъ вопросахъ, которые до войны представлялись безнадежно забронированными. Къ такимъ вопросамъ принадлежалъ и прибалтійскій вопросъ. Никакой самый храбрый публицистъ или экономистъ не рискнули бы до войны написать «правду о прибалтійскихъ нѣмцахъ». Фонды нѣмецкихъ бароновъ стояли такъ высоко, особенно послѣ пресловутаго возстанія латышей, что никакая газета не отвела бы даже строчки, непріятной господамъ баронамъ. Давно уже въ публикѣ ходили смутные слухи, что въ Прибалтикѣ далеко не все благополучно, дѣлались робкія попытки отдѣльныхъ русскихъ, мѣстныхъ администраторовъ проникнуть въ тайны разныхъ опутавшихъ Остзейскій край ферейновъ, но всѣ эти попытки пресѣкались въ корнѣ указаніями изъ Петрограда на недопустимость какихъ-либо сомнѣній въ лояльности прибалтійскихъ нѣмцевъ, и только война позволила поднять уголокъ плотнаго занавѣса, скрывавшаго за собой «Страну чудесъ», и передъ глазами изумленныхъ читателей развернулась картина удивительно сохранившагося въ нѣсколькихъ часахъ отъ Петрограда средневѣковья со всѣмъ комплексомъ феодальнаго права, съ гильдіями, съ полнымъ подчиненіемъ нѣмецкимъ элементомъ, составляющимъ восемь процентовъ всего мѣстнаго населенія, остальныхъ 92 процентовъ латышей, эстонцевъ, русскихъ и поляковъ, съ чрезвычайно запутанными, но безусловно выгодными для нѣмецкихъ землевладѣльцевъ земельными отношеніями и съ такими привилегіями бароновъ, которыхъ не знало даже крѣпостное право. Первоначально свои изумительныя открытія г. Ренниковъ печаталъ отдѣльными статьями въ «Новомъ Времени», и тамъ онѣ производили ошеломляющее впечатлѣніе, но особый эффектъ получился только тогда, когда эти статьи составили солидный томикъ съ массою рисунковъ и снимковъ и съ значительными дополненіями, пропущенными въ газетѣ. До войны многіе наивно думали, что Прибалтика составляетъ неотъемлемую часть Русскаго государства, но приведенное на страницахъ 12—13 книжки г. Ренникова стихотвореніе, приписываемое газенпотскому предводителю дворянства барону Карлу фонъ-Мантейфелю «Wacht in Ost» безнадежно разочаровываетъ такихъ простаковъ. Въ этомъ стихотвореніи г. Мантейфель мечтаетъ о скоромъ времени, когда въ Прибалтикѣ «воцарится скоро весна вмѣсто зимы и одна рѣчь (конечно, нѣмецкая), одна вѣра (конечно, лютеранская), одна земля объединятъ единый братскій народъ». Теперь не удивительно, что «сынишка одного изъ заправилъ города Риги отказывается изучать русскій языкъ и говоритъ репетитору: «Не хочу учить русскій!.. Онъ скоро здѣсь никому не понадобится!» (стр. 50). Если къ этому еще прибавить 10 заповѣдей «Дейчеръ-ферейна», помѣщенныхъ въ календарѣ на 1914 г. (стр. 259), особенно заповѣди первую и девятую, то совершенно ясно станетъ, къ какому «нашему государству» и «нашему передовому народу» причисляютъ себя остзейскіе нѣмцы. Да, много чудесъ въ Прибалтикѣ! Оказывается, что прибалтійске бароны болѣе страстные

игроки въ лаунъ-теннисъ, чѣмъ англичане, и любятъ устраивать для этого бетонныя площадки на пустынныхъ песчаныхъ берегахъ моря, несомнѣнно, чтобы никто имъ не мѣшалъ наслаждаться этой игрой, что они необычайно искусно ловятъ какихъ-то птицъ съ особыхъ вышекъ, что управляющіе и другіе служащіе въ ихъ имѣніяхъ, исключительно чины запаса германской арміи, заядлые рыболовы, по цѣлымъ недѣлямъ изслѣдующіе прибрежную глубину, что въ нѣмецкихъ имѣніяхъ среди лѣсовъ культивируются болота и лѣсныя площадки способомъ, совершенно неизвѣстнымъ агрономамъ,—именно путемъ сплошной засыпки ихъ бѣлой извѣстью и т. п. Бароны-землевладѣльцы чрезвычайно безкорыстны и продаютъ нѣмецкимъ колонистамъ свою землю, стоящую 170—150 руб. десятина, за 50—70 рублей, а рижскій магистратъ чрезвычайно заботливъ объ участи своихъ согражданъ (но только нѣмцевъ) и служащихъ въ магистратѣ (тоже только нѣмцевъ), сдавая и даже продавая городскія земли прямо за гроши въ тѣмъ мѣстахъ, гдѣ русскіе и латыши не могутъ купить землю или арендовать ее за рубли. Но все это безкорыстіе сразу слетѣло при реквизиціи лошадей и автомобилей, и многимъ баронамъ пришлось по судебнымъ приговорамъ или оставить временно свои владѣнія, или поплатиться штрафами и другими неудобствами. Да, много чудесъ! Сплошныя чудеса!

Въ короткой рецензентской замѣткѣ нельзя исчерпать все содержаніе чрезвычайно интересной и важной книжки г. Ренникова, пришлось бы выписывать цѣлыя страницы,—остается только горячо ее рекомендовать, какъ настольную книгу для каждаго русскаго человѣка. **П. Л—овъ.**

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 31. 1914. Стр. 300. Ц. 2 р.

На первыхъ страницахъ тридцать перваго выпуска помѣщены «Акты и грамоты Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря» 1472—1695 гг. Документы пересмотрѣны профессоромъ Н. К. Никольскимъ изъ Петрограда. Въ монастырь, «по указу великихъ государей царей і великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича» препровождался раскольникъ Аѳонька Лентинъ, для исправленія въ вѣрѣ», и велѣно его «держать въ земляной тюрьмѣ въ тѣхъ же кандалахъ», въ которыхъ онъ посланъ съ Москвы. Не мало выразительныхъ подробностей относительно нашей бытовой старины разсыпано и въ статьяхъ гг. Доброва: «Слѣдствіе о Кузнецкомъ пожарѣ въ 1839 г.», проф. Бахметьева: «Освобожденіе моего отца отъ крѣпостного ига» и другихъ.

Интересъ къ внѣшней культурѣ вымершихъ поколѣній на нашей землѣ въ той или другой мѣрѣ насыщаютъ и у читателя-неспеціалиста иллюстрированія. Въ «Трудахъ» снабжены рисунками нижеслѣдующіе очерки: «Курганы и ямины на выгонѣ гор. Петровска», г. Зайковскаго; «Раскопки двухъ кургановъ въ имѣніи Радищевыхъ при с. Адоевщинѣ», В. Орѣхова; «Хвалынскія городища» г. Радищева; «Павловская пещера», г. Орѣхова и т. д.

Отражено въ сборникѣ и кое-что изъ міра мѣстныхъ преданій: «Изъ легендъ Дѣвичьихъ горъ. «Волшебница Аринка» (ея чары одолѣли и могучаго Сте-

пана Разина»), г. Зайковскаго и его же: «Сахарное озеро. Легенда, записанная на развалинахъ Сарая». Имѣются въ тридцать первомъ выпускѣ архива и статьи: «Къ исторіи нѣмецкихъ колоній въ Саратовской губерніи» г. Хованскаго; «Къ исторіи старыхъ русскихъ селъ въ теперешней Болгаріи», профессора Бахметьева.

Пріоткрывается уже текущая провинціальная духовная жизнь и въ разныхъ докладахъ и отчетахъ ученой архивной комиссіи. Къ слову—«весь сборъ отъ продажи настоящаго выпуска «Трудовъ», по постановленію общаго собранія комиссіи 9-го августа 1914 года, назначенъ въ помощь раненымъ и больнымъ воинамъ и ихъ семьямъ». **А. Налимовъ.**

П. Дульскій. Памятники казанской старины. Съ 50 снимками видовъ «Старой Казани». Казань. 1914 г. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Для интересующихся русскою стариною книга г. Дульскаго представляетъ несомнѣнный интересъ. Послѣ краткаго очерка возникновенія Казани авторъ переходитъ къ описанію разныхъ памятниковъ древняго церковнаго и гражданскаго зодчества этого города съ XVI по XIX вѣка включительно, довольно подробно описывая церкви Казани, ихъ фрески, различныя строенія, сохранившіяся въ первоначальномъ ихъ видѣ или реставрированныя, зачастую не всегда удачно, въ позднѣйшее время. Къ числу интереснѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ Казани должень быть отнесенъ каѳедральный соборъ Благовѣщенія, закладка котораго состоялась въ день въѣзда Іоанна Грознаго въ Казань 4-го октября 1552 года. Изъ памятниковъ гражданскаго зодчества обращаетъ на себя вниманіе университетъ, сооруженный въ 1825 году на мѣстѣ и подъ вліяніемъ фасада зданія построенной еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ мужской гимназіи. Интересенъ памятникъ поэту Державину (1846 г.), выполненный въ классическомъ духѣ и украшенный барельефами на постаментѣ. Любопытно описаніе памятника павшимъ при взятіи Казани воинамъ, представляющаго собою оригинальное сочетаніе египетскаго стиля съ греческимъ; такое смѣшеніе авторъ объясняетъ, какъ результатъ впечатлѣній создателя этого памятника, архитектора Алферова, отъ совершеннаго имъ незадолго до того путешествія по Египту и Греціи.

Одну изъ главъ книги г. Дульскій посвящаетъ описанію старинныхъ монастырей и церквей, находящихся въ окрестностяхъ Казани, и сосѣдняго города Свіяжска—мѣста древняго художества русской старины.

Къ книгѣ присоединена статья Б. П. Деникс—о фрескахъ Успенскаго собора въ Свіяжскомъ мужскомъ монастырѣ, а также указатель литературы о памятникахъ Казани.

Въ текстѣ помѣщено много хорошо исполненныхъ иллюстрацій — видовъ старой Казани; часть этихъ иллюстрацій являстся снимками съ этюдовъ художника Турина, жившаго въ прошломъ столѣтіи. Этюды его служатъ прекраснымъ историческимъ матеріаломъ для составленія картины казанской жизни XIX вѣка. **А. О. В.**

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ Томъ XVII. Выпускъ I. Нижній-Новгородъ. 1914. Стр. 52+26. Цѣна не обозначена.

Наиболѣе пикантной во всѣхъ отношеніяхъ статьей настоящаго выпуска является сообщеніе И. П. Матюнина о происхожденіи извѣстнаго живописца А. В. Ступина. Оказывается, что онъ былъ сыномъ игуменьи и одного помѣщика Арзамасскаго уѣзда. Н. В. Степановъ путемъ кропотливыхъ изысканій и остроумныхъ соображеній устанавливаетъ «вѣроятнѣйшую» дату рожденія святого благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, именно 26-ое ноября 1187 года. Въ обширной статьѣ В. М. Косткина «Посѣщеніе Н.-Новгорода императоромъ Николаемъ I и его заботы по благоустройству города» обращаютъ на себя особое вниманіе два слѣдующія замѣчанія общаго характера: 1) Въ Петроградѣ ни одинъ частный домъ въ центрѣ города, въ Россіи ни одно общественное зданіе не возводилось и не перестраивалось безъ вѣдома Николая Павловича: всѣ проекты для подобныхъ построекъ онъ разсматривалъ и утверждалъ самъ. 2) Во всѣхъ своихъ поѣздкахъ императоръ строго запрещалъ полиціи разгонять или останавливать народъ и даже приходилъ въ гнѣвъ, если замѣчалъ нарушеніе этого распоряженія. В. Н. Княжнинъ публикуетъ изъ Добролюбовскаго архива два письма: одно дѣда писателя къ его отцу, а другое къ отцу Н. А. Добролюбова отъ его пріятеля. Оба письма, по справедливому мнѣнію издателя, представляютъ «безхитростное, непосредственное описаніе жизни 30-хъ годовъ XIX вѣка». Кромѣ того, въ выпускѣ имѣются описи дѣлъ и журналы засѣданій комиссіи за конецъ 1913 и начало 1914 годовъ.

М.

В. К. Лукомскій и В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій Гербовникъ. Съ рисунками Е. Нарбута. Изданіе черниговскаго дворянства. Петроградъ. 1914.

Изслѣдованія въ области отечественной геральдики, къ которой вообще за послѣднее время проснулся значительный интересъ, продолжаютъ оставаться чрезвычайно немногочисленными. За исключеніемъ журнала «Гербовѣдъ», существующаго всего только два года, врядъ ли можно насчитать хотя бы самое ограниченное число какъ отдѣльныхъ трудовъ, такъ и статей, посвященныхъ данному предмету. И потому появленіе въ этой области новой большой работы нельзя не признать событіемъ, далеко не лишеннымъ крупнаго интереса.

«Малороссійскій Гербовникъ», изданный по постановленію черниговскаго дворянства, распадается на двѣ части: геральдическую, составленную В. К. Лукомскимъ, и генеалогическую, составленную В. Л. Модзалевскимъ.

Трудъ В. К. Лукомскаго, извѣстнаго своими многочисленными статьями по геральдикѣ и генеалогіи, представляетъ собою детальную разработку разсматриваемаго имъ предмета и является результатомъ внимательнаго изученія свыше 6,000 архивныхъ дѣлъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Въ предисловіи составитель подробно указываетъ тѣ источники,

которыми онъ пользовался для извлеченія гербовъ малороссійскаго дворянства. Богатый и драгоцѣнный матеріалъ (всего около 600 гербовъ), который былъ собранъ В. К. Лукомскимъ, посвятившимъ немало времени на трудную и кропотливую подготовительную работу, сгруппированъ составителемъ въ три различныя категоріи: 1) гербы фамилій малороссійскаго происхожденія, Высочайше утвержденные и внесенные въ общій гербовникъ; 8) гербы польскіе, коими пользуются представители различныхъ малороссійскихъ родовъ, и 3) гербы «самобытной композиціи», представляющіе собою, какъ совершенно справедливо указываетъ составитель, «наибольшій интересъ оригинальностью выбора своеобразныхъ эмблемъ». Каждому гербу двухъ послѣднихъ группъ, вошедшему въ «Гербовникъ», дано В. К. Лукомскимъ подробное описаніе, что, при разнообразіи гербовыхъ фигуръ, при разнообразіи ихъ сочетаній и при недостаточной выработкѣ у насъ условнаго геральдическаго языка, представляется далеко не легкимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, благодаря появленію «Малороссійскаго Гербовника», цѣлый рядъ гербовъ, нерѣдко весьма старинныхъ, весьма интересныхъ по замыслу и по заключающимся въ нихъ эмблемамъ, не только извлечены на свѣтъ изъ той безвѣстности, въ которой они до сихъ поръ находились, но собраны, систематизированы и описаны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русская геральдическая наука обогащена новымъ источникомъ для дальнѣйшаго изученія и дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Генеалогическая часть «Гербовника», а также и та система, которая была положена въ основаніе при его составленіи, разработана В. Л. Модзалевскимъ. Къ сожалѣнію, планъ, принятый имъ въ основаніе и изложенный въ его объяснительномъ предисловіи, страдаетъ нѣкоторой туманностью и неясностью. Трудно понять, почему, напримѣръ, В. Л. Модзалевскій, помѣщая въ «Гербовникѣ» гербъ «вспѣвальной музыки тенориста» Чижевскаго, исключаетъ изъ него гербъ «басиста» той же музыки Коченевскаго, пожалованнаго дворянствомъ и гербомъ одновременно съ Чижевскимъ, причемъ потомство Коченевскаго внесено въ родословную книгу черниговскаго дворянства, а— Чижевскаго нѣтъ? или почему не внесенъ въ «Гербовникъ» гербъ Звенигородскихъ, «предокъ коихъ Василій Звенигородскій находился въ службѣ въ бывшихъ малороссійскихъ войскахъ и въ 1742 году награжденъ чиномъ войскового товарища»? Или почему не помѣщенъ въ «Гербовникъ» гербъ потомства новгородъ-сѣверскаго уроженца Ѳедора Дубянскаго, духовника императрицы Елизаветы Петровны и лица далеко незауряднаго? Непріятно поражается глазъ отсутствіемъ всякаго упоминанія о гербѣ Богдана Хмѣльницкаго, хотя онъ наряду съ своей гетманской печатью пользовался и печатью родовой (Абданкъ).

Художественная сторона «Гербовника» не оставляетъ желать ничего лучшаго. Рисунки Высочайше утвержденныхъ гербовъ представляютъ собой точную репродукцію съ ихъ изображеній, находящихся въ общемъ гербовникѣ, или воспроизведены съ подлинныхъ грамотъ и дипломовъ. Польскіе гербы репродуцированы съ польскаго гербовника К. Лодзя-Чарнецкаго. Что же касается оригинальныхъ малороссійскихъ гербовъ, то рисунки ихъ исполнены Г. И. Нарбутомъ съ тѣмъ искусствомъ и талантомъ, которыми вообще отмѣчены всѣ работы этого художника.

По количеству и цѣнности геральдическаго матеріала «Малороссійскій Гербовникъ» займетъ выдающееся мѣсто въ литературѣ по отечественному гербовѣдѣнію, а черниговское дворянское депутатское собраніе, показавшее прочимъ дворянскимъ собраніямъ примѣръ въ этомъ дѣлѣ, имѣетъ неоспоримое право на искреннюю благодарность за опубликованіе столь интереснаго и богатаго матеріала. Р. В. М.

Великорусскія сказки Пермской губерніи. Съ приложеніемъ двѣнадцати башкирскихъ сказокъ и одной мещерякской. Сборникъ Д. К. Зеленина. Петр. 1915. Стр. LIII+656. Цѣна 2 р. 50 к.

Сборникъ сказокъ, записанныхъ неутомимымъ дѣятелемъ на нивѣ русской этнографіи Д. К. Зеленинымъ, представляетъ многознаменательное явленіе. Обычна увѣренность въ томъ, что живая традиція устнаго творчества сильно клонится къ полному исчезновенію въ народѣ; а, между тѣмъ, факты доказываютъ противоположное. Братья Борисъ и Юрій Соколовы составили недавно большое собраніе сказокъ въ Новгородской губерніи, а Д. К. Зеленинъ даетъ громадный томъ сказокъ Пермской губерніи, преимущественно Екатеринбургскаго уѣзда. И это не какіе-нибудь жалкіе остатки былого эпоса, не сказки въ двѣ-три странички, а вполнѣ развитыя въ отношеніи сюжета произведенія. Такъ, Д. К. Зеленинымъ записаны сказки въ 16, 14, 12 страницъ печатнаго текста. Богатство памяти и творческой способности обнаруживается удивительное. Отъ сказочника крестьянина деревни Кожакулы Екатеринбургскаго уѣзда Ломтева собирателемъ записано 227 печатныхъ страницъ, вмѣщающихъ только 27 сказокъ.

Живучесть сказочной традиціи Д. К. Зеленинъ объясняетъ по отношенію къ Пермской губерніи условіями природы Урала: «Близость необитаемаго и дикаго пространства, тянущагося вдоль и поперекъ на сотни верстъ, питаетъ и крѣпитъ въ сосѣднемъ населеніи вѣру во все таинственное и волшебное. А такая вѣра—прямой залогъ глубокаго интереса къ сказкѣ». Подтвержденіе этому находимъ въ томъ, что мѣстомъ дѣйствія большей части записанныхъ собирателемъ сказокъ является Уралъ.

Бытовыя условія также способствуютъ сохраненію сказочной традиціи. Въ рудникахъ, на рыбныхъ ловляхъ, въ лѣсосѣкахъ въ долгіе зимніе вечера сказка оказывается среди многочисленныхъ рабочихъ артелей единственнымъ средствомъ развлеченія. Среди ремесленниковъ, особенно «пимокатовъ», т. е., валяльщиковъ валеной обуви, и портныхъ сказка также держится крѣпко. Заказчики даже предпочитаютъ ремесленниковъ, знающихъ сказки, такъ какъ съ ними веселѣе. Своеобразно отразился этотъ интересъ къ сказкѣ въ одной изъ пермскихъ сказокъ, гдѣ разсказывается, какъ странниковъ пустили на царскую свадьбу только послѣ заявленія съ ихъ стороны, что они умѣютъ разсказывать сказки.

Не всѣ пермскія сказки, такъ сказать, аборигены данной мѣстности. Сильно заносится сюда сказка солдатами и тюремными сидѣльцами изъ другихъ мѣстъ: недаромъ толстовскій Акимъ говорилъ о военной службѣ и тюрьмѣ, какъ сред-

ствахъ развитія мужиковъ. Солдатское вліяніе въ сказкахъ очень велико; въ большомъ количествѣ сказокъ дѣйствующими лицами являются солдаты, при чемъ, конечно, это всегда храбрецы, люди находчивые, опытные.

Среди сказокъ Пермскаго края есть совершенно неизвѣстныя въ этнографической литературѣ, какъ сказка «Рязанцевъ и Милютинъ», мѣстомъ дѣйствія которой оказывается даже «Питербурхъ», въ ней и городничій дѣйствуетъ, и фрейлины, и лакейки. Однако одинъ изъ сюжетовъ этой сказки о духахъ, запертыхъ купцомъ Рязанцевымъ въ шкатулку и брошенныхъ въ море, восходитъ къ талмудической легендѣ о духахъ, бывшихъ на службѣ у царя Соломона.

Очень интересны наблюденія Д. К. Зеленина подъ типами сказочниковъ. Упомянутый Ломтевъ относился къ сказкамъ серьезно, не любилъ сказывать такія, въ которыхъ много неприличнаго элемента: эти-де сказки—«только мужикамъ ржать». Онъ почти вѣрилъ въ истинность дѣйствія сказокъ и увѣрялъ собирателя, что его сказки—изъ книжки, что, очевидно, имѣло цѣлью поднять собственный авторитетъ, какъ сказочника. Противоположный типъ—сказочникъ Савруллинъ. Для него сказка—складка; онъ любитъ риѳмы, раешный стиль и, нужно—не нужно, введетъ въ сказку какое-либо лицо для риѳмы. Встрѣтится ему слово «триста», сейчасъ же на сцену является созвучный «приставъ», хотя въ немъ нѣтъ никакой надобности.

Къ сборнику приложенъ словарь областныхъ словъ, примѣчанія, содержащія перечень сюжетовъ и указаніе варіантовъ, а также index именъ и предметовъ.

Въ книгѣ собиратель обѣщаетъ такое же собраніе вятскихъ сказокъ. Желаемъ, чтобы столь полезное для науки и интересное изданіе не задержалось.

В. Даниловъ.

Д. І. Нивинскій. Народная словесность. Пособіе для учащихся при изученіи русской литературы. Петр. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время» 1914 г. Стр. 222. Ц. 1 р. 25 к.

Въ краткомъ введеніи авторъ знакомитъ читателя съ вопросомъ о происхожденіи народнаго творчества и его видовъ, используя для этой цѣли послѣднее слово науки. Построеніе самой книги задумано оригинально. Она состоитъ изъ двухъ большихъ частей, содержащихъ «лирическую поэзію» и «эпическую поэзію». Въ первой разсматриваются обрядовыя пѣсни и бытовыя; во второй — заговоры-заклинанія, сказки, загадки, пословицы и поговорки, былины и историческія пѣсни. Эти рубрики имѣютъ свои дальнѣйшія подраздѣленія. Въ каждой такой маленькой главкѣ авторъ, стараясь быть возможно понятнѣе, объясняетъ, что, напримѣръ, такое пѣсни хороводныя или свадебныя, миѳическія сказки и т. п.

Въ цѣляхъ наглядности, авторъ приводитъ описанія различныхъ народныхъ игръ, пѣсенъ, заговоровъ и т. д. въ томъ видѣ, какъ они попадаются у разныхъ русскихъ писателей. Напримѣръ, описаніе колядки взято изъ «Ночи подъ Рождество» Гоголя, гаданія и хороводы—изъ Мельникова-Печерскаго, заговоры—изъ «Князя Серебрянаго» Ал. Толстого и т. д. Въ концѣ

каждой главы, содержащей объясненіе какого-либо вида народнаго творчества (сказки, пѣсни, былины), дается опредѣленіе его («сказкой называется» и т. д.) и прилагаются образцы: пѣсенъ, сказокъ, заговоровъ, пословицъ, отрывковъ изъ былинъ. Гдѣ нужно, приводятся параллели изъ другихъ литературъ, очень оживляющія изложеніе.

Отмѣтимъ, что пѣсня «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» не можетъ служить образцомъ «широкаго разгула, удали и безграничной веселости», стр. 51—52. Лучше бы взять, напримѣръ, ту, въ которой поется: «а и въ горѣ жить—не кручинну быть». Жаль также, что автору осталось, повидимому, неизвѣстнымъ собраніе (т. I) обрядовыхъ пѣсенъ, сдѣланное П. В. Кирѣевскимъ и изданное подъ редакціей покойнаго В. Ѳ. Миллера и М. Н. Сперанскаго московскимъ обществомъ любителей россійской словесности.

В. К.

Александръ Закржевскій. Лермонтовъ и современность. Кіевъ. 1915. Стр. 153. Ц. 1 р.—А. Евлаховъ. Надорванная душа. (Къ апологіи Печорина). Въ память столѣтія со дня рожденія Лермонтова. Ейскъ. 1914. Стр. 53. Ц. 50 к.

Обѣ книжки изданы по поводу столѣтняго юбилея Лермонтова.

При ближайшемъ ознакомленіи съ книгою г. Закржевскаго остается большое чувство разочарованія. Многословно и безпочвенно ведетъ свои разсужденія авторъ на заданную себѣ тему... «За волосы», какъ говорится, притягиваетъ онъ Лермонтова въ компанію «богоискателей»; безжалостно расцвѣчиваетъ его поэзію партійными ярлыками и всѣ усилія направляетъ къ тому, чтобы изъ сильнѣйшаго индивидуалиста (Лермонтова) и свободнѣйшаго въ обращеніи съ силами ада и рая поэта сдѣлать какого-то члена религіозно-философскаго общества. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ авторъ по всей книгѣ разбрасываетъ сопоставленія поэзіи Лермонтова съ современной поэзіей: «Какъ ужасы плѣняли юный духъ, какъ я рвался на небо къ облакамъ». Лермонтовъ. «Я башню высокую зижду высоко надъморокомъ жизни». Вячеславъ Ивановъ». При этомъ, по мнѣнію автора: «Лермонтовъ—это какъ бы зеркало, въ которомъ рельефно выступаетъ лицо нашего времени». Почему же не наоборотъ? можно спросить...

Далѣе идутъ сопоставленія со множествомъ другихъ современныхъ писателей... Здѣсь и З. Гиппіусъ, и В. Розановъ. Эго-футуристъ Ив. Игнатьевъ, «изысканный жрецъ сиреневыхъ усладъ»—Игорь Сѣверянинъ, Д. Бурлюкъ, изъ сочиненій котораго авторъ взялъ наиболѣе, по его мнѣнію, сближающее настроеніе г. Бурлюка съ Лермонтовымъ: «...Отрадно быть червемъ могильнымъ, сосать убитаго врага, подъ кровомъ ночи смерти пыльномъ, когда ужъ съѣдена нога».

Наконецъ, почему-то къ этой же ультра-современности привлеченъ и Достоевскій... Остается удивляться, почему въ этой компаніи нѣтъ императора Вильгельма и покойнаго Бисмарка, у которыхъ, вѣроятно, тоже нашлись бы двѣ-три фразы, похожія или не похожія на два-три стиха Лермонтова.

Авторъ сопоставляетъ «демонизмъ» Лермонтова съ «сверхчеловѣчествомъ» Ницше. Ничего существеннаго, конечно, и по этому поводу автору не удается сказать. Онъ упускаетъ изъ виду, что имѣетъ дѣло съ двумя несопоставляемыми плоскостями. Одинъ поэтъ, а другой философъ, олицетворяющіе два совершенно разныхъ принципа творчества. Поэтъ смѣетъ многое. Въ его творчествѣ допустимо противорѣчіе, непостоянство и даже ложь. Поэтъ разсуждаетъ «образами», а философъ силенъ логикой. Не уяснивъ себя этого различія, авторъ впадаетъ постоянно въ противорѣчія и создаетъ вопросы, которыхъ не существуетъ. Относясь съ полнымъ восхищеніемъ къ Лермонтову, г. Закржевскій, самъ того не замѣчая, развѣнчиваетъ его геній. Связывая его гнилыми нитками именно съ современностью, онъ тѣмъ самымъ отнимаетъ поэта отъ вѣчности. Лермонтовъ, несомнѣнно, будетъ имѣть связь съ «современностью» постольку, поскольку она будетъ въ уровень съ его творческими силами и идеями. Въ этомъ смыслѣ Лермонтовъ такъ же не принадлежитъ «современности», какъ не принадлежалъ и своему поколѣнію. Низводя Лермонтова лишь до «зеркала современности», г. Закржевскій оказываетъ поэту медвѣжью услугу и вполнѣ заслуживаетъ ту самую оцѣнку, которую онъ дѣлаетъ другимъ критикамъ: «Теперь, въ дни юбилея Лермонтова, пошлость кретиновъ вокругъ нераскрытаго генія достигаетъ, конечно, апогея, и кирпичи всевозможныхъ бездарныхъ истолкователей и фабрикантовъ — загромоздятъ путь къ постиженію одного изъ загадочнѣйшихъ художниковъ нашего времени...»

Что касается брошюры А. Евлахова, то, отвѣчая своему заглавію, она содержитъ простой пересказъ «Героя нашего времени», комментированнаго въ духѣ безсмертія личности Печорина: «Это наша тоска по свободѣ и недостижимому».

А. М. Нечаева.

С. В. Соловьевъ, [профессоръ харьковскаго университета († 4-го апрѣля 1913 г.). Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. Съ приложеніемъ некролога и портрета автора. Петроградъ 1915. Стр. XXXIX, + 342. Ц. 2 р.

Покойный С. В. Соловьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые всей душой отдаются дѣлу преподаванія, весьма тщательно работаютъ надъ отдѣлкой своихъ лекцій и сравнительно немного пишутъ для публики. Кромѣ того, почившій ученый не любилъ гоняться за разнообразіемъ темъ, а, приступивъ къ изученію того или другого вопроса, хотѣлъ разработать его возможно детально. Такъ и въ настоящемъ трудѣ онъ заново передѣлалъ и значительно дополнилъ цѣлый рядъ предшествующихъ своихъ работъ. Первые три очерка [«Изъ исторіи романтической поэзіи во Франціи», «О предкахъ французскаго романтизма (отъ сентиментализма къ романтизму)», «О романтическомъ идеализмѣ»] выросли изъ критическихъ отзывовъ о трудахъ профессора И. И. Замотина, графа де-ла-Барта и профессора М. Н. Розанова. Въ первомъ изъ нихъ авторъ доказываетъ, что первымъ по времени манифестомъ французскаго романтизма были не «Préface de Cromwell» В. Гюго, а préfaces Форіэля; во второмъ, разбирая вопросъ о такъ называемомъ руссоизмѣ, по-

чившій обращалъ вниманіе на древне-греческаго писателя Діона Златоуста, (I в. по Р. Хр.), взгляды котораго близко соприкасаются съ Руссо и Л. Толстымъ, и доказывалъ, что Руссо былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ родоначальниковъ французской романтической школы. Въ третьемъ очеркѣ, полемизируя съ профессоромъ Замотинымъ, С. В. Соловьевъ указывалъ, что при опредѣленіи романтизма надо считаться съ характерными національными чертами его въ той или иной странѣ и съ этапами его эволюціи не только въ отдѣльныхъ странахъ, но даже и въ творчествѣ отдѣльныхъ писателей. Четвертая большая (въ 72 страницы) глава посвящена эволюціи литературныхъ взглядовъ Виктора Гюго. Здѣсь краснорѣчиво подчеркнута побѣда французскаго писателя надъ классиками и пораженіе его отъ реалистовъ и натуралистовъ. Пятый очеркъ, наименѣе интересный и наиболѣе краткій, посвященъ Жоржъ-Зандъ. Зато съ огромнымъ талантомъ и подъемомъ написанъ послѣдній, къ сожалѣнію, оставшійся не законченнымъ за смертью автора, отдѣлъ книги о провансальской поэзіи и наиболѣе типичномъ новѣйшемъ представителѣ ея Фредерикѣ Мистралѣ. Характеризуя его поэму «Mireio», С. В. Соловьевъ писалъ: «Главное лицо въ ней... «Провансъ» съ его горами, долинами, масличными рощами, виноградниками, пустынной равниной Камарго, капризной и коварной Роной, болѣе скромной Дурансой; Провансъ, съ его благодѣтельнымъ, хотя и суровымъ вѣтромъ мистралемъ, съ лазуревымъ небомъ, съ южнымъ горячимъ солнцемъ, его религіей, суевѣріями, легендами и поэтическими традиціями; Провансъ съ бьющей ключомъ жизнью...» Не мудрено, что эта благодатная страна и ея поэзія увлекли одного изъ нашихъ соотечественниковъ (Н. Н. Семенова) до того, что онъ тамъ выстроилъ себѣ замокъ, гдѣ неоднократно принималъ своихъ друзей—поэтовъ-провансальцевъ.

Задушевно и тепло написанный некрологъ почившаго автора, составленный его ученымъ коллегой профессоромъ В. П. Бузескуломъ, наглядно показываетъ, сколько потеряли со смертью С. В. Соловьева наука и университетское преподаваніе. Изъ этого же некролога мы знакомимся съ обаятельной личностью покойнаго, и, вѣроятно, многіе, прочитавшіе статью профессора Бузескула, пожалѣютъ, что имъ не удалось познакомиться съ Соловьевымъ при его жизни. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе автора этихъ строкъ.

Л. Л.

Лаврецкій (Б. Суворинъ). До войны. По Германіи на автомобилѣ (въ 1913 г. и 1914 г.г.) и очерки «День за днемъ». Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1915. Стр. 244. Ц. 1 р.

Б. А. Суворинъ, немало ѣздившій на своемъ автомобилѣ въ теченіе двухъ лѣтъ по Германіи въ качествѣ рядового туриста, дѣлится воспоминаніями и любопытными впечатлѣніями о своемъ пребываніи у нашихъ нынѣшнихъ враговъ. Въ настоящіе дни Б. Суворинъ занялъ въ нашей публицистикѣ рѣзко очерченное положеніе страстнаго и энергичнаго борца за самодѣятельность Россіи, угнетенной цѣпкимъ нѣмецкимъ засильемъ, и за изгнаніе «внутренняго нѣмца» изъ всѣхъ отраслей нашей общественной и государственной жизни. По-

этому тѣ, кто станетъ искать въ его книгѣ «До войны» какихъ-либо огульныхъ недоброжелательныхъ отзывовъ ко всему нѣмецкому, какъ враждебному намъ, глубоко ошибутся. Правда, и до войны нѣмецкая тупость, самодовольство, ограниченная увѣренность въ незыблемости принципа «Deutschland über alles», все это отталкивало автора отъ «новой» современной Германіи, но тонъ повѣствованія остался строго корректнымъ и разсказъ безпристрастнымъ, объективнымъ. Авторъ просто заноситъ въ свою записную книжку то, что встрѣчаемъ на пути, описываетъ мѣстности, ландшафты, нравы и обычаи людей этихъ мѣстъ, старинные памятники прошлаго, безмолвную красоту древнихъ зданій, ратушъ, соборовъ, башенъ и вообще старую германскую культуру, передъ которой трудно удержаться и теперь, чтобы не выразить чувства глубокаго уваженія и восхищенія. Но благодаря этимъ памятникамъ старинной цивилизаціи, современная Германія вырисовывается какъ-то еще ярче и выпуклѣе въ своей вымуштрованной по прусской указкѣ новой культурѣ, и, изображая этихъ новыхъ нѣмцевъ и эти новыя жизненныя условія и явленія, Б. Суворинъ даетъ рѣзкую характеристику слугъ Вильгельма II, будь то берлинскій лейтенантъ или простой «добрый» бюргеръ. На ряду съ картинами вылощенной нѣмецкой аккуратности, предусмотрительности и долгихъ, заранѣе обдуманныхъ приготовленій къ нынѣшней войнѣ, авторъ даетъ нѣсколько характерныхъ штришковъ нашей отечественной безалаберности и неряшества. Подобно очень многимъ русскимъ, еще въ то время, когда ни о какой войнѣ съ Германіей у насъ не было и рѣчи, Б. Суворинъ какъ-то точно между строкъ высказываетъ особенную враждебность къ напыщенному, самодовольному и самоувѣренному въ своей правотѣ и могуществѣ нѣмцу, и это чувство вражды, сквозящее въ простыхъ воспоминаніяхъ туриста, характерно и важно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ глубоко противоположенъ, намъ русскимъ, юнкерско-прусскій духъ, искалѣчившій германскую культуру, и какъ уже заранѣе чуялось въ воздухѣ будущее столкновеніе двухъ народовъ. Особенно интересны воспоминанія о его пребываніи въ Германіи въ послѣднюю недѣлю до войны. Книга оканчивается нѣсколькими фельетонами изъ «Вечерняго Времени»—«День за днемъ», гдѣ авторъ уже совершенно опредѣленно высказываетъ тѣ мысли о Германіи, которыя незамѣтно бродили въ немъ во время его путешествія и въ дни войны получили, наконецъ, твердую обоснованность и опредѣленность.

Въ цѣломъ книга Б. А. Суворина читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, чему, кромѣ злободневности темы, много способствуетъ легкость разсказа, сплошь и рядомъ прерывающагося остроумными и мѣткими замѣчаніями.

Д. М—ко.

НОВОСТИ ИСТОРІИ.

Неудачи крымской кампаніи и конецъ императора Николая I.—Колкости Фридриха Великаго по адресу русской императрицы.—«Четвертая ипостась».—Событія русско-турецкой войны предъ судомъ турецкой черни.—Николаевскіе придворные праздники по воспоминаніямъ старой фрейлины.—Университетскіе студенты за артиллеріей и фортификаціей.—Новое о Тургеневѣ.—Тайны его творчества.—Кто былъ первообразомъ Базарова?—Два ненаписанныхъ разсказа изъ «Записокъ Охотника».—Антипатія къ Некрасову и Бенедиктову.—Нигилистъ въ гостяхъ у эстета.—Новое о Гоголѣ.—Гоголь на медленномъ огнѣ Погодинской дружбы.—Неизданное письмо его къ государю.

СТОРИЧЕСКІЕ журналы окончательно приспособились къ событіямъ и образовали ежемѣсячные отдѣлы войны и параллельныхъ воспоминаній. Если въ первой части матеріалъ нерѣдко совпадаетъ съ газетнымъ, то во второй воскрешается много документовъ и анекдотовъ, которые только теперь, при свѣтѣ новыхъ событій и по снятіи масокъ съ добрыхъ нашихъ сосѣдей,—получаютъ свою полную выразительность.

«Въ «Русской Старинѣ» въ воспоминаніяхъ извѣстнаго Е. И. Ламанскаго находимъ страницы, посвященныя финалу царствованія императора Николая I, тому политическому моменту, когда въ вопросѣ о Святой Землѣ Россія встрѣтила противъ себя почти всю Европу и вынуждена была начать знаменитую крымскую кампанію. Любопытны забытыя ходившія тогда въ русскомъ обществѣ подробности того, какъ русскій царь узналъ о нашихъ пораженіяхъ.

Всѣ говорили, что мы не допустимъ къ себѣ непріятеля и не дозволимъ ему высадиться въ Крыму. Утверждали, что тамъ и нельзя высадить болѣе десяти тысячъ солдатъ. Когда пришло извѣстіе, что на насъ идутъ Франція,

Англія и угрожаетъ Италія, и что они готовы вступить на нашу землю въ Крыму, у насъ было такъ мало войска, что предотвратить вторженіе уже не было возможности. Первая встрѣча съ непріятелемъ, высадившимъ сорокъ тысячъ человѣкъ, произошла на рѣкѣ Альмѣ, гдѣ мы потерпѣли пораженіе. При полученіи извѣстія о неудачѣ съ государемъ, по разсказу Ламанскаго, случилось нѣчто вродѣ удара.

«Разсказывали, что, когда посланный съ донесеніемъ Грейгъ явился къ государю и сообщилъ о встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, онъ спросилъ его: «Ну, что?..»—«Мы не имѣли успѣха,—отвѣчалъ Грейгъ.—Насъ было мало, полки дрогнули и побѣжали».—«Что?..—побѣжали?..»—Государь побагровѣлъ, вскочилъ съ кресла и быстрыми шагами направился къ Грейгу, который съ испуга бросился къ дверямъ и, только своевременно выйдя, избѣжалъ проявленій царскаго гнѣва. Но при этомъ Грейгъ забылъ свою шляпу въ кабинетѣ государя. Какъ уйти безъ шляпы? Онъ подождалъ нѣсколько минутъ, думая, что придетъ камердинеръ, какъ вдругъ дверь отворяется, и государь кидаетъ его шляпу.

«Государь никакъ не могъ представить себѣ, что войско его можетъ быть разбито. А что это было за войско! Военная служба для крестьянъ считалась своего рода наказаніемъ. Помѣщики сдавали въ солдаты своихъ крѣпостныхъ за ничтожный проступокъ, даже за дурной характеръ. А какъ обращались съ этими солдатами: ихъ били въ зубы эфесами шпагъ за малѣйшее неправильное поднятіе ноги. Съ этимъ войскомъ, съ отсталымъ оружіемъ мы встрѣтили непріятеля, начавшаго стрѣлять въ насъ на такомъ разстояніи, на которое не хватали наши пушки и ружья. Весьма естественно, мы дрогнули и побѣжали.

«Государь не пережилъ постигшей Россію военной неудачи. Причину его смерти офиціально приписывали простудѣ во время смотра какого-то полка, но правильнѣе предполагать, что государя сломило пережитое имъ нервное потрясеніе. По ходившимъ тогда слухамъ, государь передъ смертью призвалъ къ себѣ наслѣдника и завѣщалъ ему, между прочимъ, освобожденіе крестьянъ. И въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Императоръ Николай, несмотря на всю энергію свою въ подавленіи свободнаго развитія, былъ человѣкъ, прямо идущій къ своей цѣли. Онъ серьезно понималъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но въ его понятіяхъ это не было сочувствіе къ крестьянской несчастной участи, а, главнымъ образомъ, желаніе нивеллировать всѣхъ своихъ подданныхъ. Къ скорѣйшему разрѣшенію крестьянскаго вопроса побуждали, вѣроятно, также интересы внутренняго спокойствія и общественной безопасности».

«Дневникъ русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг.» (Е. Рагозиной, «Русская Старина», апрѣль) рисуетъ небезынтересную картину турецкаго отношенія къ Россіи въ канунъ врученія Портѣ извѣстнаго ультиматума съ требованіемъ остановить движеніе турецкой арміи къ Бѣлграду.

Турецкая чернь, еще наканунѣ встрѣчавшая Абдулъ-Гамида въ качествѣ побѣдителя невѣрныхъ, конечно, не сумѣла сразу ни узнать, ни оцѣнить со-

бытія. На улицахъ Стамбула шли манифестаціи. Бродячіе актеры типа нашихъ Петрушекъ забавляли народъ веселыми импровизаціями съ одурачиваніемъ русскихъ. Авторъ, случайно попавшій на представленіе этого жанра, подробно передаетъ маленькую комедійку, гдѣ дѣйствующими лицами являлись двѣ куклы—портной и черномазый шутъ. Шутъ, визжа и прыгая, производилъ себя въ самый высокій чинъ.

— Это я поднялъ на ноги весь дипломатическій корпусъ, а иначе московскій гяуръ захватилъ бы вчера Босфоръ и Дарданеллы.

— Какъ!—восклицалъ портной:—русскій флотъ уже прорвался изъ Чернаго моря? Да хранитъ насъ Аллахъ отъ вражеской силы!

— Что ты говоришь!—восклицалъ шутъ тономъ глубочайшаго негодованія. Развѣ можетъ какой бы тамъ ни было европейскій флотъ проникнуть въ Босфоръ? Одинъ выстрѣлъ съ нашего берега, и онъ идетъ ко дну!

Продолжая арлекинаду, шутъ переходилъ къ глумленію надъ нашимъ генераломъ Игнатьевымъ.

— Ладно, по дружбѣ я открою тебѣ секретъ! Вчера московскій генералъ перевезъ свои пожитки на стаціонеръ. Я стоялъ на берегу и видѣлъ собственными глазами, какъ несли чемоданы, ящики и сто пудовъ халвы!

— Аллахъ, на что ему столько! Ну, купилъ бы два-три ока (фунта),—на всю компанію и довольно.

— Ахъ, ты, деревянная башка, и этого понять не можетъ: извѣстно каждому, что у нихъ тамъ, въ Московскомъ царствѣ, кромѣ водки и самовара, ничего другого не найдешь въ лавкахъ!

Вслѣдъ за тѣмъ начиналось вышучиваніе русскаго ультиматума. Портной, оказывается, даже не зналъ, что значитъ это слово. Бѣшеный хохотъ публики наполнялъ воздухъ. Турчанки за ширмами начинали визжать, какъ поросята.

— Господа!—объяснялъ шутъ:—ультиматумъ есть обыкновенный листъ бумаги, на которомъ отъ времени до времени московское правительство пишетъ высокой Портѣ разные комплименты. Сегодня утромъ, напримѣръ, генералъ Игнатьевъ, отъ имени князя Горчакова, поздравилъ его величество султана съ блистательнымъ разгромомъ Черняева у Алексинаца...

Толпа всегда толпа, и во дни международныхъ кровопролитій она особенно довѣрчива и шовинистична. Какъ ни чудовищна была для знати и черни мысль о послушаніи гяурамъ, случилось именно то, чего никто не ждалъ. Абдулъ-Гамидъ подписалъ на два мѣсяца перемиріе и отозвалъ свою армію. Народная масса вылила свое негодованіе въ бурныхъ демонстраціяхъ. Точно лавина обрушилась на Константинополь и потрясла его до основанія.

Въ «Нашей Старинѣ» закончились любопытныя записки фрейлины двора императора Николая I, Анненковой-Мердеръ. Характеръ послѣднихъ страницъ—болѣе внѣшній. Здѣсь мы уже не встрѣчаемъ психологическихъ характеристикъ придворной жизни. Вниманіе автора отдано всецѣло внѣшнимъ проявленіямъ быта, въ частности придворнымъ увеселеніямъ, своею роскошью и изысканностью вызывающимъ въ памяти блистательные праздники вѣка

Екатерины. Вотъ любопытная картина устроенной Николаемъ I въ 1841 году въ Царскомъ Селѣ карусели, весьма удавшейся и навсегда оставшейся въ памяти тѣхъ, кому удалось видѣть это зрѣлище.

«Въ карусели участвовало семнадцать человѣкъ. Ихъ величества, великіе княжны и князья были дѣйствующими лицами и великолѣпно исполнили свои роли. Всѣ кавалеры были въ настоящихъ доспѣхахъ рыцарей среднихъ вѣковъ, такъ какъ государь самъ выбралъ эти доспѣхи, для раздачи участвующимъ, изъ коллекціи древняго вооруженія, находившейся въ царскосельскомъ арсеналѣ. Дамы же сдѣлали себѣ костюмы по портретамъ королевъ двѣнадцатаго вѣка.

«Братъ мой имѣлъ честь принимать участіе въ этомъ турнирѣ. Приглашенныхъ быть зрителями было крайне мало. Матушкѣ очень хотѣлось видѣть это зрѣлище и показать его намъ, дѣтямъ, и ей стоило большихъ трудовъ добыть себѣ окошко у кого-либо изъ жившихъ въ Александровскомъ дворцѣ. Въ паркъ никого не пускали, и было позволено смотрѣть только издали. Послѣ долгихъ хлопотъ ей удалось заручиться однимъ окошкомъ въ чьей-то квартирѣ, но изъ него смотрѣли только мы, матушка же въ самый день турнира получила приглашеніе отъ императрицы, которая предложила ей сопровождать мою сестру, уже ранѣе приглашенную по должности фрейлины. Она была крайне польщена такимъ вниманіемъ и не преминула, конечно, воспользоваться столь лестнымъ приглашеніемъ.

«Государыня императрица Александра Ѳеодоровна, умѣвшая отлично ѣздить верхомъ и любившая этотъ спортъ, въ этотъ день была изумительна хороша, такъ какъ средневѣковый костюмъ, который былъ сдѣланъ ей для карусели, замѣчательно шелъ къ ея фигурѣ. Государь, имѣя на себѣ тяжелые доспѣхи рыцаря шестнадцатаго столѣтія, чувствовалъ себя настолько удобно и хорошо, что казалось, будто онъ всю жизнь ихъ носилъ и привыкъ къ нимъ.

«Карусель началась съ того, что всѣ, принимавшіе въ ней участіе, отправились пѣшкомъ въ арсеналъ, гдѣ и сѣли на ожидавшихъ ихъ лошадей. Оттуда, предшествуемая хоромъ музыкантовъ Кирасирскаго полка, тоже наряженныхъ въ древнія одежды и вооруженныхъ съ головы до ногъ, кавалькада отправилась паркомъ къ Александровской башнѣ, прошла «готическими» воротами и затѣмъ, выйдя изъ другихъ воротъ, шагомъ прибыла къ Александровскому дворцу.

«Впереди ѣхалъ герольдъ, которымъ былъ, несмотря на свой маленькій ростъ, Юрьевичъ. Первой парой были императрица и графъ Апраксинъ; ихъ сопровождали маленькіе пажи—великіе князья. Противъ дворца ея величество сошла съ лошади и сѣла въ приготовленное для нея кресло. По окончаніи турнира императрица снова сѣла на лошадь, и всѣ поѣхали парадомъ по саду, такъ что были видимы многимъ посторонимъ зрителямъ, громадной толпой стоявшимъ вдоль рѣшетки парка. Что же касается до тѣхъ дамъ, которыя были приглашены смотрѣть на это зрѣлище, то онѣ всѣ, по распоряженію государя, переданному церемоніймейстеромъ высочайшаго двора княземъ Долгорукимъ, должны были вернуться домой, чтобы перемѣнить туалеты и вновь вернуться во дворецъ къ ужину.

«Графиня Воронцова на этой карусели была дамой государя. Ея костюмъ Изабеллы Баварской обошелся ей, какъ говорили, въ пять тысячъ рублей. Это было платье изъ громадныхъ квадратовъ, красныхъ и бѣлыхъ; на нихъ были вышиты гладью—шелками и золотомъ—гербы Нарышкиныхъ, и на другихъ—гербы Воронцовыхъ. Она имѣла также очень оригинальную шляпу съ золотомъ и чернымъ бархатомъ, очень точно, какъ тогда утверждали, скопированную съ портрета Изабеллы Баварской»...

Едва ли не самымъ интереснымъ сборникомъ литературныхъ матеріаловъ послѣдняго мѣсяца явился «Тургеневскій сборникъ», составленный подъ редакціей извѣстнаго Н. К. Пиксанова изъ трудовъ слушательницъ нашихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Пріятно привѣтствовать рвеніе молодежи, на этотъ разъ выразившееся не въ типичныхъ школьныхъ упражненіяхъ, которыя могутъ радовать профессора и быть рѣшительно никому ненужными, а въ рядѣ работъ по первоисточникамъ и даже по новымъ матеріаламъ.

Такъ, участницамъ сборника удалось открыть новую статью Тургенева, гдѣ онъ какъ бы предначертываетъ планъ будущаго царствованія Александра III, письма матери Тургенева къ сыну, переоцѣнивающія установившійся доселѣ взглядъ, что Варвара Петровна и въ отношеніи своего сына была суровой крѣпостницей: она была, оказывается, любящей и нѣжной матерью и интимныя письма Тургенева, касающіяся Ѳеоктисты Волковой, той крѣпостной дѣвушки, которую влюбленный Тургеневъ купилъ и потомъ, проживъ отъ нея сына, выдалъ замужъ за маленькаго чиновника.

Но особенно цѣнный матеріалъ представляютъ воспоминанія о Тургеневѣ Н. А. Островской, проредактированныя ея дочерью. Воспоминанія счастливо отличаются отъ обычныхъ записокъ о великихъ людяхъ, гдѣ, увы, читателю приходится главнымъ образомъ знакомится съ невеликими. Островская знала Тургенева долго и близко, бесѣдовалъ онъ съ ней охотно, и она принадлежала къ тѣмъ рѣдкимъ собесѣдницамъ, которыя умѣютъ говорить съ писателемъ о томъ, что и ему самому интересно, и въ его біографіи занимательно. Будущій изслѣдователь Тургенева рѣшительно не сможетъ обойти нѣкоторыхъ подсказовъ этихъ записокъ, часто являющихся комментаріемъ къ страницамъ тургеневскихъ романовъ и разсказовъ.

Вотъ, между прочимъ, интересная страница, нѣчто уясняющая въ характерѣ художественнаго творчества творца Рудина и Базарова. Въ одной изъ бесѣдъ Тургеневъ такъ высказался о своемъ способѣ создаванія образовъ.

«Чаще всего меня преслѣдуетъ образъ, а схватить его я долго не могу. И странно: часто выясняется мнѣ прежде какое-нибудь второстепенное лицо, а затѣмъ уже главное. Такъ, въ «Рудинѣ» мнѣ прежде всего ясно представился Пигасовъ, представилось, какъ онъ заспорилъ съ Рудинымъ, какъ Рудинъ отдѣлалъ его—и послѣ того уже и Рудинъ передо мной обрисовался. Иной разъ напишешь съ вечера сцену,—какъ будто хорошо, на другой день перечтешь и приходишь въ отчаянье. Кажется, если бы самъ чортъ на смѣхъ водилъ твоимъ перомъ—хуже не могло выйти. Такъ и мучаешься надъ каждой страницей. Я обыкновенно, когда кончу какую-нибудь вещь, перечту, перепишу и уже больше не перечитываю. Дамъ сначала прочитать кому-нибудь такому, кто мнѣ

правду скажетъ,—Анненкову, напримѣръ,—а тамъ ужъ прямо и отправляю въ печать.

«Лицо Базарова до такой степени меня мучило, что, бывало, сяду я обѣдать, а онъ тутъ передо мной торчитъ; говорю съ кѣмъ-нибудь,—а самъ придумываю, что бы сказалъ Базаровъ на моемъ мѣстѣ? У меня есть вотъ какая большая тетрадь предполагаемыхъ разговоровъ à la Базаровъ. Въ Базаровѣ есть черты двухъ людей: одного медика—(ну, да на того онъ мало похожъ, больше внѣшностью, да и медикъ этотъ побаловался, побаловался—и кончилъ тѣмъ, что все бросилъ и сталъ медициной заниматься). Главный матеріалъ мнѣ далъ одинъ человѣкъ, который теперь сосланъ въ Сибирь. Я встрѣтился съ нимъ на желѣзной дорогѣ и, благодаря случаю, могъ узнать его. Нашъ поѣздъ отъ снѣжныхъ заносовъ долженъ былъ простоять сутки на одной маленькой станціи. Мы ужъ и дорогой съ нимъ разговорились, и онъ меня заинтересовалъ, а тутъ пришлось даже ночевать вмѣстѣ въ какомъ-то маленькомъ станціонномъ чуланчикѣ. Спать было неудобно, и мы проговорили всю ночь.

— А зналъ онъ, кто вы?

— Не знаю. Вѣроятно, зналъ, но это его не стѣсняло. Онъ не считалъ нужнымъ скрываться ни передъ кѣмъ. И, вѣдь, не рисовался нисколько,—онъ былъ совершенно простъ. Къ утру намъ захотѣлось спать. Въ комнатѣ были диванъ и стулъ. Онъ предлагаетъ мнѣ лечь на диванѣ. Я началъ было церемониться, а онъ говоритъ: «Да вы не церемоньтесь; вѣдь, вы на стулѣ не заснете, а я могу заснуть какъ и когда хочу».—Я усомнился.—«Это ,говоритъ, дѣло выдержки и воли. Вотъ увидите, черезъ пять минутъ я буду спать». Сѣлъ онъ на стулъ, сложилъ руки на груди, закрылъ глаза и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ заснулъ. Онъ въ Сибири, говорятъ, имѣетъ большое вліяніе на окружающихъ».

Записки подтверждаютъ устами Тургенева случайность происхожденія знаменитыхъ «Записокъ охотника». Серію своихъ новеллъ о народѣ-рабѣ Тургеневъ могъ бы продолжать еще долго. Въ запискахъ приведены нѣсколько сюжетовъ его ненаписанныхъ разсказовъ. Тургеневъ разсказывалъ, что у него въ деревнѣ есть старый портфель съ набросками разсказовъ для «Записокъ охотника», которые такъ и не попали въ печать. «Помню, былъ разсказъ объ одномъ истинномъ происшествіи. Бывши студентомъ, пріѣхалъ я лѣтомъ въ деревню охотиться. На охоту водилъ меня старикъ изъ дворовыхъ сосѣдняго имѣнія. Вотъ разъ ходили мы, ходили по лѣсу, устали, сѣли отдохнуть. Только, вижу я, старикъ мой все осматривается, головой покачиваетъ. Меня это, наконецъ, заинтересовало. Спрашиваю: «Ты что?»—«Да мѣсто, говоритъ, знакомое»... И разсказалъ онъ мнѣ исторію, какъ когда-то на самомъ этомъ мѣстѣ барина убили. Баринъ былъ жестокій. Особенно донималъ онъ дворовыхъ, конечно, потому что они находились съ нимъ въ болѣе близкихъ сношеніяхъ, чѣмъ крестьяне. Вотъ дворовые и сговорились вытащить его ночью изъ дома куда-нибудь подальше и покончить съ нимъ. Старикъ мой былъ еще тогда мальчишкой. Онъ случайно подслушалъ разговоръ и въ ту ночь слѣдилъ за заговорщиками,—видѣлъ, какъ стащили барина съ завязаннымъ ртомъ, чтобы онъ не могъ кричать (мальчикъ бѣжалъ за этой процессіей сторонкой). Когда мужики пришли

въ лѣсъ, мальчикъ спрятался въ кустарникъ и оттуда все видѣлъ. Были страшныя подробности,—напримѣръ, поваръ набивалъ барину ротъ грязью (въ тотъ день шелъ дождь), приговаривая, чтобы онъ его кушанья попробовалъ».

«Былъ у меня еще разсказъ, писанный съ натуры,—только онъ мнѣ просто не удался .Сюжетъ былъ не для меня: годился бы развѣ для Щедринскаго таланта.—У матери моей пропала шкатулка съ деньгами. Подозрѣніе пало на караульщика, отставного солдата. Нарядили слѣдствіе. Допросъ происходилъ во флигелѣ, который былъ раздѣленъ на двѣ половины. Въ одной половинѣ расположилась матушка со своими лекарствами, пилюлями и каплями, въ другой засѣдали мой дядя, предводитель дворянства, принимавшій участіе въ слѣдствіи по родству, становой приставъ и священникъ, который обязанъ былъ увѣщевать вора. Я былъ еще мальчикомъ. Мнѣ очень хотѣлось присутствовать при этой исторіи, и такъ какъ я зналъ, что меня оттуда прогонятъ, то я потихоньку пробрался въ темный чуланчикъ и изъ этого чуланчика смотрѣлъ и слушалъ. Прежде всего вышелъ на сцену попъ,—крякнулъ и сталъ увѣщевать. Потомъ становой затопалъ ногами и заоралъ. Изъ сосѣдней половины раздавались стоны, истерическія вскрикиванья. Дядя то и дѣло бѣгалъ къ маменькѣ, уговаривая ее: «soyez raisonable, menagez vous pour vos enfants»,—затѣмъ прибѣгалъ назадъ и принимался уговаривать преступника возвышеннымъ слогомъ и тономъ благовоспитаннаго дворянина.

«Воръ не признавался. Въ комнату набрался, конечно, народъ. Въ числѣ другихъ стоялъ отставной солдатъ и все усмѣхался. Дядя въ концѣ концовъ его замѣтилъ.—«Ты что смѣешься? Знаешь развѣ что?»—«Дадите мнѣ, ваше благородіе, пять рублей,—найду деньги»... Становой не него кричать: «А, ты, мошенникъ, заодно!» Но дядя догадался—пообѣщалъ пять рублей. «Прикажите, говоритъ, ваше благородіе, у него въ дегтяркѣ посмотрѣть. У насъ въ полку все въ деготь деньги прячутъ»... Какъ только онъ это сказалъ, воръ сейчасъ же въ ноги»... Въ самомъ дѣлѣ, похищенное оказалось спрятаннымъ въ указанномъ мѣстѣ.

Характерна, а моментами не лишена почти комическаго оттѣнка антипатія Тургенева къ Некрасову, къ области монополизированныхъ имъ гражданскихъ чувствованій, въ искренность которыхъ онъ плохо вѣрилъ, а отсюда, наконецъ, и къ самому писательству поэта мести и печали. Съ обычнымъ умѣньемъ саркастически преломлять дѣйствительность и создавать анекдотъ Тургеневъ разсказывалъ такіе, якобы, житейскіе случаи.

«— Зашелъ я въ Петербургѣ къ пріятелю. Онъ одѣвается въ кабинетѣ, я остался ждать его въ сосѣдней комнатѣ. Тутъ же сидѣла его дочка, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, съ книгой въ рукахъ. Я подошелъ къ ней, спрашиваю: «Душенька, что вы читаете?»—«Стихотворенія Некрасова».—«И что же?Вамъ нравится?»—«Нравится».—«Что же именно вамъ тутъ нравится?»—«Чувство гражданской скорби, выраженное въ его стихахъ...» Я закричалъ пріятелю: «Слышишь? Я въ обморокъ падаю».—«Попробовалъ, говоритъ, останавливать,—хуже выходитъ».

— Теперь,—продолжалъ Тургеневъ —молодежь поэзіи не знаетъ и знать не хочетъ. Читаетъ только г. Некрасова, а о Пушкинѣ и понятія не имѣетъ...

Кто Некрасова любитъ, Пушкина любить не можетъ; кому Некрасовъ нравится—тотъ поэзіи не чувствуетъ... Некрасовъ и Пушкинъ: «Чертогъ сіялъ...»—продекламировалъ онъ нѣсколько строкъ.

— И послѣ этого... Кто помнитъ что-нибудь изъ Некрасова?—спросилъ насъ Иванъ Сергѣевичъ.—Все равно—первое попавшееся.

«— Ты подвяжешь подъ мышки передникъ...—начала я.

«— Перетянешь уродливо грудь,—продолжалъ онъ.—Да что я молодежь нынѣшнюю обвиняю! И мы хороши были! Знаете ли вы, кого мы ставили рядомъ съ Пушкинымъ? Бенедиктова! Знаете ли вы что-нибудь изъ Бенедиктова? Вотъ я вамъ скажу что-нибудь. Только его надо декламировать особеннымъ образомъ, по тогдашнему, нараспѣвъ и звукоподражательно. Вотъ слушайте.

Онъ продекламировалъ какой-то «Каскадъ» и представилъ голосомъ, какъ падаетъ каскадъ съ высоты, и какъ разбивается вода о камень.

— А то вотъ еще. Представьте себѣ, что вамъ декламируетъ стихи армейскій офицеръ, завитой, надушенный, но съ грязной шеей. «Кудри кольца, кудри змѣйки, кудри шелковый каскадъ...»

— Стихъ: «и поцѣлуемъ припекаетъ»—надо было говорить такъ, чтобы слышалось шипѣнье щипцовъ. Да-съ,—и вотъ какой чепухой восхищались и восхищались не кое-кто, а Грановскій, напримѣръ, вашъ покорнѣйшій слуга и другіе, не хуже насъ съ Грановскимъ. Одно насъ только немножко смущало: мы слышали, что Пушкинъ прочиталъ и остался холоденъ. Мы кончили тѣмъ, что рѣшили: великій человѣкъ Александръ Сергѣевичъ, а тутъ погрѣшилъ, позавидовалъ.

Не менѣе опредѣленна была его антипатія къ тѣмъ, кто окружалъ Некрасова въ журналистикѣ. Въ этомъ смыслѣ съ нимъ заодно было большинство людей его поколѣнія. Вотъ, напримѣръ, любопытныя подробности объ отношеніяхъ его и Боткина къ Добролюбову и Писареву.

«— Добролюбова я зналъ мало,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Писарева тоже. Добролюбовъ казался мнѣ болѣе крупною личностью. Писаревъ—болѣе тонкою. Когда Писаревъ пришелъ навѣстить меня, онъ меня удивилъ своею внѣшностью. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе юноши изъ чисто дворянской семьи, нѣжнаго, холенаго, руки прекрасныя, бѣлыя, пальчики тонкіе, длинные, манеры деликатныя. Я останавливался тогда у В. Боткина. Надо вамъ сказать, что Боткинъ бывалъ частенько очень грубоватъ. Когда онъ узналъ, что пришелъ Писаревъ, онъ взволновался.—«Зачѣмъ этотъ еще пришелъ? Неужели ты его примешь?»—Я говорю: «Конечно, приму; если тебѣ непріятно, ты бы лучше ушелъ».—«Нѣтъ,—говоритъ,—останусь».—Мнѣ хотѣлось, чтобы Боткинъ ушелъ: я зналъ его и боялся, какъ бы онъ не выкинулъ какой штуки... Но дѣлать было нечего: не могъ же я гнать хозяина изъ его собственнаго дома. Я ихъ познакомилъ. Боткинъ едва кивнулъ головой и усѣлся въ уголъ.—«Ну, думаю, быть бѣдѣ!» И дѣйствительно, только что Писаревъ что-то сказалъ, какъ мой Боткинъ вскочилъ, да и началъ. «Да вы, говоритъ, мальчишки, молокососы, неучи!.. Да какъ вы смѣете?»... Писаревъ отвѣчалъ учтиво, сдержанно, заявивъ, что едва ли г. Боткинъ настолько знаетъ современную молодежь, чтобъ называть всю ее, огуломъ—«неучами». Что же касается самаго укора

въ молодости, то это еще не вина: придетъ время—и эта молодежь созрѣетъ. Такимъ образомъ оказалось, что поклонникъ всего прекраснаго, изящнаго и утонченнаго—оказался совершенно грубымъ задирой, а предполагаемый «нигилистъ», «циникъ» и т. п.—истымъ джентльменомъ. Я послѣ стыдилъ этимъ Боткина. «Не могу,—оправдывался онъ,—не могу переносить ихъ.

Тургеневъ умѣлъ быть сдержаннѣе. Съ чисто-европейскою выдержкою онъ, напримѣръ, принялъ дерзкую выходку Достоевскаго, какъ извѣстно, изобразившаго его въ «Бѣсахъ» въ слитномъ образѣ писателя Кармазинова и, отчасти, профессора Верховенскаго. Еще не зная объ этомъ, Островская заговорила съ Тургеневымъ по поводу «Бѣсовъ». «Бѣсы» мнѣ совсѣмъ не нравятся».—«Нѣтъ, хорошо!—какъ-то неопредѣленно возразилъ Тургеневъ.—«По-моему, во-первыхъ, романъ скученъ, а потомъ въ немъ все такъ туманно, неясно».—«Да, правда!»—сорвалось у Тургенева.—А, впрочемъ, все-таки хорошо:»—спохватился онъ, снова становясь европейцемъ и сознавая, что въ подобныхъ случаяхъ задѣтому достойнѣе не выказать волненія и раздраженія.

«Временникъ Пушкинскаго дома», постоянное изданіе симпатичнаго музея, недавно возникшаго при академіи наукъ и сейчасъ уже располагающаго весьма цѣнными литературными матеріалами и реликвіями, въ своихъ приложеніяхъ и на этотъ разъ оглашаетъ матеріалы значительной исторической цѣнности. Е. П. Казановичъ разработала поступившія въ музей 25 записокъ Гоголя и Погодина, небольшіе лоскутки съ бѣглыми строчками, какими Гоголь обмѣнивался съ историкомъ-журналистомъ, живя въ верху того дома, низъ котораго занималъ тотъ.

Записки относятся къ тому времени, когда въ Гоголѣ уже обозначился печальный переломъ, и самыя отношенія его съ Погодинымъ изъ дружескихъ переходили въ холодныя, а иногда и враждебныя, вплоть до того, что оба временами не разговаривали другъ съ другомъ. Насколько виноватъ въ этихъ отяжелѣвшихъ отношеніяхъ самъ Гоголь, больной, капризный, самомнительный, хотя и напускающій на себя смиреніе и самоуничтоженіе, судить теперь трудно, но что Погодинъ, здоровый, порою нечуткій и всегда практическій, вписалъ одну изъ многихъ трагическихъ страницъ въ біографію больного генія, это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ этихъ оглашаемыхъ впервые матеріаловъ.

Гоголь былъ безденеженъ, боленъ, въ меланхоліи, на его плечахъ были бѣдныя сестры, фантастическія идеи и мечты связывались въ его воображеніи съ судьбою его романовъ. Но денегъ на печатаніе его не было, и приходилось водить дружбу съ тѣмъ же опостылѣвшимъ Погодинымъ, у котораго денежныя дѣла были тоже не блестящи. Иногда точно стоны Гоголя вырываются въ его мимолетныхъ запискахъ. «Не безпокой меня въ теченіе двухъ недѣлей по крайней мѣрѣ! Дай отдохновеніе душѣ моей!» Погодинъ искалъ у Гоголя поддержки своему журналу и предлагалъ ему вмѣсто объявленія о выходѣ «Мертвыхъ душъ» помѣстить одну или двѣ главы изъ нихъ въ очередномъ номерѣ «Москвитянина». Гоголь отвѣтилъ ему почти сквозь слезы, почти въ истерикѣ:

«Ты безсовѣстенъ и неумолимъ, жестокъ, неблагоразуменъ! Если тебѣ ничто мои слезы и мое душевное терзаніе и мои убѣжденія, которыхъ ты и не можешь и не въ силахъ понять, то исполни, по крайней мѣрѣ, ради Самого

Христа, распятаго за насъ, мою просьбу! Имѣй вѣру, которой ты не въ силахъ и не можешь имѣть ко мнѣ,—имѣй ее хоть на пять-шесть мѣсяцевъ! Боже, я думалъ уже, что буду спокоенъ хоть до моего выѣзда! Но у тебя все порывъ. Ты великодушенъ на первую минуту и черезъ три минуты потомъ готовъ повторить прежнюю пѣсню. Если бы у меня было какое-нибудь имущество, я бы сей же часъ отдалъ все свое имущество съ тѣмъ, чтобы не помѣщать до времени моихъ произведеній!»

Когда, послѣ всѣхъ непріятностей и тревогъ, Гоголь получилъ возможность разстаться съ Погодинымъ, онъ облегченно вздохнулъ. На проводахъ его недавній пріятель отсутствовалъ. Провожали его Аксаковы и Щепкинъ. Разставаніе было скучное, принужденное. Гоголь скрывалъ свою радость, но Аксаковы ее замѣтили, и она ихъ обидѣла. Только потомъ Аксаковъ понялъ, отъ чего бѣжалъ великій писатель и мученикъ.

Прямую историческую цѣнность для біографіи Гоголя имѣетъ и впервые оглашенное во «Временникѣ» письмо Гоголя къ императору Николаю I отъ 1846 г.—просьба его о выдачѣ заграничнаго паспорта на полтора года и предоставленіи ему особыхъ полномочій во время предстоящаго путешествія къ Святымъ Мѣстамъ. Гоголь проситъ паспортъ «особенный и чрезвычайный, въ которомъ бы великимъ именемъ вашимъ склонялись всѣ власти и начальства Востока къ оказанію мнѣ покровительства во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буду проходить я».

Письмо характерно тѣмъ типичнымъ для Гоголя соединеніемъ смиренія съ гордостью, какое отличаетъ всю его позднюю переписку. «Я ничто: дворянинъ, незамѣтнѣйшій изъ ряда незамѣтныхъ, чиновникъ, начавшій было служить вамъ и оставшійся понынѣ въ восьмомъ классѣ, писатель, едва означившій свое имя кое-какими незрѣлыми произведеніями». И рядомъ обычная, почти маньяческая мечта о выполненіи какой-то великой, благодѣтельной для царей и народовъ миссіи. «Великой милостью Бога вложены въ меня нѣкоторыя, необщія другимъ способности, которыхъ не слѣдовало мнѣ выказывать, покуда не вызрѣютъ онѣ во мнѣ и не воспитаются и которыми по возвращеніи моемъ изъ Святой земли я сослужу вамъ службу такъ же вѣрно и честно, какъ умѣли служить истинно русскіе духомъ и сердцемъ. Тайный, твердый голосъ говоритъ мнѣ, что не останусь я въ долгу передъ вами, мой царственный благодѣтель, великодушный спаситель уже было погибавшихъ дней моихъ».

Какъ отвѣтилъ государь великому писателю, уже извѣстно. Въ матеріалахъ Шенрока приведено письмо Адлерберга на имя Николая Ивановича (sic!) Гоголя, гласящее, что государь «съ особеннымъ благоволеніемъ» прочиталъ его письмо, но приказалъ «увѣдомить, что таковыхъ чрезвычайныхъ паспортовъ никогда и никому не выдавалось, что, желая содѣйствовать благому намѣренію, онъ приказалъ снабдить его безпошлиннымъ паспортомъ и сообщить посольству нашему въ Константинополѣ и нашимъ восточнымъ консуламъ, чтобы Гоголю было оказываемо съ ихъ стороны возможное покровительство и попеченіе».

Временно отложенное путешествіе въ Святую Землю Гоголь, какъ извѣстно, осуществилъ. 19-го февраля 1848 года онъ былъ у гроба Господня, но и святыня міра не принесла обновленія его изстрадавшейся душѣ. **А. Измайловъ.**

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника" поступили съ 15 марта по 15 апрѣля для отзыва слѣдующія книги:

Лаврецкій (Бор. Суворинъ). До войны. По Германіи на автомобилѣ (въ 1913 и 1914 гг.) и очерки «День за днемъ». Изданіе Б. А. Суворина. 1915. Пгр. Стр. 244. Ц. 1 р.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Изданіе 2-е т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1914. Стр. 234. Ц. 2 р.

— Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1915. Стр. 30. Цѣна не обозн.

Марко П. Цемовичъ. Современныя славянскія проблемы. Пгр. 1915. Стр. 115. Ц. 1 р.

Пушкинъ. Подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Т. VI. «Библіотека великихъ писателей». Изданіе Брокгаузъ-Эфронъ. Пгр. 1915. Стр. 661. Цѣна 8 р.

Э. К. Пекарскій. Путеводитель по музею антропологіи и этнографіи имени императора Петра Великаго. Галлерея императора Петра I. Пгр. 1915. Стр. III+42. Ц. 10 к.

Библіологическій сборникъ. Томъ I, вып. 1. Русскія библіографическія организаціи. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности. Изданіе «Русскаго библіологическаго общества». Пгр. 1915. Стр. 46. Цѣна 80 к.

С. И. Лаврентьева. Пережитое. (Изъ воспоминаній). Пгр. 1914. Стр. 327. Ц. 1 р. 20 к.

— Ѳомушка. (Не быль и не сказка Пгр. 1915. Стр. 22. Ц. 20 к.

М. И. Демковъ. Дары юности. Разсказы. М. 1915. Стр. 244. Цѣна 1 р. 25 к.

Авторъ—извѣстный педагогъ. Поэтому темы его разсказовъ взяты изъ жизни преподавателей или учащихся. Если эти разсказы не блещутъ драматическими эффектами, то содержатъ много довольно любопытныхъ разсужденій о русской жизни, просвѣщеніи и литературѣ.

Тургеневскій сборникъ. Новооткрытыя страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминанія. Библіографія. Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Кн-во «Огни». Пгр. 1915. Стр. XVI+215. Ц. 1 р. 75 к.

Вешнія воды. Научно-литературно-художественный студенческій журналъ. V—VI. Пгр. 1915. Стр. 213. Ц. 1 р.

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. О необходимости національнаго направленія нашей школы. Пгр. 1915. Стр. 13. Ц. 25 к.

— Къ вопросу объ университетскомъ преподаваніи. Пгр. 1915. Стр. 14. Ц. 25 к.

Воронежская Старина. Вып. 13-й. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-

археологическаго комитета. Воронежъ. 1914. Стр. 467. Ц. 2 р. 50 к.

Е. С. Истрина. Руководство по исторіи русскаго языка съ хрестоматіей, снимками съ древнихъ рукописей и двумя картами въ краскахъ. Пгр. Изданіе Я. Башмакова и К°. 1915. Стр. 114. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ перепл. 90 к.

Руководство г-жи Истриной обличаетъ въ авторѣ и опытнаго педагога, и хорошаго знатока своего предмета.

Г. Е. Псальмовъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Г. Е. Клочковскаго. Великія Луки. 1914. Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящее полное собраніе сочиненій Гервасія Ефремовича Псальмова знакомитъ читателей съ незатѣйливой, но искренней музой неизвѣстнаго поэта-самородка, пѣвца народнаго горя и заключаетъ въ себѣ «Пѣсни горя», «Пѣсни любви», «Описанія», «Духовные стихи», эпиграммы, экспромты и пр. Вмѣсто біографіи къ книгѣ приложены статьи о поэтѣ изъ провинціальной печати. Вся прибыль съ продажи за отчисленіемъ расходовъ по нынѣшнему и по слѣдующему 2-му изданію, жертвуется въ пользу пострадавшихъ отъ войны, раненыхъ, больныхъ, увѣчныхъ, ихъ семей и семей павшихъ въ бою воиновъ.

В. Г. Смородиновъ. Годы службы моей въ варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта. Пгр. 1914. Стр. 200. Цѣна не обозн.

Ѳ. Г. Ширяевъ. Университетъ въ Иркутскѣ. Историческая справка. Иркутскъ. 1915. Стр. 28. Цѣна не обозн.

Н. Рудникова, Г. Елачичъ. Люциферъ и Антихристъ. Фантастическій діалогъ. Пгр. 1915. Стр. 46. Ц. 60 к.

О. Старосельская. Кондорсе, какъ соціологъ. (М. В. Ж. К. Работы слушательницъ. Историко-филологическій факультетъ). М. 1915. Стр. 122. Ц. 80 к.

Матеріалы для исторіи Гангутской операціи. Пгр. 1914. Вып. 1-й. Ч. I. Грамоты, указы и письма Петра Великаго 1713 г. Стр. XXXVI+138.—Вып. 1-й. Ч. II. Грамоты, указы и письма Петра Великаго 1714 г. Стр. 275.—Вып. III. Журналы 1714 г. Цѣна не обозн.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. XV. Вып. VI. Стр. 180.—Т. XVII. Вып. II. Стр. 126.—Вып. III. Стр. 98.—Вып. IV. Стр. 102. Цѣна не обозн.

Леонардо Риччіарди. Вулканизмъ въ миѳологіи и въ наукѣ. Перев. съ итал. С. А. Веретенникова. Воронежъ. 1915. Стр. 23. Ц. 50 к.

Бар. В. Я. Икскуль. Полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Стихи. Перев. Вл. Волынцева. Ревель. 1915. Стр. 95. Ц. 1 р.

Р. Кумовъ. Очерки и разсказы. Изданіе 2-е. Кн-во «Жизнь для всѣхъ». Пгр. 1915. Стр. 183. Ц. 50 к.

Проф. Б. Н. Меншуткинъ. Первый русскій ученый. («Знаніе для всѣхъ»). Изданіе П. П. Сойкина. Пгр. 1915. Стр. 36. Ц. 50 к.

Популярный очеркъ проф. Б. Н. Меншуткина о М. В. Ломоносовѣ, кромѣ его біографіи, даетъ яркое изображеніе того состоянія науки и тѣхъ общественно-политическихъ условій, при которыхъ приходилось трудиться нашему первому русскому ученому. Внѣшность изданія, обильно иллюстрированнаго, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Книжка проф. Меншуткина явится полезнымъ вкладомъ для ученическихъ и народныхъ библіотекъ.

Вѣра Рудичъ. Осень золотая. Въ дни войны. Пгр. 1915. Стр. 88. Ц. 75 к.

А. Петровъ. Объ этнографической границѣ русскаго народа въ Австро-Угріи. О сомнительной «венгерской» націи и о недѣлимости Угріи. Пгр. 1915. Стр. 46. Ц. 75 к.

Минусинскій городской Мартьяновскій музей. В. А. Ватинъ. Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Этюдъ по исторіи Сибири. Минусинскъ. 1913. Стр. IV+212. Ц. 1 р. 50 к.

— Село Минусинское. Историч. очеркъ. Минусинскъ. 1914. Стр. VI+179. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ тщательно разрабатываетъ скудные архивные матеріалы, хранящіеся въ Минусинскомъ музеѣ. Первая изъ названныхъ работъ удостоена половинной преміи Л. П. Кузнецова при томск. университетѣ за лучшія сочиненія по исторіи Сибири.

Дѣти и война. Сборникъ статей. Изданіе кіевскаго фребелевскаго общества. Кіевъ. 1915. Стр. 118. Ц. 1 р.

Н. Березинъ. Задачи и работы по географіи. (Азія, Африка, Америка, Австралія). Изданіе Я. Башмакова и К°. Пгр. 1915. Стр. 47. Ц. 30 к.

— Начальная географія. Ч. 2-я. (Азія, Африка, Америка, Австралія). Изданіе Я. Башмакова и К°. Пгр. 1915. Стр. 156+47. Ц. 1 р.

Великіе полководцы міра (выпускъ I). Александръ Великій. Составилъ Казанскаго военнаго училища шт.-капитанъ Н. В. Колесниковъ, членъ Имп. русск. военно-историч. об-ва. Казань. 1914. Стр. 102. Ц. 2 р.

Книга написана живо и интересно. Къ сожалѣнію, авторъ не достаточно си-

стематизировалъ огромный матеріалъ. Древнихъ авторовъ онъ знаетъ только по переводамъ, но всегда безупречнымъ. Кстати Діодоръ Сицилійскій перев. на русск. языкъ Иваномъ Алексѣевымъ (1774—75, 6 т.). Къ книгѣ приложенъ рядъ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ большею частью свободныя композиціи.

И. С. Крыловъ. Десятилѣтіе кинешемскаго реальнаго училища имени И. А. Коновалова. 1904—1914 г.г. Краткая историческая записка. Кинешма. 1914. Стр. 104. Цѣна не обозн.

В. В. Есиповъ. Славяне и нѣмцы. М. 1915. Стр. 23. Ц. не обозн.—Милость и правда въ тюрьмѣ. Тюрьма русская и германская. Пгр. 1914. Стр. 23. Ц. 30 к.—Высшее образованіе въ царствѣ Польскомъ за сто лѣтъ (1815—1915). Варшавскій университетъ. Пгр. 1914. Стр. 21. Ц. 30 к.—Предѣлы гражданскаго права въ царствѣ Польскомъ. Варшава. 1915. Стр. 21. Ц. 20 к.—Германцы. Варшава. 1915. Стр. 48. Ц. 40 к.

Библіографическій ежегодникъ. Вып. IV. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1914 г. Кн-во «Наука». М. 1915. Стр. 329. Ц. 1 р. 80 к.

Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Обзоръ дѣятельности за 1913 годъ. Изданіе канцеляріи главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ. Пгр. 1915. Стр. 126. Ц. не обозн.

А. Меньшиковъ. О великой европейской войнѣ 1914—15 г.г. Съ 19 рис. Изданіе вятскаго комитета общества помощи семьямъ запасныхъ. Вятка. 1915. Стр. 151. Ц. 25 к. Чистый доходъ отъ продажи книжки поступаетъ въ пользу означеннаго комитета.

Настоящая брошюра по содержанію весьма разнообразна, заключаетъ въ себѣ описаніе хода войны за семь мѣсяцевъ, знакомитъ съ общимъ состояніемъ воюющихъ странъ и выясняетъ мотивы, по которымъ государства приняли участіе въ развернувшемся всемірномъ военномъ пожарѣ. Книга украшена 19 рисунк. и снабжена очень полезнымъ для народа военнымъ словаремъ.

Славянское объединеніе. Журналъ издаваемый С. К. Родіоновымъ подъ ред. Ѳ. Ѳ. Аристова. № 1—2. Москва. 1915. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Плата въ годъ за 24 номера съ доставкой и пересылкой 3 рубля.

И. И. Докукинъ. Вѣчный календарь православной церкви въ таблицахъ. Для историческихъ, судебныхъ и семейныхъ справокъ. Рязань. 1914. Стр. 32. Ц. 25 к.

Изъ переписки Я. К. Грота съ кн. П. А. Вяземскимъ. (Сообщилъ К. Я. Гротъ). Пгр. 1915. Стр. 16.

Брошюра содержитъ, главнымъ образомъ, нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ къ исторіи статьи Я. К. Грота «Первенцы лицея и его преданія» и стихотвореній кн. Вяземскаго, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Складчина» (въ пользу голодающихъ Самарской губерніи. Спб. 1874).

Великій князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Второе изданіе, съ 12 таблицами портретовъ и рисунковъ. Пгр. 1914. Стр. XIII+782. Цѣна 10 р.

Н. Н. Сергіевскій. Записки плѣнника. Два съ половиной мѣсяца въ плѣну у нѣмцевъ. Изданіе журнала «Наша Старина». Пгр. 1915. Стр. 114. Ц. 80 к.

Н. Серебрянскій. Древне-русскія княжескія житія. (Обзоръ редакцій и тексты). Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ. М. 1915. Стр. IV+295+186. Цѣна не обозн.

Извѣстія главнаго комитета всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. М. 1915. № 10. Стр. 91. № 11. Стр. 84. Цѣна не обозн.

Проф. C. V. Z. Charlier. Какъ можетъ быть устроена безконечная вселенная. Симбирскъ. 1914. Стр. 16. Ц. 20 к.

Н. А. Павловъ. Записки землевладѣльца. Первая часть. Пгр. 1915. Стр. VIII+362. Ц. 2 р.

А. Лескинъ. Грамматика древне-болгарскаго (древне-церковнаго) языка. Переводъ Н. Петровскаго. Казань. Изданіе книжнаго магазина Маркелова и Шаропова. 1915. Стр. IX+318+II. Цѣна 2 р.

Книга представляетъ въ высшей степени цѣнное пособіе для преподавателей и студентовъ, такъ какъ переводчикъ, извѣстный славистъ и профессоръ, присоединилъ къ ней нѣкоторыя важныя дополненія.

Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Ч. II. Эпоха абсолютизма и революціи. Сост. проф. П. Н. Ардашевъ въ сотрудничествѣ съ Н. И. Никифоровымъ, В. Н. Евстафьевымъ, Б. А. Зарудскимъ и Н. П. Руткевичемъ. Кіевъ. 1915. Стр. VIII+255. Я. 1 р. 25 к.

Проф. Н. Н. Ѳирсовъ. Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Опытъ характеристикъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1915. Стр. 108. Ц. 75 к.

В. Русаковъ. Юные русскіе герои. Очерки и разсказы о военныхъ подвигахъ русскихъ мальчиковъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1915. Стр. 120. Ц. не обозн.

Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 7. Варшава. 1914. Стр. 181. Ц. 1 р.

В. И. Гошкевичъ. Херсонскій городской музей древностей Херсонскаго края. Лѣтопись музея за 1913 г. Вып. 5. Изданіе херсонскаго городского управленія. Херсонъ. 1915. Стр. 44. Ц. не обозн.

Кайзеръ безъ маски. (Переводъ съ англійскаго). Разоблаченія истинныхъ причинъ войны, изложенныхъ въ дневникѣ графа Акселя фонъ-Шверинга. Пгр. 1915. Стр. 70. Ц. 35 к.

А. Ренниковъ. Въ странѣ чудесъ. Правда о прибалтійскихъ нѣмцахъ. Изданіе второе. Пгр. 1915. Стр. 347. Ц. 1 р. 50 к.

Витошинскій, Е. М. Указатель именной и предметный къ труду А. В. Горскаго и К. И. Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки». Москва 1855—1869. 5 книгъ. Варшава. 1915. Стр. 316+VI. Цѣна 1 р.

Крылатое изреченіе, что книга безъ указателя на имѣетъ права на существованіе, особенно подходитъ къ библіографическимъ пособіямъ, лишеннымъ такого указателя. Вотъ почему надо благодарить г. Витошинскаго за исполненную имъ нелегкую задачу. Оба указателя составлены вполнѣ цѣлесообразно; общее впечатлѣніе немного портится только отъ прибавк addenda et corrigenda.

П. Д. Успенскій. Исканія новой жизни. Что такое іога? Изданіе 2. Кн-во «Новый Человѣкъ». Пгр. 1915. Стр. 55. Ц. 30 к.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Жена министра. Романъ въ двухъ частяхъ изъ жизни петроградской бюрократіи. Изданіе 3. Пгр. 1915. Стр. 376. Ц. 1 р. 50 к.

Ан. Волынцева. Въ часы досуга. Стихотворенія. Пгр. 1915. Стр. 62. Ц. 1 р.

П. А. Гнѣдичъ. Матеріалы по народной словесности Полтавской губерніи. Роменскій уѣздъ. Вып. 1. Пѣсни обрядовыя. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1915. Стр. 150. Ц. 1 р. 50 к.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ. Тобольскъ. 1915. Стр. 266. Ц. 1 р.

Великій князь Николай Михайловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. VII. Пгр. 1914. Стр. IX+439. Ц. не обозн.

Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. XXVI. Вып. 2. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань. 1915. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Каманинъ. Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ. (Ихъ древность и святость). Кіевъ. 1914. Стр. 164. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РИ ДВОРѢ германскаго кронпринца.— Въ февральской книжкѣ «Fortnightly Review» продолжаются воспоминанія англійской гувернантки внуковъ кайзера Вильгельма. Героемъ напечатанной второй главы этихъ мемуаровъ является на этотъ разъ самъ Вильгельмъ, не утерпѣвшій, чтобы не стать передъ англичанкой въ позу.

«Однажды,—разсказываетъ авторъ воспоминаній,—день выдался дождливый, и мои принцы и ихъ родственница занимались англійскимъ языкомъ въ одной изъ бесѣдокъ въ паркѣ. Принцесса не любила, чтобы дѣти оставались дома, и это было хорошо, такъ какъ нѣкоторыя части «замка» провѣтривались очень плохо, и тамъ стоялъ спертый, вонючій воздухъ.

«Я читала дѣтямъ вслухъ книжку американскаго автора Джорджа Гента, и это чтеніе такъ ихъ захватило, что всѣ трое въ одинъ голосъ восклицали: «Дальше! Дальше!» Вдругъ на дорожкѣ, которая вела къ бесѣдкѣ, послышался хрустъ чьихъ-то шаговъ. Я не отрывала отъ книги глазъ, полагая, что это лейтенантъ-воспитатель. Но вдругъ хрустъ прекратился. Кто-то подошелъ совсѣмъ близко къ намъ. Я нетерпѣливо оглянулась.

«На дорожкѣ стояли два человѣка въ военной формѣ. Одинъ стоялъ впереди, другой на шагъ сзади. Всякій, кто видѣлъ фотографію кайзера, не преминулъ бы узнать его въ первомъ, хотя на фотографіяхъ онъ изображается въ сильно прикрашенномъ видѣ. На самомъ дѣлѣ лицо его гораздо старше, носъ тяжеловѣснѣе, вся фигура короче и коренастѣе. О рубцѣ на лѣвой щекѣ обыкновенно нѣтъ и помина. Я растерялась отъ неожиданности

и, вставая, уронила книгу и опрокинула плетеный стулъ, который считался англійскимъ издѣліемъ. Я была такъ смущена всѣмъ этимъ, что готова была плакать. Къ довершенію несчастья, императоръ залился хохотомъ, добродушнымъ, но непріятнымъ для меня, такъ какъ именно я была предметомъ его веселости.

«— Я опрокинулъ все Соединенное королевство и Соединенные Штаты!— проговорилъ онъ на хорошемъ англійскомъ языкѣ.

«Голосъ его былъ хриплъ. Рукой онъ показывалъ на кресло и книгу Гента и пристально глядѣлъ на меня, какъ бы вызывая на возраженіе.

«Оба мои принца бросились къ нему, принцесса послѣдовала за ними, но робко, какъ бы зная, что императоръ не любитъ дѣвочекъ.

«Кайзеръ наскоро приласкалъ дѣтей и, казалось, не обращалъ вниманія на то, что они ждали, чтобы онъ ихъ поцѣловалъ. Можетъ быть, это объяснялось тѣмъ, что они прибыли сюда изъ города, гдѣ свирѣпствовали заразныя болѣзни, а императоръ сильно ихъ боится. Положивъ правую руку на плечо старшаго принца, онъ повернулъ его лицомъ къ гувернанткѣ и спросилъ:

«— Что составляетъ первую обязанность, т.-е. первое удовольствіе благовоспитаннаго человѣка, если дама что-нибудь уронитъ?

«— Поднять,—отвѣчалъ мальчикъ, краснѣя.

«— Хорошо, только надо было сообразить это раньше. Можетъ быть, по господствующимъ въ Англіи идеямъ, я покажусь старомоднымъ? Надѣюсь, впрочемъ, что вы не настолько англичанка, чтобы быть суффражисткой, а?

«Я слышала,—замѣчаетъ авторъ воспоминаній,—что суффражистки для императора—то же, что красная тряпка для быка, и что онъ заговариваетъ о нихъ со всякой англичанкой, которую видитъ въ первый разъ. Я отвѣчала, что для того, чтобы быть англичанкой, нѣтъ надобности непремѣнно быть суффражисткой.

«Императоръ, словно школьный учитель, погрозилъ мнѣ пальцемъ.

«— Впрочемъ, они сѣютъ хорошія сѣмена, которыя пожнемъ мы.

«Я не понимала, что этимъ хотѣлъ сказать кайзеръ. Его увѣренность, что онъ правъ въ своихъ сужденіяхъ, составляла обычное свойство нѣмцевъ,— общее всѣмъ посѣтителямъ «шлосса»: каждый изъ нихъ, въ особенности если это былъ пруссакъ,—зналъ объ Англіи больше, чѣмъ сами англичане. Я иногда старалась ихъ разувѣрить, но безъ всякаго результата. Только теперь я поняла, что подъ «хорошими сѣменами» императоръ разумѣлъ междоусобную «войну половъ» въ Англіи».

Вильгельмъ представилъ своей собесѣдницѣ своего адъютанта и разсказалъ, что они провели цѣлую ночь въ поѣздѣ и ѣздили осматривать расположенный недалеко гарнизонъ. Имѣя немного свободнаго времени, они заѣхали сюда на моторѣ, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ меньшаго изъ принцевъ, который былъ не совсѣмъ здоровъ вслѣдствіе прорѣзыванія зубовъ.

«— Это не заразно,—замѣтилъ императоръ.—Многіе изъ насъ хотѣли бы, чтобы у нихъ прорѣзался зубъ мудрости.

Выпустивъ какой-нибудь «вицъ», императоръ громко хохоталъ, закидывая назадъ голову и открывая ротъ. При этомъ онъ пристально смотрѣлъ

на собесѣдника, какъ бы приглашая его тоже смѣяться. Чѣмъ больше смѣялись, тѣмъ больше ему это нравилось. Когда острить было не надъ чѣмъ, на его лицѣ появлялось какое-то странное, напряженное выраженіе. Въ такія минуты онъ казался старше своего возраста.

«Императоръ пробылъ около бесѣдки не болѣе двадцати минутъ, но успѣлъ поговорить о множествѣ самыхъ разнообразныхъ вещей.

«— Вы уже, вѣроятно, начали собирать матеріалы для великой книги?— спросилъ онъ меня.

«Я довольно недогадливо спросила, какую книгу разумѣетъ его величество.

«— Какъ какую? Книгу, которую вы напишете о насъ,—отвѣчалъ онъ скрипучимъ голосомъ.—О насъ всѣ пишутъ».

Несмотря на увѣреніе англичанки, что она вовсе не думаетъ писать о немъ, кайзеръ улыбался и упорно стоялъ на своемъ.

«— Когда вы будете писать, то прошу только объ одномъ: пишите правдиво,—прибавилъ онъ.—Впрочемъ, намъ нечего бояться. Мы, нѣмцы, самый искренній народъ и странно, какъ это иностранцы не понимаютъ насъ. Они просто завидуютъ нашимъ успѣхамъ. Множество книгъ о насъ было написано недоброжелательными людьми, въ томъ числѣ и женщинами. Мнѣ это надоѣло.

«На минуту его лицо приняло свирѣпое выраженіе, а жесткіе голубые глаза смотрѣли совсѣмъ, какъ у фанатика. Но черезъ минуту все это исчезло.

«— Лучше будетъ, если вы покажете мнѣ ваши замѣтки прежде, чѣмъ начнете писать книгу. Можетъ быть, я помогу вамъ исправить нѣкоторыя сужденія».

Потомъ кайзеръ, чтобы загладить впечатлѣніе, заговорилъ о воспитаніи, о томъ, что англичанка-воспитательница имѣетъ значительныя преимущества передъ нѣмкой. Неожиданно онъ заявилъ, что если бъ его слушались, то при дѣтяхъ давно была бы англичанка.

— Но принцесса самая своенравная женщина, которую я только видѣлъ. Вы думаете, что я нескроменъ. Вотъ газеты меня обвиняютъ въ нескромности, потому что я говорю, что думаю. Но это ни для кого не тайна. Она самой природой не предназначалась быть женой и матерью. Что хочетъ, то и дѣлаетъ. Впрочемъ, я ужъ, кажется, сказалъ слишкомъ много.

«Прощаясь, императоръ милостиво протянулъ руку, держа ее ладонью книзу. Я замѣтила, что въ сравненіи съ лѣвой, которую онъ прижималъ къ себѣ, она была непомѣрно велика, зато на ней было больше колецъ, чѣмъ у богатой американки».

Прощаясь, онъ такъ стиснулъ англичанкѣ руку, что та едва не вскрикнула отъ боли. Этимъ кайзеръ, вѣроятно, хотѣлъ показать, какъ онъ силенъ.

Неожиданный визитъ императора переполошилъ всѣхъ въ «шлоссѣ». Всѣ старались узнать, о чемъ говорилъ онъ съ англичанкой. Первыми явились къ ней двѣ придворныя дамы.

— Какъ вы думаете, что привело его сюда?—спросила одна.

— Вѣроятно, желаніе повидать дѣтей.

— Ничего подобнаго. Императору они вовсе не интересны. Онъ пріѣзжалъ для того, чтобы видѣть васъ. Принцесса хотѣла, чтобы дѣти прежде всего хорошо выучились по-французски. Но императоръ всякій разъ, какъ встрѣчался съ ней, настаивалъ, чтобы взяли англичанку. Въ концѣ концовъ принцъ и его жена уступили, хотя оба ненавидятъ англичанъ.

— Но зато императоръ цѣнитъ нашъ народъ,—замѣтила англичанка.

— Ничего подобнаго,—послѣдовалъ отвѣтъ.—Онъ боится англичанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ презираетъ ихъ. Это, конечно, противорѣчіе, но вѣдь онъ весь сотканъ изъ противорѣчій.

— Парижскія увеселенія въ XVII вѣкѣ.—«La Promenade à Paris au XVII siècle»—такъ озаглавлена книга Марселя Поета, которая недавно появилась на парижскомъ книжномъ рынкѣ. Авторъ набрасываетъ картину тогдашнихъ нравовъ и придворнаго быта, перемѣшивая все это забавными анекдотами и сатирическими стихами поэтовъ того времени. Передъ читателями, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ картины пышныхъ празднествъ, которыя короли давали при различныхъ торжественныхъ обстоятельствахъ, галантныхъ развлеченій, нравовъ какъ придворныхъ, такъ и буржуазныхъ.

Въ старомъ Парижѣ улицы раздѣлялись на два разряда: по однимъ жители могли спокойно ходить, на другихъ они рисковали не только своимъ карманомъ, но и жизнью. Это были пристанища для воровъ и всякаго рода бродягъ.

Въ гигіеническомъ отношеніи Парижъ той эпохи не могъ похвастаться опрятностью. На берегу Сены ютились кожевенные заводы и красильныя заведенія, которые заражали воздухъ міазмами. Къ этому примѣшивался запахъ разлагавшейся крови съ городской бойни, и хотя правительство предписало еще въ XVI вѣкѣ перевести эти заведенія за черту города, но и въ XVII вѣкѣ они благополучно оставались на прежнемъ мѣстѣ.

Впрочемъ, парижане были вознаграждены за оскорбленіе ихъ обонянія массою цвѣтниковъ. Тюльпаны, анемоны, гвоздики и прочіе цвѣты украшали сады частныхъ лицъ, монастырей и аббатствъ.

Мало того, на римскихъ развалинахъ Клюни былъ устроенъ висячій садъ наподобіе сада Семирамиды. Его поддерживали очень широкіе кирпичные своды на уровнѣ съ крышами сосѣднихъ домовъ. Украшенный цвѣтниками, обсаженными кустами розъ, этотъ висячій садъ служилъ украшеніемъ Парижа.

Не было также недостатка въ питомникахъ лечебныхъ травъ и растеній, которыя разводились за городомъ. Уже въ то время зарождались санаторіи, и при одномъ изъ питомниковъ находился пансіонъ для больныхъ. Въ одномъ изъ такихъ питомниковъ разводились рѣдкія тропическія растенія и заграничныя деревья для лечебныхъ цѣлей.

Съ каждымъ новымъ королемъ городъ измѣнялъ свой внѣшній видъ: онъ разрастался и украшался. Вниманіе королей все болѣе и болѣе привлекалъ вопросъ объ общественныхъ развлеченіяхъ и гигіенѣ. Особенно съ эпохи царствованія Франциска I Парижъ началъ замѣтно измѣнять свою внѣш-

ность. Частные сады уничтожались ради общественной пользы и уступали мѣсто или новымъ улицамъ, или пустымъ пространствамъ въ родѣ Королевской площади, на которыхъ устраивались народныя игры и ярмарки. Вмѣсто нихъ возникали большіе общественные парки и сады, подобно Тюльерійскому, который устроила Екатерина Медичи, Люксембургскому при дворцѣ, построенномъ Маріей Медичи, саду при Кардинальскомъ дворцѣ, который Ришелье завѣщалъ королю, и Ботаническому, устроенному тоже въ царствованіе Людовика XIII.

Парижане всегда отличались одной характерной чертой—любовью къ уличной жизни, къ общественности. Поэтому Парижъ во всѣ времена славился необыкновеннымъ оживленіемъ. Это способствовало тому, что онъ производилъ впечатлѣніе города съ гораздо большимъ народонаселеніемъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Въ началѣ XVII вѣка въ самомъ Парижѣ было немного мѣстъ для прогулокъ, гдѣ могло бы собираться общество: для этого пользовались галереей дворца Ришелье, гдѣ ютились различныя лавки.

Галантный парижскій міръ нашелъ себѣ здѣсь уютный уголокъ для свиданій. Придворные ловеласы и легкомысленныя придворныя дамы, даже самъ король находилъ удовольствіе прогуливаться здѣсь. Одинъ путешественникъ, который посѣтилъ Парижъ въ ту эпоху, писалъ, что «дворецъ служилъ какъ бы посредникомъ для любовниковъ. Они встрѣчались подъ сводами этихъ коридоровъ незамѣтно среди толпы, которая являлась сюда или по дѣлу или веселиться».

Парижанамъ приходилось довольствоваться скромными прогулками по берегу Сены. Но съ каждымъ годомъ Парижъ расширялся, и умножались площади, на которыхъ устраивались различныя игры, особенно въ мячъ.

Открытіе Королевской площади совпало съ торжествомъ празднованія двухъ королевскихъ свадебъ: Людовика XIII съ Анной Австрійской и его сестры Елизаветы съ принцемъ Филиппомъ испанскимъ. Регентша Марія Медичи устроила по этому случаю трехдневное празднество со скачками, турнирами и проч. На площади былъ выстроенъ деревянный дворецъ «Félicité», который служилъ цѣлью атаки и защиты, въ которой участвовали герцоги де-Гизъ, Неверъ, Жуанвиль и друг. Это празднество, по свидѣтельству современниковъ, было обставлено чрезвычайно роскошно. Королевская площадь покрылась цвѣтникомъ роскошныхъ дамскихъ туалетовъ. Со стороны королевскаго павильона прибывали отряды рыцарей солнца, лиліи, вѣрности, феникса, четырехъ вѣтровъ, четырехъ королей воздуха, нимфъ, за ними слѣдовали два рыцаря вселенной, девяти знаменитыхъ римлянъ и т. д.

Звуки всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ, восторженные возгласы присутствовавшихъ, выстрѣлы изъ мушкетовъ, все это опьяняюще дѣйствовало на зрителей.

На другой день вечеромъ при пушечныхъ выстрѣлахъ дворецъ Félicité освѣтился тысячею фигурныхъ фейерверковъ. Особенно замѣчательно былъ выполненъ одинъ номеръ—портреты короля и королевы, которые свѣтились въ воздухѣ съ четверть часа. Одинъ изъ нихъ былъ окруженъ ореоломъ солнечныхъ лучей, другой—лунныхъ.

Когда окончилась эта часть празднества, послѣдовало шествіе съ факелами по улицамъ, прилегавшимъ къ Королевской площади. Всѣ дома и улицы были иллюминованы разноцвѣтными фонарями. Въ темнотѣ они казались неподвижными звѣздами или кометами и производили волшебное впечатлѣніе.

На третій день разыгрывался призъ королевы. Участвующіе должны были на скаку поймать копьемъ металлическое кольцо. Призъ оцѣнивался въ десять тысячъ ливровъ и состоялъ изъ кольца, которое дарила королева.

По сосѣдству съ Королевской площадью находился другой любимый уголокъ галантныхъ парижанъ—Marais. Это бывшее болото, когда-то полное міазмовъ, превратилось въ изящный кварталъ вродѣ Сенъ-Жермена. Здѣсь жило избранное общество: аристократы, финансисты и вообще люди со средствами. И здѣсь, какъ въ Сенъ-Жерменѣ, было изобиліе femmes galantes. Вотъ извѣстная «petite Nichon de Marais», любовница великаго Конде; вотъ красавицы де-Лормъ, Дюбуа, Бабетъ, Фаншонъ и цѣлая стая другихъ красавицъ.

Въ зимніе дни нарумяненныя красавицы съ мушками на щекахъ, декольтированныя и прикрытыя лишь легкими шелковыми платочками, отправлялись на Королевскую площадь для свиданій и новыхъ знакомствъ. А въ лѣтніе вечера по этимъ мѣстностямъ и особенно по Королевской площади любили прогуливаться со своими метрессами надушенные франты.

Фронда внесла смятеніе въ жизнь этихъ красавицъ квартала Marais и на время лишила ихъ средствъ существованія. А въ 1656 г. этотъ веселый уголокъ Парижа подвергся новой напасти. Въ январѣ вышелъ указъ, чтобы женщины и дѣвицы дурной жизни, лакеи и бродяги не смѣли ходить подъ сводами королевскихъ коридоровъ и по сосѣднимъ съ площадью улицамъ. Имъ запрещали назначать тамъ свиданія и останавливаться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Это было для нихъ большимъ ударомъ.

Патріархальныя прогулки по берегамъ Сены теперь не могли удовлетворять парижанъ. Парижанки все болѣе и болѣе царили надъ толпою. Безъ нихъ не могло обойтись ни одно пріятное общество. Подъ ихъ окнами раздавались серенады, ихъ засыпали любовными письмами, имъ посвящали стихотворенія. Поэтому совершенно естественно, что должно было возникнуть новое поле для ихъ побѣдъ, гдѣ онѣ могли бы блеснуть своими чарами—и вотъ появились «cours» на подобіе флорентійскихъ и римскихъ корсо.

Въ ту эпоху названіе «cours» было для парижанъ новинкой. Оно появилось вмѣстѣ съ развитіемъ галантной жизни парижанъ. Это слово привезла Марія Медичи изъ Флоренціи, гдѣ «корсо» были въ большой модѣ. Оно означало: «катанье въ экипажѣ въ наиболѣе прохладное время дня и въ извѣстномъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями». До ея регентства парижане не знали другого рода прогулокъ, какъ пѣшкомъ въ садахъ.

Регентша очень хлопотала объ устройствѣ этихъ «cours». Она приказала обсадить деревьями аллеи по берегу Сены на западъ отъ Тюльерійскаго сада. Эта затѣя ее такъ интересовала, что она болѣе ни о чемъ другомъ не думала.

Это новое развлеченіе вносило въ жизнь парижанъ нѣкоторую новизну. Теперь имъ необходимъ былъ нарядный экипажъ въ четыре лошади—и въ Па-

рижѣ появилось столько роскошныхъ экипажей, что они совершенно наводнили улицы.

Обыкновенно до начала гулянья публика собиралась въ саду Тюльери. Экипажи ѣхали шагомъ, чтобы сѣдоки могли пѣть, смѣяться, вести игры, однимъ словомъ, эти «cours» являлись какъ бы передвижнымъ салономъ. Здѣсь царила необыкновенная учтивость: даже незнакомые между собою обмѣнивались поклонами. Мужчины почти все время оставались съ обнаженной головою, не смѣя пропустить мимо даму, не снявъ шляпы. За такую небрежность мужчина прослылъ бы невѣжей.

Аллеи, по которымъ ѣхали позолоченные и роскошно отдѣланные бархатомъ экипажи съ нарядными дамами, представляли въ эти часы любопытное зрѣлище. Особенно красивый видъ на «cours» былъ съ террасы Ренаръ, украшенной цвѣтниками.

Начиная съ двухъ королевъ, Маріи Медичи и Анны Австрійской, до государственныхъ людей, придворныхъ и финансистовъ всѣ стремились на это гулянье. Сюда собиралось не только высшее общество, но и скромные буржуа со своими домочадцами. Нянюшки и мамки предусмотрительно набирали съ собою полные передники пирожковъ, кренделей и пряниковъ.

Шаловливый Амуръ не скупился пускать свои стрѣлы въ прекрасныхъ дамъ и кавалеровъ. Красавица Нинонъ де-Ланкло одерживала любовныя побѣды. Однажды вечеромъ она увидѣла, какъ маршалъ Грамонъ приглашалъ въ свою коляску одного господина, который ѣхалъ верхомъ. Красавица велѣла сказать ему, что будетъ рада поговорить съ нимъ послѣ гулянья, и увезла къ себѣ ужинать.

Среди этой толпы выдѣлялись любопытные типы, вродѣ маркиза Рульяка. Онъ привозилъ съ собою ларцы съ дамскими перчатками и посылалъ ихъ тѣмъ дамамъ, которыя имѣли счастье ему понравиться. Иногда онъ спускалъ сторы кареты и перемѣнялъ свой костюмъ, появляясь затѣмъ, «какъ солнце изъ-за тучъ».

Кавалеры ввели обычай носить на шляпахъ шелковый чулочекъ своей возлюбленной въ знакъ вѣрности. Женщины являлись иногда на подобныхъ гуляньяхъ въ маскахъ и вводили мужчинъ въ обманъ. Одинъ парижанинъ воспылалъ страстью къ такой замаскированной парижанкѣ, но когда она по какому-то поводу сняла маску, то обожатель такъ испугался ея, что попросилъ скорѣе надѣть маску.

Для парижанки той эпохи лучшимъ удовольствіемъ было маскироваться, посѣщать сенъ-жерменскую ярмарку и прогуливаться на «cours». Подобныхъ гуляній потомъ развелось очень много, и были назначены часы, для каждаго гулянья различные. Въ La Loi de la galanterie былъ даже затронутъ вопросъ о томъ, чтобы составить альманахъ, въ какомъ часу начинаются «cours» въ томъ или другомъ мѣстѣ. Разница между Cours de la Reine и Cours hors la porte Saint Antoine была небольшая: первое было засажено деревьями, а второе нѣтъ. Увлеченіе такого рода забавой распространилось и на другіе города. Королева часто уѣзжала въ Тулузу, чтобы присутствовать на тамошнихъ «cours».

Особенное оживленіе царило на cours Saint Antoine во время карнавала.

Толпы замаскированныхъ дамъ и кавалеровъ осыпали другъ друга отрубями и ржаной и пшеничной мукой вмѣсто теперешнихъ конфетти.

Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIII подобныя гулянья устраивались исключительно въ Cours de la Reine, и только карнавалъ неизмѣнно справлялся на cours Saint Antoine.

Но вотъ наступилъ 1649 годъ, и фронда прервала всѣ наслажденія и удовольствія парижанъ. Но въ слѣдующемъ году на Cours de la Reine снова появились еще болѣе роскошные экипажи. Одни передъ другими придворные щеголяли богатствомъ своихъ экипажей, обитыхъ богатыми матеріями и украшенныхъ позолотою, серебряною бахромою, бархатомъ и т. д. Многіе подвергли себя опасностямъ, показываясь въ роскошныхъ экипажахъ, такъ какъ въ послѣдніе годы уже вышелъ указъ относительно позолоченныхъ каретъ. Поэтому въ слѣдующее очередное гулянье было запрещено появляться въ экипажахъ съ золотыми и серебряными украшеніями.

Въ 1651 году подобное гулянье еще не вышло изъ моды. На этомъ гуляньѣ появился великій Конде въ своемъ великолѣпномъ экипажѣ. По выходѣ изъ тюрьмы, куда онъ былъ заключенъ по приказанію регентши, герцогъ снова сталъ въ оппозицію съ правительствомъ.

Но вотъ наступила эпоха Короля Солнца, и на «cours» появилось новое общество. Это было общество Мольера и Лабрюйера. Каждый вечеръ парижане собирались на этихъ гуляньяхъ. Матери вывозили дочерей-невѣстъ на показъ женихамъ. Несостоятельные люди въ складчину нанимали экипажи въ шесть лошадей, хотя сами голодали. Отъ экипажа къ экипажу перебѣгали продавщицы сластей—онѣ же посредницы для передачи любовныхъ записокъ. Это было мѣсто, гдѣ исключительно царилъ Амуръ, и потому туда никто не являлся со своей женой.

Въ концѣ царствованія Людовика XIII на этихъ cours была введена новая мода: по вечерамъ тамъ устраивались прогулки съ факелами, играла музыка и устраивались танцы. На подобное гулянье въ Шальо публика привозила съ собой въ каретахъ поваровъ и провизію, и, пока они приготовляли кушанье, развлекались всѣ подъ тѣнью деревьевъ.

На этихъ гуляньяхъ впослѣдствіи варьировался характеръ развлеченій, и въ нихъ вводили различныя игры. Съ каждымъ годомъ старый Парижъ разрастался, и умножались пустыя пространства, т. е. площади. На нихъ устраивались уже не только одни cours, но различныя общественныя игры, академіи для аристократовъ, какъ научныя, такъ и чрезвычайно распространенныя въ Парижѣ XVIII вѣка—верховой ѣзды. Площади требовались и для ярмарокъ вродѣ сенъ-жерменской, на которой парижане очень веселились.

Подъ вліяніемъ Кольбера Людовикъ XIV усиленно старался устроить какъ можно больше широкихъ площадей и публичныхъ прогулокъ. Поэтому въ 1667 году Парижъ обогатился Елисейскими полями и Булонскимъ лѣсомъ.

— Изъ воспоминаній Локруа.—Газета «Le Temps» опубликовала въ позапрошломъ году отрывки изъ воспоминаній бывшаго морского министра Франціи Эдуарда Локруа, за свою долгую жизнь видѣвшаго не мало любопытныхъ людей и вещей. Такъ какъ г. Локруа, насколько намъ извѣстно,

не собрался издать свои мемуары отдѣльной книгой, то извлекаемъ здѣсь для русскаго читателя нѣсколько эпизодовъ изъ его жизни, разсказанныхъ имъ на страницахъ «Temps».

Одной изъ яркихъ фигуръ ранняго періода воспоминаній Локруа является Эрнестъ Ренанъ.

«Ренану,—говоритъ авторъ,—я много обязанъ и навсегда сохранилъ къ нему чувство признательности. Я жилъ съ нимъ вмѣстѣ болѣе года, и это соприкосновеніе привело меня къ такимъ научнымъ занятіямъ и такимъ мыслямъ, которыя безъ него не пришли бы мнѣ и въ голову. Въ Сирію онъ отправился одинъ-одинешенекъ, только въ сопровожденіи своей сестры Гортензіи. У него и тогда замѣчалось уже предрасположеніе къ полнотѣ. Больше всего поражали въ немъ огромный носъ и маленькіе глазки. Прямые волосы, свойственные бретонцамъ, плотно прилегали на вискахъ. Выраженіе губъ было ироническое. То былъ самый милый человѣкъ, котораго мнѣ приходилось видѣть въ жизни. Когда онъ начиналъ говорить, собесѣдники забывали и о его носѣ, и о его узенькихъ глазкахъ.

«Онъ сохранилъ манеры духовнаго лица. Все въ немъ, начиная отъ манеры знакомиться до манеры кланяться, обличало бывшаго духовнаго. Къ нему болѣе всего пристали бы митра и риза.

«Мы исходили съ нимъ всѣ церкви Кайссеруна, которыя всѣ построены на развалинахъ древнихъ храмовъ. Въ ихъ стѣнахъ находились иногда камни, на которыхъ попадались почти стертыя древнія надписи. Ренанъ разыскивалъ здѣсь финикійскія надписи.

«Его сестра Гортензія относилась къ нему, какъ къ ребенку: помогала ему одѣваться, завязывала галстукъ, усаживала за столъ, когда подавали обѣдъ, нерѣдко она бранила его и дѣлала ему выговоры, и Ренанъ сокрушенно просилъ у нея прощенія. Гортензія Ренанъ просматривала все, что писалъ ея братъ, который читалъ ей всѣ свои работы. Она прямо, не обинуясь, высказывала свое мнѣніе, и Ренанъ почти всегда ему слѣдовалъ.

Гортензія Ренанъ работала въ той же области, что и ея братъ: она знала финикійскій языкъ, говорила по-латыни, знала греческій и нѣкоторые изъ новыхъ языковъ. Въ матери семейства она не годилась. Она держалась на все очень опредѣленныхъ мнѣній и не увлекалась такъ религіозными вопросами, какъ ея братъ. Она обожала брата и сосредоточила на немъ всю свою нѣжность. Жизнь ея проходила тяжело и бурно. Она долго жила въ Польшѣ въ качествѣ воспитательницы въ семействѣ одного польскаго магната. Разлука съ братомъ, который выросъ на ея рукахъ, доставляла ей много страданій и сдѣлала изъ нея серьезнаго, строгаго человѣка, производившаго на людей, съ ней мало знакомыхъ, впечатлѣніе какого-то холоднаго профессора.

«Обыкновенно,—говоритъ авторъ воспоминаній,—мы отправлялись съ Ренаномъ на раскопки рано утромъ. Ренанъ ѣхалъ на своемъ ослѣ, а я на лошади, имѣвшей отвратительную привычку сбрасывать всадника и уже убившей такимъ путемъ одного итальянца, которому я ее одолжилъ. Ренанъ давалъ мнѣ какое-нибудь порученіе—списывать надписи и разыскивать ихъ. Въ теченіе года я такимъ образомъ изъѣздилъ всю Сирію и зналъ ее лучше, чѣмъ Парижъ.

Ѣздилъ я обыкновенно съ своей собакой и слугой-арабомъ. То были лучшіе часы моей жизни. Я спалъ, гдѣ приходилось, иногда подъ открытымъ небомъ, иногда въ палаткѣ какого-нибудь бедуина или друга. Я, конечно, подвергался при этихъ поѣздкахъ большимъ опасностямъ, но тогда я былъ молодъ и всегда питалъ склонность къ одиночеству, которая позднѣе получила даже болѣзненные размѣры».

Другимъ давнишнимъ пріятелемъ Локруа былъ извѣстный композиторъ Гуно.

«Однажды,—вспоминаетъ Локруа,—сижу я въ своемъ служебномъ кабинетѣ въ министерствѣ, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ о приходѣ Гуно.

Гуно входитъ. Глаза его обращены кверху, лицо сосредоточено, руками онъ нервно теребитъ свою шляпу.

«— Милый другъ,—началъ онъ прерывающимся голосомъ:—я къ вамъ по очень, очень важному дѣлу, которое не даетъ мнѣ покою. Вѣрьте ли, я сегодня не спалъ всю ночь... Не могу заснуть, да и только. Наконецъ я взялъ сочиненія Платона. Какой изумительный философъ! Я читалъ его до разсвѣта. Онъ страшно успокаиваетъ. Вѣдь вы, конечно, вѣрите въ безсмертіе души? Кто же не вѣритъ въ это? Несомнѣнно, душа не можетъ погибать. Пусть тѣло разлагается, превращается въ прахъ, но душа?

И онъ съ жаромъ пустился приводить всевозможныя доказательства въ пользу безсмертія души.

Монологъ этотъ продолжался около часу. Когда вопросъ наконецъ былъ исчерпанъ, я спросилъ Гуно:

— Какое же у васъ дѣло:

Гуно вскочилъ, ударилъ себя по лбу и закатилъ глаза къ небу.

— Знаете, мы подняли такіе серьезные вопросы... Извините, я позабылъ... Я приду къ вамъ другой разъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и исчезъ.

Особый интересъ по нынѣшнему времени представляетъ знакомство Локруа съ бывшимъ германскимъ канцлеромъ фонъ-Бюловымъ, который теперь занимаетъ постъ германскаго посла въ Римѣ и, благодаря своимъ итальянскимъ связямъ, всѣми силами старается удержать Италію отъ выступленія противъ Австріи.

Дѣло было въ 1905 году въ Баденъ-Баденѣ, куда Локруа пріѣхалъ лечиться. Какъ-то къ нему зашелъ знакомый сотрудникъ «Neue Freie Presse» и между прочимъ сообщилъ, что въ сосѣднемъ отелѣ живетъ Бюловъ, что онъ очень интересуется французскимъ государственнымъ дѣятелемъ и неоднократно освѣдомлялся о немъ. Это было косвеннымъ приглашеніемъ завезти ему карточку, что Локруа и сдѣлалъ. На другой день фонъ-Бюловъ пригласилъ его къ обѣду.

Когда Локруа прибылъ въ назначенный день, его приняли съ утонченной любезностью. Княгиня фонъ-Бюловъ—итальянка по происхожденію, дочь какого-то итальянскаго князя. Ея мать впослѣдствіи вышла замужъ второй разъ за нѣкоего Мингетти. Сама княгиня по своимъ манерамъ, по вкусамъ и языку осталась типичной итальянкой. Занимается она главнымъ образомъ искусствомъ, политика же кажется ей чѣмъ-то жалкимъ. Увлекается Вагнеромъ и

символистами. Она была лично знакома и дружна съ Вагнеромъ, который однажды въ минуты откровенности сказалъ ей: «Признаюсь вамъ по секрету, я очень люблю оперы Россини, но ради Бога не говорите этого вагнеріанцамъ: они мнѣ этого никогда не простятъ».

Обѣдъ былъ накрытъ въ общей залѣ отеля, но Бюловъ и его приглашенные были отдѣлены отъ остальной публики рядомъ деревьевъ въ кадкахъ. За обѣдомъ разговоръ то и дѣло переходилъ на итальянскій языкъ.

Бюловъ—высокій, бѣлокурый сильный человѣкъ, голубые глаза котораго почти не видны изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ. Толстое лицо его имѣетъ четырехугольную форму. Жидкіе волосы, раздѣленные проборомъ посрединѣ, какъ будто приклеены къ черепу. На немъ былъ смокингъ, въ петлицѣ огромная красная бутоньерка.

Бюловъ прекрасно говоритъ по-французски и отлично знаетъ французскую литературу. Онъ, конечно, разсыпался въ похвалахъ ей, попенялъ на Тэна, который, по его мнѣнію, не понялъ великой французской революціи и недостаточно оцѣнилъ ея экономическія причины, распространился насчетъ «несчастныхъ недоразумѣній», которыя раздѣлили оба великихъ народа Европы, т. е. французовъ и нѣмцевъ, потомъ заговорилъ о соціализмѣ и о Бебелѣ, который представлялся ему человѣкомъ убѣжденнымъ, вѣрившимъ въ сочиненія Маркса, какъ въ Евангеліе.

— Это замѣчательный ораторъ, человѣкъ, сумѣвшій сдѣлаться образованнымъ. Онъ превосходитъ другихъ цѣлой головой.

Этимъ обѣдомъ и кончились сношенія обоихъ государственныхъ людей.

— Англійская суфражистка въ роли защитницы союзныхъ державъ.—Въ свое время вниманіе Европы и Америки привлекъ къ себѣ англійскій писатель Б. Шоу своимъ выступленіемъ въ пользу Германіи. Онъ произвелъ большой шумъ своимъ «страннымъ поведеніемъ», и теперь появилась пламенная отповѣдь «неуравновѣшенному писателю» со стороны представительницы англійскихъ суфражистокъ извѣстной миссъ Панкхерстъ.

Въ Европѣ еще не забыли, какую бурю поднимали суфражистки въ Англіи въ ихъ походѣ за равноправіе. Это было передъ самой войной. Но лишь только онѣ убѣдились, что отечество въ опасности, какъ тотчасъ же объединились для общаго дѣла и принялись работать въ пользу союзныхъ державъ.

Мать миссъ Панкхерстъ посвятила себя на время войны организаціи собраній и митинговъ, на которыхъ она горячо проповѣдуетъ толпѣ объ ея долгѣ передъ родиной. Сама миссъ Панкхерстъ отправилась въ Соединенные Штаты, гдѣ съ энергіей, почти сверхчеловѣческой, ведетъ борьбу противъ Германіи и въ пользу союзныхъ державъ. Ея многочисленныя статьи и брошюры заставили американцевъ взглянуть на борьбу союзныхъ странъ съ Германіей иными глазами, чѣмъ это было въ началѣ войны. Но, нападая на врага родины, она не щадитъ и своихъ соотечественниковъ, нѣкоторыхъ «фальшивыхъ» патріотовъ, за ихъ нападки на Англію и Францію.

Свою агитацію она ведетъ и во Франціи, помѣщая статьи въ журналахъ. Между прочимъ, она напечатала въ «La Revue» статью «Bernard Show et la guerre», гдѣ выясняетъ роль Б. Шоу по отношенію къ Германіи.

По ея словамъ, въ Англіи уже давно сложилось опредѣленное мнѣніе объ этомъ драматургѣ, какъ о человѣкѣ, который всегда идетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, что ставитъ его иногда въ странное положеніе. Напримѣръ, на одномъ митингѣ, гдѣ возставали противъ алкоголизма, Б. Шоу одобрялъ этотъ порокъ. Но стоило бы только попросить его отстаивать продажу алкоголя, какъ онъ сталъ бы требовать запрещенія продажи. Настолько развитъ въ немъ духъ противорѣчія.

Вообще Б. Шоу является личностью, которая не выноситъ иного мнѣнія, кромѣ своего собственнаго, и это именно развило въ немъ страсть къ противорѣчіямъ. По словамъ его соотечественницы, онъ страдаетъ излишнимъ самомнѣніемъ и поэтому не допускаетъ никакой критики, кромѣ собственной.

Б. Шоу обвинялъ своихъ соотечественниковъ въ умственной лѣности. На это мисс Панкхерстъ говоритъ, что они не настолько лѣнивы, чтобы допустить Б. Шоу за нихъ говорить. Самъ Б. Шоу иногда говорилъ здраво, но съ нѣкоторыхъ поръ нельзя признать, что онъ идетъ къ усовершенствованію, судя по его статьямъ о войны. Вообще его поведеніе по отношеніи Англіи довольно странное, и онъ все дѣлаетъ, какъ бы желая тормозить ея успѣхъ.

Извѣстно, какіе безпорядки и скандалы производили въ Англіи суфражистки предъ войною, но едва онѣ увидѣли, что Англіи грозитъ опасность со стороны Германіи, то смирили свой гнѣвъ и отложили свое личное дѣло до болѣе благопріятнаго момента. Честь и безопасность родины требовали этой жертвы. Напротивъ, Б. Шоу со своей стороны, отнесся къ Англіи иначе и не только не проявилъ патріотизма, но даже не могъ удержаться отъ фривольной, поверхностной критики своихъ соотечественниковъ.

«Что касается суда Линча,—говоритъ суфражистка,—то американская публика можетъ быть спокойна, что Б. Шоу ничѣмъ не рискуетъ. Ему угрожаетъ большая опасность: получить Желѣзный крестъ отъ кайзера въ благодарность за его усиліе помочь задачѣ официальнаго бюро нѣмецкой прессы. Въ Англіи его ожидаетъ не судъ Линча, а хуже: его слова не будутъ болѣе имѣть цѣны, какъ это было прежде».

Въ то время, какъ англичане умираютъ на полѣ брани, Б. Шоу спокойно пишетъ, что «надо искоренить гордость англичанъ». Это возмущаетъ суфражистку. Она находитъ, что «Англія не могла не послать войска на континентъ, потому что она играетъ на Западѣ роль полисмена».

Критика Б. Шоу своей родины, конечно, достигла Германіи, и выдержки изъ его статей циркулируютъ тамъ и считаются выраженіемъ взгляда одного изъ замѣчательныхъ людей Англіи.

Б. Шоу рѣзко обвинялъ Англію за роль «нѣжной газели», «оскорбленной невинности». Возмущенная суфражистка возражаетъ ему, что англичане просто народъ, который защищаетъ себя самого и сражается за идеалъ свободы и независимости. «Когда наша страна,—говоритъ миссъ Панкхерстъ,—окажется въ безопасности, то мы, суфражистки, если это необходимо, будемъ готовы сражаться и продолжать нашу гражданскую войну, чтобы завоевать свободу и независимость женщины. Но въ ожиданіи мы помогаемъ мужчинамъ и даже правительству, сражаясь съ общимъ врагомъ, который угрожаетъ нашей свободѣ и свободѣ всего міра».

Б. Шоу обвиняетъ Англію въ появленіи нѣмецкаго милитаризма и приводитъ факты. Но англійская суфражистка говоритъ, что сами эти факты говорятъ противъ него. «Я довольно старъ,—говоритъ Б. Шоу,—чтобы запомнить начало военной пропаганды, которая велась въ Англіи противъ Германіи». Франко-прусская война 1870—71 годовъ оставила Англію изолированной. До тѣхъ поръ никто не боялся Пруссіи, и вдругъ Пруссія обратила во прахъ Францію». На это миссъ Панкхерстъ отвѣчаетъ, что именно война противъ Франціи, подстрекателемъ которой былъ Бисмаркъ, и пораженіе и разореніе Франціи вскормили нѣмецкій милитаризмъ и поощрили нѣмецкій народъ подготовить этотъ проектъ. Планъ военнаго наступленія Германіи заставилъ и другія страны подготовляться къ собственной защитѣ.

Миссъ Панкхерстъ убѣждена, что Б. Шоу помогаетъ Германіи, поддерживая ея ложныя увѣренія, будто у нея не было агрессивныхъ намѣреній и ей угрожала Россія. Но англійскую суфражистку это не убѣждаетъ, и она говоритъ: «Поистинѣ трудно указать точку, гдѣ прекращается желаніе Германіи увеличить свои предѣлы. А между тѣмъ Б. Шоу рисуетъ Германію «оскорбленной невинностью», «нѣжной газелью», защищающей себя. Онъ утверждаетъ, «что ультиматумъ Сербіи продѣлка стараго пустомели Франца-Іосифа», а между тѣмъ уже всѣмъ извѣстно, что онъ продиктованъ въ Берлинѣ. Германія продиктовала условія сербскаго ультиматума и приказала Австріи отказаться отъ всякихъ компромиссовъ и переговоровъ, которые могли бы способствовать избѣжанію войны. Поэтому Б. Шоу взялъ на себя неблагодарную задачу: ослѣпить весь міръ и заставить его повѣрить, что въ этой войнѣ роль Германіи не агрессивна».

Б. Шоу будто не понимаетъ, какой ударъ нанесла Германія чести Бельгіи своимъ поведеніемъ. Она требовала, чтобы Бельгія пропустила по своей территоріи войска кайзера и этимъ поощрила Германію итти противъ сосѣдней Франціи. Б. Шоу слишкомъ хорошо знаетъ военное дѣло и не можетъ не вѣдать, что, пропуская войска кайзера по своей территоріи, Бельгія выступаетъ уже, какъ врагъ Франціи. Только благодаря своему необыкновенному героизму, бельгійцы избѣжали позора, подготовленнаго имъ въ Берлинѣ.

Б. Шоу, защищая Германію, въ экстазѣ восклицаетъ, что быть побѣжденному не составляетъ бѣды. Это возмущаетъ англійскую суфражистку, и она съ негодованіемъ говоритъ: «Какъ кайзеръ долженъ быть благодаренъ Б. Шоу, что онъ провозгласилъ такую идею! Но духъ независимости не можетъ быть искорененъ изъ людей ни словомъ, ни силою».

Затѣмъ миссъ Панкхерстъ объясняетъ, что Великобританія сражается не только за Бельгію, хотя призывъ и одной Бельгіи заставилъ бы англичанъ вступить въ войну. «Мы сражаемся также за Францію, потому что на нее предательски напали, и потому, что по своей культурѣ и цивилизаціи она міровая драгоцѣнность. Мы сражаемся также потому, что защищаемся!»

Б. Шоу говоритъ, что Англія должна была прямо сказать Германіи: «Если вы нападете на Францію, мы объявимъ вамъ войну». «Я также думаю,—прибавляетъ миссъ Панкхерстъ,—что такая декларація была бы превосходна. Для меня и для многихъ другихъ мысль, что наша страна будетъ спокойно при-

сутствовать при франко-прусской войнѣ, была бы нетерпима. Велико было наше облегченіе, когда мы узнали, что англійское правительство объявило войну». Почему же Англія не сказала Германіи, что она поддержитъ Францію въ случаѣ конфликта? И миссъ Панкхерстъ объясняетъ это тѣмъ, что она боялась сильной оппозиціи суфражистокъ, лондонской лиги соціалъ-демократовъ, части либеральной прессы и рабочей партіи, которая была обманута профессорами и другими миссіонерами кайзера. Ихъ убѣдили, что нѣмецкой опасности не существуетъ. По ея мнѣнію, напрасно англійское правительство колебалось, такъ какъ народъ вполнѣ понялъ, что необходимо сражаться, если бы даже Бельгія не подверглась нападенію.

Въ одномъ англійская суфражистка соглашается съ Б. Шоу: онъ требуетъ болѣе гласности относительно иностранной политики. Но при этомъ она пользуется случаемъ уязвить непрекрасную половину человѣческаго рода. «Въ этомъ онъ правъ,—говоритъ она:—но этой реформы онъ и его друзья позабыли потребовать, тогда какъ, располагай женщины правомъ голоса, онѣ давно бы ея потребовали».

— Изъ біографіи Жана Ватто.—Нельзя сказать, чтобы Филиппъ Ватто, кровельщикъ изъ Валансьена, былъ счастливымъ отцомъ. Онъ былъ женатъ на рослой, здоровой фламандкѣ, три сына которой должны были бы наслѣдовать его почтенное «дѣло». Къ несчастью, второй изъ его сыновей, которому при крещеніи дали имя Жанъ-Антуанъ, оказался ни къ чему неспособнымъ. Его отдали въ ученіе, но онъ былъ слабъ здоровьемъ, и его хозяева были имъ недовольны. Въ тринадцать лѣтъ онъ еще не умѣлъ покрыть черепицей самой простой крыши. Пришлось поневолѣ взять его домой. И вотъ Жанъ Ватто бѣгаетъ на свободѣ по улицамъ, по рыбнымъ рынкамъ и по тавернамъ своего родного городка, толкается среди ремесленниковъ, матросовъ, кружевницъ, забирается въ лабиринтъ темныхъ, извилистыхъ переулковъ, освѣщенныхъ лишь огнями кузницъ. Вечеромъ, усталый отъ ходьбы и всего видѣннаго, онъ возвращается къ родителямъ и изображаетъ на аспидной доскѣ или на клочкѣ бумаги разныя народныя сцены, которыя ему приходилось перевидать за день.

Кровельщикъ и его жена были противъ того, чтобы дѣлать изъ своего сына живописца, несмотря на его склонность къ этому дѣлу. Для человѣка, который удостоенъ чести ходить въ торжественныхъ процессіяхъ во главѣ своей корпораціи, это было бы слишкомъ унизительно. Не долѣе, какъ года два-три тому назадъ, въ обязательныхъ постановленіяхъ города художники и живописцы были причислены къ гражданамъ второго разряда, вмѣстѣ съ слесарями, оружейниками и другими низшими ремесленниками. Тѣмъ не менѣе, въ виду неспособности маленькаго Ватто поддерживать дѣло своего отца, родители рѣшили сдѣлать изъ него хоть что-нибудь и отдали его въ ученіе къ мѣстной знаменитости—живописцу Жаку Герину, который за шесть ливровъ согласился посвятить мальчика въ тайны своего искусства. Около четырехъ лѣтъ оставался Ватто у этого учителя, смущая родителей отсутствіемъ всякихъ успѣховъ въ своемъ ученіи и полнымъ неуваженіемъ къ таланту своего учителя. Онъ дошелъ даже до того, что въ одно прекрасное утро 1702 года, когда ему

было восемнадцать лѣтъ, покинулъ своего учителя и бѣжалъ вмѣстѣ съ какимъ-то странствующимъ живописцемъ, направлявшимся въ Парижъ—писать декораціи въ театрахъ.

И вотъ Жанъ Ватто очутился безъ гардероба и безъ денегъ въ этомъ сказочномъ городѣ. Надо было чѣмъ-нибудь жить, и юный художникъ пристраивается къ торговцу иконами и картинками религіознаго содержанія, имѣвшему маленькую лавочку на мосту черезъ Сену, который велъ къ собору Парижской Богоматери. Иконы эти дѣлались такъ же, какъ ихъ дѣлаютъ теперь у насъ: одинъ пишетъ ликъ, другой только ризы, третій накладываетъ «оживки» и т. д. Ватто особенно удавалось изображеніе святого Николая, на котораго былъ большой спросъ. Онъ работаетъ съ утра до вечера, за что ему дается ежедневно тарелка супу и три ливра въ концѣ каждой недѣли. По вечерамъ, когда Ватто свободенъ, онъ рисуетъ для себя, что попало подъ руку. Ему приходится и голодно, и холодно, но счастье вращаться среди художниковъ, жить въ Парижѣ все искупаетъ.

Лавочка Авраама Метейца очень извѣстна среди парижскихъ живописцевъ: они нерѣдко обращаются туда съ просьбами прислать имъ на помощь какого-нибудь мазилку. Вотъ почему Ватто приходится иногда работать и въ Люксембургскомъ дворцѣ, и въ замкѣ Шантильи, и въ театрѣ Оперы. Онъ пытается дѣлать первые самостоятельные шаги, но, увы! его случайные учителя совѣтуютъ выбросить ему вонъ всю эту дрянь. Мало-по-малу имъ овладѣваетъ одно желаніе: вырваться изъ-подъ этой опеки, скопить деньжонокъ и добраться до своей милой родины Фландріи съ ея голубымъ небомъ и тишиной. Онъ распродаетъ за безцѣнокъ свои картины и послѣ семилѣтняго отсутствія возвращается на родину.

Война за испанское наслѣдство была въ самомъ разгарѣ, и Валансьенъ вмѣсто тишины и мирныхъ картинъ представляетъ живую батальную картину: вездѣ войска, раненые, вдали бухаютъ пушки. Сколько моделей! Ватто зарисовываетъ и раненыхъ, и обозы, и кокетливо разряженныхъ офицеровъ. Никто и не подозрѣваетъ, что этотъ юноша одинъ отомститъ врагамъ за проигранную французами битву при Мальплаке и покроетъ Францію новой славой!

Когда Ватто привозитъ свои картины изъ военнаго быта въ Парижъ, онъ сразу становится знаменитостью. Но батальная живопись не его спеціальность: онъ начинаетъ посѣщать уборныя актрисъ, проникаетъ въ будуаръ герцогини Беррійской и навсегда дѣлается живописцемъ утонченнаго салоннаго изящества наиболѣе развращеннаго общества.

Не нужно, однако, думать, что онъ самъ увлеченъ всей этой обстановкой. Напротивъ, его фигура представляетъ рѣзкій контрастъ со всѣми окружающими. Онъ неизмѣнно посѣщаетъ всѣ эти маскарады, которые потомъ воспроизведены на своихъ полотнахъ, но съ своимъ длиннымъ носомъ, худымъ сумрачнымъ лицомъ онъ кажется старикомъ, хотя ему всего тридцать лѣтъ. Онъ любитъ проводить время за чтеніемъ и размышленіемъ, любитъ слушать музыку. Вѣчно кашляющій и закутанный въ шарфъ, онъ аккуратно посѣщаетъ церковныя службы, терпѣть не можетъ шума, не любитъ деньги и раздаетъ свои картины первому попавшемуся: своимъ лавочникамъ, парикмахеру, у котораго

покупаетъ парики. Изображая поѣздки на островъ Цитеры, всякія любовныя сцены, самъ Ватто остается чуждъ этимъ похожденіямъ, сумраченъ и задумчивъ.

Тридцати семи лѣтъ онъ рѣшилъ перемѣнить родъ живописи и написать Христа на крестѣ, окруженнаго ангелами. Это огромное усиліе духа окончательно надломило его впалую грудь, и онъ скоро умеръ въ Ножанѣ, гдѣ у него былъ маленькій домикъ, существующій и до сихъ поръ.

Біографія великаго художника, жизнь и характеръ котораго стоятъ въ такомъ противорѣчіи съ его творчествомъ, разсказана Эдмономъ Пилонъ въ недавно вышедшей книгѣ «Watteau et son école».

— Исторія Лувена.—Исторія европейскихъ государствъ богата войнами, но народы, сражавшіеся между собою, обладали, несмотря на свой эгоизмъ, такимъ запасомъ великодушія, что забывали о понесенныхъ жертвахъ,—говоритъ А. Бодрильяръ въ «Revue Hebdomadaire».—Когда же непріятель наносилъ смертельный ударъ самой душѣ народа и его цивилизаціи, то это не забывалось въ теченіе многихъ вѣковъ. Исторія едва вспоминаетъ о жестокостяхъ Омара, но скоро будетъ тринадцать вѣковъ съ того времени, какъ онъ приказалъ сжечь александрійскую библіотеку, а память объ этомъ фактѣ до сихъ поръ живетъ въ народахъ.

Въ этомъ отношеніи Лувенъ играетъ такую же роль въ глазахъ бельгійцевъ, какъ александрійская библіотека.

Исторія Лувена начинается съ римской эпохи, но полнаго блеска она достигла въ началѣ второй половины XII вѣка. Въ эту эпоху здѣсь поселились въ очень большомъ количествѣ норманы. Оградивъ мѣстность окопами и частоколомъ, они прожили здѣсь семь лѣтъ, но императоръ Арнульфъ твердо рѣшился избавить отъ нихъ страну. Тогда произошло такое избіеніе нормановъ, что около ста тысячъ труповъ остановили теченіе рѣки, которая разлилась по сосѣднимъ болотамъ.

Мало-по-малу этотъ бывшій лагерь нормановъ превратился въ городъ и въ теченіе пяти вѣковъ послѣдовательно тамъ устраивались улицы и воздвигались дома. Сто лѣтъ спустя послѣ избіенія нормановъ Ламберъ-воинъ, seigneur de Bruxelle, принялъ титулъ графа Лувена и перевелъ свою резиденцію въ этотъ городъ.

Въ 1106 году шестой изъ графовъ лувенскихъ Готфридъ Бородатый, добился отъ Генриха V званія герцога Нижней Лотарингіи и сдѣлался родоначальникомъ герцоговъ Брабантскихъ. При нихъ Лувенъ получилъ новое значеніе, но убійство Генриха I вызвало въ его преемникахъ отвращеніе къ дворцу, гдѣ онъ умеръ, и они переселились въ Брюссель.

Хотя Лувенъ съ перенесеніемъ резиденціи герцога, конечно, потерялъ значеніе столицы, но онъ все-таки остался сильно населенной (около 100.000—200.000 жителей) свободной общиной, надѣленной съ XI вѣка хартіей и съ 1219 года управляемой своими бургомистрами. Онъ соперничалъ съ фламандскими городами своими суконными фабриками, кожевенными заводами и производствомъ оружія. Но это цвѣтущее состояніе нарушилось вслѣдствіе гражданскихъ войнъ между ремесленниками, буржуа и патриціями.

Сколько разъ герцогамъ Брабантскимъ приходилось вмѣшиваться съ оружіемъ въ рукахъ въ эти распри. Въ XIV вѣкѣ рабочій классъ, наконецъ, добился нѣкоторыхъ правъ вь управленіи городомъ. Но это его не удовлетворило, и снова начались распри, которыя доходили до народной расправы съ представителями власти.

Съ момента этимъ междоусобій для Лувена начался политическій упадокъ. Его постигла участь Брюсселя и Брабанта, которые послѣдовательно дѣлались бургундскими, испанскими, австрійскими и французскими—простыми подпрефектурами во время консульства и имперіи. Съ 1815 года по 1830 годъ Лувенъ сдѣлался бельгійскимъ.

Этотъ городъ менѣе выдается своими зданіями, чѣмъ Брюгге, Брюссель и Гентъ, но въ деталяхъ онъ изящнѣе, законченнѣе, цвѣтущѣе и ярче остальныхъ бельгійскихъ городовъ.

Викторъ Гюго оцѣнилъ красоту его ратуши и на вопросъ бургомистра, надо ли дополнить статуями двѣсти восемьдесятъ нишъ фасада, отвѣтилъ: «Общественныя или религіозныя зданія, у которыхъ ниши для статуй пустуютъ, представляютъ книгу съ ненапечатанными страницами. Помѣстить въ нишу статую все равно, что напечатать букву на страницѣ. Этими буквами пишется исторія».

Желаніе поэта было исполнено.

Лувенъ обладаетъ настоящими сокровищами архитектуры. Но особенно выдающееся сокровище Лувена представляетъ университетъ.

Былъ моментъ, когда Лувенъ началъ приходить въ упадокъ, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, такъ какъ рабочій классъ удалился въ другіе города. Это положеніе продолжалось лѣтъ сорокъ, когда въ 1425 году герцогъ Брабантскій Іоаннъ IV занялся его возрожденіемъ и умственнымъ развитіемъ жителей. До тѣхъ поръ въ Бельгіи не было никакого учрежденія для полученія высшаго образованія. Бельгійская молодежь для довершенія образованія отправлялась въ Парижъ и Кельнъ.

Моментъ для приведенія своей идеи въ исполненіе Іоаннъ IV выбралъ тяжелый. Тогдашнее время было еще трагичнѣе, чѣмъ то, какое Европа переживаетъ въ данный моментъ. Фландрія была тѣсно связана съ исторіей Франціи и Англіи, которыя въ этотъ моментъ бились на смерть.

Во Франціи преемникомъ несчастнаго безумца, окончившаго свое существованіе въ Парижѣ, догнивая среди червей, былъ англійскій король Генрихъ VI, находившійся подъ опекой своихъ дядей: жестокаго, тщеславнаго безнравственнаго герцога Глостера и честолюбиваго хитраго героцга Бедфорда. Дофинъ Карлъ не могъ вынести этого и удалился въ центральную Францію. Страна раздѣлилась на два лагеря. Раздираемая предательствомъ однихъ, подвергаясь ударамъ и вымогательствамъ другихъ, она, казалось, подвергнется раздѣлу или подпадетъ подъ иго чужеземцевъ. Сама Англія, подвергавшая ее пыткамъ, находилась не въ лучшихъ условіяхъ, несмотря на свои побѣды. За народнымъ возстаніемъ послѣдовало возмущеніе дворянства, а потомъ междоусобныя войны. Цѣлые годы шла рѣзня, царила ересь, пылали костры. Развратный Генрихъ V сдѣлался самымъ жестокимъ, самымъ надменнымъ и

лицемѣрнымъ изъ королей. Король и въ то же время ростовщикъ, палачъ, пасторъ методистовъ, онъ морилъ голодомъ цѣлые города, поддѣлывалъ монеты, губилъ на висѣлицѣ во имя Бога несчастныхъ узниковъ. Убивая всѣхъ, кто не могъ откупиться и дѣйствуя такимъ чудовищно-безчеловѣчнымъ образомъ, онъ въ то же время бормоталъ молитвы и повторялъ псалмы. Наконецъ онъ умеръ въ Венсеннѣ, и ему наслѣдовалъ ребенокъ, которому не было и года.

Все это отзывалось на Фландріи. Ея долины затонули въ крови и покрылись костями. Дворяне и простые граждане предались неистовой рѣзнѣ. Одни призывали къ себѣ на помощь англичанъ, другіе—французовъ. Несчастная страна сдѣлалась жертвою и нападающихъ, и защитниковъ. Она раздѣлилась на двѣ части, одна часть стояла за мать, другая за сына.

Едва только окончилась война, какъ вспыхнула другая.

Въ Брабантѣ вели борьбу герцогъ Іоаннъ противъ своей жены, Жакелины Голландской. Онъ открыто жилъ съ другой женщиной, и его жена добивалась у папы Петра уничтоженія брака. Она обвѣнчалась съ герцогомъ Глостеромъ. Но послѣдній не любилъ ее и бросилъ, чтобы отправиться воевать. Жакелина осталась въ сѣти интригъ своего дяди, епископа Льежа, и своего бывшаго мужа, герцога Брабантскаго, и герцога Бургундскаго, который пытался захватить Голландію.

Всѣ несчастія свалились на страну. Изъ открытыхъ шлюзовъ хлынула вода и залила цѣлыя деревни; огонь и чума докончили картину бѣдствій.

Къ этимъ несчастіямъ еще примѣшались интриги папъ, которые подвергались отлученію и сами отлучали отъ церкви свое стадо, возмущенное, дошедшее до отчаянія и готовое броситься «въ объятія сатаны».

Но вотъ наступилъ 1425 годъ. Осторожный благоразумный папа Мартынъ V объединилъ свою паству. Имперія, хотя и залитая кровью въ войнѣ съ гуситами, была совершенно удовлетворена блестящими качествами своего главы Сигизмунда.

Въ это именно время въ Лувенѣ 7-го сентября 1426 года основался университетъ, благодаря невѣждѣ и развратнику Іоанну IV, не чуждавшемуся, однако, добрыхъ совѣтовъ. Многимъ перемѣнамъ подвергался этотъ университетъ за время своего существованія.

Французскіе короли совершили двѣ ошибки, за послѣдствія которыхъ Бельгія принуждена расплачиваться до сихъ поръ: вѣроломство Людовика XV относительно Маріи Бургундской, дочери и наслѣдницы Карла Смѣлаго, и разрывъ Карла VIII со своей невѣстой Маргаритой австрійской, дочерью этой Маріи и будущаго императора Максимиліана I. Послѣдствіемъ этихъ ошибокъ было то, что Бельгійскіе Нидерланды попали въ ряды владѣній австрійскаго дома. Бракъ Филиппа Красиваго съ дочерью Фердинанда и Изабеллы присоединилъ ихъ къ испанской коронѣ. Они оставались въ этомъ положеніи до отреченія Карла V, когда ихъ раздѣлили на двѣ вѣтви—испанскую и нѣмецкую. Моментъ этой важной политической эволюціи совпалъ съ интеллектуальной и моральной эволюціей въ Европѣ—латинскимъ возрожденіемъ и германскою реформаціей. Лувенскій университетъ сталъ на сторону возрожденія.

Онъ игралъ видную роль среди европейскихъ университетовъ и поддерживалъ Бельгію на пути латинскихъ традицій и католичества. Въ 1502 году въ лувенскомъ университетѣ появился отецъ возрожденія, гуманистъ Эразмъ. Въ 1517 г. по его инициативѣ здѣсь основалась «Collège des trois langues»—прототипъ теперешней «Collège de France» въ Парижѣ.

Въ концѣ XVI вѣка въ Бельгіи снова вспыхнуло междоусобіе, но на этотъ разъ причиной была не только борьба классовъ, но и борьба на религіозной почвѣ, сѣмя которой заронили идеи Лютера. Въ началѣ эта борьба ограничивалась поединкомъ на словахъ, но вскорѣ она перешла на иную почву. Появились инквизиція и безпощадныя репрессіи. Бельгійскіе протестанты обратились къ Германіи, умоляя императора анектировать ихъ провинціи.

Среди этой борьбы лувенскій университетъ своимъ поведеніемъ вызвалъ одобреніе папъ за дѣятельность его представителей. а впослѣдствіи и за выполненіе его декретовъ.

Но среди XVI вѣка профессоръ философіи Баюсъ, президентъ коллегіи папы Адріана VI, сталъ брать орудіемъ своей борьбы только святое писаніе и поученія отцовъ церкви и вскорѣ самъ склонился къ «протестантскимъ ошибкамъ» въ нѣкоторыхъ вопросахъ.

Баюсъ умеръ въ 1589 году, оставаясь вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Но послѣ него остался ученикъ Янсенъ, который сдѣлался главою партіи и впослѣдствіи образовалъ партію янсенитовъ.

До конца прежняго режима, несмотря на конкуренцію университетовъ Лейдена и Дуэ, Лувенъ оставался во главѣ университетскихъ городовъ. Университетскій міръ жилъ обособленной жизнью, не сближаясь съ буржуазіей, и оставался вѣрнымъ руководителемъ народа въ интеллектуальномъ отношеніи. Послѣ эфемернаго управленія французовъ въ началѣ царствованія Филиппа V Бельгія перешла подъ владычество австрійцевъ. Однако, когда императоръ Іосифъ слишкомъ натянулъ вожжи, лувенскій университетъ сумѣлъ постоять за себя.

Надо надѣяться, что университетъ этотъ, родившійся въ конвульсіяхъ начала XV вѣка, не умеръ, унесенный теперешней міровой бурей.

— Воскресеніе Вольтера и Руссо. — Какъ извѣстно, нѣкоторыми французскими историками была пущена въ оборотъ мысль, что при реставраціи Бурбоновъ, когда все прошлое истреблялось безпощадно, прахъ Руссо и Вольтера былъ выкинутъ изъ ихъ гробницъ въ Пантеонѣ и разсѣянъ по вѣтру. Чтобы провѣрить это утвержденіе, французское правительство назначило въ 1897 году особую комиссію изъ чиновниковъ и виднѣйшихъ французскихъ литераторовъ, которой было получено вскрыть гробницы Руссо и Вольтера и объ оказавшемся составить офиціальный протоколъ.

Объ этомъ осмотрѣ сообщаетъ въ «Temps» одинъ изъ его участниковъ Жоржъ Кэнъ.

Слухъ о томъ, что прахъ великихъ писателей подвергся поруганію, прошелъ впервые въ 1864 году. Увѣряли, что на этотъ счетъ были предприняты самыя тщательныя изслѣдованія, которыя не оставляютъ сомнѣнія, что прахъ Руссо и Вольтера исчезъ безслѣдно. Комиссія, собравшаяся для осмотра ихъ могилъ

17-го декабря 1897 года, видимо, раздѣляла это мнѣніе. Каждый высказывалъ свои предположенія... Всѣ безпрестанно стучали ногами о плиты гулкаго подземелья коридора, чтобы хоть немножко согрѣться отъ пронизывающаго холода, въ ожиданіи, пока соберутся всѣ члены комиссіи.

Наконецъ всѣ двинулись въ путь. Послѣ длиннаго путешествія по гулкимъ подземнымъ коридорамъ Пантеона комиссія остановилась передъ могилою Вольтера. Всѣ заволновались. Былъ данъ приказъ—приступить къ работѣ. Но оказалось, что администрація Пантеона не приняла никакихъ мѣръ: не было ни инструкторовъ, ни рабочихъ. Поднялись разговоры, протесты. Тѣмъ не менѣе пришлось приступить къ работѣ собственными силами. Черезъ полчаса сняли саркофагъ, покрытый надписями. Подъ саркофагомъ оказался ящикъ въ два метра длины и 50 сантиметровъ ширины. Ящикъ стоялъ на трехъ деревянныхъ перекладинахъ. На немъ ясно были видны слѣды краснаго сургуча, но печатей уже не сохранилось.

Одинъ изъ членовъ комиссіи удостовѣряетъ, что это тотъ самый ящикъ, о которомъ говорится въ протоколахъ 1821 и 1830 годовъ, когда гробъ Вольтера былъ перемѣщенъ и опять поставленъ на старое мѣсто. Рабочій, вооружившись ножницами, перерѣзываетъ припечатанные шнуры и поднимаетъ верхнюю доску ящика. Показывается гробъ. Доски его источены червями, но сдерживаются двумя узкими заржавленными желѣзными обручами. Рабочій быстро поднимаетъ крышку, и передъ присутствующими—кости Вольтера. Бертело беретъ голову великаго писателя и передаетъ ее депутату отъ Парижа Жоржу Берже. Тотъ, въ свою очередь, высоко поднимаетъ ее надъ своей головой, чтобы всѣ могли ее видѣть.

Голову узнали тутъ же. Широкій лобъ, короткій, выступающій впередъ подбородокъ. Портреты, сдѣланные съ Вольтера въ глубокой старости, когда онъ почти совсѣмъ изсохъ, не очень отличались отъ этой мертвой головы. Сходство между статуей, украшавшей саркофагъ, и маской, снятой съ лица умершаго Вольтера, которая была предоставлена въ распоряженіе членовъ комиссіи, оказалось полное.

Наступилъ моментъ глубокаго волненія! Казалось, комиссія присутствовала при воскресеніи Вольтера!

— Господа,—раздался голосъ предсѣдателя:—передъ нами несомнѣнно прахъ Вольтера. Реставрацію обвиняли въ томъ, что она осквернила этотъ прахъ. Теперь это обвиненіе падаетъ, и я счастливъ заявить объ этомъ.

Затѣмъ комиссія направилась къ мѣсту успокоенія Руссо. На одной сторонѣ саркофага изображенъ барельефъ—группа дѣтей, женщинъ мужчинъ, плачущихъ надъ гробомъ, на которомъ написано: «Руссо».

«Въ саркофагѣ оказался большой четырехугольный ящикъ, стоящій на подмосткахъ. На ящикѣ видна надпись по-латыни: «Hic jacent ossa Johanni Jacobi Rousseau, anno 1778». (Здѣсь лежатъ кости Жана-Жака Руссо. 1778 года).

Когда вскрыли ящикъ, показался деревянный гробъ, а въ немъ другой—свинцовый. Это тотъ самый гробъ, въ который положилъ своего друга маркизъ Рене де-Жирарденъ и похоронилъ на Тополиномъ островѣ въ Эрменонвиллѣ.

Опять явились рабочіе. Между тѣмъ стало темно. Принесли факелъ. Довольно долго визжали ножницы, отдѣляя крышку свинцоваго гроба. Присутствующіе, видимо, нервничаютъ и стоятъ молча. Вотъ человѣкъ въ синей блузѣ работаетъ уже у того мѣста, гдѣ должна быть голова Руссо. Рабочій беретъ факелъ, приставляетъ руку къ глазамъ въ видѣ козырька и заглядываетъ въ щель, которую сдѣлали его ножницы.

— Здѣсь!—раздается его голосъ.

Скелетъ Руссо, обернутый въ саванъ, оказался въ полной сохранности: руки сложены на груди, голова слегка наклонена влѣво: Руссо какъ будто спалъ. Голова была совершенно цѣла, представляя собою какъ бы маску изъ сѣроватой пыли. Но видѣніе продолжалось не болѣе секунды: какъ только струя воздуха достигла останковъ Руссо, они быстро разсыпались и исчезли изъ глазъ потрясенныхъ зрителей. Это было одно мгновеніе, но присутствующіе, несомнѣнно, видѣли передъ собой подлиннаго Жанъ-Жака.

Взволнованные, удалялись отъ могилъ великихъ мертвецовъ члены комиссіи. Они только исполняли свой долгъ, но на душѣ у нихъ было не спокойно. Совѣсть упрекала за то, что потревоженъ былъ покой мертвыхъ, и это чувство какъ нельзя лучше выразилъ одинъ изъ членовъ комиссіи, иронически замѣтившій:

— Честное слово, господа, не особенно-то пріятно быть великимъ человѣкомъ!

СМѢСЬ.

ЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ юбилей императорскаго московскаго археологическаго общества. 27 марта было торжественно отпраздновано 50-лѣтіе существованія императорскаго московскаго археологическаго общества. Громадный залъ Историческаго музея былъ переполненъ представителями правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи на торжество 50-лѣтняго юбилея московскаго археологическаго общества. Среди присутствовавшихъ: попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, генералъ М. П. Степановъ, генералъ Д. И. Петровъ, ректоръ московскаго университета М. К. Любавскій, профессоръ В. К. Мальмбергъ, профессоръ Р. Ф. Брандтъ, профессоръ А. Н. Филипповъ, профессоръ М. М. Богословскій, профессоръ А. Е. Грузинскій, профессоръ Д. И. Боголѣповъ (Харьковъ), профессоръ С. Ѳ. Платоновъ (Петроградъ), профессоръ Н. С. Павлуцкій (Кіевъ), академикъ Н. И. Веселовскій, князь В. Д. Голицынъ, князь Н. С. Щербатовъ, директоръ петроградскаго археологическаго института Н. В.° Покровскій, московскій городской голова М. В. Челноковъ, профессоръ Д. Н. Анучинъ и мн. др. Графиня П. С. Уварова объявила собраніе открытымъ, предоставивъ слово члену совѣта министра народнаго просвѣщенія Латышеву, который доложилъ Высочайшую грамоту на имя общества слѣдующаго содержанія: «Нашему императорскому московскому археологическому обществу. Въ 1864 году въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ, Севастьяновымъ, Забѣлинымъ и другими поборниками просвѣщенія было основано археологическое общество, поставившее своей цѣлью изслѣдованіе какъ археологіи вообще, такъ и отечественной по преимуществу.

Подъ самоотверженно ревностнымъ руководствомъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, состоявшаго свыше 20 лѣтъ предсѣдателемъ общества, и затѣмъ супруги его графини Параскевы Сергѣевны москоское археологическое общество своей неутомимой дѣятельностью въ разныхъ областяхъ археологіи въ теченіе полувѣкового существованія всегда поощряло и другихъ къ плодотворной научной работѣ. Благодаря стараніямъ и заботамъ общества были произведены раскопки и изслѣдованія, вызваны къ жизни первые въ нашемъ отечествѣ археологическіе съѣзды, на которые стекались со всѣхъ концовъ міра свѣточи науки; сохранены для потомства многочисленные древніе памятники гражданскаго и церковнаго зодчества; организованы ученыя экспедиціи, обогатившія науку произведеніями высокой цѣнности, и изданы обширные труды, получившіе заслуженную извѣстность далеко за предѣлами Россіи. Привѣтствуя императорское археологическое общество съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ его высокополезной передъ отечествомъ дѣятельности, Мы, отвѣчая велѣнію сердца Нашего, выражаемъ императорскому археологическому обществу Нашу монаршую признательность и душевное пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія во славу Россіи и на благо науки. НИКОЛАЙ». Въ Царскомъ Селѣ. Марта 27 дня 1915 года». Чтеніе высочайшей телеграммы сопровождалось дружнымъ троекратнымъ «ура!» Графиня П. С. Уварова обратилась къ собранію съ рѣчью, въ которой изложила краткій очеркъ 50-лѣтней дѣятельности общества. Секретарь В. К. Трутовскій огласилъ имена лицъ, избранныхъ по случаю торжества въ почетные члены общества: профессоровъ Д. И. Иловайскаго, Д. Н. Анучина, Е. В. Барсова, Д. Ф. Кобеко и Д. А. Корсакова и академика А. Н. Веселовскаго академика В. В. Иконникова. За лучшія изслѣдованія по исторіи археологіи и памятниковъ старины присуждены золотыя медали: М. В. Никольскому, А. В. Орѣшникову, профессору М. А. Ростовцеву, академику В. В. Суслову, профессору В. А. Тураеву и Б. В. Фармаковскому. Затѣмъ оглашена была телеграмма великой княгини Елизаветы Θеодоровны слѣдующаго содержанія: «Отъ души привѣтствую васъ, графиня Параскева Сергѣевна, и императорское археологическое общество съ завершившимся пятидесятилѣтіемъ его выдающейся научной дѣятельности на благо нашей родной старины. Молитвенно съ вами. Да благословитъ Господь ваши труды. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ всегда близко къ сердцу принималъ великій князь Сергѣй Александровичъ дѣятельность вашего общества и какъ онъ глубоко цѣнилъ, уважалъ и любилъ незабвеннаго его основателя графа Алексѣя Сергѣевича. ЕЛИЗАВЕТА». Далѣе прочитанъ текстъ телеграммы великаго князя Георгія Михайловича: «Русскій музей императора Александра III привѣтствуетъ предсѣдательствуемое вами императорское московское археологическое общество съ полувѣковой годовщиной его дѣятельности и горячо желаетъ обществу дальнѣйшаго процвѣтанія на благо русской науки и русскаго просвѣщенія. ГЕОРГІЙ». Затѣмъ прочитана телеграмма великаго князя Николая Михайловича слѣдующаго содержанія: «Императорское русское историческое общество сердечно привѣтствуетъ императорское московское археологическое общество въ день 50-лѣтія его въ высшей степени плодотворной ученой дѣятельности, неразрывно и навсегда связанной со славнымъ

именемъ графа А. С. Уварова и его высокочтимой супруги, неутомимой и даровитой продолжательницы его просвѣщеннаго служенія наукѣ и отечеству. Великій князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ». Послѣ оглашенія привѣтственной телеграммы министра народнаго просвѣщенія графа П. Н. Игнатьева, началось поднесеніе адресовъ и привѣтствія депутацій: отъ московскаго городского самоуправленія—М. В. Челноковъ, отъ московскаго градоначальства—главноначальствующій свиты Его Величества генералъ-майоръ А. А. Адріановъ, отъ московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, отъ императорской академіи наукъ, академіи художествъ, Румянцовскаго и Историческаго музеевъ, московскаго, петрогродскаго, кіевскаго, казанскаго, харьковскаго, новороссійскаго, юрьевскаго и томскаго университетовъ, Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, московскаго и петроградскаго археологическаго институтовъ, императорскаго географическаго общества, императорскаго военно-историческаго общества и цѣлаго ряда столичныхъ и провинціальныхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. Торжество закончилось благодарственной рѣчью графини П. С. Уваровой и званнымъ обѣдомъ въ ея собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ.

Отъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ. Переживаемый нами моментъ не только глубоко интересенъ, но по широтѣ событій единственный въ исторіи. Не заинтересованныхъ въ происходящихъ предъ нами событіяхъ нѣтъ. Еще болѣе такой моментъ важенъ для будущаго историка. Въ немъ онъ найдетъ много матеріала для наблюденій и обобщеній. Результатъ предшествующей жизни Европы—настоящій моментъ является ключомъ для пониманія внѣшней и внутренней политики, соціальныхъ отношеній, отдѣльныхъ личностей и т. д. И обязанность наша сохранить какъ можно больше фактовъ, документовъ, предметовъ, характеризующихъ и иллюстрирующихъ событія великой европейской войны. Наша обязанность дать будущему историку больше матеріала для всесторонняго и детальнаго изученія эпохи. Между тѣмъ много предметовъ, документовъ расходятся по частнымъ рукамъ, распыляются въ общей массѣ населенія и гибнутъ для будущаго. А часто мелкій штрихъ, малая деталь имѣетъ для историка важное значеніе. Въ этихъ видахъ общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ имѣетъ организовать музей современной войны и обращается ко всѣмъ съ просьбой содѣйствовать собиранію предметовъ, связанныхъ съ настоящимъ военнымъ временемъ. Общество обращается съ просьбой предоставить въ его музей вещи, документы, печатныя произведенія, отчеты благотворительныхъ учрежденій, помогающихъ раненымъ, письма, картины, открытки, карты военныхъ дѣйствій и т. д. Не ставя себѣ широкихъ задачъ, общество особенно будетъ благодарно за предоставленіе предметовъ и др. памятниковъ, отражающихъ участіе въ современныхъ событіяхъ гор. Казани, Казанской и приволжскихъ губерній. Общество считаетъ, что это его прямая задача, тѣмъ болѣе цѣнная, что участіе отдѣльныхъ мѣстностей обычно ускользаетъ отъ вниманія исторіи, ибо мало придаетъ значенія дѣятельности отдѣльныхъ мелкихъ ячеекъ. Пожертвованія въ музей принимаются—лично или по заявленію—въ слѣдующихъ мѣстахъ гор. Казани: предсѣдателемъ общества,

проф. М. М. Хвостовымъ (Б. Лядская, д. Панаева. Телефонъ № 13—17. Просятъ заявлять по телефону). Членами совѣта общества: проф. Н. М. Петровскимъ (Грузинская ул., д. № 39); проф. К. В. Харламповичемъ (Поперечно-Горшечная ул., д. Знаменскаго); приватъ-доцентомъ Л. К. Ильинскимъ (Попова гора, д. № 18. Телеф. № 14—84); приватъ-доцентомъ Н. П. Граціанскимъ (улица Гоголя, д. Ильина); приватъ-доцентомъ В. И. Огородниковымъ (Петропавловскій пер., мебл. комн. Соболевой, №№ 11—13. Телеф. № 15—32); А. Г. Муравьевымъ (Петропавловскій пер., мебл. ком. Соболева, №№ 11—13. Телефонъ № 15—32) или архивъ университета., Н. В. Никольскимъ (Б. Проломная ул., д. Кузнецова). Предсѣдатель общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ М. Хвостовъ. Члены совѣта общества: Н. Петровскій, К. Харламповичъ, Л. Ильинскій, Н. Граціанскій, В. Огородниковъ, Н. Никольскій и А. Муравьевъ.

Годовое собраніе русскаго географическаго общества. 11-го марта, подъ предсѣдательствомъ Ю. М. Шокальскаго, состоялось годовое общее собраніе русскаго географическаго общества. А. А. Достоевскій прочиталъ отчетъ за 1914 годъ. Въ минувшемъ году общество потеряло рядъ своихъ выдающихся членовъ: П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, В. И. Ламанскаго, Ф. Н. Чернышева, Д. А. Клеменца, А. Н. Краснова и др. Собраніе почтило память покойныхъ вставаніемъ. По предложенію Ю. М. Шокальскаго, собраніе почтило затѣмъ вставаніемъ память почетнаго члена общества графа С. Ю. Витте. Изъ предполагавшихся въ отчетномъ году научныхъ экспедицій нѣкоторыя не могли состояться изъ-за войны. Зачѣмъ былъ оглашенъ списокъ медалей, присужденныхъ совѣтомъ географическаго общества за научныя заслуги въ области географическихъ наукъ. Константиновская медаль присуждена Б. А. Вилькицкому за труды по открытію новыхъ полярныхъ земель къ сѣверу отъ Азіи. Медаль имени графа Ѳ. П. Литке выдана д-ру Шарко за труды по изученію антарктической области, земли Александра I и островов Петра I. Золотую медаль имени П. П. Семенова присудили князю В. И. Масальскому за трудъ «Туркестанскій край», медаль имени Н. М. Пржевальскаго—В. В. Рѣзниченко за труды по изученію оледенѣнія южнаго Алтая, золотую медаль этнографіи—В. Н. Харузиной за совокупность ея ученыхъ трудовъ по этнографіи (отзывъ составленъ Л. Я. Штернбергомъ), серебряную медаль имени П. П. Семенова—Н. О. Щеткину за трудъ «Эфемериды звѣздъ для опредѣленія времени», малыя золотыя медали—В. Ф. Піотровскому и Б. П. Дитмару за труды по изученію озеръ Олонецкаго края, В. М. Іонову за участіе въ работахъ якутской экспедиціи по собранію матеріаловъ о до-христіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ и г-жѣ Д. Л. Іохельсонъ за участіе въ работахъ камчатской экспедиціи. Малыя серебряныя медали присуждены Я. И. Бѣляеву, Г. И. Мѣшкову и I. Ф. Калинникову. С. Т. Минцловъ сдѣлалъ затѣмъ сообщеніе на тему: «Урянхайскій край въ прошломъ и настоящемъ». Въ члены совѣта общества избраны П. Ф. Унтербергеръ и А. И. Звегинцевъ, въ корреспонденты общества—французское ученые М. Charles Lallemand и генералъ Bourgeois.

Въ обществѣ любителей древней письменности. 1-го апрѣля состоялось годовое засѣданіе императорскаго общества любителей древней письмен-

ности подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Академикъ Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: «О ближайшихъ задачахъ археологіи въ Царьградѣ». Въ началѣ своего доклада Ѳ. И. Успенскій указалъ на большія стѣсненія, чинимыя младотурецкимъ правительствомъ въ послѣдніе годы новаго режима въ дѣлѣ производства археологическихъ изслѣдованій, и выразилъ сожалѣніе, что обстоятельства времени не дали возможности использовать всемилостивѣйшее пожалованіе Государемъ Императоромъ институту по 5 тысячъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, на изслѣдованіе сербскихъ христіанскихъ памятниковъ. Затѣмъ докладчикъ остановился на важности для науки слѣдующихъ предпріятій института: 1) секретаремъ института В. А. Панченкомъ были произведены раскопки и изслѣдованія въ мечети Имрахорь или въ знаменитомъ монастырѣ св. Ѳеодора Студита; здѣсь между прочимъ были найдены у восточной стѣны южнаго корабля храма три погребенія въ одномъ гробу, рельефы съ изображеніями: а) Христа и ап. Петра, б) входа въ Іерусалимъ и в) группы апостоловъ (въ фрагмент. видѣ), которые слѣдуетъ относить къ V в. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія работы были прекращены по требованію турецкаго правительства. 2) Благодаря бывшимъ большимъ пожарамъ въ центрѣ Константинополя, на холмѣ, спускающемся отъ св. Софіи въ Мраморному морю, уничтожившимъ турецкія населенія, удалось обнаружить весьма значительные остатки большого дворца византійскихъ императоровъ, что даетъ новыя данныя для оріентировки зданій означеннаго дворца. 3) Вблизи св. Софіи, къ сѣверо-западу, на землѣ одного частнаго собственника при постройкѣ послѣднимъ кинематографа были обнаружены слѣды церкви древнѣйшей эпохи (V в.), громадная абсида съ прилегающей къ ней кирпичной стѣной съ дверью и колоннада если послѣдняя составляетъ часть портика, то можно думать, что здѣсь былъ храмъ Богоматери халкопратійской—изслѣдованія эти были произведены тоже секретаремъ инстутита Б. А. Панченкомъ. Въ заключеніе Ѳ. И. Успенскій выразилъ надежду, что правительство при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ окажетъ свое содѣйствіе и привлеченіемъ научныхъ силъ, и щедрою матеріальною поддержкой во славу нашей науки производству дальнѣйшихъ археологическихъ изысканій, на открывающемся широкомъ поприщѣ въ Царьградѣ.

Въ императорской академіи наукъ. 14-го марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ вице-президента П. В. Никитина, экстренное собраніе императорской академіи наукъ для обсужденія вопроса объ отношеніи академіи къ исключенію изъ состава академіи почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, состоящихъ подданными воюющихъ съ нами государствъ. Собраніе единогласно признало исключеніе всѣхъ германскихъ и австрійскихъ ученыхъ, числящихся почетными членами-корреспондентами академіи, по мотивамъ, подробно изложеннымъ въ резолюціи, неудобнымъ и сопряженнымъ со многими затрудненіями. Что касается вопроса объ отношеніи къ почетнымъ членамъ и членамъ-корреспондентамъ, подписавшимся подъ воззваніемъ нѣмецкихъ ученыхъ къ культурному міру, то собраніе признало поступокъ этихъ лицъ заслуживающимъ осужденія. Собраніе полагаетъ, что лица эти сами лишили себя возможности общенія съ императорской академіей наукъ. Среди подписавшихъ воззваніе

нѣмецкихъ ученыхъ, какъ извѣстно, были почетные члены академіи наукъ Густавъ Шмоллеръ (избранъ въ 1901 г.) и Вильгельмъ Вундтъ (избранъ въ 1902 г.), члены-корреспонденты Феликсъ Клейнъ, избранъ въ члены-корреспонденты по физико - математическому отдѣленію академіи въ 1895 г.), Вильгельмъ Оствальдъ (избранъ въ 1896 г.) и др.

Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 15-го марта состоялось чрезвычайное общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Предсѣдательствовалъ П. И. Межеричевъ. Собраніе покончило съ старымъ вопросомъ—объ измѣненіи § 13 устава рядомъ дополненій, выработанныхъ правленіемъ общества. Правленіе предлагало отвергнуть нынѣшнюю систему разверстки пенсіонныхъ суммъ, выдаваемыхъ лицамъ, переходящимъ изъ одного разряда въ другой, и признать болѣе справедливой ту норму уплаты, которая соотвѣтствуетъ послѣднему разряду. Предсѣдатель уставной комиссіи г. Колубовскій доказывалъ, что единственная справедливая система выплаты пенсій—это та, которая существуетъ уже въ теченіе 20 лѣтъ, то есть средняя. Большинствомъ голосовъ предложеніе г. Колубовскаго объ оставленіи § 13 устава безъ измѣненія было утверждено. Затѣмъ собраніе ассигновало 1.000 рублей на освобожденіе отъ платежей обѣднѣвшихъ членовъ въ 1915 г. Поставленное на повѣстку предложеніе члена кассы В. В. Шаркова о немедленной выплатѣ пенсіи семьямъ всѣхъ кандидатовъ въ члены, не задерживая ихъ до выясненія источниковъ, откуда эти суммы должны черпаться, было единогласно отклонено.

Въ обществѣ «Самодѣятельная Россія». 8-го марта состоялось освященіе помѣщенія новаго общества на Вознесенскомъ проспектѣ, д. № 55. Общество «Самодѣятельная Россія» поставило своею цѣлью борьбу противъ нѣмецкаго засилья къ областяхъ: торгово-промышленной, экономической, общественной, художественной и научно-учебной, а также содѣйствіе развитію общественной самодѣятельности въ Россіи. Въ правленіе новаго общества выбраны были: Б. Б. Глинскій (предсѣдатель), П. В. Лавровъ (дѣлопроизводитель), Н. И. Туръ, Н. П. Фоминъ, В. М. Шаховъ (секретарь), А. В. Скугаревскій, Э. Э. Новицкій, В. В. Таюрскій, кн. А. К. Мещерскій, Н. А. Томилинъ, А. С. Жебелевъ, В. І. Никаноровъ, Г. П. Сацыперовъ, А. Л. Синягинъ. Въ совѣтъ избраны: Г. Г. Извѣковъ (предсѣдательствующимъ), А. Н. Антиповъ, А. Н. Брянчаниновъ, Д. Н. Вергунъ, протоіерей Н. Г. Кедринскій, акад. В. Е. Маковскій, князь С.П. Мансыревъ, И.С. Терскій, Н.Ф. Рахманиновъ, Е. С. Шумигорскій, В. И. Харчевъ и др. Кромѣ того, на собраніи составлены комиссіи торгово-промышленная, земельная и финансово-кредитная и одобрена программа дѣятельности на текущій годъ.

Избраніе верховнаго главнокомандующаго почетнымъ членомъ петроградскаго университета. 10-го марта въ петроградскомъ университетѣ было созвано экстренное засѣданіе совѣта профессоровъ. Ректоръ университета профессоръ Э. Д. Гриммъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, указавъ, что передъ нами еще долгая и упорная борьба, но да послужитъ судьба Перемышля предзнаменованіемъ полнаго торжества союзниковъ надъ вѣчной нѣмецкой угрозой и прочнаго мира, который послужитъ источникомъ широкаго и свободнаго развитія Россіи и всего цивилизованнаго міра. Рѣчь ректора

была покрыта единодушными кликами «ура» профессоровъ и шумными апплодисментами. «Великія событія государственной жизни,—снова обратился ректоръ къ совѣту,—естественно побуждаютъ насъ обратить взоры къ Державному Вождю Россіи и непобѣдимой русской арміи».

Подъ громъ апплодисментовъ и клики «ура» единогласно былъ принятъ слѣдующій текстъ телеграммы на имя Государя Императора:

«Въ единомъ радостномъ порывѣ, со всею Россіею торжествуя взятіе твердыни Перемышля, совѣтъ императорскаго петроградскаго университета приноситъ Вашему Императорскому Величеству вѣрноподданническія пожеланія скорѣйшей конечной побѣды святой Руси. Господь да поможетъ Вамъ, Государь, одолѣніемъ врага положить начало обновленной жизни славянства и русскаго народа».

Кликами «ура» былъ покрытъ также и текстъ телеграммы на имя верховнаго главнокомандующаго, предложенный ректоромъ:

«При радостной вѣсти о паденіи Перемышля императорскій петроградскій университетъ, торжествуя взятіе нашими доблестными войсками австрійской твердыни, приноситъ вашему императорскому высочеству всепреданнѣйшія поздравленія и пламенное пожеланіе скорѣйшаго окончательнаго успѣха въ борьбѣ за правое дѣло Россіи. Да хранитъ Господь ваше императорское высочество и святыя русскія рати на путяхъ къ конечной побѣдѣ».

Кромѣ того, совѣтъ поручилъ ректору университета послать телеграмму отъ имени совѣта петроградскаго университета главнокомандующему войсками юго-западнаго фронта генералъ-адъютанту Н. І. Иванову. Въ заключеніе, по предложенію профессора Э. Д. Гримма, совѣтъ профессоровъ единогласно, при шумныхъ апплодисментахъ, избралъ верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича почетнымъ членомъ петроградскаго университета.

Съѣздъ профессоровъ-историковъ. 26-го марта въ Москвѣ, въ профессорскомъ залѣ новаго зданія университета состоялось совѣщаніе профессоровъ россійскихъ университетовъ, занимающихъ каѳедры русской исторіи и исторіи русскаго права. На совѣщаніе прибыли профессора: петроградскаго университета—С. Ѳ. Платоновъ, С. В. Рождественскій и В. М. Грибовскій; харьковскаго—Д. И. Багалѣй, В. Н. Савва, М. В. Клочковъ и Н. А. Максимейко; варшавскаго—І. А. Малиновскій и И. П. Козловскій; кіевскаго—В. С. Иконниковъ, М. В. Довнаръ-Запольскій и М. Н. Ясинскій; казанскаго—В. В. Ивановскій; юрьевскаго—И. И. Лаппо и Ф. В. Тарановскій; новороссійскаго—Е. П. Трефильевъ, И. А. Линниченко и А. Я. Поповъ и томскаго—Г. Г. Тельбергъ. Представителями московскаго университета явились: ректоръ университета М. К. Любавскій, А. Н. Филипповъ и М. М. Богословскій. Предсѣдателемъ совѣщанія былъ избранъ М. К. Любавскій, секретаремъ—И. И. Лаппо. Совѣщаніе профессоровъ созвано было въ Москвѣ по иниціативѣ московскаго университета для обсужденія нѣкоторыхъ очередныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разработкой исторической науки въ Россіи. Обсуждался вопросъ о созывѣ періодическихъ историческихъ съѣздовъ, которые въ Россіи самостоятельно до сего времени не созывались. Совѣщаніе пришло къ единодушному заключенію о не-

обходимости періодическихъ съѣздовъ въ Россіи, посвященныхъ вопросамъ русской исторіи, исторіи русскаго права и соприкасающихся съ ними научныхъ дисциплинъ. Такіе съѣзды предположено созывать черезъ каждыя 5 лѣтъ въ университетскихъ городахъ по очереди, при чемъ подготовительныя работы должны падать на тотъ университетъ, при которомъ намѣчается съѣздъ. Первый съѣздъ историковъ намѣченъ въ Москвѣ во второй половинѣ декабря 1919 г. Совѣщаніе постановило обратиться съ всеподданнѣйшимъ адресомъ къ Его Императорскому Величеству Государю Императору и выработало текстъ этого адреса. На имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія графа П. Н. Игнатьева послана была телеграмма съ выраженіемъ благодарности за разрѣшеніе совѣщанія. Кромѣ того, по предложенію заслуженнаго профессора А. Н. Филиппова рѣшено приступить въ составленію словаря древнихъ юридическихъ терминовъ и выраженій, отчасти вышедшихъ и выходящихъ изъ обращенія. Избрана для подготовки матеріала для словаря особая комиссія, въ которую вошли профессора: московскаго университета—А. Н. Филипповъ, петроградскаго—В. Н. Грибовскій, харьковскаго—Н. А. Максимейко, кіевскаго—М. Н. Ясинскій, новороссійскаго—А. Л. Шпаковъ, томскаго—Г. Г. Тельбергъ, варшавскаго—И. А. Малиновскій и казанскаго—В. В. Ивановскій. По предложенію ректора университета профессора М. К. Любавскаго, рѣшено составить особый атласъ по русской исторіи. Къ участію въ засѣданіяхъ съѣзда по русской исторіи, намѣченнаго въ Москвѣ въ 1919 году, будутъ привлечены не только профессора россійскихъ университетовъ, но и ученые—историки и видные педагоги среднихъ учебныхъ заведеній.

Чествованіе памяти М. В. Ломоносова. 5-го апрѣля по случаю 150-лѣтія со дня кончины М. В. Ломоносова, по инціативѣ московскаго городского управленія, въ церкви Заиконоспасскаго монастыря совершена была заупокойная литургія и панихида. Службу совершалъ настоятель о. Алексѣй въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ. На панихидѣ присутствовали: гласный московской городской думы Н. А. Шаминъ, членъ городской управы Г. А. Пузыревскій, проф. В. Д. Шервинскій, И. М. Громогласовъ и др. Въ Заиконоспасскомъ училищѣ, гдѣ М. В. Ломоносовъ получилъ первоначальное образованіе, также отслужена была панихида. На панихидѣ присутствовали учительскій персоналъ и учащіеся. Портретъ Ломоносова украшенъ былъ лентами и пальмами. Во всѣхъ городскихъ училищахъ учащимся розданы были брошюры о Ломоносовѣ. Въ четырехъ городскихъ училищахъ, которымъ присвоено имя Ломоносова, состоялись чтенія съ туманными картинами, иллюстрировавшими жизнь и творчество Ломоносова. Въ 6-мъ рогожскомъ училищѣ состоялось чтеніе въ присутствіи Н. А. Шамина. Одинокимъ и забытымъ казался памятникъ Ломоносову у зданія московскаго университета. Университетъ ничѣмъ не отмѣтилъ памяти Ломоносова. У памятника не позаботились даже убрать кучу грязнаго снѣга. Въ Петроградѣ были отслужены панихиды въ академіи наукъ и на могилѣ М. В. Ломоносова въ Александро-Невской лаврѣ. О Ломоносовѣ вспомнили въ его родномъ краю въ Ломоносовской гимназіи. Отслужены литургія и панихида, и прочитаны преподавателями рѣчи о заслугахъ Ломоносова. Хоръ учениковъ исполнилъ «Отрока» Пушкина, «Его избралъ Господь отъ малыхъ» и др. Архан-

гельская городская дума ограничилась лишь панихидой по Ломоносову. Ломоносовскія торжества перенесены на осень, на 6-ое сентября, день городского праздника. Даже реальное училище въ Архангельскѣ ничѣмъ не отмѣтило Ломоносовскій день. Въ городскихъ училищахъ были панихиды.

Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности А. М. Ловягина. 1-го марта 1915 года исполнилось двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности нашего сотрудника Александра Михайловича Ловягина. Юбиляръ дебютировалъ на литературномъ поприщѣ критической замѣткой о книгѣ Сементовскаго «Бѣлорусскія древности», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подписанной «L». А. М. родился въ 1870 году, среднее образованіе получилъ въ ревельской гимназіи и императорскомъ петроградскомъ историко-филологическомъ институтѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1892 году по историческому отдѣленію. Научные интересы А. М. сосредотились сперва на древней исторіи; изъ трудовъ его въ этой области особенно выдѣляется изданіе «Трактаты Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ» (на греческомъ и русскомъ языкахъ. 1895. Спб.), посвященное профессору Ѳ. Ѳ. Соколову въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея. Затѣмъ А. М. увлекла отечественная исторія и въ частности взаимоотношенія Россіи и Голландіи, чему способствовало основательное знаніе г. Ловягинымъ голландскаго языка. Результатомъ этихъ занятій явились два переводныхъ труда Ловягина: «Посольство Кундраада-фанъ-Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу», изданіе императорской археографической комиссіи, и «Путешествіе въ Московію магистра Адама Олеарія», изданіе А. С. Суворина. Для успѣшнаго исполненія этихъ работъ А. М. ѣздилъ въ Голландію и работалъ въ тамошнихъ архивахъ, результатомъ собранныхъ тамъ матеріаловъ явилась работа «Изъ библіотекъ и архивовъ Голландіи», помѣщенная въ «Сборникѣ памяти Л. Н. Майкова» (Спб. 1899). А. М. Ловягинъ много потрудился для русскаго библіологическаго общества, былъ его основателемъ, учредителемъ и нынѣ состоитъ почти безсмѣннымъ его президентомъ: даже самое понятіе библіологіи было выяснено въ нашей литературѣ статьями А. М. Ловягинымъ. Поэтому русское библіографическое общество при московскомъ университетѣ избрало 31-го марта с. г. А. М. въ число своихъ почетныхъ членовъ. Въ связи съ дѣятельностью въ библіографическомъ обществѣ А. М. много работалъ въ органѣ этого общества «Литературный Вѣстникъ». Затѣмъ, кромѣ «Историческаго Вѣстника», постояннымъ сотрудникомъ котораго Ловягинъ состоитъ и по сіе время, А. И. Ловягинъ работалъ и работаетъ въ журналахъ «Русская Старина», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Гермесъ» и др. Въ настоящее время А. М. посвятилъ себѣ педагогіи и состоитъ наставникомъ студентовъ императорскаго петроградскаго историко-филологическаго института и наставникомъ-руководителемъ по исторіи въ состоящей при этомъ институтѣ гимназіи. Какъ знающій великолѣпно англійскій, французскій, нѣмецкій и голландскій языки, работаетъ онъ также въ петроградскомъ телеграфномъ агентствѣ. Въ связи съ педагогической дѣятельностью А. М. Ловягина необходимо упомянуть о томъ, что онъ первый составилъ въ 1900 году обстоятельный учебникъ по отечествовѣдѣнію. Книга эта впослѣдствіи неоднократно перерабатывалась и издавалась.

Юбилей Н. К. Кульчицкаго. 6-го марта исполнилось 35-лѣтіе научной дѣятельности попечителя петроградскаго учебнаго округа Н. К. Кульчицкаго. Юбиляръ окончилъ медицинскій факультетъ харьковскаго университета и въ 1879 году былъ оставленъ для подготовки въ профессорскому званію. Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ и прозекторомъ при каѳедрѣ гистологіи, а затѣмъ состоялъ экстраординарнымъ и ординарнымъ-профессоромъ по той же каѳедрѣ. Съ 1914 года онъ состоитъ попечителемъ петроградскаго учебнаго округа. Перу его принадлежитъ рядъ выдающихся работъ по гистологіи и эмбріологіи, куда онъ внесъ нѣсколько оригинальныхъ методовъ, получившихъ широкое распространеніе. Изъ его печатныхъ трудовъ извѣстны: «О строеніи окончаній двигательнаго нерва въ мышцахъ произвольнаго движенія», «О происхожденіи окрашеннаго тѣльца крови млекопитающихъ» и др.

Юбилей И. В. Скворцова. Начальникъ царскосельской и петроградскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, членъ учебнаго комитета въ томъ же вѣдомствѣ и редакторъ-издатель журнала «Литературное Обозрѣніе», дѣйствительный статскій совѣтникъ, магистръ богословія Иванъ Васильевичъ Скворцовъ заканчивалъ 15-го марта тридцатипятилѣтіе своей служебно-общественной и сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности. Сынъ священника, Иванъ Васильевичъ родился 2-го февраля 1855 года въ селѣ Опаринѣ, Александровскаго уѣзда Владимирской губерніи, воспитывался въ переславльскомъ духовномъ училищѣ и владимирской семинаріи, получивъ высшее образованіе въ московской духовной академіи со степенью кандидата (1879). Съ 1880 года началась служебная дѣятельность И. В. сначала въ учебномъ комитетѣ при Синодѣ, а съ 1882 года—по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, гдѣ онъ былъ преподавателемъ исторіи, педагогики и русской словесности въ Александровской, Коломенской, Литейной и Рождественской женскихъ гимназіяхъ и въ Александровскомъ Смольномъ, Елизаветинскомъ и патріотическомъ женскихъ институтахъ. Въ 1891 году И. В. былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, затѣмъ былъ (1897—1910) помощникомъ начальника петроградскихъ и царскосельской женскихъ гимназій, а съ 1910 года состоитъ ихъ начальникомъ. Начавъ свою литературную дѣятельность на страницахъ «Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», онъ сотрудничалъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» (Гилярова-Платонова), «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», «Отголоскахъ», «Словѣ» и «Новомъ Пути», а съ 1895 года издаетъ подъ своей редакціей журналъ «Литературное Обозрѣніе». Изъ отдѣльныхъ сочиненій И. В. отмѣтимъ: 1) «Въ защиту бѣлаго духовенства»; 2) «Въ области практической философіи»; 3) «Двадцатипятилѣтіе с-петербургскихъ гимназій»; 4) «Обзоръ исторіи крестьянъ на Руси до XVIII вѣка»; 5) «Общая педагогика»; 6) «Дидактика»; 7) «Изслѣдованія и статьи въ области политики, общественной жизни и литературы»; 8) «Родная поэзія»; 9) «Философская пропедевтика»; 10) «Русская исторія» (популярные очерки); 11) «Прошлое и настоящее женскихъ гимназій» и 12) «О роли Англіи въ восточномъ вопросѣ».

Тридцатилѣтній юбилей научной дѣятельности профессора В. Ѳ. Левитскаго. 2-го апрѣля юридическій факультетъ харьковскаго университета чествовалъ

своего декана, одного изъ старѣйшихъ представителей профессорской коллегіи харьковскаго университета, Владиміра Фаустовича Левитскаго, тридцать лѣтъ потрудившагося на пользу науки и русскаго просвѣщенія. Маститый юбиляръ сверхъ своихъ научныхъ трудовъ извѣстенъ въ широкихъ слояхъ населенія, какъ одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. В. Ф. родился въ 1852 году въ семьѣ священника въ Кіевской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца и въ сельской школѣ, а затѣмъ поступилъ въ кіевскую духовную семинарію. Въ 1874 году В. Ф. поступилъ въ новороссійскій университетъ, гдѣ сначала слушалъ лекціи по естественному факультету, а затѣмъ перешелъ въ юридическій факультетъ: тамъ уже на первыхъ курсахъ опредѣлилось его влеченіе къ экономическимъ наукамъ. По окончаніи университета, въ 1881 году В. Ф. уѣхалъ за границу для спеціальныхъ занятій по экономикѣ. Въ 1884 году онъ возвратился изъ-за границы и выдержалъ при московскомъ университетѣ магистрантскій экзаменъ. Въ 1890 году юбиляръ получилъ въ московскомъ университетѣ степень магистра политической экономіи и статистики. Въ 1893 году харьковскій университетъ избралъ В. Ф. профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи. Черезъ 6 лѣтъ онъ съ успѣхомъ защитилъ докторскую диссертацію «Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи», послѣ чего получилъ званіе ординарнаго профессора. Послѣднія восемь лѣтъ В. Ф. состоитъ деканомъ юридическаго факультета. Послѣдніе годы В. Ф. состоитъ гласнымъ харьковской городской думы.

Тридцатипятилѣтній юбилей сенатора С. М. Лукьянова. 6-го апрѣля исполнилось 35 лѣтъ дѣятельности члена Государственнаго Совѣта, сенатора, тайнаго совѣтника, С. М. Лукьянова. Юбиляръ родился въ Москвѣ въ 1855 году; по окончаніи курса гимназіи поступилъ въ медико-хирургическую академію. Въ 1879 году С. М. блестяще окончилъ академію и былъ оставленъ при ней при клиникѣ профессора С. П. Боткина. Въ 1886 году назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1889 году ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ общей патологіи варшавскаго университета. Въ 1894 году С. М. былъ назначенъ директоромъ института экспериментальной медицины въ Петроградѣ. Какъ выдающійся ученый и педагогъ, С. М. былъ приглашенъ занять постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта. 5-го февраля 1909 года юбиляръ получилъ назначеніе на постъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ каковой должности и пробылъ до 2-го мая 1911 г. При юбилярѣ возникъ при Синодѣ страховой отдѣлъ, обѣщающій большую матеріальную пользу для нуждъ церкви. 22-го марта сего года юбиляру Всемилостивѣйше повелѣно состоять при верховномъ начальникѣ санитарной части его императорскомъ высочествѣ принцѣ Александрѣ Петровичѣ Ольденбургскомъ, съ возложеніемъ на него завѣдыванія дѣлами по улучшенію отечественныхъ лечебныхъ мѣстностей.

НЕКРОЛОГИ.

МИТРІЕВЪ, Д. С. Въ Москвѣ священникъ Дмитрій Савватіевичъ Дмитріевъ, проѣзжая въ вагонѣ трамвая, почувствовалъ себя дурно, и, отправленный въ пріемный покой Зубовской аптеки, скончался, не приходя въ сознаніе. Родился покойный Д. С. въ 1848 году въ Москвѣ, среди зажиточной купеческой семьи; его отецъ былъ торговецъ, имѣлъ небольшую фабрику, свой домъ и лавки въ городскихъ рядахъ на Никольской улицѣ. «Кромѣ меня,—признавался Д. С.,—у отца было еще пятеро сыновей; всѣхъ онъ пріучалъ къ коммерческому дѣлу; но у меня не лежало сердце къ торгашеству: мнѣ хотѣлось учиться; но мое образованіе ограничилось только тѣмъ, что я научился кое-какъ читать и съ грѣхомъ пополамъ писать; обучала меня сей премудрости монашенка изъ Рождественскаго монастыря за цѣлковый въ мѣсяцъ»... По словамъ покойнаго, онъ до восемнадцати лѣтъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о грамматикѣ, ариѳметикѣ, географіи, хотя въ отечественной исторіи уже и тогда былъ достаточно «силенъ». «Исторія» Карамзина и историческіе романы Зотова, Загоскина, Лажечникова, гр. А. Толстого были его излюбленнымъ чтеніемъ: этими книгами награждалъ юношу ходячій букинистъ, «беря за прочетъ каждой изъ нихъ гривенникъ». Скоро надъ головою молодого Дмитріева начинаютъ «разражаться ударъ за ударомъ». «Умираетъ,—пишетъ онъ,—горячо любимая мать, отецъ состарился, торговыя дѣла у насъ сильно пошатнулись; скоро умеръ и отецъ; послѣ него остались мнѣ въ наслѣдство гроши; тутъ-то и пришлось мнѣ познакомиться съ нуждой-лиходѣйкой»... Изъ такого бѣдственнаго положенія, къ счастью, вывелъ его П. А. Безсоновъ, тогдашній библіотекарь московскаго университета; онъ взялъ Дмитріева въ писцы при библіотекѣ «съ жалованьемъ въ восемь рублей пятьдесятъ три копейки въ мѣсяцъ». «Такое скудное содержаніе,—говоритъ Д. С.,— меня не пугало: къ лишеніямъ я уже привыкъ и ухитрялся тратить на свое питаніе по гривеннику въ день; жилъ я въ домѣ Бронникова (въ Охотномъ

ряду), на пятомъ этажѣ, гдѣ снималъ нумеръ или каморку за пять рублей въ мѣсяцъ... Впрочемъ, скоро мои денежныя средства поправились: я сталъ получать въ библіотекѣ двадцать рублей въ мѣсяцъ, а по вечерамъ занимался въ театрѣ Корша, состоя билетеромъ». «Болѣе пятнадцати лѣтъ,—прибавляетъ онъ,—служилъ я въ университетской библіотекѣ. У меня былъ богатый матеріалъ подъ руками; я читалъ и зачитывался исторіей и литературой; этимъ я мало-по-малу себя образовывалъ»... Слѣдствіемъ такого непрерывнаго самообразованія явилось у Дмитріева желаніе самому вступить на литературное поприще. «Пробой моего пера,—указываетъ онъ,—былъ разсказъ «Вѣдунья», напечатанный въ апрѣлѣ 1878 года въ журналѣ «Спутникъ», а вслѣдъ затѣмъ въ «Театральной Библіотекѣ» помѣщено было мое первое драматическое произведеніе: «Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ». Съ этой поры въ теченіе болѣе тридцати пяти лѣтъ Д. С. принимаетъ участіе во многихъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, а именно: въ журналѣ «Свѣтъ и Тѣни», «Развлеченіи», «Русской Газетѣ», «Соврем. Изв.», «Московской Газетѣ», «Новостяхъ Дня», «Русск. Листкѣ», «Иллюстрированной Газетѣ», «Русск. Сатир. Листкѣ», въ журналѣ «Россія» (1884—1885 гг.), «Народн. Благѣ», «Русск. Словѣ», «Радугѣ» и «Семьѣ». Въ названныхъ газетахъ и журналахъ, кромѣ небольшихъ разсказовъ, имъ были напечатаны историческіе романы и повѣсти, какъ, напримѣръ, «Русскіе орлы», «Два императора», «Кавалеристъ-дѣвица», «Полудержавный властелинъ», «Императоръ-отрокъ», «Дочь Великаго Петра», «Саможигатели», Сынъ временщика», «Золотой вѣкъ», «Большой бояринъ», «Случайный генералъ», «Жажда власти», «Таинственный домъ», «Гдѣ печаль, тамъ и радость», «Анна, купеческая дочь» и мног. друг. По собственнымъ словамъ автора, онъ канвой для своихъ повѣстей и романовъ бралъ отдаленную эпоху, начиная съ князя Владиміра Красное-Солнышко и заканчивая временемъ императора Александра I. На ряду съ беллетристическими произведеніями появились и новыя пьесы Д. С. Дмитріева: драма «Лиходѣйка-мачеха», сцены «Мельникъ» и комедія «Грѣхъ ходитъ не по міру, а по людямъ», которыя и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара провинціальныхъ театровъ, такъ что авторъ до смерти числился членомъ общества русскихъ драматическихъ писателей. Съ начала 1908 года въ жизни автора-беллетриста и драматурга совершился большой переворотъ. Уже давно глубоко настроенный въ религіозномъ отношеніи, онъ послѣ смерти своего единственнаго сына рѣшился принять священный санъ. 5-го февраля названнаго года Д. С. былъ рукоположенъ во священники епископомъ дмитровскимъ Трифономъ и опредѣленъ настоятелемъ Митрофаніевскаго храма при пріютѣ имени великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны въ Петровскомъ паркѣ, а затѣмъ вскорѣ переведенъ въ настоятели церкви пріюта для неизлечимо-больныхъ имени митрополита Сергія, гдѣ и служилъ до кончины, участвуя за послѣднее время въ журналахъ «Воскресный День», «Душеполезное Чтеніе» и «Божья Нива». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 75).

† **Залозецкій, В. Д.** Въ Галичинѣ скончался на восемьдесятъ второмъ году отъ рожденія одинъ изъ выдающихся галицко-русскихъ писателей, уніатскій священникъ Василій Дмитріевичъ Залозецкій. Залозецкій родился въ Буко-

винѣ въ 1833 году, первоначальное образованіе получилъ въ Черновцахъ, затѣмъ изучалъ богословскія и филологическія науки въ львовскомъ (польскомъ) и вѣнскомъ (нѣмецкомъ) университетахъ. По окончаніи курса онъ былъ рукоположенъ въ пресвитеры въ 1858 году. Литературную дѣятельность Залозецкій началъ въ 1862 году, когда въ львовскомъ повременникѣ «Вечерницы» были напечатаны его стихотвореніе и разсказъ «Несвятоюрщина». Въ послѣдующее время Залозецкій принималъ дѣятельное участіе въ галицко-русскихъ юридическихъ изданіяхъ «Проломъ», «Галичанинъ», «Слово» и «Прикарпатская Русь». Съ половины восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія Залозецкій посвятилъ свои досуги изученію прошлаго своей родины и въ частности эпохи Галицкаго княжества. Результатомъ этихъ изученій явились историческіе повѣсти и разсказы Залозецкаго («Половецкая моленница» «Евфимія Володаревна», «Ростиславъ» и друг.) и изслѣдованія, напечатанныя въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» и въ «Прикарпатской Руси»—о Баянѣ «Слова о полку Игоревѣ», о «Половецкой эпохѣ исторіи Галича», объ «Олегѣ Святославовичѣ», о «Плачѣ Ярославны» и мног. друг. Въ 1907 году во Львовѣ начало выходить полное собраніе сочиненій Залозецкаго (издано было только три тома). Вмѣстѣ съ немногими галицко-русскими писателями новѣйшаго періода (Глушкевичемъ, Вергуномъ, Глѣбовицкимъ, Петрушевичемъ, Свистуномъ, Мончаловскимъ, Марковымъ, Яворскимъ) Залозецкій пользовался въ своихъ произведеніяхъ русскимъ литературнымъ языкомъ, а не мѣстнымъ галицко-русскимъ нарѣчіемъ. Этотъ фактъ, а также его прочныя симпатіи къ Россіи рано поставили Залозецкаго въ ряды русской народной («москвофильской») партіи въ Галичинѣ. (Некрологъ его: «Славянскія Извѣстія», 1914, № 4).

† **Кологривова, Л. А.** Лидія Александровна Кологривова скончалась 20-го марта въ Москвѣ. Рожденная княжна Ухтомская, покойная получила образцовое воспитаніе и широкое образованіе, соединенное съ несомнѣннымъ природнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Выйдя замужъ за С. Н. Кологривова, писателя по русской археологіи, она сама отдалась «живой поэзіи». Изъ-подъ ея пера непрерывной вереницей стали появляться оригинальныя и переводныя произведенія въ стихахъ, которыя затѣмъ вошли въ книжку трехъ поэтессъ подъ такимъ заглавіемъ: «Стихотворенія и переводы А. Милорадовичъ, Л. Кологривовой и В. Гордѣевой» (М. 1902 г., 96—III стр.). Тогдашняя критика съ особенною похвалою отозвалась о выдающихся сочиненіяхъ нынѣ покойной поэтессы, какъ о легкости и плавности ея стиха, такъ и за интересные сюжеты, которые Л. А. брала, съ одной стороны—изъ жизни природы и изъ настроеній человѣческаго сердца, а съ другой—изъ событій родной старины. Напримѣръ, въ названной книжкѣ рельефно выдѣлялись три произведенія почившей: «Успенскій соборъ», «Княжна Долгорукая—пятая жена Грознаго» и «Св. митрополитъ Филиппъ». Поощренная такимъ сочувственнымъ отзовомъ, Л. А. Кологривова рѣшилась отдѣльно издать свои сочиненія особеннымъ сборникомъ, подъ простымъ заголовкомъ «Стихотворенія» (М. 1903 г., 109 стр.), а вслѣдъ затѣмъ начала выступать на страницахъ журнала «Вѣстникъ Европы» (1903—1904 гг.) и главнымъ образомъ на листахъ «Москов-

скихъ Вѣдомостей», гдѣ въ теченіе длиннаго ряда годовъ она еженедѣльно по воскресеньямъ поэтически откликалась или на историческія событія, или на факты современной общественной жизни, или рисовала въ чарующей формѣ картины русской природы. Такіе живые «поэтическіе отклики» составляли второй сборникъ ея «Стихотвореній» (М. 1910 г.), въ которомъ покойная, главнымъ образомъ, выказала себя, какъ писательница, обладавшая глубокимъ патріотическимъ чувствомъ и искреннимъ, задушевнымъ настроеніемъ; именно такими особенностями были запечатлѣны ея прекрасныя стихотворенія: «Цесаревичъ», «Ермакъ», «Бандуристъ», «Часовой» и многія другія, помѣщенныя въ указанномъ сборникѣ. Но и послѣ того Л. А. Кологривова продолжала свою дальнѣйшую поэтическую дѣятельность преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 66).

† **Мануйловъ**, **И. М.** 4-го марта въ Москвѣ, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, скончался хорошо всѣмъ извѣстный педагогъ, преподаватель рисованія Иванъ Мих. Мануйловъ. Будучи горячимъ послѣдователемъ новѣйшихъ методовъ въ преподаваніи, покойный первый устроилъ въ Москвѣ въ 1907 году выставку ученическихъ работъ по рисованію и ручному труду въ популярной московской гимназіи А. Е. Флерова. Выставка имѣла громадный успѣхъ и дала сильный толчокъ къ работѣ педагоговъ въ этомъ направленіи. И. М. горячо пропагандировалъ идею дѣтскаго творчества, и въ свое время критика сочувственно отнеслась къ его, совмѣстно съ другими педагогами, попыткѣ познакомить широкую публику съ дѣтскимъ творчествомъ путемъ изданія сборника «Молодые Побѣги». Какъ педагогъ, это былъ рѣдкій руководитель юношества, умѣвшій вдохнуть въ учащихся горячее и дѣятельное отношеніе къ искусству. Умеръ онъ еще молодымъ: ему не было и сорока лѣтъ. (Некрологъ его: «Жизнь и Школа», 1915, № 11).

† **Марковичъ**, **Б. А.** Рано утромъ 18-го марта, послѣ продолжительной болѣзни, скончался на шестьдесятъ второмъ году жизни извѣстный публицистъ Богданъ Аѳанасьевичъ Марковичъ. Сынъ талантливыхъ и выдающихся родителей, покойный унаслѣдовалъ отъ нихъ прекрасныя качества своего недюжиннаго дарованія и серьезнаго, склоннаго къ глубокому анализу, ума. Отецъ его извѣстный малороссъ-украинофилъ и этнографъ—Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, а мать—извѣстная въ литературѣ Марко-Вовчокъ. М. А. разошлась, однако, съ мужемъ и уѣхала съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Богданомъ въ Петербургъ, гдѣ была радушно принята въ среду корифеевъ тогдашней русской литературы. Здѣсь она сблизилась съ Т. Г. Шевченкомъ, который назвалъ молодую писательницу своей преемницей и литературной дочерью. Скончавшійся Б. А., такимъ образомъ, всѣмъ своимъ образованіемъ и воспитаніемъ обязанъ своей матери, память которой онъ благоговѣйно чтилъ до конца своей жизни. Дѣтство и юность Б. А. провелъ среди талантливыхъ людей, въ обществѣ которыхъ надо всѣмъ преобладали высокіе духовные интересы. И эта обстановка дѣтства и ранняго юношества отразилась на всей дальнѣйшей жизни покойнаго Б. А., отразилась и на его характерѣ, моментами весьма мягкомъ и сердечномъ, моментами весьма рѣши-

тельномъ и твердомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его глубокому убѣжденію, нельзя уже было дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ... Въ болѣе поздней порѣ своей юности, уже будучи студентомъ, такой человѣкъ, какъ Б. А., естественно, не могъ не откликнуться на волнующія тогдашнюю молодежь теченія, и, конечно, какъ и многіе другіе, долженъ былъ принять за это цѣлый рядъ испытаній, вынужденное оставленіе и своей матери, и столицы... Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, уже много пережившимъ, переиспытавшимъ, много видѣвшимъ, онъ поселяется въ Астрахани, гдѣ и принимаетъ, совмѣстно съ жившимъ тогда въ Астрахани Е. Н. Чириковымъ и другими, дѣятельное участіе въ мѣстной печати, главнымъ образомъ въ «Астраханскомъ Вѣстникѣ». Вскорѣ Б. А. Марковичъ переѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ и работалъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ». Не было ни одного мѣстнаго, ни общерусскаго вопроса того времени, котораго не коснулось бы перо Марковича... Это былъ воистину русскій журналистъ «Божіею милостью»... Въ самомъ началѣ девятисотыхъ годовъ Марковичъ появляется въ Петербургѣ. Здѣсь онъ послѣдовательно работаетъ въ цѣломъ рядѣ газетъ. Можно отмѣтить, что Б. А. былъ послѣднимъ по времени «литературнымъ» редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и сыгралъ очень видную роль въ блаженной памяти сдвигѣ этой газеты въ сторону только-что народившагося тогда (въ 1905 г.), кадетизма, въ кратковременномъ увлеченіи которымъ С. М. Пропперъ сталъ было издавать «кадетскіе» офиціозы «Свободный Народъ» и затѣмъ «Народную Свободу». Въ послѣдніе годы Б. А., уже больной, посвятилъ себя работѣ въ различныхъ издательствахъ, а равно педагогической дѣятельности. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915, № 413).

† **Перецъ, Л.** Въ Варшавѣ скончался извѣстный еврейскій писатель Леонъ Перецъ. Въ лицѣ покойнаго еврейская литература на разговорно-еврейскомъ языкѣ понесла крупную утрату. Леонъ Перецъ родился въ 1851 году, въ Замостьѣ Люблинской губерніи. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1876 году съ первымъ своимъ стихотвореніемъ на древне-еврейскомъ языкѣ въ журналѣ «Ha-Schachar». Въ 1888 году Перецъ началъ писать на жаргонѣ. Въ этомъ году появилась его поэма «Monisch» въ «Indische Volksbibliothek». Съ 1890 года по 1892 годъ онъ издавалъ на жаргонѣ ежегодникъ, въ которомъ отстаивалъ лозунгъ—«просвѣщеніе народа и превращеніе фанатиковъ въ образованныхъ людей». Въ этотъ періодъ времени онъ написалъ рядъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни еврейской народной массы. Постепенно Перецъ, однако, переходилъ къ символизму. Много произведеній, относящихся ко второму періоду его творчества, посвящены хасидизму. Его лирическая драма «Di Goldone Keif», появившаяся въ этотъ періодъ, считается однимъ изъ лучшихъ произведеній въ жаргонной литературѣ. Въ 1909 году появились его «Volkstümliche Geschichten», представляющія рядъ народныхъ легендъ. Леонъ Перецъ оказалъ сильное вліяніе на развитіе новѣйшей жаргонной литературы. Въ 1901 году по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня рожденія Переца почитатели издали полное собраніе его сочиненій. Затѣмъ были изданы собранія его сочиненій въ 1908—1910 гг. въ Варшавѣ и Америкѣ. Многія произведенія Переца переведены на русскій и другіе европейскіе языки.

Въ 1910 году книгоиздательство «Современныя Проблемы» приступило къ изданію собранія сочиненій Переца на русскомъ языкѣ. За свои литературныя заслуги Леонъ Перецъ въ минувшемъ году былъ избранъ въ почетные члены общества распространенія просвѣщенія между евреями. Покойный также состоялъ почетнымъ членомъ еврейскаго литературнаго общества. Въ послѣдніе годы покойный писатель страдалъ болѣзнью сердца. Похороны Переца состоялись въ Варшавѣ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1915, прибавленіе къ № 69).

† **Рева, И. М.** Въ селѣ Феликсовкѣ Кіевской губ. 31-го марта скончался Илья Михайловичъ Рева. И. М. Рева пріобрѣлъ въ Кіевскомъ краѣ широкую извѣстность, какъ политическій, общественный и земскій дѣятель и какъ журналистъ. Политическая карьера его началась въ семидесятыхъ годахъ и окончилась ссылкой въ Архангельскую губернію. Позже передавали, что ближайшимъ поводомъ къ ссылкѣ послужила изданная въ 1879 году въ Кіевѣ книга «Уманская рѣзня» (Записки Вероники Кребсъ) въ переводѣ и съ предисловіемъ И. М. Ревы. Въ предисловіи сдѣланъ былъ выпадъ по адресу Мих. Юзефовича, и это обстоятельство, говорятъ, и повлекло за собой ссылку автора предисловія. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ мы видимъ И. М. Реву снова въ Кіевѣ, гдѣ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ сотрудничаетъ въ журналѣ «Земледѣліе», издававшемся кіевскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ. Къ тому же времени относятся и его знакомство съ Д. И. Пихно и первыя его статьи въ «Кіевлянинѣ». Когда въ началѣ девятидесятыхъ годовъ произошли перемѣны въ составѣ редакціи журнала «Земледѣліе», И. М. Рева приглашенъ былъ въ качествѣ редактора журнала, но тогдашняя высшая администрація отказалась утвердить его въ этомъ званіи. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ, когда повѣяло политической весной, И. М. Рева уходитъ изъ «Кіевлянина» и начинаетъ работать въ прогрессивныхъ изданіяхъ. Это длится недолго— два-три года, и съ 1906 года онъ снова переходитъ въ «Кіевлянинъ». Тогда же начинается расцвѣтъ его политической дѣятельности. И. М. Рева принимаетъ дѣятельное участіе въ выборныхъ кампаніяхъ въ Государственную Думу, является однимъ изъ главныхъ руководителей предвыборной борьбы въ пользу правыхъ элементовъ. Журнальную работу свою И. М. Рева переноситъ исключительно въ «Кіевлянинъ», гдѣ печатаетъ рядъ статей по политическимъ, экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Видную роль игралъ И. М. Рева и въ земской жизни Кіевской губерніи. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ состоялъ губернскимъ земскимъ гласнымъ сначала въ упрощенномъ земствѣ, а послѣдніе три года—въ реформированномъ, выборномъ. Въ послѣднее трехлѣтіе И. М. Рева занималъ должность предсѣдателя липовецкой земской управы. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 91).

† **Синицкій, Е. Д.** 6-го марта, послѣ двухъ лѣтъ тяжелыхъ страданій, скончался въ Кіевѣ доцентъ Демидовскаго юридическаго лицея Евгеній Даниловичъ Синицкій. Криминалистъ по спеціальности, Е. Д. сравнительно очень мало напечаталъ ученыхъ трудовъ, по этому имѣлась особая причина: съ болѣзненной щепетильностью относился онъ къ ученому печатному слову, и въ его портфелѣ годами лежали совершенно обработанные матеріалы въ

такомъ количествѣ, что ихъ съ успѣхомъ хватило бы на двѣ диссертаціи и учебникъ въ придачу. Двѣ появившіяся въ печати работы Е. Д. отмѣчены большими достоинствами. Въ первой изъ нихъ «Моралистическое направленіе въ уголовномъ правѣ» авторъ вдумчиво характеризуетъ теченіе, связанное съ именемъ Жоли, критически разсматриваетъ это теченіе и даетъ ему глубокую оцѣнку, свидѣтельствующую объ огромной эрудиціи и возвышенности взглядовъ Е. Д. на важнѣйшія проблемы уголовнаго права. Значительно позже въ статьѣ «Преподаваніе права и наша правовая дѣйствительность», появившейся въ «Вѣстникѣ Воспитанія», авторъ, оцѣнивая бурныя событія нашей переходной эпохи, дѣлаетъ оригинальную попытку прослѣдить судьбу основныхъ юридическихъ принциповъ въ это время и, анализируя привлеченный къ дѣлу историческій матеріалъ, даетъ яркую антитезу правосудія истиннаго и правосудія-расправы. Какъ преподаватель, Е. Д. отличался особой привлекательностью изложенія и самостоятельностью мысли; его аудиторія всегда была полна, и съ неизмѣнной любовью относились къ нему его слушатели. Какъ членъ коллегіи, Е. Д. отличался принципіальностью и глубокой преданностью лучшимъ академическимъ идеаламъ. Его любили, какъ человѣка не только большого интеллекта, но и чуткой и яркой совѣсти. На ряду съ наукой Е. Д. много времени отдавалъ публицистикѣ. Многолѣтній сотрудникъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія», онъ давалъ въ немъ яркіе обзоры академической жизни и ея судебъ; давалъ и статьи по разнымъ вопросамъ, и за подписью, и за иниціалами, и подъ псевдонимомъ. Эти статьи одно время даже вызвали заботливый вопросъ министерства народнаго просвѣщенія, не мѣшаетъ ли преподаванію Е. Д. его дѣятельное сотрудничество въ «Вѣстникѣ Воспитанія», и Е. Д. пришлось, дорожа каѳедрой, впредь вести публицистическую работу не столь «дѣятельно». Два послѣдніе года Е. Д. были омрачены тяжкой болѣзнью на нервной почвѣ. Работу и преподаваніе пришлось бросить и иногда мѣсяцами изъ-за тяжкихъ страданій не покидать постели. 6-го марта смерть прекратила эти страданія. Е. Д. не стало. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1915, № 14712).

† **Симоничъ, Н. Н.**, графъ. 5-го апрѣля, въ пять часовъ тридцать минутъ утра умеръ графъ Николай Николаевичъ Симоничъ, давнишній сотрудникъ газеты «Петроградскія Вѣдомости». Статьи, подписанныя его именемъ, а также псевдонимами его,—«Лахвари», «Житель», «Н. С—чъ», «N. S.»—всегда представляли интересъ, одухотворены были свѣжими, здоровыми мыслями, или проникнуты своеобразнымъ добродушнымъ юморомъ... Покойный началъ свою литературную дѣятельность въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, корреспонденціями изъ Тифлиса—въ журналъ «Всемірная Иллюстрація». Кромѣ «Петроградскихъ Вѣдомостей», которымъ онъ отдавался полностью до послѣднихъ дней своей жизни, онъ писалъ въ не такъ давно издававшихся «Сѣверномъ Курьерѣ» и «Сынѣ Отечества». Широко и разносторонне образованный, начитанный, покойный отличался замѣчательною памятью, которая позволяла ему имѣть рѣшительно энциклопедическія познанія. Кажется, не существовало науки, вопроса, общественнаго или политическаго теченія, которыми бы графъ Н. Н. не интересовался съ одинаковымъ рвеніемъ, изслѣ-

дуя ихъ съ одинаковыми глубиною и основательностью... Какъ частный человѣкъ, графъ Н. Н. казался положительно исключительною натурою. Изысканная любезность, какая-то кроткая, чисто-голубиная доброта, благородное прямодушіе были отличительными чертами его свѣтлаго и мягкаго характера. Когда-то очень богатый человѣкъ, графъ много уже времени, что называется, влачилъ самое скромное существованіе, живя исключительно литературнымъ заработкомъ. Его богатство весьма скоро разсѣялось, ибо Н. Н. не придавалъ деньгамъ первенствующаго значенія и легко отдавалъ ихъ тому, кто ихъ у него просилъ... Кипы газетъ, нѣсколько полокъ книгъ, рукописныя записки, замѣтки—вотъ все матеріальное наслѣдство, оставшееся отъ графа Николая Николаевича. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1915, № 75).

† **Соловьевъ, Л. З.** Въ гор. Холмѣ въ четыре часа ночи на 19-ое марта скончался долголѣтній и талантливый сотрудникъ «Новаго Времени» Леонидъ Захаровичъ Соловьевъ—Эль-Эсъ. Л. З. былъ боевымъ офицеромъ, принимавшимъ участіе во многихъ сраженіяхъ въ русско-японскую войну, причемъ на Тумынлинскомъ перевалѣ въ бою 29-го сентября 1904 года онъ былъ раненъ двумя ружейными пулями. За отличія, оказанныя въ войнѣ противъ японцевъ, Л. З. имѣлъ три боевыхъ ордена. Подполковникъ Соловьевъ былъ сынъ инженеръ-механика флота, родился 21-го марта 1868 года, образованіе получилъ въ ревельской Александровской классической гимназіи, въ петроградскомъ юнкерскомъ училищѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ офицеры былъ произведенъ 2-го ноября 1889 г. въ 89-й пѣх. Бѣломорскій полкъ, затѣмъ, послѣ окончанія академіи, состоялъ младшимъ офицеромъ кіевскаго военнаго училища до начала японской войны, во время которой онъ находился въ 34-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ полку. Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій Л. З. былъ прикомандированъ къ главному управленію военно-учебныхъ заведеній, а въ 1907 году былъ назначенъ исправляющимъ должность штабъ-офицера для порученій при начальникѣ генеральнаго штаба и въ этой должности пробылъ до 30-го октября 1910 года, послѣ чего, вслѣдствіе измѣненія штатовъ, былъ зачисленъ въ запасъ въ Петроградскому уѣзду; 5-го октября 1912 года онъ вновь опредѣлился на службу въ распоряженіе начальника главнаго штаба и на этой должности числился до назначенія своего осенью минувшаго года въ дѣйствующую армію. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14016).

† **Стефановичъ, Я. В.** 1-го апрѣля въ с. Красный-Колядинъ Конотопскаго уѣзда на шестьдесятъ первомъ году жизни скончался Яковъ Васильевичъ Стефановичъ, извѣстный семидесятникъ, знакомый широкой публикѣ главнымъ образомъ, по такъ называемому чигиринскому дѣлу. Покойный родился 28-го ноября 1854 года. Въ апрѣлѣ 1883 году приговоромъ суда онъ былъ присужденъ къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, которыя отбылъ на Карѣ. Годы свободы, слѣдовавшіе за каторгой, Я. В. провелъ въ Сибири, занимаясь по преимуществу литературнымъ трудомъ и выполняя нѣкоторыя работы для географическаго общества. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ покойный получилъ возможность возвратиться въ Россію и поселился въ род-

ной деревнѣ, временно проживая въ Кіевѣ. До послѣднихъ минутъ покойный сохранилъ полное сознаніе, и въ ночь на 1-е апрѣля написалъ нѣсколько прощальныхъ строкъ, предназначенныхъ для печати. «Сегодня, въ ночь на 1-ое апрѣля,—написано карандашомъ слабой рукой на клочкѣ бумаги за нѣсколько минутъ до смерти,—заканчиваю свое существованіе послѣ многолѣтней болѣзни (болѣзни сердца). Очень сожалѣю, что не увижу, какъ закончится нынѣшняя война. Желалъ бы исполненія лучшихъ чаяній. Послѣдній привѣтъ какъ всѣмъ любившимъ меня родственникамъ, такъ и добрѣйшимъ знакомымъ и товарищамъ. Въ особенности вѣрному другу Вѣрѣ Ивановнѣ (Засуличъ). Да будетъ легки твои послѣднія минуты. Семидесятникъ Яковъ Васильевичъ Стефановичъ». Послѣ покойнаго осталась переписка съ друзьями, воспоминанія и нѣкоторыя литературныя работы. Все это наслѣдіе передано Я. В. сестрѣ его В. В. Стефановичъ съ указаніемъ, когда и что подлежитъ опубликованію. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 94).

† **Татищевъ, С. С., графъ.** 29-го марта, около десяти часовъ вечера, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни скончался начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, въ должности егермейстера Высочайшаго двора, графъ Сергѣй Сергѣевичъ Татищевъ. Покойный получилъ образованіе въ пажескомъ корпусѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, а затѣмъ былъ назначенъ адъютантомъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа. Вскорѣ графъ С. С. оставилъ военную службу и былъ назначенъ виленскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Спустя нѣкоторое время, графъ С. С. перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и послѣдовательно занималъ должности бессарабскаго вице-губернатора, виленскаго и саратовскаго губернатора. На постъ саратовскаго губернатора С. С. былъ назначенъ въ 1906 году, вскорѣ послѣ того, какъ П. А. Столыпинъ получилъ назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ бытность С. С. Татищева саратовскимъ губернаторомъ, нынѣ опальные, а тогда всесильные епископъ Ермогенъ и инокъ Иліодоръ вступили съ нимъ въ борьбу. Побѣда осталась на сторонѣ неукротимаго инока Иліодора и его покровителей епископа Ермогена, и С. С. подалъ въ отставку. Послѣ этого покойный поселился въ деревнѣ и оставался тамъ до 1912 года. 16-го апрѣля С. С. былъ приглашенъ на постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. При его ближайшемъ участіи былъ разработанъ законопроектъ о печати и внесенъ въ 1914 году въ Государственную Думу. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1915, № 2587).

† **Фроловъ, В. К.** 19-го февраля, около двѣнадцати часовъ дня, шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, скончался постоянный и многолѣтній сотрудникъ «Петроградскаго Листка» Владиміръ Константиновичъ Фроловъ, послѣ долголѣтней мучительной болѣзни, съ сентября прошлаго года обострившейся невыносимыми страданіями, почти не спускавшими больного съ постели. Застарѣлый катарръ желудка и ракъ печени пресѣкли нить жизни музыкальнаго критика этой газеты, болѣе тридцати лѣтъ дававшаго отчеты о музыкально-вокальныхъ концертахъ и операхъ въ театрахъ и залахъ нашей столицы. Сколько статей, обоснованныхъ, серьезныхъ, написалъ Фроловъ,

разбирая жизнь и дѣятельность композиторовъ, музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, капельмейстеровъ и другихъ художниковъ музыкальнаго и вокальнаго искусствъ за все время его журнальной дѣятельности! Какъ много содѣйствовалъ онъ нарастанію славы начинающихъ артистовъ оперныхъ театровъ, выдѣляя ихъ таланты и голосовыя средства. Какъ сильно расширялъ онъ своимъ анализомъ критика ореолъ славы извѣстныхъ артистовъ и музыкантовъ-художниковъ. Въ своихъ статьяхъ онъ, излагая сюжеты новыхъ оперъ, музыкальныхъ картинъ, указывалъ исполнителямъ артистамъ, какъ надо сценически изображать дѣйствующее лицо оперы, чтобы получалось художественное воплощеніе, создавалось переживаніе его чувствъ и ощущеній. Сколько цѣнныхъ указаній дѣлалъ Фроловъ дирижерамъ, хормейстерамъ, декораторамъ, бутафорамъ, и эти указанія принимались ими къ свѣдѣнію и исполненію. Его критика нерѣдко создавала «имена» и почти всегда учила тружениковъ оперныхъ театровъ, солистовъ, музыкантовъ и другихъ жрецовъ прикладного искусства тому, что надо дѣлать имъ для дѣла и ради личнаго усовершенствованія. Его статьи и замѣтки шли за подписью В. Ладовъ, или В. Л—овъ, или В. Л. Какъ спортсменъ, увлекавшійся катаньемъ на конькахъ, Фроловъ помѣщалъ также и отчеты о состязаніяхъ конькобѣжцевъ. В. К. образованіе получилъ въ императорскомъ коммерческомъ училищѣ въ Петроградѣ, затѣмъ онъ посѣщалъ спеціальные классы въ консерваторіи. Жизнь направила его на бюрократическое поприще, журнальная же работа была добавочнымъ средствомъ для жизни его семьи. Послѣ него осталась дочь. Въ государственномъ банкѣ онъ дослужился до пенсіи. Какъ чиновникъ, онъ былъ честный работникъ, хорошій товарищъ. Это оцѣнили при назначеніи ему пенсіи. У Фролова, убѣжденнаго трезвенника, почти аскетической жизни человѣка, всѣ лишнія деньги уходили на пріобрѣтеніе картинъ русскихъ художниковъ. Послѣ него осталась недурная коллекція ихъ и хорошая музыкальная библіотека. Лѣто онъ проводилъ или въ своей маленькой усадьбѣ, или на леченіи въ курортахъ Кавказа. (Некрологъ его: «Петроградскій Листокъ», 1915, № 49).

† **Чистосердова-Рейнгерцъ, Е. М.** Въ ночь на 22-ое марта безвременно скончалась въ Одессѣ Е. М. Рейнгерцъ, помѣщавшая въ «Одесскомъ Листкѣ» и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ переводные и оригинальные разсказы подъ псевдонимомъ Е. Чистосердова. Покойная Е. М. Рейнгерцъ—дочь мѣстнаго архитектора, родилась въ 1901 году, окончила съ золотой медалью гимназію Березиной, а затѣмъ—высшіе женскіе курсы по естественному отдѣленію. Зная въ совершенствѣ французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки, покойная изучала въ подлинникахъ иностранныхъ писателей. Не ограничиваясь изученіемъ классиковъ, Е. М. Рейнгерцъ слѣдила и за современной литературой, лучшіе образцы которой переводились ею на русскій языкъ. Многіе изъ этихъ переводовъ помѣщались въ «Одесскомъ Листкѣ». Въ послѣдніе дни покойная занималась переводомъ романа «Innocent Marie Cozelle», только что появившагося въ Лондонѣ. Обладая красивымъ голосомъ (сопрано), Е. М. Рейнгерцъ, ученица Муньосъ, подавала большія надежды и въ качествѣ пѣвицы. Заболѣвъ скарлатиной, Е. М., несмотря на самый тщатель-

ный врачебный уходъ, въ четыре дня скончалась на двадцать четвертомъ году жизни. (Некрологъ ея: «Одесскій Листокъ», 1915, № 80).

† **Шавровъ, Н. Н.** 7-го марта скончался въ Петроградѣ членъ императорскаго общества любителей естествознанія кавказскаго общества сельскаго хозяйства и московскаго комитета шелководства Николай Николаевичъ Шавровъ. Покойный родился 15-го сентября 1858 года въ Николаевѣ, уѣздномъ городѣ Херсонской губерніи, но свое среднее и высшее образованіе получилъ въ Москвѣ: онъ воспитывался въ императорскомъ лицеѣ цесаревича Николая (1872—1878) и на естественномъ факультетѣ московскаго университета (1878—1882 гг.). По окончаніи курса кандидатомъ покойный началъ службу въ тифлисской контрольной палатѣ (1882—1885 гг.), по послѣ заграничнаго путешествія по Австро-Венгріи, во время котораго спеціально знакомился съ шелководственными станціями въ Герцѣ, Падуѣ и Лейпцигѣ, съ 1886 года перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Съ 1887 года ему было поручено устройство кавказской шелководственной станціи въ Тифлисѣ, которою онъ и завѣдывалъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Спеціальныя занятія Н. Н. Шаврова шелководствомъ ярко отразились на длинномъ рядѣ его научно-литературныхъ трудовъ и многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ императорскаго общества любителей естествознанія», «Трудахъ комитета шелководства», «Трудахъ кавказской шелководственной станціи», «Земледѣльческой Газетѣ», особенно же—въ газетѣ «Кавказъ». Онъ былъ также постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты «Окраины Россіи»; помѣщалъ статьи въ «Новомъ Времени», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», въ «Голосѣ Руси», «Русскомъ Знамени» и друг., въ журналахъ «Русское судоходство», «Журналѣ плодоводства», «Дружескія Рѣчи» и друг. Изъ отдѣльно изданныхъ имъ работъ главнымъ образомъ извѣстны: «Болѣзни шелковичнаго червя и средства борьбы съ нимъ» (Тифлисъ, 1885 г.), «Состояніе шелководства въ Западной Европѣ» (Спб., 1887 г.), «Справочная таблица по шелководству» (1889 г.), «Къ вопросу объ участіи начальной школы въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній» (1889 г., два изданія), «Краткое наставленіе къ занятію шелководствомъ» (Тифлисъ, 1890 г.), «Пути для торговли въ бассейнѣ Каспія» (1890 г.), «Рыбное дѣло въ Астаринскомъ районѣ (1912 г.), «Внѣшняя торговля Персіи и участіе въ ней Россіи» (Спб., 1913 г.) и «Производительность Аральскаго района» (1913 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 54).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Черный бунтъ».

Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» за январь 1915 года, въ статьѣ «Черный бунтъ» Е. Н. Косвинцева, прочитанной мною только теперь, изложено: «Въ концѣ 1912 года русскіе аѳонскіе монахи подѣлились на два враждебныя лагеря. Сторонники книги схимонаха Иларіона называли себя «имяславцами», а противниковъ книги «имяборцами», то есть борющимися противъ имени Божія. Въ обыденныхъ же разговорахъ имяславцы называли себя «правыми», а своихъ противниковъ «лѣвыми». Эти термины имѣли подъ собою уже политическую подкладку. Имяславцы, принимая во вниманіе, что главари имяборчества люди интеллигентные и ученые, напримѣръ, схимонахъ Хрисанѳъ, авторъ рецензіи, универсантъ; іеромонахъ Алексѣй Кирѣевскій и Ѳеофанъ—питомцы русскихъ духовныхъ академій, утверждали, что они лѣваго образа мыслей. Они будто бы радовались въ свое время наступившимъ въ Россіи «днямъ свободы» и привѣтствовали «новую эру». Монахи простецы съ ужасомъ передавали другъ другу, что видали въ келіи іеромонаховъ Алексѣя и Хрисанѳа сочиненія еретиковъ Льва Толстого и Фаррара. Рылись въ прошломъ имяборцевъ и докопались, что схимонахъ Хрисанѳъ, въ мірѣ Иванъ Ивановичъ Минаевъ—помѣщикъ Воронежской губерніи, въ молодости былъ нигилистомъ, занимался либеральной профессіей (адвокатурой), причастенъ къ цареубійству 1-го марта 1881 года. Когда это было обнаружено, Минаевъ будто бы съ паспортомъ на имя Потапьева бѣжалъ изъ Россіи, попалъ на Аѳонъ, гдѣ болѣе 25 лѣтъ и живетъ въ Ильинскомъ скиту, «объерсивъ» его.

«Чью же сторону держало въ этомъ догматическомъ спорѣ начальство русскихъ аѳонскихъ обителей? Первоначально оно не вмѣшивалось и держало себя нейтрально. Но послѣ того, какъ сторону «лѣвыхъ» принялъ архіепископъ Антоній волынскій, котораго за это имяславцы заклеймили «еретикомъ», начальство стало всецѣло на сторону имяборцевъ. Вмѣшательство Антонія волынскаго въ аѳонскій споръ объясняется тѣмъ, что единомышленники схимонаха Хрисанѳа—іеромонахи Ѳеофанъ и Алексѣй Кирѣевскій—ученики владыки—первый по казанской, а второй по московской академіямъ и любимцы его. Подъ его вліяніемъ (какъ ректора) они приняли монашество».

Все сіе изложенное въ статьѣ «Черный бунтъ» не соотвѣтствуетъ истинѣ. Я въ мірскомъ званіи—изъ дворянъ по имени Христофоръ Ивановичъ Потапьевъ, служилъ въ Москвѣ въ межевомъ корпусѣ по ученой части, а не какъ сказано въ статьѣ «Черный бунтъ», будто я Иванъ Ивановичъ Минаевъ и занимался либеральной профессіей (адвокатурой). Въ 1864 году я поступилъ на монашеское житіе на Аѳонской горѣ въ русскій Ильинскій скитъ, гдѣ неотлучно пребываю не 25 лѣтъ, какъ сказано въ означенной статьѣ, а 50 лѣтъ, о чемъ извѣстно не только аѳонскимъ русскимъ поселенцамъ, но многимъ греческимъ

болгарскимъ и молдавскимъ—особенно начальствующимъ, и объ этомъ же извѣстно русскому консулу въ Салоникахъ, и о томъ, что я завсегда проводилъ на Аѳонѣ жизнь безукоризненную. Изъ этого одного ясно видно, что я не могъ быть участникомъ въ цареубійствѣ, совершенномъ въ Россіи въ 1881 году, то есть 34 года тому назадъ, когда я проживалъ на Аѳонѣ въ монашескомъ чинѣ. И если бы я въ мірскомъ званіи былъ нигилистомъ, то не поступилъ бы въ молодыхъ лѣтахъ на строго подвижническую монашескую жизнь на Аѳонѣ, каковую, при помощи Божіей, по возможности я проводилъ, никогда не имѣлъ никакихъ еретическихъ заблужденій и никто на Аѳонѣ не замѣчалъ никогда меня въ вольнодумствѣ, а, напротивъ, я всегда высказывалъ религіозныя мысли въ совершенно православномъ духѣ, что можно видѣть изъ моего печатнаго сочиненія въ 1905 году подъ названіемъ «О православной церкви и ея святыхъ таинствахъ и молитвѣ». Упоминаемую же въ статьѣ «Черный бунтъ» мою рецензію на книгу схимонаха Иларіона «На горахъ Кавказа», и сія рецензія отпечатана была въ 1912 году въ журналѣ «Русскій Инокъ», въ коей я изъ апологетовъ первый разоблачилъ въ книгѣ Иларіона значительную ересь объ обоготвореніи имъ человѣческаго имени Іисусъ у Богочеловѣка, то сію рецензію вселенскій патріархъ съ своимъ синодомъ и святѣйшій всероссійскій синодъ, при разсматриваніи дѣла о «имябожеской» ереси и осудившіе оную, нашли (рецензію) совершенно согласною съ православною вѣрою. Также эти высшія духовныя власти нашли согласнымъ съ православною вѣрою и отпечатанный въ 1912 году въ «Русскомъ Инокѣ» мой критическій отзывъ на богопротивную статью главнаго распространителя имябожнической ереси аѳонскаго іеромонаха Антонія Булатовича. За эти мои сочиненія отъ всероссійскаго святѣйшаго синода прислана мнѣ въ награду икона Спасителя при грамотѣ. Изъ этого видно, что при спорѣ на Аѳонѣ съ еретиками «имябожниками» я отвергалъ эту ересь, а не вводилъ ее, какъ сказано въ статьѣ «Черный бунтъ», будто я свой Ильинскій скитъ «объересилъ». Напротивъ, къ удивленію благомыслящихъ, въ семъ скитѣ рѣшительно никто изъ братій не былъ зараженъ этою ересью,—что не безъ содѣйствія моего произошло, тогда какъ въ другихъ на Аѳонѣ русскихъ обителяхъ она значительно была распространена и зараженныхъ въ этой ереси правительство навсегда отправило въ Россію съ Аѳонской горы, ибо отсюда всѣхъ еретиковъ удаляютъ, такъ какъ здѣсь во всей чистотѣ сохраняется православная вѣра.

Упоминаемые въ статьѣ «Черный бунтъ» ученые іеромонахи Ѳеофанъ и Алексѣй Кирѣевскій также совершенно правовѣрующіе, и они опровергали на Аѳонѣ словесно ересь «имябожниковъ» согласно православной вѣры, за что отъ святѣйшаго синода получили въ награду отецъ Ѳеофанъ наперсный крестъ и икону Спасителя при грамотѣ, а о. Алексѣй наперсный крестъ.

Аѳонскій инокъ Хрисанѳъ.

II.

По поводу ст. И. А. Слонова «Въ странѣ нашихъ союзниковъ».

Въ № 2 «Историческаго Вѣстника» на стр. 623, въ статьѣ И. А. Слонова «Въ странѣ нашихъ союзниковъ» сказано про бухту Золотой Рогъ: «единственный недостатокъ ея это то, что она ежегодно замерзаетъ на семь мѣсяцевъ».

Это невѣрно: бухта Золотой Рогъ замерзаетъ обыкновенно въ половинѣ декабря, а въ концѣ марта уже совершенно свободна отъ льда, т. е. покрыта льдомъ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. **В. Рошковскій.**

III.

По поводу замѣтки г. М. Поливанова.

Г. М. П. указалъ на мою ошибку въ № 1 «Историческаго Вѣстника», на стр. 169. Совершенно вѣрно: маневры 1890 года окончились у д. Чирковицы. Случай, когда императоръ Вильгельмъ II во время завтрака на Царскомъ валикѣ подъ Краснымъ Селомъ провозгласилъ тостъ по-русски за здоровье императора Александра III, долженъ быть отнесенъ не къ 1890 г., а къ 1888 году.

А. П. Скугаревскій.

По тихой окрестности неслись съ колокольни серебряные звуки, сливавшіеся съ легкимъ завываніемъ вѣтра въ старыхъ каштановыхъ деревьяхъ да шумомъ бурлившей Сены.

Тамъ и сямъ открывались двери, изъ которыхъ, словно золотая стрѣлка, вырывался лучъ свѣта, разсѣивавшійся на бѣлой дорогѣ. Изъ хижинъ выползали темные силуэты людей.

Мысли всѣхъ неслись къ Іисусу, лежащему на соломѣ и окруженному магами. Эвфемэнъ уже зажегъ въ церкви десять свѣчей, разставленныхъ вокругъ восковаго младенца, который поднималъ изъ яслей свои ручки. Въ ночной тишинѣ запѣлъ, словно нищій на праздникѣ, маленькій деревенскій органъ.

На другой день рано утромъ Тьенетта опять принялась за дѣло. Она сдѣлала изъ тѣста большой кругъ и, положивъ въ него отличный бобъ, тщательно раскатала тѣсто.

Между тѣмъ Жасменъ растопилъ печь при помощи сухого валежника, который трещалъ, словно кто-нибудь смѣялся во весь ротъ. Старуха Бюге желала запечь тѣсто непремѣнно сама.

Тьенетта, разгладивъ сѣрую скатерть, поставила четыре прибора. Жасменъ принесъ букетъ какихъ-то цвѣтовъ.

— Подходитъ время,—замѣтила Тьенетта.—Изъ кухни хорошо пахнетъ. Мартина сейчасъ должна прійти.

— Я пойду ей навстрѣчу.

Не сдѣлалъ онъ и ста шаговъ, какъ показалась телѣжка, окрашенная въ ярко-зеленый цвѣтъ. Онъ призналъ въ ней телѣжку Сансонне и ускорилъ шагъ. Онъ видѣлъ, какъ лошаденка, осыпаемая ударами кнута, вдругъ понеслась вскачь. Изъ повозки вышла какая-то фигура, закутанная въ широкую накидку.

— Здравствуй, Жасменъ.

То была Мартина. Бюге подошелъ къ ней.

— Жасменъ, садись. Подвезу,—кричала тетка Сансонне.

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчала Мартина.—Лучше я разомну ноги.

— Ну, какъ хочешь. Видно, вдвоемъ-то быть лучше всего.

Она щелкнула кнутомъ, и телѣжка тронулась дальше.

— Фу!—воскликнула Мартина, отряхивая свою юбку съ такимъ кокетливымъ видомъ, какого Жасмену не приходилось раньше замѣчать у нея. Мнѣ кажется,—что я отъ нея пропахла рыбой. Понюхай!

И съ лукавымъ видомъ она положила ему голову на плечо.

— Отъ тебя пахнетъ лучше, чѣмъ въ цвѣтникѣ,—галантно отвѣчалъ онъ.—Дай-ка еще разъ понюхать твои волосы.

Мартина подняла съ головы свой капюшонъ.

— Ну! Такъ какъ ты не пользуешься случаемъ, какъ всѣ эти франты въ замкѣ, взять меня за подбородокъ, то, когда мы поженимся, ты можешь быть спокоенъ.

— Идемъ, идемъ!

— Побѣжимъ,—сказала Мартина.—Я увѣренъ, что Тьенетта непремѣнно слѣдитъ за нами.

— Она тутъ.

— Ну, еще бы! Она никогда не пропуститъ случая повертѣться около влюбленныхъ.

— Это для того, чтобы поучиться самой.

Мартина бросилась бѣжать. Добѣжавъ до дому, она толкнула дверь и очутилась въ объятіяхъ старухи Бюге.

— Что за тобой черти, что ли, гонятся?

— Бабушка Бюге, твой сынъ хочетъ меня щекотать.

Жасменъ вошелъ сконфуженный. Тьенетта стояла, подперевъ бока руками.

— Какъ у васъ хорошо!—промолвила гостья.

И жестомъ, который она подсмотрѣла у своей барыни, горничная сняла съ себя накидку, стараясь не смять своего бѣлаго чепца.

— Каково! Рождественскія розы!

Она взяла изъ букета одну розу, она взяла ее кончиками пальцевъ и принялась ощипывать лепестки. Потомъ, словно вспомнивъ, что она крестьянка, она взяла ее въ ротъ.

— Берегись!—вскричалъ Жасменъ.—Это ядъ.

— Нѣтъ, это излечиваетъ отъ безумія.

— Много ты знаешь!

— M-me д'Этіоль рекомендовала пить настойку изъ этихъ цвѣтовъ герцогу Гонто, который объявилъ, что влюбленъ въ нее безъ памяти, и не отходитъ отъ нея.

Тьенетта поставила на столъ телятину, плававшую въ коричневомъ соусѣ. Всѣ усѣлись за столъ.

Мартина не переставала распространяться о прелестяхъ своей хозяйки. Она разсказывала, что у нея есть фонтанъ духовъ, который представляетъ себою огромное яйцо съ тюльпаномъ наверху.

— И ты, конечно, черпаешь сама изъ этого фонтана?—насмѣшливо спросила Бюге.

— Нѣтъ. У него есть серебряный кранъ, который запирается.

Мартина проговорила все это съ такой интонаціей, которая чрезвычайно нравилась Жасмену.

— А сильно красится твоя m-me д'Этіоль?—спросила Тьенетта.

— Порядочно. Она уже не такъ свѣжа, какъ молодая дѣвушка. У нея было двое дѣтей.

Потомъ горничная завела разговоръ о бѣльѣ своей госпожи. Прачки портили себѣ глаза, разглаживая каждый рубчикъ на ея юбкахъ, а портнихи не могутъ найти достаточно тонкихъ иго-

локъ, чтобы пришивать ся кружевные фестоны. Рубашки у нея такъ тонки, что, закатавъ въ клубокъ, ихъ можно было бы спрятать въ перстень аббата Берни.

— Неужели аббатъ сталъ бы принимать участіе въ такихъ глупостяхъ?

— Вѣроятно.

— Знаете, дѣти мои,—вмѣшалась мать Бюге.—Когда человѣкъ уже не скрываетъ ничего, это значитъ, что ему и терять уже нечего. Между нами сказать, я бы не дала ни гроша за добродѣтель твоей барыни.

— Матушка!—вскричалъ Жасменъ.

— Ну, король на этотъ счетъ другого мнѣнія,—продолжала Мартина:—и, вѣроятно, заложилъ бы всю свою добрую провинцію Бри, чтобы купить то, что у нея еще осталось.

У Тьенетты глаза разгорѣлись.

— Когда я выросту совсѣмъ большая, ты поставишь меня на мѣсто къ m-me д'Этіоль, Мартина. Довольно ужъ мнѣ горохъ-то собирать.

— Ну, вотъ!—заворчала старуха Бюге.—Какое честолюбіе, скажите, пожалуйста.

— Развѣ нельзя оставаться честной, служа въ замкѣ, или для этого непремѣнно нужно держаться коровѣ за хвостъ. Посмотрите-ка на дочь Реньосіеля! Вѣдь ей скоро родить! И она говоритъ, что это съ ней случилось въ чистомъ полѣ, когда она сгребала сѣно. А вотъ Мартина такъ и осталась, какой была!

Старуха Бюге вышла. Вернувшись, она внесла пирогъ, блестѣвшій, словно экю, только что вышедшее съ монетнаго двора.

— Ну, Тьенетта, полѣзай подъ столъ и говори, кому давать.

Тьенетта наклонилась, закрыла голову угломъ скатерти и, какъ требуетъ обычай, стала выкликать:

— Tibi, domine!

— Для кого?—спрашивала Бюге.

— Для Мартины.

Это повторялось каждый разъ, пока всѣ не получили по куску.

— Теперь всѣмъ роздано,—заявила хозяйка.

Осмотрѣвъ внимательно свои куски, гости стали ѣсть. Вдругъ Мартина вскрикнула. Бобъ оказался у нея, и она была королевой.

Величественно, какъ это дѣлала m-me д'Этіоль, она бросила бобъ въ стаканъ Жасмена. Потомъ, играя глазами, она сказала:

— Ваше величество! Будьте самымъ счастливымъ изъ королей.

И, наклонившись, она поцѣловала его.

Жасмену показалось, что надъ нимъ наклонилась сама m-me д'Этіоль: тотъ же голосъ, тѣ же жесты, быть можетъ, тотъ же взглядъ. Онъ вздрогнулъ и такъ неловко отвѣтилъ поцѣлуемъ своей рождественской королевѣ, что теперь для нея не оставалось сомнѣнія.

Старуха Бюге налила вина въ стаканы. Жасменъ долженъ былъ пить первымъ. Женщины трижды воскликнули:

— Король пьетъ!

Жасменъ поднялся и на этотъ разъ крѣпко поцѣловалъ королеву.

— Не угодно ли королю предложить мнѣ руку, чтобы пройтись по саду?—спросила Мартина, продолжая играть комедію.

Жасменъ обнялъ ее за стянутую талію и поцѣловалъ ее въ ухо, красное, какъ пѣтушій гребень.

— Если ты будешь такъ искусно притворяться маркизой, то дѣло пойдетъ живо, и мы скоро будемъ пировать на свадьбѣ,—лукаво шептала Мартинѣ Тьенетта.

Великолѣпный день догоралъ. Часовъ въ пять зажгли свѣчи. Мартина объявила, что теперь дни стали длиннѣе.

— Это замѣтно только въ Крещенье,—промолвила Бюге.

V.

Въ апрѣлѣ Жасменъ получилъ отъ Мартины письмо.

«25-го февраля,—писала она между прочимъ,—король давалъ большой балъ въ Версалѣ. Моя барыня была тамъ, и я съ ней. Не болтай объ этомъ, это секретъ, но мнѣ невмоготу держать его про себя.

«Моя барыня была въ бѣломъ домино изъ лучшаго шелка съ розовыми лентами. Маску она достала себѣ изъ Венеціи. Въ такомъ нарядѣ ее не узнала бы и родная мать. Я была въ домино изъ черной тафты и въ маскѣ, отъ которой у меня разгорѣлись щеки.

«Въ Версаль мы пріѣхали почти въ полночь. Какъ только показался дворецъ, освѣщенный сверху донизу, пришлось ѣхать шагомъ. Мадамъ топала ногами отъ нетерпѣнія. Наконецъ мы пріѣхали. Въ подъѣздѣ насъ такъ стиснули, что мы не могли сдѣлать ни шагу. Толпа, ломившаяся черезъ всякія преграды, вынесла насъ въ первую залу. Мадамъ перепугалась и стала кричать, а я, сама не знаю какъ, попала въ Зеркальную залу. Много комнатъ мы еще прошли прежде, чѣмъ очутились въ той, которая, по-моему, красивѣе всѣхъ на свѣтѣ. Въ ней гремѣла музыка и носилась цѣлая толпа танцующихъ. Тутъ были и китайцы въ шляпахъ колоколомъ, и турки съ огромными, какъ у стрекозъ, головами. На пастушкахъ были надѣты такія маленькія шляпы, что закрывали имъ только одно ухо. Зеркальная зала великолѣпна. Мы прибыли какъ разъ къ тому времени, когда былъ выходъ коро-

левы. Она опиралась на плечо дофина, который былъ наряженъ садовникомъ, и это заставляло вспомнить о тебѣ. За ними шли принцы и принцессы, блестѣвшіе при свѣтѣ восемнадцати люстръ, свѣшивавшихся съ потолка. Знаешь, сколько это свѣчей? Я было принялась подсчитывать ихъ, но такъ какъ каждая изъ нихъ отражалась въ безчисленныхъ зеркалахъ, то въ концѣ концовъ я сбилась.

«Я наконецъ отыскала m-me д'Этіоль, которую потеряла было изъ виду. Она стояла въ концѣ зала подъ огненной гирляндой, изъ которой лилось цѣлое море свѣта. Около нея толпились сеньоры, наряженные тисами, какъ въ саду маркиза Оранжи. Тебѣ было бы очень смѣшно видѣть мужчинъ, наряженныхъ деревьями. Ихъ глаза блестѣли изъ-подъ листьевъ. Передъ ними проходило много дамъ, дѣлая имъ глазки. M-me д'Этіоль смотрѣла только на одного. Тотъ замѣтилъ это и подошелъ къ ней. Моя барыня воспользовалась этимъ и стала интриговать. Дерево сдѣлало ей нѣсколько комплиментовъ насчетъ ея ума. И въ самомъ дѣлѣ, никто такъ красно не скажетъ, какъ она.

«Она нарочно сняла свою маску, чтобы дерево могло видѣть ея чудную красоту. Если бы ты слышалъ, какой вездѣ кругомъ пошелъ гулъ. Стараясь скрыться въ толпѣ, она уронила свой платокъ. Тисъ быстро поднялъ его и бросилъ ей. Она ловко поймала его. Тогда всѣ придворные стали кричать: «Платокъ брошенъ! Платокъ брошенъ!» Повидимому, это большая честь, когда король бросаетъ платокъ кому-нибудь, а этотъ тисъ и былъ король.

«Когда въ слѣдующее воскресенье былъ балъ въ городской ратушѣ и король, и моя барыня были въ одинаковыхъ черныхъ шелковыхъ домино, они о чемъ-то говорили между собой, но кругомъ ихъ стояла такая толпа, что я успѣла пробраться къ ней гораздо позднѣе. Чтобы поправить прическу, мы удалились въ отдаленную комнату. Тутъ моя барыня едва не упала въ обморокъ: такъ ее сдавили въ залѣ. Я умирала съ голоду. Это не то, что въ Версалѣ, гдѣ гости располагались кушать по всѣмъ угламъ, какъ будто въ лѣсу на травѣ. Въ ратушѣ всѣ, кому удавалось добраться до буфета, забирали все себѣ. Уже по тому, какъ они на все набрасывались, видно было, что это чернь. Даже одинъ аббатъ, котораго я попросила достать мнѣ бисквитъ, сказалъ мнѣ: «Ты сначала согрѣши за него и поцѣлуй меня!»

«Мы теперь часто ѣздимъ изъ Парижа въ Версаль. Моя барыня недавно была въ театрѣ, гдѣ присутствовалъ король и самые могущественные вельможи. Изъ этого ты видишь, что она теперь въ чести, и все это надѣлалъ платокъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы живемъ въ Версальскомъ дворцѣ. Этотъ дворецъ въ сто разъ больше, чѣмъ Лувръ, и окруженъ такимъ паркомъ, что у тебя голова пошла бы кругомъ. Моя барыня почти каждый часъ

мѣняетъ свое платье. Она привезла съ собой изъ Парижа парикмахера. Посмотрѣлъ бы ты, какъ сыплется пудра. Не жалѣютъ ни притираній, ни духовъ. Это необходимо при дворѣ. Однажды король пригласилъ мадамъ обѣдать въ обществѣ одной герцогини, принца и министра.

«Ты думаешь, что я очень горжусь всѣмъ, что видѣла, и нарочно тебѣ объ этомъ пишу. Но письмо это стоитъ мнѣ шесть ліаровъ—одна только бумага, а пришлю я тебѣ его съ человѣкомъ маркиза Оранжи, который приходилъ повидаться со мной».

Жасменъ разъ двадцать перечелъ э́то письмо. По своему простодушію, онъ и не замѣчалъ, какую роль играла m-me д'Этіоль во всей этой интригѣ. Для него, какъ и для большинства тогдашнихъ людей, все, что происходило вокругъ короля, было священно. Любовь къ королю, даже въ семьяхъ горожанъ, была высшимъ счастьемъ.

Черезъ нѣсколько дней отъ Мартины опять пришло письмо. Она кратко извѣщала, что король ѣдетъ во Фландрію, что въ Версалѣ для m-me д'Этіоль подготовляютъ помѣщеніе, которое прежде занимала герцогиня Шатору, но что m-me д'Этіоль скромно удаляется къ себѣ въ деревню, на берегъ Сены. Мартина приглашала его заѣхать къ нимъ повидаться съ нею и поднести первые майскіе цвѣты ея барынѣ.

VI.

Миновавъ Корбейль, Жасменъ дошелъ до того мѣста, гдѣ дорога начинаетъ спускаться къ деревнѣ Этіоль. Деревенька въ этотъ прекрасный майскій день была какъ бы вставлена въ рамку изъ зелени. Изъ цѣлаго моря стоявшихъ въ цвѣту яблонь выглядывали крыши деревенскихъ домиковъ и колокольня цвѣта старинной слоновой кости.

Бюге отправился довольно поздно съ своей телѣжкой, заваленной цвѣтами въ корзинкахъ и горшкахъ. Упряжка совершенно была новая, и рессоры ярко поблескивали на майскомъ солнышкѣ. Повозка, выкрашенная въ зеленый цвѣтъ, совершала первое свое путешествіе, а запряженная въ нее бѣлая лошадь бѣжала прытко и весело.

Не безъ борьбы удалось Жасмену стать хозяиномъ такой телѣжки. Его мать сначала и слышать не хотѣла о такой дорогой покупкѣ, и въ первый разъ въ домикѣ садовника вспыхнула ссора.

— Послушай,—кричала старуха Бюге:—помни, что я тебѣ скажу. Это будетъ началомъ всѣхъ твоихъ несчастій. Женись на Мартинѣ: она будетъ хорошей женой для тебя. Но покупать повозку для того, чтобы ѣхать провѣдать ее и ея барыню, которая васъ обоихъ околдовала, да еще везти ей самые лучшіе цвѣты,— это уже глупость, и Богъ тебя накажетъ за это.

— Могу же я распорядиться деньгами, которыя я зарабатываю,—сдавленнымъ голосомъ отвѣчалъ Жасменъ.—Могу же я тратить ихъ, какъ мнѣ заблагоразсудится. Терпѣть не могу скрягъ, которые копятъ монету за монетой. Я молодъ, и мнѣ хочется видѣть многое. Небойсь, моему отцу ты не рѣшалась перечить въ его затѣяхъ!

— Онъ былъ такой же упрямецъ и сумасбродъ, какъ и ты.

Сынъ настоялъ на своемъ и купилъ повозку у одного изъ лучшихъ каретниковъ Мелена.

При въѣздѣ въ Этіоль Жасменъ замѣтилъ башни замка, поднимавшіяся изъ-за парка, гдѣ, словно зеленая стѣна, стояли буки и вязы. Его бросило въ дрожь. Чувства, уже нѣсколько мѣсяцевъ тѣснившіяся въ его сердцѣ, вдругъ пришли въ движеніе, какъ вѣтви деревьевъ, когда на нихъ набѣгаетъ вѣтерокъ.

Онъ совсѣмъ спустился въ деревню. Деревья, отбрасывавшія тѣнь на дорогу, покрыли садовника какъ бы сотканнымъ изъ свѣта и тѣни покрываломъ.

Онъ проѣхалъ вдоль рѣшетки парка и оказался передъ воротами, въ которыя и постучалъ желѣзнымъ молоткомъ. На голубыхъ часахъ фермы, которая находилась противъ воротъ, было одиннадцать часовъ.

Ворота открылъ молодой служитель.

— Меня зовутъ Бюге и я привезъ цвѣты для m-me д'Этіоль. Передайте ихъ Мартинѣ Беко.

Малый исчезъ и скоро вернулся съ самой Мартиной. Она пришла въ восторгъ отъ лошади и повозки и весело, прыгая около нихъ, кричала:

— Не раскрывай цвѣты! Я должна предупредить мадамъ! Я хочу, чтобы она сама взглянула, какъ это красиво.

Жасменъ почувствовалъ, что у него по спинѣ пошли мурашки. Цвѣты сразу какъ будто полиняли на его глазахъ. Онъ охотно отдалъ бы стучавшую въ его сердцѣ кровь за то, чтобы тюльпаны сдѣлались такъ же красны, какъ и она, и пожертвовалъ бы все свое золото, чтобы придать его цвѣтъ астрамъ.

Мартина явилась обратно.

— Иди за мной!

И, взявъ лошадь подъ уздцы, она стала показывать ему дорогу.

Они вошли за ограду. Налѣво показался замокъ. Съ обѣихъ сторонъ треугольнаго зданія глядѣло по четыре окна въ каждомъ изъ четырехъ этажей: въ бѣлой стѣнѣ подъ красной черепичной кровлей они были размѣщены совершенно симметрически. Съ обѣихъ сторонъ главнаго зданія шли флигеля такой же высоты, заканчивавшіеся башенками съ синей аспидной крышей.

Эти строенія окружали большой дворъ, передъ которымъ разстилались двѣ прелестныя лужайки. Все это было огорожено же-

лѣзной рѣшеткой, на которой кое-гдѣ виднѣлись позолоченные гербы.

Мартина отворила ворота и подвела экипажъ къ крыльцу.

M-me д'Этіоль вышла въ домашнемъ туалетѣ, сотканномъ изъ кружевъ и свѣтло-зеленыхъ лентъ. Она была похожа на букетъ фіалокъ.

— Какіе прелестные цвѣты,—сказала она, улыбаясь подъ своей напудренной куафюрой.—Они явились какъ разъ во время для того, чтобы мои клумбы не были опустошены. Жасменъ, вы попадаете всегда во время!

Садовникъ потупилъ глаза.

— Вы умѣете дѣлать корзины съ цвѣтами?—спросила она.

— Это мое ремесло, сударыня.

— Въ такомъ случаѣ несите цвѣты сюда и садитесь за дѣло. Мартина, ты будешь ему помогать!

Молодые люди быстро принялись за дѣло. Чувствуя, что m-me д'Этіоль стоитъ возлѣ него, Жасменъ не смѣлъ поднять глазъ.

Когда въ телѣжкѣ ничего не осталось, Бюге отвелъ свою повозку за ограду и далъ лошади корма. Покончивъ съ этимъ, онъ вернулся къ корзинамъ. Мартина разставила ихъ на столахъ въ большомъ залѣ. Это была огромная комната, вся бѣлая съ золотомъ, украшенная множествомъ картинъ, на которыхъ Жасменъ успѣлъ разсмотрѣть какія-то празднества подъ рыжеватыми деревьями, у подножія которыхъ кавалеры развлекали дамъ игрою на мандолинѣ.

Когда m-me д'Этіоль появилась въ залѣ, Жасмену показалось, что это сошла какъ разъ одна изъ этихъ дамъ съ картины. Она принесла съ собою великолѣпную вазу блѣдно-зеленаго цвѣта.

— Уберите ее фіалками.

Жасменъ тотчасъ наполнилъ вазу свѣжимъ мхомъ, который онъ собралъ утромъ въ лѣсу Санъ-Поръ. Потомъ, дрожа самъ, какъ былинка, онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и, видя, что m-me д'Этіоль уже удалилась, спросилъ:

— Какъ ты думаешь, Мартина, понравится это твоей барынѣ?

— Я сейчасъ покажу ей это.

Жасменъ колебался.

— Подожди!

И, схвативъ вѣтку плюща, онъ пропустилъ ее змѣею между бѣлыми цвѣтами.

— Такъ будетъ красивѣе.

Мартина скоро вернулась.

— Ну, радуйся. Въ первый разъ удалось убрать эту вазу такъ, что мадамъ осталась довольна. Ей хотѣлось бы, чтобы король увидалъ ее во всей ея свѣжести.

— Король!..—забормоталъ Жасменъ.

— Да, король. Но ему не придется этого видѣть. Онъ теперь бомбардируетъ города во Фландріи. Онъ оттуда часто присылаетъ письма барынѣ. На печати написано: скроменъ и вѣренъ.

— Скроменъ и вѣренъ?

— Да развѣ ты не догадываешься, чѣмъ стала у короля наша барыня.

Жасменъ уронилъ лилію, которую едва держалъ за тонкій стволъ.

— Неужели ты должна этимъ гордиться, Мартина?

— О, еще бы! Мой кошелекъ дѣлается гораздо толще. Скажи объ этомъ моей крестной. Это доставитъ ей удовольствіе. Барыня пишетъ отвѣты на эти письма и цѣлыми часами сидитъ, запершись у себя въ будуарѣ.

— Одна?

— Съ поэтомъ аббатомъ Берни,—пояснила со смѣхомъ Мартина.—Сегодня у нея будетъ еще г. Гонто.

— А? А какъ же самъ... г. д'Этіоль?

Мартина прыснула со смѣху.

— Ну, его прогнали. Онъ теперь путешествуетъ по Провансу съ какимъ-то порученіемъ. У него такая физіономія, что на него надо смотрѣть издали. Вотъ, полюбуйся!

Камеристка вытащила изъ-за клавесинъ портретъ, писанный масляными красками, вставленный въ золоченую раму. Оттуда глядѣлъ на Жасмена худощавый человѣкъ съ желтымъ и преждевременно покрытымъ морщинами лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ кружевное жабо, ниспадавшее на шелковый камзолъ абрикосоваго цвѣта, и свѣтло-зеленыя короткія панталоны.

— Какой уродъ!—воскликнула Мартина, убирая портретъ на прежнее мѣсто.

— Король—красивый мужчина,—продолжала она.—И безумно влюбленъ въ барыню. Онъ осыпаетъ ее подарками. У насъ теперь множество китайскихъ клѣтокъ съ птицами, и всѣ перекладинки и рѣшетки въ нихъ золотыя.

Жасменъ молча продолжалъ убирать жонкилями синія вазы, украшенныя маленькими фигурками. Мартина дѣятельно помогала ему. Тѣнь отъ ея вишневаго платья падала на клавесины, на лакированный экранъ и на маленькіе стоявшіе кругомъ столики. Камеристка то и дѣло не безъ удовольствія оглядывалась на себя въ огромныя трюмо.

Появилась опять m-me д'Этіоль. Ее смѣшило дѣйствіе, которое производило ея появленіе на обоихъ молодыхъ людей. Мартина сіяла радостью, Жасменъ же не смѣлъ поднять глазъ, какъ бы боясь, что мадамъ увидитъ въ нихъ свой собственный образъ.

— Бюге, ты великолѣпный садовникъ,—сказала она.—Ты заслуживаешь по своей работѣ и не такихъ покупателей, какъ мелкіе

обитатели Мелена. Я подумаю о тебѣ. А пока, если можно, нельзя ли вывести для меня розы къ апрѣлю.

M-me д'Этіоль засмѣялась какимъ-то серебрянымъ смѣхомъ, который словно бисеръ разсыпался въ душѣ Жасмена.

— Пусть хорошенько накормятъ садовника,—сказала она Мартинѣ.

Та повела Жасмена на кухню. Главный поваръ, наблюдая за жарившимися на вертелѣ цыплятами, смотрѣлъ въ то же время, чтобы его помощникъ не испортилъ какъ-нибудь убранство павлина, красовавшагося на большомъ блюдѣ, распустивъ свой пышный хвостъ.

— Жалко убивать такую птицу,—промолвилъ Жасменъ.

— Жалко то, что онъ будетъ жестокъ,—сказалъ въ отвѣтъ поваръ.—Мясо у него что-то твердовато.

Зазвонили къ завтраку прислугѣ. Мартина посадила Жасмена за столъ рядомъ съ собой. Кругомъ разсѣлись лакеи и казачки. Противъ Мартины сидѣлъ худой слуга съ впалыми сѣрыми глазами. Вѣки его были опущены, и, садясь за столъ, онъ широко перекрестился. Его блѣдное и гладко бритое лицо напоминало какого-то кюре.

— Влюбленъ въ меня безъ ума,—прошептала Мартина, подталкивая своего сосѣда.

Бритый слуга услыхалъ эти слова и какъ бы въ знакъ протеста молитвенно сложилъ руки.

— Эй, ты, разстрига! Нечего дѣлать гримасы!—закричалъ одинъ изъ собесѣдниковъ:

— Разстрига?—спросилъ Жасменъ.

— Да, онъ разстрига,—отвѣчала Мартина.—Это Агатонъ Пьефэнъ. Онъ когда-то носилъ тонзуру, а теперь онъ—выѣздной лакей. Это онъ собралъ мнѣ этотъ букетъ.

Передъ приборомъ Мартины въ стаканѣ красовались маргаритки, жонкили и еще какое-то растеніе въ родѣ пальмы.

— Очень хорошо сплетено,—замѣтилъ Жасменъ.

— О, помилуйте,—отозвался Агатонъ, придавая своему лицу выраженіе, которое бываетъ у снисходительныхъ исповѣдниковъ.

— Вы опасный для меня соперникъ,—продолжалъ садовникъ.

— У меня только одна любовь—любовь къ Святой Дѣвѣ,—елейно замѣтилъ разстрига.

— Въ такомъ случаѣ,—насмѣшливо замѣтилъ старшій лакей,—почему же ты однажды вложилъ въ букетъ, который поднесъ Мартинѣ, записку съ нацарапанными стихами? И со стихами, которые сложилъ король въ честь m-me д'Этіоль. Или ты эти стихи взялъ изъ своего катехизиса?

Агатонъ уткнулъ въ тарелку свой острый носъ.

— Какіе же это стихи?—спросилъ Жасменъ.

Мартина, подражая своей барынѣ, продекламировала любовное четверостишіе. Вся кухня встрѣтила его одобреніемъ. Старый слуга предложилъ выпить за Мартину, за ея жениха и за неудачнаго ухаживателя изъ бывшихъ духовныхъ. Когда Агатонъ поднималъ свой стаканъ, руки его тряслись.

Послѣ завтрака Мартина жестомъ позвала Жасмена за ней.

— Мадамъ теперь кушаетъ съ герцогомъ Гонто, аббатомъ Берни, г. Желіоттомъ, который учитъ ее пѣнію, и съ г. Гибоде, учителемъ танцевъ.

Она провела Жасмена въ уборную своей барыни. Во всѣхъ уголкахъ были зеркала. На туалетномъ столикѣ стоялъ большой флаконъ, лапка съ румянцемъ, духи, пудра.

— Сколько всякихъ вещей!—прошепталъ Жасменъ.

Вазы и фарфоровыя бездѣлушки были цвѣта утинаго яйца. Разбросанные всюду банты походили на какіе-то красные цвѣты. Около двери висѣла кукла въ костюмѣ монахини съ тремя мушками на сильно накрашенныхъ щекахъ.

— Эта кукла предназначается для Александрины, дочери m-me д'Этіоль,—пояснила Мартина.

Рядомъ съ уборной была гардеробная. Вездѣ на крючкахъ висѣли платья. Они производили одновременно и богатое и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то свѣжее весеннее впечатлѣніе: это было счастливое соединеніе свѣтло-краснаго, оранжеваго, свѣтло-лиловаго и зеленоватаго тоновъ съ кружевами и прошивками. Нѣкоторыя изъ этихъ платьевъ висѣли отдѣльно, словно трофеи. Каждая складочка на нихъ была тщательно расправлена. Одно изъ нихъ заставило Жасмена вздрогнуть.

— Въ этомъ платьѣ m-me д'Этіоль была тогда въ Сенарскомъ лѣсу,—безсознательно воскликнулъ онъ.

— Да, да!—отвѣчала, краснѣя, Мартина, задѣтая за живое.— У тебя хорошая памтяь. Но чего ты дрожишь? Насъ никто не увидитъ.

Садовникъ зорко разсмотрѣлъ на нѣжной матеріи какъ бы слѣды слезъ.

— Это отъ воды, которой я прыснулъ на нее, чтобы привести ее въ чувство,—замѣтилъ онъ про себя.

Онъ слегка потрогалъ рукой платье.

— Мартина, чтобы носить такіе наряды, нужно быть красавицей, не правда ли?

— Ну, нѣтъ, въ такихъ платьяхъ и уродъ за красавицу сойдетъ. Вотъ если бы ты посмотрѣлъ на m-me д'Этіоль когда она встаетъ утромъ,—продолжала она ревниво.—Лицо у нея такое измятое! Ахъ, какъ я хотѣла бы быть когда-нибудь маркизой!

И она бросила на него взглядъ, какой бросила m-me д'Этіоль на Людовика, снявъ на балу маску. Жасменъ вздрогнулъ.

— Отвернись теперь и стой смирно,—продолжала Мартина.

Жасменъ сталъ смотрѣть въ окно на безлюдныя лужайки.

— Смотри теперь!—вдругъ воскликнула камеристка.

Съ быстротой какой-нибудь актрисы, привыкшей переодѣваться въ разныя платья, Мартина надѣла на себя платье своей барыни. Она подошла къ Жасмену, положила ему руку на плечо и, бросивъ на него взглядъ, который ему мерещился только во снѣ, томно сказала.

— Возлюбленный мой, мое сердце полно тоской. Я умру вдали отъ тебя!

О, этотъ голосъ и шелестъ шелковыхъ юбокъ, отъ которыхъ неслась волна аромата. Жасменъ совсѣмъ потерялъ разсудокъ. Онъ схватилъ Мартину, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и дрожащими губами сталъ увѣрять ее въ своей любви. Въ глазахъ у него стояли слезы, а его слова были просты и нѣжны, какихъ не приходилось еще слышать камеристкѣ, привыкшей къ ухаживаніямъ лакеевъ и сальностямъ важныхъ господъ.

Бюге покрылъ поцѣлуями руки Мартины и ласкалъ ея волосы.

— Ахъ, если бъ мнѣ напудриться!—прошептала камеристка.

— Твои волосы такого же цвѣта, какъ земля, когда по вечерамъ я бросаю лопатку и гляжу на небо надъ Этіолемъ.

И онъ прижалъ ее къ своей груди.

— Жасменъ довольно! Я боюсь.

— Я обожаю тебя!

— Жасменъ! Насъ могутъ увидѣть. Слышишь, кто-то идетъ! Уходи скорѣе!

Жасменъ выпустилъ ея руки, схватилъ свою треуголку и, шатаясь, спустился по лѣстницѣ.

По просьбѣ садовника онъ занялся цвѣтникомъ. Время отъ времени Мартина пробѣгала мимо него, красная и какъ будто сконфуженная всѣмъ тѣмъ, что произошло въ уборной. Впрочемъ, когда онъ оказался одинъ, она быстро поцѣловала его въ обѣ щеки.

Однажды они замѣтили Агатона Пьефэна, который вышелъ прогуляться. Длинный фартукъ спускался у него до пятъ, словно сутана. Онъ кликнулъ голубя, который усѣлся у него на плечѣ и сталъ мочить клювъ въ его слюнѣ.

— Онъ приручилъ этого голубя,—сказала Мартина.—Говоритъ, что это напоминаетъ ему о Св. Духѣ.

Когда наступилъ вечеръ, Мартина отвела его на ужинъ. Въ кухнѣ зажгли свѣчи. Чтобы позабавить своихъ сотоварищей, Пьефэнъ сталъ щекотать голубя подъ хвостомъ. Голубь заворковалъ и сталъ кружиться.

— Ну, теперь отправляйся, уже пора,—сказала Мартина садовнику послѣ ужина.

Они поцѣловались еще разъ.

Проѣзжая по парку, Жасменъ услыхалъ звуки скрипки и віолончели. На полянѣ при свѣтѣ луны и нѣсколькихъ фонарей на деревьяхъ на квадратномъ коврѣ гладко подстриженнаго газона m-me д'Этіоль въ розовомъ платьѣ танцовала менуэтъ. Она внимательно наблюдала за кончиками своихъ ногъ, учитель танцевъ, держа въ рукѣ смычокъ, отбивалъ тактъ. Въ тѣни подъ деревьями играли два музыканта. Какой-то сеньоръ и аббатъ смотрѣли на танецъ.

M-me д'Этіоль была граціозна и очаровательна. При бѣгломъ отблескѣ свѣта видно было, что она улыбалась. Напудренные волосы блестѣли, словно какая-то легкая каска. Въ тотъ моментъ, когда Жасменъ ее увидѣлъ, она подняла руки вверхъ, къ темнотѣ ночи.

— Начните еще разъ,—сказалъ учитель танцевъ...

Выбравшись съ своей повозкой на дорогу, ведущую черезъ Санъ-Поръ къ Буасси-ля-Бертранъ, Жасменъ, подъ голубоватой тѣнью высокихъ деревьевъ, принялся пѣть. Передъ его глазами безпрестанно мелькали Мартина и m-me д'Этіоль—одна въ обаяніи молодости, другая—аристократической таинственности. Ихъ взгляды сливались въ одинъ свѣтлый лучъ, ихъ улыбка стала общей, ростъ одинаковъ, манеры такъ же изящны и легки.

VII.

За лѣто Жасменъ получилъ отъ Мартины нѣсколько писемъ. Она прежде всего сообщала ему, что m-me д'Этіоль, получила титулъ маркизы Помпадуръ, потомъ писала, что король вернулся въ Парижъ, куда ѣдетъ и новая маркиза. 14-го сентября она подробно описывала въѣздъ ея въ Версальскій дворецъ.

«Въ передней короля,—писала она,—стояла цѣлая толпа. Мадамъ нужно было представить королевѣ и дофину. Чтобы подбодрить себя, она принуждена была принять лекарства». Въ концѣ сентября пришло новое письмо, гдѣ Мартина сообщала, что король и маркиза Помпадуръ отправляются въ Фонтенбло, куда она просила пріѣхать и садовника.

Бюге заложилъ лошаденку и раннимъ утромъ отправился въ Фонтенбло. Листья едва начали краснѣть. Сена слабо отражала улыбку утра, но на вершинахъ холмовъ уже серебрился день.

Жасменъ ѣхалъ вдаль рѣки до Мелена. Онъ проѣхалъ черезъ пробуждавшійся городокъ, миновалъ красивый, утопавшій въ зелени островокъ, брошенный между двумя рукавами рѣки и соединенный съ кварталомъ С.-Аспэ стариннымъ мостомъ съ тремя арками. Надъ черепичными кровлями квартала поднималась высоко, высоко, какъ остроконечная игла, стройная колокольня. Потомъ Жасменъ поѣхалъ черезъ лѣсъ, по широкой покрытой тѣнями дорогѣ, которая медленно поднималась къ Королевскому столу. Этотъ каменный столъ былъ построенъ въ 1723 году на перекресткѣ

для того, чтобы на него можно было класть дичь, вынутую изъ силковъ.

А вотъ и лѣсъ. Въ немъ проложены широкія безмолвныя аллеи, Высокія деревья, несмотря на яркій свѣтъ солнца, продолжаютъ сохранять подъ своими вѣтвями ночной мракъ и бросаютъ темныя спокойныя тѣни на нижнюю зелень. Кое-гдѣ вѣтви и скалы покрыты мохомъ, и это дѣлаетъ ихъ похожими на какихъ-то несчастныхъ прокаженныхъ. Торжественность всей этой дикой природы сильно дѣйствуетъ на Жасмена, и спинѣ дѣлается холодно. Онъ стегаетъ свою лошадку. Звонъ колокольчика въ этомъ глубокомъ, какъ море, лѣсу возвращаетъ ему самообладаніе.

Когда онъ проѣхалъ столъ егермейстера, такой же, какъ и столъ короля, вдругъ поднялся какой-то странный шумъ. Кто-то кричалъ, лаяли собаки. Подъ деревьями показался олень. Увидавъ Жасмена, онъ остановился и устремилъ на него свои большіе коричневые глаза, въ которыхъ стояли слезы. Потомъ онъ опустилъ голову и опять бросился бѣжать усталой и печальной рысцой.

Вслѣдъ за нимъ вылетѣла стая собакъ. Среди папоротниковъ подъ березами онѣ ищутъ оленій слѣдъ. Вдали на дорогѣ скачутъ охотники въ красныхъ камзолахъ. Жасменъ узнаетъ, что это охотники короля.

Чтобы не попасть въ эту свалку, онъ сворачиваетъ на боковую, такъ называемую королевскую дорогу, обставленную столбами съ изображеніями лилій, спускается къ Фонтенбло. Лѣсная дорога, окаймленная могучими дубами, открываетъ широкую полосу неба. Сквозь поперечныя дороги слышенъ еще шумъ охоты и мѣстами видно, какъ за охотниками ѣдутъ на бѣлыхъ лошадяхъ красиво разодѣтые люди.

Вотъ показались и домики Фонтенбло. Бюге заѣзжаетъ въ гостиницу «Зеленаго Осла» и оставляетъ тамъ свою лошадь. Потомъ входитъ во дворъ «Бѣлой Лошади».

Въ это веселое утро солнце заливало своимъ свѣтомъ кирпичи и аспидъ королевскихъ построекъ. Крыши башенъ блестѣли подъ синимъ небомъ, на которомъ бродили кое-гдѣ легкія облачка. Въ одномъ углу громаднаго двора была тѣнь. Если оттуда появлялся какой-нибудь лакей, то онъ блестѣлъ, словно цвѣтокъ, выставленный на воздухъ. Одинъ изъ нихъ бросился къ Жасмену съ распростертыми объятіями. На немъ было одѣяніе цвѣтовъ маркизы Помпадуръ—желтаго и зеленаго.

— Бюге! Бюге!—закричалъ онъ.—Какимъ образомъ вы попали сюда?

То былъ Агатонъ Пьефэнъ. Щеки его были напудрены, а въ рукахъ онъ держалъ молитвенникъ.

— Я пріѣхалъ повидаться съ Мартиной,—весело отвѣчалъ садовникъ.—Если только вы уже не похитили ея сердце!

— Я чистъ, какъ голубица.

— Кстати, какъ поживаетъ вашъ голубь?

— Ахъ, ему теперь приходится плохо, и я боюсь, что его вотъ-вотъ разорветъ какая-нибудь хищная птица изъ лѣса. Но зато я въ восторгѣ отъ того, что я здѣсь, въ этомъ дворцѣ. M-me де-Помпадуръ пристроила и меня къ здѣшней домовой церкви. Я кладу ладанъ, вливаю вино въ сосуды, чищу покровы и четырехъ бронзовыхъ ангеловъ. Пойдемте, я провожу васъ къ m-lle Беко.

Онъ повелъ Жасмена куда-то влѣво. Они прошли черезъ коридоръ безъ дверей и вышли на второй дворъ, который выходилъ на большой прудъ. Посреди двора билъ фонтанъ, украшенный мраморной фигурой воина, державшаго въ рукѣ отсѣченную голову. Около фонтана стояли на часахъ два гусара, охраняя воду, которая предназначалась только для короля.

Агатонъ съ Жасменомъ вторично прошли черезъ какое-то зданіе и очутились въ сосновомъ саду, ослѣпившемъ садовника своимъ дивнымъ цвѣтникомъ.

— Сюда,—сказалъ Агатонъ.

Они вошли подъ круглый сводъ, украшенный фресками, на которыхъ были изображены какія-то обнаженныя богини.

— Подождите здѣсь.

Агатонъ исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ появилась Мартина. Жасменъ былъ очень удивленъ, увидя, что ея волосы напудрены, какъ и у ея госпожи.

— Не для того ли ты меня сюда и вызвала, чтобы показать, какъ идетъ къ себѣ пудра?—спросилъ онъ, здороваясь.

— И для этого, и кое для чего другого. Ты нуженъ для маркизы Помпадуръ.

Они поднялись по лѣстницѣ, сдѣлали нѣсколько поворотовъ по коридорамъ и очутились въ большой залѣ, видъ которой ослѣпилъ садовника. Зала была украшена медальонами, въ которыхъ были изображены нагія женщины и воины въ героическихъ каскахъ. Эти фрески поддерживались стройными каріатидами съ длинными ногами и съ улыбкой ясной молодости. Они поддерживали карнизы, словно корзины цвѣтовъ. Въ залѣ тамъ и сямъ были раскиданы ширмочки. Въ углу была вдѣлана небольшая порфировая ванна. Слуга принесъ цѣлый сосудъ какой-то душистой воды, которую Мартина быстро влила въ ванну.

— Мы здѣсь только на время,—говорила она.—Маркиза хочетъ, чтобы для нея былъ построенъ особый павильонъ, подальше отъ этого дворца.

Жасменъ молча разсматривалъ нимфъ на фрескахъ.

— У настоящихъ женщинъ такихъ стройныхъ ножекъ не бываетъ,—замѣтилъ онъ.

— Ну, ты не видалъ женщинъ въ такомъ костюмѣ,—возразила

Мартина.—Оттого ты такъ и говоришь. Я, по крайней мѣрѣ, знаю двухъ, у которыхъ ноги будутъ не хуже.

— Вотъ какъ!

Мартинѣ вдругъ пришла въ голову лукавая мысль показать Жасмену маркизу де-Помпадуръ въ совершенно обнаженномъ видѣ. Ослѣпленная своей любовью, она не боялась послѣдствій своей смѣлой затѣи и догадывалась, что ея молодость выдержитъ какое угодно сравненіе.

— Уходи скорѣе,—сказала она Жасмену.—Сейчасъ должна прійти сюда маркиза.

Садовникъ шмыгнулъ въ какой-то темный коридоръ и остановился какъ разъ надъ Золотыми воротами, которыя вели въ паркъ.

Вдругъ около него появилась Мартина. Она шла на цыпочкахъ и держала палецъ на губахъ.

— Иди сюда,—прошептала она.

Она взяла садовника за руку.

— Тихонько! Чтобъ тебя и не слышно было!

Жасменъ затаилъ дыханіе. Мартина ввела его въ какую-то комнату и поставила за трельяжъ.

— Взгляни въ щелку и уходи.

Жасменъ приникъ лицомъ къ просвѣту между двумя листьями и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Посреди порфировой ванны стояла, совершенно обнаженная, маркиза де-Помпадуръ и, изогнувшись, обливала себя черезъ плечо духами. Она улыбалась своими ярко накрашенными губами и, выливъ на себя большой серебряный флаконъ, бросила его Мартинѣ. Та бросилась вытирать ее, а это время другая служанка подала ей тонкую батистовую рубашку и легкое платье свѣтло-зеленаго цвѣта.

Жасменъ отшатнулся. Грудь его тяжело дышала, кровь хлестала въ виски. Онъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

— Что ты дѣлаешь со мной, Мартина?

Камеристка въ своей короткой юбкѣ, раскраснѣвшаяся отъ растиранія маркизы, была уже около него. По ея обнаженнымъ рукамъ еще струились благовонныя капли.

— Ну, — сказала она вызывающе: — это, пожалуй, будетъ не хуже твоихъ нимфъ.

— О, Мартина!—могъ только прошептать садовникъ.

— Здѣсь нельзя оставаться, насъ могутъ застать,—промолвила она какимъ-то страннымъ, дрожащимъ голосомъ.

Она повлекла Жасмена въ одну изъ комнатъ, которыя были прежде заняты маркизой, и заперла ее на ключъ.

— Оставайся здѣсь,—сказала черезъ полчаса Мартина:—я приду къ тебѣ опять.

И дѣйствительно, она быстро вернулась. Бросивъ на Бюге лукавый взглядъ, она заговорила:

Маркиза бранила меня. Но я сказала, что я искала тебя во дворѣ «Бѣлой Лошади». Иди скорѣе.

Жасменъ вздрогнулъ.

— Что ей надо отъ меня?

— Да иди же, дикарь, дурного она тебѣ ничего не сдѣлаетъ.

Жасменъ поправилъ галстукъ, пригладилъ волосы.

Мартина быстро почистила его камзолъ.

— Ну, вотъ! Ты теперь сіяешь, какъ звѣзда!

Она взяла его за руку и повела. Они очутились въ той самой комнатѣ, гдѣ стояла порфировая ванна. Отъ ароматовъ духовъ и влажной атмосферы Бюге сталъ красенъ, какъ піонъ. Мартина толкнула его въ полуотворенную дверь, и Жасменъ очутился передъ маркизой де-Помпадуръ.

Многочисленныя ширмы придавали очень уютный видъ этой большой залѣ съ чернымъ потолкомъ .Маркиза сидѣла на легкомъ креслѣ возлѣ окна. Ея свѣтло-зеленаго платья совсѣмъ не было видно изъ-подъ шелковаго пеньюара: около нея хлопотали нѣсколько горничныхъ, напудривая ей волосы. Одна изъ нихъ сильно нажимала пульверизаторъ, и пыль изъ пудры тучей летала вокругъ головы маркизы. Поодаль стоялъ столикъ съ парикмахерскими принадлежностями и ящичкомъ съ мушками. За нимъ возвышалось дивное зеркало, украшенное позолоченными голубками.

Жасменъ неловко мялъ въ рукахъ свою шляпу.

— А я узнаю васъ,—сказала маркиза, вскидывая на него глаза.— Я васъ видѣла въ Льесанѣ, и вы оказали мнѣ большую услугу. Я нахожу, что ваши цвѣты великолѣпны. Нечего краснѣть. У васъ есть такіе тюльпаны, которыхъ я никогда раньше не видала. Они такъ же красивы, какъ и тѣ, которые бываютъ на карнавалѣ въ Венеціи. Цвѣта такъ подобраны, словно на картинахъ Буше.

Легкимъ жестомъ своей бѣлой руки маркиза разогнала носившуюся передъ ней пудру.

— Наклей мнѣ три мушки,—сказала она Мартинѣ.

Повернувшись къ Жасмену, она указала ему на какой-то свертокъ, лежавшій на табуретѣ.

— Разстелите это по полу. Вы увидите, что я велѣла сдѣлать по вашимъ цвѣтамъ.

Бюге развернулъ шелковую матерію. На бѣломъ и свѣтло-зеленомъ фонѣ были сдѣланы тюльпаны и гіацинты, которые онъ тотчасъ призналъ за свои.

— Это тоже садъ.

— Такъ точно, сударыня.

Жасменъ былъ ошеломленъ.

— Это вы работали въ паркѣ Во-Пралэнъ, Флери, анъ Біеръ и Курансъ?—спросила маркиза.

— Да, сударыня.

— Въ такомъ случаѣ вы отличный садовникъ, и я дамъ вамъ мѣсто у себя.

Бюге казался удивленнымъ.

— Это васъ испугало?—смѣясь, спросила маркиза.—Не бойтесь. Я люблю цвѣты и садовниковъ.

Бюге бросился къ ея ногамъ.

— Это для меня настоящее счастье, сударыня, и я принимаю предложеніе. Это мечта всей моей жизни.

— Такъ какъ вы уже стоите на колѣняхъ,—продолжала, шутя маркиза:—то держите передо мной зеркало.

Бюге схватилъ зеркало и сталъ держать его передъ лицомъ маркизы, наклонившейся къ нему, чтобы лучше разсмотрѣть, какъ налѣплены мушки.

— Что вы такъ дрожите? Можно подумать, что вы стоите на колѣняхъ первый разъ въ жизни и притомъ передъ женщиной, въ которую вы влюблены?

Жасменъ едва не выронилъ зеркала.

Маркиза встала. Она была возбуждена, и сквозь косметики на ея блѣдномъ лицѣ пробивался естественный румянецъ. Въ какомъ-то артистическомъ самозабвеніи она говорила сама съ собой: «Цвѣты! Цвѣты! При помощи цвѣтовъ я достигну такой красоты, которая затмитъ саксонскій фарфоръ. Мои платья будутъ имѣть такой же блескъ и ароматъ, а мебель и мелкія вещи такое же изящество».

Задыхаясь отъ волненія, она опять опустилась въ кресло.

— А докторъ Кенэ заставляетъ меня сохранять спокойствіе. Мнѣ все запрещается.

Она вздохнула.

— Жасменъ, я сама назначу вамъ жалованье. А сколько я вамъ должна сейчасъ?

— Вы не должны мнѣ, сударыня.

— Однако, вѣдь не богиня Флора доставляетъ вамъ хлѣбъ и вино?

Маркиза Помпадуръ пристально взглянула на садовника, который сіялъ счастьемъ и молодостью.

— Вы не изъ жадныхъ,—промолвила она.—Я тоже и такъ какъ хозяйка я, то я и приказываю вамъ получить съ меня что слѣдуетъ.

Она взяла со стола листокъ бумаги, обмакнула гусиное перо въ чернильницу и проставила цифру.

— Идите съ этимъ къ моему казначею.

Жасменъ взялъ листокъ бумаги, прижалъ его къ своему сердцу, поклонился и вышелъ.

Въ сосѣдней комнатѣ его ждала Мартина.

— Когда же наша свадьба, Жасменъ?

— Когда хочешь, Мартина.

VIII.

На другой день Жасменъ проснулся поздно. Когда онъ открылъ окно, надъ Сеной носился золотистый туманъ, птицы громко пѣли на индійскомъ каштанѣ, на крышѣ ворковали голуби. Виноградники были какъ бы окутаны паромъ. Рябина, посаженная у входа въ садъ, сверкала, какъ яркое пламя.

Старуха Бюге вышла изъ дому и открыла курятникъ. Птицы бросились изъ него толпой, хлопая крыльями и потрясая своими красными гребнями.

Появленіе матери навѣяло на Жасмена грустныя мысли.

«Хватитъ ли у меня духу сказать ей, что я скоро ее оставлю?»— думалъ онъ.

Онъ спустился внизъ и крѣпче обыкновеннаго поцѣловалъ мать.

— Ты что-то очень нѣженъ сегодня,—замѣтила она.

Послѣ завтрака Жасменъ объявилъ о своей скорой свадьбѣ и о мѣстѣ, которое онъ получилъ у маркизы де-Помпадуръ. Сдѣлалъ онъ это, краснѣя и уткнувъ носъ въ тарелку.

Старуха отъ изумленія всплеснула руками.

— Не ослышалась ли я?—вскричала она, блѣднѣя.—Да подумалъ ли ты о томъ, что хочешь сдѣлать? Оставить отчій домъ и садъ, который даетъ намъ кусокъ хлѣба, гдѣ ты самъ себѣ господинъ, и все это для того, чтобы заработать деньги. Итти подметать дорожки, по которымъ ходитъ эта колдунья. Вотъ и имѣйте послѣ этого дѣтей! Надрывайтесь, чтобы обезпечить имъ кровъ! Какая жалость, какая досада!

Жасменъ молчалъ.

— Что такое съ нами случилось? Старая Фугонъ—да упокоитъ Господь ея душу—давно предсказывала мнѣ, гадая на картахъ послѣ того, какъ ты родился, что намъ принесетъ несчастіе какая-то важная дама. Ахъ, Жасменъ, Жасменъ.

Она съ плачемъ вышла изъ-за стола и ушла въ свою комнату, не желая, чтобы сынъ входилъ къ ней.

— Оставь меня. Я хочу помолиться.

Зима была дождливая. Въ рѣдкіе дни, когда позволяла погода, Жасменъ работалъ въ саду, раскладывалъ зерна въ маленькіе пакеты и исправлялъ силки для сусликовъ.

Мартина не была ни на Рождествѣ, ни въ Крещенье. Она прислала письмо изъ Парижа, извѣщая, что 24-го декабря умерла мать маркизы и что она очень огорчена этой утратой.

Черезъ нѣсколько недѣль она писала, что маркиза купила имѣніе около Дре, гдѣ она будетъ передѣлывать домъ и хочетъ разбить новый паркъ. «Мы возвращаемся въ Версаль,—добавляла она:— ибо черезъ три дня тамъ будетъ концертъ. Надѣюсь, что намъ найдется дѣло въ новомъ паркѣ».

Но мѣсто получили другіе. Мартина уже не писала болѣе объ этомъ, а вскорѣ и совсѣмъ замолкла.

Это молчаніе приводило Жасмена въ уныніе. Онъ пошелъ къ кюре и исповѣдывался ему въ своемъ грѣхѣ. Тотъ отпустилъ ему его грѣхъ, но посовѣтовалъ какъ можно скорѣе вступить съ Мартиной въ бракъ. Съ этого времени кюре сталъ иногда заходить къ садовнику. Изъ всѣхъ цвѣтовъ ему больше всего нравился страстоцвѣтъ.

— Это чудо Божіе,—говорилъ онъ.—Этотъ цвѣтокъ имѣетъ формы орудій страстей Христовыхъ. Листья представляютъ намъ одежду, въ которую іудеи облекли Христа, а ихъ острые концы—терніе, изъ котораго была сдѣлана для Него корона. А эти длинныя нити кроваваго цвѣта развѣ не похожи на бичи, которыми Его бичевали? А этотъ стебель напоминаетъ столбъ, къ которому Онъ былъ привязанъ.

Иной разъ достопочтенный отецъ, отвѣдавъ стаканчикъ вина, начиналъ убѣждать Жасмена, чтобы онъ былъ терпѣливъ.

— Другое дѣло высокопоставленные люди. Они не помнятъ своихъ словъ и обѣщаній. Но въ Мартинѣ ты можешь быть увѣренъ. Я училъ ее закону Божію, и я знаю ея сердце. Кромѣ того, терпѣніе есть добродѣтель христіанская. Сколько лѣтъ Іовъ жилъ въ своей лачугѣ и сколько лѣтъ простоялъ на своемъ столбѣ Симеонъ Столпникъ?

Въ октябрѣ Жасменъ не пошелъ на сборъ винограда. Однажды его мать вернулась домой съ тыквой въ рукахъ.

— Ты словно несешь колесо счастья,—замѣтилъ ей Жасменъ.

— Лучше держать это счастье въ рукахъ, чѣмъ бѣжать и ловить его по дорогамъ въ Парижъ и Версаль!

Старуха кончила тѣмъ, что стала отговаривать Жасмена жениться на Мартинѣ.

— Говорятъ, что мало повѣсить эту д'Этіоль,—говорила она.—Люди, вполнѣ достойные, которымъ случалось проѣзжать черезъ Меленъ, разсказываютъ, что эта интриганка, выскочившая изъ мелкаго рода, позоритъ Францію, что она дочь потаскушки и вора.

— Они лгутъ,—кричалъ Жасменъ, красный отъ гнѣва.—Жаль, что меня тамъ не было, я бы вырвалъ имъ языкъ! Развѣ король могъ бы допустить ко двору такую женщину?

— Какъ видишь!

Жизнь въ деревушкѣ шла изо дня въ день своимъ чередомъ. Приходилъ Евстафій Шатуйяръ сказать, что онъ женится на дочери столяра изъ Корбейля, и приглашалъ Жасмена на свадьбу. Жасменъ ѣздилъ на нее. Черезъ нѣсколько недѣль, въ одно ноябрьское утро, на улицѣ послышались шумные голоса:

Тьенетта Ламналеръ, вырвавшись изъ замка маркиза д'Оранжи, прибѣжала въ деревню въ розовыхъ чулкахъ и въ красивыхъ баш-

макахъ съ пряжками. Старый маркизъ, весь красный и въ сбившемся парикѣ, стоялъ у рѣшетки своего замка и грозился кулакомъ.

— Паршивая дѣвчонка,—кричалъ дьячокъ Гурбильонъ:—ты, кажется, связалась съ этимъ старикомъ!

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчала бойкая Тьенетта.—Онъ мнѣ только надѣлъ чулки и башмаки. А когда онъ сталъ было расточать мнѣ свои любезности, меня и слѣдъ простылъ.

1-го января 1747 года (Жасменъ не видалъ Мартину уже цѣлый годъ) Бюге получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она просила его отложить еще немного ихъ свадьбу! М-me де-Помпадуръ такъ занята! Она устраивала въ своихъ внутреннихъ аппартаментахъ таатръ, въ которомъ могли подвизаться только три-четыре самыхъ большихъ вельможи. «Маркиза,—писала Мартина,—не забываетъ и устройство парка. Она закончила два рисунка, которые будутъ выгравированы.

На одномъ изображены твои трофеи: лейка, лопата, грабли, на другомъ нагіе амуры, ухаживающіе за лавровыми деревьями».

Почеркъ этихъ писемъ дѣлался все красивѣе и тоньше, а стиль—благороднѣе и возвышеннѣе.

«Она становится гордой», вздохнулъ про себя Бюге, грустно махнувъ рукой.

Дѣло шло къ Пасхѣ. Погода была скверная: лилъ дождь и шелъ снѣгъ.

Время отъ времени Бюге посылалъ Мартинѣ пламенныя посланія, въ которыхъ писалъ: «Все мнѣ кажется мрачнымъ, и я уже не жду съ нетерпѣніемъ цвѣтовъ и плодовъ, а дожидаюсь только, когда ты пріѣдешь. Это будетъ моя единственная радость. Я уже не читаю книги Кэнтини, хотя мнѣ еще многому слѣдовало бы поучиться въ нихъ къ тому времени, когда я буду садовникомъ у маркизы Помпадуръ. Это время мнѣ представляется земнымъ раемъ. Ты должна постараться, чтобы оно наступило поскорѣе».

Мартина отвѣчала, что, къ сожалѣнію, она ничего не можетъ сдѣлать и что запрещено обращаться къ мастерамъ съ какими-либо вопросами.

«Маркиза попрежнему къ намъ очень расположена,—писала она.—Она строитъ дворецъ подъ Парижемъ. Тамъ мы будемъ завѣдывать паркомъ, а Агатонъ Пьефэнъ—кухней. Онъ такой же ханжа и все ухаживаетъ за мной. Всѣ смѣются надъ нимъ. Въ день его именинъ ему подали каплуна съ горошкомъ, а онъ и не догадался, что съѣлъ своего знаменитаго голубя. Онъ очень плакалъ объ этомъ, и мнѣ стало его жалко».

Жасменъ почувствовалъ, что имъ овладѣваетъ какое-то тайное отчаяніе. Лицо его похудѣло, на лбу показались морщинки. Онъ забросилъ свои растенія, сталъ работать въ саду кое-какъ и читалъ только письма Мартины, которыя носилъ всегда съ собою.

Наконецъ въ концѣ года онъ получилъ важную вѣсть.

«Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я пріѣду въ Буасси. Въ маѣ должна быть наша свадьба, а потомъ мы отправимся къ маркизѣ».

Подъ письмомъ стояла крупная веселая подпись «Мартина».

Свадьба состоялась въ первыхъ числахъ мая 1448 года.

Накапунѣ, какъ разъ въ среду, передъ домомъ садовника остановился тяжелый рыдванъ. Оттуда выпрыгнулъ какой-то длинный человѣкъ и сдѣлалъ пируэтъ.

— Бюге!—закричалъ онъ.—Здѣсь ли Бюге?

Жасменъ вышелъ на дворъ.

— Агатонъ!

— Онъ самый! Маркиза Помпадуръ изволила поручить мнѣ передать вамъ свадебные подарки и приготовить столъ, пока женихъ съ невѣстой будутъ въ церкви.

Жасменъ въ смущеніи не зналъ, что отвѣчать. Пришла старуха Бюге и пустилась въ разговоры по поводу предстоящаго отъѣзда сына. Великодушіе маркизы ее тронуло.

Агатонъ вытащилъ изъ рыдвана свертки, завернутые въ полотно.

— Не трогайте этого,—говорилъ онъ.

— Что это такое?—спросила Мартина.

— Увидите завтра.

Тетка Ланда была очень огорчена, что Агатонъ завтра не можетъ пойти въ церковь, и заявила, что останется съ нимъ.

— Нельзя же только смотрѣть, какъ будетъ все приготовлять этотъ молодой человѣкъ. Я съ удовольствіемъ пропущу мессу и стану чистить горошекъ и буду пробовать кушанья, чтобы они были по нашему вкусу. У насъ вѣдь не привыкли къ соусамъ, отъ которыхъ горло жжетъ.

Агатонъ, одѣтый не безъ щегольства, натянулъ на себя шелковые чулки. Ноги у него были короткія, но онъ старался сдѣлать ихъ маленькими.

Чтобы ощипывать каплуновъ, онъ потребовалъ себѣ передникъ. Мартина сняла съ себя свой и подвязала его Агатону. Дрожь пошла по его тѣлу, когда онъ почувствовалъ на себѣ этотъ фартукъ, еще теплый отъ тѣла камеристки.

Вся округа работала въ домѣ Бюге. Тьенетта усердно чистила золой какой-то мѣдный котелокъ.

— Вотъ какъ онъ блеститъ теперь!—говорила она.—Агатонъ можетъ разсматривать въ него свои острыя уши. Право, онъ похожъ на того мраморнаго человѣка у маркиза д'Оранжи, который совсѣмъ человѣкъ, только ноги козлиныя. Если бъ Агатонъ захотѣлъ жениться на мнѣ, я непремѣнно потребовала бы, чтобы онъ показалъ мнѣ, дѣйствительно ли у него ноги, какъ у всякаго христіанина.

На другой день вся деревенька пришла въ движеніе. Говорили, что маркиза Помпадуръ прислала лучшаго своего повара, чтобы изготовить свадебный обѣдъ.

Торговка угрями Николь Сансонне говорила, что это тотъ самый поваръ, который нѣсколько времени тому назадъ изобрѣлъ для короля сорокъ новыхъ блюдъ, не говоря уже о десертахъ.

Всѣ старики вылѣзли изъ своихъ угловъ, чтобы посмотрѣть на торжественное шествіе мѣстныхъ сливокъ общества.

Былъ чудный майскій день. Съ колокольни деревенской церкви несся въ лѣса къ фіалкамъ и въ сады къ яблонямъ нѣжный чистый звонъ. Горлицы громко ворковали въ паркѣ маркиза д'Оранжи.

Шествіе съ трудомъ выбралось изъ церкви. Всякій непремѣнно хотѣлъ принести свое поздравленіе Мартинѣ, которая появилась на паперти при послѣднихъ звукахъ органа.

На новобрачной было розовое платье, которое такъ хорошо шло къ ея смуглому лицу. Жасменъ заставилъ ее заткнуть за корсажъ букетъ нарциссовъ. На головѣ у нея красовался небольшой бѣлый чепецъ.

Дома Агатонъ ощипалъ нѣсколько піоновъ и усѣялъ ими дорогу новобрачныхъ, а по обѣ стороны входныхъ дверей прикрѣпилъ по лиліи.

Когда шествіе подошло къ дому, раздались крики изумленія.

— Можно подумать, что все это сдѣлалъ какой-нибудь ангелъ,— закричала тетка Жильо.

Агатонъ опустилъ глаза. Когда онъ поднялъ ихъ на Мартину, въ его зрачкахъ сквозило смущеніе.

Николь Сансонне расширила ноздри и потянула воздухъ, несшійся изъ кухни.

— О, чуетъ мой носъ что-то хорошее.

Въ этотъ моментъ мимо дома проѣзжала старая маркиза д'Оранжи съ одной изъ своихъ родственницъ. Онѣ возвращались съ вѣнчанія. Онѣ были бѣдны, какъ арбалетчики изъ Коньяка, и туги на деньги, но все-таки имъ пришлось раскошелиться на угощеніе. Придерживаясь старинной моды, онѣ носили громоздкія прически, которыя дѣлали ихъ похожими на какихъ-то пестрыхъ попугаевъ. На щекахъ, разрумяненныхъ португальскимъ румянцемъ, красовалось у каждой нѣсколько мушекъ.

— Обѣдъ готовъ! Къ столу! — кричалъ изъ дому дядя Жильо.

Новобрачныхъ посадили посрединѣ. Они какъ-то неувѣренно сѣли посрединѣ стола передъ приборами, которые были украшены цвѣтами.

Жильо нашелъ, что они держатъ себя слишкомъ вяло.

— Посмотрѣли бы на меня въ день моей свадьбы!—кричалъ онъ.—Помнишь, Ѳеодосія?—продолжалъ онъ, обернувшись къ женѣ.—А ты, Бюге?

Старуха Бюге пожала плечами съ видомъ полной покорности.

Быстрая улыбка скользнула по лицу Мартины. Съ самаго начала, какъ заигралъ органъ, ее охватила какая-то грусть. Ей вспомнилась охота въ Сенарскомъ лѣсу и все, что произошло потомъ въ сердцѣ Жасмена. Ей казалось, что въ сущности это не она выходитъ замужъ. Она почти раскаивалась въ тѣхъ уловкахъ, которыя она пустила въ ходъ, чтобы женить на себѣ Жасмена. Ей представлялось, что на ея мѣстѣ сидитъ другая и что Жасменъ, хоть и разукрашенный бѣлыми цвѣтами, принадлежитъ не ей.

Гости сдѣлали нападеніе на угрей, которыхъ привезъ съ собой Агатонъ. Мартина сдѣлала честь оливкамъ, которыхъ никто въ деревенькѣ не видывалъ. Тьенетта тоже захотѣла попробовать, но онѣ ей не понравились. Она сдѣлала гримасу и выплюнула ихъ на полъ.

— Нельзя и сравнить съ розовой редиской,—промолвила жена Евстафія Шатуйяра, беременная восьмымъ ребенкомъ.

— А вотъ и редиска,—сказала ей Николь Сансонне.—Съѣшьте тарелочку, да съ листьями. Это очень хорошо для женщины, когда въ ней зашевелится ребенокъ.

Съ своей стороны дьячокъ Гурбильонъ, чтобы повеселить общество, вытащилъ изъ кармана какую-то книжку и пустилъ ее по сосѣдямъ. То былъ «Альманахъ рогоносцевъ».

Тетка Жильо, заглянувъ въ книжку, стыдливо захлопнула ее, но ея мужъ закричалъ:

— Ага! Это наводитъ на мысли!

Тьенетта бросилась было къ альманаху, но тетка Ланда завопила:

— Экая мерзость! Вѣдь на виду у всѣхъ это дѣлаютъ только собаки!

Жильо вырвалъ книжку и сталъ вслухъ читать эпиграммы.

Мартина густо покраснѣла.

Агатонъ провозгласилъ, что сейчасъ будутъ поданы «египетскія пирамиды». Онѣ были сдѣланы изъ мелко нарубленной телятины и ветчины, сдобренной всякими пряностями. Пьефэнъ осторожно поставилъ ихъ на столъ.

— Египетскія пирамиды! Ихъ рецептъ идетъ, должно быть, отъ самыхъ грековъ, — докторально замѣтилъ Гурбильонъ.

Гости нашли ихъ великолѣпными, Жильо никогда не ѣлъ ничего подобнаго.

— Ты, навѣрно, чувствуешь себя счастливой, что служишь у маркизы?—спросилъ онъ Мартину.

— Еще бы! А особенно, если она и мужа теперь пристроитъ туда же—замѣтилъ Канкри.

— Конечно, конечно!—со вздохомъ отвѣчала новобрачная.

Ей хотѣлось плакать.

— Ты счастлива?—спросилъ ее Жасменъ.

Онъ поцѣловалъ жену въ шею.

— Отлично!—закричалъ Жильо.—Такъ и надо! Для этого вѣдь женятся.

Понемногу съѣли и золоченыхъ каплуновъ. Потомъ Агатонъ, растопыривъ руки, внесъ поросенка, который держалъ въ зубахъ лимонъ. Лапы его были перевязаны бѣлыми лентами.

— Подвязки новобрачной!—закричалъ Евстафій!

Агатонъ поставилъ поросенка передъ новобрачными и елейнымъ голосомъ, какимъ когда-то произносилъ проповѣди, сказалъ:

— Мартина! Это тебѣ подносятъ всѣ твои товарищи по службѣ! Прими же это отъ насъ!

И онъ самъ принялся разрѣзать поросенка. Всѣ подтянулись, желая попробовать блюдо, отъ котораго такъ вкусно пахло трюфелями.

— Можно подумать, что мы въ раю,—вскричала Тьенетта.

Поваръ исчезъ, чтобы приготовить дессертъ. Жильо велѣлъ принести бутылки.

— Послушай, малый,—сказалъ онъ Жасмену.—Что же ты словечка не скажешь и сидишь такъ неподвижно? Въ день свадьбы надо хорошенько выпить, чтобы подкрѣпить свои силы! Дай-ка твой стаканъ! Расшевели его хорошенько, Мартина!

— Я и такъ стараюсь,—отвѣчала она.—Жасменъ!

Новобрачный снова поцѣловалъ жену.

— Можно перечесть, сколько разъ мы цѣловались и не собьешься,—замѣтила Мартина.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось попасть въ услуженіе въ Парижъ,—шептала про себя Тьенетта.

— Въ Парижъ?—спросила подслушавшая ее Монно.—Ну, тамъ такихъ замарашекъ и безъ тебя довольно.

— Ну, ну, тетка Ланда! Нечего хвастаться!—вмѣшался Реми Госсе.—Мы всѣ знаемъ, что ты была тамъ вязальщицей.

— О, да,—воскликнула задѣтая за живоя Ланда.—Я знаю свое ремесло и могла бы связать такой чулокъ, который не обезобразитъ ногу самой красивой дѣвушки. Доказательствомъ можетъ служить мой подарокъ Мартинѣ. Развяжи-ка вотъ это!

И она передала Тьенеттѣ свертокъ, который та принялась развязывать зубами.

— Фу! Вы, кажется, положили этотъ свертокъ вмѣстѣ съ сыромъ!

— А куда же, по-твоему, его надо было положить. Это единственное мѣсто, которое запирается на ключъ и гдѣ мыши не могутъ стащить. Но свертокъ не долженъ такъ сильно пахнуть, я положила его вмѣстѣ съ моимъ бѣльемъ поверхъ сыра.

— Понюхайте-ка!—говорила Тьенетта, передавая ей пакетъ.

Подали дессертъ. Появился «кладезь любви», наполненный вареньемъ. Надъ сладкимъ пирогомъ новобрачные должны были пожать другъ другу руку. Вслѣдъ за симъ Агатонъ Пьефэнъ подалъ пирожныя, названія которыхъ гости слышали въ первый разъ въ жизни.

Эти лакомства повысили настроеніе гостей. Тетка Монно тяжело вздыхала.

— Какъ хорошо пахнетъ!—промычала она.

Агатонъ откупорилъ тонкія вина, присланныя маркизой. Жена Евстафія стала глотать ихъ такими порціями, что ея супругъ завопилъ.

— Что же, ты хочешь, чтобы нашъ ребенокъ явился на свѣтъ вплавь?

Дьячокъ Эвфемэнъ, пристроившись къ ликерамъ, которые онъ находилъ превосходными, кричалъ:

— Да здравствуетъ Мартина! Да здравствуетъ маркиза Помпадуръ!

— Здѣсь на пиршествѣ двѣ королевы—маркиза и Мартина,—добавилъ Госсе.

— Да здравствуетъ Мартина! Да здравствуетъ маркиза!—заорало все общество.

Мартина вся позеленѣла, словно ее укусила какая-нибудь змѣя.

Жасменъ всталъ изъ за стола, шатаясь. Тьенетта молча похлопывала по спинѣ старуху Бюге, которая заливалась горючими слезами.

Кто-то сталъ стучать по стакану. Дьячокъ сталъ говорить рѣчь. Онъ распространился о святости брака.

— А въ карманѣ-то у тебя «Альманахъ рогоносцевъ»!—крикнула Тьенетта.

— Чортова перечница!—выругался Гурбильонъ.

Не смущаясь, онъ закончилъ свою рѣчь, назвавъ Бюге счастливой матерью. Потомъ къ новобрачнымъ подошелъ скрипачъ, чтобы начать танцы.

Задумчивость Бюге сильно огорчала Мартину. Желая напомнить и о себѣ, она встала изъ-за стола и пошла танцовать, стараясь припомнить, какъ маркиза Помпадуръ танцовала менуэтъ.

Заслышавъ музыку, явились посмотрѣть на деревенскій балъ маркизы д'Оранжи и ихъ знакомые. На маркизѣ былъ парикъ à la financière, тяжело падавшій ему на плечи. Маркиза высокомѣрно поднимала свой римскій носъ, около котораго красовалась черная мушка, означавшая: «все это меня оскорбляетъ».

Балъ на берегу Сены открыли новобрачные. Маркиза должна была сознаться, что эта мужичка не лишена граціи, которая встрѣчалась въ добрыя старыя времена. Ланда подала руку старому

Жильо, а Тьенетта, къ величайшему неудовольствію маркиза, танцовала поочередно со всѣми парнями.

Пока гости танцовали подъ липами, новобрачные прогуливались по берегу.

Жасменъ глядѣлъ на воду, покраснѣвшую отъ вечерней зари.

Мартина приникла къ его плечу.

— Ты все думаешь о Парижѣ и Этіолѣ, куда мы поѣдемъ?

— Да, Мартина,—отвѣчалъ Жасменъ, не зная, что ей уже извѣстна его сердечная тайна.

Слезы покатились по блѣднымъ щекамъ молодой женщины?

— Что съ тобой?

— Сейчасъ надъ ними пролетѣли два ворона. Я боюсь.

— Глупости,—пробормоталъ Жасменъ.

IX.

Маркиза Помпадуръ отпустила Мартину въ Буасси-ла-Бертранъ на цѣлый мѣсяцъ. Затѣмъ ей было приказано явиться вмѣстѣ съ мужемъ въ Парижъ.

Въ день отъѣзда всѣ поднялись до восхода солнца. У старухи Бюге глаза были красны. Она подарила Мартинѣ четки, которыя принадлежали прадѣду ея сына, и сказала:

— Перебирая ихъ, вспоминай обо мнѣ.

Она снабдила невѣстку на дорогу жареной курицей, короваемъ хлѣба и холодной лепешкой.

— Вамъ предстоитъ такое путешествіе! Вы такъ далеко ѣдете! Богъ знаетъ, куда васъ загонитъ еще ваша проклятая маркиза!

Сыну она сочла долгомъ сдѣлать внушеніе.

— Будь добрымъ мужемъ и не забывай молиться!

Сборы къ отъѣзду производились при свѣчахъ. Хотя было еще темно, Тьенетта была уже тутъ какъ тутъ.

— Напиши мнѣ, когда у тебя будетъ ребенокъ,—говорила она Мартинѣ.—Смотри, не свернись у этой маркизы Помпадуръ,—продолжала она, обнимая свою подругу.

— Это я могу тебѣ обѣщать.

Жасменъ старался утѣшить мать.

— Мы часто будемъ видѣться. Кромѣ того, каждый мѣсяцъ я буду писать тебѣ длинныя письма. Жильо и Реми Госсе будутъ навѣщать тебя, а ухаживать за тобой будетъ Канкри. Смотри, чтобы Леги хорошенько работалъ въ саду. Онъ знаетъ мои деревья. Если тебѣ будетъ страшно, то Тьенетта можетъ поселиться здѣсь. Когда же намъ удастся достичь счастья, тогда можно будетъ зажить и въ Буасси.

— Ваше счастье,—отвѣчала, качая головой, Бюге,—было въ этомъ домѣ.

Тьенетта и Мартина уложили въ тележку Жасмена ящики съ одеждой и склянки съ водой на винномъ спирту, которую удивительно дѣлала старая Бюге.

— Эта вещь вамъ будетъ пріятна вечеромъ, когда вы останетесь одни,—говорила она.

Въ открытую дверь врывался холодный ночной воздухъ, и лишь бубенчикъ Жасменовой лошаденки нарушалъ полную тишину.

Старуха Бюге принесла теплаго молока. Выпивъ его, отъѣзжающіе поцѣловались съ нею въ послѣдній разъ, и оба супруга сѣли въ экипажъ.

— Да хранитъ васъ Господь Богъ,—прошептала Бюге.

Телѣжка тронулась. Не успѣла она отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ кто-то сильно застучалъ кулакомъ въ дверь.

— Они вернутся, вернутся,—слышался успокаивающій голосъ Тьенетты.

Раздалось рыданіе. Мартина въ темнотѣ догадалась, что это плакалъ Жасменъ.

Телѣжка направилась къ Мелену. Лошаденка бѣжала по берегу Сены, бурлившей подъ ночнымъ вѣтеркомъ.

Вскорѣ на горизонтѣ появился бѣлесоватый свѣтъ, и протянулась длинная полоска зари, которая, пересѣкаясь съ высокимъ шпицемъ колокольни Сентъ-Аспэ, образовывала съ нимъ на небѣ большой крестъ. Осѣняемый имъ, Меленъ крѣпко спалъ.

Торговецъ телѣжками охотно купилъ у Жасмена его экипажъ. Давъ ему нѣсколько звонкихъ монетъ, онъ помогъ супругамъ добыть себѣ мѣсто на буксирномъ суднѣ, которое отправлялось въ Парижъ.

На палубѣ въ лучшемъ углу оказались два монаха, нѣсколько крестьянъ, какой-то офицеръ швейцарской гвардіи, торговцы живностью. Эти послѣдніе выгружали корзины съ курами, яйцами, утками, кричавшими въ своихъ ивовыхъ тюрьмахъ.

Тронулись дальше.

Тяжелый буксиръ тянули пять лошадей, привязанныхъ къ мачтѣ длинной веревкой. Иногда веревка, ослабѣвая, хлестала по розовѣвшей отъ утренней зари водѣ, и тогда казалось, что по рѣкѣ протягивалась огненная полоса. Матросы, столпившіеся на декѣ, готовили себѣ супъ въ котелкѣ. Поверхность рѣки была какъ зеркало.

Вскорѣ показался Буасси-ла-Бертранъ, гдѣ предстояло пересаживаться. Бюге все еще стояла на берегу Сены, дѣлая съ Тьенеттой прощальные знаки рукой. Жасменъ смотрѣлъ на мать, пока она совсѣмъ не скрылась изъ виду. Когда буксиръ присталъ къ Сенъ-Пору, онъ могъ различить только ея бѣлый чепецъ. Видно было, что она поднималась въ гору. Тогда онъ сталъ искать глазами крышу своего дома, но изъ деревьевъ его уже не было видно. Только легкій ды-

мокъ вился на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Жасменъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

Мартина старалась какъ-нибудь его утѣшить.

— Смотри, вотъ Жильо!—сказала она.

Дѣйствительно, Жильо вышли изъ ограды своего завода.

— Возвращайтесь къ сбору винограда!—кричалъ дядя Жильо.

Прибрежные утесы, тронутые утреннимъ солнышкомъ, казались янтарными. Виноградники блестѣли. Сена, сдѣлавъ поворотъ, входила въ лѣсъ.

На буксирѣ монахи присосѣдились къ бутылкѣ, которую тянули по очереди. Офицеръ швейцарской гвардіи, покручивая усъ, украдкой бросалъ на Мартину нѣжные взгляды.

Судно поравнялось съ Ле-Кудрэ, плоскимъ мѣстомъ, гдѣ Сена расширяется. Небо стало совсѣмъ сине и ярко отражалось въ рѣкѣ. Затѣмъ показался Корбейль съ своими бастіонами, башнями и большими зерновыми складами. Такъ какъ это былъ базарный день, то мостъ былъ загроможденъ повозками. Маленькая церковка, стоявшая на самой вершинѣ холма, весело позванивала въ свои колокола. Съ буксира выгрузили нѣсколько корзинъ съ птицей.

Немного дальше справа показалась крыша замка въ Этіолѣ. На Жасмена нахлынули воспоминанія. Вспомнилъ онъ, какъ онъ видѣлъ маркизу среди луннаго свѣта, какъ она была полна граціи и прелести. Ему представилась ея маленькая ножка, едва касавшаяся зелени. Въ ушахъ у него еще стоялъ звукъ віолончели, несшійся къ весеннимъ небесамъ. Онъ вспомнилъ этотъ менуэттъ, который онъ напрасно до сего времени старался возобновить въ памяти. Задумчиво глядѣлъ онъ на рыбака, который на длинной лескѣ вытаскивалъ попавшуюся щуку, и на баржи, плывшія по теченію рѣки. Какой-то пастухъ утолялъ свою жажду, зачерпывая шапкой прямо изъ рѣки, прачки стояли, наклонившись, на плоту, отражавшемся въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Тамъ и сямъ мелькали деревеньки, тонувшія въ зелени. Подходили къ Жювизи.

— Съѣдимъ что-нибудь,—говоритъ Мартина.—До полдня еще далеко.

Она вытащила курицу, взяла себѣ порцію и дала часть Бюге. Монахи попросили себѣ кости и прежде, чѣмъ начать ихъ глодать, забормотали свои молитвы.

Въ Шуази мѣстные обыватели принесли на паромъ сладкіе пирожки. Жасменъ одинъ отдалъ Мартинѣ, а другой предложилъ офицеру швейцарской гвардіи.

Самаго замка Шуази не было видно. Виднѣлись лишь высокія крыши, верхушка бывшаго фонтана и пристань, на концѣ которой среди цвѣтниковъ, спускавшихся до самаго берега рѣки, бесѣдка, похожая на ажурный кіоскъ.

— Мнѣ иногда приходилось здѣсь бывать съ маркизой,—ска-

зала Мартина.—Она устроила этотъ дворецъ, словно какой-нибудь феерическій театръ.

Жасменъ съ любопытствомъ глядѣлъ на крыши, которыя, казалось, скрывали подъ собой самыя соблазнительныя тайны.

Между тѣмъ буксиръ все плылъ впередъ.

— Скоро мы будемъ и въ Парижѣ,—сказалъ одинъ изъ монаховъ.

Солнце покрывало Сену словно какой-то золотистой скатертью, и рѣка была какъ изъ расплавленной мѣди. Жасменъ мало-по-малу сталъ различать на горизонтѣ крѣпостныя стѣны, безчисленныя крыши, налѣво возвышался старинный соборъ, направо—огромная крѣпость.

— Парижъ!—закричалъ матросъ.

Бюге пристально смотрѣлъ на залитый свѣтомъ городъ.

— Какой большой дворецъ,—сказалъ онъ Мартинѣ.

— Это Лувръ,—отвѣчала она.

— А это?—спрашивалъ онъ, указывая на крѣпость.

— Это Бастилія. Боже тебя сохрани туда попасть!

Они позвали двухъ крючниковъ, которые помогли имъ перенести ихъ корзины. Обогнувъ Бастилію, они очутились на улицѣ Сентъ-Антуанъ. Жасменъ долго смотрѣлъ на закрытыя рѣшетками окна крѣпости, на ея тяжелыя башни и пушки, высовывавшіяся изъ амбразуръ. Со стороны улицы Сентъ-Антуанъ стѣны крѣпости были усѣяны лавками со сластями, токарными и аптекарскими товарами и разными бездѣлушками. Онѣ лѣпились около сѣрой стѣны крѣпости, словно клѣтки съ птицами.

Въ этотъ іюньскій вечеръ толпа народу двигалась вдоль дома де-ла-Помпонеттъ, отличавшагося террасой съ цвѣтами. Далѣе шелъ другой домъ, похожій на перечницу. Стѣны третьяго сходились подъ острымъ угломъ. Запахъ коровниковъ и парного молока доносился до самой гостинницы «Золотой Левъ», гдѣ стояла королевская гвардія, и до гостинницы «Майнцъ», гдѣ остановился какой-то экипажъ. Пронесли какія-то носилки. Торопливо прошли двѣ гризетки въ подоткнутыхъ платьяхъ. На церкви св. Маріи, опиравшейся на контрфорсы крѣпости съ аспидной крышей, зазвонили къ вечерней молитвѣ.

Жасменъ былъ въ восторгѣ отъ такого веселаго прибытія въ городъ. Встрѣча показалась ему хорошимъ предзнаменованіемъ.

— Помоги, Боже!—сказала Мартина.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Бюге углубились въ узкіе переулки. Жасменъ былъ удивленъ высотой домовъ. Ему нравилось, какъ хлопали бичами извозчики, нравилось смотрѣть на суету экипажей и повозокъ, на навѣсы передъ книжными лавками и на огоньки, блестѣвшіе въ закусочныхъ.

Какая-то толстая женщина сидѣла на тумбѣ, держа на колѣ-

нихъ корзину съ бутылками. Въ одной рукѣ она держала стаканъ, въ другой кружку и кричала:

— Вотъ жизнь! Жизнь!

Бюге предложилъ выпить у нея носильщикамъ, которые шли за ними. Тѣ закашлялись, Мартина расхохоталась.

Какая-то маленькая дѣвочка продавала посуду, крича:

— Вотъ фаянсъ! Кому фаянсъ!

— Не купить ли для начала нашего хозяйства?—спросила Мартина.

— Не стоитъ! Тутъ есть вещи получше!

И онъ показалъ Мартинѣ пирожное, красовавшееся въ окнѣ кондитерской.

Угостивъ жену, Бюге продолжалъ свой путь. Онъ останавливался передъ каждой лавкой, продавался ли тамъ табакъ, или вѣера, разные раритеты. Иногда его толкали франты, выходившіе изъ своихъ экипажей и бросавшіе дерзкіе взгляды на Мартину.

Подойдя къ Пале-Роялю, они увидѣли старуху, игравшую передъ трактиромъ на какомъ-то инструментѣ. Бюге остановился, какъ очарованный. Музыка напомнила ему тѣ пѣсни, которыя когда-то звучали въ его сердцѣ, и онъ вспомнилъ о маркизѣ Помпадуръ.

— Иди, иди,—говорила Мартина.—Мы и такъ опаздаемъ.

Вскорѣ они достигли огромнаго зданія изъ краснаго кирпича— то былъ дворецъ кардинала Мазарини—и, сдѣлавъ еще нѣсколько поворотовъ, оказались передъ большимъ домомъ. Ихъ встрѣтилъ какой-то лакей, одѣтый въ желтую съ зеленымъ ливрею, и сказалъ:

— Васъ всѣ ждутъ.

Они поднялись на самый верхъ въ маленькую мансарду. Мартина очень устала. Доѣвъ то, что осталось отъ ихъ запасовъ, она легла спать.

Жасменъ спустился внизъ и пошелъ поужинать съ прочей прислугой. Агатонъ Пьефэнъ, увидѣвъ его, бросился ему на шею. Отъ повара пахло чеснокомъ и мускатомъ. Онъ казался утомленнымъ.

— Городъ дѣйствуетъ на меня плохо,—говорилъ онъ.—Я созданъ для того, чтобы жить въ загородныхъ замкахъ.

Въ девять часовъ онъ увлекъ Бюге съ собою въ одну изъ закусочныхъ лавокъ, гдѣ онъ былъ обычнымъ посѣтителемъ. На вывѣскѣ ея было нарисовано золотое солнце, испускавшее тяжелые лучи и окруженное виноградомъ. Ужинъ только что кончился, пахло разлитымъ соусомъ и остатками вина. Агатонъ пожалъ руку хозяину-толстяку, поспѣшившему налить ему большую кружку вина. Поваръ маркизы Помпадуръ накинулся на индѣйку, красовавшуюся на блюдѣ, и сталъ макать ее въ деревянный сапогъ съ солью, привѣшенный около камина. Онъ ѣлъ съ жадностью.

— Не могу, знаете, ѣсть свою собственную стряпню,—сказалъ онъ.—Предпочитаю чужую.

Онъ подсѣлъ къ Жасмену и сталъ его разспрашивать.

— Вы въ самомъ дѣлѣ любите вашу жену.

— Какой смѣшной вопросъ! Я никогда не женился бы на ней, если бъ я былъ къ ней равнодушенъ.

— Вотъ какъ! А на свадьбѣ у васъ былъ такой разсѣянный видъ!

— Плохо вы наблюдали.

— Въ самомъ дѣлѣ, я могъ и ошибиться,—вѣжливо отвѣчалъ поваръ.—Человѣку свойственно ошибаться. Къ тому же въ день свадьбы новобрачный находится совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ въ другое время. Его душа смущена. Онъ похожъ на христіанина, который долго не былъ у исповѣди.

Агатонъ молитвенно сложилъ руки.

— Что касается меня, то я бываю у исповѣди раза четыре въ годъ. Это даетъ облегченіе, хотя бы на совѣсти было всего два-три мелкихъ грѣшка. Послѣ отпущенія грѣховъ мнѣ какъ-то легче гуляется. Если бъ у меня было свободное время, я бы почаще ходилъ въ уголовный судъ.

Онъ подозвалъ хозяина и приказалъ налить имъ еще по стакану.

— Я не люблю женщинъ,—вдругъ сухимъ тономъ объявилъ онъ.—Это дѣти сатаны. Ева насъ всѣхъ погубила. И я не могу видѣть юбки, чтобы не вспомнить о первородномъ грѣхѣ. А вы, Бюге, любите женщинъ, не правда ли? Я вижу это по вашимъ глазамъ. Если вы не очень пылки насчетъ Мартины,—можетъ быть, я и тутъ ошибаюсь,—то ваше сердце можетъ загорѣться и воспылать къ другой.

Бюге вздрогнулъ.

— О, эта дрожь выдаетъ васъ!—воскликнулъ разстрига.—Если мое ремесло заставляетъ меня смотрѣть подъ хвостъ пуляркамъ (я это дѣлаю съ покорностью, которая завоюетъ мнѣ милость Неба), то я умѣю также и заглядывать въ людскую душу и спускаться въ глубину мрачнаго колодца, называемаго совѣстью. Я вѣдь былъ духовнымъ лицомъ и посѣщалъ самыхъ искусныхъ исповѣдниковъ, которые вѣчно сражались съ капуцинами и выходили побѣдителями во всѣхъ спорахъ. Я говорю о монахахъ-премонтранцахъ.

Агатонъ поднялъ глаза къ небу и какъ бы въ экстазѣ прошепталъ:

— О, дорогіе мои отцы! Какъ хорошо было жить среди нихъ, какъ они раздѣляютъ всѣ наши радости! Среди нихъ никогда не чувствуешь себя одинокимъ. Они даютъ вашей душѣ столько хорошихъ чувствъ. Еще стаканчикъ?

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчалъ Жасменъ.

— Вѣдь угощаю я,—продолжалъ Пьефэнъ.—Выпить стаканчикъ бургонскаго не грѣхъ, увѣряю васъ. Самъ Іисусъ Христосъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Богословіе.

АЛАБОВСКІЙ, М. Изъясненіе избранныхъ мѣстъ изъ Св. Евангелія съ предварительными свѣдѣніями о Библіи. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 20 к.

Философія, психологія, логика.

БЕЗАНТЪ, А. Джордано Бруно. Ц. 30 к.

ВВЕДЕНСКІЙ, А. Религіозныя сомнѣнія нашихъ дней. Т. I. Одесса. 1914. Ц. 2 р.

ГЕРЬЕ, В. Философія исторіи отъ Августина до Гегеля. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАЛО, Ш. Введеніе въ эстетику. М. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

ОДНОБЛЮДОВЪ, В. Трагедія современнаго интеллигентнаго общества. Критико-публиц. очеркъ. Ц. 50 к.

РИЧЧІАРДИ, Л. Вулканизмъ въ миѳологіи и въ наукѣ. Ц. 50 к.

СОКОЛОВЪ, П. Педагогическая психологія. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.

ФЕХНЕРЪ, Г. Книжка о жизни послѣ смерти. Ц. 40 к.

ЦАГАРЕЛИ, К. Такъ говорилъ Заратустра-сынъ. Кн. I. Харьковъ. 1915. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

АНДЕРСОНЪ, В. Романъ Апулея и народная сказка. Т. I. Казань. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

ЕВДОКИМОВЪ, П. «Современникъ» Александра Пушкина. Ц. 1 р.

ЛИСОВСКІЙ, Н. Русская періодическая печать 1703—1900 гг. Библіографія и графическія таблицы. Ц. 20 р.

ПАМЯТИ великаго грузинскаго поэта князя Акакія Ростомовича Церетели. Ц. 60 к.

РОЖДЕСТВИНЪ, А. Лермонтовъ, личность и творчество. Къ столѣтію со дня рожденія. Казань. 1915. Ц. 25 к.

РУССКАЯ литература о войнѣ 1914 г. В. I. М. 1915. Ц. 25 к.

ЧЕХОВЪ, Н. Введеніе въ изученіе дѣтской литературы. М. Ц. 30 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВЕРЧЕНКО, А. Волчьи ямы. Ц. 50 к.

БЕБУТОВА, О. Варвары XX вѣка. Никто меня не любитъ. Романъ изъ современной жизни. Ц. 1 р. 50 к.

БОГОМОЛОВЪ, С. Славянскій кобзарь. Стихи и пѣсни. Ц. 1 р.

БОГДАНОВА-БѢЛЬСКАЯ, П. Амулеты. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.

БЯКИНЪ, В. Южныя сказки. Стихи. Одесса. 1914. Ц. 1 р.
ВОЛЫНЦЕВА, А. Въ часы досуга. Стихотворенія. Ц. 1 р.
ВѢНОКЪ ГЕРОЯМЪ. Сборникъ стихотвореній, сост. В. Юшко. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
ГНѢДИЧЪ, П. Сочиненія. Т. VIII. На окраинѣ. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
ГОРЬКІЙ, М. По Руси. Очерки. Ц. 1 р. 50 к.
ДЖЕМИСОНЪ, С. Пріемышъ черной. Туанетты. Повѣсть. М. 1915. Ц. 85 к.
ДЖЕПСОНЪ, Э. Лэди Ноггсъ. Дочь пэра. Ц. 1 р. 20 к.
КАРАБЧЕВСКІЙ, Н. Мирные плѣнники. Въ курортномъ плѣну у нѣмцевъ. Впечатлѣнія и наблюденія. Ц. 1 р.
КРИНИЦКІЙ, М. Синяя борода. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
КУЗМИНЪ, М. Военные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
ЛАЗАРЕВСКІЙ, Б. Во время войны. Ц. 1 р. 50 к.
ПСАЛЬМОВЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Ц. 2 р. 50 к.
РЕННИКОВЪ, А. Въ странѣ чудесъ. Правда о прибалтійскихъ нѣмцахъ. Съ рисунками и снимками. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.
— Сѣятели вѣчнаго. Сатирическій романъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.
РОСЛАВЛЕВЪ, А. Покойникъ Посудевскій и другіе разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
РУДИЧЪ, В. I. Осень золотая. II. Въ дни войны. Ц. 75 к.
ЭРКМАННЪ-ШАТРІАНЪ. Эльзасскіе разсказы. Вып. I. Ц. 15 к.
ЮШКЕВИЧЪ, С. Леонъ Дрей. Ч. II. Романъ. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

АРДАШЕВЪ, П. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Ч. II. Эпоха абсолютизма и революціи. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
ЖУКОВСКІЙ, С. Сношеніе Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. Ц. 1 р. 25 к.
ЗѢЛИНСКІЙ, Ѳ. Исторія античной культуры. Ч. II. М. 1915. Ц. 60 к.
О—СКІЙ, В. Золотыя ворота въ гор. Кіевѣ. К. 1915. Ц. 75 к.
РУССКІЙ біографическій словарь. Лабзина-Ляшенко. Ц. 5 р.
САХАРОВЪ, И. Происхожденіе вольнаго донского казачества и первыя службы донцовъ Россіи. Ц. 25 к.
ТУРГЕНЕВЪ, Н. Россія и русскіе. Т. I. Воспоминанія изгнанника. М. 1915. Ц. 2 р. 50 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

БАРСЕГЯНЦЪ, О. Законы о наслѣдственныхъ пошлинахъ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
БУДУЩЕЕустройство Арменіи. (Третья Оранжевая книга). Ц. 75 к.
БѢЛЯВСКІЙ, Н. Полицейское право. Административное право). Изд. 3-е. Ц. 3 р.
ВЫСОЧАЙШЕЕ утвержденныя 2-го февраля 1915 года Положенія Совѣта Министровъ, съ относящимися къ нимъ узаконеніями. Ц. 25 к.
ГОЛЬДШТЕЙНЪ, I. Война, русско-германскій торговый договоръ и слѣдуетъ ли Россіи быть «колоніей» Германіи. М. 1915. Ц. 60 к.
ГРОМАНЪ, В. Уставъ о промышленномъ трудѣ. Ц. 2 р. 50 к.
ДЕО. Тайна графа С. Ю. Витте. Ц. 20 к.
ИВАНОВЪ, Н. Земледвладѣніе и землепользованіе иностранцевъ, подданныхъ воюющихъ державъ и состоящихъ въ русскомъ подданствѣ выходцевъ. Законъ 2-го февраля 1915 года. Одесса. Ц. 25 к.
— Уставъ о гербовомъ сборѣ. Одесса. 1915. Ц. 85 к.
ИНСТРУКЦІЯ для устройства, ревизіи лѣсоустройства и изслѣдованія казенныхъ лѣсовъ вѣдомства гл. упр. земл. и землеустройства по лѣсному департаменту. Ц. 75 к.
КАЙЗЕРЪ БЕЗЪ МАСКИ. Разоблаченія истинныхъ причинъ войны, изложенныхъ въ дневникѣ графа Акселя фонъ-Шверинга. Ц. 75 к.
КЛАДО, Н. Очерки міровой войны. В. VII. Ц. 75 к.
ЛАЗАРЕВСКІЙ, Н. Причины и задачи войны 1914—1915 гг. Ц. 30 к.
ЛОУЭЛЛЬ, А. Государственный строй Англіи. Т. I. М. 1915. Ц. 3 р.
МАТВѢЕВЪ, В. Государственный надзоръ за общиннымъ самоуправленіемъ во Франціи и въ Пруссіи. Казань. 1915. Ц. 2 р. 50 к.
МАТЕРІАЛЫ для реформы земскихъ учрежденій. Ц. 50 к.
МИХАЙЛОВСКІЙ. Законы о ликвидаціи со 2-го февраля 1915 года нѣмецкаго и австрійскаго землевладѣнія въ Россіи. Одесса. 1915. Ц. 50 к.
НЕКРАСОВЪ, Ф. Межеваніе земель въ Россіи. Межевые законы. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
ПЕРГАМЕНТЪ, М. Къ толкованію ст. 1148 законовъ гражданскихъ. Ц. 30 к.
— Памяти Александра Владимировича Завадскаго. Ц. 15 к.
ПЕТРОВЪ, А. Мадьярская гегемонія въ Угріи (Венгріи) и Угорская Русь. I. Мадьярскаій глобусъ на глиняныхъ ногахъ. II. Горькая судьба угроруссовъ. Ц. 25 к.
ПОСОЧИНСКІЙ, К. Таблицы подсудности волостнымъ судамъ по закону 15-го іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда. Ц. 30 к.
— Таблицы подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ. Ц. 30 к.
ПРОКОФЬЕВЪ, Н. За Вѣру, Царя и Отечество. Ц. 3 к.
ПРУТКОВСКІЙ, Н. Желѣзнодорожное дѣло. Ц. 3 р. 60 к.
РОГОВИНЪ, Л. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Ц. 4 р. 50 к.
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ. «Дѣти и война». Ц. 1 р.
ТЮТЧЕВЪ, А. Руководство по призрѣнію нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ и о порядкѣ назначенія имъ пенсій.
— Дополненіе. Ц. 50 к.
ХМѢЛЬНИЦКІЙ, И. Судебная реформа въ ея дѣятеляхъ. Одесса. 1915. Ц. 20 к.

ЦИНГОВАТОВЪ, А. Въ Россію можно только вѣрить! Завѣты Ѳ. И. Тютчева. Ц. 15 к.

ШВИТТАУ, Г. Трудовая помощь въ Россіи. Т. I. II. Ц. за оба тома 2 р.

Ш—Ъ, АРК. Сборникъ узаконеній объ обезпеченіи въ военное время офицерскихъ и нижнихъ чиновъ арміи и флота и ихъ семействъ. Ц. 60 к.

ЩЕРБИНИНЪ, Г. Къ вопросу объ организаціи земледѣльческихъ пріютовъ для сельскихъ сиротъ. Ц. 60 к.

ЯКОВЛЕВЪ, М. Народный судъ и степное положеніе съ киргизскимъ переводомъ. Казань. 1915. Ц. 60 к.

Искусство.

БЕНУА, А. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Вышелъ выпускъ XVI. Принимается подписка.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Художествъ. Т. II. Біографическая. Сост. С. Н. Кондаковъ. Ц. 7 р. 50 к.

КРАСОВСКІЙ, М. Планы древне-русскихъ храмовъ. (Опытъ изслѣдованія допетровскаго церковнаго русскаго зодчества, въ связи съ церковнымъ зодчествомъ Византіи). Ц. 3 р.

МЕЖДУНАРОДНАЯ выставка графическихъ искусствъ въ Лейпцигѣ въ 1914 г. Ц. 1 р.

ФЕЛЬДМАНЪ, В. Свѣтъ и чистота красокъ въ живописи. Принципы импрессіонизма. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

ИВАНОВЪ, Б. Теоретическая механика. Статика. Ц. 2 р. 85 к.

МАКСИМОВЪ, Н. Введеніе въ общую ботанику. Лекціи для учителей. Ц. 90 к.

ПАВЛОВИЧЪ, С. Repetito ium къ практическимъ занятіямъ по зоологіи. Ц. 60 к.

ПОСПѢЛОВЪ, А. Фосфоресценція. Законъ убыванія яркости свѣта фосфоресценціи. Томскъ. 1914. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

КОРСУНСКІЙ, Д. Изъ поѣздки въ Галицію. Ц. 20 к.

КУЗЬМИНЪ, Е. По Африкѣ на автомобилѣ. Кругомъ Средиземнаго моря. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 3 р.

ПЕТРОВЪ, А. Объ этнографической границѣ русскаго народа въ Австро-Угріи, о сомнительной венгерской націи и о недѣлимости Угріи. Ц. 75 к.

ЦАРЬГРАДЪ. Подъ ред. И. Лазаревскаго. М. 1915. Ц. 4 р.

Языковѣдѣніе.

КОРАБЛЕВЪ, В. Образцы чешскаго литературнаго языка. Пособіе къ лекціямъ по чешской грамматикѣ. Ц. 60 к.

ЛЕСКИНЪ, А. Грамматика древне-болгарскаго языка. Казань. 1915. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

БОЙКОВЪ, В. Домашняя коза. Польза и способы ея разведенія. Ц. 25 к.

ЕЛИНЪ, И. Разведеніе цвѣтовъ въ домашнемъ саду. М. 1915. Ц. 35 к.

КАЛЬНИНКЪ, Э. Краткое руководство для приготовленія домашнимъ способомъ булокъ, хлѣба, кондитерскихъ печеній, тортовъ и проч. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

МАКРИНОВЪ, И. Бактеріальные землеудобрительные препараты и ихъ практическое примѣненіе. Ц. 1 р.

О СТРАХОВАНІИ СКОТА. Ц. 10 к.

ПАВЛОВЪ, П. Записки землевладѣльца. Ч. I. Ц. 2 р.

РАЕВСКІЙ, Ф. Канарейка, разведеніе, обученіе пѣнію, уходъ, болѣзнь и леченіе. Ц. 20 к.

ЧУЧУПАЛЪ, А. Сушка картофеля для кормовыхъ цѣлей. Ц. 20 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

КРИЧЕВСКІЙ, Л. Самоучитель для высшей подготовки на должность бухгалтера-корреспондента. Одесса. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

АЛЕКСАНДРОВЪ, П. Ковка жерновов и постройка различныхъ приспособленій для мукомольныхъ мельницъ. Ц. 30 к.

БОДРИ-ДЕ-СОНЬЕ, Л. Практическіе совѣты автомобилистамъ и шофферамъ. Ц. 6 р.

ВИКТОРОВЪ, П. Добываніе простѣйшими способами смолы, дегтя, угля, сажи, поташа, спирта, скипидара и вара. Съ 63 рис., табл. и кратк. смѣтами на постройку заводовъ. Ц. 60 к.

ГЕРСЕВАНОВЪ, Н. Постройка желѣзобетонныхъ опоръ для углеперегружателей въ Петроградскомъ портѣ. Ц. 50 к.

GROSSMAN, J. Элементы ученія о приборахъ и машинахъ химической промышленности. Кіевъ. 1915. Ц. 80 к.

ЕНИШЪ, П. Практическое руковод-

ство для всѣхъ работъ по гальваностегіи и гальванопластикѣ. Ц. 50 к.

КАЗИМІРОВЪ, А. Руководство къ техно-химическому анализу продажнаго сухого и сырого картофельнаго крахмала. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕОНАРДЪ, Г. Руководство къ приготовленію различныхъ чернилъ. Ц. 40 к.

МАКСИМОВЪ, В. Приданіе огнестойкости деревяннымъ постройкамъ. Вып. I. Съ 57 политип. Ц. 50 к.

— Вып. II. Саманная изба. Ц. 75 к.

МИТИНЪ, И. Руководство по выдѣлкѣ красной и сѣрой спиртовой подошвы. Ц. 50 к.

НОВГОРОДСКІЙ, М. Устройство запрудъ и плотинъ земляныхъ, фашинныхъ, каменныхъ и бетонныхъ, пригодныхъ для водопоя, орошенія и приведенія въ дѣйствіе, мельницъ, молотилокъ, лѣсопилокъ и проч. Ц. 1 р. 20 к.

ОПДЕРБЕККЕ, А. Ватерклозеты, отхожія мѣста и выгребныя ямы. Ц. 60 к.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ машиностроеніе. Отчетъ подсекціи сельско-хоз. машин. подъ ред. инж. П. А. Козьмина. Ц. 4 р.

ШЕНБЕРГЪ, С. Гидромеханика вязкой жидкости и гидравлическія фрикціонныя машины. Кіевъ. 1915. Ц. 3 р.

ШТАУБЪ, К. Къ вопросу о механическомъ освѣтленіи или біологическомъ обезвреживаніи канализаціонныхъ водъ гор. Саратова и спускѣ ихъ въ рѣку Волгу. Саратовъ. 1915. Ц. 50 к.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

ВЕНГЛОВСКІЙ, Р. Оперативная хирургія. М. 1915. Ц. въ пер. 5 р.

ГУРАРИ, Д. Пятигорскъ, его цѣлебныя силы. Ц. 50 к.

ЗЕЛЕНКОВА, А. Вегетаріанство, какъ средство для леченія и предупрежденія болѣзней. Ц. 20 к.

КИСЕЛЕВЪ, Н. Краткій курсъ акушерства. Т. I. Ц. 2 р. 25 к.

КЛИНГЕ, А. Русскій фармацевтическій мануалъ. Т. I. Ц. 3 р. 50 к.

ОБРАЗЦОВЪ, В. Къ физическому изслѣдованію желудочно-кишечнаго канала и сердца. Ц. 1 р. 75 к.

RIBBERT, Н. Учебникъ общей патологіи и общей патологической анатоміи. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

Военное и морское дѣло.

ВОЕННЫЙ флотъ Германіи. Справочная книжка. Цѣна 70 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АКИНФІЕВЪ, И. Какъ устраивать экскурсіи съ учащимися. Ц. 10 к.

АМЕНИЦКІЙ, Н. Ариѳметика въ связи съ методами преподаванія и исторіей развитія этого предмета. М. 1915. Ц. 1 р.

БЕРЕЗИНЪ, Н. Задачи и работы по географіи. Ц. 30 к.

— Начальная географія. Ч. II. Азія. Африка. Ц. 1 р.

ДѢТСКІЙ МІРЪ въ разсказахъ и картинахъ. Первая и вторая книга послѣ букваря для класснаго чтенія. Ч. I. Ц. 35 к. Ч. II. Ц. 50 к.

ИНДРИКСОНЪ, Ф. Начальныя свѣдѣнія изъ физики. Ч. I. М. Ц. 50 к.

ИСТРИНА, Е. Руководство по исторіи русскаго языка. Ц. 75 к., въ переплетѣ 90к.

ЛАУРСОНЪ, А. Законы о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ мин. нар. просв. О порядкѣ пріобрѣтенія званія учителя-цы средн. учебн. зав. Объ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ. Ц. 50 к.

ЛУКАШЕВИЧЪ, К. Великая война. Поэтическая хрестоматія для семьи и школы. М. Ц. 1 р. 50 к.

ПИНКЕВИЧЪ, А. Краткій учебникъ химіи, минералогіи и геологіи. Ц. 1 р. 50 к.

РАУДЭ, Ѳ. Этимологическій разборъ. Таблица-пособіе при изученіи этимологіи русскаго языка. Ц. 5 к.

— Синтаксическій разборъ. Ц. 5 к.

РОСТОВЦЕВЪ, С. Товаровѣдѣніе. Ч. I. Краткій очеркъ химическихъ явленій. М. 1915. Ц. 40 к.

ШАМРАЕВЪ, В. Пособіе при чтеніи и разборѣ произведеній русской словесности въ средн. учебн. зав. и дома. Вып. I. Ц. 1 р. 35 к.

ШАРРЕЛЬМАНЪ, Г. Живая вѣра въ преподаваніи и бесѣды о жизни съ дѣтьми и юношествомъ. М. Ц. 55 к.

ШУЛЬКЕВИЧЪ, О. Русская художественная литература XIX вѣка. Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ. Гоголь, Кольцовъ и друг. Одесса. 1915. Ц. 2 р.

ЩЕРБАКОВЪ, А. Учебная тетрадь для начальной географіи. Ц. 20 к.

ЯСИНСКІЙ, Е. Русская хрестоматія для письменнаго изложенія. Ц. 75 к.

Книги для дѣтей и юношества.

ПРІОРОВЪ, М. Подрастающему поколѣнію. Разсказы. Ц. 1 р.

РОБЕРТСЪ, Ч. Дѣти водъ и лѣсовъ. Ц. въ пер. 1 р. 60 к.

— Ребята дикихъ. Разсказы изъ жизни дѣтей животныхъ. М. 1914. Ц. 80 к.

СМИРНОВА, Е. Весна идетъ! Сборникъ для дѣтей младшаго возраста. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

Справочныя книги.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Великой Сибирской ж. д. 1915. Ц. 2 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Туркестану и жел. дор. Средне-Азіатской и Ташкентской. 1915. Ц. 2 р.

Разныя книги.

КАРИКАТУРЫ «Война и Пэмъ». Вып. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время", Петроградъ, Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ **Т-ва „Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по получе... ...ѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правил... заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

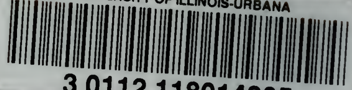
За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городской) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина
въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ **В. В. Глинскій.**

Такса на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за ½ стран. 45 р., за ¼ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за ½ стран. 35 р., за ¼ стран. 20 р.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118014205